

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

С.А. Боголюбов,
заведующий отделом аграрного, экологического
и природоресурсного законодательства ИЗиСП,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России

Г.А. Василевич,
заведующий кафедрой конституционного
права БГУ, профессор

В.Л. Кубышко,
кандидат педагогических наук

И.А. Калинин,
кандидат педагогических наук

С.С. Жевлакович,
кандидат социологических наук,
доцент,
Заслуженный работник
высшей школы РФ

К.К. Гасанов,
доктор юридических наук,
профессор

В.Ю. Федорович,
кандидат юридических наук,
доцент

А.В. Ендольцева,
доктор юридических наук,
профессор

В.О. Лучин,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

С.С. Маляев,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук,
доцент

Н.В. Румянцев,
доктор юридических наук

Ю.А. Цыпкин,
доктор экономических наук,
профессор

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

S.A. Bogolyubov,
Head of the department of agrarian, ecological
And Natural Resource Legislation ISTIP,
doctor Law, Professor, Honored
Scientist of Russia

G.A. Vasilevich,
Head of the department of constitutional
Rights of BSU, professor

V.L. Kubyshko,
candidate of pedagogical sciences

I.A. Kalinichenko,
candidate of pedagogical sciences

S.S. Zhevlakovich,
candidate of sociological sciences,
associate professor,
Honored worker
of higher school of Russia

K.K. Gasanov,
doctor of legal sciences,
professor

V.Yu. Fedorovich,
candidate of legal sciences,
associate professor

A.V. Endoltseva,
doctor of legal sciences,
professor

V.O. Luchin,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker of science of Russia,
Honored lawyer of Russia

S.S. Mailyan,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer of Russia

A.L. Mironov,
candidate of legal sciences,
associate professor

N.V. Rumyantsev,
doctor of legal sciences

Yu.A. Tsyppkin,
doctor of economic sciences,
professor

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of legal sciences,
doctor of economic sciences, professor,
winner of an Award of the Government of
Russia in the field of science and technology

B.S. Ebzeev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,
Honored lawyer of Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ, Почетный работник
науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

О.Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ

С.М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, доцент

LEGAL SCIENCES

S.V. Alekseev,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional
education of Russia, Honorary worker
of science and technology of Russia

Yu.M. Antonyan,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

A.V. Barkov,
doctor of legal sciences, professor

A.R. Belkin,
doctor of legal sciences, professor

E.V. Bogdanov,
doctor of legal sciences, professor

O.D. Zhuk,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary prosecutor of Russia

S.M. Zyryanov,
doctor of legal sciences, professor

O.Yu. Ilyina,
doctor of legal sciences, professor

N.G. Kadnikov,
doctor of legal sciences, professor

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences, professor

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher education of Russia

I.B. Kardashova,
doctor of legal sciences, professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences, professor,
judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I.I. Kotlyarov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

S.Ya. Lebedev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.N. Levushkin,
doctor of legal sciences, associate professor

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ

В.П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Г.Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

А.М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

А.С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Л.В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,

доктор юридических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

N.P. Maylis,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia, Honored worker of science of Russia

V.P. Malakhov,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

G.B. Mirzoev,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

N.V. Mikhaylova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

R.S. Mulukaev,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

A.M. Osavelyuk,

doctor of legal sciences, professor

A.S. Prudnikov,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.V. Simonenko,

doctor of legal sciences, professor

L.V. Tumanova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

E.N. Khazov,

doctor of legal sciences, professor

O.V. Khimicheva,

doctor of legal sciences, professor

N.M. Chepurnova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.P. Shergin,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л.П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

ECONOMIC SCIENCES

Yu.T. Akhvlediani,

doctor of economic sciences, professor

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor

L.P. Dashkov,

doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

Г.М. Казиахмедов,

доктор экономических наук, профессор

В.Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

М.А. Комаров,

доктор экономических наук, профессор

А.А. Крылов,

доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрещенко,

доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор

М.М. Максимцов,

доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

В.Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В.С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С.Г. Симагина,

доктор экономических наук, доцент

R.V. Ilyuhina,

doctor of economic sciences, professor

G.M. Kaziahmedov,

doctor of economic sciences, professor

V.G. Kogdenko,

doctor of economic sciences, professor

M.A. Komarov,

doctor of economic sciences, professor

A.A. Krylov,

doctor of economic sciences, professor

E.I. Kuznetsova,

doctor of economic sciences, professor

N.P. Kupreshchenko,

doctor of economic sciences, professor

I.A. Mayburov,

doctor of economic sciences, professor

M.M. Maksimtov,

doctor of economic sciences, professor, Honorary worker of higher professional education of Russia

V.B. Mantusov,

doctor of economic sciences, professor

V.S. Osipov,

doctor of economic sciences, professor

G.B. Polyak,

doctor of economic sciences, professor, Honored worker of science of Russia, member of RANS

S.G. Simagina,

doctor of economic sciences, associate professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

В.М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Б.А. Спасеников,

доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ

С.Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В.Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

I.V. Groshev,

doctor of psychological sciences, doctor of economic sciences, professor, Honored worker of science of Russia

V.M. Kruk,

doctor of psychological sciences, professor

B.A. Spasennikov,

doctor of jurisprudence, doctor of medical sciences, professor

A.M. Stolyarenko,

doctor of pedagogical sciences, doctor of psychological sciences, professor, Honored worker of higher school of Russia

S.N. Fedotov,

doctor of psychological sciences, professor

V.L. Tsvetkov,

doctor of psychological sciences, professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117437, Москва, ул. Академика
Волгина, д. 12

Начальник Московского
университета МВД России
генерал-майор полиции, кандидат
педагогических наук, доцент
И.А. Калининченко

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А.Л. Мионов
кандидат юридических наук,
доцент

Редактор
И.И. Кубарь
кандидат юридических наук

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

В подготовке номера
участвовали:
Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,

Верстка номера
А.П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723
Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» — 84629

Подписано в печать 17.06.2017 г.
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2017

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

ПРОФЕССОРА ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВИЧА МАЛАХОВА! 9

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

БАРЗИЛОВА И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов.....	10
ГАРАШКО А.Ю. Сравнительный анализ свойства системности источников права в рамках правовой теории и философии права.....	15
ДЕМБИЦКИЙ А.А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства.....	19
ДУБИНИНА Е.Н. Структурная характеристика свойств государственности.....	27
ЗАХАРОВ И.А. Структура дискреционного поведения.....	31
ИВАНОВ С.А. Использование отдельных социологических методов в юридических исследованиях: проблема достоверности.....	36
ИВЛЕВА Н.Ю. К вопросу о политической форме существования государства.....	39
ИСАКОВ В.М., МЕЛЬНИК Е.В. Трудоиспользование осужденных в исправительных учреждениях в период становления собственного производства (1960-1970 гг.).....	44
КЛИМЕНКО А.И. Функции и структура правовой идеологии современных государственно-организованных обществ и международных сообществ.....	48
КРАСИКОВ Е.А. Особенности идейно-правовых принципов взаимосвязи демократии и дисциплины.....	62
КУЛАКОВА Ю.Ю. Синергетическая модель системы права.....	67
КУЛИК О.В. Принципы легализации правовой практики.....	74
ЛАНОВАЯ Г.М. Функциональная характеристика права гражданского общества.....	79
ЛИЗИКОВА И.И. Особенности терминологического выражения права.....	83
МАЗУРОВ И.И. Правопритязание и притязание как категории общеправовой теории.....	86
МЕДУШЕВСКАЯ Н.Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход.....	89
МУРОМЦЕВ Г.И. Мононорма как стадия становления права.....	93
ПАВЛОВ В.И. Методология и антропология в философско-правовой концепции В.П. Малахова в контексте современной антропологии права.....	97
ПРАВКИН И.В. Значение системной методологии в исследовании структурно-содержательных особенностей правоохранительной системы.....	102
ПРАВКИНА И.Н. Правовые стратегии в основных формах современного права.....	107
РОДИОНОВА О.В. Солидарность общества как базовый принцип социального государства в контексте новых реалий.....	111
РЫЖОВ А.А. Муниципальное право в контексте типологии права В.П. Малахова.....	117
СЕМИНА О.С. Влияние культурно-исторических условий на содержание критериев правомерности: постановка проблемы.....	122
СИГАЛОВ К.Е. Правоспособность как концепт правовой жизни человека.....	125
СТЁПКИН Е.Ю. Идеи Я. Бильфельда об организации полиции и реформы Екатерины II.....	130
СТРОЕВА О.А. Типология права и правосознания: теоретико-правовая характеристика.....	134
ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г. Универсальность классической методологии при определении понятия и системы функций права в современном правоведении.....	138
ЧУВАЛЬНИКОВА А.С. Основания концептуальности правопонимания.....	142
ШУМИЛОВ А.Н. Результативность правоохранительной деятельности как следствие создания положительного социального образа.....	146
ГЕРАСИМОВИЧ Л.И. Конституционно-правовые основы формирования системы правоохранительных органов в сфере национальной безопасности.....	151
САУДАХАНОВ М.В., ХАЗОВА В.Е. Некоторые особенности организации местного самоуправления в Соединённых Штатах Америки.....	155
ХАЗОВ Е.Н., САУДАХАНОВ М.В. Местное самоуправление европейских государств (на примере Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Французской Республики, Итальянской Республики).....	158
ХИДЗЕВ А.Т. Об исполнительных директивах Президента США.....	162
ЧЕРВОНЮК В.И. Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права.....	166
ЧИХЛАДЗЕ Л.Т. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации.....	171
БЕСПАЛОВ Ю.Ф. Правовой режим товарных знаков и знаков обслуживания по гражданскому законодательству РФ.....	175

Оригинал-макет подготовлен издательством «ЮНИТИ-ДАНА», журналом «Закон и право»

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. (1-й завод — 300).

Отпечатано в типографии ООО «Контент-пресс»

Москва, ул. Складочная, д.1 стр.18

Тел. 8 (495) 971-82-90

ОПАЛЕВА А.А., ОПАЛЕВ А.В. Защита достоинства личности: моральная или правовая проблема?	179
РАМАЗАНОВА К.К. Международный опыт патентования компьютерных программ.....	182
РАСКАЗОВА Е.Н., УСТИМОВА С.А. Особенности правового статуса нотариальных палат	184
СИМОНЕНКО А.А. Современная уголовная политика в сфере противодействия незаконному уголовному преследованию: критический анализ	187
СОЛОВЬЕВ В.С. Использование социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних	192
НГУЕН ТХИ НГОК ИЕН. Заключение об определении стоимости имущества как источник доказательств в уголовном процессе социалистической республики Вьетнам.....	196
ЕГОРОВА Е.Н. Трудовое право Европейского Союза как отрасль европейского права	199
МОРГУН Д.О. Органы международной уголовной юстиции и Африканский союз: проблемы сотрудничества и взаимодействия на примере деятельности Международного уголовного суда.....	205
ФЕДУЛОВ В.И., ИВАНОВА Ю.А. Проблемы правового регулирования внешнеэкономических сделок	210
БАЛАЕВА Д.Р. К вопросу о субъектах обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации	214
БОГДАНОВ А.В., ХАЗОВ Е.Н. Основные направления деятельности полиции по предупреждению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.....	218
ДАВЫДОВ В.О. Транснациональная преступная деятельность экстремистского характера: к вопросу о дефиниции	223
ВАЛИЕВ Н.Д. Правовые основы взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан с общественными объединениями.....	226
КОСОВ М.Е. Подходы к оценке рисков и критерий оценки финансовой устойчивости НПФ.....	229
МАРКИНА Э.В., СОСНОВСКАЯ Ю.Н. Сотрудничество с гражданами как одно из основных положений, реализуемых Федеральным законом «О Полиции».....	236
СМИРНОВ М.А. Угрозы общественной безопасности на метрополитенах.....	240
ВАСИЛЬЕВ Ф.П., ЭРИАШВИЛИ Н.Д., БЕРЕЖКОВА Н.Ф., НОВИКОВ Д.Н., ШАШКАРОВ В.Н., АНОХИНА С.Ю., МАМЕДОВ Э.Ю. В чем суть необходимости совершенствования обеспечения правопорядка и безопасности и издания адресных нормативно-правовых актов? (административного правового регулирования вопросов в области использования общественных формирований - внештатных сотрудников).....	244

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

КОРНЕВА Ю.Ю., ЛЕБЕДЕВ И.Б., МИЛЮКОВА Ю.Д. Личностно-средовые ресурсы и их роль в процессе адаптации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России к условиям служебной деятельности	252
БИЧЕ-ООЛ С.Ш. Анализ эмпирического исследования по формированию этнопсихологической компетентности руководителей территориальных ОВД	258
СЛЕСАРЕВА Е.А., МИХАЙЛОВА С.Ю., МИРЗАХМЕДОВ Д.Ш. Особенности взаимосвязи ценностно-смысловых факторов и ценностных ориентаций курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.....	262
УЛЬЯНИНА О.А. История становления компетентного подхода в зарубежной науке и практике.....	267
ДЕУЛИН Д.В., ФЕДОРЕНКО В.В., ПИЦЫК Л.А. Практика психологического взаимодействия в рамках полиграфной проверки с лицом, причастным к совершению преступления экономической направленности.....	273

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГАЛУШКИН А.А. Особенности становления предпринимательства в Российской Федерации	278
ЖАРЫЛГАСОВА Б.Т., СУГЛОБОВ А.Е., САВИН В.Ю. О важности правильной формулировки цели экономического анализа	281
ТОЛПЫШЕВ Г.В., СВЕТЛАКОВ А.Г. Механизм декриминализации в сфере лесопромышленного комплекса.....	286
ЭРИАШВИЛИ Н.Д., САМАТОВА А.Ф. Политика импортозамещения как фактор обеспечения экономической безопасности Российской Федерации	291
ЮСИМ В.Н., ГОВОРИН А.А., СВИРЧЕВСКИЙ В.Д., КОСТИН А.В. Макроконстанты развития и экономическая безопасность страны	294

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117437, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Head of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, major
general of police, candidate of
pedagogical sciences, associate
professor*

I.A. Kalinichenko

*Scientific editor, responsible
for the publication, the winner
of the award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
doctor of economics, candidate
of law sciences, candidate
of historical sciences,
professor*

N.D. Eriashvili

*E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30*

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

A.L. Mironov

*candidate of law sciences,
associate professor*

Editor

I.I. Kubar

candidate of law sciences

Executive secretary

D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*

L.S. Antonenko,

M.I. Nikitin,

Imposition

A.P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» — 84629**

*It is sent for the press 17.06.2017
Contractual price*

Editorial Staff address:

109028, Moscow,

Malyj Ivanovskij per., d. 2.

Tel. 628-57-16

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

VESTNIK

MOSKOVSKOGOUNIVERSITETAMVDROSSII

Contents № 3 • 2017

**CONGRATULATIONS ON THE ANNIVERSARY
OF PROFESSOR VALERY PETROVICH MALAKHOV!.....9**

JURISPRUDENCE

BARZILOVA I.S. Concept and legal nature of legal regimes	10
GARASHKO A.Y. The consistency of the sources of law in the context of legal theory and philosophy of law.....	15
DEMBITSKIY A.A. General characteristics of legal and non-legal functions of the state	19
DUBININA E.N. Structural characterization of state properties.....	27
ZAKHAROV I.A. The structure of discretionary behavior.....	31
IVANOV S.A. The use of certain sociological methods in legal research: the problem of reliability	36
IVLEVA N.YU. The question of the political form of existence of the state	39
ISAKOV V.M., MELNIK E.V. Trudoispol'zovanie convicts in correctional facilities during the formation of own production (1960-1970).....	44
KLIMENKO A.I. Functions and structure of law ideology in the modern stately-organized societies and in international communities	48
KRASIKOV E.A. Features of the ideological and legal principles relationship between democracy and discipline	62
KULAKOVA YU.YU. Synergetic model of the legal system.....	67
KULIK O.V. Principles of the legal practice legalization	74
LANOVAYA G.M. Functional characteristics of the law of civil society	79
LIZIKOVA I.I. The peculiarities of terminological expressions of law	83
MAZUROV I.I. Right of claim and the claim as a category of General legal theory.....	86
MEDUSHEVSKAYA N.F. Features of legal mentality of Russians: axiological approach	89
MUROMTSEV G.I. Mononorm as a stage of the formation of the law	93
PAVLOV V.I. Methodology and anthropology in the professor Malakhov philosophical and law concepts of the context modern anthropology law.....	97
PRAVKIN I.V. The value of system methodology in the study of structurally-substantial characteristics of the law enforcement system.....	102
PRAVKINA I.N. Legal strategies in the major forms of modern law.....	107
RODIONOVA O.V. Social solidarity as a basic principle of the social state in the context of new realities	111
RYZHOV A.A. Municipal law in the context of the typology of law V.P. Malakhov.....	117
SEMINA O.S. The influence of cultural and historical conditions on the content of criteria of legality: the problem	122
SIGALOV K.E. Capacity as a concept legal human life	125
STYOPKIN E.Y. The ideas of J. Bilfeld about the organization of police and the reform of Catherine II	130
STROEVA O.A. Typology of the right and the legal consciousness: theoretical and legal characteristic.....	134
CHERNYAVSKIY A.G. The versatility of a classic methodology in the concept definition and the system of law functions in the contemporary legal science	138
CHUVALNIKOVA A.S. The foundation of the conceptualization of legal consciousness	142
SHUMILOV A.N. The performance of law enforcement activities by establishing a positive social image.....	146
GERASIMOVICH L.I. Constitutional and legal bases of formation of system of bodies in the sphere of national security	151
SAUDAKHANOV M.V., KHAZOVA V.E. Some peculiarities of organization of local self-government in the United States of America.....	155
KHAZOV E.N., SAUDAKHANOV M.V. Local self-government of European states (on the example of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, French Republic, Italian Republic).....	158
HIDZEV A.T. About executive orders of the President of the USA	162
CHERVONYUK V.I. Abuse of right in the sphere of the action of private and public law	166
CHIXLADZE L.T. Local government in the system of public authorities in the Russian Federation.....	171

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA» and by the journal «Law and Legislation»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)
It is printed in Company
OOO «Center-press»
Moscow, street Skladochnaja
d.1 str.18
Ph. 8 (495) 971-82-90

BESPALOV YU.F. The legal regime of trademarks and service marks under the civil legislation of the Russian Federation.....	175
OPALEVA A.A., OPALEV A.V. Protection of personal dignity: moral or legal problem?	179
RAMAZANOVA K.K. International experience of patentability of computer programs.....	182
RASSKAZOVA E.N., USTIMOVA S.A. Peculiarities of the legal status of the notary chambers.....	184
SIMONENKO A.A. Modern criminal policy in the sphere of combating illegal criminal prosecution: a critical analysis	187
SOLOVEV V.S. The using of internet social segment for of criminal acts against sexual inviolability of minors	192
NGUYEN THI NGOC YEN. Conclusion on the Determination of the Value of Property as a Source of Evidence in the Criminal Process of the Socialist Republic of Vietnam	196
EGOROVA E.N. European Labour Law as a branch of European Law	199
MORGUN D.O. The organs of international criminal justice and the African Union: problems of cooperation and interaction on the example of the International Criminal Court	205
FEDULOV V.I., IVANOVA YU.A. Problems of legal regulation of the external economic transactions.....	210
BALAYEVA D.R. Territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in system of ensuring regional security	214
BOGDANOV A.V., KHAZOV E.N. The main directions of activities of police on prevention and the prevention of juvenile delinquency.....	218
DAVYDOV V.O. Transnational criminal activity of extremist character: to a question of a definition.....	223
VALIYEV N.D. Legal basis for interaction between the bodies of internal affairs of the Republic of Tajikistan and public associations.....	226
KOSOV M.E. Approaches to risk assessment and the criterion for assessing financial sustainability of APFs.....	229
MARKINA EV, SOSNOVSKAYA YU.N. Cooperation with citizens as one of the main provisions implemented by the Federal Law “On Police”	236
SMIRNOV M.A. The threat to Public safety on subways	240
VASILIEV F.P., ERIASHVILI N.D., BEREZHKOVA N.F., NOVIKOV D.N., SHASHKAROV V.N., ANOKHIN S.YU., MAMEDOV E.YU. In what the essence of the need of improving the guarantee law and safety and the publications adresykh of normative — lawful reports? (administrative right regulation of questions in the field of uses of public formations — of freelancers)	244

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

KORNEVA YU.YU., LEBEDEV I.B., MILYUKOVA YU.D. Personally-environment resources and their role in the process of adaptation of the staff of the forensic-criminalistic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the conditions of official activity	252
BICHE-OOL S.S. Analysis of empirical research on ethnopsychological formation of competence heads of territorial police department.....	258
SLESAREVA E.A., MIKHAILOVA S.U., MIRZAAKHMEDOV D.SH. The features of the relationship of axiological factors and value orientations of cadets and students of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot	262
ULYANINA O.A. The history of the formation kompetentnostnogo approach to foreign science and practice.....	267
DEULIN D.V., FEDORENKO V.V., PITSYK L.A. Specifics of establishment of psychological contact in the framework of the polygraph testing the person involved in Commission of crimes of economic orientation	273

ECONOMIC SCIENCE

GALUSHKIN A.A. Features of the Entrepreneurship Formation in the Russian Federation	278
ZHARYLGASOVA BT, SUGLOBOV AE, SAVIN V.YU. On the importance of the correct formulation of the purpose of economic analysis.....	281
TOLPYSHEV G.V., SVETLAKOV A.G. Mechanism of decriminalization in the sphere of timber industry complex	286
ERASHVILI N.D., SAMATOVA A.F. The policy of import substitution as a factor of ensuring the economic security of the Russian Federation	291
YUSIM V.N., GOVORIN A.A., SVIRCHEVSKIY V.D., KOSTIN A.V. Macroconstants of development and economic security of the country	294

**ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ
ПРОФЕССОРА
ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВИЧА МАЛАХОВА!**

Валерий Петрович — профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации родился 27 февраля 1947 г. в Москве. В 1965 г. он поступил на философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и в 1970 г. успешно окончил его. По окончании военной службы в 1972 г. поступил на работу в Высшую школу МВД СССР. В 1975 г. он перешел на преподавательскую работу в Московскую высшую школу милиции МВД СССР, впоследствии реорганизованную в Московский юридический институт МВД СССР, затем в Московскую академию МВД России, а в 2002 г. в Московский университет МВД России, сегодня Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, где работает и сегодня.

В.П. Малахов — яркий ученый, он является одним из активных разработчиков методологии философско-правового исследования, теории правосознания; теории права человека, проблем взаимосвязи права и морали, правовой культуры и др. Он является основателем и признанным лидером сформированной в Университете научной школы философии права, которая стала источником новых идей в области теории и философии права. Влияние этой школы ощутимо

в академической среде. Ученики Валерия Петровича вносят существенный вклад в развитие юридической науки и практики в нашей стране. Всего В.П. Малахов подготовил ряд докторов и более тридцати кандидатов наук, множество молодых ученых он вдохновил словом и личным примером на научные свершения.

Валерий Петрович является автором более ста тридцати научных, учебных и учебно-методических работ, многие из которых широко известны российскому и зарубежному читателю. В.П. Малаховым в 2007 г. была разработана структура уникального курса теории государства и права, которая впоследствии была принята за основу в высших образовательных учреждениях МВД России. Валерий Петрович сегодня активно занимается подготовкой адъюнктов, он разработал авторский курс философии права для адъюнктов и аспирантов.

Валерий Петрович работает в Ученом совете Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, является членом редакционно-издательского совета вуза, заместителем председателя двух докторских диссертационных советов Университета и членом диссертационного совета при Российском университете дружбы народов; долгое время он возглавлял координационный совет в системе вузов МВД России по научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Валерий Петрович!

Примите наши самые сердечные поздравления с Юбилеем!

**Пусть Вас не оставляет вдохновение, а во всех начинаниях сопутствует успех.
Желаем Вам новых творческих свершений, крепкого здоровья! Любим Вас и ценим!**

*Коллектив Университета и редакция журнала
Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

УДК 340.12
ББК 67.0

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

ИННА СЕРГЕЕВНА БАРЗИЛОВА,

*доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: ktgp@msal.ru*

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается понятие правового режима, юридические основания и механизмы формирования правовых режимов. Автор особое внимание уделяет концептуализации понятия правового режима, осуществляя логический анализ данного понятия. В работе под правовым режимом понимается совокупность нормативно-правовых установлений и мероприятий, посредством которых создается особая упорядоченность правового регулирования в соответствии с поставленными в действующем законодательстве целями и задачами, обуславливающая характер взаимодействия между субъектами в рамках правоотношений.

Ключевые слова: правовой режим, режим, понятие правового режима, юридическая природа, правовой механизм, реализация права, юридические понятия.

Annotation. The article discusses the concept of a legal regime, the legal grounds and mechanisms of legal regime. The author pays special attention to the conceptualization of the definition of the legal regime, carrying out a logical analysis of the definition. In the article the legal regime is understood as a set of normative and legal establishments and activities, through which a special ordering of legal regulation is created in accordance with the aims and objectives in the current legislation.

Keywords: the legal regime, the regime, the definition of a legal status, legal nature, legal framework, the implementation of law, legal definitions.

В современной юридической науке проблема выстраивания единого понятийного ряда приобретает особую важность. В большей степени это касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях высокой динамики российского законодательства значительно возрастает. Не случайно за последнее время актуализировались дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим вопросам юридических дефиниций¹. Необходимость проведение логического анализа применяемых определений предопределена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений в юридических актах. Дефиниции позволяют придать известную упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство в целом. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно оформляя ее.

Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения от-

дельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или наоборот существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе.

По всей видимости, имеет место и проблема неполного соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что придает на современном этапе особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки в целом, нужда-

ющей в обширном философском и науковедческом контексте.

Так, использование в нормативных правовых актах на протяжении длительного времени понятия правового режима не привело, однако, к его конкретизации, что в известной степени явилось фактором дестабилизации при правовой регламентации отдельных групп общественных отношений. В отраслевом законодательстве правовой режим довольно часто отождествляется с юридической процедурой, правовым механизмом, способом правового регулирования и т.п., что не совсем верно.

Термин «режим» (от лат. *regimen*) довольно многогранен. Под ним понимается метод управления, совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели, распорядок дел, действий; условия деятельности, работы; государственный строй².

Исследования, касающиеся терминологического дефинирования правовых режимов, ведутся в основном в рамках общей теории права, на отраслевом уровне практически не предпринимается попыток в подобном направлении. Более того, можно говорить о существовании различных подходов к определению режимов в сфере публичного и частного права, что предопределено самой спецификой регулируемых отношений.

В отраслях российского права существует множество режимов (например, таможенные, административные режимы, режимы землепользования, режим имущества супругов и т.д.), каждый из которых имеет свои особенности, обусловленные предметом правового регулирования.

Правовой режим, думается, можно определить как совокупность нормативно-правовых установлений и мероприятий, посредством которых создается особая упорядоченность правового регулирования в соответствии с поставленными в действующем законодательстве целями и задачами, обуславливающая характер взаимодействия между субъектами в рамках правоотношений.

Унификация применяемых в действующем законодательстве дефиниций правового режима связана, по всей видимости, с выделением специфических особенностей последнего независимо от его отраслевой принадлежности.

Правовые режимы всегда имеют нормативную основу, включающую в себя совокупность соответствующих приемов, средств, способов организации поведения субъектов правоотношений. «Как только право рассматривается в динамике, в функционировании, — пишет С.С. Алексеев, — оно сразу же раскрывается новыми существенными гранями, сторонами своей институциональности, и возникает необходимость много-

планового освещения правового регулирования, таких его сторон, как механизм, способы, методы, типы регулирования, а теперь еще правовые режимы³. Создаваемая посредством правовых режимов «схема» регулирования общественных отношений позволяет учитывать многие политические, социально-экономические, временные, пространственные и многие другие факторы развития социума.

Деятельность по подготовке, принятию и опубликованию подобных нормативно-правовых актов осуществляется в рамках закона, прежде всего Конституции Российской Федерации, устанавливающей общие принципы правовых режимов, в соответствии с демократическими принципами правотворчества. Более подробно режимы регламентируются различными по уровню и содержанию нормативными правовыми актами. В настоящее время наблюдается определенный отход от ведомственной регламентации правовых режимов, их регулирование переносится на уровень федеральных и региональных законов.

Правовые режимы всегда осуществляются с помощью специальных процедур, понимаемых как система последовательных юридически значимых действий, осуществляемых соответствующими субъектами, закрепленная в действующих нормах права. Юридические процедуры существуют в рамках правовых режимов как системы правового регулирования, основанной на единых принципах и подходах, состоящей из совокупности определенных правовых средств, оказывающих воздействие на общественные отношения. Процедуры являются выражением правовых режимов, они охватывают все виды правовой регламентации длящихся во времени юридических действий и наряду с правовыми средствами выступают в качестве составляющих их элементов⁴. Правовые процедуры в целом связаны с реализацией юридических норм, представляя собой последовательно сменяющиеся детально регламентированные поведенческие акты субъектов правоотношений. Они устанавливаются процедурно-организационными нормами и могут носить как нормативный, так и индивидуальный характер. Для юридических процедур характерна строгая последовательность действий связанная с претворением в практическую действительность норм материального права.

Правовые режимы включают целый набор методов и типов правового регулирования. По сравнению с юридическими процедурами правовые режимы характеризуются большей статичностью, так как направлены на закрепление того или иного статуса общественных отношений. Правовые процедуры — это динамическая часть режимов, существующих в рамках определенной отрасли.

Правовые режимы имеют формально- юриди-

ческий (закрепляются действующим законодательством), и содержательный (сами меры, действия, средства, применяемые в их рамках) аспекты.

В правовых режимах устанавливается правовой статус субъектов, закрепляются их субъективные права и юридические обязанности, определяется порядок взаимоотношений между ними. Думается, главное место принадлежит способам правового регулирования, среди которых в каждом конкретном случае выделяется главный, решающий, доминирующий, определяющий, в конечном счете, характер самого режима, степень жесткости правового воздействия, активности и самостоятельности субъектов.

Все правовые режимы направлены, в конечном счете, на упорядочение общественных отношений в соответствии с целями и задачами, обозначенными в нормативных правовых актах, что придает известную целостность правореализационному процессу. Создается своего рода правовой «климат», настрой в регулировании отдельных видов социальных связей, достигаемый с помощью средств государственного воздействия, заранее включаемых в структуру того или иного правового режима. Прежде всего, речь идет об юридических инструментах. Вместе с тем, как часть государственного режима, правовой режим может обеспечиваться и экономическими, политическими, идеологическими средствами, более объемными и масштабными по своему значению и характеру, во многом определяющими качество используемых правовых инструментов, степень и уровни государственного воздействия.

Экономические, политические, идеологические, культурные и иные средства гарантирующего характера можно рассматривать как своего рода вспомогательный элемент правовых режимов. Это система условий, факторов действующих опосредованно, через призму именно юридических норм, определяющих только «общую канву» праворегулирующего процесса. В контексте данных элементов более уместно говорить о режимах регулирования социальных связей в целом, в которых задействованы не столько правовые, сколько социальные нормы (нормы нравственности, морали, этические, религиозные, различного рода корпоративные правила поведения). Обозначенные социальные нормативные регуляторы играют роль гарантий общего характера, обеспечивающих надлежащую реализацию правовых норм, должный уровень общественного порядка, культуры, что, в конечном счете, влияет на правопорядок, законность.

Правовые режимы можно рассматривать и в качестве социокультурного явления в юридической действительности, аккумулирующей в той или иной степени сложившиеся и устоявшиеся в обществе

традиции. Они позволяют праву как государственно-властному регулятору быть высокочувствительным к природе и имманентной нормативности регулируемых им объектов, не подменяя развитие социальной среды, а усиливая, охраняя ее, создавать необходимые условия и ориентиры, давать общее направление и общие цели. Подобная совокупность правовых установлений и форм правореализационной практики играет существенную роль в поддержании авторитета власти, стабильности общественного порядка, в сглаживании различного рода социальных конфликтов путем согласования, гармонизации существующих законных интересов и потребностей, приведению конкуренции между индивидами в разумные рамки.

В правовых режимах нормативно устанавливается степень государственного упорядочивающего воздействия как на общественные отношения в целом, так и на поведение индивидов. Определяется уровень применения различного рода органичений, обязываний и запретов, а также дозволений, льгот и привилегий; очерчиваются границы использования так называемых юридических возможностей. Степень предоставляемых субъектам правоотношений свобод зависит от существующего в рамках той или иной отрасли типа правового регулирования (преобладание разрешительного в публичных отраслях права, общедозволительного — в отраслях частного права).

На отраслевом уровне, как уже отмечалось, нет единого подхода к определению правовых режимов, из которого в ряде случаев исключаются отдельные составляющие его элементы, компоненты или виды юридических средств. Обращает на себя внимание тот факт, что в публичных отраслях права в большей степени по сравнению с частноправовой сферой наблюдается терминологическое обозначение применяемых правовых режимов, что связано, по всей видимости, с особенностями используемых здесь методов правового регулирования, применяемом режимном управлении (административное, таможенное право). Повышение роли режимов в области публичного права обусловлено, думается, отходом от практики использования преимущественно ведомственного регулирования, заменяемого законодательством Российской Федерации, законами ее субъектов. При характеристике акцент делается в основном на ограничивающих правовых средствах (запретах, приостановлениях, ограничениях), юридический же инструментарий стимулирующей направленности (поощрения, льготы) остается без внимания, не обозначается в даваемом конкретному режиму определении.

В публичных отраслях правовой режим может применяться в отношении как конкретного объекта (таможенный режим (процедура) экспорта энергоно-

сителей, режим ввоза и вывоза культурных ценностей, режим государственной границы), так и определенной ситуации (режим контртеррористической операции, режим чрезвычайного и военного положения).

В сфере гражданского и семейного права правовые режимы, думается, связаны с обозначением в основном субъективных прав и юридических обязанностей, что подтверждается использованием таких категорий, как «режим общей долевой собственности», «режим совместной собственности», «правовой режим жилых помещений», «правовой режим договора» и т.д. Вместе с тем в ряде случаев порядок режимного регулирования может устанавливаться и в отношении определенных объектов (например, конфиденциальной информации). Объем субъективных прав и юридических обязанностей, устанавливаемых в рамках гражданско-правовых режимов в отношении того или иного объекта, удовлетворяющего определенные потребности индивидов, позволяет выделять среди них средства производства и предметы потребления; потребляемые и не потребляемые, делимые и не делимые, движимые и недвижимые вещи.

Для более точного терминологического обозначения правовых режимов важно четко обозначить составляющие их компоненты. Сюда необходимо включать, прежде всего, цели правового регулирования определенных видов отношений, связанные с созданием идеальной модели, предвосхищением в сознании результата, на достижение которого направлены действия субъектов. Совершенствование правового регулирования связано с обозначением параметров телеологической информации в тексте нормативно-правового акта.

В состав правового режима входят и принципы регулирования, способствующие более точному отражению его сущности и назначение (например, является ли этот режим общим или специальным). Они выступают своеобразными ориентирами, позволяющими создать общую систему режимов, применяемых в той или иной отрасли права. Подобные основополагающие начала выступают в качестве фундаментальной основы конструирования каждого отдельного правового режима в целом, определяют перечень применяемых в его рамках юридических средств и правовых процедур. К числу принципов правовых режимов можно отнести следующие: законность, гласность, правовое равенство, объективность, профессионализм, системность, процессуальная экономия, защита прав и свобод человека и гражданина.

Немаловажное значение при терминологическом обозначении придается и объектам правового регулирования, по поводу которых во многих случаях и конструируются, создаются в действующем законо-

дательстве те или иные правовые режимы; правовому статусу субъектов, предусматривающему особый порядок реализации предоставленных им прав и возложенных обязанностей; нормативной основе.

Юридические режимы должны включать и определенные гарантии, инструменты обеспечения надлежащей реализации интересов и потребностей субъектов правоотношений.

Важность унификации применяемых законодательных дефиниций обусловлена и усложнением в целом юридических понятий и терминов, громоздкостью текстов нормативно-правовых актов. Это создает известные трудности и в плане осуществления интерпретационной деятельности, особенно в контексте активного «внедрения» в российскую правовую действительность такой формы права, как юридический прецедент.

Точность в формулировании дефиниций нормативно-правовых актов позволит избежать возникновения разночтений, тавтологии, неоднозначности в понимании правовых текстов, коллизий между общими и специальными юридическими нормами. Кроме того, правотворческими органами активно «внедряются» в правовую материю абсолютно новые термины, которые нуждаются в дефинировании. Высокую динамику лексики современной российской юриспруденции обуславливают и происходящие миграционные и глобализационные процессы.

Реализация правовых режимов осуществляется целой системой органов государственного управления различного уровня, осуществляющих в ходе своей деятельности процедурное обеспечение проводимой правовой политики в современной России. Посредством режимного регулирования государство оказывает существенное влияние на социальные процессы, изменяя в необходимых случаях их направленность, интенсивность, качественные и количественные характеристики. В рамках режимного регулирования фактически определяется значимость объекта с учетом его особенностей и характеристик, а также придается особый статус конкретной ситуации. Это придает известную целостность правовой системе, обеспечивая, в конечном счете, ее нормальное и единообразное развитие и функционирование при воздействии на нее факторов объективной и субъективной реальности.

Правовые режимы в условиях довольно высокой динамики современных общественных отношений позволяют придать им известную устойчивость. Социальные процессы с помощью режимного нормативного упорядочивающего воздействия одинаково протекают на всей территории государства, характеризуются определенным постоянством, в той или иной степени прогнозируемыми изменениями. В рамках

правовых режимов определяется предназначение предмета правового регулирования, характер должного и возможного поведения. Немаловажное значение в этом плане приобретает и нормативно установленная система гарантирующих средств, включающих, в том числе, и средства государственного принуждения. Таким образом, достигается заранее запрограммированный социальный эффект.

Режимное управление, осуществляемое государственными органами различного уровня и функциональной направленности, довольно часто приобретает превентивный характер.

Одним из методологических приемов, с помощью которого возможно унифицировать весь понятийный ряд устанавливаемых действующим законодательством правовых режимов, является проводимая по определенным основаниям классификация.

Проведение видовой градации позволит, думается, определить и наиболее вероятные «участки» возникновения противоречий в терминологическом дефинировании правовых режимов, что особенно актуально в контексте формирования новых отраслей и институтов права, модернизации федеративных отношений в современной России.

Так, в зависимости от предмета правового регулирования выделяют конституционный, гражданский, административный, финансовый, земельный, информационный, таможенный и т.д. режимы.

В соответствии с содержанием обозначаются общие, специальные и комплексные правовые режимы; материальные (валютный режим) и процессуальные режимы (таможенный режим перемещения товаров через таможенную границу).

В зависимости от субъектов, в отношении которых они устанавливаются, выделяют режим беженцев, вынужденных переселенцев; граждан, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством; объектов — режим недвижимого имущества, режим земель

сельскохозяйственных организаций, режим иностранных инвестиций, режим имущественного комплекса; времени — постоянные и временные режимы; формы выражения — режим, установленный в действующем законодательстве и договорной режим; сферы использования — международный и внутригосударственный режим; уровня нормативных актов — общефедеральный, региональный, муниципальный и локальный режим; направленности правового регулирования — стимулирующие и ограничивающие правовые режимы.

Верное терминологическое обозначение правовых режимов будет направлено на повышение качества правореализационного процесса, позволит с информационной точки зрения более точно отразить волю законодателя, те идеи и замыслы, претворению которых и должен способствовать тот или иной нормативно-правовой акт. Унификация законодательных дефиниций приобретает особое звучание и в плане совершенствования ведомственного нормотворчества, определения которого должны вписываться в общую логически выверенную систему применяемой юридической терминологии как на общефедеральном, так и региональном уровнях.

¹ Законодательная техника/ под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000; Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола»/ под ред. В.М. Баранова, И.С. Пацуркинского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007; Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды// Журнал российского права. № 12. 2009. С.58-67 и др.

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.—СПб., 2000. С.1005; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка./ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1993. С. 696.

³ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 243.

⁴ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С.122-123; Он же. Структура советского права. М., 1975. С. 237.

УДК 340.12
ББК 67.0

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВОЙСТВА СИСТЕМНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В РАМКАХ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

АННА ЮРЬЕВНА ГАРАШКО,

*старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

кандидат юридических наук,

E-mail: garashkoanna@rambler.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлен сравнительный анализ позиционирования источников права как системы в рамках юридической теории и философии права. Рассматриваются особенности формирования такой системы, ее происхождение, природа и сущность в контексте двух данных направлений исследования. Основной вывод работы: системность источников права приобретает специфику и отличительные особенности в зависимости от того, в рамках какой сферы познания она исследуется. Юридическая теория и философия права, благодаря различной методологии и содержанию, придают такой системе кардинально отличный характер. Необходимость анализа системы источников права в том или ином контексте напрямую зависит от целей и задач исследователя, того результата, к которому он хочет прийти.

Ключевые слова: право, источник права, система источников права, правосознание, правопонимание, юридическая теория, философия права.

Annotation. The author conducts a comparative analysis of the positioning of the sources of law as a system within the framework of legal theory and philosophy of law. The article considers peculiarities of formation of such system, its origin, nature and essence in the context of these two areas of research. The main conclusion: systematic sources of law acquire the specificity and distinctive features depending on the sphere of knowledge it is investigated. Legal theory and philosophy of law, due to the different methodology and content, give this system fundamentally different in nature. The need analysis system of sources of law in some context depends on the goals and objectives of the researcher, the result to which he wants to come.

Keywords: law, source of law, system of sources of law, legal consciousness, legal thinking, legal theory, philosophy of law.

Источник права — одна из основных категорий правовой науки. Вопросами: откуда происходит право, что является его источником, — задаются ученые и мыслители с момента первой попытки рационального осмысления феномена самого права, его природы и сущности. Представители различных школ права, многочисленных типов правопонимания, концепций и подходов к праву дают разные ответы на данные вопросы.

Вместе с тем, решение проблем содержания понятия источника права, его первоначального появления и воспроизводства непосредственно зависит от исследования характера и особенностей системы таких источников, их системообразующих свойств. Наличие и специфика системы источников права обуславливают возможности существования и дальнейшего развития

права в целом, оказания воздействия на такое развитие в целях его корректировки и повышения эффективности функционирования, предупреждения негативных последствий.

Однако при всей своей значимости вопрос системности источников права до сих пор не решен однозначно, что связано, как с полисемантической природой понятия источник права, так и с различными подходами, существующими в рамках системной методологии.

Так, по мнению Г.И. Муромцева, источники права образуют систему, отличающуюся иерархическим принципом построения, «при котором каждый из нисходящих источников права действителен лишь в той мере, в какой соответствует предписаниям вышестоящих источников»¹.

Ф.М. Гаджинова утверждает следующее: «источ-

ники права представляют собой целостную функционально взаимосвязанную систему, составляющую самостоятельный компонент национальной правовой системы»².

Б.Б. Балданов выделяет в системе источников современного российского права следующие элементы: нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры, юридические прецеденты, правовые обычаи³.

Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов анализируют систему нетрадиционных источников права, состоящую из правовых обычаев, нормативных договоров, нормативных актов общественных объединений, правовых доктрин и правоприменительной практики⁴.

Также, взгляд на систему источников права в рамках юридической науки в целом отличается от представлений о такой системе в философии права. Основные отличия заключаются в следующем.

Философия права ставит во главу угла человека как правовое существо⁵, обладающее правовыми чувствами, эмоциями, индивидуальными притязаниями. Соответственно, первоначальным и, по сути, единственным подлинным источником права выступает правосознание индивида. «Философия права имеет дело с человеком как с правовым существом. Это существо надо просто принять, как условие всего остального в философствовании о праве... Право не может породить правосознание. Оно вообще возможно только потому, что существует правосознание. Право живет в правосознании, а не наоборот»⁶. Именно правосознание вызывает в дальнейшем к жизни появление нормативных правовых актов, судебных прецедентов, принципов права, норм права, правоотношений, правовых обычаев, юридических фактов и др. Для философии права такие явления выступают следствиями, формами или внешними способами закрепления права, берущего начало в человеке.

Вышеперечисленные правовые явления рассматриваются различными школами права в рамках юридической теории как источники права, то есть, то, что право порождает и воспроизводит. Наиболее распространёнными в настоящее время являются позитивистский и социологический подходы к праву, позиционирующие государство в целом во всем многообразии его проявлений и общественные отношения как источники права.

Рассматривая человека как единую сложную систему, состоящую из множества различных подсистем (центральная нервная система, интеллект, органы человеческого тела и др.), философия права закономерно предполагает наличие упорядоченности, внутренней организованности источников права.

Юридическая теория «видит» систему источников права лишь с позиции юридического позитивизма,

государственно обусловленной системы нормативных правовых актов. Такие акты находятся в строгой иерархической зависимости, обладают различными «статусами»: юридической силой, адресатом реализации, властным органом принятия.

Философия права способствует взгляду на любой предмет исследования как единой целостности, системы. При этом философия права не исчерпывается индуктивностью: с одной стороны, правовые явления, в том числе, и источники права, предстают в виде совокупности, то есть, целое предстает в единичном, а, с другой стороны, единичное предстает как часть целого, как его необходимая составляющая, играющая особую неповторимую роль в системе. «Философия должна научиться видеть всеобщее, целое, присущее всему, везде и всегда, — в единичном, а единичное понимать как момент всеобщего, наличность всеобщего. И она должна отучить видеть всеобщее и единичное в их отдельности, обособленности друг от друга»⁷.

Юридическая теория чаще всего использует что-либо одно: индуктивный или дедуктивный метод познания, или, применяя оба метода в комплексе, в любом случае отдает приоритет одному из них.

Наряду с использованием системной методологии, философия права для представления источников права как системы, применяет диалектический метод исследования, позволяющий изучить предмет в процессе его развития, воздействия на него многообразия факторов, противоречивости и конфликтности, составляющих его содержание, множественности взаимосвязей, как с окружающим миром, так и внутри самой системы. В этой связи сама идея предположения (гипотеза) существования такой системы — «заслуга», прежде всего, философии права.

В то время как юридическая теория использует системный метод исследования вместе с формально-логическим методом, что способствует конструированию единства, определению четкой структуры данной системы, ее элементного состава, логике ее функционирования.

Философия права, по сути, не являясь самостоятельной наукой, но, выступая философской сферой учения о праве, не ставит своей целью достижение истины, конкретного результата, который мог бы иметь практическую значимость и материальное воплощение, окончательное исследование своего предмета. Именно поэтому в рамках философии права не представляется возможным сформировать стройную законченную концепцию системы источников права, в связи с многообразием и разнокачественностью, противоречивостью входящих в такую систему элементов, разнообразием их связей, плюрализмом взглядов и подходов на источники права и их совокупность.

Юридическая теория — самостоятельная наука, функционирующая на основе законов и принципов научного знания, стремящаяся к достижению окончательного результата, истинность которого проверяется в практической деятельности. Эта наука, в принципе, оперируя рабочим определением источников права, дает возможность построения единой упорядоченной системы на основе эмпирических методов исследования.

Юридической наукой, позиционирующей право как систему, априори источники права презюмируются также в качестве системы. Отсутствие системы источников права закономерно приводит к констатации вывода о несистемности самого права, что противоречит устоявшемуся в научном мире конвенциональному представлению о правовой жизни, принципу упорядочивания общественных отношений, правопорядку и т.д.

Философия права, анализируя системные свойства источников права, не имеет заранее желаемого и «подгоняемого» результата. Исследование осуществляется более для самого исследования как процесса, чем как для его итога и продуктивного окончания. Это, в свою очередь, оставляет возможность дальнейших перспективных комплексных исследований вопроса системности и открывает широкий простор творческому началу исследователя будущего.

Теория права, как методологическая и мировоззренческая основа юриспруденции, тяготеет к анализу права в действительности, источников права в их формальном материальном воплощении (нормативный правовой акт, правовой договор, судебный прецедент как носители и выразители права в реальности).

Структурными же элементами системы источников права в контексте философии права выступают, прежде всего, идеальные источники (правосознание, правовая интуиция, правовые чувства, правовое существо и др.). Философско-правовые изыскания позволяют имплементировать в правовую теорию аксиологические, психологические и антропологические основы, служащие качественному обогащению и плюрализации, концептуальной «подпитке» юридической науки.

Связанность действительностью правовой жизни обуславливает построение внешних носителей права как его источников в зависимости от реально воспринимаемых критериев и эмпирически ощутимых параметров. Поэтому система источников права в юридической теории — иерархическое построение, детерминированное юридической силой реализуемой в ходе правоприменения и юридическим статусом принимаемых данных документы органов.

В философии права в основу системы источников права могут быть положены иные критерии, не связанные иерархической соподчиненностью, а имеющие

содержательную или функциональную взаимосогласованность. Такая система может включать несколько подсистем, также являющихся внутри себя самостоятельными подсистемами и имеющими свои собственные системообразующие сегменты.

Философско-правовое исследование системы источников права имеет внутриинтеллектуальное субъективно личностное начало, позволяет, благодаря рефлексивности, взглянуть на эту систему изнутри, «представить себя одним из ее системообразующих элементов». Построение системы осуществляется, в основном интуитивно, благодаря самому субъекту исследования. Количество субъектов обуславливает количество системных построений. Источники права рассматриваются как главная причина социальных процессов, их первооснова, получающее дальнейшее закрепление в нормативных правовых формах (актах).

В юридической теории система источников права строится отстраненно, снаружи, на основе принципов рациональности и логики. Системность источникам права придает не субъект, а реальность, объективно складывающиеся общественные отношения, социальный коллектив. Источники права — следствие социальных процессов, их отражение в правовой политике и правотворчестве государства.

На основе вышеизложенного следует сделать ряд выводов. Системность источников права приобретает качественную специфику и отличительные особенности в зависимости от того, в рамках какой сферы познания она исследуется. Юридическая теория и философия права, благодаря различиям применяемой методологии, содержанию, принципам и задачам познания придают такой системе кардинально отличный характер. В связи с этим необходимость анализа системы источников права в том или ином контексте напрямую зависит от целей и задач исследователя, того результата и характера итогов работы, которые он стремится достигнуть.

Литература

1. Балданов Б.Б. Система источников современного российского права: теоретико-правовой аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.
2. Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004.
3. Воронин М.В. Основания и проявления системности права. М.: Юрлитинформ, 2016.
4. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

5. Иванов С.А. Источники права Российской Федерации. Учебное пособие. Москва, 2000.
6. Клименко А.И. Система источников права человека // История государства и права. 2008. № 3.
7. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
8. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
9. Крамской И.С., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. К вопросу о дефинитивном ряде понятия «нормативно-правовой акт» // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4.
10. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
11. Малахов В.П. Право Европейского союза: проблема источников. Министерство внутренних дел Российской Федерации, Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2003.
12. Малахов В.П., Лановая Г.М. Международное право: структура и механизм действия // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3.
13. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1.
14. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юристъ, 2001.

¹ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. - М.: Юристъ, 2001. - С. 410.

² Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

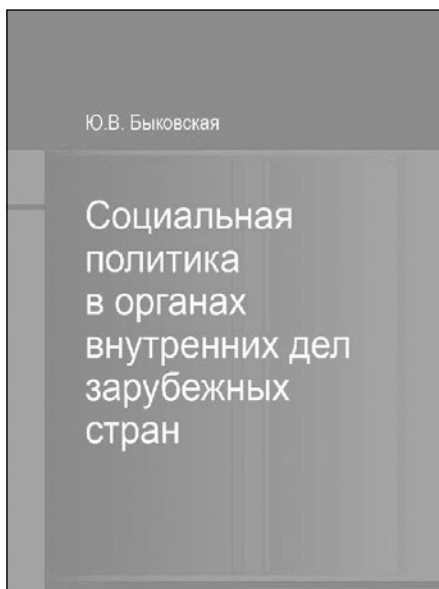
³ Балданов Б.Б. Система источников современного российского права: теоретико-правовой аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 12.

⁴ См.: Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 38-39.

⁵ См.: Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

⁶ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. - С. 10.

⁷ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. - С. 9.

Социальная политика в органах внутренних дел зарубежных стран. Монография. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Быковская Ю.В. Издательство ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 143 с.

Проводится анализ социальной политики в органах внутренних дел государств дальнего зарубежья, стран Восточной Европы, Балтии и СНГ. Рассмотрены системы оплаты и стимулирования труда, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения. Исследованы критерии оценки эффективности деятельности правоохранительных органов зарубежных стран.

Для сотрудников органов внутренних дел, а также для адъюнктов и докторантов высших учебных заведений системы образования МВД России.

УДК 340.12
ББК 67.0

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ И НЕПРАВОВЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕМБИЦКИЙ,

соискатель кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: заместитель начальника кафедры

теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент Ю.Ю. Кулакова

E-mail: kulakova_crede@mail.ru.

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются система правовых функций государства; ее отличие от системы неправовых функций государства. Основными правовыми функциями современного государства являются функции правоустановления, правоспроизводства, правообеспечения, правосудия, правозащиты, правоохраны, законотворчества, регулирования и самоограничения. Основными неправовыми функциями современного государства выступают организационно-политическая, идеологическая, экономическая, социальная, экономическая, финансовая, экологическая функции и функция обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: функции государства, правоустановление, правоспроизводство, правообеспечение, правосудие, правозащита, правоохрана, законотворчество, регулирование, самоограничение.

Annotation. The article discusses the legal functions of the state. It differs from the system of non-legal functions of the state. The main legal functions of a modern state are the functions setup, provospalitelna, right providing justice, protection, enforcement, legislation, regulation and self-restraint. The main non-legal functions of the modern state are organizational and political, ideological, economic, social, economic, financial, ecological functions, and the function of ensuring national security.

Keywords: the functions of the state, preostanovlena, previousproducts, pravoohranitelnye, justice, human rights, law enforcement, legislation, regulation, self-restraint.

Неразрывная связь государства с правом, активное использование им правового инструментария для решения стоящих перед ним задач предопределяют то, что правовая сфера выступает одной из тех областей, в оптимизации которой государство самым непосредственным образом заинтересовано. Данное обстоятельство позволяет говорить о существовании у любого государства специфических правовых функций непосредственно связанных с организацией правовой жизни общества, с воздействием государства на систему права и правовую систему в целом. Наряду с этим у государства существуют функции, которые связаны с правом лишь как с возможным инструментом их реализации и с этой точки зрения могут рассматриваться как неправовые. В условиях построения правового государства потребность в правовых функциях актуализируется, и в этой связи различение правовых и неправовых функций становится особенно значимым.

Если вести речь о функциях, связанных с орга-

низацией правовой жизни общества, с воздействием государства на систему права и правовую систему¹ в целом, то к их числу прежде всего следует отнести функции правоспроизводства и правообеспечения.

Когда мы говорим о правовых функциях государства, мы, по сути, ведем речь о правовых способах воздействия государства на систему права. И поскольку речь здесь идет, прежде всего, о юридическом праве государства (то есть о праве только в одной из его форм), постольку, разумеется, мы говорим, прежде всего, о способах создания и изменения такого права, его сохранения и поддержания в действующем состоянии. При этом функционирование государства в правовой сфере связано с воспроизводством и поддержанием в состоянии эффективного действия юридического права уже в силу самой природы государства².

Самым очевидным моментом, в котором мы обнаруживаем обращение государства к праву, является создание юридического права, и здесь, конечно, мы

говорим о правоспроизводящей функции. Однако воспроизведенное право нуждается в обеспечении. Обеспечение осуществляется и посредством государственного принуждения, и применением определенных правовых процедур, и стимулированием правомерного поведения, и иными способами. Однако, вне зависимости от того, какие именно способы используются, оно связано с реализацией специфической роли, неотъемлемо присущей государству, и в силу этого мы можем говорить о существовании у государства правообеспечительной функции.

Функция правоспроизводства предполагает, прежде всего, создание правовых норм, принципов и субъективных прав. Она также охватывает своим содержанием изменение уже имеющихся нормативных юридических установлений и их корректировку.

Отдельные исследователи правоспроизводящую функцию не рассматривают в качестве самостоятельной функции государства, фактически объединяя ее с правоустановительной. Так, например, В.С. Нерсесянц, рассматривая правоустановительную функцию в качестве одной из основных функций государства, указывает, что она представляет собой «деятельность государства по установлению всех источников и норм действующего права (издание законов и иных нормативно-правовых актов, установление прецедентов, санкционирование обычаев, официальное признание и закрепление приоритетного позитивно-правового значения естественных прав и свобод человека и т.д.)»³.

По нашему мнению, речь все же следует вести о двух связанных, но, тем не менее, самостоятельных функциях. Правоустановление — это «юридизация» права, которое существовало в неюридической форме; правоспроизводство — создание нового права, ранее не существовавшего ни в юридической, ни в неюридической форме. В отличие от правоустановления, правоспроизводство связано не с легализацией того, что уже легитимировано в качестве права, а с созданием новой правовой действительности, и в данном случае легализация норм и принципов предшествует их легитимации, становится основанием последней.

Правообеспечительная функция предполагает создание и приведение в действие специальных правовых механизмов гарантирования действительности самого права, при этом, прежде всего, речь, конечно, идет об обеспечении действительности юридического права, и лишь затем — неюридического права, признаваемого государством.

Правообеспечение не следует отождествлять с обеспечением правом (гарантированием правовыми средствами). Последнее может быть, например, способом придания деятельности государства правовых форм, в том числе — для легитимации такой деятельности. Обеспечение правом представляет собой решение с помощью права самых разнообразных стоящих перед государством задач, причем не всегда правовых

по своему характеру. Решение таких задач не обуславливается целями воздействия на правовую систему и поэтому не должно связываться с реализацией государством его правовых функций.

Соглашаясь с мнением, что правотворчество государства представляет собой завершающую и конститутивную часть масштабного социального процесса, называемого правообразованием⁴, полагаем, что значимой правовой функцией государства помимо уже названных необходимо признать правоустанавливающую функцию, которая нами уже упоминалась. Данная функция предполагает легализацию норм, принципов и притязаний, складывающихся в обществе помимо целенаправленно осуществляемой государством правотворческой деятельности. В каждом отдельно взятом случае данная функция связана с совершением государством акта официального признания уже существующих установлений, принципов и притязаний, с юридическим подтверждением их правового характера.

Деятельность по осуществлению правоустанавливающей функции нельзя рассматривать как создание некой совокупности произвольных правил. Реализуя ее, государство, прежде всего, учитывает степень потенциальной легитимности притязаний, требований, правил, которые, не будучи легитимными, даже в случае их официального признания не могут стать эффективными.

К числу значимых правовых функций государства необходимо отнести также функцию правосудия. Реализацией данной функции обеспечивается решение неотъемлемо присущей государству задачи разрешения конфликтов⁵. Однако, представляется, что об осуществлении государством правосудной функции можно вести речь только тогда, когда разрешаемый судом конфликт рассматривается в качестве способного нарушить порядок, сложившийся на основе устанавливаемого и (или) воспроизводимого государством, а также обеспечиваемого им права. Именно в данном случае задача разрешения конфликта рассматривается как получающая свое решение посредством правовой функции государства, и именно в этой ситуации суд превращается в правосудие.

Помимо рассмотренных четырех универсальных функций, которые в деятельности любого государства являются базовыми, у государства можно обнаружить производные функции, характер которых определяется непосредственно содержанием задач, возникающих перед государством на определенном историческом этапе и в определенных социальных условиях. Таковыми функциями для современного государства прежде всего являются правозащитная функция, правоохранительная функция, законотворческая функция, функция регулирования, функция самоограничения.

Правозащитная функция государства по-разному трактуется исследователями. Чаще всего ее отождествляют с функцией защиты прав (или прав и свобод)

человека⁶. Однако, существует, например, мнение, согласно которому правозащитная функция тождественна правоохранительной⁷.

Защита направлена на обеспечение безопасности субъектов права, ведет к достижению состояния безопасности таких субъектов через устранение опасности, реально существующей или возможной (потенциальной). В этой связи не совсем верно отождествлять правозащитную функцию с правоохранительной.

Правозащитная функция, по нашему мнению, является у государства тогда, когда перед ним встает задача обеспечения защищенности прав конкретных субъектов от реальных или возможных угроз, причем вне зависимости от того, идет ли речь о самом государстве, человеке или каком-либо другом субъекте права.

Правоохранительная функция отличается от правозащитной функции, прежде всего, направленностью на охрану порядка, установленного правовыми нормами. В качестве результата ее реализации предстает общественный порядок в широком смысле, а не безопасность субъектов права и принадлежащих им прав, как в случае с правозащитной функцией. Посредством реализации правоохранительной функции государство обеспечивает устойчивое состояние общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, и именно в силу этого можно утверждать, что правоохрана ведет к воспроизводству порядка⁸.

Законотворческая функция государства предполагает создание единых, общих для всех и при этом устойчивых нормативных оснований деятельности всех субъектов права. Особенно значимой реализация данной функции оказывается в условиях множественности форм права, когда к одним и тем же поступкам людей могут предъявляться разные требования, например, общественным и групповым правом, правом юридическим и неюридическим и т.п.

Нередко об издании законов ведут речь лишь как о форме осуществления функций государства⁹. Однако, по нашему мнению, следует различать создание законов как правовую форму деятельности государства и законотворчество в качестве самостоятельной функции государства как связанное с решением специфической для правовой сферы жизни общества задачи — стабилизации системы права, а как следствие, и повышения эффективности его регулятивного действия. Создавая законы, государство фактически создает общеобязательные и непреложные правила, существование которых при условии легитимности юридического права заставляет участников общественных отношений обращаться к ним как к обладающим высшей силой и подлежащим приоритетному применению. Как следствие, увеличивается степень определенности действия права, а у субъектов права появляется возможность предвидения правовых последствий своих собственных действий и действий других субъектов, что позволяет им делать правовой выбор осмысленно

и свободно. Кроме того, законотворчеством, по крайней мере, частично решается проблема внутренней противоречивости системы права.

Регулирующая функция предполагает установление правил, организующих деятельность субъектов права, и прежде всего — самого государства. По сути она отличается от законотворческой функции прежде всего своей предназначенностью для обеспечения упорядочения деятельности государственного аппарата как системы, функционирующей по абсолютно иным принципам, нежели социальные системы.

Регулирование как правовую функцию государства, по нашему мнению, нельзя отождествлять с регламентированием, представляющим собой лишь один из составляющих регулирования моментов. Результатом регламентирования выступает появление новых правил, определяющих порядок осуществления какой-либо деятельности. Однако самого факта появления таких правил для обеспечения решения стоящих перед государством задач недостаточно — необходимо, чтобы правила находили свою реализацию, последовательно осуществлялись в повседневной практической деятельности.

Говоря о регулировании, необходимо подчеркнуть, что регулирующая функция выступает как правовая функция государства только тогда, когда регулирование направлено, прежде всего, на решение задач, связанных с совершенствованием функционирования самой системы права, а значит, и осуществляется на основе права. В ином случае мы можем говорить о том, что регулирование, даже если оно формально осуществляется посредством права, с высокой вероятностью является проводником государственно-властного произвола.

В качестве самостоятельной правовой функции государства — по крайней мере, тогда, когда речь идет о современном государстве, — следует рассматривать функцию самоограничения. Названная функция предполагает ограничение государства посредством правового оформления его деятельности, и это обстоятельство указывает на то, только при условии самоограничения современным государством достигается реализация базовых для него правовых функций — правоустановления, правоспроизводства, правообеспечения и правосудия.

Наряду с рассмотренными правовыми функциями любому государству присущи неправовые функции, анализ которых дает возможность четче определить границы правовых функций через то, что ими не является. Через неправовые функции государство непосредственным образом реализует свою организационную природу в самых различных сферах общественной жизни, за исключением правовой. При этом исключение правовой сферы из числа сфер, в которых природа государства проявляется непосредственным образом, определяется тем, что связь между государ-

ством и правом носит характер взаимной зависимости, в то время как развитие иных сфер, на которые государство воздействует, лишь влияет на его развитие и функционирование.

Базовой функцией в системе неправовых функций государства является организационно-политическая функция, что обуславливается природой самого государства — оно предстает организацией политической власти (политической организацией общества, властно-политической организацией, организацией публичной политической власти, организацией непосредственного политического властвования и т.п.)¹⁰.

Организационно-политическую функцию также можно назвать политической, как это делают некоторые авторы¹¹, однако обозначение данной функции в качестве организационно-политической, по нашему мнению, более точно передает ее сущность — в данном случае подчеркивается тот факт, что власть воспроизводится и осуществляется не ради власти, а как инструмент воздействия на различные сферы жизнедеятельности общества.

Актуализация в конкретных исторических и культурных условиях задач, требующих для своего решения воздействия на определенные сферы общественной жизни, обуславливает появление неправовых функций государства, связанных с организационно-властной деятельностью государства в этих сферах. Обнаруживаются различающиеся по сфере их осуществления виды государственной политики — экономическая, экологическая, идеологическая, политика безопасности и т.д.¹². При этом содержание осуществляемой государством политики меняется, как и направления организационно-властного воздействия, в зависимости от характера решаемых государством задач.

Перечень неправовых функций является открытым ввиду того, что государство в рассматриваемом контексте предстает как универсальный «инструмент» решения стоящих перед обществом задач, и в каждой из отдельно взятых сфер общественной жизни государство функционирует, то есть проявляет свой организационный потенциал.

В условиях открытости перечня неправовых функций государства возникает потребность выделить среди них те, которые являются наиболее значимыми для современного государства. Такими, очевидно, можно признать идеологическую, экономическую, социальную, экономическую, финансовую, экологическую функции, а также функцию обеспечения национальной безопасности.

Возможность выделения в качестве самостоятельной функции государства идеологической функции¹³ определяется тем, что идеология не является для государства лишь инструментом, формирование официальной идеологии как системы идей и механизмов их трансляции предстает важнейшей функцией государства, которая соотносима с идеологической сферой

жизни общества.

Изначально идеологическая функция государства была неразрывно связана с решением таких задач, как сакрализация власти и воспроизводство теократии. Сегодня названная функция имеет чрезвычайно большое значение не только для воспроизводства государства и его обоснования, но и для решения других задач, стоящих перед государством. В.М. Курицын, рассматривая историю развития Российского государства в предвоенный период (перед Великой Отечественной Войной), справедливо указывал на то, что «одним из важнейших условий осуществления реальной мобилизации всех материальных и духовных сил народа явилось наличие государственной идеологии, которая находила глубокий отклик в общественном сознании самых широких народных масс и потому объединяла общество»¹⁴. На данном примере мы видим, что идеологическая функция чрезвычайно значима для решения государством задачи консолидации всего общества.

Можно с уверенностью говорить о том, что организационный потенциал идеологической функции государства весьма высок, и реализацией данной функции наряду с осуществлением иных функций в современных условиях, помимо воспроизводства государства и консолидации общества, обеспечиваются охрана и защита, социальная стабильность, разрешение конфликтов, вытеснение из общественной жизни негативно влияющих на нее явлений и процессов и т.д.

Вместе с тем, следует учитывать, что, несмотря на достаточно разнообразные эффекты, порождаемые идеологической функцией государства, ее возможности весьма ограничены. А.А. Богданов справедливо указывал на ограниченность любой идеологической деятельности. Он отмечал, что идеологически можно затормозить или ускорить прогресс, однако «Одного не может сделать никакая идеология — вызвать развитие, послужить для него первичным двигателем»¹⁵. По нашему мнению, ограниченность идеологической функции государства обнаруживается как раз тогда, когда речь идет о решении им задач, не связанных с обеспечением самовоспроизводства государства и консолидацией общества. Лишь в решении двух названных задач идеологическая функция может стать основной, в решении всех иных задач она неизменно выступает дополнительной.

Несмотря на то, что социальная функция государства в современной правовой науке является предметом детального и всестороннего анализа, выработать четкое и однозначное понимание данной функции пока не удастся. В частности, не удастся достигнуть единого мнения по вопросу о содержании данной функции и характере задач, с решением которых она связана.

В современной правовой науке широко распространено представление о том, что социальная функция государства состоит в создании условий для достойной жизни человека, а ее осуществ-

вление предполагает обеспечение реализации социальных прав граждан (на охрану здоровья, труд, отдых, жилище, образование и т.д.) и социальную защиту тех, кто нуждается в государственной поддержке¹⁶. Однако наряду с этим существует мнение, согласно которому содержание социальной функции государства гораздо шире, а задачи, для реализации которых она осуществляются, являются несколько иными¹⁷.

Полагаем, что осуществление социальной функции государства не ограничивается его «социальной политикой» в общепринятом понимании. Социальная функция заключается в структурировании общества, влиянии на расстановку сил в социуме, на балансы групп и интересов, а обеспечение социальных прав граждан, оказание социальной помощи отдельным группам населения — лишь отдельные составляющие деятельности государства по реализации им социальной функции, частные способы решения задач, стоящих перед государством, посредством его организующего воздействия на отношения в социальной сфере. Так, например, регулирование (ограничение или, напротив, обеспечение) доступа к высшему образованию есть проявление социальной функции, которая повлечет далее социальную стратификацию вертикального типа. Именно определенная социальная структура, основанная на социальной горизонтальной и вертикальной стратификации, является залогом стабильности в государстве. Соответственно, социальная функция изначально ориентирована, прежде всего, на решение задачи обеспечения стабильности в обществе. Кроме того, предполагая в современных условиях стремление к «социальной справедливости», социальная функция в случае ее эффективного осуществления обеспечивает консолидацию общества.

Представляется, что социальная функция государства предполагает прежде всего стратификацию общества (вертикальное и горизонтальное его структурирование). В современном государстве, как предполагается, такая стратификация должна осуществляться в соответствии с существующими в обществе представлениями о социальной справедливости и сопровождаться условной компенсацией социального неравенства незащищенных групп населения.

В отличие от содержания социальной функции, содержание экономической функции государства более или менее четко и однозначно определено в теоретико-правовой литературе. По крайней мере, представления ученых о сущности названной функции если и различаются, то лишь нюансами.

Наиболее точной представляется характеристика экономической функции государства, данная В.Е. Чиркиным. Он указывает: «Экономическая функция состоит в установлении государством условий и порядка экономической деятельности, в регулировании экономики <...> В современных условиях суть этой функции состоит в том, чтобы исправлять недостатки

рыночной стихии, не нарушая естественного саморегулирования общества. Этой цели в настоящее время соответствует концепция социально ориентированной рыночной экономики»¹⁸. С приведенными утверждениями можно в полной мере согласиться, в том числе и с тем, что в современных условиях экономическая функция государства наиболее эффективна, если ее осуществление не нарушает процесса естественного саморегулирования общества.

Экономическая функция государства может осуществляться правовыми средствами, однако при этом ее неправовой характер очевиден. Верной представляется нам идея о первичности экономики, выраженная в том ключе, что способ производства материальной жизни людей задает ограничения для создаваемых человеческим обществом правовых, политических, культурных и иных институтов¹⁹, и в этой связи никак нельзя согласиться с утверждением о том, что «под экономической функцией следует понимать законодательно регламентированные, объективно необходимые, целенаправленные основные направления (стороны) деятельности государства, осуществляемые в сфере экономических отношений, выражающие его сущность и социальное назначение в обществе»²⁰.

Финансовая функция государства теснейшим образом связана с экономической функцией государства, вместе с тем, она со всей очевидностью должна рассматриваться в качестве самостоятельной. Если экономическая функция связана с регулированием экономических отношений, то финансовая — с распределением и перераспределением финансовых ресурсов с целью обеспечения государства денежными средствами, необходимыми ему для успешной реализации возложенных на него функций.

Финансовая функция государства является сложной по своему содержанию. Во-первых, она связана с обеспечением функционирования системы налогообложения²¹, а во-вторых, с поддержанием стабильности финансовой системы. При этом в силу возникновения феномена символической и супер-символической экономики (в терминологии Э. Тоффлера²²) в современных условиях вторая составляющая финансовой функции государства оказывается ничуть не менее значимой, чем первая.

Если в отношении обеспечения функционирования системы налогообложения, в принципе, все ясно, то в отношении поддержания стабильности финансовой системы в условиях символической и супер-символической экономики возникает масса вопросов.

Прежде всего, следует отметить, что в современных условиях на смену деньгам как знакам, которые могут быть обменены на фиксированное количество определенных товаров или товарных денег (золота или серебра), приходят деньги как информация, как символы, не имеющие собственной ценности, но способные выполнять функции денег постольку, поскольку государ-

ство объявляет их законным платежным средством. Как следствие, капиталы становятся мобильными, финансовые ценности — относительными. В данной ситуации от того, как государство использует находящиеся в его распоряжении финансовые инструменты, зависит не только его состоятельность в экономическом плане; поддержание государством стабильности финансовой системы выступает залогом социальной и политической стабильности. В этом смысле показательным примером является то, что именно эффективное использование государством инструментов денежно-кредитной, бюджетной и квазифискальной политики, и прежде всего такого инструмента осуществления финансовой функции, как стабилизационный фонд, позволило России в 2008-2009 гг. преодолеть один из этапов экономического кризиса (а по сути — финансового кризиса) без существенных потерь²³.

Постановка вопроса об обеспечении национальной безопасности²⁴ как о функции государства является возможной в силу того, что «состояние безопасности есть состояние, поддерживаемое искусственно и с определенными усилиями. Безопасность не просто идеальное состояние отсутствия опасности, это состояние защищенности при условии наличия опасности»²⁵.

Наиболее точным нам представляется определение национальной безопасности как состояния защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства²⁶. При этом необходимо сделать оговорку, что речь в данном случае идет о национальной безопасности как о состоянии, обеспечение которого является функцией именно современного государства — постольку, поскольку в основе организации его деятельности лежат идеи гуманизма и демократизма.

Несмотря на то, что рассматриваемая неправовая функция тесно связана с правовыми функциями, сама по себе она не предполагает реализацию исключительно в правовых формах, посредством права. Кроме того, даже сегодня, когда современные государства стремятся быть правовыми, жизнь ставит перед ними задачи, в решении которых посредством реализации функции обеспечения национальной безопасности любое государство вынужденно выходит за пределы права. Как следствие, возникают попытки придать правовую форму тем совершаемым в процессе реализации функции обеспечения национальной безопасности действиям государства, которые по природе не носят характера правовых. Даже ведение государствами военных действий, которое при помощи международных правовых механизмов сегодня пытаются юридизировать²⁷, зачастую «выходит» за пределы правовых форм, демонстрирует в ряде случаев скорее манипуляцию правовой формой, нежели стремление к ее строгому соблюдению.

Экологическая функция государства чаще всего

рассматривается в качестве функции, так или иначе связанной с минимизацией негативных последствий производственной деятельности человека для окружающей природной среды²⁸. Вполне логично, что понимаемая таким образом экологическая функция рассматривается в качестве возникающей вследствие произошедшего в последние десятилетия изменения экологической обстановки. Так, например, В.Е. Чиркин утверждает, что «экологическая (природоохранная) функция государства стала выделяться в качестве особой в последние десятилетия, что связано с прогрессирующим ухудшением природного состояния планеты. Развитие современного производства (добычи природных ископаемых, химии, металлургии и др.), применение новых технологий, с помощью которых человек нарушает природное равновесие, складывавшееся миллионы лет, появление огромного количества отходов (в т.ч. от атомного производства) оказывают вредное воздействие на экосистему, имеют необратимые последствия»²⁹. Ученый отмечает, что именно в силу перечисленных обстоятельств сегодня государство активно занимается защитой окружающей среды и восстановлением нарушенного ее равновесия³⁰.

Полагаем, что экологическая функция государства предполагает не просто преодоление негативных для окружающей природной среды последствий производственной деятельности человека, а обеспечение целенаправленного прогнозируемого изменения окружающей среды (природы) в «выгодную» с точки зрения потребностей человека и общества сторону. Эта функция осуществляется, в конечном итоге, не для сохранения природы, а для обеспечения интересов общества; сохранение окружающей природной среды, минимизация негативного воздействия на нее на сегодня выступают непосредственно способами реализации рассматриваемой функции именно в современных условиях, в контексте существующих у современного общества потребностей.

Экологическая функция государства, не будучи универсальной, сама по себе может оказаться актуальной для любого государства на определенном историческом этапе его развития. В частности, можно утверждать, что, например, организация ирригационных работ в Древнем Египте представляет собой один из ярких примеров адаптации к человеческим нуждам природной среды, а значит, эффективного осуществления государством экологической функции.

Представляется, что рассматриваемая функция актуализируется для государства (и современное государство в данном плане не является исключением) всякий раз, когда защита среды существования человеческого общества становится необходимым условием эффективного решения государством задачи охраны и защиты.

Проведенный анализ позволил установить, что основными правовыми функциями современного государства являются функции правоустановления, пра-

вовоспроизводства, правообеспечения, правосудия, правозащиты, правоохраны, законотворчества, регулирования и самоограничения.

Основными неправовыми функциями современного государства выступают организационно-политическая, идеологическая, экономическая, социальная, экономическая, финансовая, экологическая функции и функция обеспечения национальной безопасности.

Правовые и неправовые функции государства, будучи связанными между собой, тем не менее, образуют две относительно самостоятельные подсистемы, в рамках каждой из которых возможно выделение базовых, системообразующих и производных функций.

Литература

1. Беспалова М.А. Становление правозащитной функции российского государства в условиях современного конституционного строительства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.10.
2. Гарашко А.Ю. Источники права: Системный подход // Наука и практика. 2015. № 3 (64). С. 34-36.
3. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // В сборнике: Современные тенденции развития государства и права России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30-31 марта 2010 г.). Московский университет МВД России, Тамбовский филиал. Тамбов. 2010. С. 18-21.
4. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права. Монография. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2013. С. 15-19.
5. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике: Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции (06 июня 2011 г.). Краснодар, Пресс-имидж. 2011. С. 301-304.
6. Гарашко А.Ю., Степанюк В.И. Диалектика противоречий государства, гражданского общества, личности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 2. С.40-43.
7. Земскова А.И. Место и значение правозащитной функции государства в системе функций государства: вопросы классификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. №2. С. 5.
8. Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский университет

МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2016.

9. Клименко А.И. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности // Закон. 2010. № 7. С. 44.
10. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
11. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
12. Кулакова Ю.Ю. Трансформация современных государства: теория и практика // История государства и права. 2010. № 13. С. 17-20.
13. Кулакова Ю.Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. № 14. С.4-7.
14. Кулакова Ю.Ю. Содержание налоговой функции государства // В сборнике: К 40-летию образования кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР Сборник научных статей. Москва, 2015. С. 64-72.
15. Кулакова Ю.Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. 2014. № 11. С.32-36.
16. Манахова Ю.В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе: Теоретический аспект. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.
17. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма — ИНФРА-М, 1999. С. 259.
18. Харченко О.В. Правоохранительная функция как перманентная функция государства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 220-221.

¹ Гарашко А.Ю. Источники права: Системный подход // Наука и практика. 2015. № 3 (64). С. 34-36.

² Гарашко А.Ю., Степанюк В.И. Диалектика противоречий государства, гражданского общества, личности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 2. С.40-43. Кулакова Ю.Ю. Трансформация современных государства: теория и практика // История государства и права. 2010. № 13. С. 17-20.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма — ИНФРА-М, 1999. С. 259.

⁴ Манахова Ю.В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе: Теоретический аспект. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

⁵ Кулакова Ю.Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. № 14. С.4-7.

⁶ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 260; Беспалова М.А. Становление правозащитной функции российского государства в условиях современного конституционного строительства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.10; Земскова А.И. Место и значение правозащитной функции государства в

системе функций государства: вопросы классификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. №2. С. 5 и др.

⁷ Харченко О.В. Правоохранительная функция как перманентная функция государства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 220-221.

⁸ Хван Д.А. Функциональная характеристика государства: система его правовых функций // Право и государство: XXI век – век перемен. Сборник научных статей. М.: ИГ «Граница», 2012. С. 170.

⁹ См.: Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10-11; Тонков Е.Е. Юридические (правовые) формы осуществления государственных функций: эволюция в условиях кризиса общественных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. Т. 14. № 13. С. 155 и др.

¹⁰ Романенко В.Б. Классовое и общечеловеческое в определении понятия и сущности современного государства // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. №1. С. 29, 31; Гиляров Е.М. Происхождение и сущность государства. М.: МЮИ МВД России, 1998. С. 20; Затонский В.А. Эффективная государственность. М.: Юристъ, 2006. С. 60, 63; Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2012. С. 21-22; Байтин М.. О понятии государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3. С. 8, 14; Тищенко А.Г. Образ и форма государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли: ретроспективный и юридино-компаративистский анализ. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 3 и др.

¹¹ Чиркин В.Е. Современное государство. М.: Международные отношения, 2001. С. 216; Зыкова С.В., Клименко А.И., Кулакова Ю.Ю. и др. Актуальные проблемы правовой теории государства / под ред. Малахова В.П., Клименко А.И. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 86.

¹² Здесь, например, категория «экономическая политика» рассматривается, прежде всего, не как политика, реализуемая определенными, а именно экономическими средствами и с использованием экономических механизмов (которые, конечно, оказывают влияние и на экономическую сферу), а как политика в экономической сфере. Такой подход обусловлен самим характером постановки проблемы: важной представляется сфера непосредственного выражения природы государства, а не способы или механизм действия государства в данной сфере.

¹³ Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2016.

¹⁴ Курицын В.М. История государства и права России. 1929-1940 гг. М.: Международные отношения, 1998. С. 201-202.

¹⁵ Богданов А.А. Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003. С. 283.

¹⁶ См.: Толстикова А.В. Социальная функция современного государства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 253-256; Охонин Е.М. Эволюция социальной функции государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28. С. 18-21; Родионова Л.М. Содержание и формы социальной функции государства в современной России // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 2. С. 111-115; Куракин А.В. К вопросу о понятии социальной функции государства и ее реализации в деятельности полиции // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 53-60 и др.

¹⁷ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 202.

¹⁸ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 201-202.

¹⁹ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2012. С. 164.

²⁰ Нефедов С.И. Экономическая функция государства в современных условиях и роль органов внутренних дел в ее осуществлении. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 7.

²¹ Кулакова Ю.Ю. Содержание налоговой функции государства // В сборнике: К 40-летию образования кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР Сборник научных статей. Москва, 2015. С. 64-72.

²² См., Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003.

²³ См.: Всемирный банк. Доклад об экономике в России. № 18 (март 2009 г.) // режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/ter18rus.pdf>; Всемирный банк. Доклад об экономике в России. № 21 (март 2010 г.) // режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTECA/Resources/RER21rus.pdf>.

²⁴ Кулакова Ю.Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. 2014. № 11. С.32-36.

²⁵ Клименко А.И. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности // Закон. 2010. № 7. С. 44.

²⁶ Именно такую трактовку понятие «национальная безопасность» получила в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года.

²⁷ Имеются в виду, прежде всего, Женевское право и Гаагское право, образующие так называемое Международное гуманитарное право.

²⁸ Миронов В.С. Экологическая функция государства: понятие, содержание, формы и методы осуществления (сравнительный анализ на примере России и Германии). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 8; Тахватулина Н.К. Экологизация правового регулирования (теоретико-правовое исследование). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 14.

²⁹ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 203.

³⁰ Там же. С. 203.

УДК 340.12
ББК 67.0

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОЙСТВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ДУБИНИНА,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: D18585@list.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается вопрос о такой характеристике государства в трансформирующемся современном мире, как государственность. Обосновывается тезис о том, что государственность, являясь внутренним содержательным свойством государства, сама обладает структурной характеристикой, которая зависит от централизованности власти, от элитарности, политичности и юридикации.

Ключевые слова: государство, государственность, централизованность, элита, политика, политичность, власть, юридическое право, юридикация, правовое регулирование, право.

Annotation. This article addresses the issue of such a characteristic of the state in transforming the modern world as a state. The thesis that the state, being the internal substantive property of the state, she has a structural characteristic that depends on the centralization of power, of elitism, politic and yuridization.

Keywords: state, statehood, centralization, elite, politics, politichnost, power, legal right, yuridization, legal regulation, law.

Государство как общественное явление изучается давно. Исследователи анализируют различные связанные с ним аспекты, многочисленные черты¹, к которым относится и государственность. Различного рода феномены — политические, социальные, экономические и др. — оказывают значительное влияние на развитие современного государства, определяют тенденции и проблемы его трансформации, обусловленные постиндустриальным транзитом² (переходом на постиндустриальный путь развития).

Существующие мировые и внутригосударственные процессы влияют и на государственность. В целом, к структурным характеристикам можно отнести элитарность государственности, ее централизованность, политичность, юридикацию (тесную связь с формальным правом).

Элитарность государственности — важная ее характеристика. При этом нельзя отождествлять ее с элитарностью государственного аппарата. Элитарность в данном контексте, на наш взгляд, — это выделенность власти из общества и ее определенность.

Однако, власть здесь неперсонифицирована. Это означает прежде всего то, что она анонимна. Полномочий элитарной власти перестают быть таковыми по своей сути. Они трансформируются в право. Таким образом, власть принадлежит уже не народу, а определенному кругу лиц. Современное государство обеспечивает правление народа, в то же время демократическая организация власти является делом элит. Тезис — элиты, а не массы правят обществом, — все шире подтверждается практикой государственной деятельности. Часто оказывается, что демократические институты — выборы и партии — имеет лишь символическую ценность. Система связи, действующая между элитами и массами, строится, как правило, сверху вниз. Общие черты элиты выражены в таких характеристиках: 1) более или менее сплоченная группа, обладающая особыми духовными и социально-политическими качествами; 2) осознает себя как привилегированный и доминирующий слой, и воспринимается таковым большинством общества; 3) при изменении общественных форм и типов господства сохраняет

определенные отношения власти и формы ее проявления, перемены касаются только персоналий. Властвующая элита образуется в условиях демократии путем интеграции отдельных элит, среди которых политическая элита, экономическая, бюрократическая, военная, а также коммуникативная элита.

Централизованность как черта государственности обуславливается большой численностью населения государства. Это неизбежно приводит к усложнению социальной, и как следствие этого, политической жизни, закономерно требует централизованных начал при организации жизни общества. Любое централизованное государство имеет главную отличительную черту — сильную центральную власть. В противном случае невозможно было бы управлять всеми территориями в пределах страны. Земли в таком государстве объединены законодательством и экономически единым пространством. Для централизованного государства характерным типом власти является монархия. На этапе централизации, то есть собирания земель вокруг центра, она имеет абсолютный характер. Централизованное государство, как крупная единица, имеет в составе более мелкие части, а именно — районы, области, округа и т.д. Однако они не обладают самостоятельностью.

Стоит сказать, что для возникновения любого централизованного государства необходимы предпосылки. В частности, мощным объединяющим фактором является национальное единство. Ошибочно думать, что в государстве при этом соблюдаются интересы лишь одной главенствующей национальности. По закону ни одна из наций, населяющих страну, не должна быть ущемлена в интересах и правах.

Одной из ключевых структурных характеристик государственности является политичность. Термин «политика» в научный оборот ввел Аристотель в IV в. до н.э. Греческий философ определил ее как искусство управления государством, под которым понимался полис. Однако выделение политики в особую сферу общественной жизни произошло задолго до того, как греки начали активно пользоваться этим понятием. Хотя политика возникла несколько тысяч лет назад, она формируется значительно позже, чем экономические и социальные отношения, а также мораль.

Используя социологическую трактовку можно сказать, что политика имеет общественное происхождение. В частности, широкое обоснование получил подход, рассматривающий ее формирование в ходе исторической эволюции общества как результат роста его социальной неоднородности и сложности организации. Первобытное общество было социально-однородным. В нем не было политических учреждений и организаций, не было и политики, хотя была власть,

осуществляемая всеми взрослыми членами рода. Условно общество по мере его развития, появление в нем противоречивых интересов обусловили возникновение государства, а вместе с ним и политики³. Политика возникает как деятельность по организации совместной жизни людей в социально-неоднородном обществе вместе с делением людей на управляющих и управляемых, богатых и бедных. Общественные изменения были производными от неолитической революции, которая изменила все формы хозяйства и образ жизни людей. С неолитической революцией истории связывают появление металлических орудий труда, переход от присваивающего типа хозяйства (охота и собирательство) к производящему (земледелие, скотоводство), к оседлому образу жизни, появлению городов. В конечном счете, это привело к изменениям во властных отношениях.

Политика формируется как результат неравного распределения богатства, различия статусов, несовпадающих интересов социальных групп, неизбежности противоречий и конфликтов в обществе. Ее появление было связано с тем, что классовые, этнические и религиозные проблемы, межплеменные конфликты, с которыми столкнулось общество, уже не могли быть решены с помощью прежних регуляторов — традиций, обычаев, нравственных норм. Для решения этих проблем потребовались новые регуляторы (правовые и политические) и новая организационная структура — государство. Наконец, говоря о происхождении политики, следует учитывать и естественные различия людей: биологические, психологические, интеллектуальные (например, физическая сила или ярко выраженное стремление к доминированию — у одних и, наоборот, желание быть ведомыми — у других). Это естественное неравенство людей имеет тенденцию закрепляться в неравенстве социальном, т.е. в разном доступе к богатству, власти, в престиже.

Политика непосредственно связана с такими явлениями, как государство, право и власть. Последнее является главным инструментом политики и основным объектом политической борьбы. Французский политолог М. Дюверже выделил три исторические формы власти:

Анонимная, которая расплывлена между всеми членами рода (у некоторых племен даже не было старейшин, принятие решений осуществлялось всеми взрослыми членами рода).

Индивидуализированная, связанная с выделением особого статуса вождя племени.

Институционализированная, связанная с появлением особого института — государства.

Хотя сущность политики исследуется в науке более двух тысяч лет, вопрос о том, что такое политика,

остаётся открытым. Существуют различные понимания политики:

1. Исторически первое определение политики как управления обществом актуально и сейчас. Политика трактуется как деятельность по управлению какими-либо общественными процессами. В содержательном плане эта деятельность предстает как решение всех проблем, как способ регулирования конфликтов.

2. Субстанциональный подход, указывая на сущность политики, подчеркивает ее прямую связь с властью. Политика — это либо управление с использованием власти, либо борьба за завоевание и удержание власти. Властные трактовки представлены в работах Н. Макиавелли, М. Вебера, К. Маркса, в американской политологии. М. Вебер, например, определяет политику как «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государством, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себя включает».

3. Институционный подход делает акцент на организации, в которой материализуется власть. В одних трактовках политика — это участие в делах государства, использование классами государственной власти для осуществления своих целей (В.И. Ленин). Но политика вершится не только государством, поэтому другие определения указывают на разнообразные институты и организации, которые могут выступать субъектами политики.

4. Социологический подход связан с рассмотрением общества как структуры, состоящей из разнообразных групп⁴, обладающих собственными интересами и потребностями, главным рычагом реализации которых является власть. Политика в таком случае рассматривается как отношения, направления и способы деятельности социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей с помощью разнообразных средств, среди которых главную роль играет власть.

5. Телеологический подход трактует политику как особую форму человеческого существования, связанную с целедостижением и организацией. Подобная трактовка расширяет границы политики, т.к. целенаправленность есть в любой сфере деятельности, то политике можно обнаружить (что и делают сторонники этого подхода) в самых разнообразных отношениях, например между супругами, в отношениях преподавателя и студента⁵.

Столь непохожие определения политики по-разному решают вопрос о значимости политики в жизни общества, а также вопрос о ее влиянии на государство и государственность.

Политика — это сфера объединения всех членов общества, когда общественные проблемы разрешаются

ненасильственными средствами через поиск компромиссов, без победителей и побежденных. Политика будет пониматься как деятельность, направленная на достижение гражданами согласия исключительно мирными и ненасильственными средствами.

Рассматривая проявления политики, следует признать, что в ней присутствуют два начала.

Первое начало связано с тем, что общество постоянно воспроизводит социальное неравенство. Это порождает противоречия и конкуренцию социальных групп за овладение источниками благ. Именно обладание властью позволяет создать условия (например, принятие законов, установление определенного уровня налогов, социальных программ), обеспечивающие жизнедеятельность и присвоение ценностей определенными социальными группами. Таким образом, политика — это конфликт интересов.

Второе начало политики видится в поиске интегрирующей доминанты, без чего общество бы распалось. В этом проявляется потребность ограничить влияние на общество фактора случайности и непредсказуемости. Поэтому политика — это поиск равновесия и компромисса. Именно этот момент доминирует в стабильных демократических системах.

В контексте поставленной проблемы нас интересует вопрос соотношения политики, государства и права. Автономность политики и права является относительной. В настоящее время наблюдается тенденция юридизации политических отношений⁶. Право имеет политическое содержание. Оно используется как для оформления общезначимых политических отношений, институтов и ценностей, так и для закрепления господства определенных социальных групп и классов. В то же время право выступает важнейшим источником легитимации политической власти⁷, ограничивает политическую активность определенными рамками. Под легитимностью понимается чаще всего способность политической системы обеспечивать себе поддержку народа, его признание.

В целом в настоящее время в стабильных демократических государствах формируется тенденция к снижению роли политических методов регулирования социальных конфликтов и преобладанию правовых способов стабилизации общественных порядков, усилению авторитета моральных норм, методов самоуправления и самоорганизации жизни. Усиливается процесс юридизации с помощью правового регулирования.

В то же время в переходных политических процессах или при усилении авторитарных тенденций роль политических методов регулирования социальных проблем, как правило, существенно возрастает. В самых же крайних случаях, в частности, в государствах

тоталитарного типа, политика вытесняет все иные способы урегулирования общественных противоречий. Такая практическая абсолютизация функциональных связей между сферами общества приводит к серьезнейшим деформациям и политики, и социальной жизни в целом. Особенно остро это проявляется в том случае, когда политические решения оформляются средствами государственного права.

Характерные для государственности структурные особенности дают возможность сказать о том, что государственность представляет собой такое качество государства, которое структурно во многом зависит от многочисленных социальных процессов, а также процессов, протекающих в политической и правовой сферах.

Литература

1. Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Под. ред. Ф.М. Бородин. М., 1989.
2. Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2010.
3. Дубинина Е.Н. Юридизация и политические отношения: проблемы взаимодействия.// Право и образование. М., 2016. С.24-31.
4. Ивлева Н.Ю. Современное российское правосознание как отражение действительной формы государства.// Общество: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 78-80.
5. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. 1996. №4. С.157-162.
6. Нисневич Ю.А. Государство XXI в.: Тенденции и проблемы развития. М., 2012.
7. Правкина И.Н. Гражданское общество и политико-правовые стратегии государства.// Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. М., 2016. С. 190-199.

References

1. Borodkin F. M. Social policy: government and restructuring // Comprehension: Sociology.

Social policy. Economic reform / Under. edited by F. M. Borodkin. M., 1989.

2. Dubinina E. N. Originate relations in modern society. The author's abstract Diss. on competition of a scientific degree of candidate of law. N. M., 2010.
3. Dubinina E. N. Originate and political relations: cooperation.// Law and education. M., 2016. P. 24-31.
4. Ivleva N. Yu. Modern Russian legal consciousness as a reflection of the actual shape of the state.// Society: politics, Economics, law. 2016. No. 6. P. 78-80.
5. Ilyin M. V., Melville A. Yu., Fedorov Yu. e Main categories of political science // Polis. 1996. No. 4. P. 157-162.
6. Nisnevich Yu. a. State the XXI century: Trends and problems of development. M., 2012.
7. Pravkina I. N. Civil society and the political and legal strategy of the state.// Theoretical-legal and cultural-historical problems of interaction of internal Affairs bodies and civil society. M., 2016. P. 190-199.

---

¹ См.: Ивлева Н.Ю. Современное российское правосознание как отражение действительной формы государства.// Общество: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 78-80.

² См.: Нисневич Ю.А. Государство XXI в.: Тенденции и проблемы развития. М., 2012.

³ См.: Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2010.

⁴ Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Под. ред. Ф.М. Бородин. М., 1989.

⁵ Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. 1996. №4.

⁶ См.: Дубинина Е.Н. Юридизация и политические отношения: проблемы взаимодействия.// Право и образование. М., 2016. С. 26.

⁷ См.: Правкина И.Н. Гражданское общество и политико-правовые стратегии государства.// Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. М., 2016. С. 190-199.

УДК 340.12
ББК 67.0

СТРУКТУРА ДИСКРЕЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

ИВАН АНДРЕЕВИЧ ЗАХАРОВ,

*адъюнкт ФПНПНХ по кафедре теории государства и права
Московского Университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

E-mail: zakharoffivan@rambler.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследование феномена дискреционности в правовом регулировании не может быть полноценным без рассмотрения его структуры. Автор сформулировал своё видение проблемы правового усмотрения посредством структурного разделения дискреционного поведения на мотивационную и содержательную составляющие и пришёл к выводу, что именно дисфункция любого из данных элементов стимулирует процесс императивного юридического нормирования.

Ключевые слова: дискреционность в праве, дискреция в праве, дискреционное поведение, содержание дискреции, структура дискреционного поведения, собственное усмотрение, правовое усмотрение.

Annotation. The study of the discretion phenomenon in legal controlling is not of full value without analysis structure. The author has considered the structure of discretionary behavior and he thinks what it consists of two elements: the motivational element and the algorithmic element. Dysfunction of any element of discretionary behavior stimulates the legislative process.

Keywords: legal discretion, discretion, discretionary behavior, judicial discretion, law discretion.

Структура социальной активности, подчинённой нормативной системе, представляет собой связь регулятора, содержащегося в сознании, и поведения как его результата. Иными словами, субъект действует, исходя из внутренних соображений, совершенство или несовершенство которых усматривается при наблюдении за его социальной активностью. Поэтому структура внешне выраженного в данном случае есть вторичный продукт по отношению к внутреннему, которое, в свою очередь, является его детерминантой. По этой причине приоритетным в рамках исследования дискреционного поведения становится выявление его внутренней структуры, содержащейся в человеческой психике.

Анализируя нормативное поведение (в том числе дискреционное), можно говорить о двух основных его составляющих: мотивационной и содержательной. Первая представляет собой побудитель, то есть некий психический механизм, способствующий действиям субъекта. Вторая, в свою очередь, тактически или методически предопределяет специфику этих действий. При этом помимо вышеуказанного разделения важно дифференцировать поведение на индифферентное стороннему интересу и сталкивающееся со сторонним интересом. Первое не нуждается в юридическом регулировании и не является проблемой права, так как касается лишь одного субъекта, деятельность которого остаётся вне зоны социально-

го взаимодействия. Второе представляет собой феномен, способствующий формированию и развитию правоотношений и права как их регулятора. Именно второй тип поведения охватывается как формальным юридическим регулированием, так и прочим нормативным регулированием, в сфере действия которого складывается дискреционное поведение, рождающее проблему собственного усмотрения как проблему теоретико-правового исследования.

Мотивационная составляющая поведения, осуществляемого внутри сферы столкновения интересов, является специфической императивной силой, движущей субъекта либо к социально приемлемой активности, либо к антисоциальным действиям. В традиционных обществах подобным двигателем являлись убеждения религиозно-магического типа. Например, для христиан страх оказаться после смерти в Аду был стимулом при соблюдении заповедей. В восточных религиозных течениях представления о карме и сансаре аналогичным образом способствовали соблюдению социальных норм. В то же время одобряемое обществом поведение могло поощряться обещаниями вечного блаженства в загробном мире. Позже вместе с усложнением и развитием экономических отношений значимое место занял мотив сохранения деловой репутации, когда контрагент, вступая в договорные отношения, рекомендовал себя своими же поступками

как добросовестное или недобросовестное лицо. Так, нуждаясь в постоянном притоке клиентов, кузнец не мог зарекомендовать себя как плохой ремесленник, ведь такое положение дел могло привести к утрате им средств к существованию. Таким же образом рабочий завода не хотел подвергать себя риску быть уволенным и поэтому трудился добросовестно.

На сегодняшний день мотивационная составляющая дискреционного поведения предстаёт как сложное полидетерминированное явление, вбирающее в себя множество параллельно сосуществующих стимулов. Среди них помимо описанных нами прослеживаются идеологические, культурные, биологические и иные стимулы. Так, частный предприниматель может соблюдать санитарные нормы в своём магазине по ряду причин, не связанных с требованиями законодательства, среди которых можно найти желание сохранить репутацию у потребителя, желание получить конкурентное преимущество перед другим предпринимателем, потребность делать мир лучше, иррациональное чувство сохранения «чистой совести», религиозные или идеологические убеждения и т.д.

Как мы видим, в рамках правоотношений наряду с предусмотренным позитивным правом принуждением на поведение субъектов оказывает влияние множество других факторов, составляющих мотивационный элемент дискреционного поведения. При этом необходимо заметить, что возникновение императивного юридического запрета на какое-либо действие или бездействие нивелирует усмотрение, не смотря на то, что вся описанная нами система стимулов может продолжать существовать (как в нашем последнем примере).

Не менее важно указать на обратный эффект, который могут оказывать рассматриваемые нами дискреционные стимулы. Так, традиция может толкать субъектов к «неправильному» с точки зрения позитивного права поведению. Например, исторически сложившаяся в российском государстве коррупционная ситуация¹ приводит к негативным проявлениям феномена дискреционности, поэтому всякое усмотрение должностного лица законодатель стремится нивелировать посредством юридических запретов и ограничений. С другой стороны, при конкуренции неюридических и юридических стимулов начинает обнаруживаться ограниченность позитивно-правового потенциала в борьбе с «нежелательным» поведением.

В теории права существует общее понятие, объединяющее множество оснований для обязательной силы права, то есть тех же стимулов, которые заставляют социальную общность соблюдать нормы права (в том числе не подкреплённые государственным принуждением). Этим понятием является «нормативный факт», широко используемый Л.И. Петражицким² и Г.Д. Гурвичем³ в своих научных исследованиях. Данное понятие могло бы послужить фундаментом для структурной характеристики мотивационной составляющей дискреционности, но на наш взгляд не может стать таковым, так как объясняет её лишь в части соб-

ственно правовых стимулов. В то же время многообразие побудителей дискреционного поведения выходит за рамки правовой жизни, разворачиваясь в сфере морали, религии, экономики и многих других областях общественной жизни. По большому счёту, пространство для исследования дискреционной мотивации настолько широко, что могло бы послужить отдельной темой для комплексного междисциплинарного исследования с привлечением специалистов в области культурологии, теории права и государства, социологии, экономики, психологии, менеджмента и антропологии.

Систематизировать многообразие стимулов мотивационной составляющей дискреционного поведения можно при помощи различных теорий, в том числе и неправовых. В качестве примеров приведём несколько положений различных теорий, которые по своему потенциалу могут разрешить проблему собственного усмотрения в рассматриваемой нами части.

Психологическая теория права Л. И. Петражицкого содержит в себе такие понятия, как импульсии и репульсии, то есть правовые переживания, связанные с желанием активных действий и желанием воздержаться от таковых. Мы аналогичным образом можем сказать, что стимулы мотивационной составляющей дискреционного поведения могут быть:

- импульсивного характера (работник добровольно остаётся после окончания рабочего дня, так как хочет повышения по службе).
- репульсивного характера (работодатель не увольняет подчинённого за нарушение трудового договора, зная, что у него тяжёлая семейная ситуация).

Аналогичным образом дискреционную мотивацию можно разложить на потребности, сформулированные в пирамиде Абрахама Маслоу⁴, выделив стимулы:

- физиологического характера (человек добросовестно работает, чтобы не остаться без средств к существованию).
- безопасности (человек запирается в квартире на ночь на замок, чтобы предотвратить возможную кражу или нападение).
- принадлежности (человек обзаведётся семьёй без формальной обязанности это сделать).
- уважения и признания (рабочий будет перевыполнять план на производстве, чтобы добиться уважения среди коллег).
- самоактуализации (преданный делу следователь будет читать научно-методическую литературу по криминалистике и развиваться в рамках своей профессии).

Интересной по своему потенциалу теорией в рамках исследования дискреционности может стать теория Х и теория Y Дугласа МакГрегора⁵, в соответствии с которой есть две полярные друг другу предпосылки, конструирующие мотивацию работника. Теория Х говорит о презумпции ленивого безынициативного сотрудника, которого нужно постоянно стимулировать принуждением. Теория Y, в свою очередь, видит работ-

ника как личность, стремящуюся к профессиональному росту, адекватно смотрящую на трудовой процесс. Проецируя обе теории на проблему дискреционности в праве, мы можем говорить о совершенно разных подходах к определению степени усмотрения. В случае с теорией X мы должны максимально снизить дискреционность, попытавшись расписать весь алгоритм труда с ответственностью за его несоблюдение. В случае с теорией Y мы должны ориентироваться на интересы работника, оставляя ему пространство для автономности, в пределах которой он сможет продемонстрировать свои профессиональные качества.

Так или иначе, всё многообразие теорий, которые мы можем спроецировать на мотивационную составляющую дискреционного поведения, не помещается в рамки теоретико-правового исследования. В данном случае мы можем лишь указать направление, по которому пойдут исследователи других областей социально-гуманитарного знания.

Подводя промежуточный итог, отметим, что мотивационная составляющая дискреционного поведения состоит из множества стимулов, оказывающих качественное влияние на состояние правовой жизни. Она есть система импульсов и репульсий, определяющих специфику дискреционного поведения, то есть стремлений субъекта к определённым (желательным или нежелательным с позиций права) целям, а также воздержания его от совершения определённых действий.

Вторым структурным элементом дискреционного поведения является (как мы установили выше) содержательная составляющая. Она представляет собой частично или полностью стандартизированную последовательность действий субъекта, складывающихся в социальной среде. При этом важно отметить, что данный элемент как явление действительности формируется на основании представлений субъекта, в сознании которого существует образ будущей дискреционной активности. И именно проблема формирования и дальнейшего существования этого идеального образа на наш взгляд имеет ключевое значение.

В коллективном и индивидуальном сознании находится множество слабо или сильно рационализированных шаблонов, по которым живёт каждый человек. Одни из них практически не обладают структурой, имея лишь стимул, содержательно оформленный как цель или мотив, другие, напротив, содержательно сложны и включают в себя объёмные поведенческие схемы. Так, ребёнок, желая получить игрушку, не имеет представления о том, какую последовательность действий нужно совершить. Его естественной реакцией становится состояние сильной взволнованности, сопровождающееся плачем. Впоследствии родитель реагирует на это и покупает ребёнку игрушку, а у него формируется первая примитивная схема достижения цели. Иными словами, субъект общественных отношений на основе собственного опыта конструирует поведенческий шаблон, мотивированный любопытством. Напротив, опытный квалифицированный психиатр,

сталкиваясь с пациентом, у которого обострился маниакально-депрессивный психоз, держит в голове множество вариантов потенциального поведения, корректируя схему в процессе контакта с больным. При этом в данной ситуации у него нет времени на формирование шаблона исключительно через врачебную практику, так как это может привести к неблагоприятным последствиям.

Вышеуказанные примеры хорошо демонстрируют две полярных ситуации простого и сложного содержания в структуре поведения. Аналогичным образом все закономерности, которые можно было усмотреть выше, мы найдём в содержательной составляющей дискреционного поведения, так как последнее является частным по отношению к общему, т.е. поведению вообще. В обоих случаях мы увидим тенденцию усложнения и универсализации содержательных моделей в процессе накопления опыта, и это очень важно при исследовании данного структурного элемента.

Теперь, когда мы обозначили качественную дифференцированность структурных моделей дискреционного поведения, необходимо выявить её детерминанты. В общих чертах мы можем говорить о двух предопределяющих эти модели факторах:

- объёме опыта (эмпирический фактор);
- уровне мышления субъекта (интеллектуальный фактор).

Как мы видим, содержательная составляющая дискреционного поведения преимущественно предопределяется когнитивными процессами субъекта, в которые входят познавательные способности головного мозга и объём познанного.

Очевидно, что субъект и его познание в чистом виде есть лишь «голая» формально-логическая конструкция. Так или иначе, действительность в процессе её восприятия даёт эмпирический материал не одному абстрактному субъекту, а множеству взаимодействующих между собой субъектов, делящихся им в процессе социального взаимодействия. Поэтому, более конкретно анализируя детерминанту опыта, нам важно выделить собственный опыт отдельного субъекта и коллективный опыт социальной общности. При этом достаточно сложно и во многом нерационально в данной ситуации поочерёдно рассматривать обе детерминанты, так как чужой опыт достигает разума индивида только после процесса интеллектуальной обработки информации другим субъектом.

Применительно к праву, вышеуказанные закономерности предопределяют как объём правового регулирования, так и пределы дискреционности. Оценка способности субъекта правоотношений достигать удовлетворения предусмотренного законом интереса, по сути, в части содержания может производиться именно при анализе эмпирического и интеллектуального факторов.

Приведём ряд примеров. В многообразии правовой жизни существуют отношения, при которых несколько субъектов или все таковые, не обладая достаточно

объёмной единообразной системой поведенческих моделей, будут не способны достигать юридически значимой цели, даже если мотивационная составляющая их поведения функционирует без применения государственного принуждения. Так, общность добро-совестно настроенных граждан оперативно не сможет взять на себя функции образовательного учреждения. Поэтому при помощи систематизированного учёными-педагогами опыта прошлых поколений разработана система образования, предъявляющая требования к порядку функционирования такой организации. Например, обязанность иметь высшее или среднее профессиональное образование для лица, занимающегося педагогической деятельностью⁶. В качестве другого примера можно привести ситуацию, в которой дискреционность также будет снижена, но уже в силу вероятности наступления более тяжких последствий. Таким примером является факт значительного лишения возможности действовать по собственному усмотрению участников дорожного движения. Очевидно, что формирование поведенческих моделей на основе собственного опыта в данном случае должно быть минимальным, так как многие самостоятельные решения могут привести к тяжелым травмам или гибели людей.

Но анализ детерминант содержательной составляющей дискреционного поведения может также привести к выводам о необходимости расширения сферы усмотрения или сохранения её достаточно широкой. Здесь важно отметить два обстоятельства, говорящие в пользу вышеуказанного утверждения: это важность сохранения разумных пределов императивности правового регулирования и непрерывность процесса получения опыта.

Аргументацию здесь необходимо начать с парадигмы уникальности каждого вновь возникающего явления действительности. Считаем, что можно согласиться с тем, что в природе не встречается два идентичных объекта. Каждый из них имеет индивидуальные признаки, а группируются они на основании общих. Таким же свойством обладает и правовая жизнь во всём многообразии её проявлений. Мы как бы выхватываем из реальности общее и группируем на его основе вещи, явления, процессы и т.д. Из этой посылки имплицитно следствием, выраженное в факте уникальности каждого отдельно взятого отношения в правовой жизни, объединённого с другими такими при помощи мысленного схватывания общих черт. В соответствии с этой логикой поведенческая модель образуется как результат индуктивных процессов сознания включённых в правоотношения субъектов. Но опыт не прекращается, а отношения эволюционируют, преобразуя модели в процессе социально-правовой адаптации.

Рассуждения такого характера ведут нас к утверждению идеи ограничения пределов правового регулирования наиболее статичными элементами структуры различных типов социального взаимодействия, представляющими наибольшую важность в процессе

достижения юридически значимых целей, а также к утверждению о неэффективности жёсткого нормирования достаточно динамичных элементов такового. Так, множество складывающихся правовых ситуаций может требовать сиюминутного формирования алгоритма поведения, поэтому юридическое нормирование в данном случае может не только понизить эффективность при удовлетворении интереса, но и вовсе этому воспрепятствовать. С другой стороны, для достижения цели часто нужно выбирать один из многих возможных вариантов, постоянно корректируя поведенческую модель в соответствии с изменениями среды. Соответственно, и здесь жёсткий регламент будет мешать стремлениям субъекта.

Определив детерминанты содержательной составляющей дискреционного поведения, перейдём к исследованию того, как, где и в какой форме это содержание представлено в современном обществе.

Очевидно, что в первую очередь содержательная составляющая дискреционного поведения (как и мотивационная) находится в индивидуальном сознании. В дальнейшем она запечатлевается в действительности и передаётся от субъекта к субъекту правоотношений. Эта передача происходит при помощи различных форм коммуникации, которые, в свою очередь, формируют внешне выраженный массив исследуемого нами элемента. Так, к носителям содержательных моделей дискреционного поведения можно отнести:

- обычаи, находящие своё отражение непосредственно в отношениях, в актах вербальной коммуникации, а также в фиксации на каких-либо материальных носителях.
- технические приёмы, тактики и методики, помимо отношений выражающиеся в виде учебных пособий, методических рекомендаций, наставлений и т.д.
- ритуалы.
- нравственность
- этикет.
- диспозитивные нормы позитивного права.

Перечень, приведённый нами выше, достаточно трудно сформулировать полностью, а также чётко отграничить каждый элемент друг от друга в силу неоднозначности содержания многих систем, составляющих содержательный элемент дискреционности. Так, этикет отчасти можно переплести как с ритуалом, так и с обычаем, а нравственность, в свою очередь, с социальным правом, представленным большим массивом правовых обычаев, когда последние во многом могут иметь ритуальный характер. Поэтому мы можем лишь обозначить принцип, по которому объединяем все вышеназванные системы поведения: содержательная составляющая дискреционного поведения включает в себя всё многообразие нормативных систем социального поведения, за исключением юридически оформленных императивных норм. Для теоретико-правовой науки это важно, в первую очередь, потому, что только через оценку эффективности вышеназванных регу-

ляторов мы можем качественно регулировать общественные отношения при помощи формальных юридических императивов.

Литература

1. Нормативные правовые акты:
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) // «Российская газета», № 303, 31.12.2012.

Научная литература

1. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // В сборнике: Современные тенденции развития государства и права России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30-31 марта 2010 г.). Московский университет МВД России, Тамбовский филиал. Тамбов. 2010. С. 18-21.
2. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права. Монография. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2013. С. 15-19.
3. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике: Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции (06 июня 2011 г.). Краснодар, Пресс-имидж. 2011. С. 301-304.
4. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. — СПб.: Издательский дом СПбГУ, Издательство юридического факультета, 2004.
5. Клименко А.И. Идеолого-политические основания гражданского общества как правового феномена: к вопросу о гражданском обществе в современных политических структурах западного типа // Пространство и время. — 2015. № 1-2. С. 18-23.
6. Клименко А.И. Правовое и политическое сознание. Различия и взаимосвязь. // Закон и право. 2004. № 8. С. 55-59.
7. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
8. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
9. Литвяк Л. Г., Плыгунов К. А., Катасонов А. В. Коррупция в России: история и современность

// ИСОМ. 2015. №4. С. 35-39.

10. Малахов В. П. Правовая политика и правопорядок. Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. Монография / Варламова Н.В., Лапаева В.В., Лукашева Е.А., Малахов В.П., и др.; Под ред.: Соколова Н.С. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
11. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения / В. П. Малахов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
12. Мамонтов А.Г. Административно-политический фактор в системе правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 120-126.
13. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14.
14. Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Дубинина Е.Н., Зыкова С.В., Недобежкин С.В. История политических и правовых учений. Учебное пособие для слушателей, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (квалификация «магистр»). Москва, 2013.
15. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой; терминологическая правка В. Данченка. — К.: PSYLIB, 2004.
16. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — Серия «Мир культуры, истории и философии». — СПб.: Издательство «Лань», 2000.
17. Douglas McGregor Human Side Of Enterprise // Management Review. № 11. 1957. 41-49 pp.
18. Dworkin R. Taking Rights Seriously, Harvard University Press. — 1977.
19. Hart H. L. A. The Concept of Law, Oxford University Press (second edition). — 1994.

¹ Литвяк Л. Г., Плыгунов К. А., Катасонов А. В. Коррупция в России: история и современность // ИСОМ. 2015. №4. С. 35-39.

² См. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — Серия «Мир культуры, истории и философии». — СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 154, 273, 384, 415.

³ См. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. — СПб.: Издательский дом СПбГУ, Издательство юридического факультета, 2004. С. 158-176.

⁴ Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой; терминологическая правка В. Данченка. К.: PSYLIB, 2004. — Гл. 4.

⁵ Douglas McGregor Human Side Of Enterprise // Management Review. № 11. 1957. 41-49 pp.

⁶ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016). Ч. 1 Ст. 46. // «Российская газета», № 303, 31.12.2012.

УДК 34.06
ББК 67.0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ

СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ,

*доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

*Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.*

E-mail: ivan.tgp@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Для получения достоверных знаний о различных государственно-правовых явлениях, которые наиболее тесно связаны с социальной сферой жизни общества, необходимо не только применение самих методов социологических исследований, но и знание методики их использования.

Ключевые слова: методы конкретных социологических исследований, достоверность научного знания, метод опроса, метод вторичного анализа данных социологических исследований.

Annotation. To obtain reliable knowledge about various state-legal phenomena, which are most closely connected with the social sphere of life of society, it is necessary not only the use of methods of sociological research, but also knowledge of methods of their use.

Keywords: methods of concrete sociological research, the veracity of scientific knowledge, method, survey method, secondary analysis of social data.

Поскольку государственно-правовые явления, изучаемые множеством различных юридических наук, являются социальными явлениями, то их отличительной особенностью будет не только неоднородная и многоуровневая структура, но и наличие большого количества социальных факторов, воздействующих на их формирование и развитие, наличие множества связей между ними. Для получения достоверных знаний о таких сложных и неоднозначных социальных явлениях в современной науке разработаны соответствующие методы познания, а главное и методика, то есть определенная логическая последовательность этапов и шагов по применению соответствующих приемов и способов познания, требований к их применению в рамках одного или нескольких научных методов.

В наибольшей степени методы познания социальных явлений и факторов на них влияющих разработаны в социологических науках. Использование в юридических исследованиях принципов и отдельных методов конкретных социологических исследований

приносит осязаемые результаты и помогает не только восполнить пробелы в познании некоторых вопросов (сторон) государственно-правовых явлений, но, зачастую, является и необходимым условием для познания этих сложных по структуре явлений. К их числу следует отнести такие как правореализационный механизм, функциональные характеристики правосознания конкретных социальных групп¹, отдельные характеристики правовой идеологии², уровень законности и правопорядка в обществе и мн. др. Для понимания отдельных аспектов государственно-правовых явлений необходимо знание отношения населения к нормативным решениям органов власти³, к деятельности правоохранительных органов⁴ и другие вопросы. Юридические исследования, содержащие результаты применения социологических методов, наполняются конкретными выводами и, если можно так выразиться, «очеловечиваются», т.е. приобретают вполне понятное, пусть даже и «мозаичное»⁵ содержание.

Однако авторы юридических исследований, кото-

рые используют различные социологические методы, не всегда описывают методику их применения. К примеру, для убедительности полученных выводов авторы отдельных правовых исследований, главным образом диссертационных, самостоятельно проводят опросы населения, получают определенные выводы по правовой тематике. К сожалению, упоминания о ключевых элементах методики проведения опроса населения почему-то отсутствуют (о необходимости составления программы для подобного рода исследования умолчим). Для доказательности полученных в ходе опроса выводов необходима, к примеру, процедура обоснования выборки, т.е. расчет объема выборочной совокупности опрашиваемых лиц, обоснование репрезентативности (представительности) участвующих в опросе респондентов, обоснование типа выборки⁶ и т.п.

На различных этапах до проведения официальной процедуры защиты диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук на вопрос о том, какой вид выборки использовался автором в проведенном им социологическом исследовании, можно услышать такие ответы: «обычный», «в тексте диссертации об этом ничего не сказано» и т.п. В таких случаях возникает один существенный вопрос: в какой мере выводы, сделанные на материале такого рода выборочной совокупности (случайно опрошенных лиц), можно связывать с генеральной совокупностью, на которую распространяются выводы исследования (на население страны, региона или муниципального образования, на представителей социальной или профессиональной группы)?

Если принимать во внимание наиболее распространенный подход к пониманию достоверности как характеристики научного знания, истинность или ложность которого доказана, то, скорее всего, отдельные выводы в подобного рода исследованиях следует признавать недостоверными. Соответствующую оценку таким исследованиям и отдельным выводам, как показывает практика, давать не принято. Однако, если бы научные руководители помогали своим соискателям в вопросах выбора методов и методик исследования, то негативных оценок можно было бы избежать и соискатели были бы только благодарны за своевременную и действенную помощь.

Помимо этого, уполномоченные лица (организации) могут также помочь в оценке достоверности результатов диссертационного исследования. До «запуска» процесса защиты диссертации это могут сделать представители того подразделения образовательной или научной организации, где выполнялась диссертация, поскольку в заключении данной организации должна быть отражена «степень достоверности результатов проведенных соискателем ученой степе-

ни исследований» (п. 16 Положения о присуждении ученых степеней⁷). На этапе подготовки к процедуре официальной защиты диссертационного исследования это могут сделать представители коллективов организаций, готовящих отзывы ведущих организаций. Уже в процессе официальной защиты диссертации это могут быть члены диссертационных советов, которые во время публичной защиты анализируют «достоверность и обоснованность всех выводов ...» (п. 30), а также официальные оппоненты и иные лица.

Поскольку самостоятельное проведение опросов населения (отдельных групп населения) может оказаться сложным и затруднительным, то остается попытка проанализировать и использовать результаты конкретных социологических исследований, проводимых профессионалами, для получения выводов по юридической тематике. В самом деле, в средствах массовой информации зачастую можно познакомиться с публикациями, содержащими информацию о результатах социологических исследований. Как правило, это отдельные цифры из результатов социологических опросов населения на злободневную общественно-политическую проблематику с отдельными, вырванными из контекста отчета социологического исследования, выводами, либо выводами в трактовке редакции издания, конкретного журналиста. Нередко интересные юриста результаты публикуются в научных изданиях, специализирующихся на исследованиях социальной сферы жизни общества («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Политические исследования» и др.). Очень редко в научных и общественно-политических изданиях публикуют результаты социологических исследований, проводимых по заказу государственных органов, различных организаций непосредственно по юридической проблематике.

Познакомившись с некоторыми из них, исследователь начинает «примерять» отдельные выводы и факты к тем вопросам, которые ставятся им в юридическом исследовании. Какие-то из них могут показаться исследователю вполне подходящими для ответа на поставленные в юридическом исследовании вопросы, какие-то из них могут даже заполнить, по его мнению, пробелы в проводимом исследовании, другие могут послужить дополнительной доказательственной базой для уже имеющихся выводов и даже сформулированных научных гипотез. В данном случае исследователь сталкивается с возможностью применения метода вторичного анализа данных социологических исследований⁸.

Однако методика использования данного метода имеет свою специфику, о которой исследователь может и не знать: его исследование не имеет ничего общего с тем исследованием, о котором он узнал из

общественно-политического или даже из научного издания, в особенности оно не имеет ничего общего с теми цифрами и выводами, которые изложены в этих изданиях. Все дело в том, что социологическое исследование, к примеру, опрос населения, проводится в соответствии с Программой исследования. В этой Программе есть множество различных разделов, одним из предварительных итогов которых являются соответствующие формулировки вопросов анкеты и формулировки ответов на них (обоснование отсутствия ответов на открытые вопросы). Узнав об отдельных вопросах анкеты в той или иной интерпретации, а также о простом процентном распределении ответов на некоторые из них, ученый-юрист делает вывод о том, что именно эти цифры и отвечают на поставленные в его исследовании вопросы, они уж точно «подходят» к его исследованию.

На самом деле, даже формулировки каждого из вопросов и ответов на них, их последовательность в анкете почти всегда направлены на решение совершенно других задач, поиска ответов на совершенно другие научные вопросы, чем это может показаться ученому-юристу. Для того, чтобы понять, какие цели в действительности ставились в социологическом исследовании, на решение каких задач оно было направлено и какой при этом использовался инструментарий, необходимо иметь доступ к Программе исследования, в частности, не только к таким разделам как цель и задачи, но и таким как операционализация (логический анализ) исследуемых понятий, выбор индикаторов и шкал измерений, тексту анкеты, простым и корреляционным распределениям и многим другим⁹. В подавляющем большинстве случаев стороннему исследователю такой доступ закрыт, Программа, как и все остальные разделы исследования, является собственностью заказчика. Несмотря на то, что возможность использования отдельных результатов исследования в научных целях оговаривается в договоре на проведение социологического исследования (может также регулироваться устными соглашениями или нормами профессиональной этики), тем не менее, исполнитель ограничен в огласке даже основных результатов исследования. Исключение могут составить разве что отдельные диссертации по

социальной проблематике, авторы которых проводили самостоятельные исследования от формулировки цели до подсчета данных и их анализа, выступая в роли заказчика и исполнителя в одном лице и разместив Программу исследования, как правило, в одном из Приложений к диссертации, но в последние годы это встречается редко.

Таким образом, для выводов с использованием метода вторичного анализа данных социологических исследований необходим выверенный и логически обоснованный подход к получению нового знания, который учитывал бы не просто специфику юридического исследования, но и определял точки предметного соприкосновения с социологическим исследованием.

¹ Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. М., 2001. С. 58-69.

² Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2016; Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.

³ Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях ис-точников права. // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14; Иванов С.А. О соотношении федеральных законов и подзаконных нормативных право-вых актов Российской Федерации. М., 2003. С. 80-81.

⁴ Гарашко А.Ю. Источники права как нормативная основа полицейской деятельности. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 11-12; Иванов С.А. Система нормативных правовых актов МВД России. Учеб. пособие. М., 2001. С. 17-22.

⁵ Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Клименко А.И., Лановая Г.М., Сидорова Е.В. История и методология юридической науки. Учеб. пособие. / Под ред. В.П. Малахова и А.Г. Мамонтова. М., 2013. С. 89.

⁶ Руденко Л.Д. Современные методы социологических исследований. Учеб. пособие. Ярославль, 2012. С. 42-43.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (Ч. III). Ст. 5074 (в ред. от 02.08.2016).

⁹ Карпова А.Ю. Социология (современные методы социологических исследований): учеб пособие. Томск, 2014. С. 46-57.

Бельский В.Ю., Кравченко А.И., Курганов С.И. Социология для юристов: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 357-359.

УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ИВЛЕВА,

преподаватель кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: ivleva.nataliya2009@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается вопрос о политической форме существования государства. Обосновывается тезис о необходимости выделения политической формы государства, а также то, что политическая форма государства всегда только внутренняя.

Ключевые слова: государство, форма государства, форма правления; политический режим; форма государственно-территориального устройства.

Annotation. This article discusses the issue of the political form of existence of the state. The thesis of the necessity of the political form of the state, and that the political form of the state always internal only.

Keywords: state, form of state, form of government; political regime; a form of state-territorial structure.

Государство, выступая сложным конгломератом организации политической власти и жизни общества, сила принуждения которого общеобязательна, а основные направления внутренней и внешней деятельности взаимосвязаны и взаимообусловлены, является объектом пристального изучения теории государства и права¹. Однако используемый в современной теоретико-правовой науке позитивистский подход к пониманию государства и права приводит нас к догматическому восприятию действительности, наполненного идеологическими штампами. Одним из таких проблемных мест в теории государства является вопрос о его форме. Рассматривая классические трактовки формы государства с позиции научной методологии обнаруживаются ряд недостатков, так как они неполны, противоречивы, объяснение их форм не предполагает объяснение их содержания².

Так, в современной теории государства и права, истории политической и правовой мысли подчеркивается, что триединство формы государства (формы правления, формы территориального устройства и формы режима) раскрывают политическую суть формы государства. Их назначение раскрыть политическую сущность государства, как политической организации общества³. Из чего следует, что рассматривая политическую суть государства, мы исследуем способ политической организации жизни общества, который, в свою очередь, не позволяет нам изучать государство в рамках теории форм.

Для понимания самости рассматриваемого явления необходимо рассмотреть несколько подходов к проблеме.

Прежде всего, следует рассмотреть форму государства как некую формальную модель государства, заложенную в законодательстве⁴. Так, как правило, в большинстве конституций, а в некоторых случаях и федеральных конституционных законах, провозглашается форма государства, аккумулирующая в себе различные аспекты государственной жизни.

Например, Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года в части 1 статьи 1 провозглашает: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Однако, законодатель, нормативно закрепляя в России республиканскую форму правления не уточняет ее разновидность⁵. И.Г. Шаблинский объясняет это тем, что в ходе разработки проекта Конституции большинство участников Конституционного Сопровождения «смутно представляло себе то, какой должна быть проектируемая форма с точки зрения классической теории конституционного права»⁶. Так, Конституция Туркменистана в статье 1 провозглашает, что: «Туркменистан — демократическое, правовое и светское государство, в котором государственное правление осуществляется в форме президентской республики»⁷.

Однако, устанавливая ту или иную форму государства, правительство, парламент или правящая партия,

путем издания основного закона, определяет цели, задачи и функции государства, что свидетельствует об идеализируемом представлении государства, где установленная форма является целью, а не отражением действительности. Тем самым, форма государства предопределяется носителями государственной власти, что позволяет нам отнести их к правовым.

Правовая регламентация позволяет нам подтвердить отнесение данной формы к правовым формам существования государства. Данное утверждение позволяет нам обратиться к юридическому правопониманию, где источником норм права выступает само государство. Тем не менее, данный поход не представляется нам как позволяющий раскрыть сущность формы государства. Так, юридическое правопонимание является результатом верховенства государства в политической сфере, что, в свою очередь, не позволяет раскрыть правовую сущность государства. В.П. Малахов считает, что «утверждение о существовании значимого права только в юридической форме ведет и в теории, и на практике к гипертрофии роли и функций государства, к видимости существования ... гражданского общества..., но это не отрицание роли права в его строгом юридическом понимании и особенно не отрицание его главенствующей роли в современных различных странах»⁸. Кроме того, рассматривая сущность государства необходимо признать многообразие форм права, где государственное право существует наряду с негосударственным. Отражение особенностей политических форм государства путем нормативного закрепления в конституциях и законах, позволяет нам исследовать специфику этих форм в каждом конкретном государстве.

В научной литературе встречается широкий спектр мнений относительно политических и правовых форм государства, но все они сходятся во мнении, что определяющим форму государства является способ организации государственной власти. Что требует рассмотрение формы государства в ее классическом виде, путем выделения формы правления, формы территориального устройства, политического режима). Такое расчленение формы государства позволит нам определить формы самой государственной власти.

Так, русский ученый-правовед и философ И.А. Ильин говорит о том, что «государственная форма есть не «отвлеченное понятие» и не «политическая схема», безразличная к жизни народов, а строй жизни и живая организация народа»⁹.

Под формой правления, как известно, понимается система формирования и организации верховной власти в государстве, включающая порядок взаимодействия и распределения властных полномочий между собой.

В научной литературе выделяют две основные формы правления — монархическую и республиканскую. В основу такого деления положены порядок избрания и замещения главы государства и принадлежность высшей государственной власти одному или многим лицам. На наш взгляд, этот критерий является формальным, ограничивает различие форм правле-

ния уровнем явлений, за которыми их сущность плохо различима. Но такова сложившаяся традиция понимания форм правления, и мы будем ее придерживаться, если она не будет затруднять анализ связи типов правления с формой государства.

Следует обратить внимание на то, что понятия «монархия» и «республика» стали некой словесной оболочкой формальной юридической конструкции, не наполненной сущностными характеристиками данных понятий, они недостаточны для анализа содержания, ценностный характер которого обнаруживается только в исторической ретроспективе, при описании эволюции политических институтов¹⁰.

В научной литературе выделяют две основные формы правления — монархическую и республиканскую. Монархии традиционно различают абсолютные и ограниченные, а последние подразделяются на дуалистические и парламентские. Республики — парламентские, президентские и смешанные. В основу такого деления положены порядок избрания и замещения главы государства и принадлежность высшей государственной власти одному или многим лицам.

Понятие «монархия» и понятие «республика» сами по себе являются только лингвистической оболочкой, которая требует ценностного наполнения. Только рассматривая государство, и форму правления в частности, в исторической ретроспективе, описывающей эволюцию политических институтов, возможно наполнить форму ценностным содержанием¹¹. Однако, те пространные представления о конкретных формах правления, государственного устройства и режима неадекватны как историческому, так и современному опыту, ведь практика использования таких терминов как «монархия», «демократия», «конфедерация», «федерация» и др. показала, что они стали шаблонами, не отражая сущностных характеристик данных понятий.

Тем не менее, по поводу общего понимания формы правления у ученых в принципе нет разногласий. Различия в позициях обнаруживаются на стадии определения видов форм правления (и форм государства в целом).

Так В. Иванов выделяет девять форм правления: 1) деспотическая (ОАЭ, Бахрейн, Катар, Оман и др.); 2) тираническая (Бирма); 3) парламентско-правительственная (Испания, Малайзия, Таиланд, Япония и др.); 4) парламентская (Швейцария); 5) президентская (США, Российская Федерация); 6) президентско-парламентская (Франция, Польша); 7) централистская (Вьетнам, Северная Корея, Куба, Лаос, Китай); 8) богословская (Иран); 9) «народная» («государство масс») (Ливия)¹².

Заслуживает внимания классификация форм правления представленная К.А. Писаренко. Он высказывает мнение о том, что монархия не является формой правления, а выступает лишь базовым элементом подлинных форм правления, где классификация форм правления не сводится к определению числа правящих лиц. Автор выделяет четыре основные формы правления: абсолютно-наследственная монархия, конституционно-наследственная монархия, конституцион-

но-выборная монархия и абсолютно-однопартийная монархия¹³.

Есть и более ценностно ориентированные теоретические позиции относительно различий между формами правления. Так, еще в XVIII веке немецкий правовед Д. Неттелблат относительно республики писал в своей работе «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, направленной к употреблению основания положительной юриспруденции и переведенное с латинского языка»: «Форма республики есть определенный способ управлять правлением, и называется правильною... и неправильною»; «к неправильным республикам особливо принадлежит сложная республика, то есть такая, которой члены суть такие меньшие республики, коих правление подчинено правлению большей республики, из которых члены оных находятся»¹⁴.

Б.А. Осипян, который полагает возможным говорить о правомерных и неправомерных типах государства (с точки зрения формы правления): «все правомерные и неправомерные типы государства можно условно подразделить на монархии и парламентские республики, которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие им разновидности»¹⁵.

По нашему мнению, однако, говорить о неправомерных формах правления — значит абсолютизировать ее ценностную характеристику. Но правление не может осуществляться вне правовой формы, и в таком случае любая форма правления хотя бы в формальном смысле, но правомерна.

Другая из форм государства — форма государственного устройства. Под ней в теории понимается система способов распределения государственной власти между центральными, региональными и местными органами государственной власти, определяющая строение государства по национальному, территориальному или смешанному принципу, включающая в себя систему и характер взаимосвязей между административными единицами государства¹⁶.

Традиционно выделяются две формы государственного устройства — унитарное и федеративное государство. Но, как и с формами правления, в теории обосновываются и формы устройства, отличающиеся более дифференцированными характеристиками, чем характеристики унитарности или федерализма. Так, например, В. Иванов рассматривает устройство государства через призму территориальных образований, включающих в себя: 1) население или части населения государства; 2) территорию или совокупность частей территории государства; 3) публичную власть. Территориальные образования можно разделить на: 1) государственные, т.е. территории, пользующиеся всей полнотой государственной власти вне пределов прямого ведения государства; 2) автономные, т.е. являющиеся самостоятельными в пределах четко установленных конституционными актами государства; 3) административные, статус которых определяется только актами государства, но отсутствуют свои конститу-

ционные акты.

Анализ государственного устройства Италии и Испании позволил В. Иванову выделить новую государственную форму устройства — регионалистическую, которая является временным этапом на пути к федерации. Кроме того, для характеристики современных государств он выделяет централизованные и децентрализованные субформы унитарного и федеративного устройства¹⁷.

А.В. Баранов, помимо традиционно выделяемых унитарного и федеративного государств, а также конфедерации, относит к формам государственного устройства и иные формы межгосударственных объединений: 1) содружество — объединение государств, обладающих независимостью, но, тем не менее, находящихся в такой экономической зависимости друг от друга, которая практически лишает их способности самостоятельно существовать по крайней мере в этом плане (например, ряд стран СНГ); 2) сообщество государств, являющимся переходной формой государственных союзов, создаваемых, как правило, с целью подъема своего экономического потенциала и закрепляющих деятельность в общем направлении межгосударственными договорами (например, ЕЭС); 3) протекторат; 4) уния, т.е. объединение, как правило, феодальных государств на основе междинастических браков либо отношений вассалитета и представляющая собой соглашение между государствами, позволяющих им оставаться независимыми; 5) фузия, т.е. объединение государств путем их слияния и добровольного вхождения одного государства в состав другого (например, объединение ФРГ и ГДР); 6) инкорпорация, т.е. объединение государств путем насильственного поглощения одного государства другим (например, присоединение прибалтийских государств к СССР в 1940 г.); 7) империя — сложносоединенное государство, как правило, создаваемое насильственным путем и имеющее колониальные владения¹⁸.

Высказанная позиция автора безусловно представляет научный интерес. В ней принимаются во внимание не типологические, а именно классификационные характеристики форм государственного устройства, что позволяет придать каждой из этих форм строгую правовую форму. Однако правовая форма не будет определяющей в характеристике конкретной формы устройства. Как известно, чем строже правовая форма, тем формальнее право. Иными словами, связь государства с правом в аспекте формы государственного устройства опосредованная и условная.

Переходя к анализу режима как формы государства, следует отметить, что нередко в научной литературе речь идет о политическом или о государственном режиме. На наш взгляд, понятия политического и государственного режима не синонимичны. В противном случае происходит отождествление политологической и юридической интерпретации режима как формы государства, что не соответствует реальности. В государственном режиме политический и правовой моменты

четко скоррелированы, и различия между формами государственного режима кроются главным образом в характере связи политического и правового моментов, «доли» и значимости правовой составляющей в осуществлении государственной власти ее субъектами.

Существуют иные подходы к определению режима. Так, в настоящее время нередко встречается теории понимание режима, сформированное еще в советское время, как характеризующего не форму, а сущность государства¹⁹. Как известно сущность государства политическая, но это не означает, что способ осуществления государственной власти — чисто политический процесс. Если режим в действительности становится таковым, тогда право в контексте характеристики режима предстает только как внешняя форма, произвольная по отношению к этой сущности.

Неудачным представляется также использование понятия государственного режима, поскольку указание на государственный режим избыточно — негосударственных режимов нет. Поэтому, исходя из сказанного ранее о единстве политического и правового в характеристике формы государства, наиболее точным обозначением режима в рамках юридической теории будет понятие политико-правового режима. И основная теоретическая проблема в данном случае — выявить правовую составляющую процесса властвования (осуществления власти) и выразить ее адекватным правовым языком. Как следствие, этот вопрос решается только при условии выхода на проблему правосознания.

Традиционно сложившимся является дихотомическое деление режимов представляет на демократические и недемократические. В рамках данного деления конструируются более детальные классификации.

В.В. Оксамытный расширил традиционную классификацию государственных (политических) режимов, добавив либеральный (переходный) режим, который характерен для стран, покончивших с антидемократическим правлением, проводящих либеральные реформы в экономике, в политической системе общества, в методах и способах осуществления государственной власти (например, участники СНГ в постсоветский период)²⁰.

Западные политологи и юристы также предлагают различные классификации государственных (политических) режимов. Например, М. Дюверже различает: либеральный и авторитарный; демократический, авторитарный, смешанный; монархический (диктаторский), режим директории (коллективное правление) и комбинированный режимы. Рассматривая форму государства и партийную систему, он также различает английский, американский и русский режимы²¹.

Таким образом, выделение форм государства в научной литературе осуществляется на основании весьма разнородных и не всегда четкого объяснения необходимости введения того или иного критерия. Критериями выступают различные признаки государства, при этом каждая из форм выделяется на основании характеризующего только ее признака. форма государства представ-

ляет собой институционально и нормативно организованную систему государственной власти. Рассматривая правовое и политическое в форме государства, необходимо признать, что все процессы происходящие в государстве носят в первую очередь политический характер, а правовая форма государства, по сути, представлена лишь государственным правом.

Литература

1. Авдеев Д.А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. Право. С. 54-62.
2. Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. — Тула, 2016. — 160 с.
3. Иванов В. К критике современной теории государства. М.: Территория будущего, 2008. — 158 с.
4. Ивлева Н.Ю. К вопросу о сущности формы государства // В сборнике: К 40-летию образования кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР
5. Сборник научных статей. Москва, 2015. С. 341-353.
6. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Сочинения. М.: Эксмо, 2006. — 912 с.
7. Кожевина М.А. «Неттелбладтова система», или Чему учили первых российских правоведов // Научный вестник Омской академии МВД России № 1(28). 2008. С. 31-40.
8. Конституции государств Азии. Том 2. Средняя Азия и Индостан.- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. — 1024 с.
9. Кудрявцев Ю.А. Государственные режимы. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. — 347 с.
10. Малахов В.П. Формы и виды права. / В кн. Малахов В.П. Концепция философии права. (Серия «Научные школы Московского университета МВД России») — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 751 с.
11. Осипян Б.А. Причины разнообразия форм государственного правления и устройства // Современное право. 2009. № 1. С. 25-34.
12. Правкин И.В., Правкина И.Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // современное право. 2015. №7. С.45-48.
13. Шаблинский И.Г. К истории рождения современной российской формы правления // Государство и право. 2008. № 6. С. 110-115.

References

1. Avdeev, D. A. Republican monocratic or the constitutionalization of the Russian form of

- government // Vestnik of Tyumen state University. 2014. No. 3. Right. P. 54-62.
2. Dubinina E. N. The causes, nature and methods of originali.- Tula, 2016. — 160 p.
  3. Ivanov V. critique of the modern theory of the state. Moscow: territory of the future, 2008. — 158 p.
  4. Ivleva N. Yu. To the question about the nature of the form state // In the collection: the 40th anniversary of the Department of state and legal disciplines of the Moscow higher school of militia of MIA USSR a Collection of scientific articles. Moscow, 2015. P. 341-353.
  5. Ilyin I. A. Why we believe in Russia // Works. M.: Eksmo, 2006. — 912 p.
  6. Kozhevina, M. A. “Nettelbladt system”, or taught the first Russian lawyers // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia № 1(28). 2008. P. 31-40.
  7. Constitution of the Asian States. Volume 2. Central Asia and the Indian subcontinent.- M.: Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010. — 1024 p.
  8. Kudryavtsev Yu. a. State the modes. SPb.: Publishing house “Legal center Press”, 2012. — 347 p.
  9. Malakhov V. P. Forms and types of law. / In the book. Malakhov V. P. the Concept of the philosophy of law. (Series «Scientific school of Moscow University of the MIA of Russia») — M.: UNITI-DANA, 2007. — 751 p.
  10. Osipyanyan B. A. the causes of the diversity of forms of government & devices // Modern law. 2009. No. 1. P. 25-34.
  11. Pravkin I. V., Brovkina I. N. The role of legal strategies in the reform of the judicial system // modern law. 2015. No. 7. P. 45-48.
  12. Shablinsky I. G. To the history of the birth of the contemporary Russian form of government // State and law. 2008. No. 6. P. 110-115.
- государства. М.: Территория будущего, 2008. С. 7-8.
- ⁴ См. подробнее: Правкин И.В., Правкина И.Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // Современное право. 2015. №7. С.45-48.
  - ⁵ Авдеев Д.А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. Право. С. 55.
  - ⁶ Шаблинский И.Г. К истории рождения современной российской формы правления // Государство и право. 2008. № 6. С. 111.
  - ⁷ Конституции государств Азии. Том 2. Средняя Азия и Индостан.- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 792.
  - ⁸ Малахов В.П. Формы и виды права. / В кн. Малахов В.П. Концепция философии права. (Серия «Научные школы Московского университета МВД России») — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 370.
  - ⁹ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Сочинения. М.: Эксмо, 2006. С. 30.
  - ¹⁰ И.Р. Кушхов. Соотношение элементов формы государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. №6. С.12.
  - ¹¹ Иванов В. К критике современной теории государства. М.: Территория будущего, 2008. С. 37-57.
  - ¹² См.: Писаренко К.А. Об эволюции форм правления европейских государств в Новое и Новейшее время (конец XVI — XX век). М., 1998. С. 21 — 27.
  - ¹³ Кожевина М.А. «Неттелбладтова система», или Чему учили первых российских правоведов // Научный вестник Омской академии МВД России № 1(28). 2008. С. 38.
  - ¹⁴ Осипян Б.А. Причины разнообразия форм государственного правления и устройства // Современное право. 2009. № 1. С. 30.
  - ¹⁵ Ивлева Н.Ю. К вопросу о сущности формы государства // В сборнике: К 40-летию образования кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР Сборник научных статей. Москва, 2015. С. 341-353.
  - ¹⁶ См.: Иванов В. К критике современной теории государства. М.: Территория будущего, 2008. С. 61-85.
  - ¹⁷ Кудрявцев Ю.А. Государственные режимы. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. С. 49.
  - ¹⁸ См.: Кушхов И.Р. Соотношение элементов формы государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 6. С. 12.
  - ¹⁹ Баранов А.В. Теория государства и права. Ч. I: Теория государства. Томск: Эль Контент, 2012. С. 91-96.
- ²⁰ См., например: Денисов И.А. Сущность и формы государства. М., 1960; Лашин А.Г. Возникновение и развитие социалистического государства. М., 1965.
- ²¹ Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 220.

¹ См. подробнее: Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. — Тула, 2016. С. 10-15.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе издание. Т. 1. — М.: Гос. Изд. Политической литературы, 1955. С. 291.

³ См. например, Иванов В. К критике современной теории

УДК 343.82
ББК 76.409

ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА (1960-1970 ГГ.)

ВЛАДИМИР МАРКОВИЧ ИСАКОВ,

*доктор юридических наук, профессор,
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отделения Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: ivm45@mail.ru*

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МЕЛЬНИК,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы трудоустройства осужденных в исправительно-трудовых колониях в период становления собственного производства (1960-1970 годы).

Ключевые слова: осужденные, трудоустройство, собственное производство исправительных учреждений.

Annotation. The article discusses *trudoispol'zovaniâ* convicts in corrective labour colonies during the formation of own production (1960-1970).

Keywords: convicted, *trudoispol'zovanie*, own production facilities.

Шестидесятые годы ознаменовались принятием Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 года, которое определило, что основным местом содержания осужденных к лишению свободы, должны быть исправительно-трудовые колонии с собственной производственной базой. Однако указанное постановление обозначило перспективу развития исправительно-трудовой системы, а не ближайшую задачу. Именно поэтому буквально через год, 13 сентября 1962 года Совмин СССР обязал Советы Министров союзных республик обеспечить рабочей силой из числа осужденных строительство Байкальского целлюлозного завода, ряда электростанций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Раннее поставленная задача ликвидации преступности полностью к 1980 году делала бесперспективными усилия администрации по улучшению коммунально-бытовой инфраструктуры в местах заключения и затраты усилий на создание современной производственно-материальной базы. Нереальная постановка задач, в деле борьбы с преступностью, ориентация работников правоохранительных органов на решение заведомо не решаемой задачи, сказались на темпах преобразований

в системе органов исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Стремление по-прежнему распоряжаться рабочей силой из числа осужденных в интересах планового развития народного хозяйства страны приводило к тому, что сразу же начал нарушаться только что закрепленный законодательно принцип, в соответствии, с которым осужденные должны отбывать наказание, как правило, по месту жительства или осуждения.

Создание колоний четырех видов режима, дифференциация контингента в зависимости от тяжести совершенного преступления и количества судимостей неизбежно потребовали перемещения значительных масс осужденных. Следствием этого явилось падение всех производственно-экономических показателей, снижение прибыли, получаемой от производственно-хозяйственной деятельности.

Невозможность получения достаточных средств, для создания собственной производственной базы ИТУ, и в то же время стремление занять всех осужденных производительным трудом заставляло руководство МВД искать выход из этого положения. Получает широкое развитие привлечение осужденных

к работам на контрагентских началах, в отраслях народного хозяйства недостаточно обеспеченных трудовыми ресурсами.

На темпах роста собственной производственной базы ИТУ существенно сказывалось слабое финансирование. В 1961 году для этих целей МВД разрешалось использовать только 30 процентов отчислений от плановых накоплений, что было явно недостаточно. Несмотря на трудности к 1965 году по сравнению с 1961 годом, основные промышленно- производственные фонды выросли в 2, 3 раза и это позволило увеличить выпуск промышленной продукции в 2, 6 раза. Выросли также вывод осужденных на оплачиваемые работы и производительность труда [2].

Нарушение принципа материальной заинтересованности, в отношении осужденных, не позволяло добиться более высоких результатов. Стремление получить максимальную выгоду от труда осужденных за счет ущемления их интересов вызывало отрицательные последствия. Если принятое в 1961 году решение о распространении на отбывающих уголовное наказание условий оплаты труда, действующих для рабочих и служащих соответствующих отраслей народного хозяйства страны, хотя и с применением твердых понижающих коэффициентов, имело все же положительное значение, то от выплаты гарантированного минимума на личные нужды осужденных 10 процентов заработка привело к тому, что практически все из них, имевшие иски и исполнительные листы, перестали выходить на производство, увеличив тем самым число отказывающихся от выхода на работу. Никакими административными мерами их не удавалось вернуть на рабочие места. И хотя научные и практические работники сразу же выступили против явно неправильного решения, тем не менее, потребовалось длительное время, прежде чем правительство признало ошибочность данного решения.

Следует отметить, что вопросы трудового использования осужденных в 60-х годах широко обсуждались на различных уровнях. При этом предлагались диаметрально противоположные предложения. Наиболее принципиальным в то время являлся вопрос о характере труда лишенных свободы, то есть на каких работах целесообразнее использовать труд осужденных. Спор в основном шел вокруг того, какой труд квалифицированный или неквалифицированный нужен в местах лишения свободы. Рассматривался вопрос о характере труда осужденных, в соответствии с которым ИТУ должны располагать современным производством на котором осужденный мог бы, отбывая наказание, повысить уровень своей квалификации или приобрести специальность. Это позволило бы ему выйти на свободу и найти быстро место в сфере общественного производства и что нельзя связывать тяжесть совершенного преступления с характером производства, на котором должен использоваться труд осужденных. Многие видели в характере труда, прежде всего кару

игнорируя по существу, воспитательную роль труда в отношении правонарушителей [1. С. 146]. Другие выступали против придания общественно полезному труду карательного характера, причиняющего тем самым осужденному дополнительные страдания. Целью вовлечения осужденных в трудовые процессы считали в необходимости дать им правильное трудовое воспитание, приучить их к трудовой жизни, воспитать у них любовь и уважение к труду. Как показала жизнь увязывать характер труда осужденных нельзя с тяжестью совершенного преступления, но тогда в 1966 году такая точка зрения рассматривалась.

Практика показала, что особо опасные рецидивисты за годы своей преступной деятельности и неоднократного содержания в ИТУ настолько утрачивали здоровье, что почти 80 процентов из них не в состоянии были выполнять тяжелые физические работы. Поэтому и законодательство, определившее использование рецидивистов на тяжелых физических работах, так и осталось декларацией [2]. Между тем всех лиц, совершивших уголовные преступления и направленных отбывать наказание в ИТУ, можно условно подразделить на три группы: 1) не работавшие до осуждения; 2) работавшие, но не имевшие специальности; 3) работавшие и имеющие специальность. Соответственно и задачи труда для каждой из них должны были различаться. Если в отношении первых необходимо было привить уважение к труду, обучать профессии; по отношению вторых дать хорошую специальность, то третьим необходимо было помочь в период отбывания наказания повысить уровень своей квалификации.

Исправительно-трудовые кодексы союзных республик мало что изменили в характере труда осужденных, по сравнению с предшествующим законодательством, а в некоторых моментах прослеживалось отступление от уже достигнутого (непредставление добросовестно работающим осужденным двухнедельного отпуска введенного в период 40-х 50-х годов). Условия труда заключенных по-прежнему содержали целую совокупность карательных элементов, а именно: предусматривалось использовать рецидивистов, как правило, на тяжелых физических работах; время работы в местах лишения свободы не засчитывалось в трудовой стаж; отпуска не предоставлялись; за уклонение от работы (отказы, умышленное невыполнение норм выработки) предусматривалось наказание в дисциплинарном порядке.

К середине 60-х годов в производственно-хозяйственной деятельности исправительно-трудовых учреждений, как и в народном хозяйстве в целом, обострились проблемы в связи с реализацией решения сентябрьского (1965 год) Пленума ЦК КПСС о ликвидации совнархозов. Его последствия сказались и на деятельности промышленных предприятий ИТУ: нарушились отработанные связи, были прерваны договорные отношения с хозяйственными органами, установленные ранее, увеличился вывод излишней

рабочей силы на объекты работы. У части осужденных пропала заинтересованность в повышении производительности труда. Они не только сами работали плохо, но распространяли свое отношение к труду среди других осужденных. Многие не компенсировали государству расходов на питание, вещевое довольствие или не выплачивали задолженность по искам и исполнительным листам. В связи с этим нельзя не отметить, что в условиях необеспеченности осужденных работой руководство МВД не стремилось проявлять должную заинтересованность во внедрении достижений науки и техники в практику. К тому же исправительно-трудовая система, с одной стороны, вообще в силу специфики весьма консервативна, слабо реагирующая на экономические, политические и социальные изменения в обществе, а с другой — внедрение научно-технического прогресса, да еще в такую среду — это сложное мероприятие, требующее четкого определения объектов и субъектов, функциональных обязанностей, ответственности, материального и морального стимулирования, решения ряда иных вопросов. Администрация ИТУ нередко вместо внедрения новой техники, технологий организовывала выполнение производственного плана путем нарушения исправительно-трудового законодательства и законодательства о труде. При таком подходе воспитательный потенциал общественно полезного труда осужденных не реализовывался, труд не сочетался органически с другими основными средствами исправления и перевоспитания. Более того, для многих лиц содержащихся в ИТУ, он превращался фактически в тяжелую принудительную обязанность, становился по своему характеру не воспитательным, а карательным, что по-прежнему сближало исправительно-трудовую систему 60-х годов с ГУЛАГом.

За годы войны и в послевоенные годы в исправительно-трудовых лагерях было создано довольно развитое сельскохозяйственное производство, во многом снимавшее проблемы обеспечения осужденных продуктами питания. Однако, предпринимая огромные усилия по созданию собственной промышленной базы ИТУ, руководство МВД почти перестало уделять внимание сельскохозяйственному производству и потому оно постепенно деградировало. Совершенно упускалось из виду то обстоятельство, что немало правонарушителей до осуждения проживали в сельской местности, были заняты в сфере сельскохозяйственного производства и эффективно использовать их труд можно было только в привычных для них условиях. Ликвидация сельскохозяйственных колоний в конечном счете привела к тому, что полностью на централизованное снабжение продуктами питания перешли ИТУ-ОИТУ Белоруссии и Казахстана, Прибалтийских республик, Молдавской и Армянской ССР, Алтайского края, Омской, Рязанской ряда других областей. Большинство ЛИТУ перестали выращивать для собственных нужд картофель и овощи. Почти целиком эти продукты стали завозить из других областей, хотя не так давно там

ежегодно выращивалось до 85 тысяч тонн картофеля и овощей, производилось много мяса и молока.

Линию на свертывание сельскохозяйственного производства, которую во все предшествующие годы небезуспешно занимались исправительно-трудовые учреждения, нельзя признать правильной и ошибочность принятого решения сегодня стала очевидной.

В 60-х годах (начало этому положено в 50-е годы), сложились три основных направления вовлечения осужденных в трудовые процессы: на собственном производстве, на основе кооперированных связей и на контрагентских объектах. Положительно зарекомендовали себя две формы собственной производственной базы: а) предприятия, вся производственная деятельность которых планировалась централизованно на основе народно-хозяйственных планов, б) предприятия, работавшие в кооперации с заводами и фабриками отраслевых министерств и ведомств. Предприятиям, работавшим на основе кооперированных связей, главным образом планировался только объем реализации продукции и технико-экономические показатели, а номенклатура выпускаемой продукции и материально-техническое обеспечение производства проводилось по плану завода или объединения отраслевого министерства. Это облегчало главному и его структурным подразделениям в центре и на местах задачу руководства многоотраслевым и громоздким по номенклатуре производством исправительно-трудовых учреждений.

Значительная часть осужденных привлекалась к труду на объектах сторонних хозяйственных организаций, на так называемых контрагентских работах. Трудовое использование осужденных на работах такого вида имеет свои трудности, связанные, прежде всего с поддержанием установленного режима. Однако объективная необходимость, связанная с трудоустройством осужденных, заставляла браться за эти виды работ.

И хотя в эти годы велась активная работа по поиску объектов для трудовой занятости осужденных, рост уголовной преступности, постоянное перенаполнение мест лишения свободы опережали возможности администрации в создании рабочих мест. Следовало предпринимать более активные меры в этом направлении и другого пути не было.

В условиях третьей экономической реформы основным экономическим показателем работы предприятия ИТУ стал объем реализации продукции, т.е. получение и оплату потребителем. Хозяйственная реформа потребовала от предприятий ИТУ быстрого приспособления производственных программ к требованиям моды, как можно большего расширения ассортимента, производства дополнительных затрат, если они увеличивают спрос или по другим причинам выгодны народному хозяйству в целом.

В 60-х годах исправительно-трудовые учреждения МВД СССР продолжали совершенствовать свою деятельность по развитию производственно-технической базы, как основы трудового использования и перевоспитания осужденных, повышения производи-

тельности их труда и улучшения профессиональной подготовки лиц, содержащихся в ИТУ. На развитие производственно-технической базы, строительство и реконструкцию объектов ИТУ были направлены значительные капиталовложения. Предпринятые организационные меры обеспечили коренные качественные изменения в объемах и структуре производства ИТУ. Предприятия исправительно-трудовых учреждений из мелких многоотраслевых мастерских превратились в специализированные заводы и фабрики.

Промышленное производство по своему удельному весу в общем объеме выпуска продукции предприятия ИТУ, сумме среднегодовой стоимости их промышленно-производственных фондов, а также численности работающих стало основным, преобладающим видом производственно-трудовой деятельности.

Действие такого фактора, как выбор тех видов производственной деятельности, которые в наибольшей степени соответствуют перевоспитанию правонарушителей, придало промышленному производству ИТУ многоотраслевой характер и представлялось оно в основном следующими отраслями: машиностроение и металлообработка; лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность, включая мебельную; швейная промышленность, в том числе производство спецодежды; промышленность стройматериалов. Ведущей отраслью в системе ИТУ МВД СССР становился машиностроение и металлообработка. На предприятиях ИТУ с каждым годом увеличивался удельный вес все более сложной продукции, среди которой различные станки и инструменты, машины для сельского хозяйства и запчасти к ним, промышленная и сантехническая аппаратура, металлоконструкции различного назначения, детали и узлы радио- и электротехнической аппаратуры, редукторы и насосы, промышленные калориферы и вентиляторы, противопожарная техника, прицепы, узлы и запасные части к автомобилям и тракторам, оборудование для различных отраслей промышленности, предприятий торговли и общественно-бытового питания.

Быстрыми темпами развивалось сельскохозяйственное машиностроение, внося значительные изменения в отраслевую структуру промышленного производства. В сравнительно короткие сроки предприятия ИТУ успешно освоили и приступили к выпуску качественно новых сельскохозяйственных машин, отвечающих современным требованиям.

Наличие различных отраслей промышленного производства в исправительно-трудовых учреждениях делало их производственную деятельность сложной и многогранной, обеспечивающей создание необходимых условий для трудового перевоспитания осужденных, их учения различным трудовым профессиям.

В каждом конкретном случае, при выборе того или

иного вида производственной деятельности для ИТУ, приходилось учитывать не только указанные выше факторы, но и специфику различных видов исправительно-трудовых учреждений. В результате постоянного совершенствования производственной базы в исправительно-трудовых учреждениях сложились условия, при которых большинство предприятий стало в этот период работать рентабельно и давать значительные накопления, позволявшие окупать затраты на их содержание.

Как видим, развитие производственно-технической базы исправительно-трудовых учреждений подчинялось тем же закономерностям, что и промышленность страны. При ее формировании учитывались достижения научно-технического прогресса, на плановой основе уровень специализации и концентрации производства.

Состояние производственно-технической базы исправительно-трудовых учреждений предопределяло объемы производства, занятость осужденных и эффективность исправительно-трудового процесса, существенно влияло на уровень производительности труда осужденных, качество и себестоимость выпускаемой продукции.

Однако, несмотря на принятые меры, производственно-техническая база ИТУ, к концу 60-х годов, еще не полностью отвечала современным требованиям. По показателю фондовооруженности труда предприятия ИТУ в ряде случаев отставали от заводов отраслевых министерств, но в тоже время это был шаг вперед, отрыв от наследия ГУЛага и его устоев.

Литература

1. Исаков В.М. Трудоиспользование осужденных в исправительных учреждениях Советского государства. (1917–1990 гг.). М. 2000.
2. Кузьмин С.И. Развитие исправительно-трудовых учреждений в 60-х — 80-х годах. М. 1990. С. 43-44.
3. Приказ МВД РСФСР № 430 -1961 г. «О мерах по улучшению деятельности ИТУ министерств внутренних дел союзных республик».

Reference

1. Isakov V.m. Trudoispol'zovanie convicts in correctional institutions of the Soviet State. (1917-1990). М. 2000.
2. Kuzmin S.i. Development of corrective-labour institutions in the 60 's-80 's. М. 1990. P. 43-44.
3. the order of the MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS of the RSFSR No. 430, -1961. "on measures to improve the operations of the IUT of the ministries of Internal Affairs of the Union republics.

УДК 340.12
ББК 67.0

ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННО- ОРГАНИЗОВАННЫХ ОБЩЕСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СООБЩЕСТВ

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ КЛИМЕНКО,

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права*

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: klimenko_law@mail.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования функций и структуры правовой идеологии. В ней в тезисной форме излагаются основные положения подхода к пониманию правовой идеологии как особого механизма организации идеологической сферы современного политически организованного общества, что позволяет исследовать правовую идеологию с позиций функционально-структурного подхода, выявляя и классифицируя ее функции и определяя ее структурные характеристики. Статья раскрывает функциональный потенциал правовой идеологии, описывает ее структуру как на национальном, так и на международном уровнях, что позволяет сделать ряд практически значимых выводов, ценных в контексте оптимизации государственно-правового строительства. В работе классифицированы функции правовой идеологии, а ее структура описана на нескольких уровнях: социально-политическом, смысловом (дискурсивном), содержательном уровне и уровне механизма функционирования.

Ключевые слова: правовая идеология, современное право, общественное правосознание, функции правовой идеологии, структура правовой идеологии, международное право, Евразийская интеграция, правовая идеология Европейского Союза, глобальная правовая идеология.

Annotation. The article is devoted to the study of the functions and structure of law ideology. Here, in the thesis form, sets out the main provisions of the approach to the understanding of the law ideology as of a special mechanism for organizing of the ideological sphere of modern politically organized society, what allows to explore the law ideology from the viewpoint of functional-structural approach, identifying and classifying its functions, and to determine its structural characteristics. In the article the functional potential of law ideology is revealed, its structure at both the national and international levels is described, so as to make a number of important practical conclusions in the context of optimization of state and legal construction. In the present article a classification of the functions of law ideology is presented, and its structure is described at several levels: at the socio-political level, at the semantic (discursive) level, the content level and at the level of the mechanism of functioning.

Keywords: law ideology, modern law, public sense of justice, the functions of law ideology, structure of law ideology, international law, the Euro-Asian integration, law ideology of the European Union, global law ideology.

Следует констатировать, что сегодня на смену метафизическому типу идеологии политически организованного общества, которая была свойственна теократическим и идеократическим государствам, приходит диалектический тип идеологии, который характерен для современных государств западного типа, характеризующихся радиократической и бюрократической моделью управления. При этом в современных государствах намечается тенденция снижения роли идеологического воздействия на общественное

сознание, которое подменяется манипулятивными технологиями — своего рода техникой воздействия на сознание (это обстоятельство в динамике должно быть в перспективе исследовано и осмыслено как в рамках юридической теории, так и в рамках философии права, философии, социологии и политологии). Эта ситуация является характерной для правовых государств в условиях современного «информационного общества» (Э. Тоффлер)¹. Такое «отступление» идеологических систем перед технологическими — ситуативными

формами управления сознанием вызвано, прежде всего, возрастанием роли социального времени и уменьшением роли социального пространства; тем не менее, до тех пор пока существует государство существует и идеология. Для современных государств — это правовая идеология, которая выступает как «минимальная» с точки зрения ценностного содержания и сферы воздействия, то есть идеология, содержащая минимум конвенциональных, публично и политически значимых ценностных идейных ориентиров.

Здесь следует отметить то обстоятельство, что само юридическое право современного демократического государства включает в себя идеологический компонент. Нормативный компонент юридического права государства (в узком смысле понятия «нормативный») уступает свое место идеологическому — предписательному компоненту. Необходимо подчеркнуть, что идеологический — предписательный компонент включает в себя так называемые нормы «мягкого права», нормы-принципы, нормы-цели, и их роль в современном праве постоянно возрастает. Следует отметить, что идеологический компонент в юридическом праве государства, степень и характер его выраженности, а также формы его присутствия в правовой системе могут лечь в основу понимания правовой системы конкретного типа. Эти характеристики позволяют проводить сравнение различных правовых систем и устанавливать типологические особенности правовых семей. Так, правовые архаичные в своей основе системы обычного права характеризуются отсутствием или незначительной выраженностью идеологического компонента, этим компонентом здесь можно пренебречь. Религиозные и социалистические правовые системы также можно дифференцировать по качеству идеологического компонента от романо-германской и англо-американской правовых систем. В первых качестве идеологического компонента не правовое, и право выступает лишь формой выражения идеологии религиозного или квазирелигиозного типа, а во вторых существенным компонентом не только правовой, но и политической системы выступает собственно правовая идеология (в последнем случае правовая и по своему своему содержанию, наполненная правовыми идеями, выражающими правовые конвенциональные ценности).

Именно страны, правовые системы которых принадлежат к романо-германской и англо-американской правовым семьям, следует рассматривать как современные, и именно в этих странах роль правовой идеологии наиболее значима. Способ проявления идеологического элемента в праве и форма его существования в нем позволяют сравнить романо-германскую и англо-американскую правовые системы. Так, для англо-американской правовой системы характерно влияние принципов права, которые, прежде всего, находят отражение в правовой практике, а также в иных идеологических стандартах правовой практики;

в романо-германской правовой системе правовая идеология в значительной степени представлена в конституциях, юридическом праве государства, в законах (особая роль здесь принадлежит кодифицированным законам — кодексам). Исследование идеологического компонента в праве без сомнения имеет свои перспективы в контексте усиливающейся идеологической функции права, усиление которой и повышение значимости которой в современном политически организованном обществе говорит о ее востребованности. Именно ввиду этого и формируется идеологический компонент в современных правовых системах.

Возвращаясь к проблеме правовой идеологии следует подчеркнуть, что ее важно понять как механизм организации идеологической сферы общества. Подобное понимание правовой позволяющего достигать всех тех целей и решать те задачи, которые всегда стояли перед идеологической сферой общества в современных условиях, а также достигать тех целей и решать те задачи, которые возникли именно на современном этапе развития общества, должно лечь в основу функционально-структурного анализа идеологических процессов. Сегодня именно перед правовой идеологией стоит задача идеологического обеспечения современного политически организованного общества, под которым понимается современное государственно организованное общество западного типа. Полагаем, что в этих условиях возвращение к архаичным стандартам метафизических идеологий религиозного или квазирелигиозного типа является контрпродуктивным. Практика современных государств показывает, что именно правовая идеология способна оптимально осуществлять обеспечение идеологических потребностей политически организованного общества в настоящее время. Оправдать в современных условиях возвращение к квазирелигиозной идеологии возможно лишь в особых экстремальных условиях развития государства, где востребован мобилизационный ресурс такого рода идеологии; и эффективна эта идеология может быть лишь довольно непродолжительное время.

Существенным вопросом для того, чтобы понять значение правовой идеологии в правовых системах и роли идеологического компонента в праве является вопрос о функциональной связи правовой идеологии с правом. Осмыслить характер этой связи можно только деидеологизировав представление о самом праве, то есть следуя социологическому подходу к праву, признать право во множестве его форм (в данном случае категория «форма права» употребляется в особом значении)². Следует отметить, что правовая идеология связана главным образом с общими формами права: на уровне государства — с собственно юридическим правом государства, с одной стороны, и правом гражданского общества — с другой, а на международном уровне — с межгосударственным правом, с одной стороны, и международным правом — с другой. Чем дальше право от личного или группового интереса, тем

более оно нуждается в легитимации и, соответственно, в правовой идеологии. Юридическое право государства нуждается в идеологическом обеспечении ввиду того, что, будучи ориентированным на общество в целом, выражая публичный интерес, который, по сути, представляет собой фикцию интереса, оно не связано непосредственно с интересами субъектов социальных отношений. Соответственно, оно не может быть ими поддержано и нуждается в легитимации, которую можно обеспечить только идеологически. Межгосударственное право строится на договорах государств и нуждается в правовой идеологии как в контексте понимания смысла этих договоров. Международное право и право гражданского общества выступают сами по себе как идеологические формы права. Это значит, что они представляют определенные системы идей, аксиом, взглядов, концепций и принципов, а не реальное право. Реальное право — это право, обеспеченное институциональным механизмом императивной реализации (механизмом управления и принуждения), действующим типовым образом. Реальные формы права рутинно воспроизводятся в своем нормативном качестве, тогда как стандарты идеологических форм права существуют от случая к случаю.

Функциональная связь правовой идеологии с правом и правовой системой может быть описана через характеристику функций правовой идеологии в отношении права и правовой системы. Можно констатировать следующие функции правовой идеологии в отношении рассматриваемых объектов: компенсацию формализма общего права путем установления связи с ценностями через идеи, сокрытие множественности форм права через идейную структуру, где конкретная форма общего права представляется как единственно возможная, развитие и совершенствование общего права в соответствии с идеалами, характеризующими содержание конкретной правовой идеологии. Эти функции выступают как сущностные функции правовой идеологии в отношении права и правовой системы. Они, а также их эффективное осуществление выступают важным условием результативного функционирования правовой системы современного общества.

Для того, чтобы понять уникальность правовой идеологии как особого механизма организации идеологической сферы современного общества необходимо определить сущностные черты правовой идеологии и выявить те особенности, которые делают ее уникальным явлением, в том числе в функциональном отношении. Правовая идеология обладает следующими сущностными чертами: имманентностью современному политически организованному обществу западного типа, смысловой и содержательной ориентированностью на идею права, дискурсивным характером, договорным характером, более акцентированной выраженностью деонтологического момента по отношению к

онтологическому и телеологическому, структурным дуализмом (он включает два сегмента: юридическую идеологию государства и правовую идеологию гражданского общества), консервативным характером вместе со способностью к развитию, заложенному в самой системе правовой идеологии (без разрушения структуры идеологии), минимальностью (правовая идеология содержит минимум публично значимых ценностей, и сфера ее действия ограничена), ориентированностью на формирование цельного образа права. Каждая из выделенных черт может стать предметом отдельного исследования. Они в своей совокупности раскрывают сущность правовой идеологии; и если сущностные функции правовой идеологии в отношении права и правовой системы определить легче ввиду их очевидности, то определить функции правовой идеологии в отношении других объектов сложнее, для этого необходимо знать сущностные черты правовой идеологии, представленные выше. Итак, сущностью правовой идеологии определяются ее сущностные (отличительные) функции; в этих функциях находят свое динамическое отражение выделенные нами сущностные черты правовой идеологии. Рассматривая функции правовой идеологии (в данном случае сущностные), целесообразно определять их в отношении наиболее важных объектов идеологического воздействия. Такими объектами являются: право и правовая система (данные функции были сформулированы выше), личность (функции в отношении личности: формирование правового мировоззрения, формирование способности к правовому суждению, формирование установок на активное, осознанное, правомерное поведение — на свободное и ответственное поведение), гражданское общество (функции в отношении гражданского общества: формирование гражданского общества как общества особого типа, ориентированного на право гражданского общества, обеспечение справедливого порядка (структурализация), создание компромиссной «замыренной среды», легитимация и стабилизация гражданских отношений), государство, понимаемое в узком смысле как государственный аппарат (функции в отношении государства: ограничение сферы воздействия государственного аппарата, придание правовой, стабильной, воспроизводимой формы управленческим отношениям, обеспечение правовой политики государства), политически организованное общество (функции в отношении политически организованного общества — государства в широком смысле слова: либерализация, правовое обеспечение национальной безопасности, правовая легитимация политического порядка). Именно дифференцированный подход к функциям правовой идеологии может позволить подойти к исследуемой проблематике с должным учетом уровня ее сложности. Данному принципу дифференциации функций правовой идеологии в соответствии

с объектом их воздействия мы следуем на протяжении всего исследования.

Природа правовой идеологии в отличие от ее сущности, определяющей качество правовой идеологии, многообразна. Политическую или социально-политическую природу правовой идеологии следует полагать самой существенной для нее и чрезвычайно важной в определении ее функциональных характеристик. На настоящий момент правовая идеология — самый совершенный политический идеологический механизм обеспечения существования и функционирования современного государства. Она испытывает влияние ценностного строя политического сознания и политических идей, которые в ее системе предстают в особом — правовом контексте и особым образом интерпретируются. Все элементы механизма политической идеологии воспринимаются правовой идеологией (как наиболее совершенной политической идеологией современного общества). В определенной степени отдельные из них наделяются некоторой спецификой, однако в вопросе исследования политической природы правовой идеологии это представляется несущественным.

Следует выделить политические функции правовой идеологии, понимая их как функции, обусловленные ее политической природой. При этом важно следовать уже однажды избранному дифференцированному подходу в отношении объектов воздействия правовой идеологии. Итак, в отношении самого права политической функцией правовой идеологии является его содержательная неправовая легитимация, в отношении личности политической функцией правовой идеологии выступает функция интеграции представлений личности в идеологическую сферу политического пространства, в отношении государственного аппарата — функция легитимации государственной власти, в отношении политически организованного общества — функция консолидации. Отдельно следует выделить такую функцию как маскировка различия политически организованного общества и государственного аппарата. В отношении гражданского общества политические функции не выделяются ввиду того, что они совпадают с сущностными функциями правовой идеологии.

Правовая идеология выражает экономические интересы стратегического уровня и обусловлена интересами экономически-господствующего класса в современном государственно организованном капиталистическом обществе. Она является либеральной по своему экономико-политическому характеру. Для современной правовой идеологии характерны следующие ценностно-идейные приоритеты, имеющие своей целью закрепление власти экономически-господствующего класса: частная собственность, свобода предпринимательства, формальное равенство (равенство перед законом и судом), свобода совести, секуляри-

зация, свобода вероисповедания, свобода слова, реальное неравенство экономических статусов (которое представляется выражением справедливости), автономный порядок (идея рынка и рыночной экономики, самоорганизующегося правопорядка). Применительно к социально-экономическим функциям правовой идеологии следует отметить, что в отношении права она выполняет функцию рационализации (социально-экономической телеологизации), в отношении личности — определения и обоснования социально-экономического статуса личности, в отношении государства — функцию социализации, в отношении политически организованного общества — функцию обоснования статусно-функциональных связей (в частности, — оправдания социального неравенства). Эти функции наиболее востребованы в условиях современных моделей экономического развития и социальной репрезентации экономических интересов.

Имеет смысл вести речь о религиозно-магической природе правовой идеологии, несмотря на то, что магия и религия как культурные феномены могут быть разделены. Постановка вопроса о религиозно-магической природе имеет смысл ввиду того, что долгое время в идеологической сфере традиционных обществ господствовала идеология религиозного типа, основанная на тесно связанных и иногда неразличимых религиозных и магических представлениях. На одних лишь магических представлениях и идеях невозможно создать единую стройную идеологию политического общества, для этого нужна религиозная система. Но в религиях (религиозных системах) магические представления неминуемо присутствуют (хоть и в измененных — рудиментарных формах). Религиозные и магические представления оказывают существенное влияние на содержание правовой идеологии и правовых идей, на ее механизм и характер функционирования.

Представляется уместной и постановка вопроса об эстетической природе правовой идеологии. Выделять ее специфические эстетические функции не имеет смысла, тем не менее в идейном ряду содержания правовой идеологии и механизме ее функционирования эстетические представления очень хорошо выражены. Эстетическое сознание наиболее тесно связано с религиозным сознанием и магическими представлениями. На протяжении многих веков именно религиозно-магические и эстетические представления лежали в основе идеологии, и именно в них заключена основа любой идеологической системы. Рудименты магического, религиозного и эстетического всегда присутствуют в идеологической сфере общества, и современное общество не является исключением.

Необходимо выделить следующие функции, обусловленные религиозно-магической природой правовой идеологии: в отношении самого права и правовой системы — функция сакрализации и ритуализации

права, в отношении личности — функция духовной адаптации личности, в отношении политически организованного общества — функция формирования сверхъестественного социально-культурного ареала или нормативного дискурса, базирующегося на основаниях веры в сверхъестественное, в отношении государства — функция сакрализации государственных властных институтов и сакрализация самой государственной власти.

Необходимо констатировать, что мораль сама по себе не может лежать в основе формирования идеологической сферы общества, так как ее ценностная структура не иерархична и не может сформировать идеологической системы. Однако постановка вопроса о моральных основах правовой идеологии существенна, так как и мораль и право формируют нравственную сферу духовной жизни общества. Мораль напрямую оказывает влияние на идеологию гражданского общества — аксиоматику общественного правосознания как на сегмент правовой идеологии и опосредованно — на юридическую идеологию государства как на сегмент правовой идеологии через идеологию гражданского общества. Мораль связана с правовой идеологией, прежде всего, в плане содержания правовой идеологии (механизм правовой идеологии не связан с моралью), то есть на ценностно-идейном уровне (но не по самой структуре системы ценностей). В этом плане очевидно отмеченное еще И. Кантом различие эстетического и морального сознания. Примечательно то, что современная правовая по своему содержанию идеология связана с моралью, а по своему механизму она испытывает влияние эстетического сознания.

Представляется возможным выделить нижеследующие функции правовой идеологии, обусловленные ее моральной природой. В отношении права — это объяснение несовершенства права и компенсация его пробелов, в отношении личности — обоснование нравственного чувства личности, в отношении государства — морализация и ценностное ограничение политики государства и ассоциация государства с «педагогическим ведомством», в отношении политически организованного общества — формирование нравственных ограничений.

На основании вышесказанного, все функции правовой идеологии можно подразделить на сущностные и природные, причем сущностные функции в отличие от природных образуют единую, непротиворечивую систему органического типа. Природные функции правовой идеологии, то есть функции, обусловленные ее природой, носят квазиправовой характер и свойственны идеологии вообще (хотя специфика их реализации может различаться), а сущностные функции правовой идеологии являются для нее специфическими и, соответственно, имеют собственно правовой характер. Функции, обусловленные сущностью правовой иде-

ологии, и функции, обусловленные многообразной природой правовой идеологии, в идеале реализуются в тесной взаимосвязи и зачастую компенсируют и дополняют друг друга, или даже реализуются одна через другую. Применительно к каждому выделяемому нами объекту функционального воздействия правовой идеологии можно определить общую интегративную сущностную функцию, суммируя те эффекты, которые правовая идеология вызывает, проявляя свою сущность. Правовая идеология осуществляет следующие функции в отношении политически организованного общества в целом: функцию легитимации политического порядка, функцию обеспечения национальной безопасности, функцию либерализации политически организованного общества. Эти функции выступают как наиболее существенные и актуализированные в контексте потребностей современного общества. Рассматривая в единстве, их можно обозначить как общую функцию — функцию правовой легитимации современного политически организованного общества в его нормальном состоянии (три перечисленные функции выступают формами ее осуществления). Эту функцию следует признать наиболее важной сущностной функцией в целом ввиду того, что она соединяет эффекты всех сущностных функций правовой идеологии. Ее можно считать и наиболее важной функцией правовой идеологии, исходя из того, что природные функции являются факультативными.

В отличие от сущностных функций, те функции, которые обусловлены природой правовой идеологии, не образуют цельную систему органического типа ввиду многообразия природы правовой идеологии. Однако можно говорить о системе моральных, политических, экономических и религиозно-магических функций правовой идеологии и даже выделить соответствующие интегративные функции. Тем не менее, в целом природные функции, скорее, могут рассматриваться как сумма рудиментарных идеологических проявлений, свойственных правовой идеологии в силу ее природы (происхождения). Качество системности этим функциям придает их связь с сущностными функциями, и в этом контексте можно говорить о системе функций правовой идеологии. При этом должен реализовываться принцип приоритета сущностных функций по отношению к природным, который можно сформулировать и обратным образом, как принцип дополнительности и факультативности обусловленных природой правовой идеологии функций в системе функций правовой идеологии. Для оптимального функционирования правовой идеологии важно обеспечить такую ситуацию, чтобы природные функции всегда были подчинены реализации сущностных функций, и только в этом качестве можно говорить о них как о входящих в систему функций правовой идеологии. Если этого обеспечить не удастся, то мы стал-

квиваемся с дисфункциями правовой идеологии. Этот момент важно учитывать в идеологической работе; так задачу легитимации власти самой по себе всегда надо подчинять задаче легитимации существующего порядка, задача формирования моральной мотивации не должна решаться в ущерб задаче формирования способности к правовому суждению и установок на правомерное поведение.

Фундаментальной причиной дисфункций правовой идеологии является нетождественность сущности и природы правовой идеологии. В экстремальные периоды развития общества правовая идеология утрачивает свое качество, так как она функционально востребована лишь в современных государственно организованных обществах в их нормальном состоянии. Но и в нормальном состоянии идеологической сферы современного государственно организованного общества дисфункции правовой идеологии возможны ввиду наложения разнонаправленных векторов ее сущностных и природных функций (вызывающих противоположные эффекты в социальной среде), а также наложения эффектов природных функций различного типа; это вызывает нарушения в системе функций правовой идеологии. Также дисфункции возможны в силу нарушения механизма функционирования правовой идеологии или иных уровней ее структуры. В первом случае дисфункции являются более существенными ввиду того, что касаются вопроса эффективности осуществления наиболее важных — сущностных функций правовой идеологии.

Дисфункции, вызванные наложением разнонаправленных векторов сущностных и природных функций правовой идеологии, как правило, связаны с рассогласованностью этих функций и с интенсификацией природных функций, тогда как в нормальном состоянии природные функции должны быть подчинены процессу реализации сущностных функций, и ситуация, когда природные функции становятся более значимыми, приводит к нарушению системы функций правовой идеологии и мозаичной конфигурации непредсказуемых идеологических эффектов. Только на основе принципа подчиненности природные функции могут органично входить в систему функций правовой идеологии, где системообразующими неизменно являются функции, обусловленные сущностью правовой идеологии.

Дисфункции правовой идеологии возникают и в силу неэффективности механизма ее функционирования, то есть используемых приемов и средств идеологического воздействия. Однако данные дисфункции не столь принципиальны, и вопрос их преодоления — вопрос совершенствования структуры правовой идеологии, включая ее структуру на уровне механизма функционирования.

Среди всех функций правовой идеологии можно

выделить наиболее значимые, то есть наиболее социально-востребованные. Таковыми являются: функция легитимации политического порядка, функция обеспечения национальной безопасности, функция либерализации политически организованного общества, функция формирования гражданского общества, функция формирования юридического мировоззрения. Все они являются сущностными функциями правовой идеологии, и это не удивительно ввиду того, что мы определили особую значимость сущностных функций в системе функций правовой идеологии. Три из перечисленных функций: функция легитимации политического порядка, функция обеспечения национальной безопасности, функция либерализации политически организованного общества, являются функциями правовой идеологии в отношении политически организованного общества в целом, и не случайно они предстают наиболее значимыми. Они как бы суммируют все эффекты сущностных функций на уровне общества в целом. Тем не менее, важными выступают и две сущностные функции в отношении гражданского общества и личности.

Функция формирования гражданского общества крайне существенна и ярко отражает специфику правовой идеологии в условиях современного социального устройства. Эта функция противостоит опасной тенденции трансформации современного общества в массовое общество без значимой идеологической основы; идеологическая сфера такого общества деградирует вместе с общественным сознанием, а управление сознанием осуществляется через дегуманизирующие манипулятивные технологии³. Наличие правовой идеологии (пусть она и является своего рода минимумом идеологии) не позволяет деградировать гражданскому обществу до состояния массового общества. Это находит отражение и в воздействии правовой идеологии на личностном уровне, что закономерно приводит нас к рассмотрению следующей функции.

Функция формирования юридического мировоззрения, являясь функцией правовой идеологии в отношении личности, тесно связана с функцией формирования гражданского общества. Юридическое мировоззрение выступает основой гражданского сознания. Такое мировоззрение формируется правовой идеологией через навязывание правового дискурса гражданину, привнесение в его сознание правовых представлений, конвенциональных правовых ценностей, правовых понятий и идей, через призму которых человек и воспринимает окружающую действительность. Вне политически-значимой социальной сферы человек предоставлен сам себе, и в этом плане правовую идеологию можно считать минимальной. Она оставляет значительную сферу идеологической свободы для человека, например, в отношении выбора религии, политических предпочтений и так далее;

правовая идеология уходит из некоторых сфер жизни (поэтому возникает иллюзия деидеологизации) и способствует тем самым свободному и ответственному развитию человека в публично не значимых областях (там, где публичный интерес должен уступить интересу частному, индивидуальному). Тем не менее, в публично значимой сфере, описываемой правовым дискурсом, в сфере своих конвенциональных ценностей правовая идеология крайне императивна и претендует на универсальность и приоритет перед всеми другими идейными структурами. Особое внимания в рамках рассмотрения такой функции правовой идеологии как функция формирования правового мировоззрения заслуживает проблема формирования профессионального сознания сотрудника органов внутренних дел. Воспитательная работа в органах внутренних дел должна осуществляться непосредственно на основании правовой идеологии. Это позволит сформировать в профессиональном правосознании сотрудника установки на конвенциональную систему ценностных предпочтений, создающую основание для правовой оценки и способности к правовому суждению, столь важные в правоохранительной деятельности.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что функции и структура правовой идеологии взаимно детерминированы. Чтобы понять то, каким образом функционирует правовая идеология, необходимо исследовать ее структуру на различных уровнях «развертывания». Структура правовой идеологии определяется ее функциями, а также ее сущностью (сущностными чертами) и природой. При этом следует отметить, что одной из наиболее важных структурных характеристик правовой идеологии, которая делает возможным ее эффективное функционирование в современном обществе, является структурный дуализм. Структурный дуализм — это сущностная характеристика правовой идеологии, при этом она отражается в структуре и может считаться сущностной структурной характеристикой.

Рассматривая правовую идеологию на социально-политическом уровне ее структуры, можно говорить о свойственном ей структурному дуализму. Данный дуализм заключается в том, что система правовой идеологии государственно организованного общества включает два не тождественных, но связанных между собой сегмента: правовую идеологию государства (юридическую идеологию), выраженную в нормах позитивного юридического права государства, а также в выстроенной государством и его идеологическим аппаратом аргументации, предметом которой являются эти нормы, и право гражданского общества, которое, являясь идеологической формой права, в сущности представляет собой правовую идеологию гражданского общества (аксиоматику общественного правосознания), которое само по себе есть система идей, принципов

и иных идеологических стандартов, обладающих для общества очевидной ценностью и консолидирующих гражданское общество. Такой своеобразный дуализм предполагает функционирование легитимационного идеолого-правового дискурса в диалоговом режиме. Сегменты правовой идеологии взаимосвязаны. В идеальном варианте они органично дополняют друг друга. В случае их частичного несовпадения противоречия преодолеваются через механизм диалога (дискурса), который в качестве результата формирует новые конвенциональные смыслы и ценности (этот дискурс носит перманентный характер ввиду того, что зачастую какие-либо компоненты правовой идеологии гражданского общества и юридической идеологии государства не совпадают). Так, через перманентный дискурс правовая идеология развивается и обеспечивает свою адекватность наличным общественным отношениям. В этом плане можно говорить о том, что она обеспечивает «устойчивое развитие» идеологической сферы общества, обладая потенциалом консервативности и, вместе с тем, — потенциалом развития. Нарушение дискурсивной взаимосвязи между сегментами правовой идеологии приводит к разрушению правовой идеологии и идеологической сферы современного общества, механизмом организации которой она является. Понимание данного обстоятельства представляется крайне важным для выстраивания правовой политики государства в отношении гражданского общества.

Правовая идеология, предполагая режим постоянного диалога (перманентного дискурса) между государственными органами и институтами гражданского общества, должна рассматриваться как важное идейное основание, среда и даже механизм взаимодействия гражданского общества и государственного аппарата, без которого, в свою очередь, невозможно существование современного политически организованного общества. На основе юридической идеологии формируется представление о правопорядке, основанном на законности (гетерономном правопорядке); на основе идеологии гражданского общества формируется представление о гражданском правопорядке (автономном правопорядке). Эти представления в идеале должны дополнять друг друга, синтезируясь в общий концепт правопорядка — порядка конвенционального типа, который, например, включает в себя как представление о ценности прав человека, так и представление о ценности, законности и дисциплине. Следует отметить, что Конституция Российской Федерации, являясь документом, принятым гражданским обществом (населением), с одной стороны, и основным юридическим документом, на котором базируется юридическое право государства, — с другой, может рассматриваться как юридический образ общественного договора и формализованное основание правовой идеологии современной России. Конституция содержит наиболее

существенные идеи и ценности, релевантные как аксиоматике гражданского правосознания, так и основным положениям юридической идеологии. Именно ввиду этого обстоятельства полагаем существенным обеспечивать неизменность и стабильность Конституции России, противостоять попыткам разного рода трансформации конституционных положений. Современная Конституция России содержит в себе идеологические основания и имеет потенциал интерпретации, позволяющий эффективно функционировать как правовой системе российского общества, так и идеологической сфере современного российского общества.

На международном глобальном уровне сегодня начинает формироваться глобальное гражданское общество и его идеология — аксиоматика глобального гражданского правосознания. Однако глобальная идеологическая сфера на сегодняшний день так и не сформирована, и здесь не следует говорить о полноценной структуре правовой идеологии в рассматриваемом контексте. На уровне некоторых международных региональных объединений, таких как Европейский Союз, можно наблюдать как сформированную правовую и политическую системы, так и сформированную идеологическую сферу и полностью сформированную правовую идеологию, которая к тому же вполне эффективно функционирует. Однако здесь, ввиду отсутствия государства (государственного аппарата) как носителя юридической идеологии (институты и органы Евросоюза не являются в полной мере равноценной заменой государству) и особого характера сформированного гражданского общества, следует говорить о структурном дуализме в смысле разделения правовой идеологии на два уровня (сегмента): юридическую идеологию (формально определенную), закрепленную в международных правовых актах, и дискурсивную идеологию, а именно ту, которая в документах не закреплена, но содержится в общественном правовом сознании в виде ценностей, идей, неписаных принципов, убеждений и теорий. Эта интерпретация является специфической и характерна лишь для правовой идеологии на международном и межгосударственном уровнях.

Важной структурной характеристикой правовой идеологии на смысловом (дискурсивном) уровне ее структуры являются специфические координаты и направления правового дискурса, формируемого правовой идеологией. Правовой дискурс существует в контексте многообразия смысловой нагрузки идеи права. Многообразие этих смыслов очерчивается правовыми идеями, которые являются, с одной стороны, определяющими (системобразующими), а с другой — определяемыми (смыслонаполняемыми) идеей права. В качестве таких идей выступают идеи справедливости, порядка, свободы и ответственности. Именно в своей взаимосвязи они очерчивают координаты правового дискурса. Можно сказать, что эти идеи в своей связи

формируют основные дискурсы правовой идеологии. Речь идет, прежде всего, об основных направлениях и координатах правового дискурса: с одной стороны, о социально-ориентированном дискурсе справедливости и порядка, а с другой — по большей части, об индивидуально-ориентированном дискурсе свободы и ответственности. Эти дискурсы обладают как индивидуально-духовным, так и социальным значением; мы их определяем как социально или индивидуально-ориентированные дискурсы весьма условно в силу характера той проблематики, которая преимущественно актуализирована в их контексте. Однако этими дискурсами не исчерпываются все направления правового дискурса; так, следует выделить и его периферийные направления (периферийные дискурсы), которые также определяются указанными идеями. К ним относятся следующие: дискурс свободы и справедливости, дискурс свободы и порядка, дискурс ответственности и порядка, а также дискурс справедливости и ответственности. Эти дискурсы развиваются на смысловом фоне идеи права, а также теснейшим образом связаны с основными дискурсами правовой идеологии, тем не менее они предстают как относительно самостоятельные и должны быть нами учтены при рассмотрении правового идеологического дискурса в целом.

Базовые правовые дискурсы всегда предполагают конкуренцию и баланс идей, их определяющих, в отличие от периферийных, за исключением одного периферийного дискурса — дискурса свободы и ответственности. Зачастую этот баланс определяется общим дискурсом правовой идеологии, формируемым в пространстве соотношения юридической идеологии государства и правовой идеологии гражданского общества. Так, в дискурсе свободы и ответственности достигаются определенные конвенциональные стандарты, которые предполагают баланс ценностей свободы (важной, прежде всего, для гражданского общества) и ответственности (важной, прежде всего, для государства, государственного аппарата, организации государственной власти и политического порядка в целом). В дискурсе справедливости и порядка в контексте правовой идеологии достигается конвенциональный баланс ценностей справедливости (важна, прежде всего, для гражданского общества) и порядка (важен, прежде всего, для государства). Дискурс свободы и порядка — единственный периферийный правовой дискурс правовой идеологии, для которого существенен вопрос баланса идей, выражающих ценности свободы и порядка, которые выступают как конкурирующие. И здесь также можно говорить о том, что в рамках диалога правового государства и гражданского общества формируется своего рода договор о допустимости ограничения свободы нормативным строем права — порядком. При этом, если ценность порядка в дискурсе свободы и порядка актуализирована все-

да, то ценность свободы начинает восприниматься как равнозначная именно в контексте правовой идеологии и, в частности, правового дискурса свободы и порядка именно тогда, когда появляются такие современные феномены как правовое государство и гражданское общество. Правовой дискурс в современных условиях специфичен и тем, что в нем принципиален баланс этих идей как равнозначных. Разумеется, идея свободы (правовой свободы, свободы как права) крайне важна для гражданского общества, а идея порядка (правопорядка) поддерживается государством, так как государственная организация всегда предполагает порядок. Вышесказанное дает хорошее представление о взаимосвязи социально-политического и дискурсивного (смыслового) уровней структуры правовой идеологии.

Понимание смысловых координат правового дискурса позволяет исследовать любую проблему юридической теории в контексте этих координат.

Все конвенциональные смыслы, которые создаются посредством правового идеологического дискурса, всегда обретают идейное оформление и при этом могут развиваться. Ввиду данного обстоятельства эти смыслы могут считаться относительно динамичными. Степень их динамичности определяется социальным контекстом их существования. Однако конвенциональные смыслы все же достаточно стабильны, чтобы обладать значительным консервативным потенциалом.

Чрезвычайно важно рассмотреть и содержательный уровень структуры правовой идеологии. Именно он зачастую рассматривается как структура правовой идеологии вообще, особенно в рамках тех концепций, которые отождествляют правовую идеологию с ее идейным содержанием. Он тесно связан со смысловым — дискурсивным уровнем структуры правовой идеологии и во многом принципиально им определяется. При этом, именно в содержании правовой идеологии правовой дискурс конкретизируется, воплощается в конвенциональные ценности, идеи, принципы, концепты, взгляды и теории. Структура содержания правовой идеологии обладает выраженными особенностями. Существуют два основных уровня (подуровня по отношению к содержательному уровню структуры правовой идеологии), на которых имеет смысл исследовать содержание правовой идеологии. Первичный уровень включает правовые идеи (выразители конвенциональных ценностей) и концепты как интерпретации этих идей. Структура этого уровня может быть выражена в «связке» ценность-идея-концепт. Вторичный уровень — более сложный, и его основным элементом выступает правовой миф, который в системе правовой идеологии существует в форме мифологизированных теорий, концепций, взглядов (мнений). Правовой миф также выражает идеи и ценности (поэтому мы и называем этот уровень вторичным), однако он является более сложным идеологическим образованием.

Идейное содержание — (первый уровень) правовой идеологии, может быть представлено системообразующими идеями, производными (комплексными идеями) и принципами. Идея в силу того, что она выражает как ценность, так и антиценность, характеризуется таким свойством как самопротиворечивость и нуждается в интерпретации (концептуализации); результатом интерпретации является концепт идеи. Идеи в форме принципов часто оформляют содержание такого сегмента правовой идеологии как правовая идеология гражданского общества. Действительно, в системе принципов главным образом и выражена аксиоматика гражданского правосознания (во всяком случае ее деятельная мотивационная практическая часть). В содержании идеологии идеи интерпретируются определенным образом (концептуализируются). Результатом идеологической концептуализации выступает концепт, который представляет собой интерпретированную идею с уже определенным содержанием. Концептуализация конкретизирует содержание правовой идеологии, придает ей определенность и практическое деятельно-установочное значение. Содержание правовой идеологии можно представить как иерархическую систему концептуализированных идей, отражающих ценности. Некоторые идеи в правовой идеологии концептуализируются более или менее однозначно (здесь речь идет, как правило, о непосредственно правовой, особой интерпретации этих идей), а некоторые концепты могут формироваться в системе правовой идеологии в зависимости от характера культуры (правовой культуры) конкретного политически организованного общества.

Говоря о втором уровне содержания правовой идеологии, следует рассматривать более сложные идеологические конструкции — правовые мифы⁴. Правовые мифы — сложноструктурированные элементы содержания правовой идеологии. Они представлены в системе взглядов (мнений), теориях и концепциях. Сами по себе взгляды, концепции и теории элементами содержания идеологии не являются и, подобно символам, понятиям, категориям, не выступают самостоятельными элементами содержания правовой идеологии. Они, будучи привнесенными в ее содержание, являются лишь формами (средой) для правового мифа. В мифе, разумеется, представлены и такие вспомогательные (вторичные) формы как понятия, категории и символы. Наличие уровня мифов свидетельствует о развитости системы правовой идеологии. Для современных государств как раз характерна такая развитая правовая идеология. Элементы первого и второго уровней связаны между собой. Отдельно следует отметить, что понятия, категории, символы не являются самостоятельными элементами правовой идеологии. Тем не менее, как выразители идей и концептов, они в ней представлены, являясь просто формами элементов

содержания правовой идеологии.

Содержание правовой идеологии достаточно хорошо исследовано в юридической теории, однако перспективным представляется исследование актуализированного содержания конкретной правовой идеологии.

Содержание правовой идеологии реализуется не само по себе, а посредством механизма функционирования правовой идеологии. Именно через определенный механизм содержание, сформированное в правовом дискурсивном пространстве путем перманентного диалога, внедряется в общественное правосознание; механизм функционирования правовой идеологии одновременно является и механизмом развития содержания правовой идеологии, и механизмом развития правового дискурса. Структура механизма функционирования правовой идеологии обладает определенной спецификой, обеспечивающей ее уникальные функциональные характеристики. Прежде всего, здесь следует говорить об алгоритме функционирования правовой идеологии, который включает в себя три компонента: онтологический (осознание сущего), телеологический (определение целей) и деонтологический (выработка представлений о нормативном должном в контексте осознания сущего и целей)⁵. Эти компоненты можно рассматривать как стадии развития идеологического сознания. Для правовой идеологии характерным является формирование сильного деонтологического компонента, что характеризует наиболее развитое идеологическое сознание, имеющее место в современном политически организованном обществе. Этим обусловлен и рациональный характер обоснования политического и правового порядка, который по преимуществу используется правовой идеологией (он присущ ей сущностно). Проблема алгоритма функционирования правовой идеологии сегодня мало изучена и, полагаем, может ставиться в контексте отдельных теоретико-правовых исследований.

Также, характеризуя структуру механизма правовой идеологии, следует выделить три звена (уровня) механизма правовой идеологии.

Первое звено — способы идеологического обоснования политического и правового порядка. Таковых следует выделить три: мистический, романтико-эстетический, рациональный способ⁶. Для правовой идеологии наиболее характерен рациональный способ, несмотря на то, что возможно сочетание различных способов (в любом случае рациональный способ превалирует). Способы идеологического воздействия могут быть обусловлены как природой, так и сущностью правовой идеологии. Для правовой идеологии рациональный способ идеологического обоснования является очевидно приоритетным. Тем не менее, сложное сочетание тех или иных способов идеологического обоснования может стать темой отдельного теоретико-правового исследования.

Второе звено — приемы идеологического воздействия. Следует выделить следующие категории приемов правовой идеологии: юридические приемы (официально-правовая номинация, ассоциация с процедурой, презумпции и фикции), политико-правовые приемы (содержательная интерпретация, авторитетная номинация), универсальный прием (прием мифологизации). Эти приемы тесно связаны между собой. Самыми простыми приемами являются номинация и, отчасти, символизация, а самым сложным — мифологизация, в которой представлена целая группа приемов. Они взаимосвязаны и часто сочетаются. Так, например, сочетание ассоциации с процедурой (формальной «интерпретации») и содержательной интерпретации дает большой идеологический эффект. При сочетании все эти приемы образуют механизм функционирования правовой идеологии в узком смысле слова и могут стать предметом отдельного теоретико-правового исследования.

Третье звено — институциональный уровень механизма функционирования правовой идеологии, представленный различными социальными акторами — трансляторами и ретрансляторами правовой идеологии⁷. Для институтов, занимающихся трансляцией и ретрансляцией правовой идеологии, то есть для участников правового дискурса, характерно то, что они в равной степени представлены как органами государственной власти и государственными учреждениями, так и институтами гражданского общества, что обусловлено диалоговым — дискурсивным и конвенциональным характером правовой идеологии. И это представляется чрезвычайно важным. В современных условиях контрпродуктивно устранять конкуренцию в идеологической сфере; ее стоит направлять, но не исключать полностью. Необходимо поощрять формирование институтов гражданского общества, которые являются действительными каналами репрезентации правовой идеологии гражданского общества; ни в коем случае не следует скатываться в идеологический монолог государства, так как это разрушительно для правовой идеологии. Следует подчеркнуть перспективность дальнейшего исследования проблемы механизма правовой идеологии, в том числе в контексте проблематики формирования диалога правового государства и гражданского общества.

Необходимо отметить структурную связь между содержанием правовой идеологии и ее механизмом. Она имеет сложный, разнонаправленный характер. При этом элементы содержания правовой идеологии могут рассматриваться как результат смыслообразующего действия идеологического механизма. Так, правовой миф есть результат действия (или, в определенном контексте, форма действия) идеологического приема мифологизации; через интерпретацию содержания идеи образуется концепт — результат интер-

претации, номинация и символизация актуализируют ценности и антиценности. Вместе с тем механизм правовой идеологии не только образует и актуализирует ее содержание (особенно, когда речь идет о сложных элементах правовой идеологии, таких как правовой миф), он выступает транслятором и ретранслятором этого содержания. Отлаженность механизма функционирования правовой идеологии и стройность ее содержания — взаимообусловленные явления.

Рассматривая функционально-структурные характеристики правовой идеологии, нельзя игнорировать международное измерение и растущее значение правовой идеологии на международном уровне. Современные международные отношения характеризуются двумя разнонаправленными тенденциями: глобализацией и международной регионализацией. Не следует путать эти процессы. Действительно, часто возникает путаница, когда эти, по сути, разнонаправленные процессы не дифференцируют. Данные процессы имеют идеологическое измерение. Несмотря на то, что правовая идеология представляет собой продукт культуры Западной цивилизации, она как наиболее культурно-индифферентная, минимальная и конвенциональная может стать единственно возможной идеологической основой для формирования как глобального, так и международных региональных правопорядков. При этом, если формирование глобальной правовой идеологии — процесс долгосрочный, то формирование международных региональных идеологических систем представляется весьма перспективным уже сегодня. В отдельных международных региональных политических образованиях правовая идеология уже четко оформилась, например, в Европейском Союзе. Что касается формирования глобального идеологического пространства и идеологической сферы и, соответственно, глобальной правовой идеологии, то этот процесс будет протекать медленно, по всей видимости, в несколько этапов. Первым этапом станет международная регионализация на основе общих идей культурно-близких государств, примером чему служит Европейский Союз; а вторым этапом, возможно, станет формирование общего идеологического пространства, основанного на компромиссе между наиболее влиятельными международными региональными политическими объединениями, в которых Евразийский экономический союз также займет свое место.

К сожалению, попытки различными акторами международных отношений использовать правовую идеологию как инструмент продвижения собственных интересов на международном уровне разрушают саму структуру правовой идеологии и, соответственно, любой международный правопорядок, альтернативой которому может выступать только порядок, основанный на силе, существование которого не представляется ни желательным, ни возможным.

Для Европейского Союза, где право играет важнейшую интегративную роль, правовая идеология выступает как необходимый и естественный механизм организации и функционирования идеологической сферы. Правовая идеология Евросоюза является правовой как в своей сущности, так и по своему содержанию. Она обеспечивает не только единство европейского сообщества, но и его структурированное единство. Правовая идеология ЕС призвана создавать представление не просто о политико-социальном единстве, но о политико-социальном единстве, организованном в определенный порядок (правопорядок).

В функциональном измерении правовая идеология Евросоюза представляет собой особый механизм легитимации единства Европейского Союза и обоснования нормативного порядка (и правовой системы в целом) в ЕС посредством трансляции своего содержания (правовых идей, концептов и так далее) в общественное сознание населения государств-членов Европейского Союза.

Структура содержания правовой идеологии Европейского Союза во многом определяет ее специфику. Содержание правовой идеологии следует рассматривать в рамках двух основных уровней: формализованного уровня — юридической идеологии, отраженной в правовых документах, и дискурсивного уровня (неформализованных идей и принципов, интерпретируемых в контексте идеологического дискурса — дискурса, образуемого «вокруг» права). Следует отметить, что на идейном уровне правовые идеологии Российской Федерации и Европейского Союза содержательно близки, однако на концептуальном уровне они зачастую существенно отличаются друг от друга. Преодоление этих различий способно значительно повысить эффективность сотрудничества России и Евросоюза по всем направлениям. Решение этой задачи видится вполне возможным.

Одним из важнейших в идеологическом механизме правовой идеологии Европейского Союза (в широком смысле слова) сегодня является интерпретационный механизм (прием), предполагающий сочетание содержательной и «формальной» интерпретации идей, принципов и правовых положений. На основе их взаимодействия в идеологическом пространстве строится очень важный идеологический прием манипуляции значением идеи. В контексте «формальной» интерпретации особым образом интерпретируется содержание идеологии, а именно — сами идеи. Они интерпретируются «формально», то есть представляются в рамках такого подхода как процедуры; процедурой, таким образом, подменяется сама интерпретируемая идея. В контексте содержательной интерпретации, напротив, идеи интерпретируются в особой политической содержательно-телеологической форме. Содержательная интерпретация идей во взаимосвязи с формальной представляет собой очень распространенный прием,

который лежит в основе идеологической манипуляции. Результатом такого идеологического приема является практика «двойных стандартов» в идейно-ценностной сфере. Широкое использование интерпретационного механизма правовой идеологии характерно для идеологического измерения взаимоотношений России и Европейского Союза. Такой механизм весьма распространен в рамках европейского культурного ареала, и преодолеть связанные с ним идеологические споры в обозримом будущем не представляется возможным. Тем не менее, преодолеть негативные последствия подобной практики в контексте взаимоотношений России и Европейского Союза возможно двумя путями. Первый (политический) заключается в том, что следует внимательно изучать подобную практику «двойных стандартов» и выявлять ее своевременно. Это позволит выносить ряд вопросов на публичное обсуждение в режиме открытого дискурса. Второй путь заключается в детальной юридикации базовых идеологических постулатов сотрудничества, в создании прочных ассоциативных увязок конкретных идей, ценностей и концептов с определенными правовыми процедурами. Эти пути, разумеется, являются в определенной степени альтернативными и обозначают два возможных вектора формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза.

Исследование правовой идеологии ЕС позволяет по-новому взглянуть и на отношения Европейского Союза и России. Правовая идеология России и Европейского Союза весьма близки как в плане своего содержания, так и в плане базовых функциональных характеристик и механизма функционирования. Это создает определенные позитивные условия для их сотрудничества. По крайней мере можно говорить о том, что акцент, сделанный на правовую идеологию, способен преодолеть ряд негативных стереотипов в сознании. Важно развивать сотрудничество России и Европейского Союза в вопросах выработки и правовой формализации общих правовых стандартов, так как только это позволит заложить прочный фундамент для дальнейшего сотрудничества. Таким образом, правовую идеологию как России, так и Европейского Союза можно в стратегическом плане рассматривать как возможную основу построения общего идеологического пространства России и ЕС, а возможно и Евросоюза, и будущего Евразийского Союза. При этом следует считаться с реалиями евразийской интеграции. Действительно, формирование глобальной правовой идеологии видится в контексте сотрудничества крупных международных региональных образований. Одним из таких образований, «молодых», но крайне значимых для России и для всего постсоветского пространства, является Евразийский экономический союз, и вопрос взаимоотношений России и Евросоюза уже скоро может быть «перекрыт» вопросом сотрудничества Ев-

разийского экономического союза (или, возможно, в будущем Евразийского Союза) и Европейского Союза.

Евразийский экономический союз сегодня — основное международное региональное интеграционное объединение в контексте евразийской интеграции, к созданию которого Российская Федерация и ее ближайшие экономические партнеры и союзники приложили немало усилий. В перспективе возможно формирование Евразийского Союза, имеющего полноценную развитую правовую систему, общую идеологическую сферу, где ведущую роль будет играть правовая идеология, а также множество измерений интеграции (не только экономическое измерение, как в случае с ЕАЭС). Евразийский Союз может в перспективе «втянуть» в себя другие интеграционные проекты в пространстве Евразии, расширяя формы своего сотрудничества. Это представляется наиболее целесообразным вектором развития евразийской интеграции.

Залогом успеха евразийской интеграции является формирование полноценной правовой системы Евразийского экономического союза и правовой идеологии ЕАЭС, основанной на конвенциональных ценностях, в которых кристаллизуются согласованные интересы. Несмотря на то, что правовая идеология Евразийского экономического союза еще не сформирована, можно констатировать ее зарождение. Основы этой правовой идеологии формализованы и содержатся в Договоре о Евразийском экономическом союзе, а ее основания уже присутствуют в формирующемся общем правовом дискурсе в общем информационном пространстве государств-членов Евразийского экономического союза.

Несмотря на постоянно подчеркиваемую экономическую основу евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза, она формирует и очевидные перспективы правовой, идеологической и даже политической интеграции. Политическая интеграция станет возможной с формированием общей идеологической сферы, объединяющей все государства, входящие в Евразийский экономический союз; а формирование такой идеологической сферы возможно только в том случае, если в ее основу будет положена правовая идеология как компромиссная и культурно-индифферентная. Таким образом, формирование Евразийского Союза в своей завершенной форме станет возможным только при наличии полноценной правовой системы Евразийского Союза и правовой идеологии как идейно-ценностной основы интеграции.

На постсоветском пространстве существуют некоторые формы радикальных религиозных и светских идеологий, которые крайне опасны для государств-членов ЕАЭС. Экстремистские практики имеют, как правило, серьезные идейные (идеологические) корни. Любое экстремистское течение опирается на идеологию сектантского типа, оправдывающую зачастую весьма жесткие методы достижения целей этого тече-

ния. Экстремистские идейные течения ориентированы на абсолютные ценности и, соответственно, в случае их конфликтов исключают какой-либо конструктивный социальный дискурс для выработки конвенциональных смыслов. В этом плане отличительной особенностью экстремизма является неприятие любых альтернатив и конкурентных идейно-ценностных установок и, как следствие, представление о том, что для продвижения определенных ценностей оправданы любые средства, а договор и дискуссия как стратегия достижения согласованного мнения полностью лишены смысла (они могут рассматриваться лишь как тактические приемы, маскирующие реальное продвижение своих идеологических установок). Таким образом, «серьезное» отношение к абсолютным ценностям, имеющим социально-политическое значение, приводит в результате к своего рода идеологическому фанатизму, рождающему экстремистские установки в сознании и соответствующее бескомпромиссное поведение. Сознание, ориентированное на такое «серьезное» отношение, можно в определенном смысле охарактеризовать как религиозное или квазирелигиозное. С учетом плюрализма политических убеждений в современных государствах и их светского характера, предполагающего сосуществование многих (или хотя бы нескольких) конфессий, представляется невозможным мирное сосуществование различных категорий населения в рамках одного политически организованного общества, если общественное сознание ориентировано на абсолютные ценности. Также опасными являются попытки различных социальных групп и даже индивидов поставить свои идейные установки, которые вполне вероятно могут ориентироваться на абсолютные ценности (что само по себе неплохо, если они не выходят на политический уровень), выше общесоциальных конвенциональных ценностей.

Необходимо противопоставить этим идеологиям иную идеологическую систему. Полагаем, именно правовая идеология способна дерадикализировать идеологическую сферу государств-членов будущего Евразийского Союза. «Сильная» правовая идеология и открытый публичный правовой дискурс как основание выработки конвенциональных ценностей и смыслов, как форма организации идеологической сферы общества могут выступать важной гарантией неприятия и маргинализации экстремистских идеологических установок в политико-идеологическом пространстве.

Сегодня многие исследователи и философы традиционалистской направленности критикуют правовую идеологию как раз за ее конвенциональный характер, за подмену абсолютных — естественных ценностей ценностями конвенционального плана, однако, полагаем, что такая критика лишена оснований. Правовая идеология вовсе не выступает против абсолютных ценностей, она предполагает ориентацию политического

сообщества на ценности договорные, но при этом ее минимальность оставляет значительное пространство для самостоятельного духовного развития индивида, для его ориентации на подлинные абсолютные ценности, если при этом практики индивидов и их групп не превращаются в попытку диктовать свою волю окружающим и принуждать их разделять данные ценности как «единственно верные».

Литература

1. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006.
2. Бекяшев К.А., Моисеев Е.Г. Право Евразийского экономического союза. / отв. ред. Е.Г. Моисеев. М.: Проспект, 2015.
3. Беседин А.А. Институциональный уровень механизма правовой идеологии // История государства и права. 2010. № 2. С. 36-39.
4. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // В сборнике: Современные тенденции развития государства и права России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30-31 марта 2010 г.). Московский университет МВД России, Тамбовский филиал. Тамбов. 2010. С. 18-21.
5. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике: Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции (06 июня 2011 г.). Краснодар, Пресс-имидж. 2011. С. 301-304.
6. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международ. отношения, 2009.
8. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.
9. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004.
10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
11. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калинин П.А., Слепак В.Ю., Жбанков В.А. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. Монография. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2015.
12. Клименко А.И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства. М.: Московский университет МВД России, 2007.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издательство «Юридический центр

- Пресс», 2004.
14. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009.
  15. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
  16. Леони Б. Свобода и закон / Пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
  17. Ллойд Д. Идея права / Перевод с английского М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашев; научный редактор Ю.М. Юмашев. М.: «ЮГОНА», 2002.
  18. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
  19. Мамонтов А.Г. Независимость и законность современного суда: миф и реальность // История государства и права. 2012. № 11. С. 39-42.
  20. Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Дубинина Е.Н., Зыкова С.В., Недобежкин С.В. История политических и правовых учений. Учебное пособие для слушателей, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (квалификация «магистр»). Москва, 2013.
  21. Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности. Учебное пособие. Московская академия МВД России. Москва, 2001.
  22. Михайлова Н.В., Калина В.Ф., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Курсков Д.Ю., Мамонтов А.Г., Ласкин А.А., Матиенко Т.Л., Карнаушенко Л.В. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900.62 «Юриспруденция» Москва, ЮНИТИ-ДАНА. 2014.
  23. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2015.
  24. Муромцев Г.И. Правовые системы и правовые культуры в сравнительно-правовых исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 158-165.
  25. Недобежкин С.В. Мифологизация вопроса о происхождении права в теоретико-правовой науке // История государства и права. 2012. № 11. С. 7-10.
  26. Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
  27. Радько Т.Н. Теория функций права. Монография. М.: Проспект, 2015.
  28. Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сыгина, 1911. (Данные издания приводятся в соответствии с современными стандартами русского языка А.К.)
  29. Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000.
  30. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
  31. Фуллер Л.Л. Мораль права. / Пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.
  32. Харт Г.Л.А. Понятие права. / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун.-та, 2007.
  33. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: В 2-х тт. — Том I. Основы. Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2010.

¹ См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004; Тоффлер, Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

² См. о множественности форм права: Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 110-136; Малахов В.П. Философия права: формы теоретического мышления о праве. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. (Здесь речь идет об особом понимании категории «форма права», которое не исходит из отождествления «формы права» с юридическим источником права).

³ См., Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

⁴ См., Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.

⁵ Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сыгина, 1911. С. 18-28. (Данные издания приводятся в соответствии с современными стандартами русского языка А.К.)

⁶ Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сыгина, 1911. С. 28-52. (Данные издания приводятся в соответствии с современными стандартами русского языка А.К.)

⁷ См., об институциональном уровне механизма идеологии и, в частности, правовой идеологии: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004; Клименко А.И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства. М.: Московский университет МВД России, 2007; Беседин А. А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2011; Беседин А.А. Институциональный уровень механизма правовой идеологии // История государства и права. 2010. № 2. С. 36-39.

УДК 340.12
ББК 67.0

ОСОБЕННОСТИ ИДЕЙНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕМОКРАТИИ И ДИСЦИПЛИНЫ

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРАСИКОВ,

*соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель: заместитель начальника
кафедры теории государства и права*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент Ю.Ю. Кулакова*

E-mail: kulakova_crede@mail.ru.

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуется принципиальная основа взаимосвязи демократии и дисциплины. Особое место в данной основе занимают идейно-правовые принципы, выступающие инструментом духовного обоснования применения правовых норм для гармонизации общественной жизни. Делается вывод о том, эти принципы (в частности, принципы конституционализма и толерантности) направлены, прежде всего, на обеспечение демократизации дисциплины. Кроме того, определяющее условие поддержания демократии и дисциплины как органично связанных общественно-правовых состояний выражено принципом гражданственности, в котором в наибольшей степени представлено дисциплинирующее начало.

Ключевые слова: демократия, дисциплина, идейно-правовые принципы, принципы-связи, принципы-идеи, принцип конституционализма, принцип идейности, принцип коллективности, принцип толерантности, принцип охранительности, принцип целенаправленности, принцип разумности.

Annotation. This article examines the fundamental basis of the relationship between democracy and discipline. A special place in the Foundation is the ideological and legal principles, acts as a spiritual tool justify the application of legal rules to harmonize social life. The author comes to the conclusion about these principles (in particular, the principles of constitutionalism and tolerance) is aimed primarily at the democratization of the discipline. In addition, the determining factor for the sustenance of democracy and discipline as organically related to the public and legal state is expressed by the principle of citizenship, which is mostly the beginning of disciplinary.

Keywords: democracy, discipline, ideological and legal principles, principles, principles, ideas, the principle of constitutionalism, the principle of ideology, the principle of collectivity, the principle of tolerance, the principle of ogranichennosti, the principle of purposefulness, principle of reasonableness.

Понятия дисциплины и демократии традиционно позиционируются в праве как взаимообусловленные. Получить представление о данной сложной и не всегда однозначной связи возможно, в том числе, с помощью установления ее принципиальных основ. Анализ принципов связи демократии и дисциплины позволяет определить закономерности доминирования того или иного элемента структуры связи, факторы, обуславливающие это доминирование, диалектику и алгоритм развития связи, последствия, к которым такая связь приводит или может привести.

Среди всего видового многообразия принципов в

юридической науке особое место принадлежит идейно-правовым принципам. Именно они отражают детерминированный ценностным элементом связи рассматриваемых явлений регулятивно-нормирующий способ организации жизни социума. Данные принципы призваны выступать инструментом духовного, идейного обоснования применения правовых норм для гармонизации общественной жизни.

В рамках проводимого исследования следует отличать принципы-идеи и принципы-связи. Если первые формируются вокруг значимых для права идейных оснований (основополагающих начал права в целом), в

силу своей значимости для реализации правовых норм приобретающих статус принципов (принцип законности, гарантированности, свободы и др.), то вторые — отражают важнейшие структурные связи, являются основой взаимодействия всех элементов права как системного феномена и связи права с внешней социальной средой.

При этом принципы-связи находятся в основании принципов-идей, и именно благодаря им осуществляется реализация идейных принципов, в свою очередь, они получают информационное отражение в содержании права в виде принципов-идей. В связи с этим представляется необходимым рассматривать их в единстве.

Целесообразно дифференцировать идейно-правовые принципы становления, обеспечения и развития демократии и принципы достижения необходимого уровня дисциплины в социуме и поддержки такой дисциплины. Каждая из двух групп принципов детерминирована природой и сущностью предметов ее обоснования.

К первой группе (принципам демократии) относятся принципы единства содержания и формы, социальной свободы, соответствия между объективным и субъективным правом, принципы гарантированности и справедливости.

Принцип единства содержания и формы. Под формой понимается внешняя конфигурация, границы предмета исследования. Форма теряет свою значимость если не находится в диалектической связи с наполняющим ее содержанием. Основная задача формы — организовать и выразить содержание. Основная задача содержания — наполнение и придание смысла существованию формы. Связь между содержанием и формой противоречива и неустранима. Так, содержание может иметь несколько форм, а одна форма включать несколько содержательных компонентов. Однако оптимальной представляется связь, в которой содержание адекватно форме, а форма — содержанию.

Демократия, в основном, характеризуется формализованностью в контексте придания ей статуса элемента формы государства (формы политического режима), а также формы политизации гражданской жизни. Но, вместе тем, демократия не лишена содержательного компонента. Именно демократические принципы придают связи демократии и дисциплины содержательность и целенаправленность. Единство ее содержания и формы — залог успешного становления и устойчивого развития демократии.

Принцип социальной свободы. Демократический принцип социальной свободы заключается с возможности человека в неограниченном объеме выбирать по своей воле и желанию вид деятельности, место жительства, участвовать в осуществлении государственных

и общественных вопросов, реализации социальных благ и т.д. Этот принцип закреплен во многих Конституциях развитых демократических государства, а также содержится в положениях таких международных актов, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах»¹ и проч. Конституция Российской Федерации в главе 2 также закрепляет основные гарантированные государством права и свободы человека и гражданина². Любое государство, провозглашая себя правовым и демократическим, на самом высоком уровне закрепляет данный принцип-идею, являющуюся основой существования гражданского общества и организующую волю большинства для решения общесоциальных задач. Данный принцип положен в основу либерально-демократической идеологии.

Принцип соответствия между объективным и субъективным правом. Объективное право представляет собой систему общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных и охраняемых государством и направленных на регулирование общественных отношений. Объективность такого права обеспечена тем, что оно не зависит от воли и сознания отдельного индивида, его субъективной оценки закрепляемого нормой объективного права властного предписания. Субъективное право — мера юридически возможного поведения, призванная удовлетворять индивидуальные интересы и потребности лица (конкретные права и свободы личности: право на жизнь, на образование и т.п.). Субъективные права зависят от воли и сознания лица. Но, в то же время, между объективным и субъективным правом существует диалектическая связь: субъективное право возникает в рамках и на основе объективного, тогда как объективное право реализуется посредством субъективного. Соответствие между субъективным и объективным правом — предпосылка успешного развития правовой системы в целом и основа обеспечения конституционализма и равноправия и масштабах демократического режима.

Принцип гарантированности. Данный принцип обуславливает защищенность прав и свобод человека и гражданина силами государственного принуждения. Согласно Конституции Российской Федерации, основным гарантом прав и свобод провозглашается глава государства. Кроме того, данными вопросами на профессиональной основе занимается Уполномоченный по правам человека, а также иные омбудсмены государства (например, Уполномоченный по защите прав предпринимателей, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка). Применительно к демократии принцип гарантированности является важным идеологическим основанием легити-

мации государственной власти.

Принцип справедливости. Изначально тесно связанный с нравственной жизнью, принцип-идея справедливости применительно к демократии способен играть роль фактора сплочения народа, национальной идеи, легитимации политической власти. Нарушение принципа справедливости ведет к разочарованию в действующем правительстве и смене власти, в ряде случаев сопряженной со сменой демократического режима. Вместе с тем, в рамках демократии невозможным является и возведение данного принципа в абсолют, что вызвано усредненностью направленности реализации данного принципа. Принцип справедливости вызывает необходимость возникновения и реализации различных государственных и социальных программ для лиц, неспособных в силу ограниченности различных ресурсов (интеллектуальных, физических и материальных) удовлетворить свои субъективные потребности. Такое усреднение детерминирует государственно обеспеченное распределение минимума необходимых благ для всех социальных групп. Между тем, существуют социальные группы, у которых данные блага легитимным образом «изымаются» для восстановления принципа социальной справедливости (налоги, акцизы, иные отчисления в государственный бюджет).

Ко второй рассматриваемой нами группе принципов-идей относятся идейно-правовые принципы достижения и поддержания необходимого уровня дисциплины. Следует выделить следующие основные принципы данной группы: принципы законности, ответственности и гражданственности. Раскроем их содержание применительно к дисциплине.

Принцип законности. Принцип законности — принцип о четкой определенности и недвусмысленности норм государственного права, общеобязательности для всех без исключения исполнения предписаний закона как источника права обладающего наибольшей юридической силой. В ч. 2 ст. 15 Конституции РФ закреплены основные положения данного принципа: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В то же время, относительно дисциплины, принцип законности распространяет свое действие также на нормы негосударственных форм права³. Реализация принципа законности с неизбежностью влечет осуществление на практике режима законности — состояния осознанного добровольного выполнения всеми членами общества правовых норм.

Принцип ответственности. Принцип ответственности применительно к дисциплине имеет, в отличие от его применения в праве, более широкое содержа-

ние. Так, для права формулировка принципа ответственности заключается в том, что лицо будет нести неблагоприятные обеспеченные мерами государственного принуждения последствия своего поведения, только если в его деянии усматривается принцип вины — желаемое и осознанное им причинение вреда. Если же признак вины, как обязательный элемент субъективной стороны состава правонарушения, не будет установлен, к лицу не применяются меры юридической ответственности. Если же говорить о дисциплине и применении данного принципа в ее рамках, следует отметить его распространение не только на юридическую государственную ответственность, но и на правовую ответственность, имеющую место в рамках негосударственных форм права (индивидуального права, права гражданского общества и др.), а также неправовую, морально-нравственную и религиозную ответственность. При этом в отличие от демократии, для дисциплины такие виды ответственности играют не меньшую роль, чем государственная (в некоторых случаях, значение негосударственной ответственности даже выше). В более широком контексте принцип ответственности означает применение неблагоприятных последствий к лицу, нарушившему правила поведения, складывающиеся в масштабах способов регуляции общественных отношений. Порог ответственности в данном случае выше и предполагает ответственность не только за умышленные, но в некоторых случаях за неумышленные деяния лица.

Принцип гражданственности. Данный принцип характеризуется ярко выраженным дисциплинирующим началом: человек чувствует свою сопричастность, ответственность, в том числе, перед самим собой, за ситуацию, складывающуюся в государстве и внутри общества, и активно выступает за упорядочивание реализуемых в социуме отношений. Этот принцип, основывающийся на гражданском правосознании, тесно связан с нравственностью: «Гражданское сознание проявляется не только в уважении своих и чужих прав, закона и законности, но и в безразличном отношении к массовым несчастьям и страданиям. Гражданское сознание отстаивает интересы всего общества, так как всегда направлено в сторону общечеловеческих ценностей, интегральной цели выживания и развития человечества. Функции гражданского сознания связаны преимущественно с деятельностью всего общества, а не отдельных индивидов, поэтому общественное мнение — основное средство существования и выражения гражданского сознания... Регуляторами устремлений личности, выбора жизненных целей и линии поведения, гражданской позиции выступают совесть, долг, достоинство, от степени развитости которых зависит уровень нравственного сознания, цивилизован-

ность индивида.»⁴. По мнению Н.А. Колясиной и А.Ю. Малыгиной: «Гражданственность как принцип предполагает свободу, автономность, независимость личности от политики и партий, свободу от произвольного вмешательства и мелкой регламентации государством трудовой, экономической, социальной, нравственной, творческой, национальной и других сфер деятельности»⁵. Человек здесь рассматривается как существо, и политическое, и правовое, и нравственное.

В связи с этим, принцип гражданственности — определяющее условие взаимосвязи демократии и дисциплины.

Далее определим принципы-связи непосредственно выражающие корреляции демократии и дисциплины. Среди них, по нашему мнению, следует назвать следующие принципы: конституционализм, идейность, коллективность, толерантность, охранительность, целенаправленность, разумность.

Принцип конституционализма. Принцип конституционализма играет значительную роль в вопросе осуществления целей воздействия идейно-правовых принципов на обеспечение демократизации дисциплины. Данный принцип, сущность которого заключается в реализации и неуклонном распространении фундаментальных основ демократии, служит политически-содержательным импульсом, указывающим направление развитие властного ресурса дисциплины, тем самым, подчиняя ее динамику лимитам демократического политического строя, в правовых государствах находящим отражение в основных законах-конституциях.

Принцип идейности. Связь демократии и дисциплины должна основываться на системе идей, духовных оснований и ценностей, без которых не возможно полноценное существование в данной связке дисциплины, по природе своей феномена формального и в большей степени нравственно индифферентного.

Принцип коллективности. Связь дисциплины и демократии не может основываться на позиции отдельных представителей общества, для оптимальности существования она должна получить поддержку его большей части, демократического большинства, которое осознанно готово подчинять личные интересы общественным интересам.

Принцип толерантности. Принцип толерантности «оживляет» и служит гуманизации (индивидуализации) строгой и одинаковой для всех по своей природе дисциплины, выступает, наряду с принципом конституционализма, важнейшим инструментом обеспечения демократизации дисциплины в рамках ее связи с демократией.

Принцип охранительности. Целевая связь демократии и дисциплины как правовых феноменов непо-

средственно выражена в принципе охранительности. Данный принцип представляет собой требование к консервации общественных отношений, их застыванию в ситуации урегулированности и соблюдения баланса интересов всех социальных групп. Охрана правопорядка, охрана гармонии в жизни социума — одно из целевых направлений дуализма демократии и дисциплины.

Принцип целенаправленности. В рамках связи демократия-дисциплина, цели, к достижению которых стремится данная пара, необходимо выставлять с учетом их оптимальности и реальности, социальной значимости и перспективности. Такой выбор возможен в праве благодаря рассмотренным выше принципам социальной свободы и гражданственности.

Принцип разумности. Разумность следует понимать как свойство человеческого сознания, основанное на интеллектуально-волевой деятельности и направленное на реализацию поставленной человеком цели наиболее оптимальным способом. Решение серьезных социальных конфликтов в большинстве случаев — сфера применения правовых норм; право способно наиболее простым и логичным способом восстанавливать справедливость в обществе. Принцип разумности делает отсылку к рациональному выбору, при котором цель оправдывает средства.

Таким образом, анализ идейно-правовых принципов взаимосвязи демократии и дисциплины позволяет утверждать следующее.

Во-первых, данные принципы отражают детерминированный ценностным элементом связи демократии и дисциплины регулятивно-нормирующий способ организации жизни социума.

Во-вторых, эти принципы направлены, прежде всего, на обеспечение демократизации дисциплины. При этом центральными принципами ее обеспечения будут принципы конституционализма и толерантности.

В-третьих, определяющее условие поддержания демократии и дисциплины, как органично связанных общественно-правовых состояний, выражено принципом гражданственности, в котором в наибольшей степени представлено дисциплинирующее начало.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998.
2. Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N

- 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
4. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // В сборнике: Современные тенденции развития государства и права России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30-31 марта 2010 г.). Московский университет МВД России, Тамбовский филиал. Тамбов, 2010. С. 18-21.
  5. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права. Монография. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2013. С. 15-19.
  6. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике: Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции (06 июня 2011 г.). Краснодар, Пресс-имидж. 2011. С. 301-304.
  7. Клименко А.И. Идея демократии как элемент содержания правовой идеологии государства в российской и западной культурах // В сборнике: Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития Москва, 2003. С. 159-168.
  8. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.
  9. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
  10. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
  11. Колясина Н.А., Малыгина А.Ю. Принцип гражданственности в морально-этическом аспекте // Научный поиск. № 4.2. 2012. С. 23-26.
  12. Кулакова Ю.Ю. Способность государства к демократии // История государства и права. 2012. № 11. С. 42-44.
  13. Мамонтов А.Г. Принципы российского федерализма. Москва, 2002. — 19 с.
  14. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14.
  15. Малахов В.П. Основы философии права. Москва, 2005. Сер. Учебное пособие для вузов. — 238 с.
  16. Малахов В.П., Ляхов Е.Г. Правовые системы государств и международное право: взаимодействие и эффективность. Монография / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Московский университет. Москва, 2004. — 127 с.
  17. Пархоменко А.Г., Мамонтов А.Г. Основные этапы развития российского конституционализма. Лекция / Москва, 1999. — 41 с.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998; Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

³ О государственных и негосударственных формах права см.: Малахов В.П. Основы философии права. Москва, 2005. Сер. Учебное пособие для вузов. — 238 с.

⁴ Колясина Н.А., Малыгина А.Ю. Принцип гражданственности в морально-этическом аспекте // Научный поиск. № 4.2. 2012. - С. 23.

⁵ Там же. - С. 26.

УДК 340.12
ББК 67.0

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПРАВА

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА КУЛАКОВА,

заместитель начальника кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kulakova_crede@mail.ru.

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается возможность использование синергетической методологии в исследовании права.

Ключевые слова: система права, самоорганизация, синергетика, нелинейные процессы, моделирование.

Annotation. The article discusses the use of synergetic methodology in the study of law.

Keywords: the system of law, self-organization, synergetics, nonlinear processes, modeling.

Познание самоорганизации, принципов, лежащие в основе ее процессов — одна из главных задач синергетики. Эти принципы реализуются в системах разной природы: биологических, социальных, правовых и др. При этом синергетика часто выполняет роль системной рефлексии и исходит из характерного для системы набора свойств. Важнейшими среди них являются — нелинейность, целостность, устойчивость структуры, «эффект сложения», который предполагает, что элементы, образующие систему, координируются между собой и зависят от целого. Однако, в системе, т.е. «потеряв свою автономность», они проявляют себя иначе. В условиях самоорганизации сложных систем развитие возможно только в русле потенциально заложенных путей. Внешним воздействием нельзя навязать системе желаемое движение. Поэтому, в рамках теоретического познания важнее выяснить, как выводить системы на эти пути и способствовать развитию из собственным тенденциям.

Внутренняя структура определяет сложность системы, которая включает подсистемы, функционирующие по собственным законам, кроме того, невозможность приведения системы в первоначальное состояние, то есть необратимость развития.

Применительно к обществу система будет считаться открытой, если она способна обмениваться, например, информацией (хотя это могут быть любые другие факторы, определяющие развитие) с окружающим миром.

Социальные системы являются сложными и открытыми, взаимодействующими между собой, как утверждают И.Пригожин и И.Стенгерс¹. С точки зрения механистической модели, изучающей простые замкнутые системы с их равновесностью, строгим порядком и обратимостью времени понять данные системы невозможно. В сложных системах подсистемы постоянно флуктуируют (изменяются, возмущаются), в момент нахождения системы в сильном неустойчивом состоянии. При усилении этого состояния, в развитии системы наступает критический момент — бифуркация — точка, приближаясь к которой системы как бы «колеблются» перед определением варианта одного из путей эволюции. Бифуркация — это состояние системы, находящейся на «развилке». «В сложных системах обычно наблюдается не единственная бифуркация, а серия таковых, что приводит к значительной неопределенности события, являющегося началом нового порядка. Самые значительные колебания наблюдаются вблизи точки бифуркации, они служат своеобразным сигналом, признаком критического состояния системы, из которого заинтересованные в ее судьбе люди могут делать выводы. Поскольку флуктуации ответственны за выбор той или иной «ветки» развития, предопределяя события, создающие структуры после прохождения точки бифуркации, то есть в процессе обновления общественных систем есть место социальному творчеству людей»².

Определить число вариантов возможного разви-

тия можно заранее, но в каком из направлений будет развиваться система предсказать заранее не возможно. Выбор дальнейшего развития будет определяться очередной флуктуацией, возникшей под влиянием внешнего воздействия. В формировании правовых феноменов роль случайностей чрезвычайно высока.

Рассматриваемые системы относятся к нелинейным системам. Для них характерна альтернативность выбора путей развития, их многовариантность; поведение системы в разное время будет определяться различными законами.

В процессе своего развития способность системы учитывать внешнее воздействие будет тем выше, чем дальше она находится от состояния равновесия (и, соответственно, возможности вернуться в первоначальное состояние).

Достаточно небольшая, микроскопическая флуктуация «может послужить началом эволюции в совершенно другом направлении»³. После того, как случай сделает свой выбор, вперед выйдет детерминизм, который приведет развитие системы до следующей точки бифуркации.

Нелинейные процессы невозможно надежно прогнозировать, так как развитие происходит за счет случайности выбора в точке бифуркации, а вероятность повторения случая крайне низка. Синергетический подход дает шанс спрогнозировать дальнейшее развитие системы, сузить до минимума с высокой долей вероятности границы разброса результатов.

В теории права данный подход рассматривает «систему права как самоорганизующуюся в силу действия внутренних механизмов системообразования, в результате которого появляется спонтанный, или самопроизвольный, порядок, выражающийся в равновесии между общественными отношениями и их нормативным отраслевым регулированием»⁴.

Наглядным примером сложной открытой системы является правовая система. К системам подобного типа относятся все государственно-правовые явления. Нормы права, правовые институты, отрасли и т.д. являются системными образованиями. В теоретических построениях о системе права в целом они занимают свою ступень в иерархии.

«Знания о нормах процессуальных отраслей права, обладая свойствами многогранности и открытости, способствуют организации и реализации норм материальных отраслей права, обеспечивая взаимодействие между отраслями права как элементами единой системы. Теоретические знания о межотраслевых правовых институтах направляют развитие групп норм разных уровней законодательства, регулируют однородные отношения, что ведет к взаимозависимости и взаиморазвитию элементов системы права, формированию но-

вых отраслей права. Данное взаимодействие возможно на основе принципов синергетического развития»⁵. С точки зрения синергетики система права обладает фундаментальным свойством — диссипативностью, которое формируется в процессе самоорганизации системы права. Из диссипативности следует свойство нелинейности системы права, то есть возможность системы эволюционировать различными теоретическими и практическими путями. Следствием этого являются возникающие правовые бифуркации.

Между правовой реальностью и теоретическим содержанием системы права существуют противоречия. Они вызваны такими факторами как изменение социальных явлений, которое приводит к появлению новых компонентов правовой надстройки, иных элементов права, объективно требующих правового регулирования и дальнейшего совершенствования законодательства; «нежизнеспособность» той или иной юридической конструкции и необходимость ее замены или корректировки; формирование новых задач вызванное развитием системы права и т.д.

С точки зрения синергетики в системе знаний о праве существует множество связей и условий на них влияющих. Учет и охват их большего количества влияет на повышение процента получения положительного результата и степени его соответствия. Результат может быть достигнут только, если будут проанализированы все условия реализации замысла.

При этом к несоответствию замысла результату может привести случайное событие или фактор (так называемый аттрактор). «Индетерминистские направления в гуманитарном знании полагали, что существует огромный класс событий и явлений, для которых причины и закономерности отсутствуют или не могут быть указаны. Однако отсутствие причин и закономерностей не имеет никакого отношения к правовым явлениям»⁶. По мнению исследователя Сигалова К.Е, такие причины и закономерности есть всегда, «аттрактор, это своего рода водоворот, в который помимо своей воли «втягиваются» элементы системы, вне зависимости от того, подозревают они, что являются таковыми или нет»⁷. В процессе формирования правовой нормы складывается самоорганизация правотворчества. По своей природе государство должно противостоять процессу самоорганизации источников права. Создание договора, нормативно-правового акта, правового прецедента, часто выступает в роли аттрактора. В данном случае, самоорганизация принимает концентрированную форму, при которой правило возникает не как итог деятельности властных органов, а формируется естественным образом. Роль государства сводится к подтверждению обязательности сложившегося правила, не вмешиваясь в процесс правообразования.

Правовой эксперимент выступает теоретико-правовым методом выявления и учета случайностных факторов.

В системе законодательства внешней формой выражения гносеологических элементов являются концепции, теории, суждения. Степень устойчивости и регулируемости правовых отношений определяет насколько продуман проект законодательной базы в результате первоначальной апробации и будет ли он соответствовать так называемому параметру порядка. Свойства параметров правового упорядочения являются предметом синергетики. Проектирование правовой модели будет затруднено или не достигнет нужного результата в случае, если параметры порядка к той иной системе подобраны не в соответствии с их свойствами.

Под понятием правовой модели подразумевают «специально синтезированный для удобства исследований объект, который обладает необходимой степенью подобия исходному, адекватной целям исследования, сформулированным субъектом или лицом, принявшим решение относительно исследования системы»⁸.

Специфика права как системы, по мнению ряда исследователей заключается в следующей: она создает собственную модель на условиях точного отображения всех ее свойств и отношений, соответствия элементов и связей обоих образований (изоморфизма). Примером модели системы права может служить, «переложение ее норм на искусственный язык и максимальная их формализация средствами символической логики»⁹. При ее создании решается задача не точного отображения системы, так как исследуется только частная проблема, поэтому достаточно модели, отражающей сумму объединенных этой проблемой элементов, их связей и отношений. Данные модели обычно гомоморфны.

Другой особенностью системы права является то, что она является моделью для права естественного. Создание данной модели приведет к выявлению несоответствий и несообразности действующей системы права: выявит все противоречия, устаревшие нормы, пробелы законодательства, отсутствие необходимых связей, изъяны в структуре системы.

Право напрямую связано с практикой, с ее потребностями и противоречиями, исходя из этого, синергетическая модель права выявляет зависимость норм права от развития общественных отношений.

Однако это не отрицает реальной сущности. Как показывает практика между ожиданиями и результатами существует нелинейная зависимость, которая четко прослеживается в синергетической модели¹⁰. Системы нелинейные подвержены малых (случайных) воздействий, вызванных неравновесностью, нестабильностью и проявляются в накоплении флуктуаци-

ях (небольших отклонений), бифуркациях (некоторое множество вариантов дальнейшего развития), фазовых и самопроизвольных переходах. Для таких систем характерно возникновение локализованных процессов (структур), в которых возможна «интеграция, объединение структур по законам построения эволюционного целого, и вероятен распад этих структур на этапе нарастания их сложности»¹¹. Надежный прогноз нелинейных процессов невозможен, в связи с тем, что развитие совершается посредством случайного выбора пути в момент бифуркации, а сама случайность не имеет вероятности повториться.

Механизм системы самоорганизации определяется нелинейной зависимостью между параметрами системы и внешнего воздействия на нее. Для такой системы характерен фактор множественности элементов, находящихся в хаосе. Перечисленные обстоятельства, влияние внешних воздействий от субъекта управления, случайные отклонения (флуктуации) приводят к перестраиванию системы в неустойчивое состояние. Следующий этап в становлении системы, это трансформация, перерождение, объединение элементов и появление новых свойств, образование новых связей. Приобретая новую структуру, система получает новые качества, в силу заданной ей инерции. Появившиеся в системе права «устойчивые структурные элементы (например, базовый отраслевой закон, определяющий специфику, механизм и принципы правового регулирования для той или иной области правовых отношений), приводят к развитию, появлению новых функциональных качеств»¹².

Развитие может идти в разных направлениях. Некоторые элементы приобретают жизнеспособность, из-за соответствия условиям существования (например, действующее гражданское право), у других данный процесс может приводить к потере структурной устойчивости и саморазрушению.

Важной особенностью системы права является то, что источником нового выступают противоречия между системой и средой. Это связано с зависимостью права от изменений в обществе и составляющих его социальных субъектах. Любые изменения в экономике, приводят к формированию нового духовного облика людей, возникновению нового типа самосознания. В начале развития общества постепенно людьми начинают осознаваться общие интересы. Этому во «многом способствуют осознание таких интересов, как военные нашествия и необходимость защиты. Возникает понимание, что эти общие интересы больше некому реализовывать кроме централизованной структуры, осуществляющей координацию различных сторон жизни общества. Только в развитом обществе общая цель, начинает осознаваться как правовая цель, то есть

развитие и обеспечение права, в том числе контроль за властью осуществляется принуждением»¹³.

Другую группу противоречий составляют внутренние противоречия между элементами. Принятие любого законодательного акта сопровождается отменой действующих нормативных актов или отдельных их составляющих, а также приведением субъектами подзаконного правотворчества своих нормативных актов в соответствие с новым законом. Несоблюдение этого правила приводит к юридическим коллизиям.

В системе права свою специфику имеют процессы развития, саморегуляции, самоорганизации. Для изучаемой нами системы права даже наличие таких возможностей выглядит парадоксальным, так как любое изменение в системе позитивного права находится под контролем и вступает в силу после строго установленной процедуры.

Один из вопросов, на который сложно дать однозначный ответ. Кто может быть творцом правовых норм? Большинство ученых считает, что право — это порождение государства, его органов. С точки зрения Кашаниной Т.В., «этот взгляд на право справедлив для советского периода, когда народ даже в микродозах не мог участвовать в создании правовых норм»¹⁴. Ряд исследователей считает, что в правотворчестве могут участвовать государственные органы, органы местного самоуправления, а также не государственные организации, хозяйственные объединения (например, контрактное право). Могут создаваться нормы для упорядочения деятельности различных организаций, эти нормы в зарубежном праве принято называть корпоративное право (у нас используется название «локальные нормы»).

При этом существует такое понятие как «устаревание» норм, некоторые выходят из употребления, другие в какие-то периоды возобновляют свои действия.

Изучение процессов развития, саморегуляции, самоорганизации в системе права позволяет сделать выводы о том, что данные процессы происходят под воздействием «естественного права» и в силу присущих им системных свойств. Наиболее благоприятные условия для этого существуют в странах англосаксонской системы права.

В странах романно-германской правовой системы развитие права возможно только в условиях демократии, в силу ряда свойств присущих самой системе права. Эволюция системы в них осуществляется, в результате функционирования конституционных судов.

Для авторитарных государственных режимов характерно проявление этатического позитивизма в праве, при которых правовые системы приобретают закрытый характер и утрачивают свои возможности к самоорганизации, морфогенезу (развитию системы).

Из этого следует, что по характеру своего поведения система права является преимущественно реактивной. Развитие системы «идет в том числе в силу внутренних законов поведения: гомеостазис (это активно действующая система поддержания постоянного состояния) обеспечивается адаптационными механизмами не только управления, самоорганизации»¹⁵.

Для рассматриваемой нами системы, важным фактором является иерархическое строение, это свойство является интегративным, системообразующим.

Право представляет собой динамическую систему. Термин «динамизм» означает подвижность, стремительное развитие действительности, характеризует смену состояния, степени изменения, преобразования¹⁶. Однако иерархический характер ее проявляется в том, что основание пирамиды изменяется больше, чем ее вершина.

Теория Ганса Кельзена объясняет как дедуцируется правовая норма из вышестоящей в иерархии норм. Идеи Г.Кельзена можно непосредственно вывести из воззрений на право Г.В.Ф.Гегеля и И.Канта. Гегель обосновал, что «понятие права по своему становлению трактуется вне науки права»¹⁷, а «чистое учение о праве» Г. Кельзена развилось из «строгого права» И.Канта. Категорический императив И.Канта лег в своей основе в нормы Г.Кельзена: «...допущение, обосновывающее объективную действительность нормы, я называю основной нормой»¹⁸. Основная норма рассматривается как априори присущая любому позитивистскому правопорядку. Г.Кельзен считает, что «основная норма не устанавливается властными инстанциями, она ей постулируется»¹⁹.

Одним из распространенных утверждений является, что коллизии норм права — явление неизбежное и неизбежное, так как право отражает постоянно меняющиеся общественные отношения. Следующим, часто встречающимся утверждением является то, что норма права устаревает с момента ее принятия. Данное утверждение возможно верно лишь на половину, так как не всегда норма права немедленно перестает соответствовать изменившимся общественным отношениям.

Для изображения нормы права можно использовать графическую линию, на которой отметить участки дозволенного или разрешенного поведения. Так же можно изобразить общественные отношения, которое регулирует эта норма. В идеале они могли бы совпадать и изменяться одновременно. В реальности этого часто не происходит, так как общественные отношения изменяются постоянно эволюционным путем, а изменение норм права, явление более консервативное, имеет дискретный характер. Известны примеры, когда изменяются меры запрещенного и дозволенного.

Однако, достаточно долгое время их границы могут совпадать. В таких ситуациях нормы права могут оказывать сдерживающее воздействие на динамику общественных отношений.

Для теории механизма правового регулирования важно изучение проявлений кооперативных или когерентных-синергетических эффектов, которые подобны формированию коллективного мнения в группе. В различных ситуациях, не контролируемого коллективного поведения, прослеживаются общие закономерности становления когерентности, связности событий, возникновения общепринятых образцов поведения.

Возникновение нового качества, недостижимое на уровне отдельных элементов конкретной системы, является результатом проявления синергетического эффекта теории права и теории правового управления.

В теории механизма правового регулирования синергетическая методология предполагает переход от целевого регулирования к расширенной постановке задачи, в результате чего регулирующее воздействие на правоотношения станут «внутренними взаимодействиями сложных систем, учитывающими при этом вероятностный момент в регулировании и процессы диссипации»²⁰. В современных условиях управление саморазвивающимися системами и контроль за ними не может осуществляться только увеличением силового давления.

Компьютерное моделирование таких ситуаций показывает, что использование силового давления на социальную систему часто не приводит к желаемому результату. При этом система возвращается к первоначальным структурам и состояниям. Новые структуры не формируются. Для возникновения нового уровня самоорганизации и перестраивания общественных структур, используют «особый способ действия, когда в точках бифуркации иногда достаточно в нужном направлении и месте инициировать небольшое воздействие»²¹.

Данная технология «социального иглоукалывания» может вызвать к жизни инновации, заставить систему эволюционировать. История сохранила примеры, когда выдающиеся политики интуитивно использовали подобные технологии²². Это направление осмысления истории с позиции социолого-синергетического подхода, свободного от идеологических пристрастий, начинает только развиваться и изучаться историками и современными реформаторами²³.

В последние десятилетия Россия, представляет собой общество порождения и потребления всеобщих рисков. Это отражает глубинные процессы в мире, обществе, которые приводят к перераспределению функций между государством, хозяйственным сектором, нехозяйственными (третьими) секторами. В этих

условиях требуется, при решении национальных, региональных, политических, экологических, правовых и других конфликтов применения минимальных насильственных методов.

Требуется не только поиск новых идей и подходов в исследовании природы конфликтов, но и изучение конструктивности конфликтного потенциала.

В предупреждении и блокировании конфликтов важное место отводится прогнозированию. Юридическое прогнозирование представляет собой систематическое исследование будущего состояния государственно — правовой действительности и процессов, установление вероятного конфликтного юридического отношения. Организация эффективной профилактики правового конфликта, позволяет выявлять и устранять конфликты, которые дезорганизуют общественную жизнь.

Одно из методологических положений синергетики, имеющих важное значение при исследовании конфликтов, это учет уровней (иерархии) объектов управления — микро, мезо, макро и соблюдение этих требований при анализе взаимодействия конфликтующих систем. Данное требование подтверждает, что самоорганизация есть результат взаимодействия микросистем, проявляющихся на макроуровне.

Не менее важным условием является взаимодействие систем «разного возраста» и темпов трансформации. Нарушение этого требования при исследовании конфликтов приводит к снижению обоснованности, применимости и результативности практических рекомендаций.

Основной для синергетики является проблема перехода от микро систем через некоторые промежуточные средние состояния к макроструктурам, главным образом переходов типа «порядок — беспорядок» (к неустойчивым или даже хаотичным состояниям) или типа «беспорядок — порядок» к устойчивым структурам.

Для изучения конфликта²⁴ представляет интерес утверждение о том, что если в системе участвуют более двух «полюсов власти» с негативными отношениями, то сама система не может быть бесконфликтной. Для изучения конфликта конструируется его вероятностная модель, которая определяет противоположные отношения и связи, в реальной жизни существует градация этих отношений.

С динамической точки зрения возможно несколько видов конфликтного и бесконфликтного состояния. В практике управления интересен вывод Светлова В.А.: «при определенных условиях конфликты могут способствовать стабильному развитию системы (стабилизирующие конфликты) и, наоборот, также при определенных условиях отсутствие конфликтов (синергизм и антагонизм системы, достигшие определенного критического уровня) также приводит к разрушению систе-

мы»²⁵. При изучении данной проблемы используются трансформационные теоремы²⁶, изучающие условия, при которых конфликтные системы переходят в бесконфликтные и наоборот.

Перспективной стороной совершенствования правовой системы и системы социального управления является овладение моделями управления и разрешения конфликтов. Развитие и функционирование правовых конфликтов не ограничивается только рамками правовых норм, а затрагивают широкий круг юридических явлений, которые характеризуют понятие «правовая система».

Соблюдении принципов управления конфликтами способствует их разрешению с наименьшими потерями и сохранению жизненно важных структур. Подобное становится возможным при соблюдении ряда условий.

Одними из первых конфликтологи называют: высокий уровень правовой культуры; социальная активность граждан; развитие коммуникативных связей; наличие организационно-правового механизма разрешения конфликтов. Принципы предполагают конкретные подходы к разрешению конкретных конфликтов.

В современных условиях значение управления конфликтами возрастает, поэтому юридические конфликтологические знания способствуют принятию верных решений в конфликтных ситуациях. Для того чтобы отвечать потребностям времени, необходима институционализация понимания, усвоения и успешного применения конфликтологических знаний в общественной практике.

Проблему сплоченности общества возможно рассматривать, опираясь на оценку его системности: при этом подходе достаточно, чтобы функционировали институты, соединяющие подсистемы или их отдельные элементы, например, рынок.

Однако, используя подобные механизмы, не следует отказываться от норм, принимаемых обществом на основе консенсуса. В противном случае обострившиеся конфликты поставят под угрозу само существование общества.

Дезинтеграцию со всякого рода конфликтами нельзя квалифицировать только как отрицательное явление. Конфликты могут приводить к появлению социально-политической стабильности. Управляя столкновениями, можно минимизировать связанные с ними опасности. Поэтому противоречия могут быть полезными для улучшения социальных связей. Данный подход предполагает, что конфликтующие стороны выступают не в роли врага, подлежащего устранению, в виде партнера в переговорах.

Социальные процессы последних лет в России характеризует: активная дезинтеграция существовавших

ранее социальных структур и связей, а также, поиск новой социальной идентификации от индивида до общностей.

В условиях существующих юридических конфликтов все вышесказанное предполагает поиск новых подходов к изучению права.

Литература

1. Венгеров А. Синергетика и политика // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 55-69.
2. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: дисс. ...канд. юрид. наук. Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2013.
3. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права. В сборнике: *Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции*. 2011. С. 301-304.
4. Гомоюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 99 -106.
5. Гришаева Е. И. Правовая система в условиях неустойчивого равновесия: синергетическая модель // *Общества ревнителей русской философии*. Выпуск 9, 2006 г.
6. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2014.
7. Калинин Э.Ю. Методологический анализ статуса нелинейности в естествознании. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.
8. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003.
9. Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014.
10. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.
11. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // *Закон и право*. 2004. № 5. С. 11-13.
12. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // *История государства и права*. 2010. № 6 С. 38-42.

13. Костылёв В.М. Право: опыт системного анализа. Уфа: ООО «Виртуал», 2002.
14. Костылев В.М. Проблемы системного и формально-логического анализа права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Уфа, 2002.
15. Кулакова Ю.Ю. Трансформационная теорема Питирима Сорокина // Закон и право. 2015. № 12. С.38-41.
16. Кулакова Ю.Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. №14. С.4-7.
17. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: НОРМА, 2007.
18. Немецкая классическая философия. Том 1. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000.
19. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ, 2000.
20. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
21. Светлов В.А. Аналитика конфликта / Учебное пособие. СПб.: ООО «Росток», 2001.
22. Сигалов К.Е. Бифуркация в праве//История государства и права. 2012. №10. С.11-14.
23. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: Автореферат диссертации. Нижний Новгород, 2007.
- 1 Костылев В.М. Проблемы системного и формально-логического анализа права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 55.
- 2 Гришаева Е. И. Правовая система в условиях неустойчивого равновесия: синергетическая модель // Общества ревнителей русской философии. Выпуск 9, 2006 г.
- 3 Калинин Э.Ю. Методологический анализ статуса нелинейности в естествознании. "Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления." М., 1994., С. 148.
- 4 Костылёв В.М. Право: опыт системного анализа. Уфа: ООО "Виртуал", 2002.
- 5 Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014. С.25.
- 6 Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014. С.73.
- 7 Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ, 2000. С.54.
- 8 Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014. С.418.
- 9 Немецкая классическая философия. Том 1. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. С.320
- 10 Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгрессу международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987). Выпуск 1. М., 1987. С.18
- 11 Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2014. С. 60.
- 12 Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003. 288с.
- 13 Там же.
- 14 Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 55-69.
- 15 Гомоюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99 -106.
- 16 Кулакова Ю.Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. №14. С.4-7.
- 17 Светлов В.А. Аналитика конфликта /Учебное пособие. СПб.: ООО «Росток», 2001.
- 18 Кулакова Ю.Ю. Трансформационная теорема Питирима Сорокина // Закон и право. 2015. № 12. С.38-41.

УДК 340.12
ББК 67.0

ПРИНЦИПЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КУЛИК,

*адъюнкт кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения*

ДГСК МВД России

E-mail: hoigel@gmail.com

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрение принципов легализации правовой практики является важным вопросом в контексте современного правотворчества. В связи с увеличением роли права в жизни общества и усложнением правотворческого процесса, крайне важно, чтобы источники права формировались на основе именно правовой практики.

Являясь одновременно и процессом и подходом к правотворчеству, легализация правовой практики должна быть ориентирована и подчиняться определенным принципам. Только при таком подходе возможно создание и оформление правовых норм, соответствующих потребностям общества в нормативном регулировании.

В связи с этим крайне актуальным является выявление и изучение данных принципов для их понимания и руководства в практической деятельности.

Ключевые слова: право, правотворчество, правовая практика, правопонимание, источники права, легализация, принципы.

Annotation. Consideration of principles of the legal practice legalization is very important in the context of modern lawmaking. Due to the increasing role of law in society and the complexity of the lawmaking process, it is necessary that the sources of law was formed on the basis of legal practice.

As a process and approach to lawmaking, legalization of legal practice should be focused and to obey certain principles. Only in this way we can create and form legal norms that will be relevant to the needs of society in the normative regulation. That's why is very important to identify and study these principles for practice.

Keywords: law, lawmaking, legal practice, legal consciousness, legalization, sources of law, principles.

Применение научного подхода к изучению различных сфер общественной жизни позволяет сделать вывод о том, что любая из них развивается по определенным закономерностям. Подобные закономерности, которые иначе можно назвать руководящими началами или исходными положениями того или иного общественного процесса, принято именовать принципами.

Учитывая, что легализация с одной стороны представляет собой самостоятельный процесс придания сложившейся в обществе правовой практике особого юридического статуса, выражающегося в оформлении ее в соответствующих источниках права, а с другой стороны — подход к правотворчеству, логично предположить, что она должна основываться на соответствующих принципах¹.

При этом, несмотря на то, что легализация право-

вой практики тесно связана с понятием права, принципы легализации правовой практики не стоит смешивать с правовыми принципами, которым в науке теории государства и права уделяется значительное внимание. Здесь принципы трактуются как особые типы норм или же правовые стандарты, не являющиеся правилами поведения, но выступающие неким ориентиром в правовом поведении.

Принципы легализации правовой практики же являются самостоятельными и рассматриваются применительно к данному процессу в отдельности.

В процессе легализации правовая практика во-первых, признается в конкретном социуме юридически значимой, во-вторых подтверждается в качестве правовых норм (независимо от формы их выражения) со стороны уполномоченных на это субъектов. Упро-

щенное понимание легализации правовой практики в этом смысле можно свести к юридизации сложившихся в обществе правовых конструкций и опыта.

Вместе с тем легализация — это не только возведение в норму или закон, но и сам процесс и итог придания правовой практике официального юридического статуса, юридической формы в зависимости от конечного источника права.

Вот почему принципы легализации правовой практики необходимы для соответствия цели этого процесса его результатам. В этой части принципы легализации правовой практики выступают той опорой и фундаментом, на основе которых в последующем формируются необходимые, качественные и стабильные правовые нормы, позволяющие обществу развиваться, а источникам права соответствовать по своему содержанию правовой действительности.

Иначе говоря, если процесс легализации не будет основываться на определенных принципах, которые и предлагается выявить в настоящей статье, то и легализовать правовую практику не получится. Более того, юридизируя какое-либо правило поведения в отрыве от таких принципов, как конечный результат мы можем получить норму, которая по своему смыслу не будет являться правовой.

Таким образом, для легализации правовой практики ее принципы выступают не только идеями и руководящими началами, но и своего рода требованиями, опираясь на которые мы можем создать действительно правовую и действительно полезную норму.

Как уже оговаривалось, конечный итог легализации правовой практики можно понимать как создание нормы права, соответствующей определенному источнику права. В этом случае данные принципы можно рассматривать в контексте правотворческого процесса, присущего той или иной правовой семье². Такие принципы могут не просто существовать сами по себе, а быть напрямую прописаны в нормативных правовых актах или иных правилах.

Одновременно мы понимаем легализацию правовой практики как самодостаточный процесс и подход к правотворчеству. В связи с этим предлагается рассмотреть принципы легализации именно в данном контексте. При этом достаточно интересным представляется вопрос о том, носит ли процесс легализации правовой практики исключительно упорядоченный и волевой характер или же ему присущ некий элемент стихийности.

Исходя из первого подхода, можно прийти к достаточно простому и логичному выводу, что принципы легализации правовой практики представляют собой определенные требования, которые субъекту правотворчества следует соблюдать для повышения эффективности создания правовых норм. В этом слу-

чае принципы легализации правовой практики будут выступать в качестве заранее сформулированных рекомендаций субъекту правотворчества.

Однако мы придерживаемся того мнения, что легализация правовой практики все же обладает некоторым элементом стихийности, в связи с чем принципы выступают не просто как руководство в деятельности правотворца, но и условиями, позволяющими эффективно легализовать правовую практику. С этой точки зрения принципы носят объективный характер и могут быть выявлены нами в процессе исследования легализации правовой практики.

Итак, обратимся к принципам легализации правовой практики. Общим принципом легализации правовой практики выступает принцип селективности. Слово «селективность» происходит от английского слова «selective», что переводится как «избирать, выбирать». То есть данный принцип предполагает избирательность в процессе легализации правовой практики. Руководствуясь принципом селективности легализовать следует не всю правовую практику, а только ту, что разумно, и ту, которая соответствует определенным признакам. При этом в процессе легализации перед соответствующими компетентными субъектами на первое место должен ставиться вопрос — является ли лежащая перед ним практика правовой или же она носит не правовой характер?

Особое значение данный принцип приобретает при легализации правовой практики во властно-волевой форме, когда она оформляется в виде соответствующих документов — нормативных правовых актов и т.п., поскольку возведение в ранг правовой нормы порядка и правил, которые не носят юридического характера, может породить не просто неработающую норму права, а норму, которая негативным образом может сказаться на развитии общественных отношений. Это позволяет избежать той ситуации, в которой статуты являются источником права, но не частями самого права³.

Переводя данный принцип в практическую плоскость, проиллюстрируем его на примере. Так, в 2013 году широкую дискуссию в обществе вызвали внесенные в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ изменения, устанавливающие в качестве уголовно-наказуемого деяния публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Несмотря на положительный посыл и одобрение в быденном сознании граждан, содержание данной нормы, а также охраняемые ей общественные отношения, носят не правовой, а религиозный характер.

Реализации данного принципа во многом способствует соблюдение иных принципов легализации, ко-

торые направлены как раз на вычленение необходимой правовой практики, в зависимости от определенных признаков.

К ним мы предлагаем отнести принципы: ценностной релевантности, актуализма, инновационности, конструктивности (целесообразности), системности, формализма, достаточной компетенции и научности. Рассмотрим данные принципы по отдельности.

Общей идеей принципа ценностной релевантности является то, что легализуемая правовая практика должна быть релевантна тем ценностям, к которым в настоящее время существуют в обществе.

На практике использование данного принципа означает, что субъект правотворчества в данном случае не додумывает и не выдумывает идеальную правовую модель, а пользуется (т.е. признает, публично провозглашает, юридически формализует и тем самым консервирует) той моделью, которая жизнеспособна, то есть уже складывается (или сложилась) в правовой жизни общества. При этом обязательным условием легализации в этой модели будет ценностная релевантность.

Следующим принципом легализации правовой практики является актуализм. Актуальность чего-либо, от латинского «actualis» означает значимость, существенность и, самое главное, своевременность. В этом отношении принцип актуализма приобретает особую значимость для процесса легализации правовой практики.

Существующая в обществе правовая практика может накапливаться годами и десятилетиями, при этом в ней аккумулируются и продолжают действовать как архаичные, так и насущные правовые конструкции, легализация которых может положительно сказываться на развитии общественных отношений. Из этого вытекает то требование, что сама правовая практика, которую планируется легализовать, помимо своей значимости собственно в правовом смысле, должна отвечать требованиям времени и общему уровню развития права в обществе и государстве.

Выражаясь бытовым языком, актуальность легализации правовой практики выражает насущность и злободневность юридизации правил поведения. То есть, руководствуясь принципом актуализма правовая практика должна легализоваться для решения конкретных, а не абстрактных (предполагаемых) проблем, а также не возводить в ранг правовых норм правила и обыкновения, которые хоть и имеют юридический характер, но уже морально и инструментально не вписываются в действующую систему права.

При этом необходимо учитывать, что в плане актуальности правовая практика, которую планируется легализовать, не должна и в значительной мере предвосхищать развитие общественных отношений. В

противном случае на выходе мы получим правовую норму, которая не сможет работать в действующей правовой системе.

Принцип инновационности, предполагает, что признавая, что в процессе легализации правовой практики общественные отношения определенным способом консервируются в результате юридизации регулирующих их норм и правил, необходимым условием является также и их дальнейшее развитие.

Для этого в процессе правотворчества должна выступать не только та правовая практика, которая актуальна для более качественного регулирования тех общественных отношений, которые уже сложились, и которая в силу привычки удобна, но и та, которая позволит стимулировать развитие правовой системы.

При этом, как уже было сказано выше, это не должна быть опережающая правовая практика, а только та, которая адекватна и результаты легализации которой могут прогнозируемы. На основе принципа инновационности правовая практика также должна легализоваться в таком ключе, чтобы она закрепляла только полезный социальный опыт, отграничивая его от опыта отрицательного.

Соблюдение данных требований является залогом того, что своевременная легализация правовой практики будет способствовать развитию общества и государства.

Принцип конструктивности или целесообразности тесным образом связан с принципом актуализма, но в отличие от соответствия и своевременности легализации правовой практики означает правильность и разумность осуществления данной процедуры. В этом смысле ставится вопрос — действительно ли легализация правовой практики насущна и оправдана или же она может существовать и в неюридизированном виде.

Кроме того, на основе принципа конструктивности определяется соответствие цели легализации правовой практики затрачиваемым на этот процесс ресурсам. Руководствуясь данным принципом, субъект легализации правовой практики должен прежде всего оценить, к каким благоприятным последствиям она приведет (и приведет ли вообще). Во вторую очередь оценивается возможность легализации правовой практики в настоящий момент имеющимися средствами.

В качестве примера принципа целесообразности можно привести повторную юридизацию на уровне специальных источников права правовых обычаев, которые сами по себе уже являются нормами права и уже легализованы в обществе.

Итогом легализации правовой практики является формирование правовой нормы, юридизированной надлежащим образом и признаваемой в обществе. В связи с этим важно понимать, какие формы и при соблюдении каких условий может приобретать легали-

зация правовой практики. В этом заключается принцип формализма.

Так, норма — обычай сама по себе еще не является нормой права. Более того, не все общественные привычки являются правовыми⁵. Норма должна быть обязательно признана в данном конкретном обществе именно как правовая, то есть, в нашем случае легализована. При этом признана публично, то есть выражена в соответствующей форме.

Необходимо отметить, что вопрос о форме легализации правовой практики является отдельным предметом исследования и дискуссии. Так, формы легализации правовой практики можно свести к источникам права, в которых содержится конкретная правовая норма. Иным подходом является различие легализации по способу юридикации.

Смысл формализации (юридикации) правовой практики заключается в том, что правовая практика, которая сама по себе существует хаотично, в различных обществах является разной, становится упорядоченной и понятной. В этом случае, имея соответствующую форму, в общественных отношениях легализованная правовая практика является ориентиром для второй стороны, которой становятся понятны правовые последствия совершения определенных действий.

Следующий принцип — принцип системности заключается в том, что юридикация правовых норм должна носить закономерный, упорядоченный, а не хаотичный характер.

Также принцип системности предполагает, что легализация правовой практики является единым процессом, связанным во времени. Легализуемая правовая практика должна быть интегрируемой в действующее право, учитывая в совокупности предыдущий опыт правотворчества и его перспективу.

Кроме того, в процессе легализации правовой практики должна учитываться не только ее актуальность для отдельной сферы общественных отношений, но и существующая иерархия правовых норм. Создаваемые в процессе легализации правовой практики нормы не должны противоречить уже существующим. Соблюдение этого момента позволяет предотвратить возможные правовые коллизии и пробелы. Таким образом, можно говорить, что руководствуясь принципом системности, мы соблюдаем обязательность прогнозирования принятия новых правовых норм.

В упрощенном виде на практике принцип системности наиболее наглядно демонстрируется в процессе систематизации правовых источников⁶, например, объединении разрозненных, но имеющих одинаковый предмет правового регулирования норм, в кодексы. В этом смысле, руководствуясь принципом системности, мы можем оптимизировать и структурировать суще-

ствующий в обществе правовой материал.

Рассматривая процесс легализации правовой практики, мы в любом случае исходим из того, в разряд правовых норм она переходит в результате действий соответствующих субъектов. В зависимости от вида легализуемой правовой практики в качестве такого субъекта может выступать законодательный или иной орган государственной власти, облеченный соответствующими полномочиями, суд, а в ряде случаев и само общество.

В связи с этим необходимо выделить принципы достаточной компетенции. Кроме очевидного наличия полномочий и легитимности в части юридикации правовой практики, данный принцип предполагает, что правотворец должен не просто опираться на правовую практику, а понимать её как в целом, так и примирительного к правоотношениям, которые планируется урегулировать. Этого говорит о том, что субъект легализации правовой практики должен сам обладать богатым опытом в данной сфере деятельности.

В этом смысле в рамках данного принципа следует затронуть тему профессионализма официальных субъектов легализации правовой практики. Ведь для того, чтобы надлежащим образом перенести сложившуюся в обществе практику в правовую плоскость, необходимо обладать достаточными навыками и умениями, которые позволят избежать возможных ошибок чисто с технической стороны.

Наличие у субъекта правотворчества соответствующей компетенции подводит нас также к тому, в какой форме правовая практика будет в итоге легализоваться.

Продолжая тему профессионализма и компетенции логичным напрашивается вывод, что в идеальных условиях процесс легализации правовой практики также должен опираться на научный опыт, то есть соответствовать принципу научности.

Научный подход позволяет, используя пласт теоретических знаний, всесторонне и глубоко анализировать как сам процесс легализации правовой практики, так и его возможные последствия.

Интересным также представляется и тот факт, что научную мысль можно использовать как своего рода идеальную составляющую легализации правовой практики, поскольку в рамках научных исследований также могут выявляться потребности в правовом регулировании. А в международном праве и англо-саксонской правовой семье отдельные труды и правовые доктрины сами по себе являются правовой практикой или и вовсе — источником права.

При этом научный опыт следует понимать не только как идеи и рекомендации ученых-юристов, но и как широкое использование в процессе легализации средств науки и техники. Одним из таких технических инстру-

ментов, который может быть использован в процессе легализации правовой практики, является правовой мониторинг, который в настоящее время обрел форму автоматизированных информационных систем.

Резюмируя все вышеизложенное, можно констатировать, что принципы легализации правовой практики представляют собой определенную систему. Принципы легализации правовой практики, выступая в качестве обязательных требований, которые можно сформулировать как некоторые рекомендации субъекту правотворчества, являются также объективными условиями, обуславливающими данный процесс в целом.

Таким образом и в субъективном и в объективном смысле принципы легализации правовой практики совпадают между собой, вот почему она должна быть подчинена и соответствовать не отдельным из перечисленных принципов, а всем им в совокупности. В случае, если указанные принципы соблюдаться не будут, то нельзя будет говорить и о легализации правовой практики.

Только в случае их соблюдения можно говорить, во-первых, о легализации правовой практики в полноценном ее смысле. Во вторых, только руководствуясь указанными принципами возможно вычленив из всего массива правовой жизни общества полезную и жизнеспособную правовую практику, что в свою очередь способствует оформлению правовых норм, позволяющих за счет их востребованности адекватно регулировать общественные отношения и способствовать их развитию.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации 1996, № 25, ст. 2954; 2013, № 26, ст. 3209.
2. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.
3. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция

правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.

4. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
5. Лаврус С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике. Дисс. к.ю.н. — Волгоград. 2005.
6. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14.
7. Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Дубинина Е.Н., Зыкова С.В., Недобежкин С.В. История политических и правовых учений. Учебное пособие для слушателей, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (квалификация «магистр»). Москва, 2013.
8. Соболевская А.И. Систематизация законодательства в современной России: теоретико-правовой аспект. Дисс. к.ю.н. — Санкт-Петербург. 2008.
9. Харт Г.Л.А. Понятие права. — Спб. Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2007.
10. J. G. Gray. The Nature and Sources of the Law. 1902.

¹ См., Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.

² См., например Лаврус С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике. Дисс. к.ю.н. — Волгоград. 2005.

³ J. G. Gray. The Nature and Sources of the Law. 1902. P. 276

⁴ Уголовный Кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации 1996, № 25, ст. 2954; 2013, № 26, ст. 3209.

⁵ См. Харт Г.Л.А. Понятие права. — Спб. Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2007.

⁶ Соболевская А.И. Систематизация законодательства в современной России: теоретико-правовой аспект. Дисс. к.ю.н. — Санкт-Петербург. 2008.

УДК 340.12
ББК 67.0

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА ЛАНОВАЯ,

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
теории государства и права Московского университета*

МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье дается краткая функциональная характеристика праву гражданского общества. Уточняется содержание понятия «функция права гражданского общества», раскрываются функции и дисфункции, характерные для права гражданского общества. Доказывается, что функциональные возможности права гражданского общества являются ограниченными и последствия его влияния на жизнь человека и общества не следует идеализировать.

Ключевые слова: право, гражданское общество, право гражданского общества, функции права, дисфункции права.

Annotation. The article gives a brief functional characterization of the law of civil society. Clarifies the meaning of “the law of civil society”, describes the function and dysfunction characteristic of the law of civil society. It is proved that the functionality of the law of civil society is restricted and the consequences of its impact on human life and society should not be idealised.

Keywords: law, civil society, the law of civil society, functions of law, dysfunctions of law.

В силу того, что на протяжении длительного времени в отечественной теории права господствовали установки юридического позитивизма, функциональные особенности различных видов негосударственного права оставались неизученными. Сказанное в полной мере относится и к праву гражданского общества. Вместе с тем, в современных условиях, характеризующихся повышением значимости названного права в жизни человека и общества, правильное понимание общих закономерностей его действия оказывается чрезвычайно значимым.

Для того чтобы дать функциональную характеристику праву гражданского общества, прежде всего, необходимо уточнить, в каком значении можно вести речь о функциях в отношении названного права. Необходимость решения поставленной задачи обуславливается тем, что в современной теории государства и права отсутствует единое общепризнанное определение функции права¹.

Наиболее широко распространенным является подход, в соответствии с которым под функциями права понимаются основные направления его воздействия на общественные отношения (объективную реальность)². Однако, ни в одной другой отрасли науки, кроме юриспруденции, термин «функция» не применяется для обозначения основного направления действия чего-либо. Более того, этимология и семантика слова «функция» не

предполагают возможность понимания функций права в качестве основных направлений его действия.

Одним из основных требований, предъявляемых к юридическим терминам, является их соответствие нормам литературного языка. Если данное требование не соблюдается, как происходит в случае обозначения термином «функции права» основных направлений воздействия права на общественные отношения, то складывается ситуация «отрыва» языка науки от породившей его методологии; понятия оказываются метафорами, используемыми для построения картины мира, при этом кризис методологии приводит к «отстранению», обесмысливанию этих метафор, что влечет за собой коррозию картины мира, которая в значительной степени на них держится³.

Принимая во внимание изложенное, при решении вопроса о том, как следует понимать функцию права гражданского общества, на наш взгляд, необходимо ориентироваться на социологическую интерпретацию функции, имеющую очевидную связь с семантическим значением слова «функция» в русском литературном языке.

В социологии функция — это, во-первых, роль, которую определенный социальный институт или частный социальный процесс выполняют по отношению к целому, и, во-вторых, зависимость, которая наблюдается между различными компонентами одного и

того же социального процесса. Как справедливо отмечает Е.В. Медведев, «очевидным достоинством социологического концепта выступает то, что в нем сохранены характеристики функции, изначально выделенные в рамках биологии и математики, т.е. базовые характеристики понятия функции как таковой»⁴.

Говоря о функциях права гражданского общества, их вряд ли можно рассматривать в качестве зависимостей. В то же время определение функции права гражданского общества в качестве выполняемой им роли, удовлетворяющей потребности общества, социальных групп и индивидов, является вполне точным.

Вопрос о функциях права гражданского общества в правовой теории является практически не разработанным. Трудов, посвященных непосредственно их изучению, не имеется, и лишь в отдельных работах в контексте исследования особенностей действия права затрагиваются отдельные вопросы, связанные с функционированием права гражданского общества.

Так, в частности, В.П. Малахов и Н.Д. Эриашвили, не перечисляя функции права гражданского общества, указывают на то, что их система определена базовым предназначением этого права, каковым выступает координация⁵.

А.С. Палазян в своем исследовании, рассматривая право гражданского общества в качестве одной из форм общественного права, указывает на то, что ему присущи функции саморегуляции и социальной интеграции, из которых функция саморегуляции является основной⁶.

М.А. Тимошенко и И.В. Шляхтурова ставят вопрос о воспитательной функции права гражданского общества⁷.

Представляется, что для права гражданского общества базовыми являются функции ограничения, трансформации и легитимации.

Функция ограничения заключается в том, что право гражданского общества своим действием неизбежно сокращает сферу правовой свободы тех властных субъектов, которым адресуются притязания негосударственных субъектов. Ограничение не является ни реакцией на нарушение установленного порядка, ни мерой, обеспечивающей предупреждение такого нарушения, а выступает способом обеспечения реализации признанных (легализованных) притязаний, открывает возможности для правовой активности, посредством которой они могут быть осуществлены. Ограничение всегда ведет к ослаблению власти, которое выступает закономерным следствием утраты ее полноты.

Функция трансформации связана с преобразованием юридического права как наиболее эффективным способом обеспечения защиты и гарантирования притязаний негосударственных субъектов. Моральные, обычные, религиозные или политические нормы преобразуются в правовые, приобретают силу официальных установлений, а став общеобязательными, получают принудительно-властное подкрепление.

Функция легитимации предполагает, что право

гражданского общества обеспечивает признание притязаний, их официальное подтверждение, а соответственно, и их трансформацию в субъективные права. В праве гражданского общества легитимация играет ту же роль, какую в праве государства — легализация притязаний посредством их нормативного закрепления или посредством вынесения правовых актов индивидуального характера (например, судебных решений).

Для того чтобы функциональная характеристика права гражданского общества была полной, необходимо рассмотреть не только его функции, но и дисфункции. Уяснив, какие дисфункции характерны для права гражданского общества, можно лучше понять причины, по которым может снижаться эффективность его действия, и, соответственно, обнаружить пути и средства устранения этих причин.

Постановка вопроса о дисфункциях права гражданского общества значима еще и потому, что среди отечественных исследователей широко распространено представление об исключительной ценности гражданского общества⁸ и даже понимание его как оптимального состояния общества⁹, в силу чего создаются предпосылки для идеализации права гражданского общества. Вместе с тем, и в теоретическом, и в практическом плане важно реально оценивать функциональные возможности названного права.

В социологическом смысле дисфункция представляет собой некорректное выполнение какой-либо функции. Значит, для того чтобы охарактеризовать дисфункцию права гражданского общества, необходимо определить, в чем именно может выражаться некорректность осуществления рассмотренных функций права гражданского общества.

Во-первых, одним из проявлений дисфункциональности права гражданского общества является то, что, преследуя цели, связанные с ограничением государства и защитой частных интересов, оно, разрастаясь, «провоцирует» государство усиливать давление, для того чтобы ограничить активность институтов гражданского общества и вытеснить воспроизводимое ими право из социальной жизни. Как справедливо отмечает Р. Дарендорф, «гражданское общество никоим образом не совершенно. И оно не всегда безопасно. Творческий хаос гражданского общества всегда будет раздражать правительства, которые по этой причине будут призывать его к порядку или даже пытаться его разрушить»¹⁰.

Попытки государства вытеснить право гражданского общества связаны с расширением сферы государственного-правового регулирования и юридикацией общественной жизни, и чем более эффективно реализуется присущая праву гражданского общества функция ограничения, тем, в конечном итоге, сильнее оказывается давление государства на общество.

Во-вторых, следствием эффективной реализации функции ограничения становится снятие с государственного аппарата ответственности. Как следствие, с одной стороны, названный аппарат утрачивает зна-

чение механизма реализации конкретных функций и оказывается значимым сам по себе, вне связи с осуществляемой им деятельностью, что порождает бюрократизацию аппарата, а также «деформацию» власти государства и его дисфункции¹¹. С другой стороны, на институты гражданского общества перекладываются не свойственные для них функции и ответственность за их реализацию. Это негативно сказывается на осуществлении гражданским обществом тех функций, которые присущи ему по природе.

В-третьих, в процессе реализации функции трансформации, когда моральные, обычные, религиозные или политические нормы преобразуются в правовые, создается опасность вторжения права гражданского общества в те сферы жизнедеятельности человека, которые ранее находились за рамками правового регулирования. С учетом того, что любое право характеризуется формализмом, сужаются рамки проявления частными собственниками свободы и инициативы. Это в отдаленной перспективе негативно сказывается на функционировании гражданского общества.

Отдельно следует сказать о том, что те модели правового регулирования, которые воспроизводятся в процессе функционирования права гражданского общества, будучи эффективными в текущий момент, одновременно могут оказаться дисфункциональными в долгосрочной перспективе.

В-четвертых, в процессе реализации функции легитимации возникает опасность подмены лично значимого тем, что представляется значимым и ценным для индивида с точки зрения общества.

Правом в условиях демократии легитимируется, как правило, то, что соответствует согласованной воле негосударственных субъектов — частных собственников, но последнее далеко не всегда совпадает с тем, что значимо и ценно для конкретного человека. Сказанное в полной мере справедливо по отношению к праву гражданского общества, как следствие, признание высшей ценности человека для права гражданского общества может оказаться не регулятивным принципом, а идеалом, зачастую недостижимым.

В-пятых, в процессе реализации функции легитимации возникает и опасность иного рода. Вследствие абсолютизации и универсализации идеи индивидуализма снижается эффективность механизма социализации индивидов в духе гражданственности. Оказывается, что нередко субъекты стремятся к извлечению выгоды, невзирая на установленные правила. Регулирование, осуществляемое негосударственным правом, становится недостаточно эффективным, возникает опасность анархии.

Неудовлетворенная мотивация, направленная на извлечение прибыли, порождает мошенничество и обман, производство и продажу фальсифицированных товаров, незаконную прибыль и порочную конкуренцию, которые становятся все более и более серьезной проблемой, требующей от системы регулирования и контроля порядка в гражданском обществе¹². Госу-

дарство, стремясь защитить общество, усиливает регулирование и контроль над развитием общественных отношений. Как следствие, давление, оказываемое государством на общество, возрастает.

Проведенный краткий анализ позволяет охарактеризовать право гражданского общества лишь в самом общем плане. Однако, его достаточно для того, чтобы сделать два важных вывода. Во-первых, праву гражданского общества в сравнении с правом государства присущи очевидные функциональные особенности. Во-вторых, право гражданского общества не следует идеализировать, с его функционированием связано возникновение как позитивных, так и негативных для правовой жизни человека и общества результатов.

Литература

1. Абрамов А.И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2.
2. Библер В.С. На гранях логики и культуры. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
3. Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // Коммунист. 1990. № 16.
4. Зыкова С.В., Клименко А.И., Кулакова Ю.Ю. и др. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
5. Кузьмина М.В. Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
6. Ма Чаншань. Создание гражданского общества и системы гражданского права в Китае // Гражданское право и его роль в формировании гражданского общества. Сборник статей Международной конференции, Москва, 21 октября 2011 г. / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2013.
7. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
8. Матвеев П.А. Понятие и сущность функций права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2012. № 2.
9. Медведев Е.В. Понятие функции права // Вопросы правоведения. 2011. № 3.
10. Новиков М.В. Понятие функций права как отражение его сущности на различных этапах развития общества // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2.
11. Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект. М.: Московский университет МВД России, 2009.
12. Радько Т.Н. Теория функций права. М.: Проспект, 2014.
13. Разуваев Н.В., Харитонов Л.А., Черноков А.Э. Социальная антропология права современного общества / Под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006.

14. Смирнов В.Э. Гражданское общество в России: состояние и перспективы // *Личность. Культура. Общество*. 2009. Вып. 1.
15. Тимошенко М.А., Шляхтурова И.В. К вопросу воспитательных функций морали и права в гражданском обществе // *Электронный научно-образовательный журнал «Грани познания»*. 2012. № 2. С. 18-22 // Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/42765023.pdf>.
16. Самаров В.М. Функции права: их содержание и классификация в современной учебной литературе // *Вестник Академии права и управления*. 2013. № 30.
- educational journal "the Edge of knowledge." 2012. No. 2. P. 18-22 // access mode: <http://elibrary.ru/download/42765023.pdf>.
16. Samarov V.M. functions of law: content and classification in the modern educational literature // *journal of the Academy of law and management*. 2013. No. 30.

References

1. Abramov A.I. the Concept of the function of law // *Journal of Russian law*. 2006. No. 2.
2. Bibler V.S. On the faces of logic and culture. Moscow: Russian phenomenological society, 1997.
3. Dahrendorf R. Justice without the chains of addiction // *Communist*. 1990. No. 16.
4. Zykova S.V., Klimenko A.I., Kulakov Y.Y. Actual problems of legal theory of the state. М.: YUNITI-DANA, 2013.
5. Kuzmina M.V. Compensatory function of law and the mechanism of its implementation by the Russian legislation. М., 2015.
6. Ma Changshan. The creation of a civil society and system of civil law in China Civil law and its role in the formation of civil society // *Collected papers of the International conference, Moscow, 21 October 2011 / Ed. edited by A.E. Sherstobitov*. М.: Statut, 2013.
7. Malakhov V.P., Eriashvili N.D. Methodological and philosophical problems of modern legal theory. М.: YUNITI-DANA, 2011.
8. Matveev A.P. the Concept and essence of the function of the law // *Legal Bulletin of Kuban state University*. 2012. No. 2.
9. Medvedev E.V. the Concept of the function of law // *jurisprudence*. 2011. No. 3.
10. Novikov M.V. the Concept of law functions as a reflection of his nature at different stages of development of society // *Bulletin of Vladimir law Institute*. 2008. No. 2.
11. Palasan A.S. Modern law: a functional aspect. М.: Moscow University of MIA of Russia, 2009.
12. Radko T.N. The theory of functions of law. М.: Prospekt, 2014.
13. Razuvaev N.I., Kharitonov L.A., Chesnokov A.E. Social anthropology of law of modern society / ed. by I.L. Chestnov. Spb.: Knowledge, ivesep, 2006.
14. Smirnov V.E. Civil society in Russia: state and prospects // *Personality. Culture. Society*. 2009. Vol. 1.
15. Timoshenko M.A., Shlyahturov I.V. To the question of the educational functions of morality and law in civil society // *Electronic scientific and*
1. См.: Медведев Е.В. Понятие функции права // *Вопросы правообразования*. 2011. № 3. С. 35; Кузьмина М.В. Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8; Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект. М.: Московский университет МВД России, 2009. С. 47-48; Радько Т.Н. Теория функций права. М.: Проспект, 2014. С. 77 и др.
2. См.: Абрамов А.И. Понятие функции права // *Журнал российского права*. 2006. № 2. С. 82; Новиков М.В. Понятие функций права как отражение его сущности на различных этапах развития общества // *Вестник Владимирского юридического института*. 2008. № 2. С. 184; Матвеев П.А. Понятие и сущность функций права // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2012. № 2. С. 31; Самаров В.М. Функции права: их содержание и классификация в современной учебной литературе // *Вестник Академии права и управления*. 2013. № 30. С. 11 и др.
3. Разуваев Н.В., Харитонов Л.А., Черноков А.Э. Социальная антропология права современного общества / Под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006. С. 35.
4. Медведев Е.В. Понятие функции права // *Вопросы правообразования*. 2011. № 3. С. 27.
5. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 114.
6. Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект. М.: Московский университет МВД России, 2009. С. 247-248.
7. Тимошенко М.А., Шляхтурова И.В. К вопросу воспитательных функций морали и права в гражданском обществе // *Электронный научно-образовательный журнал «Грани познания»*. 2012. № 2. С. 18-22 // Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/42765023.pdf>.
8. Как справедливо указывает В.Э. Смирнов, «на «демократической» волне 90-х в понимание гражданского общества были обильно инкорпорированы ценностные установки и политические предпочтения авторов. Как следствие, до сих пор гражданское общество рассматривается как нечто априорно очень хорошее» (Смирнов В.Э. *Гражданское общество в России: состояние и перспективы // Личность. Культура. Общество*. 2009. Вып. 1. С. 177).
9. Библер В.С. На гранях логики и культуры. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 348-349.
10. Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // *Коммунист*. 1990. № 16. С. 74.
11. Зыкова С.В., Клименко А.И., Кулакова Ю.Ю. и др. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 68-69.
12. Ма Чаншань. Создание гражданского общества и системы гражданского права в Китае // *Гражданское право и его роль в формировании гражданского общества. Сборник статей Международной конференции, Москва, 21 октября 2011 г. / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов*. М.: Статут, 2013. С. 26.

УДК 340.
ББК 67.0

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВА

ИРИНА ИВАНОВНА ЛИЗИКОВА,

профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: Lizikova_i@mail.ru,

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлены особенности терминологического выражения права, которые обусловлены сложностью и многогранностью права как социального феномена, разнообразием проявлений правовой действительности. При этом особо отмечается многозначность термина «право», присущая ему полисемия.

Ключевые слова: право, правопонимание, юридическая терминология, полисемантизм права.

Annotation. In the article the author pays attention to the peculiarities of the terminological expressions of law, which are due to the complexity and diversity of law as a social phenomenon, diversity of manifestations of legal reality. Highlighting the ambiguity of the term “law”, its inherent polysemy.

Keywords: law, understanding of law, legal terminology, polysemantic law.

Обращаясь к проблеме терминологического выражения права, следует, прежде всего, учитывать сложность феномена права как явления социальной действительности, многообразие концептуальных подходов к определению понятия права, а также имеющую место в юридическом языке полисемию слова (термина) «право». Без сомнения следует согласиться с Ж.-Л. Бержелем, утверждавшим, что «... право как таковое является одновременно продуктом событий социального порядка и проявлений воли человека, явлением материальным и совокупностью моральных и общественных ценностей, идеалом и реальностью, явлением исторического плана и нормативного порядка, комплексом внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения... Что касается различных проявлений права, они носят частичный характер и выражают в большей или меньшей степени то, что зависит от конкретной юридической системы: либо социальное устройство, либо моральные ценности, индивидуализм или коллективизм, власть или свободу...»¹.

Как таковое терминологическое выражение права представляет собой один из способов внешней объективации понятия права. Другими словами, это процесс номинации, представляющий собой означение понятия при помощи термина. Именно термин обозначает понятие. Термин «право» именуется понятие «право». Что собой представляет термин? Имея языковую природу, юридический термин является лексической еди-

ницей специального языка юриспруденции и элементом ее терминологической системы. Вторым способом внешней объективации права является дефиниция, определяющая в словесном выражении существенные и отличительные признаки и свойства явления, которые определяют понятие. И термин и дефиниция тесно взаимосвязаны, поскольку имеют общую направленность — репрезентацию понятия. Термин именуется понятие, дефиниция же раскрывает содержание последнего, устанавливая при этом значение термина.

В идеале для научного термина в его значении характерно стремление к однозначности. И, действительно, большинство терминов являются однозначными. Однако имеют место быть и случаи когда означенное одним термином, одно и то же понятие имеет несколько дефиниций. Что свидетельствует о невозможности в полной мере формализовать научные знания, особенно в сфере общественных наук. Это характерно и для юридической науки. Так, например, право может быть представлено как совокупность ценностей организованной, упорядоченной жизни; как состояние (общественный порядок); как форма рутинизации социальных отношений; как право человека в разделительном и собирательном смыслах; как сфера общественной жизни; как институт (социальный регулятор); как совокупность средств организации общества; как форма общественного сознания; как совокупность одновременно существующих и действующих правил в форме

норм и требований, установленных и обеспечиваемых силой государства; как возможность действовать определенным образом; как основание требования, обращенного к другим людям, к обществу.²

Особенности терминологического выражения права обусловлены отсутствием единого универсального понятия права, что в свою очередь сопряжено с невозможностью объединить имеющиеся на сегодня в юридической науке концепции правопонимания. Специфика теоретико-правовой науки состоит в том, что она во многом имеет дело не столько с правовой действительностью самой по себе, сколько с тем как она дана опосредованно в нашем сознании. В связи с чем, и следует отметить дефинитивную многозначность, которая обусловлена, прежде всего, тем, что юридические понятия, являются синтетическим выражением мысли, а содержание юридического термина может одновременно располагать несколькими смысловыми акцентами.³ Наличие многообразия концепций и типов правопонимания как раз и объясняет наличие многообразных дефиниций понятия права. Но, что важно отметить, это многообразие дефиниций понятия права отнюдь не говорит о многообразии самого понятия права, а свидетельствует о характерной полисемии слова «право», являющегося терминологическим именем понятия права. Как мысленный конструкт понятие права однозначно. Однозначность характерна и для дефиниции права в рамках той или иной концепции правопонимания.

Существующие на сегодня различные научные концепции правопонимания яркое тому подтверждение. Имея единый план выражения понятия права (термин «право»), для каждой из них характерен свой особый план содержания, который и отражается в дефиниции рассматриваемого понятия. Именуемое термином «право» понятие права рассматривается в рамках той или иной концепции правопонимания как единственное в своей данности, хотя за ним может стоять и стоит множество проявлений права в реальном мире. В этой связи совершенно верно указывает В.П. Малахов: «Идея права универсальна, понятие о праве индивидуально. Отсюда — многообразие дефиниций и бесконечность смыслов»⁴.

Так, термин «право» раскрывается в рамках нормативистского подхода к определению права посредством дефиниции следующего содержания: право есть совокупность норм, т.е. властных установлений государства, охраняемых им и выраженных в законодательстве. В данном случае характерной чертой является признание неразрывной связи права и официальной суверенной власти.

Как совокупность самодовлеющих нравственных ценностей, проистекающих из природы человеческого разума и всеобщих нравственных принципов определяется право с позиций естественно-правового подхода. Право — это воплощение справедливости — основной постулат естественно-правовой теории. «Естественное право — это везде и всегда наличное, извне предданное человеку, исходное для данного

места и времени право, которое как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным первоисточником правового смысла, абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство».⁵

Правом в рамках социологического подхода означается реальное поведение субъектов правоотношений, так называемое «живое право», обусловленное реальными общественными отношениями. Его составляют также судебные и административные решения, юридические факты и право объединений. А законодательство, в свою очередь, признается в качестве одной из форм (источников) права.

Право — это форма отношений равенства, свободы и справедливости, основанная на признании формального равенства участников. С точки зрения либертарно-юридического подхода следует делать различие права и закона. Закон — позитивное это право, тогда как право есть бытие и нормативное выражение принципа формального равенства.

«Осознание человеком своей изначальной свободы и ее реализация в жизнедеятельности — это и есть возникновение права. ... свобода как бы аксиоматически соотносится с правом, а право понимается как свобода»⁶. В данном положении развернута содержательная характеристика права с позиции антропологического подхода к праву, согласно которому, различая право и закон, предполагается понимание права «в аспекте человека, как экспликация (развертывание) личного начала, внутренне присущих ему нормативно-ценностных принципов», одним из которых является свобода.

Как видим из вышесказанного термин «право» раскрывается посредством различных дефиниций понятия права, приобретая свойство полисемантизма. Представители различных научных направлений опосредуют в понятиях объективную правовую действительность по-разному, что обуславливает соответственно и отражаемые в слове «право» различные стороны описываемого объекта, каковым в данном случае является феномен права. Особенность правового феномена состоит его относительности: внутренняя идея права и его внешние проявления варьируются в зависимости от времени и пространства и обусловлены конкретными правовыми системами, то есть зависят от своего окружения.⁷

И как следствие, разные смыслы, привносимые в слово «право», во многом обусловлены, не столько различиями в теоретической интерпретации явления права, сколько тем, что ученые ассоциируют с этим словом отдельные свойства, формы и виды права. И в рамках того или иного типа правопонимания в дефиниции отражается лишь одна из сторон, форм, свойств права и в этой части дефиниции присуща однозначность.

Юридическая терминология имеет конвенциональный характер и представляет собой совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в научном аппарате для выражения специальных понятий и для

обозначения объектов правовой действительности в той или иной области юридических знаний. Для составляющих ее юридических терминов характерен целый ряд специфических признаков (каковыми обладают и термины иных общественных наук). В частности речь идет о, как уже было сказано ранее, явно выраженной зависимости терминов от определенной системы взглядов, определяющих их содержательную структуру; имеющей место полисемии и синонимии; наличию терминов с размытыми границами обозначаемых ими понятий, (например, терминов, обозначающих общие понятия социального характера); включение оценочного фактора в семантику терминов.⁸

Изменения и преобразования правовой реальности в процессе общественного развития влечет и изменение юридических понятий в плане их углубления, выделения новых признаков и аспектов, ранее не исследованных ведет к тому, что как следствие, появляются новые термины для их обозначения, появляются новые значения у уже имевшихся терминов. «Объективное право», «конституционное право», «право на труд», «право на образование», «моральное право», «криминальное право». При имеющейся в этих словосочетаниях одинаковости звучания и написания слова «право», содержательные контексты последнего не тождественны. Так, в первых двух случаях речь идет о праве с точки зрения его связанности с государством и инструментальной роли, в третьем и четвертом — об определенном правомочии конкретного человека, а в двух последних — право рассматривается в общесоциальном аспекте.

Термины, используемые в юридической науке, преимущественно носят теоретический характер, т.е. обозначают абстрактные понятия. Точность и полнота описания понятий зависит от правильного употребления термина. Наличие специального значения составляет главную специфику содержательной структуры термина. Это условное значение закрепляется в дефиниции. Роль дефиниции состоит в пояснении понятийного содержания. Дефиниция должна включать в себя только существенные характеристики, свойства, признаки непосредственно необходимые для идентификации понятия. Но как уже было отмечено, в отличие от термина «право» дефиниция понятия права возможна лишь с определенной точки зрения, а включаемые в нее характерные признаки права в свою очередь должны соответствующим образом отражать концептуальные подходы к определению понятия права. Конечно же, для понимания права гораздо проще было, если бы за тем или иным смысловым аспектом феномена права в качестве номинанта был закреплен самостоятельный термин (один смысл — одно самостоятельное слово). Однако право как явление отличается очень широким разнообразием своего проявления и тем богатством ассоциаций, обусловленных наличием у него разнообразных свойств, форм и видов. В этой связи практически непрерывный процесс выявления новых смыслов, новых терминов и уточнение уже имеющихся был

бы бесконечным, а понятийно-терминологический аппарат необозримо громоздким. Термину же «право» как лексической единице юридической терминологии присуще такое свойство как многозначность, что и позволяет с определенной долей рациональности и адекватности служить внешним выражением понятия права. В рамках юридического языка данная лексическая единица может использоваться в разных значениях. Полисемантизм права не является чем-то аномальным. Явление полисемии характерно для терминов в терминологии, так же как и для слов естественного языка.⁹

Итак, главной особенностью терминологического выражения права выступает многозначность термина «право», присущая ему полисемия, заключающая в себе потенцию некоего количества имеющихся в нем значений. И здесь на передний план выходит проблема выбора. Какое же значение термина «право» следует выбрать из имеющихся? Решением проблемы является контекст. Именно контекст реализует диалектическое противоречие конкретности и абстрактности, однозначности и многозначности. Контекст при осмыслении любого значения многозначного слова играет в принципе одинаковую роль: в данном значении слово выступает практически только в контексте, оно не может быть употреблено в другом и наоборот. Разнообразие контекстов покрывает все случаи, требующие уточнения значения слова. Именно контекст задает направление выбора одного из семантических вариантов, присущих термину. Полисемия термина «право» не только снимается контекстом, но, и в определенной мере порождается контекстом, поскольку, попадая в контекст, многозначный термин «право» может высвечивать отдельные признаки или свойства права, имеющие определяющую роль лишь в данном контексте, не раскрывая всех аспектов своего выражения.

¹ Бертель Ж.-Л. Общая теория права. — М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. — С. 36.

² Малахов В.П. Философия права: формы теоретического мышления. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — С. 16

³ Лизикова И.И. Полисемия в юридическом языке // Вестник экономической безопасности МВД России. 2009. № 6. С. 108-113.

⁴ Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — С. 178.

⁵ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. — М., 2002. С.243- 244 и др.

⁶ Пристенский В.Н. Правовое образование в России: концептуальные подходы (социально-философский и философско-антропологические аспекты). // CREDO NEW теоретический журнал. 2006. № 4.

⁷ Бертель Ж.-Л. Общая теория права. — М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. — С. 33.

⁸ Будылева О.Н. Эксплицитная подача метаязыка географии. Глава 1. Признаки терминов как основа их классификации. Тольятти. 2000. / http://cnit.ssau.ru/iatp/work/budyleva/glava_1_1.htm.

⁹ Лизикова И.И. Полисемантизм права в контексте языкознания // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 106-109.

УДК 340.12
ББК 67.0

ПРАВОПРИТЯЗАНИЕ И ПРИТЯЗАНИЕ КАК КАТЕГОРИИ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ МАЗУРОВ,

адъюнкт 1-го года обучения ФПНПТиНК

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

старший лейтенант внутренней службы

МВД Республики Беларусь

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются основные подходы к пониманию феномена правопритязания (притязания), которые существуют в современной правовой науке. Термин «правопритязание» имеет несколько значений. В целом эти значения можно обозначить как специально-юридическое (инструментальное) и общетеоретическое (концептуальное). Каждое из значений характеризует различные феномены правовой реальности. Правопритязание, в специально-юридическом его понимании, представляет конкретный правовой инструмент, выполняющий функцию защиты нарушенного права. Рассматривается алгоритм защиты. В общетеоретическом его значении, правопритязание понимается как базовый правовой факт, выполняющий функцию освоения правовой реальности. Рассматриваются характерные черты и элементы правопритязания, и подчеркивается актуальность дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: право, притязание, правопритязание, правомочие, правообразование.

Annotation. The article examines the main approaches to understanding the phenomenon Right of claim (claim) that exist in the modern science of law. The term «Right of claim» has several meanings. Generally, these values can be described as specially-juridical (instrumental) and theoretical (conceptual). Each of the values characterizes the different phenomena of legal reality. The Right of claim, in a specially-juridical sense, represents a specific legal instrument, performing the function of protection of rights. We are considering the protection algorithm. In theoretical value, the Right of claim is understood as a basic legal fact, performing the function of development of legal reality. Discusses the characteristic features and elements of Right of claim, and highlights the relevance of further research in this direction.

Keywords: right, Claim, Right of claim, Authority, Establishment of Right

Притязание (Anspruch), в качестве юридического термина, в свое время применил Б. Виндшейд, подразумевая под ним такое основание (факт), когда одно лицо требует что-либо у другого и имеет право на такое требование¹.

В современной правовой науке термин «правопритязание» имеет несколько значений, характеризующих различные феномены правовой реальности. В целом эти значения можно обозначить как специально-юридическое (инструментальное) и общетеоретическое (концептуальное).

Традиционно, в современной научно-правовой литературе, правопритязание (или право притязания, притязание) представляет собой один из элементов субъективного права человека, т.н. правомочие, выраженное в «возможности обратиться за защитой своего нарушенного права в правоохранительные, судебные или иные органы»². В данном случае, основным содержанием правопритязания является именно «возмож-

ность привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица»³. Содержание этого правомочия позволяет отграничить его от двух других обязательных элементов субъективного права — правомочия на собственные действия (права положительного поведения) и правомочия на действия обязанного лица (права требования). При этом право притязания является логическим следствием права требования в случае неисполнения или нарушения лицом своей юридической обязанности. Притязание, преследуя цель защиты нарушенного права (интереса), адресовано к компетентному государственному органу, который, в свою очередь, принимает соответствующие меры принуждения к обязанному лицу.

Следует отметить, что единая точка зрения среди ученых-правоведов на проблему субъективных прав и обязанностей, их соотношение, отсутствует. Дело в том, что в классической правовой традиции сложилось два основных подхода к теории правоотношений.

В рамках каждого из подходов, при известном абстрагировании, можно выделить определенную теоретическую конструкцию, раскрывающую процесс реализации субъективных прав и обязанностей.

Сторонники первой точки зрения (С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, О.С. Иоффе, Н.И. Матузов, А.В. Мицкевич, В.А. Основин, В.С. Патюлин, И.Ф. Рябко, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфина и др.) считают, что реализация субъективных прав и обязанностей может происходить не только в рамках конкретизированных правовых связей, — существуют правоотношения и с неконкретизированным составом (абсолютные, общие, общерегулятивные), под которыми понимаются всеобщие правовые связи, носящие нормативный характер. Такая позиция подразумевает своим выводом то, что субъективное право состоит из элементов, именуемых правомочиями, о которых мы говорили выше (на собственные действия, на чужие действия, в виде притязания).

Сторонники второй точки зрения (С.Н. Братусь, Л.Д. Воеводин, Д.М. Генкин, Д.А. Керимов, С.Ф. П.Е. Недбайло, М.С. Строгович, А.С. Пиголкин, Л.С. Явич и др.) полагают, что осуществление субъективных прав и обязанностей нельзя ограничивать рамками правоотношений, субъект может их реализовывать вне правоотношения, и тогда, как правило, он не включается ни в какую юридическую конструкцию, а реализует право в непосредственной форме (помимо правоотношения). При таком подходе, субъективные права подразделяются на абсолютные и относительные. Правомочия не являются элементами субъективного права, а правопритязание выступает как самостоятельный правовой феномен в пределах относительного субъективного права.

Таким образом, в научно-правовой литературе правопритязание также эксплицируется как охранительное право лица, возникающее вследствие нарушения (несоблюдения) его субъективного права, на обращение в соответствующий обстоятельствам дела публичный юрисдикционный орган, актом которого неисправная сторона обязывается претерпевать отрицательные последствия своего поведения или поведения других лиц, за которые оно несет ответственность, либо обязывается к совершению определенного действия (передача вещи, возмещение убытков, восстановление в правах и т.д.)⁴.

Вышеперечисленные значения правопритязания можно охарактеризовать как специально-юридические. Несмотря на конструктивные различия, каждое из значений подразумевает под правопритязанием конкретный правовой инструмент, выполняющий функцию защиты нарушенного права. Алгоритм функции следующий: факт нарушения (неисполнения) лицом своей обязанности создает основание для управомоченного лица на обращение в компетентный юрисдикционный орган с целью обеспечения, исполнения или восстановления, своего нарушенного права, посредством государственно-правового принуждения, закре-

пленного в правоприменительном акте соответствующего органа, в отношении обязанного лица.

Именно в таком, специально-юридическом, значении термин «правопритязание» используется в отечественном законодательстве. Например, в ст. 37 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», указано, что «при представлении заявления о государственной регистрации права, ограничения права и обременения объекта недвижимости, сделки с объектом недвижимости в Единый государственный реестр недвижимости вносится запись об этом заявлении, которая указывает на существование правопритязания в отношении такого объекта недвижимости». Иными словами, такая отметка производится, когда управомоченное лицо, имеет право обратиться, как правило, в суд, с целью защиты своего имущественного права, вследствие факта нарушения (неисполнения) иным лицом каких-либо обязательств по данной недвижимости.

Современная правовая наука в рамках социопсихологического подхода к правопониманию⁵, предлагает иной концепт притязания (правопритязания), который мы обозначим как общетеоретический (концептуальный).

В данном случае, феномен притязания предстает перед нами как сложная смысловая единица — базовый правовой факт⁶. Как указывает В.П. Малахов, «притязание содержательно богаче всего остального, ибо все остальное — нормы, требования, оценки и т.п. — представляют собой лишь эманации притязания. В притязании как акте все полнота права находится как бы в свернутом виде»⁷. Иначе говоря, правопритязание представляет собой то ядро, из которого разворачивается вся полнота права, т.е. право в своем сжатом виде. При этом право обретает свое становление не в процессе взаимодействия и столкновения притязаний лиц, а посредством волевого освоения действительности, его распределечивании. Как и любая деятельность человека, правопритязание имеет волевое начало, при этом его специфика заключается в нацеленности на право.

В противном случае, если исходить из точки зрения, что право — результат такого взаимодействия, право становится производным от совокупности причин и обстоятельств, которые заставляют людей вступать в общественные отношения. Право в отношении субъекта всегда будет чем-то внешним, объективно обособленным, имея смысл только в качестве системы норм, института, организации и т.д.⁸

В самом общем виде Ю.Е. Пермяков обозначает притязание как «переход, посредством которого субъективное должностное существование приобретает внешние формы и становится объективной реальностью и жизненной практикой человека»⁹. В дополнение отметим, что притязание понимается не как «переход»-явление, а как «переход»-механизм, механизм правообразования.

Правопритязание структурно может быть представлено двумя аспектами — эмпирическим и мета-

физическим (смысловым).

Эмпирический аспект правопритязания представлен внешним его выражением. Он проявляется непосредственно в психологических характеристиках человека. Данный уровень проблематики исследовал Л.И. Петражицкий, построив психологическую концепцию права. Эмпирический аспект правопритязания, будучи подчиненным закономерностям человеческой психики, в качестве своих основных элементов имеет потребности человека, его мотивы, интересы, нужды, эмоциональные порывы и т.д. Как психологический феномен, притязание вторично по отношению к окружающей действительности, производно от обстоятельств, жизненной ситуации, в виду чего оно не может отражать природу права и его содержание. В контексте психологической трактовки правопритязание предстает только как «форма, в которой живет право, направленная потребность»¹⁰. Таким образом, исключительно психологическая интерпретация феномена правопритязания — недостаточна.

Ключевую роль играет метафизический аспект правопритязания, который собственно и раскрывает его как правовой феномен. Метафизический аспект правопритязания связан с ценностным миром человека. В обозначенном контексте именно правопритязание «порождает направленное на отношение усилие, а не наоборот... Оно сверхприродно, имманентно человеку как правовому существу»¹¹. Иными словами, правопритязание приводится в действие не потребностями и мотивами человека, а наоборот, правопритязание опосредует мотив (не в психологическом, а в смысловом контексте). Внутренним основанием для актуализации правопритязания является убежденность в его оправданности, сознание морального права, своей правоты. В свою очередь, потребности, интересы, нужды человека, являются только внешними импульсами, зависящими от правопритязания. Правопритязание предшествует ситуации, т.к. оно присуще человеку в качестве свойства.

Таким образом, правопритязание в общетеоретическом его значении понимается как базовый правовой факт, нацеленный на освоение правовой реальности, исходный смысловой акт, пронизывающий право. Правопритязание является ближайшим подступом к праву как юридическому феномену, условием его существования.

Общая теория права сохраняет ставшей традиционной тенденцию обслуживания юридической практи-

ки и описания правовой реальности. В свою очередь, в целях успешного освоения правовой реальности, общая теория права должна определять стратегию юридического мышления, глубоко интеллектуально схватывать процессы в области юридического, сущность происходящего. Однако сущности не совпадают с реальностью, не существуют в ней, в виду чего, всякая теория, замкнутая на видимой реальности, не в состоянии их познать.

Резюмируя сказанное, мы отмечаем актуальность дальнейших исследований феномена правопритязания, важность ее возможных результатов для дальнейшего развития общей теории права, юридической мысли и науки в целом.

¹ Виндшейд, Б. Учебник Пандектного права. Т. 1 Общая часть / Б. Виндшейд; пер. с нем. под ред. С.В. Пахмана орд. проф. С.-Петербургского ун-та. — СПб.: Изд-во Гиероглифова и И. Никифорова. 1874. С. 91.

² Иванов, А.А. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.А. Иванов; под ред. В.П. Малахова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2009. С. 200.

³ Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. — М.: Изд-во «Юридическая литература», 1982. — Т. 2. С. 126.

⁴ Халабуденко, О.А. Гражданско-правовые нормы и формы / Управление в социальных и экономических системах: м-лы XXI международной научно-практической конференции, г. Минск, 15 мая 2012 г. / Минский ин-т управления; редкол.: Н.В. Суша [и др.]. — Минск, 2012. С. 132.

⁵ Хархардина, Т.О. Социопсихологический подход в контексте современных подходов к правопониманию / Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания. Сборник науч. статей; под ред. д.ю.н. К.Е. Сигалова и к.ю.н. С.В. Зыковой. — М.: Издательская группа «Граница», 2013. С. 50-51.

⁶ Малахов, В.П. Философия права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 211.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Пермяков, Ю.Е. Основания права / Неклассическая философия права: вопросы и ответы / Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». — Харьков, 2013. С. 80.

¹⁰ См.: Малахов, В.П. Указ. соч. С. 212.

¹¹ Там же. С. 213.

УДК 340
ББК 67.0

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЯН: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА МЕДУШЕВСКАЯ,

*доктор юридических наук, профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент
Рецензент: доктор философских наук, доцент К.Е. Сигалов
Научная специальность 12.00.01 — теория и история
права и государства; история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Средствами аксиологической методологии рассматриваются особенности правовой ментальности россиян. Выделяются такие черты ментальности как стремление к морализации правовой жизни, приоритет духовных ценностей, милосердность, восприятие общественных целей как личных, патриотизм, стремление к справедливости, уважение власти, коммуникативность, консолидированность социальных субъектов.

Ключевые слова: правовой менталитет, правовое сознание, аксиологическая методология, правовая ценность, правовая традиция, мораль, правда.

Annotation. The article discusses the legal mentality of Russians using axiological methodology. Are distinguished such features of mentality as the desire for moralization of legal life, priority of spiritual values, mercifully, perception of public purposes as private, patriotism, pursuit of justice, respect for power, communicativeness, consolidation of social actors.

Keywords: legal mentality, legal consciousness, axiological methodology, legal value, legal tradition, morality, truth.

Немецкий философ Генрих Риккерт впервые ввел в научное познание, а именно, в науки о культуре и историческое познание, ценности, утверждая, что они составляют «самостоятельное царство», проявляют себя в культуре и ее артефактах, в формах общественного сознания. Субъект познавательной деятельности не может быть независим от действительности, от своего воспитания, образования, привычек, мира повседневности, мотивов и целеполагания. Аксиологическая методология исходит из мотиваций и устремлений оценивающего субъекта, который, с одной стороны, создает многообразие ценностей культуры, с другой, изучает их смыслы. Исследование правового менталитета основывается на историческом материале, благодаря которому ученый может подойти к миру правовых ценностей. Г. Риккерт выделяет три сферы познания — объективную реальность, ценности и смыслы, которые анализируются соответствующими методологическими средствами — объяснением, пониманием и интерпретацией. Немецкий философ формулирует основу аксиологической методологии, которую составляет метод отнесения к ценности, про-

тивоположный генерализирующему методу, применимому в естествознании¹.

Разрабатывая методологические проблемы современной юридической теории, В.П. Малахов отмечает, что «аксиологическая методология связана не столько с познанием, сколько с духовной интерпретацией реальности и деятельности людей, с идейным конструированием (моделированием) права и государства; аксиологическая методология внутренне (закономерно) связана как с абсолютизацией отдельных духовных конструктов, так и с субъективацией (индивидуализацией) деяний, ситуаций, процессов, отношений и т.п.»². Применительно к анализу правового менталитета необходимо выявить «смысловые единицы (понятия, суждения, идеи)», которые определяют его особенности, динамику и модификации.

Современный российский правовой менталитет дихотомичен по определению. С одной стороны, он обладает устойчивостью, традиционностью, отражает консервативные традиции и обычаи русского народа, с другой стороны, относительно динамичен, исторически изменчив и связан с социальными, политиче-

скими, экономическими и изменяющимися духовными процессами в стране, отражает базовые правовые ценности россиян. «К узловым ценностям российской правовой духовности можно отнести коллективность, достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, долженствование»³.

В.П. Малахов пишет: «В современной России, к сожалению, весьма значимы правовые традиции ментального слоя, которые имеют негативный характер. Среди них наиболее очевидны, ..., следующие: традиция невнимания к человеку как правовому существу, традиция идеализации правового потенциала государства; подданическая практика правосудия; позорные наказания; доверие в договоре (которое, однако, перестало оправдывать себя); морализация по поводу правовых норм, подмена права правдой; коллективная ответственность и вина; культивация произвольного характера государственных решений; традиция предъявления иска как прощения, восприятия справедливости как милости; дарованность всех прав; пренебрежение законом там и тогда, где и когда для этого появляется возможность; традиция административнополицейского способа правовой организации общественной жизни и отсутствие самостоятельного и развитого гражданского общества»⁴. Российская ментальность негативно относится к потребительской культуре, частной собственности, превозносит непрактичность россиянина, в ней не укоренилась культура индивидуальной экономической инициативы и предпринимательства. В некоторых исследованиях отмечается, что неприятие потребительской культуры может служить свидетельством будущности российской цивилизации, которая находится в поисках своей идентичности, что духовная Россия ставила во главу угла не экономику и право, не конкуренцию и свободный рынок, а интересы культуры, к которым относится мораль, искусство, наука. Конечно, в России существовал феномен российского купечества, был всплеск экономической предприимчивости в период НЭПа, в последние 25 лет Россия повернулась в сторону свободного рынка, оборотной стороной которого является рост экономической преступности. Но сколько бы ни говорили о купечестве в России, оно не сыграло той роли третьего сословия, которая ощутима в Европе. Поэтому и само купечество оценивалось часто отрицательно, насмешливо, оно не стало выразителем культурных идей.

В глазах российской молодежи растет престижность экономического человека, но не такого, который составляет суть западной культуры. Современные западные теории рассматривают специфику экономического человека не столько с точки зрения извлечения им собственной пользы, сколько в стяжке с социаль-

ными, ценностными, моральными критериями при осуществлении экономической деятельности. Такой экономический человек чужд нашей российской действительности. Для россиянина престижным оказывается получение быстрой сиюминутной выгоды, без просчитывания возможных негативных последствий от своей экономической деятельности, без учета будущих прогнозов, без подчинения своей хозяйственной деятельности высшим целям.

В отличие от западных экономик, которые базируются на праве, российская экономика является неправовой. Это связано с различиями в обеспечении двух моментов: защиты прав собственников и исполнения контрактов. Нехватка спроса на право проявляется в том, что частные коммерческие структуры неохотно обращаются к судебной системе, предпочитая решать конфликты неформальными способами. Ведение частного предпринимательства связано с высокими рисками, что снижает его эффективность и уменьшает спрос на право. Поэтому российский экономический человек формируется в атмосфере снижения доверия к власти и дефицита права. И, несмотря на то, что многие россияне согласно социологическим опросам все же предпринимали определенные действия по восстановлению своих законных прав, большинство населения их расценивает как напрасные и мало эффективные.

Современное российское общество не консолидировано, не осознало себя единым социальным субъектом, как отмечают современные исследователи, общество расколото⁵. Поэтому отношение к индивидуализму, характерному для Запада, в центре и на периферии очень разнится. В современном российском обществе индивидуализм в своих крайних формах сочетается с ярко выраженными патерналистскими ожиданиями. Такое странное единение индивидуалистических и коллективистских начал ничего хорошего не предвещает, и уж, во всяком случае, совсем не сочетается с демократической культурой. Изменить такое положение могут эффективные меры, направленные на отказ от упрощенного понимания прав человека и роли государства, создание стабильной рыночной экономики и демократической системы.

Для российской культуры характерна амбивалентность и двойственность, что, безусловно, выразилось и в русском менталитете. Традиционализм российского правового менталитета предполагает покорность, верноподданические чувства и сакрализацию власти, смиренность, мифологизацию справедливости, завышенные идеалы и заниженные требования, аполитичность, патриархальность повседневной жизни, мессианизм, пассивность и зрительское восприятие правовой реальности, негативное отношение к правовым ценностям, невосприятие культурных заимствований, от-

существование личной ответственности и правовой дисциплинированности и т.д. И эти ментальные установки мешают успешности реформ и модернизации российского общества. Но, с другой стороны, стремление к морализации правовой жизни, возвышение духовных ценностей, милосердность, восприятие общественных целей как личных, патриотизм как воплощение державности, стремление уничтожить и избежать все несправедливое, уважение власти, высокая степень коммуникативности, тенденция к обществу не атомизированных, а консолидированных индивидов, все эти особенности менталитета россиян следует идеологически поддерживать и культивировать.

Правовая ментальность как квинтэссенция национального бессознательного обращается к поиску его архетипов, тех скрытых смыслов, которые детерминируют поведение индивида в сфере права, проникая в закрытую область его понимания. Правовая ментальность определяет лицо правовой культуры конкретного социума, собственно говоря, это есть язык правовой культуры, состоящей из ядра и периферии. И если ядро правовой ментальности характеризует схему поведения человека в правовой сфере, обладает относительной консервативностью и закостенелостью, то периферия порождает новые смыслы, способные не только трансформировать область правового бессознательного, но и привести ее к деградации и распаду. Другими словами, правовая ментальность представляет собой глубинную основу правовой сферы душевно-духовного мира человека и общества, является устойчивым культурным явлением⁶.

Правовая ментальность обладает значительной инерционностью, она складывается на протяжении длительного времени и идет в ногу с цивилизационным развитием с его спецификой и особенностями. Русь обладала самобытной и яркой культурой, сложившейся под влиянием византийской духовной традиции, пришедшей на нашу землю, в частности, благодаря труду писателя VI в. Агапита «Поучение благого царства», неоднократно переводившегося на русский язык. Русские люди знакомились с византийской политико-правовой литературой, читая византийские хроники, в которых излагались сведения о политических системах современности, изучали Кормчие книги, представлявшие собой кодекс византийского права. «Еще с домонгольских времен на Руси складывалась инокультурная государственность; она представляла собой «гремучую смесь», составленную из разбойной власти скандинавского типа и из власти византийской церкви. Эти власти объединены (сцементированы) в воинствующем противостоянии языческой, глубоко традиционалистской культуре организации власти и верований»⁷.

После падения Византии, в русском национальном сознании укрепилось представление, что Русь — единственная страна, народ которой преданно и самоотверженно следует канонам православной веры, поэтому русские — спасители всего человечества. При этом церковные деятели Киевской Руси в своих молитвах воздавали должное не только православным христианам и святым, но и земле Русской, воспитывая глубокое чувство патриотизма. На протяжении всей эпохи раздробленности Церковь неустанно призывала русских князей к единству.

На правовую ментальность россиянина значительное влияние оказали ценности христианской этики вкупе с традициями живого права. В.П. Малахов отмечает: «Наиболее точно и полно специфику российской правовой культуры выражают, прежде всего, идеи правды, милости, служения, страдания. Их религиозно-нравственный характер совершенно очевиден, интуитивно понятен»⁸. В православной культуре доминантное положение занимает идея правды, которая воплощает общественный идеал, некий Абсолют, в принципе недостижимый, но озаряющий жизнь человека светом и перманентной надеждой. Божья Правда охватывает все отношения индивида с Богом и выполняет две функции: исправляющую и воздающую. Она есть важнейшее свойство Божественной воли и проявление всеохватывающей Божественной любви, поэтому святые отцы Божью Правду часто называют человеколюбием. Любовь есть правда, понимаемая как справедливость, которая целиком основывается на Божественном провидении.

В середине XIX столетия в России в связи с общественным кризисом начался процесс поиска новых ценностных правовых императивов. Протестные настроения и действия крестьянской массы после отмены крепостного права, милитаризация страны, неразвитость правового сознания и низкая правовая культура, в том числе и в законодательной деятельности, осознание необходимости модернизации страны по примеру Западной Европы, но с сохранением традиционных морально-нравственных ценностей — все это противоречиво отразилось на социальной жизни, породив, с одной стороны, усиление самодержавной политической власти, с другой стороны, вызвав всплеск радикализма, анархизма, бунтарства и терроризма. Рост негативизма в отношении позитивного права породил переосмысление идеи правды (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин). Но в проявлениях негативизма к тем или иным актам социально-правового бытия российского государства, в осмыслении их обществом как несправедливых, несправедливых усматривается не форма выражения высоко требовательного правового сознания, а свидетельство его не-

развитости и наличия правового нигилизма.

Развитость правового сознания предполагает интенцию на правовое действие, наличие правового чувства и правовой дисциплинированности. Современное правовое сознание граждан, к сожалению, не дает оснований утверждать это. В современной России необходимо создать эффективный механизм социального движения к общей цели, систему социальных гарантий и социального контроля, гуманизировать право, разрушить прежние мифологизированные стереотипы авторитарной культуры, содействовать распространению демократической культуры при помощи СМИ, интернета, образовательными средствами, создать государственную поддержку развития структур гражданского общества и направить государственную политику на поддержание статуса этих структур.

Социологические исследования свидетельствуют о девальвации нравственных ценностей. Об этом говорит и рост уголовных преступлений, связанных с убийствами, насилием в отношении детей. Патриарх всея Руси Кирилл неоднократно отмечал, что в нашей стране политическая элита подходит к теме нравственности по остаточному принципу — вначале экономика, затем политика, потом образование, спорт, культура, и только в самом конце — нравственность. Он считает, что такой подход к проблеме нравственности говорит об упадке, разрушении и деформации самого нравственного начала в людях. В основе государства лежит нравственная идея, и только ею оно как система само себя оправдывает, защищая человека от зла.

При анализе иерархии ценностей, на первом месте оказались безопасность, здоровье, семья, а духовно-нравственные ценности оказались далеко позади. В современной России наблюдается рассогласованность между провозглашаемыми нравственными принципами и реальным уровнем моральных притязаний по отношению к себе и окружающим. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалии, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе, других сферах деятельности.

Русский человек и раньше был не более и не менее нравственным, чем теперь. Но характер нравственно-

сти имел другие основания. Раньше нравственность поддерживалась государством и государственной идеологией, нравственные устои шли сверху, а не снизу. Но мораль всегда требует свободного выбора, а не принуждения, и пока человек не осознает себя как свободную, самоценную, самодостаточную личность, до тех пор в массовом сознании мораль будет носить частный характер.

При анализе правового менталитета следует выделить некие системные характеристики, которые являются культурным кодом в надбиологическом поведении человека. Культурное ядро связано с социокультурными традициями, обладающими устойчивостью. Поэтому русская культура, усваивающая промышленные инновации индустриальности, относится с недоверием на уровне инстинктивности к таким явлениям, как разделение властей, независимый суд, гражданское общество, средний класс, индивидуализм, политизм и автономия личности. Если эти формы не усваиваются культурой, расцениваются как чужие, то они либо остаются пустыми формами, либо отторгаются.

¹ Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. – М.: Издательская группа «Граница», 2013. С. 145-150.

² Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография / В.П. Малахов, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 43.

³ Малахов В.П. Философия права. – Учебное пособие. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 434.

⁴ Малахов В.П. Правовые традиции в нетрадиционном обществе: проблема совместимости // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Tradition. Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва. 29-30 марта 2013 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М.: РУДН, 2014. С. 34.

⁵ Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. С. 65-89.

⁶ Медушевская Н.Ф. Особенности российской правовой ментальности и гражданское общество // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. С. 32-34.

⁷ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 139.

⁸ Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. Монография. – М., 2001. С. 335.

УДК 340.12
ББК 67.0

МОНОНОРМА КАК СТАДИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВА

ГЕННАДИЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ МУРОМЦЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор Юридического института
Российского университета дружбы народов.

E-mail: muromtsev@mail.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению монономы как стадии процесса становления права. Автор обосновывает мысль, что мононома является неотъемлемой ступенью этого процесса. Ее слитный характер воспринят из эпохи природного существования физиологических предков человека и отражает синкретизм первобытного восприятия мира.

Ключевые слова: первобытный синкретизм, мононома, монономатика, психика, сознание.

Annotation. The article dedicates to studying of the mononorm as a stage of a process of the formation of the law. Author substantiates a thesis, that a mononorm is an integral part of that process. Its solid character was inherit from the epoch of a natural existence of a physiological ancestors of the man and reflects a syncretisme of a primitive perception of the world.

Keywords: primitive syncretisme, mononorm, mononormatics, psychology, consciousness.

В своей «Философии права» профессор В. П. Малахов рассматривает правовое существо, под которым он понимает человека, в качестве источника и творца права. При этом он исходит из того, что право есть то, что узнается правовым существом в реальности, ибо это право уже предзадано ему.¹

Настоящая статья посвящена эпохе, когда понимаемое в указанном смысле правовое существо, как и само право, лишь начинают формироваться. Данная тема, весьма значимая для теории и истории права, остается недостаточно изученной. Не только потому, что в силу ее специфики здесь практически нет письменных источников, но и потому, что будучи комплексной, она входит в сферу научных интересов ряда смежных отраслей знания — антропологии, психологии, этнологии, религиоведения и т. д. Поэтому правовед, исследующий начальные стадии возникновения права, не может не учитывать научных наработок этих дисциплин. В настоящей статье предпринята попытка использования такого комплексного подхода.

Сегодня в вопросе о происхождении права в отечественной правовой литературе существует разброс мнений. Так, в течение многих десятилетий здесь господствующей (и единственно возможной в условиях тоталитарного режима) была концепция Ф. Энгельса, изложенная им в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Следует

подчеркнуть, что указанная работа была посвящена проблеме происхождения государства, а вопросы происхождения права рассматривались в ней, так сказать, «попутно», вторым планом. В качестве причин происхождения государства в ней признавались общественное разделение труда, появление частной собственности, раскол общества на классы. Такое же объяснение давалось возникновению права, которое, согласно Энгельсу, возникает вместе с государством и поэтому со времени своего возникновения и в течение всей истории предстает как одномерное явление, то есть как совокупность общеобязательных норм, исходящих от государства, им же обеспечиваемых и выражающих волю господствующего класса. Разные стадии истории права различались, таким образом, лишь характером классовой воли, которую эти нормы выражали. Такое видение проблемы во многом сохранилось и сегодня, особенно в учебной литературе по теории права и государства.

Наряду с этим в отечественной теоретико-правовой литературе есть авторы, исходящие из возможности возникновения права до появления государства. Одни из них признают лишь сам факт такой асинхронности на известной ступени истории,² другие относят возникновение права ко времени становления человеческого общества.³ Последний взгляд является, по нашему мнению, наиболее адекватным истории права,

однако нуждается в известной корректировке. С этой целью в качестве исходного в наших рассуждениях возьмем тезис профессора Б. С. Шалютина, что «между природным и социальным существовал ушедший мир, который мы назовем постприродным.» Из этой посылки автор делает вывод, что культуре предшествует предкультура.⁴ Думается, с таким выводом нельзя не согласиться. В самом деле, переход от природного существования к социальному, от психики животных к сознанию, присущему лишь человеку, и соответственно к социальным регуляторам поведения вместо природных рефлексов не может произойти одновременно. Можно спорить о том, как его назвать: переходный период, постприродный мир или как-то иначе. Важно другое, — что в его рамках один тип регулирования поведения замещается принципиально иным. Мы не можем обозначить хронологических рамок такого перехода, но должны признать его необходимость. Отсюда следует, что если становлению человеческого общества и человека разумного (*Homo sapiens*) предшествует постприродный мир, то, следовательно, возникновению права должны предшествовать какие-то предправовые нормы, формы, конструкции, процедуры и т.д., с которых затем начнется собственно правовое развитие. Поэтому в начальных стадиях этого процесса право, как и другие социальные регуляторы, выступают лишь в зародышевых, эмбриональных формах. Это проявляется, прежде всего, в феномене слитности, или синкретности. В этнографической и теоретико-правовой литературе он получил также название монономы, или монономатики.⁵

Под монономой в теоретико-правовой литературе обычно понимают слитную норму архаического общества, соединяющую в себе признаки норм религии, морали и права. Основной недостаток такого подхода видится в рассмотрении данного явления сквозь призму современных представлений о праве, предполагающих уже сложившуюся систему социальных регуляторов, которых в рассматриваемую эпоху еще нет. Уже то, что монономия при таком ее понимании включает в себя НОРМЫ религии, морали и права, создает иллюзию, будто каждый из этих регуляторов ко времени ее возникновения уже функционировал самостоятельно. Тогда непонятно, зачем их надо было «сливать» воедино. Видимо, таким пониманием проблемы объясняется категорическое отрицание концепции монономы некоторыми российскими авторами.⁶ В действительности ни один из этих социальных регуляторов еще не действовал в ту эпоху в «чистом» виде. Монономия есть по сути лишь исходная историческая форма становления каждого из них. Мы понимаем под ней слитную норму, включающую элементы лишь зарождающихся и потому выступающих в эмбриональной форме религии, морали и права. Их зародышевый характер проявлялся как в том, что ни один из этих социальных регуляторов еще не сложился в самостоятельную систему норм со своей структурой и сферой

действия, так и в том, что сама монономия не выступала в «чистом» виде, а была «растворена» в мифах, пословицах, прибаутках и т.д. То, что в число зарождающихся слитных социальных регуляторов входит и религия, обуславливает застывший, неизменный характер окружающего мира в его восприятии первобытным человеком. В условиях весьма медленной социальной эволюции это обусловило существенную особенность социальной регуляции архаического периода: будучи в основе своей слитной, она постепенно дифференцируется, отражая процесс структурирования, то есть превращения в самостоятельные социальные регуляторы морали, религии и права. Поэтому понятие монономии есть рабочая категория, наиболее адекватно отражающая реальную ситуацию лишь в начальных стадиях становления права.

Слитный характер монономии обусловлен не столько тем, что она включает элементы разных (с современной точки зрения) социальных регуляторов, сколько тем, что само это слияние норм, происходящее прежде всего, на уровне сознания (ведь письменности еще нет!), есть следствие слитного восприятия мира. Эта слитность проявляется, прежде всего, в том, что сфера действия монономии охватывает не какую-то область социальной жизни (правовую, религиозную или какую-то иную), а воспринимаемый сквозь призму родовой или большесемейной общины, играющей роль своеобразного микрокосма, окружающий мир «в целом». В этом мире нет различий между социальным и природным, реальным и сверхъестественным, подчас одушевленным и неодушевленным и т.д.

Феномен синкретизма еще недостаточно осмыслен в нашей историко- и теоретико-правовой литературе. В подходе к его исследованию преобладает догматизм. Суть его в том, что юрист-догматик при рассмотрении данной проблемы не выходит за рамки права, понимаемого как совокупность общеобязательных норм. Между тем феномен синкретизма нельзя исследовать вне первобытного архаического сознания. В самом деле, миллионы лет, в течение которых предки человека обитали в мире природы, оставили глубокий след в сознании человека родовой эпохи. Это проявилось в ряде аспектов. Прежде всего, стадные формы существования физиологических предков человека обусловили коллективный характер этого архаического сознания. В современной литературе явления подобного рода получили название коллективного бессознательного.⁷ Только в данном случае указанное понятие требует корректировки, отражающей характер восприятия мира.

Зарождающийся социальный мир воспринимается первобытным человеком как продолжение мира природного и наоборот. Незнание закономерностей развития этого слитного мира обусловило его восприятие сквозь призму начальных религиозных верований. Следствием этого была размытость границ между миром реальным и фантастическим. Развитие этого слит-

ного мира происходит циклически, вне исторического процесса, поскольку архаическому сознанию еще не известно линейное время (то есть различия между вчера, сегодня и завтра). Подобное мышление отдельные исследователи определяют как пра- или дологическое.⁸

Первобытное сознание является мифологическим. Раскрывая его специфику, профессор Ю.М. Лотман выделял, прежде всего, замкнуто-циклическое отношение ко времени. «Годичный цикл подобен точному, — писал он, — человеческая жизнь — растительной, закон рождения, умирания, возрождения господствует надо всем. Универсальным законом такого мира является подобие всего всему, основное организующее структурное отношение — отношение геоморфизма... Это мощное уподобление, лежащее в основе сознания данного типа, заставляет видеть в разнообразных явлениях реального мира знаки ОДНОГО явления, а во всем разнообразии объектов одного класса просматривать ЕДИНЫЙ ОБЪЕКТ».⁹ Содержание мифа архаической эпохи воспринимается как некая матрица или модель должного поведения. В этом смысле миф — это не только форма первобытного сознания, но и своеобразный социальный регулятор, ставящий в известные рамки поведение членов общины. Вместе с тем реальная жизнь родового общества подчас расходится с мифологической моделью. Поэтому постепенно в рамках общины формируется наряду с мифологическим и немифологическое сознание.¹⁰

Однако в течение долгого времени нормы поведения, как и окружающий слитный мир воспринимаются в качестве данности, возникшей по воле богов и духов. Неудивительно, что люди архаической эпохи не могли ответить на вопрос о времени возникновения обычая.¹¹ В самом деле, ему следовали многие поколения предков, которые, уйдя в мир иной, становились божествами и духами. Возникший «сам собой» он воспринимается как воплощение их воли и приобретает вследствие этого сакральный характер.¹²

В этих условиях само понятие «социальный регулятор» в применении к обычаю (мононорме) становится в известном смысле условным — ведь его действие, (по крайней мере, на известных стадиях истории) распространяется не только на социальную сферу, но и на мир природы, мертвых предков и т.д. Кроме того, такой слитный регулятор включает в свою сферу отношения, которые в развитом обществе вообще не подлежат нормативному регулированию, поскольку изначально предполагают сверхъестественные способы воздействия на них в форме пророчеств, предсказаний, магических обрядов и т.д. Сказанное объясняет распространенность в архаическую эпоху различных гадателей и прорицателей, призванных предсказывать ход событий, важных с общественной либо государственной точек зрения (авгуры и фециалы в Древнем Риме, шаманы у ряда народов Востока и т.д. Это, например, степень успешности предстоящей охоты, военного похода, виды на урожай и т.д.

Фактор слитности сказывается не только на сфере действия мононормы, но и на характере субъектов регулируемых отношений. В условиях, когда социальные общности структурируются на природной основе (род, племя, большая семья), основными их субъектами выступают поначалу именно эти общности. Феномен слитности проявляется при этом в нескольких аспектах. Один из них — явление тотемизма. Суть его — в искренней вере членов рода, что их родоначальником является некое животное или растение, редко — неодушевленный предмет. Община носит имя соответствующего родоначальника. Таким образом род выступает вовне не только как социальная общность, но и как явление природы.

Кроме того, каждая социальная общность имеет помимо природной также религиозную составляющую. Ее тесную связь с социальными институтами архаической эпохи отмечал известный французский исследователь древних религий Фюстель де Куланж. По его мнению, из древних верований вышло «большинство домашних и социальных учреждений древних». Патриархальную семью того времени он определял как такую группу лиц, «которым религией было дозволено обращаться с молитвою к одному и тому же очагу и приносить могильные жертвы одним и тем же предкам».¹³

Это определение чрезвычайно важно для понимания слитного механизма регулирования в архаическом обществе. Прежде всего, оно помогает понять специфику субъектов регулируемых отношений, в качестве которых могут выступать живые и мертвые, люди и божества, или духи, а подчас и неодушевленные предметы. Так, поскольку «семья образует нечто целое и в этой жизни, и в загробной»¹⁴, то следовательно умершие предки в представлении сородичей продолжают жить, хотя уже и в другом мире, и поэтому живые должны заботиться о мертвых, обеспечивая их пищей и питьем. Их доставляют на могилу по определенным дням либо выставляют на стол во время семейной трапезы и затем сжигают, (полагая, что тем самым задача выполнена). В свою очередь, умершие предки, ставшие божествами и духами, должны оказывать живым членам семьи покровительство и защиту. В этом взаимном обмене услугами и состоял культ предков, существовавший у древних греков, римлян и многих других народов. Модель отношений, сложившаяся в его рамках, стала стержневой в регулировании отношений архаического общества. Закрепляемое ею единство прошлого и настоящего, ушедших предков и живых членов семьи лежит в основе обязательности норм обычного права, или мононорм. В самом деле, семья и ее члены чувствуют себя спокойно и уверенно, пока находятся под защитой и покровительством богов. В свою очередь, условием благорасположения последних по отношению к семье является строгое соблюдение ее членами обычаев предков. Отступление от этого требования — как-то плохой контроль

за священным огнем в домашнем очаге, нерегулярное обеспечение мертвых предков питанием и питьем и т.д. — катастрофично для семьи. Добрые божества и духи мгновенно превращаются в таких случаях в злых и мстительных, способных навлечь на семью болезни, голод, стихийные бедствия и другие беды. И наоборот: если семья вдруг вступала в полосу несчастий и неудач, то это также считалось следствием нарушения ее членами воли предков, то есть божеств и духов, воплощенных в древних обычаях. Отсюда — распространенность, в частности, в Риме архаического периода массовых очистительных церемоний (обычно в форме жертвоприношений), цель которых — поддержание добрых отношений с божествами и духами.¹⁵ Этому же были подчинены отношения в семье, где каждый ее член стремился не только сам не нарушать закрепленного обычаям сакрального порядка, но и не допускать его нарушения со стороны сородичей: ведь всякое нарушение воли предков одним из них влекло несчастья для семьи в целом. Поэтому царивший в ней «правопорядок» выдавливал из своей среды нарушителей.

Пример культа предков наглядно демонстрирует, что фактор слитности пронизывает всю жизнь человека архаической эпохи, проявляясь в характере не только восприятия им окружающего мира, но и в способах регулирующего воздействия на этот мир. Так, «механизм действия» культа предков включает элементы религии, морали и права. Представляя по сути юридическую конструкцию правоотношения, он тем не менее воспринимается его участниками как явление, прежде всего, религиозное. В его рамках обязательства по оказанию взаимных услуг несут, с одной стороны, живущие члены семьи, с другой, уже умершие предки. Санкции за неисполнение (ненадлежащее исполнение) членами семьи своих обязательств по отношению к предкам также имеют религиозный характер. В свою очередь, то, как соблюдается культ предков, может иметь оценку и с точки зрения морали. Сказанное приводит к выводу, что обычай архаической эпохи (или мононорма) как регулятор отношений в обществе имеет две «точки опоры» — материальную и идеальную. Первая из них проявляется при рассмотрении предмета его регулирования, включающего в условиях слитного восприятия мира помимо собственно социальных отношений также сферу сверхъестественного и природы. В этом качестве он выступает как основа формирования в будущем норм права, религии, этикета и т.д.

Вторая обнаруживается при попытке объяснить факторы обязательности, или «легитимности» обы-

чая. Они коренятся в его соответствии воле богов и духов, которым поклоняется данная общность. При этом именно религиозная основа как фактор непрерываемости обычая является определяющей. Слитность обычая с религией объясняет личный, а не территориальный характер возникающего на его основе обычного права. Его нормы, имеющие территориальное действие, постепенно складываются по мере вытеснения родовой общины соседской общиной, а власти родового строя протогосударством.¹⁶

¹ Малахов В. П. Философия права. 2-е издание. М., 2007, с. 198

² См., например: Синицына И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978; Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1982; Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.

³ Дробышевский С. А. Историческое место политической организации общества и права: спорные вопросы. // Правоведение, 1991, № 4; Он же. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Автореф. дисс...доктора юрид. Наук. СПб, 1994; Честнов И. Л. Исторические предпосылки государства и права. // Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. М., 2006.

⁴ Шалютин Б. С. Правогенез как фактор становления общества и человека. // Вопросы философии, 2011, № 11, с.15.

⁵ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии. // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.210 – 240.

⁶ См., напр.: Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М., 1999.

⁷ См.: Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного. М., 1995.

⁸ См., напр.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 2008.

⁹ Лотман Ю. М. Феномен культуры. // Ученые труды Тартуского университета. Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Т. X. Тарту, 1978, с. 6 – 7.

¹⁰ Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 7

¹¹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1978, с. 15.

¹² В этой связи едва ли можно согласиться с утверждением Т. В. Кашаниной, что «социальная норма, которая никем не установлена, невозможна и нелепа». Кашанина Т. В. Указ. соч., с. 186.

¹³ Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1903, с. 11, 28, 29.

¹⁴ Там же, с. 29.

¹⁵ Фюстель де Куланж. Указ. соч., с. 134.

¹⁶ Семенов Ю. И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие. // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000, с.26, 21.

УДК 340.12
ББК 67.0

МЕТОДОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ В.П. МАЛАХОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

ВАДИМ ИВАНОВИЧ ПАВЛОВ,

*начальник кафедры теории и истории государства и права
Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
E-mail: vadim_pavlov@tut.by*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются методология и антрополого-правовые взгляды профессора В.П. Малахова в рамках разработанной им философско-правовой концепции. Обосновывается, что в исследуемой концепции используется диалектический метод мышления и диалектическая логика, на основании чего В.П. Малаховым строится критика традиционной юридической теории. Антрополого-правовые воззрения ученого выражаются в разработанной им концепции правового существа, с которым связывается как сущность права, так и правовая реальность в целом.

Ключевые слова: философия права, диалектика, категория, антропология права, правовое существо.

Annotation. The article describes the methodology and anthropological and legal views of Professor Malakhov developed within their philosophical and legal concepts. It is proved that in the study used the concept of the dialectical method of thinking and dialectical logic, based on what critic construction Malakhov traditional legal theory. Anthropological and legal views expressed in the scientist he developed the concept of the legal entities, which communicates the essence of the law and law reality as a whole.

Keywords: legal philosophy, dialectic, category, legal anthropology, legal being.

Современная юридическая наука, несмотря на большое разнообразие проводимых исследований, наиболее остро нуждается в работах методологического характера. Следует признать, что сегодня на уровне общетеоретической юриспруденции по большому счету еще используются подходы советской юриспруденции, не в последнюю очередь за счет достаточно простого и привычного изложения материала и господства этих подходов в учебной литературе. В отраслевых юридических исследованиях в основном также продолжают использоваться советские методологические разработки, что сказывается на низкой интенсивности развития частных отраслевых теорий за счет моды на прикладные отраслевые исследования, направленные не на решение методологических вопросов в рамках отрасли права, а на совершенствование законодательства. Юридическое научное сообщество неоднозначно воспринимает и появление новых правовых концепций, предпочитая в основном использовать старые и уже знакомые методологические подходы, тем самым неявно склоняясь к принципу методологического мо-

низма. Также достаточно сильны сегодня позиции традиционной догматической, или, как ее еще именуют — формально-логической юриспруденции, которая большинством правоведов продолжает восприниматься в качестве нейтрального и универсального языка общеправовой теории. При этом опять же не обращается внимание на тот факт, что догматический язык общеправовой теории воспроизводит структуры догматического правового представления и мыслимости права [1].

Вместе с тем нельзя не видеть и изменений в развитии русскоязычной юриспруденции. Следует признать, что современная ситуация в правоведении существенно отличается от ситуации первой половины 90-х гг. прошлого столетия, когда в основном происходила смена политики права с советской на либерально ориентированную. Сегодня в русскоязычном правоведении уже существуют и продолжают появляться достаточно оригинальные правовые концепции, разработанные вне либерального правового дискурса, использующие достижения как западноевропейских

философских концепций XX в., так и наследие русской дореволюционной мысли и русской эмиграции. Эти правовые концепции на фоне подходов, уже ставших привычными по учебникам общей теории права, нередко незаслуженно не замечаются. Однако, как никогда они нуждаются в пристальном внимании и в корректной методологической оценке, поскольку и изменение правовой реальности, и изменение действующего в ней человека требуют новых способов понимания, от которых, в конечном счете, зависит и регулятивная эффективность права.

Одной из таких современных концепций является философско-правовая концепция Валерия Петровича Малахова — доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. Профессору В.П. Малахову удалось не только разработать философско-правовую концепцию, но и создать собственную научную школу [2], отличающуюся, прежде всего, методом познания правовой реальности и достаточно оригинальным, независимым, прежде всего, от ведущих западноевропейских философских направлений, видением как процесса правового познания, так и представления о праве.

Принципиальной методологической характеристикой концепции В.П. Малахова является использование диалектики как логики и метода мышления, мышления преимущественно категориального, а не понятийного типа. Рискнем предположить, что эта особенность не догматического, а рефлексивного мышления о праве, является личностной характеристикой автора концепции, обусловленная мощным философским импульсом его взгляда на жизнь. Ведь нельзя забывать, что Валерий Петрович еще в советское время получил классическое философское образование и защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В отличие от советского диалектического материализма, выступавшего политизированной общеметодологической основой всякого исследования о праве, диалектика как метод мышления у В.П. Малахова постоянно предполагает отыскание в правовой реальности противоречивых сторон в феномене правового и за счет снятия этого обнаруженного противоречия влечет получение нового знания о праве. В этом смысле диалектика становится своего рода логическим способом интеллектуального отыскания парадоксов (то *παράδοξο*) — такого рода противоречий, которые имеют логически корректные выводы, однако дают возможность прийти к взаимно исключающим заключениям, в пространстве между которыми и кроется новое знание.

Не в последнюю очередь с этим связан и сам характер познавательного процесса в философии права В.П. Малахова: диалектическая связь постоянно ис-

пользуется ученым для диалога между философией и теорией права и для этого работа осуществляется преимущественно на уровне не понятийного, а категориального мышления о праве. В.П. Малахов так объясняет свою позицию: «так как связь категорий с объективным бытием вещей противоречива, значит, вне диалектики, как логики и метода, она и не может быть осмыслена. Выявление динамики этой системы связей и составляет суть и цель разворачивания содержания категориального мышления» [3, с. 51]. Далее ученый поясняет: «категориальное мышление само по себе может быть понято как методология рефлексивной мысли... вне рефлексирования категориальное мышление не существует, а вне категориального мышления невозможна сама рефлексия. Их единство и определяет качественную особенность философского подхода к действительности, в отличие, например, от юридического подхода к феномену права...» [3, с. 51].

Интересно отметить, что интеллектуальная работа с противоречием была весьма характерна для византийского богословского мышления, использовавшегося в средневековой традиции в богословских спорах. Однако антиномия использовалась византийскими богословами в основном не из-за того, что в самом противоречии заключена возможность выявления нового знания, а из-за постоянной опоры на догматы и следствия из них. Догматы — это парадоксы, стоящие выше знания, выше правил самого такого мышления, однако используемые в силлогистическом мышлении как универсальные аксиоматические принципы. Поэтому известный византийский богослов Григорий Палама, например, настаивал на использовании в богословии именно аподиктического, а не диалектического силлогизма [4, с. 229] с учетом опоры на догматы как богооткровенные истины. Однако наряду с использованием демонстративного силлогизма в Византии под влиянием трактата «Ареопагитики» сформировался и апофатический метод мышления, демонстрировавший ограничение интеллектуальных возможностей познания. В средневековой же латинской схоластике, особенно у Фомы Аквината, в основном использовался только доказательный силлогизм, причем он был распространен на все сферы познания и именно он стал основой получения богословских знаний [5, с. 53].

Как известно, схоластика оказала влияние и на формирование юридической традиции в процессе рецепции римского права на Западе и именно поэтому доказательный силлогизм и составил основной метод познания права, известный под названием формально-юридического.

На наш взгляд, дистанцирование В.П. Малахова в своей правовой концепции от традиционного догматического познания права и работа с диалектическим ме-

тодом объясняется не только различием теории и философии права, но и интуитивной близостью ученого к антиномичному способу мысли. Именно последний, а не обычный формальный юридизм дает возможность прийти до существа правовой жизни и приблизиться к сути вещей, в том числе и к сущности права, которая связывается ученым с человеком в праве. Однако диалектический метод, равно как и византийская апофатика, являются чуждыми юридико-догматической традиции и, по-сути, вступают с ней в конфликт. В концепции В.П. Малахова эта проблема решается четким разграничением теории и философии права и недопущением их взаимной понятийно-категориальной интервенции. Впрочем, как мы уже отмечали выше, в таком случае возможности воздействия на теорию права снижаются из-за специфики догмы права, которая является не нейтральным языком, а носителем философско-правовых содержаний юридического концептуализма. Поэтому, несмотря на попытку наложения любой философско-правовой концепции на догму права без деконструкции последней результат остается неопределенным, хотя в строгом смысле философия права и не должна заниматься разработкой общетеоретических правовых понятий, это не ее задача.

Помимо оригинального методологического подхода, В.П. Малахов является одним из тех правоведов, которые в постсоветской юриспруденции впервые поставили вопрос о человеке в правовой реальности вне классического юридического дискурса, или, как последний именуется сам ученый, формально-логического метода юриспруденции. В специальном исследовании [6, с. 10—84] антрополого-правовые взгляды Валерия Петровича были кратко рассмотрены нами в ряду других современных правовых концепций, актуализировавших проблему человека в праве. Остановимся на антрополого-правовых взглядах В.П. Малахова подробнее.

Анализ докторского исследования В.П. Малахова, а также других принадлежащих ему научных трудов дает основание заключить, что философско-правовая концепция ученого в определенном смысле может быть названа также и человекомерным, и даже антропологическим подходом к праву, поскольку познание природы права ученый связывает с человеком, точнее — с пониманием человека как правового существа. «В нашем представлении, — говорит Валерий Петрович, — решающий шаг — это шаг к человеку как правовому существу... <...> ...Только понимая, в чем суть правового существа и только отразив предмет, будучи при этом правовым существом, можно постичь природу права» [3, с. 186]. Поскольку в концепции ученого познание права предполагается не абстрактно, а в его конкретности, постольку традиционная юридическая

теория с ее учением о субъекте права для В.П. Малахова не является удовлетворительной. В связи с этой идеей ученый отмечает, что «логика права вообще связана с мышлением предикатов без субъекта, поэтому для любого из атрибутов «человека юридического» конкретный человек случаен и избыточен (излишен)» [7, с. 87]. В то же время в выступлениях и работах последних лет В.П. Малахов все чаще выступает против «реанимации человека в юридической теории» [7, с. 90], весьма критично ученый относится и к попытке постановки проблемы человека в отечественной юридической теории [7, с. 88]. С этой точки зрения, по мнению правоведа, «попытка ввести в юридическую теорию понятие человека приводит только к пустому морализированию... юридические рассуждения о человеке в праве могут быть оценены лишь как форма правового идеализма» [7, с. 87]. В этих посылах очевиден сугубый скепсис не только относительно учения о человеке в правовой реальности, но и относительно общеправовой теории как таковой. И это несмотря на то, что В.П. Малахов в своей философии права остается на позициях рассмотрения человека в праве как правового существа. К этим критическим высказываниям ученого мы еще вернемся, сейчас же рассмотрим вопрос о правовом существе.

Что, или, Кто есть правовое существо? Правовое существо имеет два значения: сущность и человек, причем человек не просто как индивид, а нечто большее. Правовое существо как человек «есть одновременно и что-то — специфическое единящее качество, свойство, момент, — что к человеку прибавлено и задает ему глубинную, абсолютную характеристику. Кроме того, перед нами — не правовой субъект, ибо с понятием о субъекте связана совершенно иная смысловая нагрузка... Но мы также не говорим и о правовой личности как о некоторой социальной качественности... Речь идет именно о правовом существе как о таком феномене, которому черты права присущи имманентно, для которого правовое бытие является всеобъемлющим и самодостаточным. Оно — определенная «ипостась» человека, наряду с его биосоциальностью, моральностью, боговдохновенностью, экономичностью, разумностью, историчностью и пр. Этими существами человек также никогда не перестает быть. Правовое существо — это человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и перестающий быть полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит... Право — свойство человека, а человек — субстанция права ...Правовое существо (или правовая сущность человека) должно приниматься как данность... <...> ...правовая реальность не может быть ни выявлена, ни осмыслена, ни обоснована вне правового существа» [3, с. 188, 189; 193].

Итак, В.П. Малахов полагает, что у человека есть правовая сущность, она ему имманентна, и это есть факт, который следует просто принять. Однако в традиционной полемике вокруг проблемы правопонимания одним из основных вопросов всегда является вопрос о маркере правового, т.е. о том, что (или кто) делает право правом, поведение — правовым поведением, отношение — правовым отношением, человека — правовым человеком, а в нашем случае — правовым существом. Ведь иначе мы сталкиваемся с проблемой недифференциации правового и внеправового содержания — нравственного, экономического, эстетического, религиозного и т.д.? Отчасти на этот вопрос мы находим ответ у В.П. Малахова в его обращении к внутреннему миру человека. «Мы, — говорит Валерий Петрович, — должны обратиться к внутреннему миру человека, ибо только он — действительный источник права... <...> ...Главное, однако, то во внутреннем мире человека, что составляет его духовность. Духовность тем отлична от субъективно-побудительного (мотивационного) слоя внутреннего мира, что она самодостаточна, не функциональна, не вторична и не телеологична. Духовность есть собственно человеческое состояние, человеческое усилие в некотором возвышенно бескорыстном смысле, т.е. то, что в русской философской мысли часто отождествляется с религиозностью» [3, с. 185].

На наш взгляд, этот момент с вменением человеку правовой сущности как специфически правового срабатывает на уровне философии права, но не в части общеправовой теории. Не случайно здесь мы не видим понятия нормативности права, которое всегда рассматривается правоведами при решении подобных вопросов, в том числе оно было подробно исследовано и переосмыслено у Л.И. Петражицкого, к взглядам которого не раз обращается В.П. Малахов в своей диссертации.

Еще одной особенностью концепции правового существа является утверждение об утрате полноценности человека в случае «выхода за пределы сетки координат правовой реальности». Если право, как утверждает В.П. Малахов, — это свойство человека, то в случае осуществления человеком в практике своей жизни неправа, нарушения права — он утрачивает свою человеческую полноценность. Думается, что антропологический тезис о полноценности человека как правового существа требует очень осторожного отношения. По крайней мере, хотя он и соответствует в целом общей установке русской дореволюционной философии права (в частности, ее религиозной линии — П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и др.), тем не менее, входит в конфликт с восточно-христианским учением о личности и человеке. Тот же И.А. Ильин в свое вре-

мя не избежал соблазна подчинить религиозное бытие правовому: «право есть необходимая форма духовного бытия человека, а религиозное бытие есть бытие духовное; поэтому вне права не может быть и религии (!)» [курсив мой — В.П.] [8, с. 479]. Однако, очевидно, что вне права религия возможна, в истории данный факт находил неоднократное подтверждение. Равно и полноценность человека при ее определенном понимании вряд ли утрачивается за рамками права.

Характеризуя правовое существо, В.П. Малахов наделяет его среди прочих следующими свойствами: негативная определенность («человек есть проекция человека», «человеческое бытие есть «стремление без обретения»» [3, с. 192]), устремленность, рефлексивность, подлинность («подлинность связывается правовым существом с цельностью своего проявления в жизни, с полнотой выступления в жизни, перед духовным взором других людей. Подлинность — личность, достоинство и право человека» [3, с. 196]), послушание («оно лежит в основе самоограничения, которое западные мыслители полагали основным моментом, способствующим пониманию природы права» [3, с. 202]), совесть.

Все эти прекрасные характеристики человека как правового существа, которые В.П. Малахов сформулировал в своей докторской диссертации, содержат в себе глубокий философско-правовой смысл и потенциал для развития права. Однако, на наш взгляд, они должны каким-то образом быть соотнесены с «человеком юридическим» уже не в философии, а в теории права. Понятно, что для этого теория не располагает даже соответствующими понятийно-категориальными средствами, для общеправовой теории человека нет, а есть лишь субъект права и его предикаты. Тем не менее, для того, чтобы цельная концепция правового существа не осталась только формой правового идеализма и необходимо продумывание способа соотнесения концепции с моделью человека в общей теории права. А это не может быть сделано иначе, как только, с одной стороны, посредством ревизии языка догмы права, с другой — посредством преобразования философской концепции о правовом существе в концепцию теоретико-, а, точнее, антрополого-правовую. Такой путь как раз не только предлагается, но уже и реализуется в рамках современных антрополого-правовых исследований [9]. Утверждение В.П. Малахова о том, что «право — свойство человека, а человек — субстанция права» представляется гораздо более возвышенным, нежели тот скепсис и разочарование, которые обнаруживаются в фразах ученого относительно развития общеправовой теории, а еще больше, как нам кажется, современной правовой действительности.

Подводя итог рассмотрению методологии и ан-

тропологии права профессора В.П. Малахова, следует отметить, что философско-правовая концепция московского ученого является значительным явлением в современной юриспруденции. Нам представляется, что огромным потенциалом именно для развития общеправовой теории (возможно, вопреки мнению самого Валерия Петровича) обладает учение о правовом существе, которое хотя и изложено в форме философско-правовой концепции, тем не менее, содержит в себе и общетеоретический потенциал. Нередко в истории правовой мысли случалось так, что под влиянием философско-правовых концепций формировались теоретико-правовые доктрины, которые выступали методологическим основанием для правотворческой и правоприменительной деятельности. Мы убеждены, что ученики и последователи Валерия Петровича Малахова могут также рассчитывать на это посредством продолжения дела своего учителя.

Литература

1. Павлов В.И. Генеалогия нормативности права: к проблематизации становления континентальной юридической догматики // Правоведение. Изв. вузов. 2013. №1.
2. Малахов В.П. Концепция философии права: Науч. издание. М., 2007.
3. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001.
4. Красиков С.В. Спор между Варлаамом Калабрийским и Григорием Паламой о соотношении веры и науки // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32.
5. Тоноян Л.Г. Византийское восприятие трактата Боэция «О гипотетических силлогизмах» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Том 2. №4.
6. Павлов В.И. История антропологии права // Социокультурная антропология права. Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.
7. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: Монография. М., 2013.
8. Ильин И.А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
9. Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: Сб. науч. тр. Мн., 2015.

Reference

1. Pavlov V.I. Genealogiya normativnosti prava: k problematizatsii stanovleniya kontinental'noy yuridicheskoy dogmatiki // Pravovedenie. Izv. vuzov. 2013. №1.
2. Malakhov V.P. Kontseptsiya filosofii prava: nauch. Izdanie. M., 2007.
3. Malakhov V.P. Priroda, sodержanie i logika pravosoznaniya: Diss. dokt. yurid. nauk. M., 2001.
4. Krasikov S.V. Spor mezhdru Varlaamom Kalabriyskim i Grigoriem Palamoy o sootnoshenii very i nauki // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2001. Vyp. 32.
5. Tonoyan L.G. Vizantiyskoe vospriyatие traktata Boetsiya «O gipoteticheskikh sillogizмах» // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. Tom 2. №4.
6. Pavlov V.I. Istoriya antropologii prava // Sotsiokul'turnaya antropologiya prava. Kollektivnaya monografiya / Pod red. N.A. Isaeva, I.L. Chestnova. SPb., 2015.
7. Malakhov V.P. Mify sovremennoy obshchepравovoy teorii: monografiya. M., 2013.
8. Il'in, I.A. O sushchnosti pravosoznaniya / I.A. Il'in // Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. M., 2006.
9. Eticheskie i antropologicheskie kharakteristiki sovremennogo prava v situatsii metodologicheskogo plyuralizma: sb. nauch. tr. Mн., 2015.

УДК 342
ББК 67.400

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРАВКИН,

доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук.

E-mail: pravkin013@rambler.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

E-mail: pravkin013@rambler.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются структурно-содержательные особенности правоохранительной системы. Выбирая системную методологию в качестве базовой, возможным оказывается установить, что по своим структурным характеристикам правоохранительная система является механической системой. При этом, выступая составляющей государственно-правовой системы, она оказывается частью органической системы, что в свою очередь предопределяет противоречивый характер, объективно затрудняющий ее реформирование.

Ключевые слова: системная методология, правоохранительная система, механическая система, органическая система, структурно-содержательные особенности.

Annotation. The article analyzes the structural features of law enforcement system. Choosing system methodology as a base, is possible to establish that according to its structural characteristics of the law enforcement system is a mechanical system. When this speaking component of the state-legal system, it is part of an organic system, which in turn determines the contradictory character, objectively impeding its reform.

Keywords: system methodology, the law enforcement system, mechanical system, organic system, structural and content features.

Рассматривая особенности становления и функционирования правоохранительной системы, закономерно возникает вопрос о выборе познавательного пути, способствующего пониманию исследуемой проблемы. Именно понимание внутренней структуры правоохранительной системы позволит нам рассмотреть правоохранительную систему с точки зрения тех изменений, которые претерпевают ее структурно-содержательные свойства и функциональные характеристики в условиях реформирования, а также с точки зрения тех закономерностей и особенностей, которые характеризуют ее развитие в соответствующих условиях.

Несмотря на то, что правоохранительная система довольно часто становится предметом теоретико-правовых исследований, тем не менее, обнаружить в них единую дефиницию данной системы довольно слож-

но. Однако понимание правоохранительной системы не сконцентрировано в конкретной дефиниции, равно как и невозможно, опираясь на дефиницию объяснить, почему в условиях реформирования поведение правоохранительной системы оказывается сложным, трудно предсказуемым и порой противоречивым, почему не всегда формирование и реализация правовых стратегий реформирования правоохранительной системы являются возможными и целесообразными [1, с. 48], почему не все мероприятия, направленные на модернизацию правоохранительной системы оказываются эффективными.

Очевидно, что познание структурно-содержательных особенностей правоохранительной системы может быть успешным только при условии правильно избранной базовой методологии исследования. В ус-

ловиях методологического плюрализма оказывается возможным по-другому взглянуть на мировоззренческие основы определенных правовых процессов и явлений, поэтому выбор базовой методологии зависит исключительно от конкретных целей, которые ставит перед собой исследователь.

С учетом описанных выше проблем, обусловленных, в том числе, и структурно-содержательными особенностями правоохранительной системы, наиболее адекватную картину изучаемого феномена можно сконструировать, применяя в качестве базовой системную методологию.

К особенностям системной методологии можно отнести следующее:

- в ее основе лежит рассмотрение объектов в качестве определенных систем;
- ее применение ориентирует исследователя на выявление многообразных связей объекта и сведение их в единое целое;
- с ее помощью возможным оказывается исследование сложных, неоднородных объектов;
- в ее рамках предполагается описание каждого элемента системы (подсистемы) только в связи с целым;
- она связана с установлением процессов организации или самоорганизации систем;
- с ее помощью структурно-содержательные особенности объекта и его внутренние и внешние связи предстают в упорядоченном виде и др.

Следует отметить, что назначение системной методологии состоит в том, чтобы устанавливать системообразующие свойства различного типа как характеристики целого; создавать познавательные модели, связанные с определенным объемом задач; определять элементный состав как основу дифференциации и предмета исследования, и самих систем; вырабатывать средства управления системами [2, 38]. В связи с чем, в рамках системной методологии появляется возможность, во-первых, рассмотреть правоохранительную систему с точки зрения тех изменений, которые претерпевают ее структурно-содержательные свойства и функциональные характеристики в условиях реформирования, а также с точки зрения тех закономерностей и особенностей, которые характеризуют ее развитие в соответствующих условиях, во-вторых, признать, что правоохранительная система предстает сложным в структурном плане объектом, в-третьих, рассмотреть правоохранительную систему в качестве самостоятельной подсистемы, входящую в государственно-правовую систему, как образование более общего порядка, в-четвертых, рассмотрение правоохранительной системы с точки зрения специфики ее

системных свойств позволит прогнозировать последствия реформирования и обнаруживать новые возможности повышения эффективности функционирования государства.

В философской литературе отмечается два подхода к системным исследованиям: онтологический, когда система рассматривается как реально существующий объект (например, физическая целостность), и гносеологический, когда система рассматривается как модель отношений мыслимых явлений, выделяемых самим исследователем [3, с.7].

Целостность правоохранительной системы не проявляется в пространственно-временной плоскости. Мы не можем вычлени ее из объективной реальности как нечто материальное, физически определенное. Она лежит в сфере идеального, поэтому исследование и доказывание этой целостности требует определенного абстрагирования. В этой связи необходимо подчеркнуть, что системное исследование правоохранительной системы осуществляется не в онтологическом, а в гносеологическом аспекте, в силу чего она лишь представляется, мыслится в виде системы.

Комплексное изучение правоохранительной системы как сверхсложной системы стало предметом исследования теоретиков права сравнительно недавно. Вопросы, касающиеся правоохраны и функционирования таких органов, как суд, прокуратура, органы юстиции и органы внутренних дел, решались изолированно, без учета существующих взаимосвязей. При этом постепенно накапливалось множество проблем в организации правоохранительной системы и ее отдельных структурных звеньев. Нерешенность общих теоретических вопросов, а отчасти и ориентированность юридической науки на сиюминутную практику приводили к тому, что попытки проведения улучшений в организации правоохраны не всегда обеспечивали достижение желаемого эффекта.

При рассмотрении правоохранительных органов и их деятельности одним из первых системный подход применил А.Г. Братко, обосновавший необходимость комплексного изучения рассматриваемой нами сферы [4, с. 40-96; с. 206-207].

В научных исследованиях система традиционно понимается как совокупность взаимосвязанных элементов, образующая определенную целостность, которая обладает собственными свойствами, несводимыми к сумме свойств ее элементов [5, с. 19-22; 6, с. 43-48; 7, с. 118-134].

В научной литературе выделяется ряд черт, позволяющих рассматривать объект изучения как систему. К ним в самом общем виде относятся: 1) наличие множества элементов, составляющих данное явление; 2) взаимная связь этих элементов; 3) ограниченность

взаимосвязанных элементов от окружающей среды; 4) взаимодействие этих элементов при всей их специфике и противоречивости.

Первоначальный признак любой системы — наличие множества элементов. Несмотря на то что их количество в структуре того образования, которое принято обозначать термином «правоохранительная система», точно не определено, на данном этапе исследования нам важно отметить сам факт существования таких элементов как подтверждение существования правоохранительной системы как таковой.

Элемент системы — это ее составная часть, которая, вступив во взаимодействие с другими ее частями, обеспечивает появление нового качества, не присущего каждому из элементов, определяющего саму эту систему как целое. В пределах одного системного уровня, т.е. одноуровневой системы, элемент рассматривается как неделимая частица, так как его внутренние связи, строение для данной структуры безразличны. Но правоохранительная система, несомненно, относится к многоуровневым общественным системам, поэтому она практически не ограничена в возможности дифференциации, разветвления, многообразия, расширения функциональных возможностей [8, с. 23].

В сложных структурах, охватывающих несколько уровней (правоохранительная система, институциональный элемент, правоохранительные органы), отдельные виды, типы и уровни связей могут рассматриваться как элементы более общей структуры, т.е. при переходе с одного уровня на более общий сами структуры выступают как элементы.

Итак, правоохранительную систему образует определенное множество элементов. Их совокупность образует особую целостность, которая не является простой «суммой». Охватывая все элементы, объединяя их в целое, правоохранительная система приобретает свойства интегративного характера, которых не имеют отдельные элементы.

Интеграция элементов правоохранительной системы проявляется, в частности, при определении их целей. Каждый элемент, как известно, имеет свою, строго определенную цель или множество этих целей. Но цели отдельного элемента не совпадают с целями правоохранительной системы и, более того, могут не составлять даже части этих целей. Однако общие цели правоохранительной системы не могут быть реализованы без достижения целей каждым, отдельно взятым элементом. Именно целенаправленность и целеустремленность позволяют объединить все элементы не просто в механическое множество, а определенным образом связать их в единое целое — правоохранительную систему.

Внешние цели правоохранительной системы опре-

деляются ее необходимостью, что указывает на субординацию этих целей, их иерархию от наиболее общих, где правоохранительной системе может быть отведена роль только одного из факторов, способствующих достижению этой цели, к конкретным и непосредственным, которые могут быть разрешены и достигнуты только данной системой. Внешние цели системы обуславливают необходимость возникновения, существования и функционирования системы с точки зрения потребностей среды. Наряду с внешними, параметры системы предопределяются и ее внутренними целями.

Внешние и внутренние цели корреспондируют друг другу, но определяющими являются внешние. Поэтому с изменением среды соответственным образом должны изменяться и внешние цели системы, что, в свою очередь, не может не отражаться на характере и содержании внутренних целей. Вместе с тем целеполагание системы — процесс объективный. Субъективно цели могут определяться только для искусственно создаваемых систем. При системном изучении объективно существующих явлений задача исследователя не формулировать самому, а выявлять цели системы, заданные ей объективными условиями ее существования. Это имеет сегодня актуальное значение при реформировании правоохранительной системы в условиях формирования правового государства в России.

Правоохранительная система должна быть выделена из окружающей ее социальной среды и представлена как нечто целое: с одной стороны, отграниченное от среды своей внутренней структурой и организацией, целеполаганием и функционированием, а с другой стороны, состоящее в определенных связях и взаимоотношениях со средой. Эти отношения имеют различное содержание (временные, пространственные, причинно-следственные и т.п.). Но среди них следует выделить и, прежде всего, те, которые являются системообразующими.

Системообразующие связи и отношения играют двоякую роль. Они связывают элементы системы в целое, определенным образом организуют их и целеустремляют их функционирование. Одновременно эти связи и отношения отграничивают систему от среды и определяют место, назначение, значимость системы в среде. Представляется, что для правоохранительной системы таким системообразующим моментом является предполагаемый результат, направленный на вполне определенный объект, позволяющий судить о характере системы, ее элементном составе и устойчивых формах взаимосвязи между элементами, а также об эффективности функционирования системы.

Целостность системы обусловлена и проявляется не только в наличии определенных связей и взаимоотношений между элементами, но и, кроме того, в ее от-

граниченности и автономности по отношению к среде. У правоохранительной системы есть внешняя граница (отделяющая ее от среды), которая обусловлена функциональной выделенностью системы из среды. Такой внешней границей опять же выступает основное функциональное назначение этой системы — охрана, обеспечение правопорядка.

На наш взгляд, принципиально важно уточнить, что по своим структурным особенностям правоохранительная система является механической, а не органической. Она представляет собой комплекс относительно самостоятельно сосуществующих элементов, характер связи между которыми специфичен тем, что их взаимодействие не вызывает изменения внутреннего строения, взаимного преобразования самих элементов. Изменения одних элементов не влекут за собой с необходимостью трансформацию других, но при этом дисфункции единичных составляющих негативно влияют на функционирование системы в целом. Как и любая другая механическая система, правоохранительная система воспроизводится и действует не за счет внутренней самоорганизации, а за счет внешней организации, внешнего импульса.

В контексте исследования содержательно-структурных особенностей правоохранительной системы принципиально важным является то, что она может и должна рассматриваться как часть системы более общего характера — государственно-правовой системы. По отношению к правоохранительной системе последняя выступает непосредственной средой ее функционирования. При этом контакты системы со средой (государственно-правовой системой) осуществляются только в рамках ее функционального назначения, что позволяет не смешиваться, и не отождествляться с ней, и сохранять качественную обособленность.

Правоохранительная система выполняет специфическое функциональное предназначение, реализация которого является условием эффективного функционирования государственно-правовой системы как образования более общего порядка. Однако, поскольку правоохранительная система в рамках государственно-правовой системы выступает лишь одной из подсистем, в целом эффективное функционирование системы государства не в меньшей степени зависит от того, насколько эффективно функционируют другие входящие в ее структуру элементы. В этой связи важно понимать, что связь между эффективностью функционирования правоохранительной системы и системы государства не носит характера детерминизма.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от правоохранительной системы, государственно-правовая система представляет собой органическую систему. Для нее характерны самоорганизация и саморазвитие, подчи-

нение частей целому, в том числе возникновение новых компонентов вследствие того, что этого требуют функции и структура целого. Компоненты, входящие в рассматриваемую систему, не способны к самостоятельному существованию вне системы, и изменения одних ее составляющих с необходимостью влияют на другие, но при этом сами изменения носят скорее вероятностный, нежели прогнозируемый характер.

Органический характер государственно-правовой системы предопределяют два момента важных для понимания закономерностей развития и функционирования правоохранительной системы в условиях реформирования государства.

Во-первых, связь между эффективностью функционирования правоохранительной системы и эффективностью функционирования государственно-правовой системы носит несколько иной характер, нежели связь между эффективностью функционирования отдельных элементов правоохранительной системы и названной системы в целом. Изменения отдельных компонентов правоохранительной системы не вызывают коренных качественных преобразований других ее компонентов и при этом влияют на функционирование данной системы только за счет увеличения или снижения их собственной эффективности. Изменения, происходящие в правоохранительной системе, способны влиять как на другие элементы государственно-правовой системы, так и на функционирование всей системы в целом. При этом, однако, характер причинно-следственных связей в данном случае носит более сложный, вероятностный характер.

Во-вторых, будучи по своим внутренним структурно-организационным особенностям механической, но при этом входя в качестве подсистемы в органическую систему, правоохранительная система, с точки зрения источников и механизмов своего развития, оказывается крайне противоречивой.

Итак, в структуре правоохранительной системы можно обнаружить множество элементов, взаимосвязанных между собой, объединенных в единое целое, которое имеет границу, отделяющую его от внешней среды. Но наличие таковой не означает полное обособление системы от окружающих ее факторов. В силу этого правоохранительная система может и должна рассматриваться в качестве части сложного целостного образования более общего порядка — государственно-правовой системы.

Указанный момент, характеризующий правоохранительную систему, очень важен для правильного понимания закономерностей и особенностей воспроизводства и функционирования правоохранительной системы в условиях реформ. С одной стороны, всякие изменения правоохранительной системы неизменно

вливают на государственно-правовую систему. С другой стороны, тот факт, что государственно-правовая система является органической системой, предопределяет то, что изменения других элементов, входящих в ее структуру, также воздействует на правоохранительную систему.

Вместе с тем само существование взаимосвязи между функционированием правоохранительной системы и государственно-правовой системы, частью которой она является, не означает, что реформирование правоохранительной системы в любом случае оказывает существенный устойчивый позитивный эффект на функционирование государственно-правовой системы. Такой эффект в первую очередь имеет место при условии, что реформирование обеспечивает решение проблем, связанных с неэффективным функционированием самой правоохранительной системы, т.е. с недостаточной эффективностью, обеспечиваемой ею правоохраны. Помимо того, положительный эффект может иметь место в ситуациях, когда изменения в структуре и функционировании правоохранительной системы оказывают позитивный эффект на состояние других связанных с ней компонентов государственно-правовой системы.

Таким образом, несмотря на то, что реформирование правоохранительной системы способно влиять на устранение препятствий к эффективному функционированию государственно-правовой системы, круг тех проблем общественной жизни, которые можно решить посредством реформирования правоохранительной системы, объективно является ограниченным.

На основании изложенного можно сделать ряд теоретических выводов.

Правоохранительная система представляет самостоятельный объект исследования, обладающий всеми признаками системы. Однако о правоохранительной как определенной системе можно говорить только в гносеологическом аспекте, когда характеристика внутренних и внешних связей и взаимоотношений в процессе обеспечения правоохраны позволяют увидеть или помыслить в этом явлении социальной жизни целостность со всеми чертами, присущими системе.

По своим структурным характеристикам рассматриваемая система является механической. При этом, выступая составляющей государственно-правовой системы, она оказывается частью органической системы. Указанная особенность предопределяет то,

что развитие правоохранительной системы приобретает противоречивый характер. Это, в свою очередь, оказывается фактором, объективно затрудняющим ее реформирование.

Объектом, на который направлено функционирование правоохранительной системы, выступает правовой порядок. Целевым назначением данной системы является охрана (обеспечение) правопорядка.

Существует зависимость между результативностью функционирования правоохранительной системы и эффективностью государственно-правовой системы. Однако такая зависимость не носит характера детерминизма.

Органический характер государственно-правовой системы предопределяет то, что изменения в структуре и функционировании правоохранительной системы объективно влияют на состояние не только самой государственно-правовой системы, но и ее компонентов.

Литература

1. Правкин И.В., Правкина И.Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // Современное право. 2015. № 7.
2. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
3. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. — Л.: Наука, 1972.
4. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). — М.: Юридическая литература, 1991.
5. Мамонтов А.Г. Возможности системной методологии исследования судебно-правовой сферы // История государства и права. — 2010. — №4.
6. Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология // История государства и права. — 2009. — №19.
7. Гарашко А.Ю. Применение системной методологии в исследовании источников права / В сборнике: Право и государство: XXI век — век перемен сборник научных статей. — М., 2012.
8. Артемьев А.М. Системные свойства, функции и правовое обеспечение государственной правоохранительной службы: Монография. — М.: Московский университет МВД России, 2008.

УДК 342
ББК 67.400

ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ В ОСНОВНЫХ ФОРМАХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ПРАВКИНА,

преподаватель кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: irysik_san@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выявляются особенности конструирования правовых стратегий в современном праве, функционирующем на различных уровнях организации правовой жизни. Избранная методология позволила установить многозначность понятия «правовая стратегия», что обусловлено с одной стороны, многозначностью понятия «стратегия» и шириной сферы его использования, с другой стороны, тем, что стратегичность права как объективно присущее ему свойство по-разному проявляется в праве различных форм и видов.

Ключевые слова: правовая стратегия, современное право, методологический плюрализм, правовая жизнь, государственное право, международное право, групповое право, индивидуальное право.

Annotation. The article is devoted to design legal strategies in modern law, operating on different levels of organization of legal life. Chosen methodology allowed establishing the ambiguity of the notion «legal strategy» that is due on the one hand, the ambiguity of the concept of «strategy» and the breadth of the scope of its use, on the other hand, the fact that the strategic law as objectively inherent property is manifested differently in the law different forms and types.

Keywords: legal strategy, the modern law methodological pluralism, rule of life, national law, international law, group law, individual right.

Процесс преобразования правовой системы российского общества, оптимизации действующего права и гармонизации правореализационной практики в условиях постоянных экономических, политических и социальных изменений может быть успешным только при условии осуществления государством последовательной, научно обоснованной и внутренне непротиворечивой правовой политики, ориентированной на достижение правовых целей, значимых для человека, общества и государства [1, с. 45-48; 2, с. 107-116; 3, с. 49-52].

Целесообразная, внутренне согласованная и последовательная правовая политика, способная обеспечить совершенствование действующего права, может осуществляться государством только на основе стратегического подхода. В силу этого правовые стратегии неизменно становятся основой государственно-правового регулирования общественных отношений и, как следствие, оказываются значимым источником развития права.

Очевидно, что исследование любой теоретико-правовой проблемы необходимо начинать с выбора методологии, позволяющей достигнуть поставленных целей [4, с. 9; 5, с. 7; 6, с. 200-209]. Разрешая вопрос о применении той или иной методологии в исследовании правовых стратегий, необходимо обратить внимание на то, что в условиях методологического плюрализма

появляется возможность построения наиболее полной и адекватной картины изучаемого явления или процесса. Следовательно, применение сложносоставной методологии, сочетающей в себе элементы различных подходов, повышает вероятность ясного истолкования правовых стратегий и их роли в развитии современного права. Поэтому, для того, чтобы исключить сведение проблемы правовых стратегий к вопросу о стратегиях, которые создаются и реализуются в правовой сфере исключительно государством, наиболее полное и всестороннее представление о правовых стратегиях позволяет составить их изучение на основе социологической методологии, при условии, что ее компоненты будут дополнены элементами формально-юридического и управленческого подходов, традиционно применяемых в исследовании отдельных правовых стратегий.

Очевидно, что в рамках исследования правовых стратегий в различных формах современного права необходимо уточнить, что же все-таки подразумевается под современным правом и в каких формах оно существует.

Современная юридическая теория не дает однозначного ответа на вопрос о том, что собой представляет современное право, в силу того, что специфика этого права не может получить концентрированное выражение в конкретной дефиниции. По нашему мнению, современное право — это право «настоящее»,

принадлежащее существующему периоду исторического развития и отвечающее требованиям заданной эпохи и текущему этапу общественного развития. Это право модернистское, прогрессивное.

На сегодняшний день наиболее актуальным и типичным признается право «западного образца», и о нем, как правило, ведут речь как о современном. Важно подчеркнуть, что в рассматриваемой ситуации в качестве «западного» идентифицируется отнюдь не только то право, которое выступает таковым по своей цивилизационной принадлежности. «Западным», а, следовательно, современным в данном случае признается, в том числе и право, сформировавшееся на основе рецепции последнего [7, с. 72].

Отдельно следует остановиться на проблеме форм современного права.

Понимаемые, как специфические способы организации правовой жизни общества, формы права различаются по уровню, по типам общностей и субъектам права, по характеристике их взаимодействия друг с другом, по степени самоорганизации, по характеру направленности, по характеру целевой установки, по степени персонифицированности, по своим основаниям, по властно-принудительному компоненту, по степени обособленности, по специфике и характеристике норм, функционирующих в конкретных формах права и т.д. В рамках характеристики обменных процессов формы права различаются с точки зрения целей взаимодействия субъектов права, механизмов его осуществления, способов оформления и т.д. [8, с. 51-57].

Наиболее важным моментом для понимания специфики современного права является различие его форм по типам общностей и субъектам права. Такое различие позволяет учесть специфику организации правовой жизни на разных ее уровнях — общественном (общем), международном, групповом и индивидуальном. Кроме того, значимым представляется различие форм права по характеру их связи с государством: очевидно, что право, порожаемое государством, составляет ядро современного права и существенным образом отличается от иных форм права. Характеризуя общественный уровень правовой жизни, можно говорить о двух формах современного права — государственном праве и праве гражданского общества. В применении к международному уровню правовой жизни также можно говорить о двух формах современного права — межгосударственном и собственно международном. Для группового уровня правовой жизни характерно групповое право, которое является локализованной формой права, имеющей схожие с государственным правом элементы, хотя и различные в своей сути. Для современного группового права характерно существование таких видов как обычное, корпоративное, каноническое (церковное) и теневое право. В применении к индивидуальному уровню правовой жизни можно вести речь о такой форме как индивидуальное право.

Избранная методология познания правовых стратегий позволяет выявить правовые стратегии, формируемые и реализуемые на различных уровнях правовой жизни, как государством, так и без его непосредствен-

ного участия.

Следует обозначить, что понятие «правовая стратегия» является многозначным, что обусловлено с одной стороны, многозначностью понятия «стратегия» и широтой сферы его использования, с другой стороны, тем, что стратегичность права как объективно присутствующее ему свойство по-разному проявляется в праве различных форм и видов.

В основном своем значении правовая стратегия предстает как недетализированный план деятельности (воздействия), осуществляемой с целью изменения существующего права и происходящих в правовой жизни процессов в соответствии с заранее сконструированной идеальной моделью, отражающей определенное состояние действующего права и правовой практики. При этом подразумевается, что изменение, выступающее целью правовой стратегии, является необратимым, направленным и закономерным качественным изменением действующего права и других компонентов правовой системы общества, т.е. их развитием.

Кроме того, понятие «правовая стратегия» может использоваться в одном из двух дополнительных значений — для обозначения либо долгосрочного качественно определенного направления развития права (в применении к международному праву, праву гражданского общества, обычному праву), либо линии поведения, которую избирает и которой придерживается человек как субъект права в соответствии с собственными представлениями о правовом (в применении к индивидуальному праву).

Выявляя особенности правовых стратегий в государственном праве необходимо обозначить, что государственное право является юридическим (официальным, позитивным) правом. Будучи связанным, непосредственно с возникновением и функционированием самого государства, оно исходит от государства и приводится в действие в его интересах. Государственное право является организуемым и формализованным, и в нем властно-волевое установление нормы предшествует правоотношению. Инструментальный характер права предопределяет и то, что собственно правовые стратегии конструируются государством редко, чаще они выступают компонентом комплексных стратегий. При этом, как правило, речь идет о таких комплексных стратегиях, которые по существу являются политическими. Например, такая правовая стратегия как обеспечение равноправия граждан независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств является компонентом комплексной стратегии развития потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) [9]. В данном случае цель реализации названной правовой стратегии в контексте осуществляемой государством политики носит промежуточный характер, конечные же цели — сохранение единства и целостности России, укрепление российской государственности — являются политическими.

Межгосударственное право предстает результатом политико-правового взаимодействия формально — государств, фактически — представляющих их власт-

ных субъектов и выступает как воспроизводимая юридическим порядком, не самоорганизующаяся система [10, с. 101]. Таким образом, по характеру связи с государством это право является государственным.

Международное право — это негосударственное, неюридическое право. Оно есть органичная система, самоорганизующееся культурное образование. Международное право имеет неуставленный характер и поэтому функционирует на основе признания его субъектами общих норм и ценностей. Это мировая культура в действии (действительности) [11, с. 406].

В отношении собственно международного права о существовании в нем правовых стратегий можно говорить, лишь рассматривая стратегии как качественно определенные направления его долгосрочного развития. Для межгосударственного права правовые стратегии характерны именно как задаваемые извне векторы его изменения, в том числе — развития.

Стратегии в межгосударственном праве по своему характеру схожи со стратегиями в государственном праве. Они выступают стратегиями оптимизации правового инструментария, предназначенного для решения государствами, их конструирующими, актуальных для них задач. Как правило, они конструируются в качестве компонентов комплексных стратегий, нацеленных на решение политических задач, актуальных для взаимодействующих государств, и в этом смысле о них можно говорить как о политико-правовых стратегиях. Реализация таких стратегий, как правило, требует использования инструментария не только самого межгосударственного права, но и права государств. Иными словами, организация их осуществления предполагается не только на межгосударственном (наднациональном), но и на внутригосударственном (национальном) уровне, и только при таком «двухуровневом» осуществлении реализация стратегии может быть эффективной.

Для того чтобы проиллюстрировать сказанное о правовых стратегиях в межгосударственном праве, рассмотрим следующий пример. Стратегия «внедрения» моделей правового регулирования, предусмотренных правом Евросоюза, в законодательство соседних с ним государств (так называемых стран «поояса добрососедства») [12, с. 118].

Названная правовая стратегия, которая нашла свое отражение в Программе «Большая Европа — соседство: новые рамки для отношений с нашими восточными и южными соседями» и в Стратегии «Европейская политика соседства», в сущности, является компонентом политической стратегии «встраивания» слабо «освоенного» пространства в «более широкий спектр интересов и целей ЕС в области политики, экономики и безопасности» [13, с. 117]. Она дополняет собой базовые для Стратегии «Европейской политики соседства» экономические и политические составляющие и нацелена в конечном итоге на создание благоприятных правовых условий для реализации политических и экономических интересов ЕС. Повышение эффективности законодательства тех стран, о которых идет речь, гармонизация существующих в них правовых систем, не являются конечными целями реализации данной стратегии. Более того, «если говорить

о заимствовании законодательства стран-адресатов в сфере бизнеса или в целом об открытии рынков, то это неблагоприятно скажется на большинстве соседних с Евросоюзом государствах, поскольку они не готовы в полной мере к конкуренции» [14, с. 22].

Для собственно международного права, в развитии которого момент самоорганизации является определяющим, стратегии не характерны в том смысле, в каком мы говорили о них в применении к государственному и межгосударственному праву. В отношении международного права можно говорить о стратегии лишь как о долгосрочном качественно определенном направлении его развития, следование которому способствует эффективной реализации международным правом его функций, т.е. используя понятие правовой стратегии в переносном значении.

Если вести речь о правовых стратегиях в международном праве в обозначенном смысле, то можно выделить такие наиболее значимые для него стратегии как формирование единого мирового правового пространства; стимулирование центробежности и сдерживание центростремительности в межнациональных отношениях; гуманизация правовой жизни; материализация идей правового государства, гражданского общества, демократии, приоритетности и неприкосновенности естественных прав человека, правовой защиты частной собственности.

Групповое право, будучи самостоятельной формой права, имеет различные модификации. В отличие от обычного права, корпоративное, каноническое и теневое право характеризуются сочетанием в них моментов самоорганизации и организации. Как следствие, характерным для них оказывается и стратегическое планирование, причем, чем более значимы в них моменты организации в сравнении с моментами самоорганизации, тем большую роль в их развитии играют правовые стратегии как недетализированные планы воздействия на право и правовую жизнь.

Среди перечисленных видов группового права именно корпоративное право является таким, для которого моменты организации значимы в гораздо большей степени, чем моменты самоорганизации.

Возникновение корпоративного права обусловливается необходимостью в урегулировании, упорядочении и стабилизации внутрикорпоративных отношений. Сбалансированность и упорядоченность внутриорганизационных связей между участниками (членами) достигается с помощью корпоративного регулирования, которое характеризуется как нормативным (нормативные акты, устанавливающие полномочия общего собрания участников), так и индивидуально-правовым регулированием (решение общего собрания о назначении генерального директора).

Очевидно, что базовой формой права в правовой системе любого современного общества является государственное право. Поэтому, рассуждая о правовых стратегиях в корпоративном праве, следует указать на то, что в зависимости от способа, которым предполагается обеспечить сохранение и эффективное функционирование корпоративного права в условиях доминирования государственного права, эти стратегии могут быть

разделены на два типа — стратегии интегрирующего типа и стратегии защитного типа. Стратегии интегрирующего типа предполагают «встраивание» корпоративного права в чужеродную для него среду государственного права, «приспособление» его к этой среде. Примером стратегии интегрирующего типа выступает стратегия приведения корпоративного права и корпоративной правовой практики в соответствие с установленными государством и закрепленными действующим законодательством стандартами и требованиями антикоррупционной политики. Стратегии защитного типа нацелены на то, чтобы оградить внутреннее правовое пространство корпорации (действующую в ней систему норм, складывающиеся на основе корпоративного права отношения, корпоративный правовой порядок и т.д.) от разрушительного для него влияния государственного права. Рассмотрим пример правовой стратегии защитного типа в корпоративном праве. Если у корпорации нет возможности быть прибыльной в условиях неоправданно высоких налогов, то она будет искать пути снижения налогового бремени, и корпоративное право будет формироваться с учетом актуальности этой цели. Если не удастся найти легальные пути достижения поставленной цели, то корпорация все равно будет стремиться к ее реализации, только незаконными средствами. В существующих условиях, характеризующихся доминированием государственного права, постоянным расширением сферы юридического регулирования, наиболее эффективными, как показывает практика, являются стратегии интегрирующего типа.

Ведя речь об индивидуальном праве, следует обозначить, что это право исходит от человека, им поддерживается и отстаивается, в нем находят свое выражение его личные интересы и притязания, т.е. значимое для него самого, а не для общества. Индивидуальное право — это право неюридическое и неформализованное. Оно «в каком бы смысле его ни рассматривать, чаще всего выступает формой привилегии, признанного и поддержанного неравенства, заслуги, выделенности, обособленности и т.п.» [15, с. 131]. важно отдавать себе отчет в том, что индивидуальное право, будучи результатом индивидуальной правовой жизни, всегда уникально, как и сам индивид, поэтому и стратегии в нем чаще всего являются уникальными по своему содержанию и механизму реализации.

В современных условиях наиболее типичными стратегиями в индивидуальном праве как генеральными линиями правового поведения людей являются стратегии борьбы за право. При этом показательным является то, что чаще всего в качестве «противников» в такой борьбе рассматриваются не только носители частных интересов, но и государство с его правом и правовой практикой.

Литература

1. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666).
2. Гайнанов Р.Р. Реализация программы ЕС «Восточное партнерство» в странах Южного

- Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014.
3. Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. — М.: Тула, 2016.
4. Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. Ивлева Н.Ю. Критерии и назначение типологизации правосознания // В сборнике: Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. Москва, 2016.
6. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
7. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
8. Клименко А.И. Правовое и политическое сознание. Различия и взаимосвязь. // Закон и право. 2004. № 8. С. 55-59.
9. Лановая Г.М. Отличительные признаки современного права. // Право и образование. 2011. № 5.
10. Лановая Г.М. Формы существования базовых типов современного права. М.: Граница, 2014.
11. Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
12. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011.
13. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
14. Мальковцева Е.В. Проявление ценностного содержания права в правовой действительности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2.
15. Правкин И.В. Особенности взаимодействия правоохранительной системы и институтов гражданского общества в Российской Федерации // В сборнике: Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. Москва, 2016.
16. Правкин И.В., Правкина И.Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // Современное право. 2015. № 7.
17. Юн С.М. Формирование концептуальных, организационных и финансовых основ Европейской политики соседства (2002-2004 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374.
18. Юн С.М. Формирование концептуальных, организационных и финансовых основ Европейской политики соседства (2002-2004 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374.

УДК 340.12
ББК 67.0

СОЛИДАРНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА РОДИОНОВА,

доктор юридических наук, доцент,
исполняющая обязанности заведующего кафедрой трудового
и экологического права Ивановского государственного университета.

E-mail: o.rodionova1955@gmail.com

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация: Анализируется солидарность как принцип современного социального государства. Социальная функция государства сглаживает противоречия между различными социальными группами, являясь объединяющим обществом началом. Но масштабные миграционные процессы, охватившие европейские страны, определяют сокращение реализации социальных прав человека из-за значительного увеличения числа реципиентов и наполняя понятие «солидарность» новыми смыслами.

Ключевые слова: солидарность, неопатерналистское социальное государство, «социальное включение», миграция, «право на достойную жизнь», социальные права человека.

Annotation: In the article solidarity as a principle of the modern social state is analyzed. The social function of the state relieves the contradictions between different social groups as far as it is a basis for social unity. But massive migration processes in European countries determine the reduction in the realization of social human rights due to a significant increasing of the recipients. And thus the concept of “solidarity” is filled with new meanings.

Keywords: solidarity, neo-paternalistic social state, “social inclusion”, migration, “the right to a worthy life”, social human rights.

Современные исследователи часто используют термин «солидарность» в контексте социального государства. «Солидарность — (фр. solidarite) единомыслие, единодушие, общность интересов; активное сочувствие чьим-то действиям или взглядам...».¹ Действительно, этот термин относится к чувству сопричастности, которое объединяет людей, создавая привязанность к группе, взаимные обязательства, обуславливающие совместные действия. Социальная функция позволяет обществу существовать в состоянии стабильности, снимая остроту противоречий, частично выравнивая материальное неравенство, выявляя солидарные интересы, консолидирующие государственно-организованное общество.

Солидарность проявляется и через социальные права, что важно в контексте нашей темы. Как отмечают и отечественные, и зарубежные ученые,² переход от доиндустриального к индустриальному обществу создал потребность в новых институтах, с целью

восстановления социальной сплочённости. И если в доиндустриальном обществе традиционные взаимоотношения людей базировались, в основном, на предписываемом статусе, который определялся рождением, то с развитием промышленного общества потребовались новые формы взаимоотношений, которые объединили людей в классово дифференцированном обществе и привели к возникновению социального государства.

Социальные права толкуются в содержательном аспекте несколько различно, в зависимости от историко-политических и этнонациональных особенностей развития того или иного государственно-организованного общества: от права на небольшую часть экономического благосостояния и социальную защищенность до права на всеобъемлющее приобщение к социальному наследию и права на благосостояние, в соответствии с доминирующими в данном государственно-организованном обществе стандартами.

Но социальные права трактуются в европейском правосознании не только как предоставление прав на образование, трудоустройство, жильё, необходимые социальные выплаты, но и как обязательное активное участие в жизни общества (имеется в виду «социальное включение»). Для тех, кто испытывает «социальное исключение», кому недоступно участие в производительной жизни общества, исчезает единение с группой, с обществом. Поэтому социальные права, и, прежде всего, право на труд, на работу, одновременно являются и обязанностями члена государственно-организованного общества. Государство несет ответственность за благосостояние гражданина, оно обязано поддерживать это благосостояние, а этой обязанности корреспондирует право и обязанность гражданина трудиться на собственное благо и одновременно на благо государства. Но не только гражданина: развитые социальные государства Европы оказывают социальную помощь не только гражданам, но и не-гражданам. В частности, сегодня в Европе остро стоит проблема социальных прав мигрантов.³

Огромное количество беженцев из охваченной войной Сирии, из стран Северной Африки и некоторых стран Азии в короткий срок прибыли в Европу. Все они претендуют на пособия и в большинстве случаев получают их. Но если коренной европеец чувствует себя ущемленным, живя на социальное пособие и не имея возможности работать и зарабатывать — «социально включаться», то далеко не все мигранты обременяют себя такими моральными проблемами. В результате массовой миграции чуждых по традициям, культуре, религии людей возникает большое количество проблем: угроза территориальной целостности государств; угроза распространения терроризма; политическая нестабильность; рост экономической и социальной напряженности; деформация этнодемографической структуры населения и т.д.⁴

Хотя, следует отметить, что существуют и иные оценки возможных результатов миграционных процессов, в которых предполагаются позитивные экономические последствия для стран, принимающих большое количество мигрантов,⁵ что, думается, является весьма и весьма спорным утверждением: если на одну чашу весов положить этот хрупкий экономический позитив в виде денежных вливаний в экономику страны через расходы на покупки в розничной сети средств из выделенных пособий и потенциальной возможности трудовой деятельности сегодняшних мигрантов в будущем, а на другую чашу положить межнациональные, межконфессиональные, межкультурные и прочие конфликты, возрождающийся национализм, угрозу национально-культурной идентичности и т.п., то чаша весов с негативом, пожалуй, окажется более весомой.

Современное государственно-организованное общество самоопределяется в рамках следующей установки: каждый человек (независимо от того, здоров он или болен, полноценный человек или инвалид, ребенок, работоспособный член общества или пожилой, не способный уже работать человек) имеет право на достойную жизнь. Вопрос заключается в том, имеет ли такого рода помощь со стороны государственно-организованного общества правовой характер. То есть, носят ли отношения в сфере социальной политики правовой характер, являются ли такого рода взаимосвязи, по сути, правоотношениями. Речь идет о таком признаке как эквивалентность, характерном для любого правоотношения. Л.С. Мамут в своих исследованиях утверждает, что это не-право.⁶ Размышляя о правовой сущности права на достойную жизнь, я написала в 2004 году следующие строки: «Исходя из сущности правоотношения гражданства как комплекса взаимных прав и обязанностей государства и гражданина, право на достойное существование должно иметь государственное обеспечение и по вышеизложенным основаниям носит и правовой, и законный характер. Следовательно, не обеспечивая права на достойное существование своим гражданам, государство нарушает коренной принцип права — принцип эквивалентности».⁷ Я и сегодня могу подписаться под этими строками, но хотелось бы их дополнить в контексте темы «социального включения»: граждане, не желающие активно включаться в производственную деятельность, не вправе претендовать на социальные права, т.к. они фактически добровольно исключают себя из членов государственно-организованного общества, и содержать их это общество уже не обязано, т.к. в этом случае нарушается основной принцип правоотношения, принцип эквивалентности. Государственно-организованное общество может оказывать помощь таким лицам, формально остающимся гражданами, на не правовой основе, на основе благотворительности, из чувства солидарности, в том случае, если оно (государственно-организованное общество) имеет возможность оказывать такого рода благотворительность. Но обязанности на правовой основе государство в этом случае не несет. Следует особо отметить, что речь здесь идет о полностью или частично трудоспособных гражданах.

Что же касается не-граждан, то здесь речь идет исключительно о благотворительности, существующей на неправовой основе (замечу: речь идет о праве, а не о законе). И никаких правовых обязанностей у государства перед не-гражданами нет, оно оказывает им помощь, исходя почти исключительно из принципа солидарности. В качестве примера можно привести ситуацию в современной ФРГ. С 2015г. в Германии

реализуется социальная программа «Новый старт в Германии: вместе — мы — сила!», в которой для беженцев разработаны меры по максимально быстрому вхождению в рынок труда, которые базируются на языковых и интеграционных курсах, практике, профессиональной переподготовке.⁸ Более того, социальная функция в сфере образования в ФРГ направлена на расширения доступа к высшему образованию для всех категорий населения.⁹ Проведение этой программы не является обязанностью государства в рамках правоотношения гражданства — это явная благотворительность, но она преследует несколько целей: сохранить общественный порядок, заполнить рынок труда, адаптировать к рынку труда наиболее способную и ценную для государства часть беженцев, а, следовательно, объединить, солидаризировать в рамках учебных и трудовых коллективов мигрантов и коренное население.

Следовало бы всемерно поощрять самосознание индивида в направлении осознания взаимной ответственности гражданина (и не-гражданина, проживающего на постоянной основе на территории данного государства!) и государства. Права индивида носят правовой характер (существуя там, где есть взаимность), т.е. такой признак как эквивалентность с необходимостью присущ им. Право на достойную жизнь имеет каждый человек. Но претендовать на него он имеет право только в том случае, если выполняет свои обязанности по отношению к государству, на территории которого он проживает, в полном объеме. И претензии на права могут быть соразмерны вкладу, реализованному через обязанности. Речь идет о работоспособных людях, или о тех, кто работал в работоспособном возрасте.

Социальная помощь лицам, не достигшим работоспособного возраста, оказывается государством, условно говоря, в кредит. В будущем, осуществляя активную трудовую деятельность, платя налоги и выполняя другие, предусмотренные конкретным государством обязанности, эти лица возвратят государству затраченные на них средства. Такие взаимоотношения строятся на эквивалентной, возмездной основе. И, не оказывая такую помощь, государство проводит политику, направленную на ухудшение качества и сокращение количества собственного населения. Т.е., данная часть социальной функции, по существу, направлена на самосохранение государственного образования как некоего целого.

От них следует отличать социальную помощь лицам, которые никогда не смогут ее вернуть. Речь идет о пенсионерах по инвалидности. Эта помощь оказывается на безвозмездной основе, основе гуманности и никакого отношения к правоотношению не имела бы, если бы не относилась к правоотношению граждан-

ства. Государство обязано обеспечить каждого гражданина определенным минимумом благ, позволяющих гражданину получать необходимую пищу, жилище, лечение. Таким образом, помощь такого рода всегда является явным обременением для государства. Эту составляющую социальной функции можно обозначить как гуманитарную. Следует отметить, что в социальной функции современного государственно-организованного общества, как системном образовании, имеют место быть две составляющие: одна направлена на самосохранение, а другая на удовлетворение общепринятых гуманитарных норм.

В современном неопатерналистском социальном государстве (иногда его называют «государством труда») категория «право на достойную жизнь» имеет несколько иное содержание, нежели в уходящем пассивно-патерналистском социальном государстве. Если прежде социальная помощь сводилась к прямым выплатам материального содержания, то сегодня она предполагает предоставление индивиду возможности реализации в профессиональной сфере: социальная помощь заключается не столько в прямых выплатах, сколько в оплате обучения по приобретению второй, третьей, четвертой профессии. Т.е., понятие «достойная жизнь» включает в себя не только определенный оптимум материального благосостояния, но и «социальное включение» — обязательное участие в активной трудовой деятельности, профессиональная самореализация индивида.

Общая система ценностей, общие интересы — вот что объединяет людей в группы. Для человека, живущего в современном обществе, родство уже не является такой первостепенной ценностью, по крайней мере, оно менее ценно, чем общность интересов. Общая родина, место проживания в XXI веке уже не так стабильны, как в XX или в XIX вв.: человек мобилен, он проживает и работает не только в родном городе или родной деревне, даже не только в одном государстве. Религиозное единение важно, но для России, в частности, с ее многонациональным и политеистичным (а порой, и атеистичным) населением, такого рода единство, видимо, навсегда ушло в прошлое. И сегодня социальная функция государства является базовым детерминантом социального единения, солидарности граждан в рамках государственно-организованного общества.

Согласно этой гипотезе, небольшие относительно гомогенные общества находятся в более выгодном положении при построении социального государства, нежели крупные, многонациональные и политеистичные государственно-организованные общества. И огромные миграционные потоки людей, чуждых коренному населению по культурно-этническим, религиозным и

многим другим признакам разрушают практику социального государства или, по крайней мере, активно модифицируют социальную функцию государства. Общество не солидаризируется, а дезинтегрируется под влиянием миграционных процессов.

Ведь, по сути, социальная деятельность государства — это проявление солидарности в рамках государственно-организованного общества. Т.е. солидарность проявляется через социальную функцию государства, являясь одним из основных принципов социального государства. Солидарность, единение корней в этнокультурном единобразии, что порождает социальную деятельность в виде всеобщей социальной поддержки, социальной защиты, которым, в свою очередь, корреспондирует доверие граждан и чувство единения с государством. Но доверие к государственной власти не возникает ниоткуда — оно приходит, когда государство соответствует ожиданиям граждан в плане социальной защиты. Удовлетворение государством социальных прав обуславливает необходимость взаимного удовлетворения корреспондирующих этим правам обязанностей, определяет необходимость и обязательность поддержки государства.

Крайне сложно определить, в какой степени солидарность определяется этнокультурным единобразием, а в какой — степенью развитости социальной функции. Могут ли социальные права превалировать над культурными, историческими, расовыми или религиозными различиями в плане самоидентификации мигрантов — это вопрос, на который сегодня трудно дать окончательный ответ. Практика показывает, что, даже получив новое гражданство и влившись в новое общество в качестве его полноправного члена, иммигрант «первого поколения» будет идентифицировать себя с покинутой Родиной, ощущая себя сирийцем, кенийцем, афганцем и т.д. Не случайно даже в многонациональных США десятилетиями существуют китайские кварталы, латиноамериканская диаспора, итальянская диаспора и т.д., и т.п. Этнокультурные связи, заменившие кровнородственные связи первобытного общества, являются, по сути, критерием самоидентификации личности как члена той или иной социальной группы. Таким образом, этнокультурные традиции являются на сегодняшний день преобладающими в плане формирования мировоззрения личности, и в короткие сроки изжить их путем простого приобщения к социальным благам нового государственно-организованного общества через реализацию социальной функции государства, к сожалению, не удастся, что широко демонстрируют семьи мигрантов, обосновавшихся в Германии, во Франции и других европейских странах.

Безусловно, социальная функция способствует унификации населения, проявление заботы со сторо-

ны государства порождает ответную реакцию в виде выполнения обязанностей по отношению к государству, способствует возникновению ответных чувств и действий. Но, как мы уже отмечали, социальная функция модифицируется в сторону активизации трудовой активности трудоспособных реципиентов, в сторону смещения акцентов от социальных прав к обязанности каждого трудоспособного человека работать и участвовать в жизни того государственно-организованного общества, на территории которого он проживает в статусе гражданина, беженца, иммигранта.

Модификация социальной функции государства в сторону неопатернализма (забота государственно-организованного общества о «социальном включении») действительно помогает активизировать гражданское общество посредством смещения ответственности за реализацию социальной функции в сторону частного сектора. Но следует отметить, что государство не снимает с себя ответственность полностью, не отказывает гражданам и иным проживающим на его территории лицам в помощи в случае необходимости. Принцип солидарности работает в условиях неопатерналистского социального государства, базируясь, в основном, на общности интересов. Солидарность порождает чувство сопричастности представителей различных социальных групп, а также чувство доверия, которое стимулирует сотрудничество между ними.

Но кроме положительных моментов, солидарность провоцирует и некоторый отрицательный аспект в плане развития общественных отношений, и, прежде всего, производственных отношений. Так, принадлежность к определенной религиозной или профессиональной группе может иметь различное воздействие на предпринимательскую деятельность. Взаимная помощь и доверие способствуют образованию нового общего дела (например, производственного объединения), но обязательства помогать членам данного профессионального или религиозного сообщества препятствует развитию данного предприятия. В частности, Нейл Гилберт отмечает, что местные предприниматели, владельцы магазинов в деревнях в районе Отавало в Эквадоре, часто переходят в протестантство, чтобы избежать многочисленных претензий на их собственность, связанных с религиозными обязательствами сообщества католиков в данном регионе.¹⁰ Таким образом, возникает проблема нежелательного обременения, иждивенчества членов солидарной группы.

Существует и второй негативный аспект солидарной группы, выявляющийся через проявление латентных свойств социальной функции. Так, членство в религиозных, профессиональных или иных группах, безусловно, объединяет людей, но именно это чувство сопричастности с членами группы, в свою очередь, по-

рождает отчуждение от других социальных групп. То есть солидарность предопределяет конфликт между социальными группами в государственно-организованном обществе. Внутренняя сплочённость группы укрепляется путем конфликта, который устанавливает границы между группами, усиливая осознание обособленности данной группы. Более того, обособленные группы, в частности, промышленные профсоюзы и объединения фермеров, даже искусственно стремятся разыскать врагов, чтобы поддержать и увеличить сплочённость внутри группы, что является условием ее выживания.¹¹

Таким образом, солидарность между членами группы порождает конфликт между социальными группами, который, в свою очередь, способствует объединению и развитию всего государственно-организованного общества. И именно принцип солидарности, активно проявляясь на всех уровнях общества, институционализирует частные добровольные организации как основного актора социальной функции государственно-организованного общества.

Но, следует оговориться, что здесь речь идет о европейских культурных традициях. В Азии и на Востоке иные национально-культурные традиции. В современной Японии, в частности, основная нагрузка по социальной защите традиционно лежит на производственной (профессиональной) корпорации и на семье. На наш взгляд, этнонациональные традиции на сегодняшний день играют столь важную роль, что даже типология социальных государств, не учитывающая этого фактора, практически, невозможна, т.к. слишком схематично и приблизительно отражает реальность, неверно смещая акценты. Не случайно некоторые авторы рассматривают Японию, в частности, как представителя отдельного типа социального государства восточно-азиатского типа.¹² Мера свободы, которую может обеспечить государство посредством выплаты пособий по безработице, пенсий, дотаций и т.п. для Японии вообще не является показателем степени «социальности» государства, т.к. здесь семейные обязательства обусловлены важными юридическими и экономическими причинами, наряду с историческими и культурными традициями. И для Японии в ее культурно-историческом контексте категория «семейные обязанности» проявляется как базовая категория социального государства: гражданин рассматривается не сам по себе, а как часть семьи, как проявление совокупности определенных семейных обязанностей. И именно этнокультурная и историческая составляющие обуславливают, прежде всего, своеобразие проявления социальной функции в Японии.

Следует отметить, что в данном случае Япония всего лишь частный случай, пример подобного типа

реализации социальной функции. Южная Корея, Тайвань, по существу, относятся к этой же модели, к этому же типу социального государства. И, хотя между ними есть определенные различия, все же в моделях социального обеспечения Японии, Южной Кореи и Тайваня больше сходных моментов, чем отличий, если сравнивать их с Западными моделями социального государства любого типа. Для Японии, Южной Кореи и Тайваня характерны стабильная система семейной поддержки, которая предопределяет минимизацию государственной социальной помощи; а также система социального страхования, базирующаяся на разделении по социальному положению (сегрегирование). В ходе реализации социальной функции в этих государствах большую роль играют также профессиональные корпоративные программы социальной поддержки для постоянных работников.¹³

Таким образом, мы можем отметить, что политические и экономические принципы реализации социальной функции современных государств во многом зависят от культурно-исторического типа того или иного конкретного государственно-организованного общества. В частности, особенности японских, южно-корейских и тайваньских культурно-исторических традиций обеспечивают самостоятельный тип социального государства, характерный для этого региона. Т.е., здесь принцип солидарности в деле осуществления социальной функции традиционно базируется на кровнородственных связях и на общности профессиональных интересов. И никаких тенденций к переменам в этом аспекте на сегодняшний день на Востоке отмечать не приходится: гражданское общество в виде семейных институтов и профессиональных корпораций достаточно активно действовали и действуют в Японии, Тайване и Южной Корее в сфере социальной деятельности.

Но если говорить о европейской культурно-исторической традиции, то принцип солидарности, возможно, и не будет так активно как вчера или даже сегодня работать на уровне государства уже в ближайшем будущем, т.к. масштабные миграционные процессы предопределяют сокращение реализации социальных прав человека из-за резкого увеличения числа реципиентов. Само понятие гражданства, видимо, будет подвержено изменению, т.к. в современном мире важна принадлежность физического лица не только к определенному государству, но и к определенному международному сообществу, к определенному региональному сообществу, к определенному религиозному сообществу. И здесь весьма существенным моментом является тот факт, к какой социальной группе и по каким основаниям относит себя тот или иной индивид, прежде всего, при столкновении различных групп с

неоднородными интересами. Как показывает практика последнего времени, независимо от принадлежности к социальной группе по принципу гражданства, люди зачастую идентифицируют себя, прежде всего, по национальному признаку или по принадлежности к тому или иному вероисповеданию.

И все же тот факт, что гражданство, устойчивая правовая связь индивида и государства, обеспечивает сегодня солидарность и относительную однородность членов государственно-организованного общества — отрицать трудно. В целом, можно сделать следующий вывод: проблема социального единения, солидарности граждан, относящихся к различным социальным группам, в рамках государственно-организованного общества актуальна, т.к. именно социальное единение обеспечивает стабильность существования государства, положительную динамику его развития. И именно социальная деятельность государства является одним из основных детерминантов социального единения, солидарности граждан в рамках государственно-организованного общества.

Литература

1. Бадалова Е.В. Социальное измерение системы высшего образования ФРГ // Панорама. Издательство Воронежский государственный университет. 2014. № 1-3 (8-10). С. 194-203.
  2. Гараева Д.Р. Волна миграций в Европу и ее экономические последствия // В сборнике: Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции: в двух частях. Научный центр «Диспут». 2016. С. 15-16.
  3. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5 — 17.
  4. Морозова В.Н., Дмитриева С.И. Социальное государство в Германии: крах, разрыв или траектория адаптации? // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия социально-гуманитарные науки. № 2 (10). 2016. С.154-161.
  5. Оганесян А.А. Неконтролируемая массовая миграция как глобальная проблема XXI века // Родинонова О.В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 182-188.
  6. Торлопов В.А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб., 1999.
  7. Gilbert N. Transformation of the Welfare State. Oxford: University Press, 2002.
  8. Goodman R. & Peng I. The East Asian Welfare States: Peripatetic Learning, Adaptive Change and Nation-Building / Esping-Andersen G. (ed.) Welfare States in Transitions: National Adaptations in Global Economies. London. 1996.
-
- 1 Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., Минск, 2002. С. 748.
  - 2 Торлопов В.А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб., 1999; Gilbert N. Transformation of the Welfare State. Oxford: University Press, 2002. P. 157.
  - 3 Гараева Д.Р. Волна миграций в Европу и ее экономические последствия // В сборнике: Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции: в двух частях. Научный центр «Диспут». 2016. С. 15-16; Оганесян А.А. Неконтролируемая массовая миграция как глобальная проблема XX века // В сборнике: Актуальные концепции развития гуманитарных и естественных наук: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 33-37 и др.
  - 4 Оганесян А.А. Цит. соч. С. 33-37.
  - 5 Гараева Д.Р. Цит. соч. С. 15-16.
  - 6 Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 6.
  - 7 Родинонова О.В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 188.
  - 8 Морозова В.Н., Дмитриева С.И. Социальное государство в Германии: крах, разрыв или траектория адаптации? // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия социально-гуманитарные науки. № 2 (10). 2016. С.157. (154-161).
  - 9 Бадалова Е.В. Социальное измерение системы высшего образования ФРГ // Панорама. – 2014. - № 1-3 (8-10). С. 203.
  - 10 Gilbert N. Op. cit. P. 164.
  - 11 Gilbert N. Op. cit. P. 164-165.
  - 12 Goodman R. & Peng I. The East Asian Welfare States: Peripatetic Learning, Adaptive Change and Nation-Building / Esping-Andersen G. (ed.) Welfare States in Transitions: National Adaptations in Global Economies. London. 1996.
  - 13 Goodman R. & Peng I. Op. cit.

УДК 340.12
ББК 67.0

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИИ ПРАВА В.П. МАЛАХОВА

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ РЫЖОВ,
заместитель начальника кафедры теории
государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук
Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается муниципальное право как естественный тип права, влияние на который политического фактора приводит к трансформации его сущности и назначения.

Ключевые слова: типология права, муниципальное право, политический фактор, договорные начала, местное самоуправление, общество.

Annotation. In article the municipal right is considered as the natural type of the right, influence on which political factor leads to transformation of its essence and appointment.

Keywords: municipal right, political factor, contractual beginnings in the right, local self-government, society

Одной из существенных новаций правовой теории, сформулированной профессором В.П. Малаховым, является предложенная типология права, основанная не на формальном его делении по отраслям, а на природных естественных свойствах отдельных его типов.¹

Для понимания существа муниципального права как естественного типа права, а не в современном понимании отрасли государственного права, узловыми являются понятия коммунальности и самоуправления.

Понятие коммунальности непосредственно отражает взаимозависимое простое сосуществование людей в локальных общностях. Будучи распространенным на общество в целом, понятие коммунальности отражает упрощенное состояние общественной жизни, в котором человек перестает быть реально значимой единицей, растворяется в обезличенных отношениях сосуществования по поводу элементарных жизненных функций и потребностей человека.

Понятие самоуправления отражает способность социальной системы функционировать и самовоспроизводиться за счет своих внутренних ресурсов, системообразующих связей. Но, в силу механического характера той системы, с которой связано муниципаль-

ное право, оно является по природе противоречивым: будучи механическим конгломератом, оно не способно быть в полном смысле слова определенным и жизнеспособным за счет своих внутренних ресурсов; будучи определенным внешнесистемными условиями, оно теряет свою сущность. Поэтому самоуправление оканчивается возможным только как весьма относительно, незначительно существенное для общества в целом, но прежде всего — для государства.

При этом местное самоуправление — важнейший элемент организации публичной власти. Его специфика, как отмечается в научной литературе, заключается в двойственной природе: политической и общественной.² С одной стороны, органы самоуправления интегрированы в единую систему управления страной. Местное самоуправление имеет действующий на основе законов и иных нормативных актов аппарат, оно может самостоятельно формировать бюджет, устанавливать и собирать налоги. С другой стороны, местное самоуправление является важным элементом гражданского общества, формой политической самоорганизации локальных сообществ. Выступая в качестве необходимого элемента гражданского общества, местное

самоуправление потенциально является основой для дальнейшего развития самостоятельности и повышения социальной активности населения. Однако реальная картина, сложившаяся в настоящее время показывает, что наличие организационных структур местной власти и возможностей для проявления социальной зрелости населения не является гарантом вовлеченности жителей в решение и обсуждение вопросов местного значения. В данном положении проявляется основная причина слабости российской системы местного самоуправления.³

Современное местное самоуправление, будучи формой самоорганизации населения, имеет признаки как властного, так и общественного института. Местное самоуправление в современных условиях, как уже отмечалось выше, имеет двойственную природу и по своей сути является общественно-политическим институтом, институтом самоорганизации общества. В силу своей двойственной природы, как общественной, так и государственной, оно может реализоваться в виде властного института.⁴

Рассматривая институт местного самоуправления не только как властный, но и как общественный, следует иметь в виду, что в этом случае объект и субъект управления совпадают. Это означает, что муниципальное право как никакой другой тип права должно иметь договорные основания формирования и максимально исключать влияние государственно-властных институтов и политических факторов в процессе правового регулирования. Говоря о понимании местного самоуправления, необходимо отметить, что местное самоуправление является объективным явлением жизни общества, одной из форм его самоорганизации. Исторический анализ исследуемого вопроса непосредственным образом связан с выявлением основных параметров соотношения государственных и самоуправленческих структур, их взаимодействия в процессе становления и развития государства, его выделения из общества и функционирования как относительно самостоятельного многопланового социального явления. В различных типах государства на разных этапах исторического развития существовали различные модели местного самоуправления, которые, в конечном счете, всегда следуют за государственным развитием, подчиняясь предписаниям, которые устанавливает государство, будь то в форме правовых норм либо в форме директивных указаний, и тем самым практически всегда зависят от типа государства, его устройства, формы правления и политического режима.⁵

Характерной чертой современного этапа развития государственно-правовой действительности является

поиск оптимальных путей сочетания централизации и децентрализации системы управления, разграничения предметов ведения и полномочий федерального центра, регионов и муниципалитетов.⁶ В настоящее время в научной среде наблюдаются два основных подхода к реформированию и дальнейшему развитию института местного самоуправления. Один заключается в отделении местного самоуправления от государства, при котором исключается какое-либо влияние государства на организацию местного самоуправления. Другой состоит в «огосударствлении» местного самоуправления, его жесткой привязке к государственной структуре и рассмотрении его как продолжения государственного управления на местах.

Основываясь на отечественном и зарубежном опыте, можно утверждать, что эффективная и плодотворная властная деятельность государства возможна лишь при наличии жизнеспособной структуры местного самоуправления. В современных демократических государствах муниципальные органы юридически не подчинены центральной администрации,⁷ они имеют финансовую самостоятельность и собственные службы, и реальную самостоятельность в формировании правовых норм. Центральные власти не вправе ни давать им обязательных указаний по вопросам, касающимся местных дел, ни аннулировать или изменять их решения в административном порядке. За государством остается контролирующая функция, обеспечивающая невозможность злоупотребления органами муниципальной власти правотворческими полномочиями. Таким образом, местное самоуправление олицетворяет собой реализацию принципа территориальной децентрализации. В государствах англосаксонской системы самостоятельность местного управления традиционно была выше, чем в странах континентальной правовой семьи. Но в настоящее время эти различия сглаживаются. В развитых странах фактическая самостоятельность местных властей всегда больше, чем в развивающихся государствах, в которых становление гражданского общества зависит от политической позиции центра.⁸

Исходя из специфики самоуправления, можно определить, что муниципальное право направлено на локальную, социально организованную территорию. В своей обслуживающей роли оно связано с регуляцией ситуативно-обычного характера, которая основана на нормах технико-организационного плана. Кроме того, муниципальное право связано с обеспечением именно на технико-организационном уровне коммунальной безопасности, т.е. безопасности не всеобъемлющей, не общественной, а локализованной и ограниченной,

минимальной (правовой комфорт).

Внутренним импульсом муниципального права является, с одной стороны, противоположность между государственным и общинным, с другой стороны — противоположность между частным (личной жизнью), как единичностью, но не особенностью, и коммунальным, как общим, но не единым (не единящим). В первом случае столкновение ведет к размыванию сущности и специфики муниципального права, к его огосударствлению, во втором случае — к согласию, хотя и поверхностному.

Это высокодинамичное, изменяющее свою сущность право. Логика его развития такова: от общинно-обычного, родового права как первоначальной формы — к городскому (поселенческому) праву людских конгломератов (протоконституционному праву), а от него — к микрогосударственному (огосударственному) праву, т.е. к собственно муниципальному праву как отрасли. Муниципальное право фактически обслуживает мини-государственные подобию, лишенные суверенности и обладающие лояльностью. Самовоспроизводство муниципального права реализуется посредством создания микроправового пространства. В этом направлении муниципальное право испытывает сильную конкуренцию с активно функционирующими в тех же общностях другими видами группового права, в том числе обычного, криминального, морального.

К основным принципам муниципального права относятся:

- принцип целесообразности, содержащий требование умеренности и варьированности в реализации правовых оснований и средств организации коммунальной жизни, отражающее высокий динамизм, ситуативность и практичность регулируемых правоотношений и первенство организационных принципов над идейными;
- принцип коллективности, в соответствии с которым конкретные права человека имеют действительный смысл (ценность), если в своей реализации совпадают с осуществлением общих интересов и состояний, если они становятся правами на коммунальность;
- принцип комплексности, согласно которому действие тех или иных нормативных средств не может быть самостоятельным, вне связи со всеми другими нормативными средствами, имеющими прямое или хотя бы опосредованное отношение к конкретной ситуации; изменение в том или ином сегменте права должно сопровождаться изменениями в системе в

целом; система же носит закрытый характер;

- принцип эффективности, в соответствии с которым правовой характер воздействия на действительные отношения и состояния определен в первую очередь позитивным практическим результатом, действенностью используемых средств, и именно этим ограничена ценность самого права; муниципальное право не является самоценным;
- принцип компетентности, согласно которому регулирующее, нормирующее или принуждающее воздействие на правоотношения и порядок в рамках конкретного правообразования возможно только на основе сочетания профессионализма, уполномоченности и гражданственности.

В качестве части системы государственного права муниципальное право выступает одновременно и как комплексное межотраслевое образование, вбирающее в себя нормы разных отраслей права, и как обособленная по предмету регулирования часть российского права, упорядочивающая процессы местного самоуправления в рамках общегосударственной политической организации общества.⁹ В данном контексте оно представляет собой совокупность норм, закрепляющих ценности, цели, принципы, исходные категории местного самоуправления, ориентирующих иные отрасли права на учет особенностей муниципальных образований, местного населения, других субъектов местного самоуправления, объектов муниципальных отношений, обеспечивающих согласованное, непротиворечивое воздействие норм разных отраслей права на отношения местного самоуправления.

В состав муниципального права в этом значении целесообразно включать не только собственно муниципальные нормы, но и нормы иных отраслей права, участвующие в регулировании отношений местного самоуправления (нормы гражданского, земельного, водного, административного права, др.). Однако такое вхождение является функциональным, а не сущностным. Указанные отраслевые нормы регулируют не только отношения местного самоуправления. Их действие определяется принципиальными положениями их собственных отраслей и только потом целями, принципами муниципального права.

Муниципальное право как обособленная часть системы государственного права — совокупность норм, закрепляющих с помощью разнообразных методов правового регулирования территориальные и организационные формы местного самоуправления, порядок деятельности органов местного самоуправления, ор-

ганов территориального общественного самоуправления, положение депутатов представительных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления.

Эти определения характеризуют муниципальное право с двух разных, но связанных между собой направлений его действия. Целостность муниципального права в таких условиях обеспечивается, прежде всего, наличием единой конституционной основы территориальных, организационных, функциональных, материально-финансовых форм местного самоуправления. Конституционные нормы лежат в основе обоих направлений действия муниципального права. Имея конституционную природу, указанные нормы входят и в муниципальное право как его отправные положения.¹⁰

Нормы муниципального права носят персонифицирующий, не установочный характер. Они являются правопредоставляющими и правообязывающими. Нормативный строй муниципального права реализуется по принципу «разрешено все, что не обязательно», причем, разрешенность — не конкретизация обязательного в позитивном смысле (не более слабая его модальность), а нормативная характеристика, имеющая самостоятельное значение, связанное с апелляцией к свободе субъекта. В муниципальном праве нормативность тяготеет к регламентации, а не к должностованию.

Муниципально-правовые нормы — нормы-правила, нормы-шаблоны, стандарты. Наиболее характерная форма реализации — использование. В силу того, что муниципально-правовые нормы имеют свойства правила, возможный произвол не носит позитивного характера, но является открытым отказом от нормы, правонарушением, а потому контроль над использованием этих норм может быть максимальным.

Специфика процесса формирования норм муниципального права заключается в том, что правотворчество органов местного самоуправления не является государственной деятельностью или деятельностью органов государственной власти в правотворческой сфере. Вместе с тем, муниципальное правотворчество обязано находиться в рамках действующего законодательства, обладая в то же время определенной долей самостоятельности в правовом регулировании вопросов местного значения.

Проблемы муниципальной правотворческой политики могут и должны рассматриваться в общем русле политико-правовых закономерностей развития системы права в государстве. Ведь в основе всей системы организации власти, на низовом ее уровне, объединя-

ющем все население страны и распространяющемся на всю территорию государства, находится система местного самоуправления как особая организационно-правовая форма осуществления публичной власти. При этом каждое из существующих муниципальных образований являются субъектами правотворчества территориально организованных социумов. В то же время, следует отметить, что под влиянием государства участие населения в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления может быть практически сведено к нулю, что не может быть признано нормальным. Исходя из этого, необходимо активнее использовать различные формы правотворческой политики, в частности, такие как привлечение жителей муниципального образования к подготовке и обсуждению нормативных правовых актов, принимаемых представительными органами местного самоуправления. Формой подобного участия населения в реализации муниципальной правотворческой политики, помимо прописанных в законе публичных слушаний, могут и должны стать всеобщие (или общественные) обсуждения.

Активное участие в процессе местного правотворчества населения и других субъектов гражданского общества, действующих на территории муниципального образования, является условием формирования эффективной правотворческой политики как средства реального местного самоуправления. Только в этом случае можно выявлять действительно важные, насущные общественные потребности и регулировать их с помощью правовых актов муниципального уровня. Лишь при таком подходе возможно формирование осознанного и ответственного отношения граждан к решению местных проблем, повышению их политической активности и тем самым становлению полноценного гражданского общества в масштабах всей страны.¹¹

В целом, как естественный тип права муниципальное право представляет собой право неполитически (социально) организованного социума, но не общества. Чем четче видны различия между социумом, как способом сосуществования людей на основе ролевой дифференциации, и обществом, как способом объединения людей в общность, тем очевиднее особенность муниципального права как типа. Муниципальное право есть механизм управления конкретной общностью, имеющий смысл только в своей обособленности от аналогичных механизмов, действующих в других конкретных локальных общностях, а, следовательно, не имеющий в естественном виде политических оснований. В силу этого оно оппозиционно государственному праву, имеет смысл только в своей отличности от

государственного права.

Как отрасль муниципальное право представляет собой наиболее удаленную от государства форму государственного права. Оно формируется, исходя из реальных интересов социума проживающего на данной территории, и должно носить аполитичный характер.¹² Однако во многих современных государствах, в которых недостаточно развито гражданское общество и институты защиты личных и коллективных прав и свобод, государство, стремясь контролировать население и осуществлять власть на всех уровнях, активно вмешивается в процесс формирования и деятельности местного самоуправления. В этом случае под влиянием политического фактора происходит постепенная подмена муниципального права на систему государственно-властных императивов, представляющих по своей сути административные правовые нормы, направленные на регулирование отношений в небольших социально-территориальных образованиях.¹³

Муниципальное право, как и конституционное, придает частным отношениям и состояниям публичный характер, что делает и те, и другие неадекватными в правовом смысле. Это свидетельство связанности данных двух типов, но одновременно и разведенности их на разные уровни государственности. Можно сказать, что в определенном смысле муниципальное право является матрицей для конституционного. Федерализм, для реальности которого конституционность значима более чем для унитаризма, опирается на традиции муниципального права.¹⁴ В силу специфики политической организации унитаризм или формальное воплощение федерализма огосударствует муниципальную правовую жизнь, выхолащивая муниципальное право как отрасль.

¹ См. например: Малахов В.П. Право в контексте философского сознания // *Пространство и Время*. 2014. № 2. с. 63-66.; Малахов В.П. *Общая теория права и государства. к проблеме правопонимания Учебное пособие* / Москва, 2013; Лановая Г.М.

Типологическая характеристика современного права Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2015 и др.

² См.: Рыжов А.А. Взаимосвязь политического и морального в праве В сборнике: *Юридическая теория и практика в истории и современной России сборник научных статей*. редактор: Сигалов К. Е.. Москва, 2010. С. 42-53.

³ См.: Надькин В.Б. Партнерство общества и власти в системе местного самоуправления // *Экономика и управление*. 2007. №2. — С. 180-183.

⁴ Каверзин М.Ю. Государство и местное самоуправление: проблемы взаимодействия // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2003. № 4 — С. 13–19.

⁵ Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002. — С. 57.

⁶ См.: Гарашко А.Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права. В сборнике: *Юридическая теория и практика в истории и современной России сборник научных статей*. редактор: Сигалов К. Е.. Москва, 2010. С. 15-28.

⁷ См.: *Сравнительное правоведение*. Мамонтов А.Г., Оксмытный В.В., Иванов С.А., Правкин И.В., Рыжов А.А., Сигалов К.Е. Москва, 2013. — с.34.

⁸ Местное самоуправление в зарубежных странах (информационный обзор) / Под общей редакцией Н.П. Медведева и др. М., 1994. — С. 5, 48.

⁹ См.: Науменко В. В. Местное самоуправление: теоретические, исторические и региональные аспекты. Абакан, 2003.

¹⁰ Кокотов А.Н. Муниципальное право в российском праве: понятие, назначение и структура // *Правоведение*. 2004. №3. С. 54-62.

¹¹ См.: Лаврик А. Ю. *Общегосударственный, региональный и муниципальный уровни правотворческой политики в современной России: теоретические аспекты взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01*. М., 2008. — С. 23-25.

¹² См.: Гарашко А.Ю. Система источников права европейского союза как уникальное правовое образование *Право и образование*. 2016. № 4. С. 105-111.

¹³ См, например: Клименко А.И. Правовая идеология и право в контексте политического сознания. В сборнике: *Актуальные проблемы формирования и совершенствования норм общественных отношений 2015*. С. 25-27.

¹⁴ См.: Гельман В.В. Федеральная политика и местное самоуправление // *Власть*. 1997. № 9. — С. 73-80; Сергеев, А. А. *Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия*. М.: Юриспруденция, 2005.

УДК 340.12
ББК 67.0

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА СОДЕРЖАНИЕ КРИТЕРИЕВ ПРАВОМЕРНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА СЕМИНА,

адъюнкт кафедры теории государства права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: olga.chuguntzova@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент Г.М. Лановая

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация: Рассматривается связь между культурно-историческими условиями существования общества и содержанием критериев правомерности поведения субъектов права; выявляются причины тех различий, которые обнаруживаются в понимании правомерности в западной и восточной правовых культурах, а также в праве традиционного, индустриального и постиндустриального общества.

Ключевые слова: правомерность, критерии правомерности, правовая культура, традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество.

Annotation. The article proves the link between the cultural and historical conditions of existence of society and the content criteria for the legality of the behavior of subjects of law. The author reveals the reasons for those differences, which are found in understanding the legitimacy of the western and eastern cultures, legal, as well as the right of traditional, industrial and postindustrial society.

Keywords: legitimacy, legality criteria, legal culture, traditional, industrial and postindustrial society.

Для формирования правильного понимания правомерности необходимым является уяснение ее критериев. Правомерность — это сложная правовая категория, и универсальные критерии правомерности отсутствуют, на их содержание неизменно оказывает влияние тот культурно-исторический контекст, в котором протекает правовая жизнь общества. В этой связи вопрос о том, как именно культурные и исторические факторы влияют на содержание критериев правомерности, представляет особый интерес.

Говоря о влиянии на содержание критериев правомерности особенностей культуры конкретного общества, прежде всего, следует отметить, что дифференциация правовых культур — это дифференциация на типы, а не на виды. При любой дифференциации, вне зависимости от ее критериев, можно обнаружить такие культуры, которым присущи черты, указывающие на их принадлежность к одному определенному типу, и такие культуры, которые обладают признаками сразу нескольких типов как идеальных моделей.

Правовая культура общества аккумулирует в себе нравственные начала, влияющие на формирование

правовых установок в процессе социализации личности, что в свою очередь определяющим образом влияет на правовое поведение и его оценку. В правовой культуре отражаются накопленные за многовековую историю развития конкретного общества религиозные, духовные традиционные ценности. Наиболее существенно с этой точки зрения различаются правовые культуры западного и восточного типов.

Отличительными чертами правовой культуры западного типа выступают рационализм, практицизм, индивидуализм, правовой культуры восточного типа — коллективизм, традиционализм, духовность, рассудительность¹.

Для правовой культуры западного типа характерна абсолютизация значимости правовых норм, а уважение к традициям законопослушания и институтам западной демократии воспитывается на протяжении всей жизни человека, путем поощрения образа жизни в рамках правил. И обычно методы правовой социализации, характерные для обществ с правовой культурой западного типа, приносят свои результаты: западный человек чаще всего полагается на самодостаточность правовых норм.

В.В. Оксамытный вполне убедительно заявляет о том, что «в странах традиционной демократии для поддержания «духа законности» среди граждан, привития им чувства солидарности с правовыми требованиями все чаще обращаются к традиции правовой культуры общества в целом, «западной правовой традиции», к тем документам, которые формально закрепляют права и свободы личности, выделяя их всеобщее значение, историческую судьбу и неизбежность положений, внесенных в них»². И добавляет, что «в правовом просвещении упор делается на не знание отдельных правовых положений, но на обучение правомерным действиям в типичных и нетипичных правовых ситуациях, на знание того, как и куда обратиться, если твои права нарушены, на их защиту законными средствами, на внедрение в сознание и поведение людей принципиального положения, регулирующего повседневную жизнь в гражданском обществе: каждый человек должен иметь право поступать настолько свободно, насколько это не ущемляет аналогичного права других»³. Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что в обществах с правовой культурой западного типа именно право чаще всего диктует этику поведения.

Определяющим моментом, отличающим ментальность западного и восточного человека, является представление о мире и месте человека в нем. Ментальность Запада с единой христианской культурой, влиянием канонического права, античного мира, где человек — это главная ценность, закономерно предопределяет приоритет прав и свобод человека, стоящих выше публичных интересов. Отличительной чертой правовых культур восточного типа является приоритет общественного по отношению к личному, коллективного — к индивидуальному, государственного — к частному. В названных правовых культурах коллективизм и групповая ориентация играют главенствующую роль.

Для правовой культуры западного типа характерно господство разрешительного принципа «все, что не запрещено, то разрешено», для правовой культуры восточного типа — преобладание запретительного принципа «все, что не разрешено, то запрещено». Вследствие этого западный человек, для которого правовые нормы — это некий абсолют, совершенство, говоря о правомерности, подразумевает соответствие своего поведения и действий закону, а человек восточный, поступая правомерно, опирается на традиции и духовные начала. Таким образом, в контексте правовой культуры западного типа критерии правомерности носят юридический характер, в контексте правовой культуры восточного типа — нравственно-правовой или религиозно-правовой. В правовой культуре западного типа критерии правомерности формальны, в правовой культуре восточного типа они содержательны.

Рассматривая вопрос о влиянии на содержание критериев правомерности исторических факторов, целесообразно исходить из возможности различения трех исторически сменяющихся друг друга типов обще-

ства — традиционного (доиндустриального), индустриального и постиндустриального. В каждой стадии развития общества — традиционной, индустриальной, постиндустриальной — право развивалось и развивается своеобразно, выполняя определенные функции, детерминированные потребностями каждого отдельного периода развития культуры. В каждой из трех исторических стадий развития общества существенные особенности также приобретают система источников права, правосознание и правовая практика.

Традиционные общества в большинстве своем являются обществами сельскохозяйственного типа. Традиционное право выражается в действиях, а не в формальных нормах. Основным источником традиционного права справедливо считают правовой обычай.

Обладая свойством повторяемости и вместе с тем изменчивости, правовой обычай является связующим звеном между прошлым и настоящим, идеальными представлениями о справедливости и способами урегулирования реальных конфликтов. Именно в обозначенном качестве правовой обычай оказывается способным удовлетворить существующую в традиционном обществе потребность в упорядочении общественных отношений и защите наиболее значимых для социума ценностей. Поддержание правового порядка, установленного правовыми обычаями, осуществляется посредством семьи и институтов межсемейного взаимодействия.

Право традиционных обществ, достигших стадии государственного развития, характеризуется усложнением внешних связей, возникают политические институты и особые виды источников права, связанных по содержательному наполнению с правовыми обычаями, но имеющих письменную-абстрактную форму с точными формулировками. Такие источники права несут в себе специально установленные государством юридические нормы-правила. В отношении данного этапа развития традиционного общества можно говорить о появлении такого источника права, как традиционный закон. Это первый шаг на пути перехода от традиционного к позитивному праву.

Переход от традиционного типа общества к индустриальному знаменуется качественным изменением стиля мышления, отношения человека к природе (природа воспринимается как объект преобразующей деятельности человека). Происходит трансформация системы ценностей, изменяется понимание роли человека в обществе. Индивидуализм как главная черта эпохи порождает сопротивление позитивному праву, что обуславливает актуализацию идей естественного права, свободы, прав человека, гражданского общества и правового государства. Меняется правопонимание, отношение к праву, действующее право и правовая жизнь общества и целом.

Еще одно принципиальное различие между традиционным и индустриальными обществами состоит в том, что в последнем игнорируется обычное право. Индустриальное общество — результат соглашения права

и политики, тогда как традиционное общество является результатом соглашения между правом и моралью⁴.

В эпоху постиндустриального общества право выступает одновременно и инструментом глобализации, и отражением глобализационных процессов. Происходящие в нем перемены обусловлены, прежде всего, ростом промышленного производства и распространением интенсивного торгового обмена. В этот период активно развивается система прав человека и усложняется механизм гарантирования прав. С усложнением общественных институтов усиливается значимость юридических норм, что приводит к обеднению правовой жизни в целом.

На каждом из исторических этапов развития общества критерии правомерности приобретают определенную содержательную специфику.

В традиционном обществе поступать правомерно — значит действовать так, как поступали предки. Базовые критерии правомерности поведения — традиционализм и консерватизм.

Если в традиционном обществе правомерность находила свое выражение в соблюдении правового обычая, традиций, одобряемых и поддерживаемых главным социальным институтом того времени — семьей, то в индустриальном и постиндустриальном обществе на первое место выходит соответствие поведения «писаному» праву. При этом, однако, и в индустриальном, и в постиндустриальном обществе происходит дифференциация формально устанавливаемых и легально признаваемых критериев правомерности с одной стороны и критериев, имеющих значимость для массового правосознания, — с другой.

В индустриальном обществе базовым формальным критерием правомерности поведения выступает его законность, однако, массовое правосознание ориентировано прежде всего на соблюдение принципов естественного права. Правомерным признается следование тому «писаному» праву, которое воплощает в себе идеалы и принципы естественного права. Отказ от подчинения деспотическому праву государства, нарушающего «общественный договор», также рассматривается в качестве правомерного. В постиндустриальном обществе законность сохраняет значение базового формально признаваемого критерия правомерности. Массовым правосознанием правомерность связывается не только с законностью, но и с социальной полезностью.

Сравнивая то, как различаются критерии правомерности в обществах с правовой культурой западного и восточного типа, а также в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах, мы приходим к выводу, что универсальное понимание правомерности отсутствует. Выявленные различия в понимании правомерности, обусловленные тем культурно-историческим контекстом, в рамках которого ведутся размышления о ней, свидетельствуют о том, что правомерность — не просто юридическая характеристика поведения, а культурный феномен.

Литература

1. Гусейнов А.И. О некоторых исторических вопросах соотношения права и культуры // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). С. 42-46.
2. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
3. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
4. Малахов В.П. Концепция философии права / Малахов В.П. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 751 с.
5. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14.
6. Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Дубинина Е.Н., Зыкова С.В., Недобежкин С.В. История политических и правовых учений. Учебное пособие для слушателей, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (квалификация «магистр»). Москва, 2013.
7. Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности. Учебное пособие. Московская академия МВД России. Москва, 2001.
8. Морозов В.А. Роль принципов западноевропейской правовой культуры в формировании правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 118-121.
9. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. — 374 с.
10. Фролов Ю.Н. Проблема законности в контексте западноевропейской и российской правовых культур // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 178-182.

¹ См.: Малахов В.П. Концепция философии права / Малахов В.П. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 219-235; Морозов В.А. Роль принципов западноевропейской правовой культуры в формировании правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 118-121; Фролов Ю.Н. Проблема законности в контексте западноевропейской и российской правовых культур // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 178-182.

² Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 283.

³ Там же. С. 286.

⁴ Гусейнов А.И. О некоторых исторических вопросах соотношения права и культуры // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). С. 42.

УДК 340.12
ББК 67.0

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

КОНСТАНТИН ЕЛИЗАРОВИЧ СИГАЛОВ,

*доктор юридических наук,
доцент, заместитель директора Института
проблем эффективного государства и гражданского
общества Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Российского университета дружбы народов.*

E-mail: sigalovconst@mail.ru

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается феномен правоспособности как неперемennого условия человеческого бытия и сопряжённости его с правовой жизнью. Доказано, что правоспособность является мерой усилия человека, связанного с его вхождением в правовую жизнь и функционированием в ней.

Ключевые слова: правоспособность, правовая жизнь, право, потребности, правовая культура, право человека, мышление, правовое притязание, ядро личности.

Annotation. The article considers the phenomenon of legal capacity as a necessary condition of human existence and conjugacy of his legal life. The author has tried to prove that the capacity is a measure of effort associated with its entry into legal life and functioning in it.

Keywords: legal capacity, legal, life, right, needs, legal culture, human right, thinking, legal claim, the core of self.

На определённом этапе развития общества право становится неотъемлемой частью жизни людей. Это общее правило, но в каждой цивилизации этот процесс специфичен и уникален. Столь же уникален этот процесс и в индивидуальной правовой жизни и восприятии каждым отдельным человеком права. Право понимает в реальность через конкретную жизнь сообществ и каждого человека в отдельности. «Вне правовой жизни право воспроизвестись не может; оно может только умножаться, детализироваться, дифференцироваться, модернизироваться, что, однако не совпадает с его воспроизводством»¹.

Индивидуализированность конкретного человека обусловлена его конкретными потребностями и способностями. Как я уже пытался донести в своём несостоявшемся выступлении, потребности и способности — это стержневые параметры личности, на которые как бы «нанализуются» другие её харак-

теристики. «Потребности» — это «товар», который желает личности приобрести на «рынке» социальных отношений, «способности» — это та валюта, которой личность в состоянии «рассчитаться» с обществом. Со времени римского права существовала формула «*du ut des*» — «даю, чтобы ты дал». Правоспособность ровным образом ничего не значит, если никак не экстраполируется к личности человека в его индивидуальности, в принадлежности к его восприятию права. От нас действительно ждут не просто способность воспринимать право в каком-либо аспекте и не только «принимать» право как некую норму жизненных обстоятельств, социального устройства и обязательных правил, которые действуют в обществе. Конкретная правоспособность предусматривает, что человек в многообразных социальных ситуациях способен направлять свои действия в соответствии с действующим в данном обществе правом, а также с тем, на-

сколько он пропускает это право через своё собственное мировоззрение, через свои правовые, моральные и религиозные потребности, через те правовые рецепты, которые он сам смог усвоить. На самом деле, это очень важный аспект существования права. Ведь откуда берутся законодатели, реформаторы, творцы права? Это те, кто так настроил свою собственную правоспособность, что сумели выйти за пределы общего тренда и приобрести креативные черты, могущие сделать из старого права новое право. Понятно, что сами правоспособности совершенно различны у различных людей, существует гигантское разнообразие форм индивидуальной правоспособности: у одних нет никакого интереса к правовой жизни вообще, другие заняты решением конкретных и практических вопросов, третьи, как мы, размышляют о сущности права или изучают проблемы правовой теории и истории, и лишь четвёртые реально право творят (именно реально, а не так, как это делают большинство из наших законодателей). Причём из любого факта можно извлечь огромное количество смыслов, а некоторые из этих смыслов могут иметь важнейшее значение для становления корневых политико-правовых доктрин.

Способности наряду с потребностями являются основными стержневыми характеристиками личности человека. Именно на них как бы «нанализуются» все остальные характеристики, именно они во многом являются основаниями формирования «ядра личности» — его мировоззрения, именно через эти характеристики определяется «самость» человека, его индивидуальность, формы взаимоотношений с обществом и другими людьми. Именно через них человек заявляет о себе и предъявляет свои претензии обществу по принципу: «Вот это я могу сделать, а это я хочу получить». Способности (производно от способ²), просто по определению, связаны с личностной, индивидуализированной формой реализации социальности. Обычно под способностями подразумевают чисто количественную сторону (у этого больше способностей к пению, танцам, бегу, рисованию и т.п., а у того — их меньше). Но это не верно по сути, ибо даже самая простая экстраполяция предполагает, что один поёт басом, а другой тенором, один прекрасно рисует природу, а другой людей и животных³. Следовательно, способности — это нечто качественное, то, что отличает одно не по принципу «больше-меньше, лучше-хуже». Способности подразумевают, что каждый обладающий таковыми, нечто делает такое, и именно так, что отличает его от других, то, что другой не делает или делает совершенно не так — т.е. здесь важно именно качество. Вероятно, это является одной из причин, что люди, профессионально занимаясь правом, выбирают себе различные сферы приложения своих умений и реализуют свои способности каждый в своей конкретной области права.

«Прилаженность» к праву — вполне ёмкая характеристика того, что мы понимаем как правоспособность. Как бы ни была груба эта экстраполяция, но механизм этой «прилаженности» точно такой же, как «прилаженность» к бегу, пению, рисованию или изучению языков. Все, так или иначе, этим занимаются, всех, так или иначе, этому учат — и не только для того, чтобы выявить способности (что тоже важно и необходимо), но для того, чтобы обучаемый стал всесторонне развитым человеком. В дальнейшем можно и не уметь петь, танцевать и т.п., но понимать то, что это могут качественно делать другие тоже очень важно. Точно также и в правоспособности. Общий строй правовой культуры, признание за правом наиболее эффективного регулятора социальных отношений, сама «насыщенность» социума правом совершенно не означает, что в этом обществе (или в этой стране) все являются юристами (хотя их, разумеется, в процентном отношении больше).

В этом плане правоспособность имеет, так сказать, несколько слоёв: 1) правовая культура общества в целом, способность воспринимать аксиологическую составляющую права; 2) «просачивание» права в различные сферы жизни данного общества и степень взаимообусловленности с другими социальными регуляторами (моралью, религией, эстетическим восприятием мира и т.д.); 3) стремление каждого отдельного человека руководствоваться в своих действиях, поступках, притязаниях именно правовыми основаниями, «насыщенность» его жизни правом; 4) профессиональная принадлежность в целом; 5) отраслевая юридическая специфика (судьи, следователи, адвокаты, цивилисты, нотариусы и т.д.); 6) решение дел по конкретным вопросам (логика рассмотрения, равноправное участие сторон, справедливость, возможность участия народа в рассмотрении дела — суд присяжных); 7) доктринальная составляющая права. 8) общественная реакция на те или иные правовые или неправовые действия (граждан, сообществ, государства и его органов).

Правоспособность — это квинтэссенция правового притязания, это то, что личность предъявляет обществу для того, чтобы общество его определённым образом оценило и позволило реализовать имеющиеся у него потребности. Однако мне могут возразить, что далеко не все потребности человека как-то связаны с правом, в некоторых случаях их реализация абсолютно нейтральна, право здесь вообще ни при чём, а часто и никакие другие социальные регуляторы здесь не задействованы. Но вот как раз здесь-то и проявляется качественная определённость правоспособности. Если жизнь человека «насыщена» правом, то он способен понимать всё происходящее в мире, так или иначе, через право (широкое или узкое, общемировое или узконациональное — это уже другой вопрос).

Способности (в том числе и правоспособно-

сти) — это то, что следует постоянно доказывать и обосновывать, но, с другой стороны, и возможности есть как реализованные, так и нереализованные. Способность основывается на задатках, т.е. они субъективны, возможности — на действительности, т.е. они объективны. В правовом аспекте — на комплексе социальных реалий, которые либо позволяют, либо не позволяют сделать нечто. Возможности верифицируют способности: Фрося Бурлакова из культового советского кинофильма «Приходите завтра» имела задатки к пению, которые, как она предполагала, превратились в некую, признаваемую ей и её односельчанами способность. Возможность реализовать эту способность была сопряжена с комплексом случайных и необходимых факторов, которые, в конце концов, при её старании, «добром отношении советских людей», вопреки проискам недоброжелателей и просто везению привели к благополучному финалу. Этот путь на любом своём этапе мог закончиться так же, как и у многих других — т.е. частичной реализацией проекта или полным фиаско⁴. Так же, вероятно, происходит реализация правоспособности относительно тех правовых притязаний, которые выставляет человек. Причём речь идёт не только о реализованных или нереализованных возможностях заявить своё право на нечто, проявить свою правоспособность в конкретном деле или самом принципе отстаивания своих интересов (перед обществом, государством, отдельными государственными и корпоративными структурами и частными лицами), но и в реальной возможности собственно эту правоспособность предъявить (вряд ли заявление о каком-либо прецеденте, на который лет 200 ссылаются англичане, американцы и австралийцы пройдёт в российском суде). В то же время некоторые прецеденты (формула Миранды) приняты практически во всём мире.

Действительно, правоспособность связана с правами, которые лицо имеет, дееспособность — с теми, которые приобретает и осуществляет. То есть налицо имеется некая иерархия или эволюция «прав». Точно также как существует и иерархия-эволюция потребностей: сначала биологические — по возрастанию, затем социальные, духовные и т.д. Права — это проявление социальных и духовных потребностей человека, это форма «оплаты», которую лицо требует у общества за свою правоспособность. Но здесь надо понимать эту ситуацию применительно конкретному обществу и конкретному времени. Правоспособность любого человека (вне зависимости от места в социальной иерархии) меняется в зависимости от конкретной цивилизации и исторической эпохи, может как «расширяться», так и «сужаться». Кроме того, мировоззрение человека, ядро его личности «задействует» различный процент всех своих способностей (в том числе, и правоспособностей) в освоении мира и трансляции этих способностей окружающим. Например, были прави-

тели, которые широко использовали в своей деятельности право, желая решить с его помощью социально-экономические и политические задачи, стоящие перед страной, были известными законодателями, и гордились этим — как Наполеон, который гордился своим Кодексом больше чем военными победами: «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сорок сражений: Ватерлоо изгладит память обо всех этих победах. Но что не может быть забыто, что будет жить вечно, — это мой Гражданский кодекс»⁵. И в эту же эпоху, в этой же стране практически в одно историческое время были такие правители, которых правовая составляющая не интересовала совершенно, а все насущные проблемы решались военным или административным путём. И это, порой, было обусловлено не объективной необходимостью, а просто ментальностью данного правителя. Именно здесь и проявляется диалектика правоспособности и возможности.

Правоспособность, как и дееспособность, есть в реальности, как бы мы по-разному эти феномены ни понимали. Однако о «правовозможности» вряд ли кто-либо слышал. Это понятие отсутствует в правовом лексиконе, но, вероятно, есть некие понятия, которые могут транслировать представления о возможности или невозможности совершить некие действия правового характера. Они также обусловлены правоспособностью как умением мочь, в том числе и понимать путь развития. Скажем, Александр II имел правоспособность совершать, так или иначе, различные реформы и в его окружении были люди, обладающие правоспособностью (в широком смысле этого слова) на проведение этих реформ и правоспособностью (в узком смысле этого слова) как алгоритме собственного поведения. С правовой реформой (т.е. с текстом «конституции Лорис-Меликова») Александр II и умер (причём именно буквально — её текст был в карете, куда кинули бомбу и этот текст лежал рядом с умирающим императором). Его преемник Александр III и мыслил по-другому, и всё его внутреннее мироощущение было другим. Правоспособности воспринимать мир так, как это делал его отец, он не имел. Поэтому и все реформы, и, в первую очередь судебная и земская были свёрнуты, а конституция вообще была объявлена Победоносцевым всемирным злом.

Правоспособность напрямую коррелируется с правом человека, ибо если она и касается человеческой сущности, то есть именно «обезличенного» слоя, тех усреднённых аспектов лица (а может быть, личности), которые нивелируют само содержание права и не затрагивают права человека, действительно к праву человека не имеет отношения. Это право, которое в каждом случае совершенно разное и, в то же время, имеет место быть клонированное однообразие одних и тех же запросов, одних и тех же притязаний. Даже извечное «тварь я дрожащая или право имею» повторялось

миллионы раз, на разных языках и в разных вариациях (перечислять их нет необходимости), но смысл всегда был один: должно существовать некое особое право Человека, а всем остальным уготованы другие роли. Но здесь мы тоже можем отметить, что существует и такая правоспособность и это далеко не экзотический вариант. Правоспособность, проецирующая свою интенцию на весь мир как основание исключительно собственного благополучия — банальное явление.

В настоящее время невозможно абстрагироваться от очевидного факта антропологизации общества, государства и его структур. Известно, что люди бывают счастливыми и несчастными, умными и глупыми, богатыми и бедными, действующими по праву и никакого права не соблюдающие. Интересно, что и государства могут быть такими, государства могут быть даже счастливыми. В 2016 г. самым счастливым государством стала очень благополучная Дания, но в двадцатку счастливых стран вошли и Израиль с постоянными угрозами террористических атак и агрессивными соседями, и скромная Коста-Рика, и весьма проблемная во всех отношениях Бразилия⁶. Антропологизация государства — это не мистика, а следствие цивилизационного кода развития, социально-экономических и политических оснований жизни страны.

Однако «высокая правоспособность» или способность к правотворчеству, возможность увидеть тот аспект правового регулирования, который другие не видят и не понимают, — это удел избранных. Кроме того в разных цивилизациях и даже в разных странах — разная склонность к «юридизации» жизни, включения право в перечень значимых факторов национальной культуры. Это — и цивилизационная склонность к получению образования, и насущная необходимость регламентации жизни, что обусловлено не какими-то умозрительными понятиями, а вполне конкретными жизненными реалиями — многообразие деловой жизни порождает и многокрасочность права. Нетрудно сделать предположение, что в регионах с бурно развивающейся экономикой, торговлей, мореплаванием, разнообразными конфликтами, сложной социальной структурой право будет более востребовано, а правоспособность граждан будет превосходить правоспособность обитателей тех местностей, где всё развивается медленно и традиционно.

Вероятно, также проявляются и индивидуальные особенности правоспособности. Не только человек, вовлечённый в экономические отношения, вынужден становится правоспособным, но, вероятно, и тот, кто в силу своих качеств: ума, характера, темперамента, личных жизненных обстоятельств, активно борется за осуществление своих прав. Это принуждает его фиксировать определённые отношения и проявлять свою правоспособность для защиты этих прав. Именно через борьбу за свои права (как в широком политическом

смысле, когда за них борются крупные сообщества, так и в узком смысле, когда налицо — индивидуализированная форма борьбы за эти права) правоспособность «является миру». Правоспособность — это проявление самости человека, возможности его обосновать свои правовые притязания, но правоспособность — это, если хотите, — это и «лицо» цивилизации.

Правоспособность сопряжена с социально-психологическими явлениями. Но следует отделить общественную правоспособность, о которой говорилось выше, от индивидуальной правоспособности, которая формируется у каждого отдельного человека совершенно именно индивидуально. Но эти два вида правоспособности генетически и социально связаны. «Размер» правовой жизни в каждом конкретном случае разный, и можно сказать, что на Земле существуют как особи, которых можно назвать «*homo juridicus*», так и особи которых можно назвать «*homo profanus*». Разница между ними — не меньшая, нежели между кроманьонцами и неандертальцами. Известно, что первые почти полностью уничтожили вторых. На самом деле, это два огромных мира, которые практически не пересекаются друг с другом, не понимают друг друга. Но *homo profanus* обречены, их ждёт судьба неандертальцев.

Далее. Известно, что потребности и способности являются стержневыми характеристиками личности, на которые как бы «нанизываются» все другие её свойства. Без способностей нет потребностей и наоборот. Существует иерархия потребностей, высшими проявлением которых являются социальные потребности, правовые потребности — одни из самых важных. Способности — зеркальное отображение потребностей. Каков «класс» потребностей — такой же «класс» способностей. Правоспособности — одни из наиболее пиковых, сенситивных в структуре личности, ибо демонстрируют не только какое-либо знание или просто информацию, а отношение человека к миру. В этом, собственно и проявляется широкое понимание права как формы общественного сознания, а не отношение к закреплению отдельных навыков к усвоению пусть и большого объёма информации.

Заметим, что в последнее время российская действительность демонстрирует, что правоспособности наших сограждан становятся вполне совершенными, причём без особого вмешательства со стороны государства, а скорее наоборот. Подтверждение тому может служить то, что современный российский обыватель семимильными шагами освобождается от правового нигилизма, воспринимает право как способ предъявить свои притязания обществу, государству и другим людям. А вот государство — наоборот проявляет себя как закоренелый правовой нигилист, нарушает это права везде, где только можно и нельзя, более того — пытается формировать генерацию послушно-го всем указаниям «сверху» *homo profanus*.

Естественно, что различные люди имеют различные склонности к правовому мышлению. Замечено, что почему-то всё же один ребёнок более склонен к абстрактному и логическому мышлению, другой думает образами. Точно в такой же степени, можно считать, что один человек, даже детстве склонен к каким-либо отраслям знания, к какому-то конкретному типу мышления, в то время как другой склонен к совершенно другим отраслям знания и тип мышления у него — тоже совершенно другой. Эта сфера ещё не так хорошо изучена, поэтому можно предположить, что и правоспособность «проявляется» у одного человека раньше, у другого — позже, а третий так всю жизнь без этого качества и просуществует. В целом — это одно из проявлений правовой культуры в самом широком смысле этого слова. Ведь «правовая культура вырастает из длительной, привычной, устойчивой по своим способам и формам правовой жизни общества или отдельных людей, она воплощает в себе результаты правовой жизни. Правовая жизнь должна пониматься как механизм формирования и воспроизводства правовой культуры общества и человека, и она является устойчивым каналом ретрансляции коллективного или индивидуального правового опыта»⁷.

Правоспособность предполагает равноправное или равновесное отношение со всеми остальными субъектами правоотношений (причём как частными лицами, так и государственными структурами). Все субъекты правоотношений имеют определённый круг обязанностей (он может быть широкий и узкий, реальный и фиктивный, расположенный в настоящем, прошлом и будущем и т.д.), но он всегда есть или (если речь идёт о подрастающем поколении) — будет. Поэтому обязанности — это, то, без чего нет ничего правового, любые самые неограниченные права сопрягаются всегда с обязанностями, чем больше прав, тем больше обязанностей. Как только кто-то забывает об этом, наступает неминуемая расплата. Индивидуальная правовая жизнь при всём своём разнообразии предполагает, что её основными параметрами являются свобода и ответственности как две стороны одной медали.

Литература

1. Всеобщая история государства и права / Под ред. В.А. Томсинова М.: Зерцало-М, 2011. Т.2.
2. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
3. Клименко А.И. Идеологическая функция го-

сударства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.

4. Лановая Г.М. Механизм права гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3.
5. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
6. Малахов В.П. Общая теория права и государства. М. ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013.
7. Малахов В.П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015.
8. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013.
9. Медушевская Н.Ф. Российское конституционное государство как социальный институт: историко-культурологический анализ // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. 2015. № 5.
10. Gtmarket.ru > news/2016/03/17/7295/.

¹ Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 77.

² Способ (по Ожегову) — это образ, род, порядок действия, устройства; лад, склад, приём, средство.

³ Не рисовал И.И. Шишкин мишек в сосновом лесу, не умел он хорошо рисовать животных, мишек нарисовал в этой картине художник К.А. Савицкий, которому, собственно, и весь замысел картины принадлежит, и первоначально у картины числилось два автора, но все лавры достались Шишкину, ибо меценат П.М. Третьяков собственноручно стёр имя Савицкого. А картину «Прощание Пушкина с морем» писали И.К. Айвазовский и И.Е. Репин. Первый рисовал море, а второй — Пушкина.

⁴ Что, кстати, широко описано в классической и постклассической литературе. О том же пении: в романе А.Рекемчука «Мальчики» рассказывается о том, насколько по-разному были реализованы способности к пению и музыке вообще у мальчиков — воспитанников музыкальной школы, и что реальный талант (т.е. возможность) проявился только у одного — у то-го, которого никто в серьёз и не воспринимал, а все остальные уж реализовывали свои певческие способности или производные аспекты своего творчества, кто, как смог, но в не-сравнимым с признанным талантом размере.

⁵ Цит. по.: Всеобщая история государства и права / Под ред. В.А. Томсинова М.: Зерцало-М, 2011. Т.2. С. 118.

⁶ См.: gtmarket.ru > news/2016/03/17/7295/.

⁷ Малахов В.П. Общая теория права и государства. М. ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. С. 30.

УДК 343.224
ББК 67.3

ИДЕИ Я. БИЛЬФЕЛЬДА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЦИИ И РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ СТЕПКИН,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)*

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент А.В. Борисов

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются идеи одного из крупнейших немецких ученых-полицистов XVIII века барона Якоба Фридриха фон Бильфельда о назначении, организации и деятельности полиции. Прослеживается взаимосвязь между его взглядами и положениями основных политических и правовых документов Екатерины II.

Ключевые слова: бильфельд, полиция, организация, функции, идеи, реформы, государство.

Annotation. The article examines the ideas of Baron Jacob Friedrich von Bilfeld, one of the largest German political scientists of the 18th century, about the appointment, organization and activities of the police. The relationship between his views and the provisions of the main political and legal documents of Catherine II is traced.

Keywords: bilfeld, police, organization, functions, ideas, reforms, state.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на тот факт, что Екатерина II при подготовке своих ключевых политических и правовых документов использовала идеи французских и немецких ученых-полицистов¹. Одним из ключевых авторов, чьи идеи оказали влияние на формирование политических взглядов Екатерины, в том числе относительно реформирования полиции, был барон Якоб Фридрих фон Бильфельд (1717-1770), который выполнял функции воспитателя наследника прусского престола. Политико-правовые взгляды Бильфельда изложены в его фундаментальном труде «Наставления политические барона Бильфельда», вышедшем в 1760 г. Первая часть данной работы была переведена на русский язык князем Федором Шаховским и опубликована в России в 1768 году², вторая часть переведена на русский язык профессором Антоном Барсовым и опубликована в 1775 году³. Несмотря на значительный научный интерес к идеологическим основам реформ Екатерины II, специальных исследований взглядов Бильфельда на полицию не проводилось.

Идеи Бильфельда относительно организации поли-

ции изложены в первой части его сочинения. Следует заметить, что при его написании он проанализировал опыт многих европейских государств: Франции, Голландии, Англии, Испании, Пруссии и других германских государств. Использовал он и работы Х. Вольфа и де Ла Мара, которые достаточно высоко оценивал⁴.

Бильфельд рассматривает полицию в основном как систему государственных органов, основными задачами которой являются обеспечение безопасности, чистоты, дешевизны. Причем эти задачи понимаются автором в духе того времени в самом широком смысле.

Бильфельд выступает сторонником деления полиции на городскую и сельскую. Он достаточно подробно описывает структуру и функции этих видов полиции.

По его мнению, полиция должна быть учреждена в каждом городе во главе с директором (генерал-полицимейстером). Город необходимо разделить в зависимости от его территории и численности населения на 4, 8 или 12 частей. Особо крупные города, согласно автору, могут делиться и на большее количество частей. В качестве примера он приводит Париж, разделенный на 20 частей. Каждая часть должна иметь своего комис-

сара, который отвечает за осуществление полицейских функций на данной территории. Директор (генерал-полицмейстер), комиссары частей и два советника-юриисконсульта образуют у Бильфельда «полицейский Сенат», к ведению которого относятся все важные дела, входящие в компетенцию полиции. Данный орган должен собираться не реже двух раз в неделю.⁵

Помимо этого Бильфельд предлагает формировать и целый штат полицейских служителей, подотчетных «полицейскому Сенату»: комиссаров над рынками, караульных, пешие и конные полицейские патрули, десятских.⁶

Автор считает необходимыми использование военных для помощи полиции. Однако привлечение армии к выполнению полицейских обязанностей он считает возможным лишь в крайних случаях. Вместе с тем, предлагает установить обязанность для военных оказывать содействие органам полиции: «Во всех случаях, когда полиция имеет нужду в военной помощи, каждый офицер или солдат должен быть послушен судьям полицейским, которые повелевают именем своего государя, и ему в том отвечают»⁷.

Особое внимание Бильфельд уделяет требованиям к полицейским чиновникам. На должность директора полиции (генерал-полицмейстера) он предлагает назначать исключительно знатных особ, имеющих познания в законах. В целях профилактики злоупотреблений служебным положением он считает необходимым установить для них «знатное жалование»⁸. Следует заметить, что идея назначения на должности полицейских начальников лиц с высоким социальным статусом встречается и у Юсти, и впоследствии была воспринята Екатериной II⁹.

Ряд требований предъявляет автор к комиссарам частей. По его мнению, они должны проживать в той же части города, иметь «некоторые познания в законах», обладать определенными навыками письменной речи.¹⁰

В своем сочинении Бильфельд подробно не останавливается на органах центрального управления полицией. Но очевидно, что он является сторонником централизации в организации полиции, так как предлагает учредить должность Генерал-полицмейстера, обладающего статусом министра, входящего в Совет (высший совещательный орган при монархе).¹¹

На страницах своего произведения Бильфельд выступает сторонником юридического неравенства сословий. Хотя он пишет, что «все члены общества, какого бы чину и состояния ни были», должны быть подчинены полиции, в то же время предлагает дифференциацию полицейских мер в зависимости от социального положения нарушителей. Например, он говорит, что полиция не имеет права судить знатных особ «такою формою и с такою строгостию, как подлых лю-

дей»¹². Или: «Когда мужик разобьет фонари на улицах, то можно его посадить на цепь; но такое наказание не может быть употреблено над человеком почтенным, а есть другие способы исправить его, не нанося ему бесчестья».¹³ То есть, автор предлагает за одно и то же правонарушение в отношении простолюдина использовать телесные наказания, а в отношении «почтенного» человека ограничиться выговором.

Бильфельд не исключает осуществление полицией судебных функций по незначительным правонарушениям. Но полиция не должна рассматривать гражданские дела и дела о преступлениях. По ним полиция принимает лишь меры обеспечительного характера, такие как задержание и допрос преступника, доставление его в суд, опечатывание и охрана имущества умершего лица и т.п.¹⁴

Вслед за де Ла Маром Бильфельд определяет задачи и функции полиции самым широким образом, включая в них контроль почти над всеми сферами жизни общества.

Как уже было замечено выше, в число главных задач полиции Бильфельд включает обеспечение безопасности, чистоты, дешевизны. Для достижения каждой из этих задач он предлагает наделить полицию определенными функциями и полномочиями.

В целях обеспечения безопасности полиция, согласно Бильфельду, должна бороться с преступностью, охранять общественный порядок, оказывать содействие медицинским службам в борьбе с эпидемиями, осуществлять цензуру печатной продукции, осуществлять предупреждение и прекращение пожаров, принимать меры против наводнений, искоренять азартные игры, осуществлять контроль за лотереями, постоялыми, питейными и прочими домами, бороться с астрологами, колдунами, алхимиками, осуществлять контроль за посещением христианами богослужений, бороться с нищенством, проституцией, надзирать за исправительными домами, осуществлять контроль за массовыми мероприятиями, предупреждать и пресекать «народные возмущения», пресекать деятельность тайных обществ.¹⁵ По большинству из перечисленных направлений деятельности, автор самым детальным образом определяет полномочия полицейских чиновников.

Второй главной задачей («частью») полиции Бильфельд считает чистоту. По существу под этим он понимает обеспечение надлежащего санитарного состояния городов, надлежащего состояния застройки и качества дорог, благоустройство городов.

Для достижения данной задачи автор наделяет полицию рядом функций. В их число он включает контроль за застройкой улиц и площадей, за исправностью дорог, тротуаров, обеспечение вывоза мусора, контроль за содержанием домашнего скота, смотрение над клад-

бищами, живодернями, обеспечение освещения в городах, контроль за наемными извозчиками.¹⁶ Причем автор достаточно подробно описывает обязанности полиции по каждому из указанных направлений. Вплоть до того, например, что «полиция должна украсить город разными играми в мячи и в шары, манежем, залами рапирными и танцевальными и проч... Она устанавливает банщиков и бани для содержания чистоты».¹⁷

В качестве третьей важнейшей задачи полиции Бильфельд выделяет обеспечение «дешевизны». Следует заметить, что в данном разделе своей работы он пишет о контроле полиции над торговлей и промыслами вообще.

Так, полиция, согласно Бильфельду, должна обеспечивать доступность цен для населения на основные продукты питания (хлеб, мясо, соль, уксус, различные напитки, сахар, пряности, сушеные фрукты, рыбу), сено, топливо для печей; осуществлять меры для предупреждения голода; осуществлять контроль за рынками, за всеми ремесленниками, наемными работниками; осуществлять смотрение за мерой и весом; контроль над ломбардами; осуществлять контроль за надлежащим качеством продаваемых товаров; контроль за изготовлением золотых и серебряных изделий.¹⁸ Интересно, что в число напитков, за ценой и качеством которых полиция обязана следить, Бильфельд включает пиво и водку.

Отдельно Бильфельд рассматривает организацию сельской полиции. По его мнению, осуществление полицейских функций в сельской местности имеет существенные особенности. Он отмечает, что «сия полиция имеет те же основания, однако же она не столько обширна, и следовательно гораздо менее затруднительна».¹⁹

Бильфельд допускает выполнение отдельных полицейских функций помещиками и другими землевладельцами, но в рамках законов государства, поскольку «все сельские жители, как крепостные так и вольные, прежде принадлежат к числу подданных своего Государя, нежели своего помещика».²⁰ Таким образом, автор выступает противником наделяния помещиков излишней полицейской властью.

Для осуществления целого ряда полицейских функций, которые нельзя было поручить «вотчинной» полиции, а так же для координации ее деятельности Бильфельд предлагает учредить «генеральную сельскую Полицию». Причем автор выступает сторонником централизации в управлении данной полицией, так как предостерегает от наделяния местных землевладельцев какими-либо серьезными полномочиями по ее формированию и управлению ею в связи с возможными злоупотреблениями. По его мнению, органы сельской полиции должны находиться в ведении центрального департамента государственных сборов,

который разработает для нее единый устав.²¹ Данная идея автора свидетельствует о том, что одна из важнейших задач полиции в отношении сельского населения в тот период сводилась к обеспечению сбора налогов.

В целом Бильфельд наделяет сельскую полицию теми же задачами и функциями, что и городскую, но отмечает и определенную специфику. Так, он считает, что обеспечить безопасность в определенных сферах в сельской местности значительно сложнее, чем в городе. К таким сферам он, в первую очередь, относит защиту от воров и разбойников. Автор отмечает достаточно высокий уровень преступности в различных странах, особенно в Англии. В качестве одной из основных причин этого он видит в неэффективности деятельности полицейских служащих.

Для борьбы с этим злом он предлагает законодательно ужесточить наказания за разбои, убийства и другие тяжкие преступления. Говоря об ответственности для таких преступников, Бильфельд отступает от своей идеи классового неравенства и предлагает одинаково строго наказывать всех вне зависимости от сословной принадлежности. «Первой дворянин в государстве и последний крестьянин равномерно должны смертью казнены быть, если они учиняют столь подлое и бесчестное дело»²² — пишет он.

В отличие от города, где Бильфельд предлагает использовать армию для выполнения полицейских функций лишь в исключительных случаях, в сельской местности он считает необходимым использовать регулярные армейские части на постоянной основе. Так, автор выступает сторонником привлечения кавалерийских полков, которые бездействуют в мирное время, к патрулированию территории вне городов, поимке преступников, нищих, «праздношатающихся».²³

Особое внимание Бильфельд обращает на такие обязанности сельской полиции, как контроль за приезжими, контроль за постояльцами дворами, борьба с нищенством, санитарный контроль, контроль за состоянием дорог, истребление диких зверей и бродячих собак. Интересно, что опрятность и трезвость крестьян автор связывает исключительно с работой полиции. Описывая своё путешествие по Вестфалии, автор говорит, что данная «земля только потому и несчастлива, что там Полиция весьма недостаточна и позволяет жителям столько быть в нечистоте и пьянстве, что на них смотреть гадко»²⁴.

Так же как и на городскую, на сельскую полицию Бильфельд возлагает функции обеспечения пожарной безопасности, предотвращения наводнений. В частности, в целях предотвращения пожаров он предлагает запретить использование при строительстве крестьянских домов легковогогорающих материалов, а контроль за соблюдением этого запрета возложить на сельскую

полицию.

Таким образом, идеи барона фон Бильфельда об организации полиции, исходят из общей концепции полицейского государства в его немецком варианте. Полиция у него является ключевым инструментом государства для контроля за всеми сферами жизни общества. Цель же такого всеобъемлющего контроля и регулирования заключается у Бильфельда, как и других немецких камералистов, в достижении государством материального благополучия. Можно, пожалуй, отметить, что степень вмешательства полиции в личную жизнь граждан в его варианте немного ниже, чем у других представителей данного направления — Юсти²⁵ и Зонненфельса²⁶.

Без труда можно провести параллели между рассмотренными идеями Бильфельда об организации полиции и положениями «Наказа», «Наказа Главной полиции», «Учреждения для управления губерний Российской Империи», «Устава благочиния или полицейского» Екатерины II. Это и идеи о привлечении на руководящие должности в полиции знатных людей, о структуре полицейских органов, о функциях и полномочиях полиции и многие другие. Кроме того, по мнению специалистов²⁷, Екатерина использовала при составлении «Наказа» идеи Монтескье в обработке Бильфельда.

¹ См.: Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. С. 247. Тарновский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе Императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.В. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44-86. Поленов Д.В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения // Сборник Русского исторического общества. Том четвертый. Спб., 1869. С. 34.

² Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 1. М.: Императорский Московский университет, 1768.

³ Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 2. М.: Императорский Московский университет, 1775.

⁴ Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 1. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 18, 198.

⁵ Там же. С. 128-129.

⁶ Там же. С. 129, 131.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же. 128-129.

⁹ Стёпкин Е.Ю. Идеи И.Г.Г. Юсти как основа полицейских реформ Екатерины II // Сборник трудов международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». С.-П., 2016.

¹⁰ Бильфельд Я. Указ. раб. С. 129.

¹¹ См.: Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 2. М.: Императорский Московский университет, 1775. С. 62.

¹² Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 1. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 130.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: там же. С. 131.

¹⁵ См.: там же. С. 133-148.

¹⁶ См. там же. С. 149-159.

¹⁷ Там же. С. 157.

¹⁸ Там же. С. 159-179.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Там же. С. 184.

²² Там же. С. 185.

²³ Там же. С. 186.

²⁴ Там же. С. 193.

²⁵ Юсти И.Г.Г. Основание силы и благосостояния царств или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния». СПб., 1778. С. 42. Ч. 4.

²⁶ Зонненфельс И. Иосифа Зонненфельса начальные основания полиции или благочиния. М., 1787.

²⁷ Тарновский Ф.В. Указ. соч. С. 44-86.

УДК 34
ББК 67.0

ТИПОЛОГИЯ ПРАВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА СТРОЕВА,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры специальной подготовки

Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: oxana25121989@gmail.com

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлена типология как основное методологическое средство теоретико-правового анализа действующего права и правосознания. Проблема понимания правосознания как атрибута права требует исследования включенности правосознания в действие права и может быть адекватно решена лишь в контексте типологического анализа.

Ключевые слова: типология, тип, методология, право, правосознание, отрасли, познание.

Annotation. In article the typology is considered as the main methodological means of the theoretical and legal analysis of the right and legal consciousness. The problem of understanding of the legal consciousness as attribute of the right demands a research of an inclusiveness the legal consciousness in action of the right and can be adequately solved only in the context of the typological analysis.

Keywords: typology, type, methodology, the right, the legal consciousness, branches, knowledge.

Способность и возможность жить и действовать в системе правовых координат для современной личности чрезвычайно важны, и успешность ее правовой жизни в значительной степени зависит от уровня развитости ее правосознания. Одним из первых проблему взаимообусловленности личности и правового сознания обозначил И.А. Ильин: «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает... Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством»¹. Взаимосвязь указанных категорий обуславливает особую важность обеспечения соответствия действительности правового сознания характеру научного и практического освоения права личностью.

В этой связи важное значение приобретает исследование комплекса проблем, связанных с определением роли правосознания в праве, взаимосвязи содержания права и правосознания, что требует, прежде всего, уточнения его теоретико-методологических предпосылок. В рамках данного подхода заслуживают внимания вопросы о том, в чем сущность самой проблемы кор-

реляции правосознания с правом и в контексте какого подхода к пониманию права она может быть не только успешно решена, но и правильно поставлена.

В первую очередь следует установить, как правосознание и право связаны между собой. Признавая тесную связь рассматриваемых понятий, С.А. Комаров и А.В. Малько полагают, что правосознание есть, прежде всего, понимание права, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей как к действующему, так и к желаемому праву². Другие исследователи определяют правосознание как основополагающее начало, которое обеспечивает общее уважение к праву, солидарность с правовыми требованиями, внутреннюю убежденность в необходимости соблюдения и сознательного отношения к правовым нормам³.

Как справедливо отмечает В.П. Малахов, правосознание хочет удержать право от его обмирщения, оно призывает к ценностям, которые, если они утрачены, необходимо возобновить в правовой жизни⁴. Неслучайно действующее правосознание получает выражение через тождество идее права, которое в своей

природе и сущности может быть полностью понято и адекватно раскрыто только в каркасе смыслов, средств и форм правосознания⁵.

Чтобы разобраться в связи права и правосознания, необходима некоторая обобщающая форма, способная выявить качественные свойства и внутреннее содержание, показать включенность правосознания в право и выявить их взаимоопределенность. На наш взгляд, такой формой может выступать типология как разновидность деления, в нашем случае — права и правосознания по наиболее существенным признакам. Типология — определенный шаг в познании многообразия содержания права и правового сознания и значимости последнего для права.

Выбор и обоснование методологии изучения правосознания относятся к числу наиболее принципиальных задач, которые в сущности никогда не утрачивают своей дискуссионности, в том числе и в современной юридической науке. Вместе с тем, моментом, определяющим необходимость постановки вопроса о типологии, выступает наличие смысловой связи между пониманием правосознания как явления правовой действительности и права как предмета отражения. В этой связи типология представляет собой вызванный объективной необходимостью закономерный процесс познания правового сознания, который является одним из важнейших приемов и средств раскрытия существа действия права и функционирования правосознания.

Применительно к исследованиям в области современной теории права и государства роль типологии трудно переоценить, поскольку она позволяет гораздо лучше понять сущность, внутреннее содержание и элементы изучаемых объектов. Типологический подход наиболее ярко, на наш взгляд, раскрывает средства и методы, с помощью которых такие сложные явления, как правосознание, понимаются в их структурной самодостаточности, в их становлении и обособлении по отношению друг к другу и к правовой среде.

В общетеоретическом и практическом планах значение типологии заключается в том, что вырабатываемые идеи о типах дают ключ для правильного понимания функционирования рассматриваемых явлений и последовательного их развития, облегчают понимание внутренней логики и закономерностей взаимной корреляции права и правосознания. Это обусловлено рядом факторов. С одной стороны, типология позволяет органически сочетать исследование общих закономерностей развития правосознания и различных типов права. С другой стороны, типология как метод создает необходимые предпосылки для широкого обобщения, систематизации и анализа всего фактического и научного материала, который касается практически всех сторон возникновения и развития правосознания и

права, их взаимодействия.

В свете сказанного заслуживает внимания точка зрения О.Е. Землянова, который отмечает, что типология обладает определенным преимуществом, поскольку позволяет не только включить в исследование все изученные формы, но и выявить некоторые «незанятые» участки, где позднее будут помещены вновь открытые формы⁶.

При существующем разнообразии подходов к понятию права и правосознания типология, на наш взгляд, может служить тем методологическим средством, с помощью которого возможно воспроизвести внутреннее строение и соотнести право и правосознание. В то же время следует заметить, что процесс познания с помощью типологии позволяет определить качества, свойства и особенности, присущие не только праву, но и правосознанию, их видоизменить и преобразовать⁷.

Значение типологии, среди прочего, состоит в том, что посредством ее решается задача обобщения и осмысления накопленного в юридической науке материала. Однако методологическую проблему представляет то, что существующие в современной теории права и государства классификации сводятся, в основном, к отраслевому делению права и исторической типизации, что не отвечает полному и всестороннему анализу внутреннего его содержания, а, как подчеркивает Д. Ллойд, позволяет лишь выявить его поверхностное строение и понятие⁸.

На основе указанных признаков можно сформулировать понятие типологии как особой системы, которая состоит из взаимосвязанных основных логических единиц. Очевидно в этой связи, что эффективность типологии требует отыскания и уяснения сущности некоторых фундаментальных структур и структурных элементов права и правосознания. Такими единицами, на наш взгляд, являются типы, которые образуются как результат исследуемого множества объектов, объединяемых с помощью типологии. Это позволяет рассматривать одновременно тип права и тип правосознания как научную абстракцию, сложившуюся в результате акцентирования, усиления и логического связывания элементов, адекватно представленных как в праве, так и в правосознании. Таким образом, типология позволяет изучать рассматриваемые правовые явления на качественно новом уровне.

В теории права и государства существует различное толкование понятия типа права. Большинство правоведов под ним традиционно понимают то, что может быть названо историческим типом права, выделяемом на основе установления особенностей происхождения, функционирования и развития права⁹. Но традиционные подходы к типологии права сегодня не

в полной мере могут объяснить происходящие трансформации права, правосознания, общества и государства. И здесь на первый план выходят нетрадиционные подходы. Так, например, на основе, казалось бы, традиционного цивилизационного подхода рядом ученых была предложена космо-психо-логическая типология правосознания, базирующаяся на культурно-историческом развитии населения в определенной эпохе, на признании того, что чувства и эмоции, лежащие в основе любого правосознания, формируются исходя из духовного состояния народа¹⁰. Выделяются, например, европейский, восточный, евразийский (русский) типы правосознания. При этом действующие нормы и правила поведения, представления о желаемом и действительном праве, о соблюдении законности закладываются в сознании человека в соответствии с культурно-историческим способом развития¹¹.

Однако, на наш взгляд, такой подход не позволяет эффективно выявить общие черты и закономерности возникновения и развития права, а, следовательно, и правосознания, и поэтому, исходя из целей данного исследования, не может быть использован нами в дальнейшем. Следовательно, имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют, что более пристального внимания заслуживают нетрадиционные подходы к выделению типов права. Среди них наибольший интерес представляет типология, строящаяся на репрезентации типов права, концептуально связанных с отраслями права.

Стоит заметить, что большинство авторов выделяют в качестве критерия отраслевого деления предмет и метод правового регулирования. На наш взгляд, этот вопрос является дискуссионным и требует тщательной проработки, поскольку, как справедливо отмечает Н.В. Разуваев¹², невозможно ограничить одну отрасль права от другой, руководствуясь лишь предметом правового регулирования, либо, не отрицая значения предмета, методом регулирования, либо предметом и методом как взаимосвязанными и взаимообусловленными критериями деления права на отрасли.

Предлагаемые критерии отражают право только в его явлении, не касаясь сущностных моментов. Н.В. Разуваев предлагает в качестве основных критериев дифференциации отраслей, с одной стороны, культуру и ее специализированные сферы, к которым принадлежат те или иные отрасли, а с другой стороны — семантический критерий (особенности юридической действительности), синтаксический (группировка норм различных видов внутри каждой отрасли) и прагматический (определенный набор ценностей, присущих отрасли)¹³. Подобный подход, в силу одностороннего характера, также не позволяет в полном объеме раскрыть сущность и характер права.

Следует отметить, что тип, в отличие от отрасли, обладает системой параметров, взаимообусловленных и взаимозависимых, вытекающих один из другого и имеющих значение критериев достижения качественной определенности типа. Впрочем, систематизация отраслей позволяет рассматривать право лишь с функциональной точки зрения, не вдаваясь в его содержание. В то время, типологическая характеристики права способна фрагментарно раскрыть внутреннее содержание права, его природу и сущность. Кроме того, взаимосвязанные отрасли представляется логичным структурировать именно с помощью типа. Так, например, различающиеся по своему предмету и методу полицейское и административное право возможно объединить в административный тип права, руководствуясь тем, что они имеют общую сущность, это образования, соединяющие в себе управление и исполнительную власть, направленные на контроль над обществом.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что типология, в отличие от отраслевого деления права, позволяет дать существенно более объемную и глубокую характеристику действующего права в различных его проявлениях и областях применения. Типология выступает основным методологическим средством теоретико-правового анализа, способного выявить содержательно и функционально однородные компоненты права¹⁴.

В этой связи стоит заметить, что суть деления права на типы состоит в том, что в праве существует комплекс базовых норм, призванных обеспечить развитие права в обществе. При этом выделяемые на основе базовых отраслей типы способны в достаточной мере раскрыть значение и действие права, выявить основные характеристики действительного права. Вместе с тем, появление той или иной отрасли первоначально обусловлено необходимостью существования определенного типа права¹⁵. Исходя из несомненности неразрывной связи, слитности права и правосознания, следует сделать вывод о целесообразности использования типологических характеристик права в типологии правосознания.

На наш взгляд, в основе типологии правосознания должен лежать ряд теоретически обоснованных средств различения его содержания. Следует согласиться с Н.В. Сильченко в том, что типологическая характеристика правосознания требует систематического ее обобщения и приведения в определенную форму или систему¹⁶. Также важно учесть позицию В.А. Тутина, признающего существование в правосознании отдельных областей, объединяющих взгляды, идеи, чувства, относящиеся к определенной отрасли права¹⁷.

Основываясь на приведенных доводах, считаем

целесообразным под типом правосознания понимать качественное состояние правосознания, определяемое, прежде всего, его внутренними факторами и его природой. Тип правосознания характеризует определенную совокупность существенных признаков, которые образуют внутренне устойчивое ядро взаимозависимостей, и в этом своем виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания. В каждом типе общие структурные элементы правосознания получают качественно различное содержательное наполнение, в совокупности характеризующие специфику конкретного типа.

В большинстве современных научных работ по теории права и государства рассматриваются общие вопросы формирования и функционирования правосознания, в основном вне связи с отраслевым различием права, и, как итог, правосознание изучается в отрыве от права. Правосознание существует в неразрывной связанности с действующим правом, поэтому исследование типов правосознания не может быть полноценным вне видения их в системе базовых отраслей права. Поскольку правосознание является важнейшим элементом и индикатором качественной определенности правовой системы, постольку мы приходим к выводу, что тип правосознания отражает сферу, соответствующую определенным видам правовых отношений и отраслей права.

Таким образом, проблема понимания правосознания как атрибута права требует исследования включенности правосознания в действие права и может быть адекватно решена лишь в контексте типологического анализа. Признание права в качестве объекта правосознания требует понимания самого правосознания в качестве средства и формы познания и выражения права.

Вопрос о том, что несет в себе типология как методология, для юридической теории и практики не имеет универсального решения и требует дифференцированного анализа специфики типов права и содержания правосознания.

1 Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2008. С.314.

2 Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2001. С.292.

3 Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М.: Зерцало, 1998. С.57.

4 Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С.249.

5 Малахов В.П. Концепция философии права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С.8.

6 Землянов О.Е. Проблемы типологии, как приема изучения правового регулирования // Актуальные проблемы праведения. 2009. №1 (22). С.32.

7 Марченко М.Н. Теоретико-методологические проблемы права. М.: Зерцало-М., 2007. С.11.

8 Ллойд Д. Идея права. М.: ЮГОНА, 2002. С.2

9 Рожкова Л.П. Принципы и методы типологии государства и права. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. С.22.

10 Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону, 1992. С.18.

11 Маринова С.Ш. Виды и типы правосознания: сравнительно-правовой анализ // Политико-правовые системы стран Европы и Северной Америки: сравнительные исследования. Межвузовский сборник научных статей. Саранск, 2008. С.202.

12 Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. 2002. №3. С.31-55.

13 Там же. С.31-55.

14 Лановая Г.М. Типология как методологическое средство теоретико-правового анализа юридического права // История государства и права. 2010. №4. С.13-14.

15 Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Указ. соч. С.343.

16 Сильченко Н.В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права // Право и правотворчество: вопросы теории. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. С.56.

17 Тутинас В.А. Конституционное правосознание и вопросы укрепления социалистической законности // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии. Волгоград, 1982. С.17.

УДК 34.01
ББК 67.0

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМЫ ФУНКЦИЙ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ ЧЕРНЯВСКИЙ,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права
Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
E-mail: aleksandrcher@mail.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Предпринята попытка проанализировать современное состояние научного познания и точек зрения на теорию функций права на основе классической научной методологии. Идея права и его функций как норм согласования и разграничения человеческих интересов является злободневной и стоит в фокусе современного юридического мышления. В ней дается анализ мнений известных мыслителей и ученых по поводу понимания роли государства в разграничении и согласовании интересов различных групп населения и взаимозависимость при этом функций государства и функций права. Раскрывается неоднозначность данной теоретической концепции. Одновременно делается попытка обосновать гибкость и универсальность данного подхода в современном правоведении.

Ключевые слова: разграничительная функция права, соединительная функция права, правовой союз, человеческие интересы, социальная подсистема, государственный союз, идеологическая функция права, правовая идеология, социальное назначение права

Annotation. On the basis of classic scientific methodology this article attempts to analyze the current situation of scientific cognition and viewpoints on the theory of law functions. The article author emphasizes that the law idea and its functions as norms of harmonization and differentiation of human interests is the topical and it is in the focus of contemporary legal thinking. It provides the analysis of the opinions of famous thinkers and scientists, concerning the understanding of the state role in differentiation and harmonization of interests of different groups of the population and thus interrelation of the state functions and the law functions. The ambiguity of this theoretical conception is disclosed in the article. Simultaneously the paper attempts to prove the flexibility and versatility of this approach in the contemporary legal science.

Keywords: differentiating law function, conjunctive law function, legal union, human interests, social subsystem, state union, ideological law function, legal ideology, law social purpose

Более чем когда-либо, стало ясно, за последнее время, что задачи государства, этого высшего правового союза, заключаются не в одном только пассивном разграничении интересов, но также в их активном согласовании, что сущность и задача права заключается не только в том, чтобы разграничивать интересы, но также и в том, чтобы создавать, в необходимых случаях, соединение отдельных сил и интересов и надлежащим образом их регулировать.

Государство есть то же общество, но, так сказать, индивидуализированное и вооруженное принудитель-

ной властью: общество есть тот же государственный союз, но только не с точки зрения его принудительного властвования. Государственные интересы суть те же общественные интересы, и «государственный социализм» и «государственный капитализм», при современном широком развитии социального законодательства, явившегося прямым следствием сознания государством своих общественных задач (функций государства), есть явление живой действительности.

Во всех областях социальной жизни государство выступает, конечно, с одной стороны, как авторитет-

ный регулятор различных, в том числе конфликтных интересов, но вместе с тем и, с другой стороны, — как объединяющая сила, за которой стоит принудительная власть. Ограничиваясь в отношении частных, отдельных интересов только их регламентацией, разграничением их, государство и право в отношении интересов общих выступают в качестве начал уже не только ограждающих, охранительных, но и творческих, объединительных, созидających на почве взаимодействия интересов, их соединения и общности, а самое главное, выполняя основную свою функцию — регулятивную.

Эта не только разграничительная, но и соединительная функция права была, конечно, не чужда также и сознанию автора определения права (Коркунов Н.М.), «как норм разграничения интересов». По крайней мере, в своей критике ведущего начало от Канта определения права, как норм свободы, Коркунов указывает, в качестве недостатка этого определения, на то, что в нем «праву придается исключительно разделяющая, а не соединяющая функция». Между тем, продолжает Коркунов, «разграничивая общие интересы, право не ограничивает свободу отдельных личностей, а соединяет их единством права на осуществление общего интереса» [1].

Бесчисленные в науке теории о «правокачественности права», могут быть сведены к двум основным типам, если принять за основание их классификации основной вопрос о соотношении между идеями права и государства, как высшего организованного правового союза. Одна из этих теорий отождествляет право с законом, исходящим от государственной власти и ограждаемым от его нарушения организованным, в лице этой власти, физическим принуждением.

Коркунов Н.М. в «Лекциях по общей теории права», в своем обзоре теории права, классифицирует их, принимая за *fundamentum divisions* различные определения права: 1) по содержанию, 2) по источнику и 3) определение права, как нормы принудительных, т.е. по способу осуществления правовых норм. В действительности, с этой классификацией едва ли можно согласиться, прежде всего, потому, что различие в понимании права, как норм принудительных (физически), теснейшим образом связано с различием в построении права по его источнику, смотря по тому, принимается ли или не принимается за этот источник государство. Кроме того, предлагаемое Коркуновым классифицирование теорий права, в зависимости от определений его, с одной стороны, по содержанию, а с другой — по источнику и по его принудительному характеру, едва ли можно считать вообще правильным, с точки зрения надлежащей классификации в методологическом смысле этого понятия, если иметь в виду, что при нем неизбежно, так сказать, взаимопересечение тех или иных групп определений права, так как одно и то же определение права, по его содержанию, принадлежащее, поэтому, к одной из намеченных Кор-

куновым групп классификации, может оказываться, в то же самое время, принадлежащим, по его источнику или по его принудительному характеру, к другой из этих групп или даже к ним обеим.

Такое взаимопересечение неизбежно именно потому, что, если брать за основание классификации, *fundamentum divisions*, признаки не из одной, а из различных областей логических понятий (не только по тому или иному содержанию, и не только по тому или иному источнику, и не только по принудительному или не принудительному характеру, а по всем этим различным признакам различных логических категорий), то во взаимоотношении этих признаков естественно отсутствует то условие их взаимоисключаемости, какое является необходимым условием правильной исчерпывающей классификации. Точно так же, как если, например, иметь целью произвести классификацию всех строений, находящихся в одном городе, мы разделим эти строения по группам, в основании классификации которых будет лежать и тот признак, являются ли эти строения каменными или деревянными и на ряду с этим, признак количества их этажей, или, например, цвета их окраски, то неминуемо окажется, что одно и то же строение будет, при такой классификации, принадлежать одновременно не к одной какой-либо группе, а к нескольким.

А между тем, при той основной классификации теории права, о которой идет у нас речь, нас интересует группировка их только по одному какому-нибудь признаку, — тому наиболее существенному из них, который действительно может быть принят за общее основное *fundamentum divisions*.

Эти теории так называемые государственные, теории приоритета государства над правом. Для них право в объективном смысле есть закон, изданный государственной властью, и обычай, поскольку он этим законом санкционирован. Право в субъективном смысле интерес, защищенный этим законом и стоящим на его страже, по выражению Монтескье, «жандармом с пашкою на голо», т.е. исходящим от государства физическим принуждением, угрожающим возможному нарушителю права. На стороне этих теорий, которые ближе всего отвечают массовым, «ходячим» представлениям о праве, находятся главным образом цивилисты, привыкшие оперировать с нормами гражданского, частного права, которое действительно представляется существующим лишь постольку, поскольку оно находит признание в защиту со стороны государства, в лице его власти.

Таким образом, проблема классификации функций государства в зависимости от принятия той или иной теории «правокачественности», переносится и на понятия «классификации и содержания функций права в современном правоведении».

В начале XX века вопрос понятий «функции права» рассматривался в работах Л. Дюги [2], Н.М. Коркунова [1], Л.Б. Петражицкого [3], К. Реннера [4] и не-

которых других авторов. Но особенно активно данная область в юридической науке начала исследоваться в 60-80-е годы и остается предметом научного поиска и дискуссий до настоящего времени [5].

Анализ научных работ в сфере активного исследования понятий «функции права» на сегодняшний день не позволяет констатировать наличие единого взгляда на эту проблему. Так правильно отмечает в своей работе Пашенцев Д.А., что, только встав на разные, порой даже противоположные методологические позиции, можно успешно трактовать такую сложную, не лишённую внутренних противоречий систему, как право [6].

Л.И. Петражицкий в частности отмечает, для общего ознакомления с характером и социальным значением права важно в особенности иметь ввиду два направления этого нормирования, две специальных, весьма существенных для социальной жизни функций права, которые можно назвать: 1) распределенной и 2) организационной функции права. В сфере того точного и определенного нормирования и координации социального поведения, которое создается правом, можно, дальше, различать разные специальные направления этого нормирования и координации, разные специальные, свойственные праву, в отличие от нравственности социальные функции [7].

Итак право — регулятор общественных отношений, и естественно является преображенной формой идеологии. Таким образом осуществляя идеологическую функцию, право как бы решает сверхзадачу, становится инструментом идеологии, т.е. принимает на себя определенную часть социальной нагрузки, которую должны нести другие надстроечные феномены [12]. Важной структурной чертой механизма правовой идеологии современного государства является то, что механизм дискурсивной интерпретации, как правило, используются в сочетании [13].

На специально-юридическом уровне, отмечает А.В. Малько, право выполняет регулятивную (развитие общественных отношений) и охранительную функции. Регулятивная функция имеет первичное значение, носит творческий характер, ибо право с помощью ее призвано содействовать развитию наиболее ценных для общества и государства социальных связей. Подобную функцию обеспечивают, как правило, правовые стимулы — поощрения, льготы, дозволения, рекомендации и т.п. Данные средства способствуют удовлетворению интересов лиц, открывая простор для их активности, инициативы, предприимчивости. Однако здесь автор, а также многие другие ученые, все таки упускает, что именно в содержании этой функции права заложена основная сущность феномена права, разграничение и соединение интересов различных общественных слоев, групп, классов государства и уже потом следует развитие социальных связей, так как эта функция права вытекает из самой теории государства.

Охранительная функция выполняется с помощью правовых ограничений — обязанностей, запретов,

наказаний, приостановлений — и имеет вторичный характер. Она производна от регулятивной функции и призвана ее обеспечивать [15], ибо охрана и защита начинают действовать тогда, когда нарушается нормальный процесс развития тех, или иных социальных связей, когда ему препятствуют конкретные помехи.

В науке правоведения термин «функция» употребляется для характеристики социальной роли государства и права в процессе воздействия последних на возникновение, прекращение и изменение общественных отношений. Смысловая нагрузка понятия «функция права» должна охватывать одновременно как назначение права в целом, так и вытекающие из этого направления его воздействия на общественные отношения. Поэтому, раскрывая содержание какой-либо функции права, необходимо постоянно иметь в виду связь назначения права с направлениями его воздействия и наоборот — предопределенность последних назначением права [17]. Как юридическая категория, функция права — это реализация его социального назначения. Таким образом, необходимо определить как социальное назначение права [18], так и категорию правового воздействия.

Социальное назначение права представляет собой синтез потребностей общества в процессе развития последнего [19]. В соответствии с потребностями, социальными запросами общества органами государственной власти принимаются нормативные правовые акты, направленные на закрепление возникновения, изменение и прекращение тех или иных общественных отношений, их государственное — правовое регулирование и охрану. Причем то или иное назначение права выступает тем отчетливее, нагляднее, чем острее ощущается потребность (необходимость) именно в соответствующей его социальной роли [18] — закрепить, защитить или направить развитие определенных общественных отношений.

Наиболее существенным компонентом функции права следует считать направление воздействия последнего [20]. Оно является своего рода ответом права на потребности общественного развития, результатом право- и нормотворческой политики, которая концентрирует эти потребности и трансформирует их в позитивное право. Раскрывая понятие «функция права», следует обратить внимание на взаимосвязь и соотношение таких категорий, как «правовое воздействие» и «правовое регулирование» [17].

Функция права реализуется как направление его активного действия, регламентирующего конкретные сферы жизнедеятельности общества, отношений в нём [21]. Соответственно, функция права явление не статичное, а изменяющееся в соответствии с процессами, происходящими в обществе, и, проецирующимися на право, изменяющими последнее.

Однако, функции права, как юридической категории присуща и определенное постоянство, логически вытекающее из длительности процесса её действия.

При этом постоянство присуще функции права постольку, поскольку функция есть органичная часть права, присуща последнему. Что касается механизмов и форм осуществления функции права, то эти категории изменяются и развиваются в соответствии с потребностями практики. Следует отметить, что категория «функция права» и такие понятия как «роль права», «задача права», «содержание права» и «функционирование права» имеют различную правовую природу и, соответственно, смысловую нагрузку, что не всегда находит отражение в юридической литературе.

Литература

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права, Москва, 1914. С.61.
2. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права. М., 1919.
3. Петражицкий Л.Б. Общая теория права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907.
4. Реннер К. Социальная функция права. М., 1923.
5. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963.
6. Пашенцев Д.А. Теория функций права в контексте современной методологии // Государство и право. 2016. № 9. С. 87.
7. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. С. 9- 234.
8. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996. С. 106.
9. Ершов Ю.Г. Философия права (материалы лекций). Екатеринбург, 1995. С. 33.
10. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: «Статут», 1999. С. 314.
11. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.
12. Чернявский А.Г., Погребная Ю.К. Идеологическая функция права. Москва, 2015. С. 161.
13. Чернявский А.Г. Роль и значение идеологии для государства и права Москва, 2016. Сер. Научная мысль. С.87.
14. Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999.
15. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал Российского права. 1998. № 8.
16. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 113.
17. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н.-Новгород, 1995. С. 47.
18. Спиридонов П.И. Социальное развитие и право. Л.: 1973. С. 170- 171.
19. Керимов Д.А. Процесс познания сущности права. — В кн.: Философские проблемы государства и права. Л., 1970. С. 62.
20. Васильев А.М. Диалектическая связь категорий общей теории права // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 13- 14.
21. Явич Л.С. Право и общественные отношения. М., 1971. С. 3.

Reference

1. Korkunov N. Lectures on the general theory of law, Moscow, 1914, p. 61.
2. Leon Duguit. The general transformation of civil law. M., 1919.
3. Petrazhitskiy L. The general theory of law in connection with the theory of morality. SBR., 1907.
4. Karl Renner. The law social function. M., 1923.
5. Alekseev S. The general theory of the socialist law. Sverdlovsk, 1963.
6. Pashentsev D. The theory of law functions in the context of the contemporary methodology // State and Law. 2016. №. 9. P. 87.
7. Petrazhitskiy L. Introduction to the study of law and morality. Fundamentals of emotional psychology. SBR., 1908. P. 9 — 234.
8. Malinova I. Philosophy of law-making. Ekaterinburg, 1996. P. 106.
9. Ershov Yu. The law philosophy (Lecture materials). Ekaterinburg, 1995. P. 33.
10. Alekseev S. Law: Alphabet — theory — philosophy: Experience of complex research. M.: Statut, 1999. P. 314.
11. Mal'ko A. Incentives and constraints in the law. Information-theoretical aspect. Saratov, 1994.
12. Chernyavskiy A., Pogrebnyaya Yu. Law ideological function. Moscow, 2015. P. 161.
13. Chernyavskiy A. The role and importance of ideology for the state and law, Moscow, 2016. Scientific thought series. P.87.
14. Mal'ko A. The new phenomena in political and legal life of Russia: Issues of theory and practice. Togliatti, 1999.
15. Mal'ko A. The legal means: theory and practice // Journal of Russian Law. 1998. №. 8.
16. Rad'ko T. The methodological issues of knowledge of the law function. Volgograd, 1974. P. 113.
17. Rad'ko T., Tolstik V. The law functions. Nizhniy-Novgorod, 1995. P. 47.
18. Spiridonov P. Social development and law. L.: 1973. P. 170 — 171.
19. Kerimov D. The process of cognition of the law essence. In the book: Philosophical issues of state and law. L., 1970. P. 62.
20. Vasil'ev A. The dialectical relation of the categories of law general theory // Soviet State and Law. 1974. №. 1. P. 13 — 14.
21. Yavich L. Law and public relations. M., 1971. P. 3.

УДК 342
ББК 67.400

ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

АННА СЕРГЕЕВНА ЧУВАЛЬНИКОВА,
*старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук
E-mail: anyachas@rambler.ru*

*Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исходя из закономерностей взаимосвязи практической, догматической и доктринальной юриспруденции, ведется поиск оснований, при которых правопонимание приобретает целостный (завершенный) вид, давая возможность не только понимания прошлого и настоящего в развитии права, но и прогнозирования его будущего.

Ключевые слова: целостный взгляд, правопонимание, доктринальная юриспруденция, природа права, сущность права, основания концептуальности права, содержательные типы правопонимания.

Annotation. The article, based on distinguishing the practical, the dogmatic and doctrinal jurisprudence, searching for the reasons for which understanding becomes holistic (complete) view, giving the opportunity not only to understand the past and present in development of the law, but predict its future.

Keywords: holistic view, understanding of the law, doctrinal jurisprudence, nature of law, essence of law, the foundations of the conceptualization of law, meaningful types of understanding of the law.

Право выполняет в современном обществе роль многофункционального регулятора чрезвычайно широкого круга общественных отношений, вынужденного реагировать на их быстрое изменение. В связи с этим правовое регулирование сегодня нередко носит ситуативный, фрагментарный, а иногда и импульсивный характер, из-за чего современный человек очень часто просто не успевает задумываться над тем, насколько глубоко оказываемое правом влияние на его жизнь, его сознание и адекватно ли вообще правовое регулирование природе тех отношений, которые сегодня ему подвергаются.

Целостное восприятие происходящих в современном обществе процессов, инициированных использованием правовых средств, затрудняется еще и тем, что современное право — это открытая для всевозможных интеграционных процессов система. Кроме того, сформировать научно-обоснованное, объективное мнение и даже просто собственную точку зрения в перенасыщенном информацией современном социальном пространстве становится все сложнее, поскольку

весьма трудно избежать уже готовых и, как правило, «крайних», собственных или привнесенных, в основе своей — неизбежно идеологических — «штампов общественного сознания», налагающих свой отпечаток на отношение к праву и к обеспечиваемым с его помощью ценностям.

В этих условиях становится особенно актуально обращение к концептуальным, то есть наиболее универсальным и имеющим глубокие корни в истории права и человеческой культуре в целом, основаниям права.

Поиск оснований концептуальности правопонимания — это поиск права и правового на уровне концептуальных идей и обобщений, где в основном и проявляют себя закономерности мышления о праве, соответствующие способу познания права, характерному для доктринальной юриспруденции. Этот способ познания права, однако, является не единственным в юриспруденции, в истории которой принято различать практическую, догматическую и доктринальную формы.

Для того чтобы раскрыть присущую доктринальной юриспруденции концептуальность в понимании

права, прежде всего, необходимо установить: чем доктринальная юриспруденция принципиально отличается от практической и догматической юриспруденции и каким образом между ними устанавливается связь, которая, с одной стороны, определяет практичность юридической теории, с другой стороны — научную обоснованность юридической практики и в целом способствует движению к общей цели глубокого, всестороннего и объективного познания права.

Само разделение юриспруденции на практическую, догматическую и доктринальную сегодня все чаще обращает на себя внимание в юридических исследованиях¹ и отражает разные в методологическом отношении подходы к познанию права.

Практическая юриспруденция методологически подходит к познанию права в его отдельно взятом проявлении в конкретной ситуации.

Догматическая юриспруденция познает право, главным образом, путем индуктивных обобщений, основанных на опыте практической юриспруденции, позволяющих ей устанавливать непосредственно наблюдаемые (очевидные) закономерности права, которые можно условно определить как закономерности «среднего уровня».

В свою очередь, доктринальная юриспруденция познает право в его универсальных проявлениях, то есть путем установления закономерностей (законов), знание о действии которых дает целостное понимание прошлого, настоящего и возможность прогнозирования будущего развития права, то есть придает познанию права относительно завершенный (целостный, концептуальный) вид.

Подобного рода универсальные закономерности возникновения, развития и функционирования права, к установлению которых стремится доктринальная юриспруденция, неочевидны, то есть оказываются «скрыты» от непосредственного наблюдения, поэтому знание о них всегда носит в большей или в меньшей степени вероятностный характер и непосредственно связано с законами и закономерностями самого мышления.

При этом являясь относительно самостоятельными способами «освоения» права, практическая, догматическая и доктринальная юриспруденция в то же время, в своем развитии оказываются связаны друг с другом.

Связь эта обусловлена, в первую очередь, историей развития самой юриспруденции, в которой доктринальный ее уровень начал организованно формироваться позже практической и догматической юриспруденции, в чем, на наш взгляд, проявилась объективная потребность правовой теории и практики в концептуальном осмыслении накопленного (и при этом разного по содержанию) правового опыта.

Эта потребность в осмыслении достижений прак-

тической и догматической юриспруденции может быть также определена как потребность в рефлексии накопленного знания о праве и правового опыта, поэтому доктринальная юриспруденция неизбежно оказалась связана со стремлением выйти в познании права на уровень предельно общих, фундаментальных, продуцируемых философской постановкой вопроса, оснований права.

Таким образом, со времени своего появления доктринальная юриспруденция призвана служить «фундаментом для развития догматического и практического правоведения»².

Отличительными особенностями доктринальной юриспруденции можно в связи со сказанным назвать: во-первых, ее стремление к концептуальности, осмысленности, целостности (системности, завершенности) в понимании права, во-вторых, присущие ей элементы рефлексии в познании права.

В свою очередь, рефлексия, на наш взгляд, выступает как раз тем механизмом, который обеспечивает установление гармоничных связей между практической, догматической и доктринальной юриспруденцией, устанавливает необходимые для осмысленного и конструктивного развития первых двух форм юриспруденции методологические и мировоззренческие основания.

Такая роль рефлексии в «стыковке» эмпирического уровня познания права (практической юриспруденции) с теоретическим уровнем познания права (догматической юриспруденцией как теорией «среднего уровня», характеризующей уровень теоретического обобщения знаний о юридической характеристике права, и доктринальной юриспруденцией как теорией, концентрирующей в своем содержании предельные для научного познания права обобщения) обусловлена тем, что именно в акте рефлексии непосредственно проявляются закономерности мышления о праве, которые носят универсальный и для правовой практики, и для правовой теории характер.

Концептуальные основания права, к установлению которых стремится доктринальная юриспруденция, в конечном счете, оказываются итогом внутринаучной рефлексии³, которая продуцируется философской постановкой того или иного, имеющего принципиальное значение для понимания права вопроса, где определенная философская идея, образно выражаясь, «запускает» процесс познания, направленный на получение универсального знания о праве посредством установления наиболее общих закономерностей возникновения, развития и функционирования права.

Безусловно, любой связанный с пониманием права философский вопрос является «вечным», поэтому его роль в научном поиске объясняется не нахождением какого-то однозначного ответа на него, а наличием

скрытых в нем возможностей для развития продуцируемых его постановкой идей.

Подобный вопрос содержит скрытые в нем возможности для мышления и постепенного расширения и углубления знания о праве посредством получения претендующей на целостность, меняющейся с течением времени картины предельно широкого (на данный момент) охвата действительности, отражающей значимые в правовом отношении факты.

Своего рода «неиссякаемыми источниками» концептуального мышления о праве в доктринальной юриспруденции становятся, прежде всего, философские категории «природы» и «сущности», которые обуславливают стремление юридической теории к установлению тех характеристик права, которые могли бы адекватно выразить смыслообразующие моменты в его содержании: позволили бы отличить право от других схожих явлений, установить принципиально значимые для понимания права концептуальные основания.

Именно с попытками выразить «природу» и «сущность» права в качестве того, что придает смысл существованию права как относительно самостоятельному явлению в истории человеческой цивилизации, связаны так называемые содержательные типы правопонимания, которые при всем их разнообразии объединяет признание нетождественности содержания права внешней форме его существования⁴. К таковым типам правопонимания, которые можно также назвать «широким» пониманием права⁵ или неюридическими типами правопонимания⁶, прежде всего, следует отнести: социологический позитивизм, теории естественного права и философское понимание права⁷. Названные, а также другие подобные им типы правопонимания делают содержательными открываемая ими возможность более глубокого понимания права, в котором в своего рода «развернутом виде» предстает как ретроспектива, так и перспектива, и актуальное состояние права, поскольку в содержательных характеристиках права оказываются заключены его внутренние детерминанты. Это позволяет названным типам правопонимания в том или ином виде продуцировать попытки постижения смыслообразующих причин и прогнозирования последствий явлений и процессов, составляющих содержание права.

Приведенные выше рассуждения наталкивают нас на мысль о том, что основанием концептуальности правопонимания в самом широком смысле является его содержательность. Поскольку содержание, составляющее смысл обозначаемого соответствующим понятием явления, сложно формализуемо, поэтому адекватный выражению понимания права на доктринальном уровне язык является языком абстрактных категорий и идей.

«Мыслить идеями ... — это мыслить в предельно возможном виде, ... в многообразии возможных смыслов, концептуально»⁸. В связи с этим и те характеристики права, которые формируют концептуальное понимание последнего (прежде всего, речь идет о «природе» и «сущности» права, его отдельных сторон, характеристик) являются фундаментальными правовыми категориями, смысл которых передается обычно посредством тех или иных идей, иногда вступающих друг с другом в противоречие. Поэтому сформулировать какое-либо единое определение для концептуальных оснований права не представляется возможным. Возможно только формулирование каких-то отдельных концептов, выражающих актуальный в данной ситуации смысл.

Содержательность доктринального (концептуального) подхода к праву, таким образом, предполагает разговор на уровне концептов права, то есть на уровне содержательных единиц мышления о праве, выражающих актуальные для него в конкретной ситуации смыслы. Поэтому на уровне концептуального осмысления права представляющие исследовательский интерес явления, характеристики, свойства, процессы и т.п. предстают в форме концептов, которые можно образно назвать «живыми понятиями», то есть понятиями, непосредственно включенными в процесс мышления о праве, а значит включенными в разные смыслообразующие по отношению к праву контексты, каждый из которых привносит что-то свое в содержание данного концепта, меняет в его содержании, ограничивает, дополняет, восполняет, позволяя охватить формирующие соответствующее понятие концептуальные смыслы.

Таким образом, основанием концептуальности правопонимания является поиск концептуальных оснований права — того, что определяет смысл права, является смыслообразующим по отношению к праву, а, следовательно, касается его содержания. Поэтому можно также сказать, что основания концептуальности правопонимания — это основания его содержательности, а концептуальные основания права — это содержательные характеристики права. В связи с этим концептуальность (основания концептуальности) присуща лишь содержательным типам правопонимания, не сводящим понятие о праве к внешним формам проявления последнего.

Понимание природы любого свойства, явления или процесса в области права, в конечном счете, зависит от того, каким образом интересующая нас характеристика права связана с концептуальными основаниями права, то есть с такими фундаментальными правовыми категориями, отношение к которым определяет юридическое мировоззрение, а, следовательно, и само понимание права.

Все сказанное позволяет прийти к выводу о том, что концептуальные основания права образуют ту «мировоззренческую раму» юриспруденции, которая определяет содержание (природу) разных по сферам и внешним формам своего выражения проявлений природы и сущности права.

1 См.: Варламова Н.В. Философское основание юридической догматики // Государство и право на рубеже веков (материалы Всероссийской конференции). Проблемы теории и истории. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001; Жуков В.Н. Юридическая наука в до-революционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. 2015. № 2; Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. – М.: ИГ «Граница», 2013; Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011; Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008. С. 17 – 20; Павлов В.И. Генеалогия нормативности права: к проблематизации становления континентальной юридической догматики // Правоведение. 2013. № 1 и др.

2 Немытина М.В. Право России как интеграционное про-

странство. Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008. С. 19.

3 См., напр.: Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2; Кохановский В.П. Методология научного исследования // Основы философии науки / В.П. Кохановский и др. – Ростов н/Д: Феникс, 2007; Кравец А.С. Методология науки. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991; Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семенович, А.В. Юревича. – М.: Логос, 2005.

4 Подробнее о проблеме соотношения формы и содержания в праве см.: Лановая Г.М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. 2010. № 6.

5 См., например: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – М.: Право и государство, 2005.

6 См., например: Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 42 – 43.

7 В данном перечне, не являющемся исчерпывающим, за основу взята классификация основных типов правопонимания, предложенная в статье: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.

8 Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 25.

Профайлинг в деятельности органов внутренних дел. Учеб. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассмотрены теоретические основы и возможности практического применения технологий профайлинга в целях предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Показаны возможности использования направлений прикладной психологии для выявления лиц, имеющих противоправные намерения. Систематизированы представления о технологиях оценки личности на основе визуальной психологической диагностики; рассмотрены методы противодействия психологическому воздействию со стороны потенциальных преступников; раскрыты особенности коммуникации с объектами профайлинга; представлены методы психической саморегуляции эмоциональных состояний в деятельности профайлера; показаны пути развития навыков распознавания потенциальных преступников по их словесному портрету и типологии поведения.

УДК 340.12
ББК 67.0

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЗДАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗА

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ШУМИЛОВ,

соискатель кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: заместитель начальника кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент Ю.Ю. Кулакова

E-mail: kulakova_crede@mail.ru.

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется прямая зависимость между созданием в социуме позитивного образа правоохранительных органов и эффективностью их деятельности. Основными факторами, обеспечивающими успешность такой деятельности, выступают законодательный и масс-медийный факторы. Представлены различия в особенностях формирования положительного имиджа государственных и негосударственных субъектов правоохраны.

Ключевые слова: имидж, правоохранительная деятельность, государственные и негосударственные правоохранительные органы, факторы эффективности правоохранительной деятельности, положительный социальный образ правоохранительных органов.

Annotation. In this article the author analyzes the direct relationship between the creation in society of a positive image of law enforcement agencies and their effectiveness. The main factors that ensure the success of such activities are the legislative and mass-media factors. The author also points to differences in the characteristics of the formation of a positive image of the state and non-state actors of law enforcement.

Keywords: image, law enforcement, state and non-state law enforcement agencies, factors law enforcement effectiveness, positive social image of law enforcement.

Эффективность правоохранительной деятельности напрямую зависит от уровня доверия населения государства к государственным служащим, ее осуществляющим, независимо от правовой культуры и правовой системы страны. В связи с этим, рассмотрение факторов обеспечения продуктивности такой деятельности — проблема, актуальная для всех без исключений типов и структур государственного аппарата.

По нашему мнению, правоохранительная деятельность — это такая деятельность специально уполномоченных государственных структур и негосударственных организаций, которая реализуется с целью охраны права, путём применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка.

Используя данное определение правоохранитель-

ной деятельности, мы сможем подчеркнуть отличия в имиджевых основаниях эффективности правоохранительной деятельности органов государства от правоохраны, реализуемой негосударственными структурами.

Указанные различия заключаются в следующем.

Нельзя не согласиться с тем, что имидж важен для любого направления правоохранительной деятельности. Между тем, правоохрана, осуществляемая институтами гражданского общества, при непосредственном участии членов социума меньше нуждается в конструировании позитивного образа, так как изначально «санкционирована» членами общества, представляя его составляющую. В то время как для правоохранительной деятельности государственных органов, в силу объективной удалённости непосредственно от социума, формированию и функционированию на основании

юридических норм и властных политических решений, частому и профессиональному применению ресурсов принуждения и ответственности, создание и существование положительного имиджа — условие и необходимый залог успешной реализации своих целей и задач.

Одним из способов поддержания позитивного имиджа для органов государственной власти является тесный и постоянный контакт и взаимодействие с негосударственными органами, обеспечивающими правоохрану. Таким образом, легитимность последних в определенной степени «распространяется» и на них. Степень взаимодействия государственных правоохранительных структур с негосударственными также является показателем эффективности деятельности первой и способом улучшения представления о ней в общественном сознании.

Имеющиеся в распоряжении органов государства ресурсы принуждения и механизмы привлечения к ответственности оказывают на общество, с одной стороны положительное воздействие, заставляя подчиняться нормам права даже из страха наказания, но, с другой стороны, отрицательно влияют на их имидж, ассоциируясь в общественном сознании с негативными последствиями при любом взаимодействии, что затрудняет реализацию функций правоохраны, непосредственно связанных с общественной коммуникацией. «Правоохранительная деятельность противоречива по своей сути. Единство субъективного и объективного проявляется в единстве и нераздельности позитивного и негативного в правоохранительной деятельности... Правоохранительная деятельность затрагивает коренные интересы участников охранительных правоотношений, в силу чего она, с одной стороны, по своей природе конфликтна, с другой, — служит средством преодоления юридического конфликта»¹.

Таким образом, создание положительного образа правоохранителя субъектом государственной структуры либо негосударственной организации имеет существенные отличия, которые необходимо учитывать при работе над формированием соответствующего имиджа.

Кроме того, следует проанализировать детерминанты образования позитивного социального образа субъектов правоохраны. Так, факторами, влияющими на формирование положительного образа правоохранительной деятельности и субъектов ее, осуществляющих в современном обществе являются законодательный и масс-медийный факторы.

Законодательный фактор связан с нормотворчеством, формирующим определенный образ правоохранительных органов в сознании членов общества в ходе реализации первыми своих профессиональных компетенций. Следует согласиться с необходимостью установления жестких мер ответственности за совершение правонарушения, применения к правонаруши-

телю правоохранительными структурами негативных для него мер принуждения и пресечения. Однако даже в сознании правонарушителей законами должен быть создан образ строгого, но справедливого субъекта охраны прав и свобод. В отношении же лиц, соблюдающих правовые нормы, необходимо формирование образа принципиального, готового прийти на защиту нарушенных прав сотрудника правоохранительных органов (само наименование «правоохранительная деятельность» ассоциируется с положительной ролью в жизни общества, охраной и защитой прав и законных интересов человека и гражданина, необходимостью и значительностью органов, реализующих такую деятельность). Необходимо противодействовать сложившимся в обществе стереотипам, согласно которым вина за рост количества совершаемых правонарушений, случаев незаконного ограничения или лишения прав и свобод граждан лежит только на правоохранительных органах.

В связи с этим, одним из имиджевых оснований влияния на законодательный фактор может, на наш взгляд, стать декриминализация либо изменение диспозиции составов правонарушений, принимая участие в привлечении ответственности за совершение которые правоохранительные органы дискредитируют себя в глазах общества. Это касается, прежде всего, так называемых, «политических составов»², выражающих позицию гражданского общества, имеющую идеологическую основу и направленную против «своеволия» государственной власти. Например, вооруженные разгоны мирных демонстраций граждан, насильственное навязывание воли политических лидеров, применение юридической ответственности к лицам, желающим выразить несогласие с общей политикой государства и др.

В тех государствах, где институты власти обладают достаточно высокой степенью легитимности, существует и высокая степень доверия населения к органам правоохраны.

При этом необходимо помнить, что делигитимация власти приводит к тому, что граждане больше внимания начинают уделять собственной безопасности, приобретая разрешенные (а часто и неразрешенные) виды вооружений и специальных средств, учащаются случаи самосуда. Общество «берет в свои руки» функции охраны прав и законных интересов.

Наиболее яркими примерами случаев самообороны граждан в иностранных государствах, в последнее время становятся нападения вооруженных лиц на сотрудников правоохранительных органов, вызванные агрессивным и в общественном сознании позиционирующимся как отрицательное поведением таких сотрудников, противоречащем нормам морали, толерантности, и даже, права³. И основной предпосылкой таких происшествий становится законодательный фактор: действующее законодательство в сфере оборо-

та оружия, позволяющее без высоких цензов приобретать огнестрельное оружие для постоянного ношения рядовым гражданам, а также поведение сотрудников правоохранительных органов, ставшее следствием предоставленных им законами широких полномочий, комплексной юридической защищенностью⁴. В такой ситуации законодательный фактор, по сути, выступил негативной детерминантой формирования общественного мнения по отношению к сотрудникам правоохранительных органов.

Для сравнения целесообразно привести пример Российской Федерации, где законодательный фактор выступает сдерживающим обстоятельством, не позволяющим создать негативное отношение к сотрудникам органов правоохраны. Действующая нормативная правовая база регулирует деятельность данных органов, практически не допуская свободы усмотрения и жестко лимитируя компетенции в вопросах применения оружия, специальных средств и физической силы⁵. Кроме того существуют большое число цензов для приобретения огнестрельного и иного оружия гражданами, что не допускает его распространения, органы, контролирующие оборот гражданского оружия⁶.

Таким образом, законодательный фактор в разных государствах и в различных условиях может одновременно выступать, как позитивным, так и негативным фактором для формирования имиджа правоохранительных органов.

Вместе с тем, в ряде случаев, принятие законодательных мер, направленных на устранение ряда административных барьеров и излишних мер государственного контроля, проявляющихся в бюрократических препонах, в том числе при охране и защите законных прав и интересов, выступает одним из факторов успешной правоохранительной деятельности (как правило, это сферы, не затрагивающие вопросы охраны жизни и здоровья граждан).

Таким образом, говоря о законодательном факторе, можно утверждать, что одним из условий эффективности правоохранительной деятельности может выступать само право, как важнейший рычаг создания современного образа органа правоохраны.

Масс-медийный фактор формирования положительного образа правоохранительной деятельности. От характера и степени активности взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации напрямую зависит формирование уровня доверия к ним общества. В связи с этим, необходимо бороться с созданием в настоящее время в обществе некоторыми средствами массовой информации так называемого «катастрофического» сознания и искусственных социальных страхов, порождающих недоверие и в целом отрицательное отношение к правоохранительным органам.

Так как основа формирования образа и важнейший

проводник имиджа — коммуникация, большая часть которой в силу распространённости современных технологий и средств передачи информации, находится в ведении средств массовой информации, следует уделять большое внимание взаимодействию с последними. Такое взаимодействие правоохранительным органам целесообразно реализовывать на основе давно сложившихся и положительно зарекомендовавших себя в рамках большинства сфер научного знания азов имиджмейкинга.

Так, Ф. Зейтель сформулировал ряд правил, которыми следует руководствоваться при общении с медиа, которые в контексте переориентации их для деятельности правоохранительных органов, будут выглядеть следующим образом:

- общение со средствами массовой информации со стороны правоохранительных органов должно быть максимально гибким, исключая навязывание доминирующей властной позиции, но в то же время при сохранении определенного авторитета;
- представлять орган власти в средствах массовой информации (на телевидении) должно, как правило, одно, приятное с точки зрения психологии масс лицо (привлекательные девушка, женщина, внушающий доверия мужчина и т.п.);
- как можно реже предлагать для общения в прямом эфире руководящих должностных лиц (при реализации такого общения — тщательно продумать, как внешний вид, манеру держаться, так и план выступления лица, постараться узнать вопросы заранее, др.);
- не отвечать на все задаваемые средствами массовой информации вопросы, только на те, ответы на которые были ранее подготовлены и согласованы;
- следить за искажениями ваших слов и всегда мягко и вовремя их исправлять;
- не «отворачиваться» от журналистов — сотрудничество с ними всегда интересно с точки зрения построения положительного образа в сознании общества;
- сделав что-то очевидно для общественности неприемлемое, лучше признать это — так вы проиграете сражение, но выиграете битву за доверие общества⁷.

Кроме того, следует помнить о том, что реалистичный подход к использованию масс-медийного фактора, позволяет констатировать принципиальную невозможность создания в обществе исключительно положительного имиджа представителей правоохранительной власти, что связано не столько со сложившимися в данное время и в данном месте социальными обстоятельствами, негативной стереотипизацией,

сколько с объективными закономерностями социальной действительности. Даже, несмотря на поддержку большей части населения, в обществе перманентно присутствуют группы, в чьем представлении правоохранительная деятельность и лица, ее реализующие, ассоциируются с отрицательными явлениями: члены криминальной и теневой сфер, лица, недовольные по политическим мотивам существующей линией власти государства, лица, ставшие объектами государственного принуждения и др.

Соответственно, невозможно создать совершенно позитивный образ правоохранителя, удовлетворявшего все социальные страты, что, однако, не препятствует осуществлению целенаправленной деятельности по его формированию в социальных слоях, объективно предрасположенных к толерантному отношению с ними.

Это обстоятельство необходимо принимать во внимание, используя масс-медийные средства для целевого воздействия на соответствующую аудиторию, подборку каналов и способов передачи информации согласно особенностям предполагаемого контингента, его образовательных, демографических и иных характеристик.

На основе проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы.

В-первых, важнейшими факторами эффективности правоохранительной деятельности являются законодательный и масс-медийный факторы. Законодательный фактор непосредственно связан с формированием положительного образа правоохранителя посредством нормотворческих механизмов. Масс-медийный фактор — с построением общественного мнения по отношению к субъектам правоохранительной деятельности с помощью средств массовой информации и за счет оптимизации каналов коммуникации с ними.

Во-вторых, для правоохранительной деятельности, реализуемой, в том числе, рядом негосударственных структур, значение имиджа неоднозначно. Так, для негосударственных правоохранительных организаций, чья профессиональная деятельность напрямую связана с извлечением прибыли, положение в обществе актуально: от уровня доверия, формируемого средствами имиджевого воздействия, зависит активность и периодичность использования их услуг членами социума и, соответственно, возможность их дальнейшего финансирования и существования. В отличие от них, для негосударственных структур, не связанных непосредственно с получением прибыли за осуществляемую ими правоохранительную деятельность, значение имиджа менее существенно, так как такие субъекты изначально сформированы и их существование поддерживается за счет легитимности в обществе.

Литература

1. Федеральный закон «О службе в органах вну-

тренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 342-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 N 305-ФЗ) // Российская газета, № 275, 07.12.2011.

2. Федеральный закон «О государственной охране» от 27.05.1996 N 57-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета, N 106, 06.06.1996.
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 N 305-ФЗ) // Российская газета, № 28, 10.02.2011.
4. Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 N 40-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета, N 72, 12.04.1995.
5. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 N 150-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета, N 241, 18.12.1996.
6. Постановление Правительства РФ от 15.10.1997 N 1314 (ред. от 11.10.2012) «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях» // Российская газета, N 209, 28.10.1997.
7. Гарашко А.Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике: Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции. 2011.
8. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М.: Московский университет МВД России, 2005.
9. Клименко А.И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления. // Закон и право. 2004. № 5. С. 11-13.
10. Клименко А.И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии. // История государства и права. 2010. № 6 С. 38-42.
11. Кулакова Ю.Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. № 14. С. 4-7.
12. Малахов В.П., Иванов А.А., Горшенева И.А. Теория государства и права. Москва, 2012.
13. Мамонтов А.Г. Полиция в системе обеспечения правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 172-175.
14. Мамонтов А.Г., Оксамытный В.В., Иванов С.А., Правкин И.В., Рыжов А.А., Сигалов К.Е. Сравнительное правоведение. Москва, МосУ

- МВД России. 2013.
15. Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М. Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 9-14.
  16. Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Дубинина Е.Н., Зыкова С.В., Недобежкин С.В. История политических и правовых учений. Учебное пособие для слушателей, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (квалификация «магистр»). Москва, 2013.
  17. Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности. Учебное пособие. Московская академия МВД России. Москва, 2001.
  18. Михайлова Н.В., Калина В.Ф., Белонковский В.Н., Эриашвили Н.Д., Курсков Д.Ю., Мамонтов А.Г., Ласкин А.А., Матиенко Т.Л., Карнаушченко Л.В. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900.62 «Юриспруденция» Москва, ЮНИТИ-ДАНА. 2014.
  19. Правкин И.В. Содержание институционального элемента правоохранительной системы России // Право и образование. 2011. № 3. С. 131-136.
  20. Рыжов А.А. Исторические основы взаимодействия полицейского права и политики в России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 28-34.
  21. Скобелина А.В. Организационно-правовые формы противодействия формированию негативного образа сотрудника полиции в контексте борьбы с коррупцией: методические рекомендации. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
  22. Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность: теоретико-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург. 2000.

юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург. 2000. С. 331.

2 Речь здесь идет не о преступлениях, направленных на свержение законной государственной власти (шпионаж, заговоры с целью государственного переворота и т.п.), а о деяниях, совершаемых активными представителями гражданского общества и представляющих собой форму гражданского неповиновения по отношению к волюнтаризму и тоталитарным формам реализации, злоупотреблению государственной властью.

3 Все чаще происходят случаи вооруженных нападениях граждан США на стражей порядка, причиной которых служат резонансные случаи убийств афроамериканцев полицейскими. Такие случаи сопровождаются акциями в поддержку действий граждан, пострадавших от действий сотрудников полиции (июль 2016 года - в штатах Луизиана и Миннесота, март 2015 года - в Фергюсоне штата Миссури, январь 2015 года - в Западной Виргинии и др.).

4 Вторая поправка к Конституции США; Национальный закон «Об огнестрельном оружии» (National Firearms Act) (1934); сводный закон «О контроле над преступностью и обеспечении безопасности на улицах» (1968); закон «О контроле над огнестрельным оружием» (Gun Control Act — GCA) (1968); закон «О защите прав владельцев огнестрельного оружия», который уточнил положения GCA (1986); закон «О предупреждении преступлений, связанных с ручным огнестрельным оружием» (1994); закон «О запрете наступательного оружия» (1994-2004). В 2008 году Верховный суд США в деле «Округ Колумбия против Хеллера» (District of Columbia v. Heller, 554 U.S. 570) уточнил, что вторая поправка защищает право граждан на владение оружием, независимо от службы в ополчении, и даёт им право на использование оружия для законных целей, таких как самооборона в доме.

5 Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016); Федеральный закон от 27.05.1996 N 57-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной охране»; Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016); Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О Федеральной службе безопасности».

6 Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оружии»; Постановление Правительства РФ от 15.10.1997 N 1314 (ред. от 11.10.2012) «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях» и т.д.

7 См.: цит. по: Скобелина А.В. Организационно-правовые формы противодействия формированию негативного образа сотрудника полиции в контексте борьбы с коррупцией: методические рекомендации. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 21-22.

1 Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность: теоретико-правовое исследование: дис. ... докт.

УДК 34
ББК 67.400

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЛАРИСА ИВАНОВНА ГЕРАСИМОВИЧ,

*адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право
E-mail: gerasimovich.larisa@bk.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуются функции и роль правоохранительных органов в конституционно-правовом механизме обеспечения правопорядка, рассматриваются конституционно-правовые основы формирования системы правоохранительных органов в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: конституция, законодательство, взаимодействие, сотрудничество, правоохранительные органы, национальная безопасность, полиция, органы местного самоуправления, правопорядок, обеспечение конституционного правопорядка.

Annotation. The article examines the functions and role of law enforcement in the constitutional legal mechanism of ensuring the rule of law, examines the constitutional-legal bases of formation of system of enforcement in the sphere of national security.

Keywords: constitution, legislation, cooperation, law enforcement, national security, police, local authorities, rule of law, ensuring the constitutional order.

На внешнюю и внутреннюю политику современного государства оказывают все большее влияние глобализационные и интеграционные процессы, отражающиеся на всех направлениях жизни общества. Неотъемлемой частью структуры государственного механизма является конституционно-правовой механизм политики. При этом проблема безопасности всегда привлекала внимание не только практиков и государственных деятелей, но и ученых. Поскольку безопасность является важным условием существования и жизни человека и личности, общества и государства. Особую актуальность она приобрела в последнее время.

Обеспечение правопорядка является главной функцией государства, в реализации которой участвуют почти все органы власти. Конституция Российской Федерации провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью российского государства. Правопорядок есть

результат правового регулирования, для поддержания правопорядка издаются правоприменительные и правовые акты, формируется конституционно-правовой механизм его обеспечения органами власти, в котором особое место занимают правоохранительные органы. Главным признаком которых является осуществление правоохранительной деятельности: «Правоохранительный орган — это такой орган государства, который осуществляет специализированную правоохранительную деятельность, обеспечивающую защиту прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных институтов»¹, т.е. основной акцент делается на охране гарантированных государством прав, свобод и интересов.

Правоохранительные органы занимают ключевое место в системе обеспечения конституционного правопорядка.

Функция охраны правопорядка закреплена в ст. 132 Конституции РФ² за органами местного само-

управления, что свидетельствует о реализации такого полномочия не только государственными, но и местными органами власти. Следовательно, обеспечение правопорядка является важнейшей конституционной задачей органов местного самоуправления, причем во многих зарубежных странах такая задача для них является одной из приоритетных. Однако пока нам представляется преждевременным перенимать такой западный опыт, где в обеспечении правопорядка ведущая роль принадлежит органам местного самоуправления, которые выполняют функцию обеспечения правопорядка как часть общегосударственной задачи в пределах конкретного муниципального образования.

Обычно выделяют признак, позволяющий выделить правоохранительный орган из других государственных органов — сдерживание преступности и других правонарушений, а не просто функция правоохраны. Мы тоже считаем, что предупреждение преступлений — это важнейшая функция правоохранительных органов, заключающаяся в охране прав и свобод граждан, их защита не только от правонарушений, но и от наиболее опасного его вида — преступлений.

В учебнике «Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских)», подготовленном авторами десяти вузов системы МВД России определение правоохранительных органов дается через дефиницию правоохранительной деятельности «это государственные органы (а в ряде случаев и негосударственные организации), осуществляющие правоохранительную деятельность, т.е. деятельность специально уполномоченных государством органов (а в ряде случаев негосударственных организаций) по охране права от нарушений, осуществляемая в установленном законом порядке и обеспеченная мерами принудительного характера³. На наш взгляд, данное определение можно считать оптимальным для выделения признаков, объединяющих правоохранительные органы в процессе реализации своей деятельности.

Заметим, что конституционное положение о том, что органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка, конкретизируется в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ⁴ об общих принципах организации местного самоуправления, согласно которому организация охраны общественного порядка на территории муниципального района и городского округа муниципальной милицией отнесена к числу вопросов местного значения муниципального района (п. 8 ч. 1 ст. 15 Закона) и городского округа (п. 9 ч. 1 ст. 16 Закона). Следовательно, органам местного самоуправления целесообразно осуществлять указанное конституционное полномочие в конструктивном сотрудничестве с правоохранительными

органами, в первую очередь с полицией.

Из всего вышеизложенного можно выделить следующие характерные черты правоохранительных органов:

1) созданы по решению руководства государства или уполномочены государством (так как государство гарантирует защиту прав и свобод, а также принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, то для этого необходимы соответствующие структуры — правоохранительные органы);

2) основной целью является охрана права (т.е. создание условий, препятствующих нарушению гарантированных прав и свобод, выявление нарушений и реагирование на них, восстановление нарушенных прав и свобод, наказание виновных);

3) правоохранительные органы могут осуществлять свою деятельность не любыми способами, а лишь теми, которые определены законодательными актами в качестве мер государственного принуждения или взыскания;

4) любая деятельность правоохранительных органов должна осуществляться в соответствии и в том порядке, который установлен законодательством, в противном случае речь может идти о «беззаконии»;

5) обязательность исполнения решений представителями правоохранительных органов (при этом решения должны быть законными и обоснованными).

Стоит заметить, что в настоящее время в мире набирают силу интеграционные процессы между государствами, стремящимися к развитию экономики, улучшению социальной жизни граждан, созданию и налаживанию межгосударственных отношений, единого экономического пространства.

Однако наряду с международными интеграционными процессами возрастает влияние международных националистических организаций, прикрывающихся лозунгами о национально-освободительных процессах в ряде стран, всё более глубоко проникают в различные слои общества.

Так, для обеспечения национальной безопасности, важно организовать эффективное взаимодействие полиции с органами местного самоуправления, их конструктивное сотрудничество, направленное на обеспечение безопасности, правопорядка и реализацию конституционных прав граждан, проживающих в соответствующих муниципальных образованиях⁵. С учетом этого правовую характеристику взаимодействия органов внутренних дел и муниципальных органов в системе обеспечения правопорядка следует выстраивать исходя из того, что первые являются государственными органами и относятся к исполнительной ветви государственной власти, а вторые, в соответствии с Конституцией РФ, не входят в систему органов государственной власти, но являются органами власти

на муниципальном уровне.

Определены и пути обеспечения безопасности:

- совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов;
- повышение эффективности деятельности правоохранительных органов;
- совершенствование единой государственной системы профилактики преступности;
- разработка и использование специальных мер, направленных на повышение уровня общественного доверия;
- искоренение причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов;
- комплексное развитие правоохранительных органов и специальных служб, улучшение социальных гарантий сотрудникам, совершенствование научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности, развитие системы профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности;
- повышение социальной ответственности органов обеспечения государственной и общественной безопасности.

Наиболее значимым в реализации задач по совершенствованию структуры федеральных органов, ответственных за обеспечение общественной безопасности, стало решение Президента РФ о преобразовании внутренних войск МВД России в войска национальной гвардии Российской Федерации.

Указом от 5 апреля 2016 г.⁶ образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны.

В структуру указанной Федеральной службы, помимо войск национальной гвардии, включены подразделения, осуществляющие контроль в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также вневедомственная охрана. Кроме того, в ее структуру вошли специальные отряды быстрого реагирования и отряды мобильные особого назначения территориальных органов МВД России.

Помимо этого, функции Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной ми-

грационной службы переданы МВД России.

Данные шаги, как представляется, являются конкретизацией тех общих положений о главных направлениях и путях обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации, которые изложены в Стратегии национальной безопасности.

Таким образом, эффективность функционирования и слаженность взаимодействия правоохранительных органов и органов местного самоуправления во многом определяют качественное состояние правопорядка и результативность его обеспечения органами власти в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017) // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822
3. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.
4. Пономаренко Я.А. Роль государственной политики по совершенствованию правоохранительных органов в сфере национальной безопасности. // В сборнике: Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества материалы XX международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2015. С. 116-119.
5. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских): учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. Часть 1. М.: ДГСК МВД России, 2014. С. 14
6. Роша А. Н. Функции и структура муниципальной милиции // Муниципальная милиция: проблемы организации и правового обеспечения, зарубежный опыт. М., 1991. С. 25–28.

Reference

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 N 6-FKZ, from 30.12.2008 N 7-FCL from 05.02.2014 No. 2-FKZ, from 21.07.2014 No. 11-FCL) // "Collection of legislation of the Russian Federation", 04.08.2014, N 31, art. 4398.
2. Federal law of 06.10.2003 N 131-FZ (as amended on 28.12.2016) "On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation" (as amended. and EXT., joined. in force 09.01.2017) // "Collection of legislation of the Russian Federation", 06.10.2003, N 40, p 3822
3. Issues of Federal service of national guard troops of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation of 5 April 2016, No. 157 // Sz the Russian Federation. 2016. No. 15. St. 2072.
4. Ponomarenko, Y. A. the Role of public policy to improve law enforcement in the field of national security. // In collection: Problems and prospects of socio-economic reformation of the modern state and society materials of XX international scientific-practical conference. Scientific information and publishing center "Institute for strategic studies". 2015. P. 116-119.
5. Vocational training of employees of internal Affairs bodies (police training): textbook in 2 parts / under the General editorship of V. L. Kubyshko. Part 1. M.: DGSK Ministry of internal Affairs of Russia, 2014. P. 14
6. Rocha A. N. Functions and structure of municipal police /Municipal police: problems of organization and legal support, foreign experience. M., 1991. S. 25-28.

---

1 Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских): учебник в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. Часть 1. М.: ДГСК МВД России, 2014. С. 14

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

3 Роша А. Н. Функции и структура муниципальной милиции // Муниципальная милиция: проблемы организации и правового обеспечения, зарубежный опыт. М., 1991. С. 25–28.

4 Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017) // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822

5 Пономаренко Я.А. Роль государственной политики по совершенствованию правоохранительных органов в сфере национальной безопасности. // В сборнике: Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества материалы XX международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2015. С. 116-119.

6 Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.

УДК 34
ББК 67

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

МАРАТ ВИЛЬДАНОВИЧ САУДАХАНОВ,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ХАЗОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научная специальность 12.00.02 — конституционное право,
конституционный судебный процесс, муниципальное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены некоторые особенности организации местного самоуправления в Соединённых Штатах Америки. Представлен анализ этих особенностей.

Ключевые слова: местное самоуправление, Соединённые Штаты Америки

Annotation. In this article we explore some peculiarities of organization of local self-government in the United States of America. The authors make analysis.

Keywords: local self-government, United States of America

Местное самоуправление в Соединённых Штатах Америки (далее — США) входит в систему органов управления штатов, действует в соответствии с законами штатов и делится на органы общей компетенции (муниципалитеты, графства, городские управления) и органы специального назначения (школьные и специальные округа). Надо сказать, что около 230 млн. человек в США (почти 70% населения) проживает в муниципалитетах.

Одной из главных целей образования муниципалитетов является создание в населённых пунктах различных социальных служб вдобавок к тем, которые действуют в графствах.

Возникновение нового муниципалитета возможно после составления петиции, которую должны подписать граждане, обладающие правом голоса. Такая петиция должна содержать информацию о границах создаваемого муниципалитета, а также о количестве проживающих в нем людей. После выполнения установленных требований проводится голосование по вынесенному вопросу¹.

Формирование муниципальных бюджетов осуществляется за счет субсидий, выделяемых как государством, так и штатами, а также за счет налоговых сборов соответствующего штата. Кроме того, муниципалитеты обладают правом эмиссии облигаций, владения предприятиями, взимания налогов в пределах границ муниципалитета.

Как правило, муниципалитеты являются частью системы управления городскими районами, т.е. населёнными пунктами, где потребность в локальных социальных и экономических службах выражается наиболее ярко.

Одной из самых распространенных моделей организации управления в муниципалитетах является «мэр — совет», которая на практике реализуется в следующих формах:

- «слабый» мэр — «сильный» совет;
- «сильный» мэр — «слабый» совет.

«Слабость» мэра заключается в его ограниченном праве вето на решения совета, а также в ограниченной компетенции при решении административных и про-

чих организационных вопросов. Другими органами управления в муниципалитетах являются специализированные советы и комиссии, наделенные конкретными полномочиями для решения конкретных задач местного значения.

Форма управления, при которой мэр обладает значительной «силой», характеризуется наличием в его руках фактически полного контроля над исполнительным аппаратом. К компетенции мэра относится назначение и освобождение от должности руководителей всех служб; формирование, утверждение и исполнение бюджета; наложение вето на решения совета и др.

Подобная модель управления в форме «совет — менеджер» осуществляется в США в больших городах. При этом состав совета не многочислен и наделен полномочиями на осуществление нормотворческой деятельности и определение политического, экономического и культурного векторов развития муниципалитета².

Менеджер в данном случае выполняет роль исполнителя (администратора), обладающего, к примеру, правом рекрутинга кандидатов на должности руководителей ключевых департаментов и служб, которых в дальнейшем утверждает совет. К слову, рядовых служащих и руководителей среднего звена менеджер вправе подбирать и назначать самостоятельно.

Примечательно, что должность мэра в рассматриваемой модели не упразднена. На него возлагаются в основном представительские функции, он является председателем на заседаниях совета, но при этом не наделен правом вето на решения последнего и не имеет никаких управленческих полномочий³.

В 1960-е — 1970-е гг. прошлого столетия в США приобрела популярность модель управления, представленная в форме «сильный» мэр — совет с главным администратором, при которой мэр, как правило, сам подбирает главного администратора, при этом полномочия последнего сильно ограничены.

Другими органами общей компетенции в системе местного самоуправления являются графства⁴ — традиционные для США административно-территориальные единицы в структуре штатов. Графства не наделены функциями нормотворчества и должны обеспечивать реализацию законодательства штатов на местном уровне.

Однако важно отметить, что с недавних пор полномочия графств были расширены, особенно в части организации работы социальных служб, когда муниципалитетам стало сложно самостоятельно справляться с этой задачей из-за стремительного роста населения городов. Также по сравнению с муниципалитетами графства обладают большей налоговой базой и имеют расширенные возможности развития социально-экономических служб⁵.

Согласно конституциям и законам штатов высшим руководящим коллегиальным органом в графствах является совет, который может действовать в двух видах:

- комиссионерный (небольшой состав, члены не вправе занимать другие государственные должности);
- совет контролеров (имеется лишь в пяти штатах, формируется из числа выборных должностных лиц городских управлений и муниципалитетов, входящих в графство).

Управление графствами осуществляется посредством трёх основных форм:

- комиссия (совет выполняет законодательные, исполнительные, а в некоторых штатах — и отдельные судебные функции);
- совет — администратор (совет назначает администратора для руководства аппаратом и обладает полномочиями по принятию решений по наиболее важным вопросам);
- совет — выборный руководитель (последний является главой графства, обладает правом вето на решения совета, предлагает на рассмотрение совета основные направления политики графства, выполняет представительские функции от имени графства).

Еще одним органом общей компетенции, играющим незначительную роль в системе местного самоуправления США, являются городские управления, которые в специальной литературе также именуют тауншипы.

Тауншипы обладают схожими функциями с муниципалитетами⁶. Основные отличия заключаются в том, что их (тауншипов) границы определяются относительно к концентрации населения. По сути же, тауншипы представляют собой ни что иное как обладающие ограниченными полномочиями административно-территориальные подразделения графств.

Среди органов специального назначения в системе местного самоуправления США выделяют специальные округа — наиболее многочисленную группу органов. Они обладают правами юридических лиц, могут самостоятельно выступать в гражданском обороте, заключать сделки, иметь в распоряжении собственность, а также вправе самостоятельно финансировать свою деятельность за счет средств, полученных после сбора налогов и пошлин; средств, полученных за предоставленные услуги и т.д.⁷.

В свою очередь в системе специальных округов особое место занимают школьные округа, руководство в которых осуществляют избранные населением советы, пользующиеся полной административной автономией в пределах своих полномочий. Данные советы вправе взимать специальный имущественный налог, который в

дальнейшем используется для финансирования строительства и содержания школ. Кроме того, государство и соответствующие штаты могут субсидировать школьные округа с целью развития образования.

Важно отметить, что сегодня в США действуют девятнадцать основных типов специальных округов, среди которых: по охране почв, жилищного строительства, водоснабжения, пожарные, санитарные, дорожного строительства, общественного транспорта, здравоохранения и др.⁸.

Власти штатов помимо утверждения круга полномочий и территориальных границ специальных округов обладают правом «учреждения» последних, хотя с подобной инициативой может выступить и население соответствующей территории.

Специальные округа, не будучи привязанными к границам графств и муниципалитетов, могут решать значительное число вопросов регионального масштаба, не нарушая при этом административно-территориальное деление штатов. Кроме того, благодаря применяемой в специальных округах форме управления становится возможным более оперативное выполнение поставленных задач.

¹ Административное право зарубежных стран: учебник. Кикоть В.Я., Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Кардашова И.Б., Кононов П.И., Бочаров С.Н., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Соломатина Е.А.,

Сажина В.В., Майле А.Д. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2012

2 Избирательное право: учебник. 2-е издание. Эбзеев Б.С., Гасанов К.К., Виноградов В.А., Хазов Е.Н., Прудников С.А., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Егоров С.А., Курскова Г.Ю., Осавелюк А.М., Миронов А.Л., Кальгина А.А., Павлов Е.А., Шуленин В.В., Кирсанов А.Ю., Громов К.Э., Тутханян Г.А. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, М.: 2015

3 Актуальные проблемы избирательного права Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Кальгина А.А., Шуленин В.В., Егоров С.А., Миронов А.Л., Кирсанов А.Ю., Саудаханов М.В. М.: ЮНИТИ-ДАНА, (Серия «Magister»). 2016 г.

4 Понятие «графство» используется в 48 штатах США. В штате Луизиана используется понятие «приход», а на Аляске – «район».

5 Предпринимательское право: учебник. 5-е издание. Эриашвили Н.Д., Коршунов М.Н., Алексей П.В., Петров И.В., Щербачева Л.В., Борякова С.А., Эриашвили М.И., Ткачев В.Н., Саудаханов М.В., Линева А.Н., Косов М.Е., Горелик А.П., Быструшкина И.В., Лобаков А.В., Сорокина А.Э. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, М.: 2010.

6 Хазов Е.Н. Европейской хартии местного самоуправления исполняется 30 лет (Страсбург, 15 1985). Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 1. С. 7-9.

7 Организация и деятельность полиции (милиции) зарубежных государств: учебник. Румянцев Н.В., Эриашвили Н.Д., Хазов Е.Н., Скрипкин Г.Ф., Горшенева И.А., Саудаханов М.В., Миронов А.Л., Егоров С.А., ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2015

8 Административное право зарубежных стран: учебник. 2-е изд-е. Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Бочаров С.Н., Соломатина Е.А., Кардашова И.Б., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Сажина В.В., Майле А.Д., Чихладзе Л.Т., Антошина А.И., Сущинская С.И. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2015

Профессиональная этика и служебный этикет. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [В.Я. Кикоть и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.

Применительно к реалиям современного общества систематизированно изложены нравственные основы правоохранительной деятельности. Рассмотрены этические основы специфики деятельности отдельных правоохранительных служб и учреждений.

Для студентов юридических вузов, изучающих курс профессиональной этики и служебного этикета, а также для практических работников системы правоохранительных органов.

УДК 34
ББК 67

**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ,
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,

*доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

МАРАТ ВИЛЬДАНОВИЧ САУДАХАНОВ,

*кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право,
конституционный судебный процесс, муниципальное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены некоторые особенности организации местного самоуправления некоторых европейских государств: Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Французской Республики, Итальянской Республики. Представлен анализ этих особенностей.

Ключевые слова: местное самоуправление, европейские государства, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Французская Республика, Итальянская Республика

Annotation. In this article we explore some peculiarities of organization of local self-government of European states on the example of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, French Republic, Italian Republic. The authors make analysis.

Keywords: local self-government, European states, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, French Republic, Italian Republic

Сегодня многие государства мира накопили большой опыт в сфере регулирования вопросов местного самоуправления, разработали и применяют различные модели организации власти на местах. Для таких моделей характерны разный порядок формирования органов муниципальной власти, разный порядок взаимодействия между собой и с органами центральной государственной власти, разный объем прав и обязанностей по регулированию вопросов местного значения и т.д.¹ В рассматриваемом контексте представляется интересным изучение опыта ряда европейских государств, имеющих сложившуюся систему организации местного самоуправления.

Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии. В настоящее время административно-территориальное деление Соединённого Королевства

Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) устроено следующим образом:

- графства и округа (Англия, Северная Ирландия, Уэльс);
- регионы и округа (Шотландия).

При этом в некоторых местностях действуют общины и приходы, образованные несколько сотен лет назад, однако их полномочия не имеют четкого закрепления в законодательстве, поэтому они осуществляют свою деятельность совместно с другими властями.

Население графств и округов избирает советы графств, которые согласно действующему законодательству одновременно являются и высшими исполнительными, и высшими законодательными коллегияльными органами власти в системе местного самоуправления Великобритании². В свою очередь,

советы округов наделены второстепенными (вспомогательными) полномочиями.

К элементам правового статуса таких советов можно отнести:

- будучи избранными населением, выражают его волю и интересы;
- обладают законодательно установленной компетенцией и строго определенным кругом полномочий;
- обладают правом непосредственного обращения в центральные государственные министерства и ведомства;
- несут одинаковую ответственность в случае принятия незаконных решений и др.

Тенденции последних лет таковы, что полномочия органов местного самоуправления постепенно ограничиваются и передаются центральным органам государственной власти³.

Советы графств и округов в целях реализации принятых планов и мер создают отраслевые функциональные органы управления — постоянные комитеты. При этом комитеты по делам образования, по делам социального обеспечения, по финансам должны быть образованы в обязательном порядке, остальные же учреждаются на усмотрение соответствующего совета.

Каждый совет графства или округа имеет утвержденный регламент, который определяет численность составов комитетов, их полномочия и т.п. Составы комитетов формируются из числа депутатов, специалистов и экспертов в конкретной области знаний, представителей общественности и прочих заинтересованных лиц. Лишь некоторые комитеты (к примеру, финансовый) должны состоять исключительно из депутатов своего муниципалитета⁴.

Отсутствие соответствующих исполнительных (координационных) органов управления общей компетенции является одной из особенностей организации местного самоуправления Великобритании. Полномочиями указанных органов наделены комитеты по политическим вопросам и по ресурсам, членами которых являются представители партии большинства.

Кроме того, полагаем важным отметить, что в Великобритании существуют 3 вида контроля над местным самоуправлением:

- административный контроль, осуществляемый правительством, министерствами, проверяющими комиссиями, региональными комиссиями;
- судебный контроль, направленный на установления соответствия законодательству решений и нормативных правовых актов, принимаемых муниципалитетами;
- парламентский контроль, реализуемый с целью установления законности действий муниципалитетов, а также корректности и целесообразности применяемых форм и методов осуществления власти на местах.

Французская Республика. Структура административно-территориального деления Французской Республики (далее — Франция) представляет собой многоуровневую систему, главными элементами которой являются:

- коммуны (общины);
- департаменты;
- регионы.

Фактически коммуны — это правопреемницы церковных приходов. Коммуны являются самыми многочисленными муниципалитетами, обладают наиболее демократической системой управления в сравнении с другими видами муниципалитетов, в меньшей степени зависят от центральных органов государственной власти.

Устав, действующий на основании соответствующего закона, определяет правовое положение коммуны, в т.ч. предусматривает главенствующую роль муниципального совета, избираемого населением сроком на 6 лет⁵.

К полномочиям муниципального совета относятся: ежегодное утверждение бюджета (доходная часть пополняется за счет общинных налогов), возможность получения внешних займов, кадровые вопросы, выборы мэра (из членов муниципального совета), являющегося высшим органом исполнительной власти, и осуществление контроля над его деятельностью.

Кроме того, коммуны вправе иметь имущество в собственности, как в публичной (дороги, леса и др.), так и в частной (предприятия, заводы и т.п.).

Другими административно-территориальными единицами местного самоуправления Франции являются департаменты, организация деятельности которых в значительной степени централизована и строго контролируется префектами. Благодаря реформе местного самоуправления, проведенной в 80-х гг. прошлого столетия, полномочия департаментов были расширены в таких сферах как жилищное строительство, транспорт, здравоохранение и образование⁶.

Управление департаментом возлагается на генеральный совет⁷. Состав данного совета избирается населением сроком на 6 лет, однако особенность состоит в том, что каждые 3 года он должен обновляться. К полномочиям совета относятся формирование, утверждение и исполнение бюджета; взаимодействие с другими департаментами, в т.ч. по вопросам создания совместных предприятий; самостоятельное распределение федеральных субсидий; выборы председателя генерального совета и осуществление контроля над его деятельностью. Председатель совета является высшим органом местной исполнительной власти.

Еще одним звеном системы местного самоуправления являются регионы, имеющие статус местных сообществ, обладающие правами на самоуправление, формирование собственного бюджета, а также подбор кадров. Управление регионами осуществляют избираемые населением региональные советы во главе с пред-

седателем, являющимся высшим органом исполнительной власти соответствующей местности. Регионы играют ключевую роль в решении вопросов, связанных с планированием, благоустройством территорий, подготовкой кадров, созданием транспортно-логистических коммуникаций, развитием культуры и науки.

Кроме вышеназванных административно-территориальных единиц в структуре местного самоуправления Франции можно выделить такие чисто административные единицы как районы и кантоны, входящие в состав департаментов и не имеющие своих представительных органов. Кроме того, районы и кантоны не обладают правами юридического лица и не могут выступать в гражданском обороте в качестве самостоятельных субъектов.

Представляется важным отметить, что ни в специализированной научной литературе, ни в нормативных правовых актах Франции понятие «самоуправление» не используется. Речь, как правило, идет о проживающем на определенной территории местном населении, представленном в виде коллективов и территориальных общностей, а также об их представительных органах.

Одной из основных функций муниципалитетов является обеспечение полноценного и всестороннего развития местного хозяйства, а также организация и поддержка различных предприятий, как производственных, так и тех, которые занимаются водо- и электроснабжением, следят за санитарной и эпидемиологической обстановкой, организуют движение общественного транспорта и т.д.

Надо сказать, что не всегда предприятия находятся в ведении или в собственности муниципалитета и непосредственно управляются им. К примеру, если деятельность коммунальных служб осуществляется за счет бюджета муниципалитета, то принято говорить о непосредственной форме управления. Однако, как правило, коммунальное обслуживание осуществляется контрагентами на договорной основе.

Также в системе органов местного самоуправления Франции на уровне коммун можно выделить синдикаты коммун, округа и межгородские ассоциации — это формы межмуниципального сотрудничества и взаимодействия.

Финансирование деятельности муниципалитетов осуществляется за счет доходов местных бюджетов, среди которых выделяют бюджет текущей деятельности и бюджет инвестиций. К источникам таких доходов относятся внутренние и внешние доходы.

Внутренние:

- доходы от муниципальной собственности и хозяйства;
- налоговые поступления;

Внешние:

- субсидии государства;
- частные и государственные кредиты.

Кроме того, бюджеты муниципалитетов форми-

руются за счет налогов на игровые и увеселительные мероприятия, розничную торговлю, электроэнергию, рекламу, а также налогов, связанных с туристской деятельностью⁸.

Итальянская Республика. Административно-территориальное устройство Итальянской Республики (далее — Италия) представляет собой систему, состоящую из 3-х уровней, где первые 2 — уровень муниципальный, а третий — региональный:

- коммуны;
- провинции;
- области.

Модель итальянского местного самоуправления, которую принято называть «областным государством», во многом схожа с французской, однако имеет свои особенности: политическая децентрализация и автономия территориальных коллективов в рамках единого государства. Суть данной модели состоит в наделении самостоятельностью всех территориальных коллективов, при этом в наибольшей степени ею наделены области.

Коммуны представляют собой самые небольшие муниципалитеты, основные полномочия которых сосредоточены в социально-экономической сфере, а также в вопросах благоустройства и наиболее оптимального использования принадлежащих им территорий.

Основными направлениями деятельности провинций являются:

- сбор предложений коммун;
- участие в разработке планов и программ развития областей;
- принятие собственных долгосрочных отраслевых программ развития;
- координация деятельности коммун;
- развитие социально-экономического и культурного сектора, производства, предпринимательства, туризма и т.д.⁹

Необходимо отметить, что существует требование, согласно которому в провинции должно проживать не менее 200 тысяч человек.

К слову, в отношении областей также существует подобное требование — не менее 1 млн. человек. Таким образом, области являются наиболее крупными административно-территориальными единицами. Кроме того, они наделены самостоятельностью в сфере администрирования и регулирования финансовой деятельности, а также обладают частью государственных полномочий, например: правотворчество и законодательная деятельность. Однако издаваемые областями нормативные правовые акты должны соответствовать установленным Конституцией Италии принципам государственного правопорядка, международным обязательствам и интересам государства. Итальянское законодательство также предусматривает возможность для государства передавать областям и другим свои полномочия, а области, в свою очередь, часть своих административных полномочий вправе делегировать

провинциям и коммуна¹⁰.

Структура органов управления в коммунах, провинциях и областях включает в себя совет, джунту и председателя (в коммунах и провинциях он именуется — синдик).

Джунта — высший орган местной исполнительной власти, председатель и члены которого избираются на заседании представительного органа. В обязанности джунты входит управление имуществом области, заключение сделок от имени области, а также координация деятельности предприятий и всех служб, входящих в структуру подчинения.

Председатель джунты осуществляет исполнительные функции, в которые входит как, например, представление интересов области во взаимоотношениях с другими субъектами, так и управление джунтой, промульгация нормативных правовых актов области и др. В свою очередь, синдик самостоятельно формирует состав джунты и уведомляет совет о ее составе.

Выше уже было отмечено, что области вправе делегировать часть своих полномочий провинциям и коммунам. Надо сказать, что такое делегирование может предусматривать параллельную передачу не только финансовых средств, но и персонала, а также имущества, если это необходимо. Объем передаваемых средств рассчитывается на основании различных показателей: количество жителей, количество студентов и школьников, уровень социально-экономического развития и т.д. При этом делегирование всегда срочное и может быть приостановлено в любой момент, например, в случае установления фактов нецелевого расходования выделенных средств, превышения пределов делегированных полномочий и т.п.

Система административно-территориального деления и управления в Италии предусматривает нахождение представителя центральной государственной власти во всех территориальных единицах. Так, в области — это правительственный комиссар, в провинциях — префект, представляющий Министерство внутренних дел. Префект осуществляет контроль над исполнением всех государственных предписаний в области обеспечения общественного порядка и безопасности. Кроме того, он планирует и организует меры по гражданской защите населения, в т.ч. в случае наступления стихийных бедствий и катастроф. В коммунах представителем государства является синдик, в обязанности которого входит постоянное информирова-

ние префекта о состоянии общественного порядка и безопасности, а также в случае необходимости издание соответствующих нормативных актов и принятие мер, направленных на оказание безотлагательной помощи в сфере здравоохранения, обеспечение гигиены, координацию деятельности местной полиции и др.

1 Хазов Е.Н. Европейской хартии местного самоуправления исполняется 30 лет (Страсбург, 15 1985). Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 1. С. 7-9.

2 Избирательное право: учебник. 2-е издание. Эбзеев Б.С., Гасанов К.К., Виноградов В.А., Хазов Е.Н., Прудников С.А., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Егоров С.А., Курскова Г.Ю., Осавелюк А.М., Миронов А.Л., Кальгина А.А., Павлов Е.А., Шуленин В.В., Кирсанов А.Ю., Громов К.Э., Тутханян Г.А. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, М.: 2015

3 Административное право зарубежных стран: учебник. Кикоть В.Я., Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Кардашова И.Б., Кононов П.И., Бочаров С.Н., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Соломатина Е.А., Сажина В.В., Майле А.Д. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2012

4 Актуальные проблемы избирательного права Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н., Белоновский В.Н., Эриашвили Н.Д., Кальгина А.А., Шуленин В.В., Егоров С.А., Миронов А.Л., Кирсанов А.Ю., Саудаханов М.В. М.: ЮНИТИ-ДАНА, (Серия «Magister»). 2016 г.

5 Саудаханов М.В. Местное самоуправление во Франции // Вестник Московского университета МВД России, 2012, № 7.

6 Саудаханов М.В. Государственная служба во Франции // Закон и право, 2011, № 10.

7 Административное право зарубежных стран: учебник. 2-е изд-е. Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Бочаров С.Н., Соломатина Е.А., Кардашова И.Б., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Сажина В.В., Майле А.Д., Чихладзе Л.Т., Антошина А.И., Сушинская С.И. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2015

8 Саудаханов М.В. Местная административная юстиция Франции // Вестник Московского университета МВД России, 2011, № 7. С. 225 – 228

9 Предпринимательское право: учебник. 5-е издание. Эриашвили Н.Д., Коршунов М.Н., Алексей П.В., Петров И.В., Щербачева Л.В., Борякова С.А., Эриашвили М.И., Ткачев В.Н., Саудаханов М.В., Линев А.Н., Косов М.Е., Горелик А.П., Быструшкина И.В., Лобаков А.В., Сорокина А.Э. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, М.: 2010.

10 Организация и деятельность полиции (милиции) зарубежных государств: учебник. Румянцев Н.В., Эриашвили Н.Д., Хазов Е.Н., Саудаханов М.В., Горшенева И.А., Миронов А.Л., Егоров С.А., Галузо В.Н. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2015.

УДК 34
ББК 67

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДИРЕКТИВАХ ПРЕЗИДЕНТА США

АЛИМБЕК ТУЗЕЛОВИЧ ХИДЗЕВ,

*аспирант Института государственной службы
и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

E-mail: alimbek.hidzev@gmail.com

*Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор С.В. Бошно*

*Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Из всей совокупности издаваемых Президентом США правовых актов исполнительные директивы (executive orders) занимают особое место вследствие того, что эти акты имеют большую юридическую силу, а также регулируют широкий круг общественных отношений. Если сравнить с правотворчеством Президента РФ, исполнительные директивы следует рассматривать как аналог указов главы Российского государства. В рамках данной статьи автором отражены отдельные правовые особенности исполнительных директив Президента США, их развитие в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: правотворчество Президента США, исполнительные директивы, Президент США, ЕО, письма, меморандумы, прокламации, органы исполнительной власти США.

Annotation. From the totality of the U.S. President legal acts executive orders have a special place due to the fact that these acts have greater legal force, as well as regulate a wide range of social relations. If we compare with the RF President's law-making, executive directive should be seen as analogous to the decrees of the Russian President. In this article the author reveals individual legal features of executive directives of the President of the United States, their development in historical retrospective.

Keywords: executive orders, EO, legal aspect of EO, U.S. ordinance-making, executive lawmaking, presidential legislation, cost-benefit.

Основная масса документов, издаваемых Президентом США, носит название Executive order (далее — ЕО). По аналогии с российским законодательством, исполнительные директивы сродни указам Президента РФ. Форма, количество и содержание издаваемых исполнительных директив сильно отличаются в разные периоды времени. Официальная статистика по издаваемым ЕО стала вестись с 1907 года, когда Государственный Департамент США пронумеровал все исполнительные директивы, начиная с 1862 г.¹ Благодаря этому удалось сократить количество пронумерованных директив и произвести простейшую систематизацию изданных актов. Впоследствии эту работу продолжила администрация Г. Гувера².

Более серьезная проработка актов началась с учреждения Федерального Реестра в 1936 г. Начиная с этого времени, работа велась не только с исполнительными директивами в последовательном порядке, но и с теми документами, которые были обнаружены позже и выбивались из общей нумерации. К примеру, если порядковый номер 6621 был занят, «выпавшему» доку-

менту присваивались буквенные обозначения вместе с номером: 6621-А.

Это объясняет тот факт, что общее количество зарегистрированных актов больше, чем число, которое можно получить при вычитании из конечного номера начального значения (плюс 1)³.

Вместе с тем, существует достаточно большой массив пронумерованных актов⁴. В общей сумме исследователи считают, что было издано около 50000 актов ЕО⁵. При этом не всегда эти документы имели наименование Executive Order, чаще всего они назывались как «письма» (letters). На сегодняшний день письма отнесены к категории «меморандумы» (memoranda)⁶.

В законодательстве США нет четко закрепленного определения ЕО, как отмечают исследователи, полномочие издавать исполнительные директивы проистекает из содержания разделов 1, 3 ст. 2 Конституции США:

- Исполнительная власть осуществляется Президентом Соединенных Штатов Америки («The executive Power shall be vested in a President of the United States of America»).

- Он должен обеспечить точное соблюдение законов («He shall take Care that the Laws be faithfully executed»)⁷.

Наиболее цитируемым в научных трудах определением является следующая дефиниция: исполнительные директивы и прокламации — это директивы или действия Президента США. Если они основаны на конституционных полномочиях главы государства либо статутах — они имеют силу закона. Исполнительные директивы направлены на осуществление руководства правительством и агентствами США и, как правило, не затрагивают интересы частных лиц, в отличие от прокламаций. Различие между исполнительной директивой и прокламацией больше в форме, нежели в содержании⁸.

К.Р. Майер пишет, что исполнительные директивы — это директивы Президента США, которые он издает при осуществлении полномочий в сфере исполнительной власти. Посредством исполнительных директив определяются общие направления внутренней и внешней политики государства, выстраивается структура деятельности органов исполнительной власти. Таким образом, Президент США может реализовать свои полномочия посредством издания соответствующих ЕО, которые ограничиваются рамками Конституции США и статутами (законами)⁹. В научной литературе правотворчество главы государства США также именуется понятиями «*ordinance-making*»¹⁰, «*executive lawmaking*» (исполнительное законотворчество)¹¹, «*presidential legislation*» (президентское законотворчество)¹², которые являются собирательными понятиями для всей совокупности актов Президента США, включая ЕО.

П.М. Шейн, Г.Г. Браф отмечают, что исполнительные директивы являются неперменным атрибутом президентской власти, так как посредством ЕО главы государства реализуют свои управленческие компетенции, основывающиеся на конституционных положениях и статутах¹³.

В отличие от российского законодательства, спецификой американской системы права является то, что Президент США может отзывать и изменять свои акты — исполнительные директивы. Как отмечают В.С. Чу и Т. Гарви, акты Президента США нестабильны вследствие того, что политика органов исполнительной власти корректируется вслед за изменениями в обществе, это обосновано объективными факторами¹⁴. Приоритеты главы государства меняются периодически, исходя из этого он обладает правом отменять, изменять не только свои акты, но и те, которые были изданы его предшественниками¹⁵.

Практика изменения (*modification*) и отмены, отзывает (*revocation*) исполнительных директив наглядно прослеживается в тех случаях, когда Президент США стремился урегулировать и повысить эффективность деятельности федеральных агентств. Начиная с администрации Президента Дж. Форда, можно наблюдать постепенное изменение процедуры нормотворчества

федеральных агентств в соответствии с концепцией «затрат и выгод» («*cost-benefit*»)¹⁶:

В 1974 г. Президент Дж. Форд издал исполнительную директиву ЕО 11821, согласно которой на федеральные агентства накладывались дополнительные обязательства по оценке инфляционных рисков, связанных с введением в действие издаваемых актов¹⁷.

Президент Дж. Картер изменил эту практику директивой ЕО 12044, которая обязывала учреждения рассматривать потенциальное экономическое воздействие определенных норм. По сути, это некое подобие ОРВ — оценки регулирующего воздействия, известной в российской практике¹⁸.

Президент Р. Рейган отменил директиву Дж. Картера и предложил схему, которая существенно расширяла контроль над процессом нормотворчества органов исполнительной власти. Р. Рейган издал исполнительную директиву ЕО 12291¹⁹, согласно которой агентствам разрешалось применять только такие нормы, потенциальные выгоды которых перевешивали издержки. Соответственно, каждое постановление, которое разрабатывалось федеральным правительством и его органами, сопровождалось подробным анализом его фактического воздействия на экономику страны (оценка по принципу «*cost-benefit*»)²⁰.

Президент Уильям Дж. Клинтон несколько упростил порядок, установленный администрацией Р. Рейгана (исполнительная директива ЕО 12866). В целом, порядок подготовки правительственных актов остался прежним, однако основной обязанностью органов было признано исполнение полномочий, возложенных на агентства Конгрессом США²¹.

В 2002 и 2007 гг. Президент Дж. Буш издал две исполнительные директивы: ЕО 13258 и ЕО 13422²², каждая из которых предусматривала внесение изменений в акты У. Клинтона. Первая директива предусматривала изменения в планировании и анализе, вместо вице-президента эти функции были возложены на директора Бюро управления и бюджета (OMB) и начальника аппарата Президента США (по исключительному признаку). Согласно ЕО 13422 создавались специальные должности — *regulatory policy officer* (дословно: офицеры регуляторной политики), на которые назначались выдвиженцы главы государства. Эта директива также внесла изменения в порядок деятельности Управления информации и регулирования (OIRA), согласно которым агентства должны были уведомлять OIRA в приоритетном порядке о наиболее важных разрабатываемых документах.

Впоследствии Б. Обама отменил оба акта Дж. Буша исполнительной директивой ЕО 13497²³. Эта директива не только отозвала эти акты, но и возложила на директора Бюро управления и бюджета OMB и руководителей исполнительных департаментов и агентств поручение отменить приказы, правила, руководства и все иные документы, принятые на основе исполнительных директив президента Дж. Буша. Кроме того, Б. Обама издал еще две исполнительные

директивы по вопросам нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти. Первая директива — ЕО 13563 — восстановила и дополнила ранее действовавшую директиву У. Клинтона ЕО 12866. Согласно новому порядку, интенсифицировалось вовлечение общественных институтов для обсуждения и упрощения издаваемых актов по наиболее важным отраслям деятельности²⁴. Также в этой директиве содержались инструкции по совершенствованию

и объективизации данных, содержащихся в правительственных актах и приложениях к ним (техническая, методическая документация), а также по разработке предварительного плана ревизии и проверки принятых актов²⁵. Другая исполнительная директива — ЕО 13579²⁶, содержала требования о том, что «независимые регулирующие органы» должны соответствовать «в пределах, допускаемых законом» целям и требованиям исполнительной директивы ЕО 13563²⁷.

Схематическое представление этого процесса

Право по изменению и отмене актов Президента США также принадлежит Конгрессу США. К примеру, Конгресс может изменить либо отменить исполнительные директивы, которые были изданы Президентом США, опираясь на полномочия, переданные ему парламентом. Конгресс может признать недействительным как отдельные положения изданной директивы, так и весь документ путем отмены делегирования полномочий.

Другим способом отмены (прекращения действия) исполнительной директивы, принятой на основе делегированных полномочий, является введение временных ограничений. В американской правовой системе законодатели именуют это понятие «sunset provision» (дословно — «закат солнца»). Соответственно, если действие делегированного полномочия либо закона, на основе которого была издана исполнительная директива, не будет законодательно продлено, также прекращается и действие директивы. К примеру, совет National Council on Indian Opportunity (NCIO) был создан на основе исполнительной директивы ЕО 11399. Ее действие было продлено в последующем приказом ЕО 1688. В 1969 году Конгресс США законодательно выделил средства для продолжения действия Совета NCIO в течение пяти лет, однако по истечении срока не продлил действие закона. Поэтому NCIO больше не существует²⁸. Этот принцип также действует и в континентальной системе права, когда вместе с утратой юридической силы основного акта, теряет юридическую силу и принятый на его основе правовой акт.

Литература

1. Constitution of the United States. URL: http://www.senate.gov/civics/constitution_item/
2. Corwin, Edwin S. The Presidency: Office and Powers. New York: New York University Press. P. 149.
3. Executive Orders: Washington — Obama. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/data/orders.php>
4. Fleishman, Joel L., Arthur H. Aufses. Law and Orders: The Problem of Presidential Legislation // Law and Contemporary Problems. 1976. No. 40. P. 5.
5. James, Hart. The Ordinance Making Powers of the President of the United States. Baltimore: Jhon Hopkins University Press. 1925. P. 17.
6. Kenneth R Mayer. Executive Orders and Presidential Power // Journal of Politics Vol. 61 Iss. 2 (1999). P. 445.
7. Lord, Clifford L., ed. 1943. List and Index of Presidential Executive Orders (Unnumbered Series, 1789 — 1941). New Jersey Historical Records Survey, Works Progress Administration, Newark, NJ
8. Lord, Clifford L., ed. 1944. Presidential Executive Orders, Numbered 1-8030, 1862-1938. Prepared by the Historical Records Survey, New York City. New York: Books Inc.
9. Shane, Peter M., Harold H. Bruff. Separation of Powers Law. Durham, NC. Carolina Academic Press. 1996.
10. Staff of House Committee on Government Operations, 85th Congress, 1st Session, Executive Orders and Proclamations: A Study of a Use of Presidential Powers (Committee Print 1957).
11. Vivian S. Chu, Todd Garvey. Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation. CRS

Research. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/RS20846.pdf>

12. Morton Rosenberg, *Beyond the Limits of Executive Power: Presidential Control of Agency Rulemaking Under Executive Order 12291*, 80 MICH. L. REV. 193 (1981).
13. Erik D. Olsen, *The Quiet Shift of Power: OMB Supervision of EPA Rulemaking Under Executive Order 12,291*, 4 VA. J. NAT. RES. L. 1 (1984).
14. EO 13579, 76 Fed. Reg. 41587 (2011).
15. EO 11821, 3 C.F.R. 926 (1971-1975).
16. EO 12044, 3 C.F.R. 152 (1978).
17. EO 12291, 3 C.F.R. 127, 128 (1981).
18. EO 12866, 58 Fed. Reg. 51735 (1993).
19. EO 13258, 67 Fed. Reg. 9385 (2002).
20. EO 13422, 72 Fed. Reg. 2763 (2007).
21. EO 13497, 74 Fed. Reg. 6113 (2009).
22. EO 13563, 76 Fed. Reg. 3821 (2011).

1 Lord, Clifford L., ed. 1944. *Presidential Executive Orders*, Numbered 1-8030, 1862-1938. Prepared by the Historical Records Survey, New York City. New York: Books Inc.

2 Там же.

3 К примеру, если рассмотреть промежуток EO 5053 – EO 5083 общее количество составляет: $5083 - 5053 = 30$ плюс 1, в итоге – 31. Единица прибавляется для коррекции, как как разность этих значений получается меньше общего количества актов на единицу.

4 Lord, Clifford L., ed. 1943. *List and Index of Presidential Executive Orders (Unnumbered Series, 1789 – 1941)*. New Jersey Historical Records Survey, Works Progress Administration, Newark, NJ

5 *Executive Orders: Washington – Obama*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/data/orders.php>

6 Там же.

7 Constitution of the United States. URL: http://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm

8 Staff of House Committee on Government Operations, 85th Congress, 1st Session, *Executive Orders and Proclamations: A Study of a Use of Presidential Powers* (Committee Print 1957).

9 Kenneth R Mayer. *Executive Orders and Presidential Power* // *Journal of Politics* Vol. 61 Iss. 2 (1999). P. 445.

10 James, Hart. *The Ordinance Making Powers of the President of the United States*. Baltimore: Jhon Hopkins University Press. 1925. P. 17.

11 Corwin, Edwin S. *The Presidency: Office and Powers*. New York: New York University Press. P. 149.

12 Fleishman, Joel L., Arthur H. Aufses. *Law and Orders: The Problem of Presidential Legislation* // *Law and Contemporary Problems*. 1976. No. 40. P. 5.

13 Shane, Peter M., Harold H. Bruff. *Separation of Powers Law*. Durham, NC. Carolina Academic Press. 1996. P. 131.

14 Vivian S. Chu, Todd Garvey. *Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation*. CRS Research. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/RS20846.pdf>

15 К примеру, 17.02.2001, Президент Дж.В. Буш издал несколько директив, которыми были отозваны исполнительные директивы У. Клинтона в отношении профсоюзных взносов и трудовых договоров, значительно изменяющие ряд требований, относящихся к государственным контрактам. См. например: EO 13201-04, 66 Fed. Reg. 11221, 11225, 11227-28 (2001) (были отменены EO 12871, 58 Fed. Reg. 52201 (1993); EO 12933, 59 Fed. Reg. 53559 (1994). Вслед за ним Президент Б. Обама отменил акты Дж. Буша. См. например: E.O. 13496, 74 Fed. Reg. 6107 (4.02.2009) (отменен EO 13201); EO 13502, 74 Fed. Reg. 6985 от 11.02.2009 (отменен EO 13202); EO 13495, 74 Fed. Reg. 6103 4.02.2009) (отменен EO 13204).

16 Administrative Procedure Act, 5 U.S.C. §§551 et seq. For other laws affecting the rulemaking process, see CRS Report RL32240, *The Federal Rulemaking Process: An Overview*, coordinated by Maeva P. Carey.

17 См.: EO 11821, 3 C.F.R. 926 (1971-1975).

18 См.: EO 12044, 3 C.F.R. 152 (1978).

19 См.: EO 12291, 3 C.F.R. 127, 128 (1981).

20 EO 12291 был раскритикован как документ, нарушающий принцип разделения властей, так как в этой исполнительной директиве содержались нормы, которые затрагивали полномочия, переданные Конгрессом конкретному агентству. Несмотря на это, не было ни одного заявления об оспаривании на предмет соответствия Конституции и законам США исполнительной директивы EO 12291. См. например: Morton Rosenberg, *Beyond the Limits of Executive Power: Presidential Control of Agency Rulemaking Under Executive Order 12291*, 80 MICH. L. REV. 193 (1981); Erik D. Olsen, *The Quiet Shift of Power: OMB Supervision of EPA Rulemaking Under Executive Order 12,291*, 4 VA. J. NAT. RES. L. 1 (1984).

21 См.: EO 12866, 58 Fed. Reg. 51735 (1993).

22 См.: EO 13258, 67 Fed. Reg. 9385 (2002); EO 13422, 72 Fed. Reg. 2763 (2007).

23 См.: EO 13497, 74 Fed. Reg. 6113 (2009) (отменил EO 13528 и 13422).

24 См.: EO 13563, 76 Fed. Reg. 3821 (2011). См. также Cass R. Sunstein, Administrator, OIRA, Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies, and of Independent Regulatory Agencies, on Executive Order 13563, “Improving Regulation and Regulatory Review” (February 2, 2011).

25 В этом плане целесообразно провести параллели с существующими в РФ методиками по проведению экспертиз НПА и НПА, а также созданием площадок для общественной экспертизы текстов НПА ФОИВ.

26 EO 13579, 76 Fed. Reg. 41587 (2011).

27 С другой стороны, независимые регулирующие органы изначально не подпадали под действие этих норм, исходя из предусмотренного законом определения независимого регулирующего органа, который содержит перечень таких агентств. См. например: 44 U.S.C. §3502; CRS Report R42720, *Presidential Review of Independent Regulatory Commission Rulemaking: Legal Issues*, by Vivian S. Chu and Daniel T. Shedd.

28 Vivian S. Chu, Todd Garvey. *Executive Orders: Issuance, Modification, and Revocation*. CRS Research. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/RS20846.pdf>

УДК 34
ББК 67

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СФЕРЕ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧЕРВОНЮК,

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и муниципального права Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

*Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Необходимость поддержания средствами права баланса публичных и частных интересов в различных сферах действия права предопределяют особую значимость проблематики злоупотребления правом. Злоупотребления правом занимает промежуточное положение между правомерностью и правонарушаемостью: это неправомерное и нежелательное для общества и государства юридически значимое и недобросовестное поведение, причиняющее вред охраняемым законом интересам других лиц, а равно публичным интересам, совершаемое, как правило, из корыстных побуждений и в не предусмотренных законом юридических формах или с привлечением неправовых средств для достижения целей (удовлетворения неправомерного интереса) в противоречии с назначением и содержанием предоставленного субъекту права. Злоупотребление правом — это неправомерное средство (инструмент), применяемое для получения несоразмерных преимуществ путем нарушения законных интересов других субъектов, использования неправовых возможностей публичных властей и пр. При злоупотреблении правом происходит захват чужого интереса, неправомерное вторжение в сферу интересов других правообладателей. Злоупотребление правом поэтому сопряжено с отступлением от смысла и буквы дозволения, закрепляющего субъективное право (или полномочие); это действия, которые привели к нарушению установленным законом (или ему не противоречащему) равновесию противоположных интересов. Злоупотребление правом следует признавать использованием субъектами публичных правоотношений юридических средств исключительно с намерением обхода закона, как это, в частности, имеет место в случае использования публичными должностными лицами фидуциарных сделок для передачи имущества (а равно перевода результатов своей предпринимательской деятельности), фактически продолжающего оставаться в их собственности, иным лицам (близким родственникам). В публично-правовой сфере злоупотребление правом приобрело характер явления; ложь, имитация деятельности (притворность), мнимость намерений, действия в конфликте интересов и в обход закона, видимость законности и результативности, и иные, подобные этим фантомы правового поведения отождествляются массовым правосознанием и публичными должностными лицами в качестве имплицитно присущей публичной должности своего рода титульной характеристики. Злоупотребление правом носителем властных полномочий — это поведение (действия) должностного лица вопреки интересам службы, есть коррупционное поведение.

Конституционализация и доместикация отраслевого законодательства, реформирование правовой системы в контексте ее предрасположенности (способности) к противодействию злоупотреблению правом как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах выступают важнейшими направлениями стратегии правового развития страны.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, обход закона, недобросовестное осуществление права, пределы прав и свобод, субъективное право, конструкция полномочия, принцип запрета злоупотребления правом, эффект «Бритвы Оккама», баланс интересов, «взвешивание» интересов, симулякры правомерного (добросовестного) поведения, действия в конфликте интересов, защита от обхода закона, юридические средства и механизмы противодействия злоупотреблению правом, конституционализация отраслевого законодательства, доместикация международного права, презумпция осмотрительности в европейском праве, отказ в защите права, принцип запрета создания препятствий реализации права, запрет чрезмерного формализма, принцип соразмерности в механизме противодействия злоупотреблению правом, юридическая конструкция общедозволительного принципа правового регулирования, привилегии в праве.

Annotation. The necessity of balancing of the public and private interests by means of law in various spheres of the right predefined as a particularly significant problems of abuse of the right.

Abusing of the law occupies an intermediate position between legitimacy and crime: is an illegal and undesirable for society and the state legally significant and unfair behaviour which harmful to legally protected interests of other persons, as well as the public interests committed, usually for selfish motives and not by law legal forms or through non-legal means to achieve goals (satisfy unlawful interest), in contradiction with the purpose and content provided to the entity.

Abusing of the law is non-legal means (tools) used to obtain unfair advantages by violating the legitimate interests of other subjects, the use of non-legal possibilities of public authorities, etc.

The abuse of right is hijacking someone else's interest, invasion of the privacy interests of other rights holders. Therefore,

the abuse of rights associated with the deviation from the sense and letter of permission, which enshrines the subjective right (or privilege); it is the action that led to the disruption of the equilibrium of opposing interests established by law (or it is not contrary).

The use of legal means by the subjects of public relations solely with the intention of circumvention of the law as it is, in particular, in the case of the use of public officials fiduciary transactions for the transfer of property (as well as the translation of the results of its entrepreneurial activity), in fact, continue to remain in their property, other persons (close relatives) should be considered as an abuse of the right. Abuse of rights acquired the character of a phenomenon in the field of public law; false, imitation of activity, imaginary intentions, actions in the conflict of interest and in circumvention of the law, the appearance of legality and effectiveness, and other such as these phantoms of legal behavior identified by mass consciousness and public officials as implicitly inherent in public office kind of title characteristics.

Corrupt behaviour is an abuse of the right of the authority holder; it is behavior (actions) of officials contrary to the interests of the service.

The constitutionalization and the domestication of industry legislation, reform of the legal system in the context of its predisposition (ability) to counter abuse of rights in private law and public law spheres are important directions of the strategy of legal development of the country.

Keywords: abuse of the right, The Chicane, circumvention of the law, abusive exercise of rights, the limits of the rights and freedoms, subjective right, the design of powers, the principle of prohibition of abuse of rights, the effect of “Occam’s Razor”, the balance of interests, “weighing” of interests, simulacra of legitimate (conscientious) behavior, actions in a conflict of interest, protection against circumvention of the law, the legal means and mechanisms to counter abusing of the law, constitutionalization of sectoral legislation, the domestication of international law, the presumption of prudence in European law, the failure to protect the rights, the principle of the prohibition of creation of obstacles to the realization of the rights, the prohibition of excessive formalism, the principle of proportionality in the mechanism of counteraction to abuse of rights, general permitted legal structure of the principle of legal regulation, the privileges in the law.

К проблеме злоупотребления правом исследователи обращаются на протяжении более чем столетия. И это вполне объяснимо, поскольку рассматриваемый феномен находится в непосредственной связи с гражданскими правами и свободами, оказывая ощутимое воздействие на характер их реализуемости, в конечном счете, на социально-правовое самочувствие людей. Вместе с тем, особо остро обнаружившаяся в последнее время необходимость поддержания средствами права баланса публичных и частных интересов в различных сферах действия права, создания эффективного механизма противодействия неправовым действиям как граждан, так и властных субъектов, которые по действующему законодательству нельзя квалифицировать в качестве правонарушающих, но при этом представляющих значительную угрозу конституционным порядкам, предопределяют повышенный интерес теоретической и практической юриспруденции к проблеме злоупотребления правом, концептуализации уже накопленного знания, формирования на этой основе отвечающей потребностям конституционной практики теории (учения).

Центральным вопросом проблемы по-прежнему остается вопрос о понятии злоупотребления правом, его субъектах, сферах распространения; именно его уяснение позволяет сформулировать отвечающие потребностям практики подходы к определению юридического инструментария (правовых средств и механизмов) блокирования злоупотребления правом.

Сделанный в отечественной литературе советского периода известным цивилистом вывод о том, что злоупотребление правом представляет собой «лишенное смысла соединение исключających друг друга поня-

тий», так как действия, которые обозначаются терминном «злоупотребление правом», в действительности совершены за пределами права¹, современная теоретическая мысль, можно сказать, принимает во внимание, но вместе с тем стремится продвинуться в поиске истины. Очевидно, что в современных подходах к проблеме вряд ли остаются сомнения относительно эффекта «Бритвы Оккама»; злоупотребление правом, как это можно считать доказанным, не является искусственным образованием теоретической мысли². В этой связи повышенный интерес представляет

Наиболее распространенным, если не сказать господствующим (во всяком случае, до недавнего времени), является подход, согласно которому злоупотребление правом признается правонарушающим деянием, или правонарушением. С точки зрения доктрины правонарушения есть нарушение запрета, и только в этом случае оно образует объективную сторону состава деликта. Такой подход наиболее основательно изложен в работах проф. В. П. Грибанова, который под злоупотреблением права понимает «правонарушение, совершенное управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, выражающееся в использовании недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»³. Эта позиция разделяется и другими авторами, настаивающими на том, что злоупотребление правом следует определять как правонарушение, «даже при отсутствии нормы, указывающей на неправомерность конкретного действия, имевшего место при осуществлении им субъективного права» (Е.А. Суханов)⁴; отмечается, что злоупотребление правом как вид гражданского правонарушения имеет свою специфику, так

как основывается на субъективном праве, принадлежащем участнику правоотношений⁵.

Очевидно, что представленная позиция понимания злоупотребления правом как правонарушения имеет свое объяснение, обусловленное методологическими особенностями развития теоретической юриспруденции.

Иной подход к проблеме представлен автором: злоупотребление правом рассматривается не как особый вид правонарушения, а как разновидность неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, совершением поступков «во зло» и в противоречии с назначением предоставленного права, его духом. Непризнание категории злоупотребления правом ведет к тому, что «всякое отклонение от общего дозволения квалифицируется как деликт, правонарушение, преступление⁶; злоупотребление правом противоречит природе права, закрепленной в его нормах цели посредством использования недобросовестным субъектом неправовых средств для ее достижения.

С указанных позиций злоупотребление правом занимает промежуточное положение между правомерностью и правонарушаемостью: это неправомерное и нежелательное для общества и государства юридически значимое и недобросовестное поведение, причиняющее вред охраняемым законом интересам других лиц, а равно публичным интересам, совершаемое, как правило, из корыстных побуждений и в не предусмотренных законом юридических формах или с привлечением неправовых средств для достижения целей (удовлетворения неправового интереса) в противоречии с назначением и содержанием предоставленного субъекту права. Злоупотребление правом — это неправомерное средство (инструмент), применяемое для получения несоразмерных преимуществ путем нарушения законных интересов других субъектов, использования неправовых возможностей публичных властей и пр. При злоупотреблении правом происходит захват чужого интереса, неправомерное вторжение в сферу интересов других правообладателей. Злоупотребление правом поэтому сопряжено с отступлением от смысла и буквы дозволения, закрепляющего субъективное право (или полномочие); это действия, которые привели к нарушению установленным законом (или ему не противоречащему) равновесию противоположных интересов.

Злоупотребление правом — это всегда действия в ущерб интересам других лиц, но не образующих самостоятельного деликта, уже описанного нормами права; это такие деяния, которые способны привести или уже привели к нарушению установленным законом или ему не противоречащему равновесию противоположных интересов. Злоупотребление правом сопряжено с нарушениями, точнее говоря, отступлением от смысла и буквы дозволения, закрепляющего субъективное право.

Нарушение этого правила ведет к злоупотреблению правом — основанному на корыстных побужде-

ниях поведению управомоченного субъекта, противоречащего природе субъективного права, закрепленной в его нормах цели, либо связанное с привлечением неправовых (незаконных) средств для ее достижения. Злоупотребление правом связано с привлечением управомоченным таких средств, форм, способов для осуществления принадлежащего ему права, которые выходят за пределы объема данного права. Особенность злоупотребления правом проявляется в том, что оно возникает в связи с осуществлением субъективных прав; субъект выходит за установленные законом пределы реализации права; при употреблении права во зло наносится ущерб интересам общества, государства, правам и законным интересам граждан. Что очень важно, при злоупотреблении правом зло в конечном счете обращено и на самого правопользователя, поскольку такое поведение всегда вызывает по отношению к нему нежелательную правовую реакцию. Так, избирательная комиссия отменяет решение о регистрации кандидата, действия которого в ходе избирательной кампании квалифицируются как злоупотребление им правом на предвыборную агитацию.

Запрет злоупотребления правом и есть предел права (свободы). Значит, содержательно злоупотребления правом не раскрыто в законе (ст. 17 Конституции РФ, 10 ГК РФ), а использован технико-юридический прием для обозначения границ действия права. Содержательно же злоупотребления правом раскрывается через дихотомичное ему понятие доброй совести, добросовестного поведения. Но это еще более неопределенное понятие, содержание которого действительно можно определить лишь казуистично и применительно к конкретной правовой ситуации.

!!! поднял кем-то забытый кошелек с намерением его отдать — добросовестное поведение; поднял тот же кошелек с намерением его присвоить — следует, руководствуясь правовой позицией высшего судебного органа страны (разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ) квалифицировать как противоречащее праву деяние, или преследуемое уголовным законом правонарушение.

С вопросом о сущности злоупотребления правом связан не менее важный аспект — определение его субъектов. В научном юридическом сообществе распространена точка зрения, исключающая возможность существования злоупотребления правом в публичных отношениях, или в отношениях с публичным элементом, так как считается, что запрет злоупотребления правом распространяется только на сферу частного права. По данной версии, в сфере публичного права возможно правовое регулирование, которым устанавливаются конкретные обязанности (метод позитивного обязывания). Однако, как отмечается в специальной литературе (Г.А. Гаджиев), наряду с позитивным обязыванием может использоваться метод негативного обязывания. Этот метод побуждает субъектов правоотношений исполнить определенные обязанности. Ду-

мается, что такой взгляд на проблему не раскрывает действительных особенностей правовых средств, используемых властными субъектами права. Применительно к публично-правовой сфере особенность эта связана с конструкцией полномочия — права, соединенного с юридической обязанностью; предоставляемое в силу должностного статуса право не существует вне обязанности и выступает в этом случае как юридическое средство осуществления возложенной на должностное лицо обязанности. Однако особенности конструкции полномочия (и принципиальная особенность прав должностных лиц) не отменяет широко распространенной в сфере действия публичного права в различных формах — злоупотребления правом.

С учетом отмеченного злоупотребление правом следует признавать использованием субъектами публичных правоотношений юридических средств исключительно с намерением обхода закона, как это, в частности, имеет место в случае использования публичными должностными лицами фидуциарных сделок для передачи имущества (а равно перевода результатов своей предпринимательской деятельности), фактически продолжающего оставаться в их собственности, иным лицам (близким родственникам). В публично-правовой сфере злоупотребление правом приобрело характер явления; ложь, имитация деятельности (притворность), мнимость намерений, действия в конфликте интересов и в обход закона, видимость законности и результативности, и иные, подобные этим фантомы правового поведения отождествляются массовым правосознанием и публичными должностными лицами в качестве имплицитно присущей публичной должности своего рода титульной характеристики. Злоупотребление правом носителем властных полномочий — это поведение (действия) должностного лица вопреки интересам службы, есть коррупционное поведение.

Отмеченное позволяет определить общие признаки злоупотребления правом. Это: наличие у лица субъективного права или публичного полномочия; злоупотребление правом будь-то гражданином или властным субъектом вступает в противоречие с основными началами, принципами, целями, задачами права, а также с проводимой государственной политикой

К признакам злоупотребления правом относят:

а) причиненный в результате осуществления субъективного права вред (зло). Бержель прав, когда пишет, что субъективные права предоставляются только для удовлетворения легитимных интересов, а не для нанесения вреда другому лицу. Существование субъективных прав приобретает крайне нежелательный характер, если они отклоняются от своей цели. Законодатель нужен для того, чтобы защитить социальную организацию и коллективные или частные интересы от угрожающих им возможных злоупотреблений правами и крайней несбалансированности в правовой сфере⁷. С. 75 76.

Второй признак злоупотребления правом — осу-

ществление субъективного права в противоречии с его назначением. Это такая форма осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам отношений.

Субъекты злоупотребления правом — носители конституционных прав и свобод; предприятия учреждения; органы государственной власти и их должностные лица.

В-третьих, при злоупотреблении правом складывается «некая видимость правомерности»⁸, так как «используется правовая форма, модель в качестве инструмента для злоупотребления». Злоупотребление правом в этом случае есть своего рода симулякр правомерного поведения;

В-четвертых, злоупотреблении правом представляет собой антипод добросовестного поведения, это недобросовестное поведение, совершаемое в обход закона и превышения установленных им пределов вопреки основным началам, целям и смыслу вытекающего из закона права

В-четвертых, последствия злоупотребления правом в правоотношениях связаны с умалением как частных, так и публичных интересов.

В-пятых, квалификация деяния злоупотреблением правом влечет за собой применение специальных мер правового воздействия, зависящих от характера правоотношений.

Формы распространения злоупотребления правом. Нормативно они выражены в действующем Гражданском кодексе; в соответствии с п.1 ст. 10 ГК РФ основными формами злоупотребления правом признаются: 1) гражданские деликты (шикана), (2) обход закона и (3) иное недобросовестное поведение. Очевидно, что законодательно перечисленные формы злоупотребления правом в сфере действия частного права, кроме первой из них, с определенными оговорками можно распространить и на область действия публичного права. При этом, в связи с отстаиваемым подходом к пониманию злоупотребления правом и положениями упомянутого Закона, требуются некоторые уточнения относительно деликтов как одной из его (злоупотребления правом) разновидностей.

По мнению некоторых авторов, злоупотребление правом способно не только принимать модель собственно злоупотребления правом в «чистом» его виде, но и в зависимости от характера нарушения, умысла и средств, используемых при злоупотреблении правом, принимать форму правонарушения, переходить в него⁹. Очевидно злоупотребление правом может перерасти и в правонарушающие деяния — нарушения запретов, поскольку полноточные, как отмечалось жестко связывает права и позитивные обязанности. Но обязанность может быть выражена и в форме негативной» обязанности, т.е. запрета.

Меры предупреждения и борьбы со злоупотреблением правом зависят от тех обстоятельств, которые его порождают. Среди юридически причин можно указать

на следующие.

Во-первых, это обстоятельства «объективного» свойства. К ним прежде всего можно отнести технико-юридическую конструкцию права (свободы), предоставляемых гражданам. В особенности конституционное законодательство, которое закрепляет основные права и свободы предоставляет их носителям достаточно широкий объем правовой свободы, выбор способов их осуществления, юридических средств, привлекаемых для достижения целей, вытекающих из этих прав и свобод. Следовательно, применение диспозитивного способа конструирования правовых норм, закрепляющих права и свободы, предоставляет субъекту права полную свободу выбора способов реализации субъективного права, а это изначально создает предпосылки для злоупотребления правом. Объективность данного обстоятельства указывает на то, что законодатель не может избрать иной способ формулирования права. Хотя, конечно, он может при этом использовать такой инструментальный конструирования правовой нормы, при котором возможность злоупотребления будет сведена к минимуму. Тем не менее полностью исключить такую возможность законодатель не в состоянии. Меры противодействия в приведенном случае могут быть различными. Это: ограничение пределов поведения с помощью оценочных понятий («добросовестность», «добрые нравы», «разумность», «справедливость»). Отражение в присягах глав государств, судей.

Следующим обстоятельством можно назвать юридические ошибки законодательного органа, следствием которых выступает юридическая неопределенность нормы, закрепляющей право и дискреционные возможности. Наличие такой нормы при отсутствии специально-юридических механизмов, не просто создает благоприятные условия для злоупотребления властью, но в буквальном смысле провоцирует обладателя такого полномочия на совершение действий вопреки тем целям, которые вытекают из данной нормы.

Еще одно достаточно распространенное специально-юридическое обстоятельство, воспроизводящее акты, сопряженные со злоупотреблением правом — это наличие особых (специальных статусов) юридических привилегий, иммунитетов. Очевидно, проблема заключается в том, чтобы исключить или свести к минимуму такого рода привилегии.

В группе юридических средств и механизмов блокирования злоупотребления властью особое место следует отвести мерам принудительно-правового воздействия, включив в их перечень весь возможный арсенал, т.е. меры предупреждения, защиты, пресечения и в том числе юридической ответственности. К примеру, в частном праве — это отказ от защиты права и конкретные формы его проявления: отказ в конкретном способе защиты; лишение правомочий на результат, достигнутый за счет злоупотребления правом в процессе осуществления права; лишение субъектив-

ного права в целом; возложение обязанностей по возмещению убытков; признание сделки недействительной и т.д.

Конституционализация и domestikация отраслевого законодательства, реформирование правовой системы в контексте ее предрасположенности (способности) к противодействию злоупотреблению правом как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах так же выступают важнейшими направлениями стратегии правового развития страны.

1 См.: Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М., 2002. 364.

2 В этой связи утверждение о том, что «необходимо отказать от абсурдного и спорного понятия злоупотребления правом... функция запрета злоупотребления правом целиком поглощается принципом доброй совести, так что первый становится излишен» (Юзбашев Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии: монография.- М.: Юрлитинформ, 2013), будем считать издержками дискуссии.

3 Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. 2000. С. 63.

4 Гражданское право: Учебник. В т. / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2006.- Т. 1. С. 212.

5 См.: Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М., 96. С. 222-227.

6 Червонюк В.И. Правонарушение и юридическая ответственность // Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 228; Он же: Элементарные начала общей теории права.- М.: Закон и право, 2002. С. 543 и след.

7 Французский исследователь, Ж.-Л. Бертель, рассматривает злоупотребление правом в контексте противоречия духа права и его буквы. Это те случаи, когда лица, придавая своим действиям полную видимость юридической правильности, на самом деле используют свои права в целях, противоположных тем, которые преследуются позитивным правом. То есть они следуют букве права, но нарушают его дух. Поэтому именно дух права должен быть в центре внимания. Поскольку дух есть синоним естественной направленности, или конечных целей, на которых основывается любая юридическая система: право не может защищать случаи его нарушающие; законы не могут уже одной своей буквой легитимировать или оправдывать случаи игнорирования их духа. Их смысла существования. Санкции, которые требуют подобные случаи перекрашивания незаконных действий под действия внешне законные, опираются на общие принципы права; те, будучи порождением позитивного права, питаемого идеей чистосердечною поведения, и испытывая влияние со стороны социальных учений, - на социальную функцию прав. Такие формы поведения, которые должны наказываться - во имя духа прав или просто права, несмотря на то, что не нарушают «буквы» объективного права, связаны, главным образом, с понятием злоупотребления правом (Жан-Луи Бертель. Общая теория права. М.: 2000. С. 441 - 447).

8 См.: Муранов А. И. Проблемы «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 63.

9 См.: Вагизова Э.К. Злоупотребление правом участниками земельных правоотношений.- М.: Статут. 2014.С. 23 и след.

УДК 34
ББК 67

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЛЕВАН ТЕЙМУРАЗОВИЧ ЧИХЛАДЗЕ,

*доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
муниципального права юридического института
Российского Университета дружбы народов; профессор кафедры
конституционного и муниципального права
Московского государственного областного университета
E-mail: levanbook@gmail.com
Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье раскрывается понятие самоуправления в системе власти.

Ключевые слова: власть, самоуправление, народ, референдум, образование

Annotation. The article reveals the concept of self-government in the system of government.

Keywords: power, self-government, the people, the referendum, education

В основе формирования постсоветской российской правовой системы лежат социально-политические и экономические факторы, которые предопределили необходимость перехода от тоталитарного общества к демократии, где акцент делается на народный суверенитет как основу публичной власти [1. С. 84-85.]. Народный суверенитет закрепляется в п. 1 и 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации принятой на всенародном голосовании принятой 12 декабря 1993 г. (см далее — Конституция Российской Федерации 1993 г.).

На уровне Конституции Российской Федерации 1993 г. закрепляются две основные формы народовластия: непосредственная (прямая демократия) и через систему органов государственной и муниципальной власти (опосредованная демократия). Непосредственно, в рамках системы местного самоуправления можно выделить следующие формы народовластия: а) прямое волеизъявление граждан на муниципальном уровне (непосредственная демократия), б) опосредованная, представительная демократия — участие населения в решении вопросов местного значения через муниципальные органы власти.

Следует согласиться с научной позицией известно-

го Российского государствоведа С.А. Авакьяна о том, что «... власть народа — это, прежде всего публичная власть, что означает следующее: 1) она осуществляется в интересах всего народа; 2) пространством осуществления власти народа во всех ее формах (видах) является общество и государство; иначе говоря, государственные механизмы властвования отражаются на обществе и не безразличны ему, в свою очередь общественная составляющая властвования (формирование политических партий, влияние политических сил на пути развития общества и т.д.) отражаются на государстве и являются предметом его пристального внимания; 3) власть народа обращена ко всему обществу и к каждому человеку; 4) доступность участия каждого в реализации этой власти; 5) власть реализуется избранными народом представителями; 6) власть использует различные методы воздействия; 7) осуществление власти основывается на принципах гласности и открытости» [2. С. 374].

Как справедливо отмечает В.Е. Чиркин «... В современной российской научной литературе словосочетание «публичная власть» (особенно после создания органов местного самоуправления) употребляется (хотя и не часто) в гораздо более широком значении,

чем «государственная власть». Его относят и к власти государства, и к власти других институтов и органов, которые создаются населением в границах субъектов федерации, автономных образований, административно-территориальных единиц, в городах, крупных селах (их объединениях). Эта власть, в чем-то похожа на государственную, но не государственная. Она имеет свои институты принуждения, хотя ее меры принуждения ограничены и не распространяются, например, на уголовные деяния. Власть территориальных коллективов осуществляется в их границах непосредственно населением (выборы, референдум, правотворческая инициатива и др.) и органами, создаваемыми населением путем выборов (затем выборные органы создают свою, местную администрацию). Социологический он исходит от народа данного территориального публичного коллектива, но юридически такая власть получает свои полномочия от суверенной государственной власти». [1. С. 87].

Структура единой публичной власти «предполагает в России два уровня ее реализации — государственной и местной. Государственная власть реализуется на федеральном и региональном уровнях. Местная власть осуществляется в муниципальных образованиях» [3]

Разработка и введение в научный оборот категории «публичная власть» позволяет изучить проблему единства публичной власти через призму координации действия федеральной и региональной власти с одной стороны, и муниципальной власти с другой. Как будет показано ниже, государственная власть объективно распространяется и на муниципальную власть, однако при этом принцип определенной законом самостоятельности сохраняется. Это не позволяет нам отождествлять местное самоуправление и государственную власть. Так, ст. 12 Конституции 1993 года декларирует: «Местное самоуправление признается и гарантируется государством. В пределах своих полномочий местное самоуправление самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Положения цитируемой конституционной нормы позволяют сделать вывод об обособленности друг от друга государственной и муниципальной власти. В свою очередь, такого рода обособление связано не с тем, что местное самоуправление имеет общественную, частноправовую природу (как в случае общественных объединений и других форм самоорганизации гражданского общества), а с тем, что оно занимает специфическое место в системе публичного управления обществом и наделено законом значительными властными полномочиями.

В современной доктрине муниципального права неоднократно ставился вопрос о необходимости создания эффективно действующих механизмов, тем или иным образом способствующих обособлению местного самоуправления от государства. Так, по мнению А.Р. Еремина, «...если за основу теоретических представлений о местном самоуправлении брать...

историческое видение предназначения местного самоуправления, то надо согласиться, что местное самоуправление (а не просто «организация местной власти» или «организация власти на местах») имеет концептуально-логический смысл только в качестве особенной разновидности публичной власти, отличной от государственной» [4. С. 67-68]. Более того, автор настоящего исследования считают, что в современном государстве местное самоуправление имеет смысл, лишь при наполнении его широким кругом функций публично-правового характера. В ином речь идет о самоорганизации населения общественного типа где властные рычаги отсутствуют.

С позицией А.Р. Еремина можно солидаризироваться, поскольку в действительности местное самоуправление — как одна из фундаментальных основ конституционного строя и форма народовластия — реально только при условии его практического существования наряду с государственной властью. Обособленное местное самоуправление как особая форма народовластия гарантирует невмешательство государства в управление делами на местах. Однако это совершенно не означает противопоставления (ни *de jure*, ни *de facto*) институтов местного самоуправления государству и органам государственной власти. Общность их публично-правовой природы, основной цели, демократических принципов осуществления и используемого управленческого инструментария требуют их рассмотрения в неразрывном единстве. Кроме того, у государственных и муниципальных органов власти не может быть разных интересов, поскольку у них имеется один источник формирования — народ.

Следует согласиться с тем, что «... В государстве создается единая система публичной власти народа, его экономический, политически и идеологически доминирующих в обществе слоев. Вершиной такой власти является государственная власть» [1. С. 44]. Кроме того «... Публичная власть муниципального образования ограничена верховенством власти государства, а в федеративных государствах (в тех отношениях, которые выходят за пределы вопросов местного значения) — властью субъекта федерации...» [1. С. 44].

Тем не менее, интересы государства в целом и отдельных его территорий могут (и объективно должны) не совпадать. В частности, это связано с тем, что, несмотря ни на что, все-таки следует различать государственный и публичный интерес [5. С. 123-174].

Необходимо отметить, что «Государственные публичные задачи глобальны, они несут в себе содержание всего народного блага и прежде всего безопасности всего населения и обеспечения правопорядка. В описании некоторых государственных функций выявление народного блага или публичного интереса, на который они направлены, является нетривиальной задачей.

При осуществлении своей деятельности местным самоуправлением народное благо и публичный

интерес проявляются более осязательно, так как их деятельность ближе к реальным проблемам, с которыми сталкивается население определенных участков территории государства» [6].

Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления основана на возрождении демократических традиций самоорганизации населения и территориального самоуправления, которое, как и прежде, носят в своей основе негосударственный характер. Прежде всего, это проявляется в организационной обособленности местного самоуправления от государственных органов власти. Кроме того, конституционные нормы (ст. 12, 130-133) устанавливают высокий уровень самостоятельности местного. Однако влияние государства на местный уровень демократии сохраняется в любом случае, что, безусловно, подтверждается анализом действующего муниципального законодательства Российской Федерации.

Применительно к местному самоуправлению отметим, что государственный интерес к муниципальным органам власти определяется, прежде всего, объективными требованиями обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, территориальной целостности, национальной безопасности, социально-экономического развития. Безусловно, местное самоуправление при реализации своих полномочий должно действовать, как в интересах государства, так и в интересах населения. Что касается самого населения, то оно действует исключительно в рамках собственного (частного) интереса. Поэтому думается, что при таких обстоятельствах, с одной стороны, мы имеем государственный, с другой — частный интерес, при этом, как видно, отсутствует интерес муниципальных органов власти.

«...Государственный и муниципальный уровень публичной власти в России, имея каждый собственные предмет ведения и задачи, в то же время находятся в единой системе координат, должны быть ориентированы на эффективное взаимодействие и сотрудничество. При этом муниципальная власть все же остается в определенной зависимости (финансовой, нормативной, контрольной) от государственной власти, хотя в литературе иногда встречается мнение о том, что граница между государственной и муниципальной властью абстрактна, а для России даже искусственна» [3].

Помимо конституционных норм, публичность муниципальной власти подчеркивается и в решениях высших судебных органов страны [7]. Рассматривая вопрос о местных представительных органах власти в Республике Коми, Конституционный суд РФ корректно указал, что сам по себе тот факт, что местные представительные органы, согласно законодательству Республики Коми являются органами власти, не свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной. Таким образом, исходя из позиции Конституционного суда РФ, институты местного самоуправления осуществляют не го-

сударственную, а муниципальную власть, то есть их природа не является государственной.

Кроме того «Являясь разновидностью публичной власти, муниципальная власть действует в пределах муниципального образования, реализуются от имени местного сообщества органами местного самоуправления, основана на праве. Властный характер муниципальной власти выражается также в способности выражать политические интересы территориальной общности людей, является участником политической жизни и носителем политических отношений, руководствоваться в своей деятельности нормами и правилами, сложившимися в политической жизни государства» [8.С.192].

С точки зрения теории права, публичное право является совокупностью норм, регулирующих властные отношения, и защищающих государственный интерес, в отличие от частного права, представляющего собой совокупность норм, регулирующих и охраняющих отношения частных лиц [9.С.168]. Иными словами, публичное право является сферой власти и подчинения, а частное право — сферой свободного усмотрения субъектов. Исходя из вышесказанного, местное самоуправление можно включить в систему публичной власти, поскольку в муниципально-правовых отношениях достаточно четко прослеживается властный характер, как муниципальных органов власти, так и населения муниципального образования.

Устанавливая публичность в муниципально-правовых отношениях, следует привести мнение известного ученого-государствоведа Ю.А. Тихомирова, еще в 1995 году определившего проблему изучения самоуправления как проявления публичности. По-видимому, исходя из анализа советского законодательства о местном государственном управлении, ученый весьма справедливо отмечает, что «самоуправление рассматривалось как параллельно существующее явление, не обладающее признаками публичности». [10.С.116]. Это было связано с тем, что «длительное время к основным проявлениям публичности в обществе относили власть и государственное управление» [10.С.116]. Однако «основоположники марксизма-ленинизма, почти не пользуясь этим термином, раскрыли природу данного явления. Они связывали трактовку самоуправления не столько с децентрализацией и коммунальным устройством, сколько с организацией государственной власти и управления» [10.С.117]. Таким образом, с точки зрения Ю.А. Тихомирова, смысл самоуправления как новой «публичности» заключается во взаимосвязи интересов личности, коллектива, общества и государства в целом [10.С.121].

В современной юридической литературе по данной проблематике признается, что местное самоуправление — это муниципальная публичная власть, имеющая основные признаки, характеризующие государственную власть [11.С.179].446

Как правило, с одной стороны, данный тезис аргу-

ментируется тем, что местное самоуправление имеет свой собственный механизм принятия и осуществления управленческих решений, с другой — властные полномочия реализуются непрерывно. Последнее означает, что на регулярной основе проводятся выборы органов местного самоуправления и должностных лиц, организуются местные референдумы, сходы, собрания [12.С.20].

Одним из главных показателей «публичности» муниципально-правовых отношений является то, что муниципальная власть, наряду с государственной, имеет рычаги властно-принудительного характера, осуществляемые аппаратом принуждения.

Профессор В.Е. Чиркин справедливо подчеркивает, что, несмотря на наличие многих общих черт и характеристик государственной и муниципальной власти, каждая из двух разновидностей публичной власти имеет свои особенности. Среди этих отличий, в частности тот факт, что государственная власть действует от имени всего народа, а муниципальная — от имени сравнительно небольшого территориального коллектива. Государственная власть осуществляет полномочия на всей территории страны и в международных отношениях, муниципальная власть имеет строго локальную сферу деятельности, государственная власть суверенна, она устанавливает общие правила для функционирования органов управления, в том числе и муниципальных институтов [13.С.17].

Обобщая все вышесказанное, следует признать, что под местным самоуправлением необходимо понимать одну из форм народовластия, представляющую деятельность местных сообществ, осуществляемую ими на условиях сочетания собственных и государственных интересов по решению вопросов местной жизни, под свою ответственность и в пределах определенной территории [14.С.92].

В контексте критического исследования специфики публичной власти важно отметить, что и государственная власть, и институты самоуправления являются дополняющими друг друга формами народовластия, то есть «публичной власти народа». Поэтому их взаимосвязь, более того, взаимодействие — очевидно и во многом оправдано. Кроме того, местное самоуправление это децентрализованная форма государственного управления местными делами, которая обладает автономией в пределах властных полномочий, законодательно установленных или санкционированных государством. Важно отметить, что местное самоуправление необходимо считать базовым элементом всего государственного устройства.

Литература

1. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. Т.1.-Москва: Норма: Инфра-М, 2010.
3. Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015 №6. КонсультантПлюс.
4. Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы: Дис. ...д-ра юрид. наук. — Саратов, 2003.
5. Данная проблема подробно анализируется в следующей коллективной монографии: Государство, общество, личность: проблемы совместимости /Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижика. — Москва: Юрист, 2005.
6. Лахтина Т.А. Местное самоуправление как элемент публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. №7. СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 N 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» СПС КонсультантПлюс.
8. Усманова Р.М. Муниципальное право в системе публичного регулирования общественных отношений: монография. -Москва: Проспект, 2015.
9. Емельянов Б.М., Правкин С.А. Теория государства и права. Курс лекций. — Москва: МИЭМП, 2005.
10. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. — Москва: Издательство БЕК, 1995.
11. Коваленко А.И. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1998.
12. Постовой Н.В. Муниципальное право России. — Москва: Юриспруденция, 2000.
13. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление. — М., 2003.
14. Нудненко Л.А. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления России: теоретические основы. — М., 2003.

УДК 34
ББК 67

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ И ЗНАКОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ БЕСПАЛОВ,

*ученый секретарь Научно-консультативного совета при Московском городском суде,
профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции» (РПА Минюста РФ),
доктор юридических наук, профессор, судья в отставке
E-mail: nksmgs@mail.ru
Научная специальность 12.00.03 — гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В научной статье исследован правовой режим товарных знаков и знаков обслуживания по гражданскому законодательству РФ. Даны определения понятий «товарный знак»; «знак обслуживания» и выделены основные признаки, характеризующие их правовой режим как объектов гражданских прав.

Ключевые слова: товарный знак, знак обслуживания

Annotation. In the scientific article researched the legal regime of trademarks and service marks under the civil legislation of the Russian Federation. The author gives definitions of “trademark” and “service mark” and the basic features that characterize their legal status as objects of civil rights.

Keywords: trademark, service mark

Вопрос о правовом режиме товарных знаков и знаков обслуживания является одним из актуальных вопросов, касающихся использования товарных знаков и знаков обслуживания для индивидуализации товаров и распоряжения исключительным правом на товарные знаки.

К исследованию данного вопроса обращались и обращаются мыслители прошлого и настоящего. Так, Г.Ф. Шершеневич под товарным знаком понимал «те наружные отметки, которыми купец стремится отличить в глазах потребителей свои товары от товаров всякого другого купца. Наружная отметка налагается на сам товар или на ту оболочку, в которой он обращается: бутылку, ящик, бочку, коробку и т.п.»¹. По мнению С.П. Гришаев, «товарный знак — это условное символическое обозначение, размещаемое на самих товарах или продукции, на упаковке или сопроводительной документации. Его необходимо отличать от сведений об изготовителе товара или продукции, о качестве и свой-

ствах товара»². В.С.Толстой определяет товарный знак, как «способ выделения товаров (услуг) среди других, особенно среди однородных товаров, произведенных разными изготовителями»³. С.В.Михайлов полагает, что «в доктрине отмечается, что товарные знаки становятся самостоятельными рыночными инструментами, а не средствами выполнения функций идентификации источника происхождения и качества товара»⁴.

П.В. Степанов отмечает, что «знаки обслуживания являются знаками, служащими для индивидуализации выполняемых работ и услуг»⁵. По мнению О.А. Городова, «знаки обслуживания по своему правовому режиму приравнены к товарным знакам и требования, предъявляемые к ним, не имеют каких-либо существенных особенностей по сравнению с требованиями, предъявляемыми к последним. (...) Товарные знаки служат целям индивидуализации товаров, главным образом представленных телесными рукотворными

объектами, а знаки обслуживания — целям индивидуализации действий участников гражданского оборота, которые завершаются либо не завершаются появлением овеществленного результата»⁶. В.В. Орлова полагает, что «законодатель уравнивает эти два объекта и принимает во внимание общую для них отличительную функцию, отмечая при этом их отличие, связанное с объектом, который они индивидуализируют, соответственно, товарами и услугами, работами. То есть, исходя из используемого термина, можно заключить, что при индивидуализации товаров речь идет о товарных знаках, а при выполнении работ и оказании услуг — о знаках обслуживания»⁷.

Нам представляется, что товарный знак есть зарегистрированное в установленном порядке средство индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, позволяющее различать одинаковые товары разных производителей, а право на него есть одно из интеллектуальных прав.

Знак обслуживания есть средство индивидуализации работ и услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, позволяющее различать работы и услуги одних исполнителей и услугодателей от других.

Правовой режим товарных знаков и знаков обслуживания определен §2 гл. 76 части IV ГК РФ. Кроме того, рассматриваемые нами правовые категории регулируются «Конвенцией по охране промышленной собственности», заключенной в Париже 20.03.1883 г.⁸; «Соглашением о международной регистрации знаков», заключенным в Мадриде 14.04.1891 г.⁹; «Соглашением о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков», заключенным в Ницце 15.06.1957г.; Соглашением от 04.06.1999 г. «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний»¹⁰; «Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS), заключенном в г. Марракеше 15.04.1994 г.¹¹ и некоторыми другими актами.

В ст. 1477 ГК РФ даны определения понятий «товарный знак» и «знак обслуживания».

На основании законодательного определения выделим следующие признаки товарного знака и знака обслуживания:

- товарный знак (знак обслуживания) есть средство, целью которого является индивидуализация товаров, работ и услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- правообладателями товарного знака (знака обслуживания) могут являться только юридические лица или индивидуальные предприниматели;
- в отношении товарного знака (знака обслужи-

вания) возникает исключительное право;

- товарный знак (знак обслуживания) подлежит регистрации в установленном законодательством РФ порядке.

Товарный знак (знак обслуживания) позволяет идентифицировать товар, работу и услугу одних юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от товаров, работ и услуг других юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Индивидуализация необходима для недопущения смешивания товаров, работ и услуг одних лиц с товарами, работами и услугами других лиц и для исключения неправомерного использования товаров, работ и услуг. Так, согласно п.6 ст. 1483 ГК РФ не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию (статья 1492) в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет, если заявка на государственную регистрацию товарного знака не отозвана, не признана отозванной или по ней не принято решение об отказе в государственной регистрации; товарными знаками других лиц, охраняемыми в Российской Федерации, в том числе в соответствии с международным договором Российской Федерации, в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет; товарными знаками других лиц, признанными в установленном ГК РФ порядке общеизвестными в Российской Федерации товарными знаками, в отношении однородных товаров с даты более ранней, чем приоритет заявленного обозначения. В целях единообразного понимания Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 20.01.2016 г. по делу N 310-ЭС15-12683, А08-8801/2013 указала, что «товарный знак служит для индивидуализации товара, являясь одним из средств охраны промышленной собственности, направленным на охрану результата производства»¹².

Еще раз отметим, что ст. 1478 ГК РФ предусматривает в качестве обладателей исключительного права на товарный знак юридические лица или индивидуальные предприниматели. В этой связи находим необходимым привести правовую позицию Президиума Суда по интеллектуальным правам, изложенную в постановлении от 22.12.2016 N С01-1061/2016 по делу N СИП-488/2016, согласно которой ГК РФ не содержит такого основания признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку и ее прекращения, как подача заявки на регистрацию товарного знака лицом, не обладающим статусом индивидуального предпринимателя. Таким основанием может быть только утрата (регистрация прекращения) индивидуальным предпринимателем соответствующе-

го статуса¹³.

Правообладатель обладает исключительным правом на товарный знак (знак обслуживания). Осуществление исключительного права возможно посредством размещения товарного знака на товарах; при выполнении работ, оказании услуг; на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот; в предложениях о продаже товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, а также в объявлениях, на вывесках и в рекламе; в сети «Интернет», в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Для информирования о своем исключительном праве правообладатель вправе использовать знаки охраны «R», «®», «товарный знак», «зарегистрированный товарный знак», которые помещаются рядом с товарным знаком.

Государственная регистрация товарного знака осуществляется федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации. Порядок регистрации и внесение изменений в реестр предусматривается ст. ст. 1503, 1505 ГК РФ. На товарный знак, зарегистрированный в Государственном реестре товарных знаков, выдается свидетельство на товарный знак.

Изложенное позволяет заключить, что правовой режим товарных знаков и знаков обслуживания характеризуется наличием совокупности требований, которым должны они соответствовать как объекты гражданских прав.

К таким требованиям отнесем следующие: наличие объективно выраженного обозначения, позволяющего различать товары, работы и услуги различных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (словесное, изобразительное, объемное или их комбинации); наличие государственной регистрации товарного знака и публикация сведений о государственной регистрации; запрет на использование в качестве обозначения товарных знаков, не обладающих различительной способностью; наделение правообладателя исключительным правом на товарный знак; использование товарного знака в течение любых трех лет после его государственной регистрации; соблюдение порядка отчуждения исключительного права; срок действия товарного знака; приоритет товарных знаков; охрана товарного знака.

Нельзя не отметить особенности некоторых видов товарных знаков: общеизвестного товарного знака и коллективного знака.

По смыслу ст. 1508 ГК РФ товарный знак или обозначение могут быть признаны общеизвестными, если

в результате интенсивного использования стали широко известны в Российской Федерации среди соответствующих потребителей.

Правовой режим общеизвестных товарных знаков характеризуется следующими особенностями:

- признание товарного знака или обозначения общеизвестным осуществляется на основании решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности по заявлению лица, считающего используемый им товарный знак или используемое в качестве товарного знака обозначение общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком, товарный знак, охраняемый на территории Российской Федерации на основании его государственной регистрации или в соответствии с международным договором Российской Федерации, либо обозначение, используемое в качестве товарного знака, но не имеющее правовой охраны на территории Российской Федерации;
- факт признания является основанием для возникновения исключительного права на общеизвестный товарный знак;
- правовая охрана осуществляется бессрочно и распространяется также на товары неоднородные с теми, в отношении которых он признан общеизвестным;
- общеизвестный товарный знак подлежит государственной регистрации в Перечне общеизвестных в РФ товарных знаков, на основании которой выдается свидетельство. Кроме того, сведения о таком товарном знаке должны быть опубликованы в официальном бюллетене.

В соответствии со ст. 1510 ГК РФ коллективный знак является товарным знаком, предназначенным для обозначения товаров, производимых или реализуемых входящими в данное объединение лицами и обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками. Правом на регистрацию коллективного товарного знака обладает объединение лиц, создание и деятельность которого не противоречат законодательству РФ.

Коллективный товарный знак может использоваться каждым входящим в объединение лицом; не подлежит отчуждению и не является предметом лицензионного договора.

Согласно гражданскому законодательству РФ прекращение исключительного права на товарный знак возможно если признано недействительным предоставление правовой охраны товарному знаку; истек срок действия исключительного права на товарный знак; правообладатель отказался от права на товарный

знак; а также при наличии решения суда о досрочном прекращении правовой охраны коллективного знака в связи с использованием этого знака на товарах, не обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками, решения о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием, решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с прекращением юридического лица — правообладателя или регистрацией прекращения гражданином деятельности в качестве индивидуального предпринимателя — правообладателя, решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в случае его превращения в обозначение, вошедшее во всеобщее употребление как обозначение товаров определенного вида.

Литература

1. Гришаев С.П. Правовая охрана товарных знаков // Подготовлен для системы Консультант-Плюс, 2007.
2. Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. М.: Статут, 2011. 942 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / В.О. Калятин, О.М. Козырь, А.Д. Корчагин и др.; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. 812 с.
4. Права на товарный знак: монография / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, В.В. Голофаев и др.; отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 144 с.
5. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
6. Толстой В.С. Гражданское информационное право. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 296 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права: по изданию 1914 г. М., 1994. 335 с.

1 Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права: по изданию 1914 г. М., 1994. С. 179.

2 Гришаев С.П. Правовая охрана товарных знаков // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007

3 Толстой В.С. Гражданское информационное право. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. С.166

4 Права на товарный знак: монография / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, В.В. Голофаев и др.; отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 42

5 Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 872

6 Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. М.: Статут, 2011. С. 462

7 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / В.О. Калятин, О.М. Козырь, А.Д. Корчагин и др.; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. С. 582

8 "Закон". 1999. N 7

9 Публикация ВОИС. 1992. N 260(R).

10 "Бюллетень международных договоров". 2002. N 3

11 Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. N 37 (приложение, ч. VI). С. 2818 - 2849.

12 Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2016 по делу N 310-ЭС15-12683, А08-8801/2013

13 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.12.2016 N C01-1061/2016 по делу N СИП-488/2016

УДК 34
ББК 67

ЗАЩИТА ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ: МОРАЛЬНАЯ ИЛИ ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА?

А.А. ОПАЛЕВА,

доктор юридических наук, профессор;

А.В. ОПАЛЕВ,

доктор философских наук, профессор

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право;

предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается вопрос защиты достоинства личности в моральном и правовом аспекте. Раскрывается связь защиты достоинства личности с реализацией ее гражданских прав. Делается вывод о социальной обусловленности существования правового механизма защиты достоинства личности.

Ключевые слова: достоинство личности, защита достоинства личности, право на неприкосновенность достоинства личности.

Annotation. Discusses the protection of human dignity in moral and legal aspect. Reveals the relationship of the protection of the dignity of the individual with the realization of her civil rights. The conclusion about the social aspects of the existence of legal mechanism for the protection of the dignity of the individual.

Keywords: dignity, protection of human dignity, the right to inviolability of personal dignity.

До недавнего времени проблема достоинства человека и в теории, и в общественной практике звучала в большей мере как нравственная проблема. Однако все большую силу набирает тенденция признания достоинства как конституционно-правовой категории¹. В частности, звучат предложения о совершенствовании конституционно-правового регулирования под углом зрения обеспечения достоинства человека, связывания законодателя, исполнителя и судебных органов требованием неприкосновенности достоинства человека с выделением и узаконением юридических признаков неприкосновенности достоинства. При этом отмечается, что хотя неприкосновенность достоинства человека не возведена в ранг основополагающего конституционного принципа, последний как бы признается и уже находит конкретизацию в некоторых нормах права. Однако этого, как считают многие ученые, недостаточно. Необходимо расширение юридической основы обеспечения достоинства человека².

К сожалению, в нормативных правовых актах не содержится определения достоинства, что значительно затрудняет его правовую квалификацию. Не случайно поэтому и в научной литературе, и в юридической практике звучали предложения, что вопрос о том,

являются ли те или иные сведения порочащими достоинство гражданина, должен решаться судом исходя из требований не только законов, но и правил человеческого общежития и моральных принципов общества.

Соглашаясь с тем, что достоинство — этическая категория, однако в силу своей значимости требующая не только моральной, но и правовой защиты, тем не менее представляется, что при защите достоинства личности нельзя полагаться на ту или иную оценку фактов. Каждый человек, желающий воспользоваться этим правом, а также государство, охраняющее право, должны иметь четкое представление о том, что понимает норма права под достоинством личности. В юридическом плане достоинство, или ценность человеческой личности, обеспечивается закрепляемым за нею комплексом субъективных прав и свобод, составляющих правовой статус личности, а не только правами и свободами, обеспечивающими неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, свободу совести и другими в сфере личных неимущественных отношений. Вопрос о человеческом достоинстве — это прежде всего вопрос о субъективных правах личности в различных сферах государственной и общественной жизни: социально-экономической, общественно-по-

литической, личной; это вопрос об осуществлении и реальном обеспечении прав и законных интересов человека.

Следует заметить, что большинство теоретиков права и конституционалистов трактуют категорию достоинства в широком смысле, беря за основу этическое содержание данной категории³, в то время как цивилисты и криминалисты сужают это содержание до одного из личных неимущественных прав, связанного с охраной индивида от порочащих его достоинство сведений и иных унижающих и оскорбляющих действий, таких как пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, проведение над человеком без его согласия медицинских, научных или иных опытов⁴.

Однако с какой бы стороны ни оценивать эту категорию, вопрос о человеческом достоинстве — это прежде всего вопрос о правах человека, об их реальном обеспечении. Само же достоинство по своей объективной природе неспособно выступать в качестве объекта юридического нормирования. Оно может быть только объектом правовой защиты. Поэтому правовой характер отношений, связанных с достоинством, проявляется лишь после их нарушения. Другими словами, юридическое содержание достоинства состоит в защите права на неприкосновенность достоинства. Вот почему можно считать, что в этом отношении право выполняет не столько регулятивную, сколько правоохранительную функцию.

В отличие от Конституции РСФСР 1978 г., предусматривавшей лишь право на судебную защиту от посягательств на достоинство, действующая Конституция РФ (ст. 21) говорит об охране достоинства личности государством. Это, по мнению О.Е. Кутафина, существенно усиливает гарантии права на неприкосновенность достоинства личности, а также существенно меняет представление о том, что следует понимать под категорией достоинства личности. Если применительно к формуле, содержащейся в советских конституциях, можно было признать приемлемой точку зрения цивилистов о том, что достоинство личности отражает в сознании индивида его социальную оценку обществом, т.е. самооценку индивидом этой общественной оценки, пользуясь которой он и защищал свое достоинство, прибегая к услугам суда, то применительно к формуле, закрепленной в Конституции РФ, с такой точкой зрения согласиться нельзя, поскольку здесь не может быть самооценки, здесь есть защита достоинства личности государством независимо от самооценки, а в определенных случаях и вопреки ей⁵.

Правом на неприкосновенность достоинства обладает каждый человек, независимо от его социального положения или правового статуса. В Конституции РФ

указывается, что ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Под умалением достоинства личности понимается такое действие, поведение кого-либо, которое в оскорбительной форме представляет человека менее значимым или в искаженном виде, причиняя ему тем самым нравственные страдания⁶. Следовательно, ни законное ограничение в правах, ни низкий социальный статус, ни заниженная самооценка не могут служить основаниями для унижения человека.

Особенно остро вопрос о защите достоинства личности стоит в тех случаях, когда человек становится объектом воспитания, образования, лечения, армейской или иной службы и т.д. Человек, ограниченный в той или иной степени в правах, находящийся в служебной или иной зависимости, особенно нуждается в уважении его достоинства.

Для обеспечения достоинства личности государство создает, формулирует, определяет объем и характер субъективных прав и обязанностей, вытекающих из достоинства личности, поддерживает режим законности, правил судопроизводства, режим административных, предупредительных и других такого рода мер. Основанием для приведения в действие механизма защиты права на неприкосновенность достоинства личности является совершение правонарушения, ущемляющего достоинство. Необходимость в такой защите может возникнуть на любой стадии правореализующего процесса этого права. В зависимости от того, какие нормы права нарушаются, могут применяться гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и другие правоохранительные средства.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что причинение физического, морального или иного ущерба, унижение человеческого достоинства могут иметь место при проведении допросов, очных ставок, освидетельствований, экспертиз, обысков, личных обысков, получении образцов для сравнительных исследований⁷.

Большая значимость права на неприкосновенность достоинства личности определяется тем, что уважение достоинства личности в обществе является важным показателем его демократизма, реальности прав и свобод граждан. Вместе с тем достоинство, являясь важным элементом социальной ориентации личности, способствует воспитанию у граждан чувства гражданственности.

Не отнимая у морали права на формирование в обществе уважительного отношения к достоинству личности, следует признать, что, к сожалению, уровень нравственной культуры современного российского общества еще не позволяет в достаточной мере эффективно решить данную проблему. Вместе с тем

социальная значимость достоинства такова, что личность нуждается в создании действенных механизмов его защиты. Там, где недостаточно силы морального воздействия, должны работать нормы права. Именно право в силу своей специфики может и должно создать все условия для того, чтобы человек мог достойно существовать и развиваться.

1 См., например: Телегина И.В. Честь и достоинство личности как правовые категории // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: право. 2007. № 28 (100) . С. 75-77; Паладьев М. А. Право на честь и достоинство: Конституция Российской Федерации и международные стандарты // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 57-64; Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20-25; Тимошевская А.Д. Некоторые проблемы защиты права человека на честь и достоинство в современной России: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2014. С. 58-61; Пак Н.О. Некоторые аспекты определения понятий «честь» и «достоинство» в юридической науке // Вестник научных конференций. 4-6 (4) год: 2015. № 4-6. С. 54-57 и др.

2 См.: Невлинский В.В. Межрегиональный научно-практический семинар «Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства» (к 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10. С. 120-121.

3 См., напр.: Права человека / Отв. ред. Е.А.Лукашева. М., 1999. С. 444; Хованская А.В. Достоинство человека: Международный опыт правового понимания // Государство и право. 2002. № 3. С. 48-54; Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. 220; Барсукова В.Н. Юридические гарантии права человека на честь и достоинство:

видовая характеристика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 96-101.

4 См., напр.: Анисимов А.А. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. - М., 1994. С. 14; Судебная защита прав и свобод граждан: Научно-практическое пособие. - М., 1999. С. 121-123; Пелипенко Р.С. Честь, достоинство, репутация и доброе имя как объекты судебной защиты // Труды Института государства и права Российской академии наук . 2011. № 2. С. 131-140; Вертепова Т.А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2015. № 1. С. 85-88.

5 См.: Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. 224.

6 См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В.В.Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2001. С. 117.

7 Следует отметить, что вопрос о применении принуждения при производстве освидетельствования, получении образцов для сравнительного исследования законодателем в российском законодательстве должным образом не урегулирован, неоднозначно он решается и в следственной практике.

Так, согласно ч. 2 ст. 179 УПК РФ постановление о производстве освидетельствования обязательно для освидетельствуемого. Однако, согласно п. 5 ст. 56 УПК свидетель не может быть принудительно подвергнут освидетельствованию, экспертизе, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 179 УПК, т.е. когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

У свидетеля, потерпевшего образцы для сравнительного исследования могут быть получены лишь, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определённом месте или на вещественных доказательствах (ч. 1 ст.202 УПК). (См.: Яшин А.А. Особенности реализации конституционного принципа уважения чести и достоинства при производстве отдельных следственных действий // Следователь. 2003. № 7. С. 34-37).

Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.

В пособии изложены основные теоретические понятия судебной экспертизы, представлены история развития, система государственных экспертных учреждений в России, правовые основы судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

УДК 34
ББК 67

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПАТЕНТОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

КАРИНА КАРИМОВНА РАМАЗАНОВА,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московский университет

МВД России имени В.Я.Кикотя

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право;

предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализ законодательства о компьютерных программах показывает, что они могут считаться изобретениями при условии, что их использование приводит к техническому эффекту. В свою очередь технический эффект может заключаться в наличии более чем обычного технического взаимодействия между программой и компьютером либо в обеспечении решения технической задачи.

Отечественными исследователями неоднократно поднимался и положительно решался вопрос о целесообразности патентования программ для ЭВМ.

Ключевые слова: патент; компьютерные программы; патентоспособность; изобретения; информация.

Annotation. Analysis legislation on computer programmes shows that they can be considered as inventions under the condition that their use leads to a technical evaluation in turn effect the technical effect may be more than the usual technical interaction between a program and the computer either in providing solutions to technical challenges.

The author notes that domestic researchers has been raised repeatedly and positively solved Xia advisability of patenting Program for MAINFRAME.

Keywords: patent; computer programs; patent. tosposobnost'; the invention; info.

Существующая в Российской Федерации правовая система охраны компьютерных программ основывается на мировых практиках и тенденциях в данной области и принята в соответствии с заключенными международными договорами. Рассмотрим, как осуществляется правовая охрана компьютерных программ на примере некоторых зарубежных стран.

Например, в основе Патентного закона Сингапура лежит Патентный закон Великобритании 1977 г. Считается, что получить патент на программное обеспечение в Сингапуре можно быстро и недорого, иногда путем такого приема, как включение в формулу изобретения зависимых пунктов, касающихся проблемных объектов патентования.

В Патентном законе Малайзии ничего не говорится о компьютерных программах. Возражения патентного ведомства Малайзии строятся на запрете патентовать математические методы. Исходные тексты программ не могут патентоваться в Малайзии. Патент на программу все же может быть получен, если программа описывается с применением блок-схем и диаграмм.

Что касается австралийского законодательства о патентоспособности компьютерных программ, то оно сочетает в себе опыт Америки и Европы. Формула изобретения должна относиться к устройству или способу, которые широко трактуются как воплощение, обеспечивающее конкретный, осязаемый физический

или наблюдаемый эффект и направленное на что-то, полезное в коммерческом плане. Однако простого включения технических средств, не относящихся к заявленному изобретению, бывает недостаточно, чтобы преодолеть возражения патентных служб.

В решениях Верховного суда США 2009-2010 гг. и Большой палаты жалоб ЕПВ при оценке патентоспособности программного обеспечения было предложено рассматривать их как «обычный бизнес». При этом в США суды и патентное ведомство продолжают применять широкую интерпретацию объектов, относящихся к категории патентоспособных, используя тест «машина или трансформация» в качестве руководства. ЕПВ же руководствуется принципом «техническая задача/техническое решение» и применяет более узкий взгляд на то, что может быть защищено патентом. На практике они приводят к совершенно разным результатам.

В законодательстве США «способ относится к патентоспособным объектам, если он связан с определенным устройством или механизмом, или трансформирует продукт или материал в другое состояние или в другую вещь». Что именно требуется от изобретения для того, чтобы его можно было суверенностью отнести к патентоспособным объектам, не определено, за исключением того, что изобретение не должно быть абстрактной идеей.

ЕПВ установило, что при отсутствии технического решения технической задачи изобретение не может

быть запатентовано: формула изобретения признается патентоспособной, если в ней содержится технический признак, независимо от того, известен ли этот признак из предыдущего уровня техники. Этот достаточно низкий барьер преодолевается, когда включаются аппаратные средства или если программа заявляется вместе с компьютером или устройством памяти.

Компьютерная программа является патентоспособной, если приводит и направлена на решение технологической задачи.

А в США выработано три исключения из патентоспособности объектов: законы природы, физические явления и абстрактные идеи.

В свою очередь ЕПВ считает непатентоспособными открытия, научные теории, математические методы, художественные работы, схемы, способы и правила осуществления мыслительной деятельности, игр или бизнеса, компьютерные программы, представление информации. Таким образом, исключения из патентоспособности в ЕПВ более жесткие, чем принятые в США.

В Великобритании новая и обладающая изобретательским уровнем компьютерная программа не может рассматриваться как вносящая технический вклад, кроме случаев работы на технической аппаратуре, а результат ее работы лежит в технической области.

В большинстве случаев результаты рассмотрения дел в Великобритании и в ЕПВ совпадают. Однако многие изобретения, связанные с компьютерными программами, проходят тест ЕПВ, а в ведомстве Великобритании отклоняются как находящиеся в области, исключенной из патентования.

Федеральный верховный суд Германии поддерживает подход ЕПВ: формула изобретения, в которой комбинируются технические и нетехнические признаки, не должна исключаться из патентоспособности. Вопрос патентования зависит только от наличия новизны и изобретательского шага.

Порог патентоспособности в Канаде значительно выше, чем в США и приближается к требованиям ЕПВ: на компьютерную программу выдается патент, если устройство, которым она управляет, обеспечивает техническое решение технической задачи.

Патентуемое изобретение в Японии должно воплощать техническую идею, в которой используется закон природы. Барьер патентоспособности в Японии лежит где-то между американскими и европейскими нормами, и более высокий, чем в ЕПВ. Компьютерные программы патентуются при условии, что обработка информации осуществляется специальным компонентом. При этом программа и технические средства взаимодействуют.

Регистрация изобретений в мире не обошла и программы для ЭВМ. История патентования программ для ЭВМ в Европе началась с двусмысленного исключения: не являются изобретениями компьютерные программы «как таковые».

Патентная информация как источник научно-технической информации обладает оперативностью (как правило, предшествует публикации других информационных материалов), достоверностью (данные проверяются государственной патентной экспертизой),

полнотой сведений (излагается суть открытий или изобретений, используется сквозная нумерация патентных документов)¹.

Следует обратить внимание, что словосочетание компьютерные программы употребляется также в подп. 6 п. 5 ст. 1350 ГК РФ: не являются изобретениями решения, заключающиеся только в представлении информации. «В соответствии с настоящим пунктом исключается возможность отнесения этих объектов к изобретениям только в случае, когда заявка на выдачу патента на изобретение касается этих объектов как таковых»².

Согласно определению, данному в словаре, словосочетание «как таковой» означает «в прямом смысле слова» и, следовательно, ничего не проясняет, поскольку слова и выражения в правовых документах, включая договоры, толкуются в буквальном значении³.

Как представляется, в последнее время используется более определенный подход: компьютерные программы могут считаться изобретениями при условии, что их использование приводит к техническому эффекту. В свою очередь технический эффект может заключаться в наличии более чем обычного технического взаимодействия между программой и компьютером либо в обеспечении решения технической задачи. Согласно статье 1346 ГК РФ: «На территории Российской Федерации признаются исключительные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, удостоверенные патентами, выданными федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, или патентами, имеющими силу на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации»⁴.

Международный опыт патентования компьютерных программ, а также вступление России в ВТО предопределяют перспективность изучения и развития данного направления⁵.

Таким образом, отечественными исследователями неоднократно поднимался и положительно решался вопрос о целесообразности патентования программ для ЭВМ.

1 Актуальные проблемы патентного права в России Щербачева Л.В. Монография / Москва, 2012. Стр.71

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 5, ст. п.п.6 п.5 ст.1350 // СПС Консультант Плюс, дата обращения к электронному ресурсу 14 марта 2017 года.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 5, ст. 431 // СПС Консультант Плюс, дата обращения к электронному ресурсу 14 марта 2017 года.

4 Особенности правового режима объектов интеллектуальной собственности Л. В. Щербачева монография: научная специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" / Л. В. Щербачева. Москва, 2012. Сер. Научные издания для юристов

5 Директива Совета Европейских Сообществ 91/250/ЕЭС от 14 мая 1991 г. «О правовой охране компьютерных программ» // <http://base.garant.ru/2565722/> дата обращения 20.02.2017.

УДК 34
ББК 67

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НОТАРИАЛЬНЫХ ПАЛАТ

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА РАСКАЗОВА,
старший преподаватель кафедры гражданского и
трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
E-mail: stepanovakaty@yandex.ru;

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА УСТИМОВА,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
E-mail: 7791sveta@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право,
предпринимательское право, семейное право; международное частное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проанализированы изменения правового статуса нотариальных палат, нотариусов, внесенные Федеральными законами от 29.12.2014 № 457-ФЗ, от 21.12.2013 № 379-ФЗ, от 07.02.2017 № 12-ФЗ. Им дана соответствующая оценка. Особо выделены изменения от 07.02.2017 г., определяющие нотариальные палаты как некоммерческие корпоративные организации.

Ключевые слова: нотариальные палаты, юридическое лицо, нотариус, контроль, членство, Гражданский кодекс РФ.

Annotation. In this paper we analyze changes in the legal status of the notary of the chambers of notaries, as amended by the Federal laws from 29.12.2014 N 457-FZ of 21.12.2013 N 379-FZ, from 07.02.2017 N 12-FZ. They are given the appropriate assessment. Highlighted changes from 07.02.2017 G., defining the notary chamber as a non-profit corporate organization.

Keywords: notary Association, legal entity, notary, control, membership, Civil code of the Russian Federation.

Долгое время статусы нотариальных палат — федеральной и региональной — были не согласованы между собой. Складывалось впечатление, что каждая из них действует в своем правовом пространстве.

Так, к примеру, в Основах о нотариате¹ отсутствовали нормы о субординационных отношениях, о принятии федеральной нотариальной палатой в пределах своей компетенции обязательных нормативных актов. Несогласованность норм служила почвой для всевозможных конфликтов. В свое время некоторые региональные палаты приостанавливали свое членство в федеральной нотариальной палате, отказывались перечислять взносы. Федеральная палата в ряде случаев оказывалась бессильной.

Кроме того, ранее при отсутствии правовых норм попытка расширительного толкования полномочий федеральной нотариальной палаты (в части осуществления контрольных полномочий по отношению к региональным палатам) вызвала бурные дискуссии. Контроль предполагает структурное единство двух-

уровневой системы управления нотариатом, что совсем не вытекало из одного факта — закрепления обязательного членства региональной палаты в федеральной. Федеральная нотариальная палата искала обходной путь, приняв примерный устав нотариальной палаты субъекта РФ, в котором были установлены положения о контроле. Принимая такой устав, палата субъекта РФ тем самым брала на себя добровольные обязательства подчиняться решениям федеральной нотариальной палаты и принимать ее контрольные полномочия. Контрольные полномочия были прописаны и в Уставе федеральной нотариальной палаты. Но такие идеи находили и резкое неприятие.

Существовавшие в научной литературе представления о частном нотариусе как о лице «свободной профессии»², имеющем известную функциональную автономию в палате, несмотря на обязательность членства, также справедливо критиковались³. В Постановлении N 15-П Конституционный Суд РФ⁴ не только подтвердил принципиальную конституционность наделяния

нотариальных палат широким объемом полномочий по отношению к деятельности частных нотариусов, но и подчеркнул, что сопутствующие их реализации издержки могут приводить к нарушению прав этих лиц, дефициту нотариальных услуг, другим негативным последствиям. В этой связи законодателю были указаны направления, цели и подлежащие проработке аспекты законодательного регулирования нотариата. Воспринимать обозначенные указания как рекомендации неверно, поскольку, исходя из конституционно-правового понимания природы решений Конституционного Суда РФ, они носят обязывающий характер.

Все вышеуказанное никак не способствовало и даже мешало нормальному функционированию нотариальных палат, порождая неясность в определении их правового статуса.

Не ставя перед собой цель анализа абсолютно всех изменений с 2014 года остановимся на последних из них, которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми.

В результате принятия Федерального закона от 29.12.2015 г. N 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» значительным образом была затронута компетенция органов нотариата, внесены изменения в порядок совершения некоторых нотариальных действий. И если данный федеральный закон сопоставить с иными законодательными актами, принятыми в течение 2013 г. — февраля 2017 г., касающимися нотариата, то можно с уверенностью заключить, что государство поставило перед собой задачу реформировать данный институт.

Так, в соответствии с принятием Федеральных законов от 29.12.2014 N 457-ФЗ⁵ и от 21.12.2013 N 379-ФЗ⁶ в организационные основы нотариата, совершение отдельных нотариальных действий внесены серьезные коррективы.

В частности, статья 2 Основ в новой редакции предусматривает дополнительные требования и ограничения для занятия должности нотариуса: запрет на допуск к профессии лиц, имеющих иностранное гражданство (подданство); состоящих на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансерах в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств; установлены возрастные критерии для нотариусов от 25 до 75 лет; более полно сформулированы основания, не позволяющие лицу стать нотариусом, в том числе вследствие представления подложных документов или заведомо ложных сведений.

С 1 июля 2015 г. утрачивает силу статья 3 Основ «Лицензия на право нотариальной деятельности», вызвавшая ироническое отношение все эти годы: лицензия на право есть, а самого права нет. Разумно, что теперь в реестр нотариусов будут включены и лица, сдавшие квалификационный экзамен, которым вместо лицензии будет выдаваться выписка из этого реестра, дающая право работать помощником нотариуса и уча-

ствовать в конкурсе на занятие вакантной должности нотариуса.

Одновременно решается и другой исключительно важный для стажеров вопрос. Дело в том, что с 1 января 2015 года согласно Налоговому кодексу РФ⁷ стажеры за лицензию на право нотариальной деятельности должны уплачивать госпошлину в размере 100000 рублей. Теперь же, раз нет лицензии, не нужно платить и госпошлину.

Кроме того, новизна нового правового регулирования в том, что внесенными изменениями установлено три возможных варианта замещения нотариуса в связи с отсутствием по уважительным причинам:

1) возможность нотариусу самостоятельно, без согласования с нотариальной палатой, без приказа территориального органа юстиции возложить временное исполнение своих обязанностей на своего помощника или на одного из помощников;

2) временно исполняющий обязанности нотариуса может быть назначен совместным решением нотариальной палаты и территориального органа юстиции из числа лиц, возможно, и не работающих в нотариате, но имеющих лицензию на право нотариальной деятельности или документ о сдаче квалификационного экзамена и отвечающих иным требованиям, предъявляемым к нотариусу;

3) по предложению нотариальной палаты территориальный орган юстиции может наделить другого нотариуса полномочиями по совершению нотариальных действий, требующих использования нотариального архива временно отсутствующего нотариуса.

В феврале 2017 года в законодательство, регулирующее правовой статус нотариальных палат, были внесены очередные и очень существенные изменения. В настоящее время можно говорить о том, что нотариальные палаты получили новый статус. Причиной тому — Федеральный закон от 07.02.2017 N 12-ФЗ⁸, вступивший в силу в день своего официального опубликования — 7 февраля.

Согласно данному федеральному закону изменен правовой статус нотариальных палат, они перестали быть ассоциациями и получили статус некоммерческих корпоративных организаций.

В Части 1 Гражданского кодекса РФ⁹ появилась новая статья 123.16-3 ГК РФ «Нотариальные палаты». Ее добавили в главу 4 «Юридические лица» § 6 «Некоммерческие корпоративные организации».

Согласно тексту новой статьи, нотариальные палаты теперь — это некоммерческие организации, представляющие собой профессиональные объединения, основанные на обязательном членстве и созданные в виде нотариальной палаты субъекта РФ или Федеральной нотариальной палаты.

Их целью является исполнение функций, которые предусмотрены законодательством о нотариате. Федеральная нотариальная палата также является некоммерческой организацией и представляет собой профессиональное объединение нотариальных палат

субъектов РФ, которое основано на их обязательном членстве. Создание и деятельность нотариальных палат субъектов РФ и Федеральной нотариальной палаты осуществляется только на основе действующего законодательства о нотариате.

Соответствующие изменения также были внесены в ст. 65.1 ГК РФ и статью 123.1 ГК РФ, в которые были добавлены нотариальные палаты. А из статьи 123.8 ГК РФ упоминание о нотариальных палатах было удалено.

В завершение отметим следующее.

1. Вступившие в силу изменения в ГК РФ, касающиеся статуса нотариальных палат, нами оцениваются положительно.

2. Необходимость внесения данных изменений в ГК РФ была вызвана наличием непреодолимых противоречий между положениями ГК РФ (ранее нотариальные палаты были отнесены к ассоциациям) и Основами законодательства о нотариате.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 10. Ст. 357.
4. Федеральный закон от 29.12.2014 N 457-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. N 1 (часть I). Ст. 10.
5. Федеральный закон от 21.12.2013 N 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. 2013. N 51. Ст. 6699.
6. Федеральный закон от 07.02.2017 N 12-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации в части установления отдельной организационно-правовой формы для Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. N 7. Ст. 1031.

ской Федерации» // СЗ РФ. 2017. N 7. Ст. 1031.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 N 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СЗ РФ. N 22. 1998. Ст. 2491.
8. Романовская О.В. Обжалование действий и решений органов нотариального сообщества // Нотариус. 2012. N 3. С. 6 — 10.
9. Фельцан А.Е. Проблема определения статуса нотариуса в российском законодательстве // Нотариус. 2014. N 1. С. 7 — 11.

1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 10. Ст. 357.

2 Романовская О.В. Обжалование действий и решений органов нотариального сообщества // Нотариус. 2012. N 3. С. 6 - 10.

3 Фельцан А.Е. Проблема определения статуса нотариуса в российском законодательстве // Нотариус. 2014. N 1. С. 7 - 11.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате" // Собрание законодательства РФ. N 22. 1998. Ст. 2491.

5 Федеральный закон от 29.12.2014 N 457-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2015. N 1 (часть I). Ст. 10.

6 Федеральный закон от 21.12.2013 N 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2013. N 51. Ст. 6699.

7 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.

8 Федеральный закон от 07.02.2017 N 12-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации в части установления отдельной организационно-правовой формы для Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2017. N 7. Ст. 1031.

9 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.

УДК 343
ББК 67

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СИМОНЕНКО,

заместитель прокурора Советского района г. Воронежа

E-mail: andrey181183@yandex.ru

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Критически оценивается современная уголовная политика, нацеленная на формирование привилегированного уголовно-процессуального и уголовно-правового режима для предпринимателей. Настаивая на необходимости корректировки реализуемого уголовно-политического курса, автор доказывает, что содержание уголовной политики в рассматриваемой сфере должно определяться с учетом принципиальных идей равенства, в том числе и равных гарантий от незаконного уголовного преследования.

Ключевые слова: незаконное уголовное преследование, уголовная политика.

Annotation. The paper critically evaluates contemporary criminal policy aimed at the formation of a privileged criminal procedure and criminal law regime for entrepreneurs. Insisting on the need for adjustments implemented criminal policy, the author argues that the content of the criminal policy in this sphere should be determined taking into account the fundamental ideas of equality, including equal guarantees against unlawful prosecution.

Keywords: unlawful criminal prosecution, the criminal policy.

Уголовная политика как стратегическая основа нормотворческой и правоприменительной деятельности по защите личности, общества и государства от преступных посягательств всегда имеет определенные приоритеты, концентрируется на каком-либо участке, направлении борьбы с преступностью [2, с. 109-115]. В настоящее время в качестве «главных направлений» обеспечения государственной и общественной безопасности объявлены «совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями» (п. 44 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

Наиболее зримым индикатором приоритетности тех или иных векторов уголовной политики является повышенная законодательная активность в плане реформирования нормативных основ противодействия соответствующему сегменту преступности. Так, антикоррупционная кампания, развернутая в России начиная с 2008 г., сопровождалась широкомасштабной разработкой законодательства о противодействии

коррупции и внесением многочисленных изменений в главы 23 и 30 УК РФ; концентрация усилий государства и общества по повышению уровня защищенности несовершеннолетних от сексуального насилия (2009-2012 гг.) воплотилась в резком ужесточении уголовно-правовых норм об ответственности за половые преступления; антиэкстремистский вектор уголовной политики, который стал особенно заметным после парламентских выборов 2011 г., проявился в криминализации новых и повышении репрессивности существующих норм об ответственности за преступления экстремистского характера.

Этот индикатор показывает, что одним из приоритетных направлений современной российской уголовной политики является снижение уровня уголовно-правового давления на бизнес. Указанный уголовно-политический вектор отразился вначале в уголовно-процессуальном законодательстве, в котором были зафиксированы ограничения на применение меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о налоговых преступлениях (Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ), а затем — по делам

об иных преступлениях в сфере предпринимательской деятельности (Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ). В 2012 г. уголовные дела о мошенничестве, присвоении и растрате, причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенных индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, были отнесены к делам частного-публичного обвинения (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), что существенно усложнило порядок уголовного преследования предпринимателей. Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ подозреваемые и обвиняемые предприниматели, в отношении которых избраны меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, наделены дополнительными процессуальными правами (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Значительные трансформации претерпело и материальное уголовное право: в нем появилось дополнительное основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ, введенная Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), была сконструирована специальная норма об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ), предусматривающая менее строгие санкции в сравнении с общей нормой о мошенничестве. Очередным (и, скорее всего, не последним) шагом стало установление уголовной ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, повлекшее прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ, введенная Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ).

Ориентация уголовной политики на снижение уровня уголовно-правового давления на бизнес проявляется не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне. В последние годы правоохранительные органы и особенно прокуратура уделяют этому направлению деятельности значительное внимание. Так, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, состоявшемся 23 марта 2016 г., Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка подчеркнул, что ситуация, связанная с уголовным преследованием предпринимателей остается «крайне напряженной»: «За прошедший год прокурами отменено более 2,2 тыс. незаконных постановлений о возбуждении уголовных дел об экономических преступлениях, пресечено почти 500 нарушений при проведении гласных оперативных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства. Но обстановка остается сложной и требует значительного

усиления ответственности должностных лиц правоохранительных органов, злоупотребляющих своими полномочиями в отношении предпринимателей. Ведь именно их незаконные действия на сегодня являются наиболее разрушительными для бизнеса. Прокурорам необходимо кардинально изменить ситуацию. С учетом уже данных поручений требую проверять, буквально под микроскопом, законность возбуждения уголовных дел в отношении бизнесменов. В отличие от других стадий досудебного производства все полномочия для этого у вас есть. Продемонстрируйте это так, чтобы бизнес почувствовал» [3].

Таким образом, в рамках реализуемого уголовно-политического курса просматривается два взаимосвязанных и дополняющих друг друга направления: конструирование привилегированных уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм для предпринимателей, совершивших экономическое преступление; защита предпринимателей от необоснованного и иного незаконного уголовного преследования.

Оценивая эти векторы современной уголовной политики, нельзя не признать, что в условиях затяжного экономического кризиса в России стремление государственной власти снизить уголовно-правовое давление на бизнес является вполне понятным и оправданным. Вполне очевидно, что создание эффективных гарантий защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования — это необходимое условие комфортного инвестиционного климата, благоприятной среды для развития бизнеса, обязательный фактор, без которого невозможно стимулирование предпринимательской активности. В преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» верно отмечено, что «успешное достижение стоящих перед бизнес-сообществом целей во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками».

Поэтому сама по себе уголовно-политическая цель минимизации незаконного уголовно-правового вмешательства в предпринимательскую деятельность не вызывает возражений. К сожалению, этого нельзя сказать о правовых средствах ее достижения. Даже поверхностный анализ изменений, внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство по инициативе и в интересах предпринимательского

сообщества, приводит к выводу, что цель снижения уровня репрессивного давления на бизнес достигается посредством создания особого привилегированного уголовно-процессуального и уголовно-правового режима для предпринимателей.

Подобная уголовная политика вызывает принципиальное несогласие, так как в ней явно прослеживаются идеи «сословного покровительства», элементы «классового» уголовного права, которые не совместимы с фундаментальным принципом равенства, положенным в основу современного российского права. В юридической литературе справедливо отмечается, что формирование особого уголовно-процессуального и уголовно-правового режима для лиц с предпринимательским статусом «подрывает принципы социальной справедливости, равенства всех перед законом и судом» [1, с. 4-5]; высказываются опасения относительно того, что реализуемая уголовная политика влечет «риск возврата едва ли не к средневековым иерархизированным социальным структурам с их сословным, цеховым и т.п. делением» [4, с. 32-45].

Полагаем, что эти опасения не напрасны. В результате вышеуказанных изменений, внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, в российском праве фактически сформировались две модели уголовной юстиции — элитарная (для предпринимателей) и ординарная (для «обычных» граждан, не обладающих предпринимательским статусом). Элитарная модель позволяет обеспечить представителям бизнеса режим «наибольшего благоприятствования», который распространяется как на предпринимателей, совершивших экономические преступления, так и на предпринимателей, пострадавших от незаконного уголовного преследования. В частности, в случае совершения ими преступлений в сфере предпринимательской деятельности, предусмотренных ст. 159-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 171-174, 174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.2 УК РФ, они становятся привилегированными подозреваемыми или обвиняемыми, к которым практически не применяется мера пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). А в случае незаконного возбуждения уголовного дела в отношении предпринимателя он наделяется повышенной уголовно-правовой защитой (ч. 3 ст. 299 УК РФ) в сравнении с иными потерпевшими от незаконного уголовного преследования.

Столь очевидное нарушение принципа равенства идет вразрез с базовыми, концептуальными началами уголовного права и уголовной политики. В доктринальном проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанном по инициативе Общественной палаты, подчеркивается, что «уголовное законодательство не должно содержать норм и предписаний, создающих особый уголовно-правовой статус граждан на основе их принадлежности к какой-либо социальной группе» [6].

Более того, привилегированный уголовно-право-

вой и уголовно-процессуальный режим, созданный для предпринимателей, вызывает серьезные сомнения с точки зрения его конституционности. Об этом свидетельствуют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». Этим постановлением было признано неконституционным установление преференций и льгот в реализации уголовной ответственности лишь на том основании, что само преступление совершается в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Критическое отношение к законодательным решениям, принятым в интересах предпринимателей, дополнительно усиливается от того, что реализуемая уголовная политика, основанная на концепции «Doing Business» (идеология наибольшего благоприятствования бизнесу и максимально возможного ограждения его от уголовной юстиции), не соответствует объективным социально-криминологическим условиям, не отвечает требованиям социальной обусловленности. В п. 56 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается «сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений». В условиях негативных криминальных тенденций в экономике создавать льготные правила уголовно-правового и уголовно-процессуального реагирования на экономические преступления, совершенные представителями бизнеса, абсолютно нелогично. С учетом непростой криминальной обстановки в экономической сфере намного более оправданным был бы иной уголовно-политический курс, подобный тому, который реализуется сейчас в США, Канаде, Великобритании, в Китае и многих других государствах. В основу этого курса положена концепция «Crime Control», которая предполагает ужесточение уголовной ответственности за экономические преступления, введение уголовной ответственности за воспрепятствование расследованию, сокрытию улик, имущества, полученного преступным путем [1, с. 579-580].

Не вполне очевидны и социальные предпосылки для усиления ответственности за незаконное уголовное преследование предпринимателей и концентрации правоохранительных усилий на борьбе с подобной практикой. На протяжении ряда лет в политико-правовой дискусии очень настойчиво внедрялась мысль о том, что «ведение предпринимательской деятельности неизбежно означает попадание в группу риска быть бесосновательно привлеченным к уголовной ответственности и утратить свою собственность и личную свободу»; что «предприниматель оказывается в зоне риска, связанного с опасностью необоснованного привлечения к уголовной ответственности за предприни-

мательскую деятельность с целью отъема собственности» [5, с. 11-12].

Однако на поверку эта посылка оказывается ложной. На самом деле, риск привлечения к уголовной ответственности для предпринимателей намного меньше, чем для иных лиц. Это убедительно доказал С.В. Максимов. Он обратил внимание на то, что доля преступлений в сфере экономической деятельности составляет всего лишь 2 — 3% от общего числа ежегодно регистрируемых преступлений, а доля предпринимателей, совершивших такие преступления, среди осужденных к лишению свободы всегда была значительно меньше 1%. Так, в 2010 г. в России было зарегистрировано немногим более 65 тыс. преступлений в сфере экономической деятельности, что составило не более 3% от общего числа зарегистрированных в том же году преступлений. При этом число предпринимателей, выявленных в связи с совершением преступлений в 2010 г., составляло 17 063 человека. Если учесть, что общее число предпринимателей в России в том же году составляло не менее 5,6 млн человек, то окажется, что уголовному преследованию в течение года подвергся каждый 330-й предприниматель, в то время как применительно к населению страны в целом такому преследованию подвергался каждый 132-й гражданин (всего в 2010 г. в связи с совершением преступлений было выявлено более 1,1 млн человек) [7, с. 58-68].

Расчеты С.В. Максимова подтверждаются и данными проведенного нами опроса экспертов из числа сотрудников правоохранительных органов. Большинство респондентов (56,5 %) отметили, что чаще всего незаконному уголовному преследованию подвергаются представители малообеспеченных слоев населения. И это вполне объяснимо, так как лица с низким уровнем дохода, как правило, не обладают необходимыми ресурсами (квалифицированная юридическая помощь, связи и др.) для эффективной защиты от незаконного уголовного преследования. Что же касается предпринимателей (особенно у представителей крупного и среднего бизнеса), то у них такие ресурсы чаще всего имеются. Поэтому в плане незаконного уголовного преследования они менее уязвимы (за исключением, пожалуй, фактов политически мотивированного преследования). К такому же выводу приводит и изучение уголовных дел о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1-2 ст. 299 УК РФ). Ни в одном из изученных 19 уголовных дел указанной категории в качестве потерпевшего не фигурировало лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Приведенные данные ставят под сомнение концептуальную основу проводимой уголовной политики. Тем не менее, уголовно-политический курс на создание юридических преференций для предпринимателей в сфере уголовного преследования не меняется, что объясняется активным лоббизмом законодательных решений, принимаемых в интересах бизнес-сообщества.

Благодаря усилиям крупного бизнеса под эти решения подведена доктринальная база, воплощенная в цитированной ранее Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере; через Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей регулярно вносятся новые законодательные инициативы.

Сразу же оговорим, что сам по себе факт повышения влияния предпринимателей на принятие уголовно-политических решений нельзя оценивать негативно. Скорее наоборот, это можно расценивать в качестве показателя укрепления институтов гражданского общества. Однако настораживает то, что практически все законопроекты, ориентированные на снижение уровня уголовно-правового давления на бизнес, были разработаны кулуарно. Их обсуждение проходило без привлечения научного сообщества и правоохранительных структур, что само по себе в определенной мере снижает легитимность соответствующих законодательных решений. В результате получилось, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство было реформировано по инициативе предпринимателей в их узких интересах, которые, как было показано выше, не совпадают с интересами всего общества (по крайней мере, общество точно не заинтересовано в дифференциации уголовной юстиции на ординарную и элитарную). Полагаем, что в демократическом государстве, призванном обеспечить баланс интересов всех социальных групп, подобная ситуация не может считаться нормальной.

Сказанное подтверждает концептуальную несостоятельность предпринимаемых попыток создать привилегированный уголовно-процессуальный и уголовно-правовой режим для предпринимателей, приводит к выводу о необходимости существенной корректировки реализуемого уголовно-политического курса. Содержание уголовной политики в рассматриваемой сфере должно определяться с учетом принципиальных идей равенства, в том числе и равных гарантий от незаконного уголовного преследования. От незаконного уголовного преследования должны быть в равной степени защищены все лица, вне зависимости от их социального статуса, что требует соответствующей переориентации законодательных и правоприменительных усилий. Все субъекты уголовной политики и бизнес-сообщество должны четко осознать, что наиболее эффективной стратегией в плане снижения рисков незаконного уголовного преследования предпринимателей является не создание привилегированных режимов для отдельных категорий лиц, а укрепление законности в сфере уголовного судопроизводства.

Этот вывод подтверждается результатами специальных исследований. В исследовательском отчете «Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг.» (автор — И. Четверикова) отмечается, что «наибольшее смягчение в применении уголовного закона

в отношении предпринимателей происходило благодаря общим либеральным реформам уголовного закона, проведенным во время президентства Дмитрия Медведева, а не нововведениям, применение которых зависит от наличия либо отсутствия предпринимательского статуса. При этом наблюдалось общее смягчение применения уголовной репрессии в отношении всех подсудимых по экономическим и имущественным делам» [9, с. 4]. На этом основании автор исследования справедливо заключает, что «повышение защиты прав обвиняемых и гуманизация уголовной ответственности независимо от социального статуса обвиняемых являются более эффективными способами снижения давления правоохранительных органов на бизнес, чем специальные корректировки уголовного законодательства под предпринимателей (курсив наш. — А.С.)» [8].

Таким образом, социально приемлемый уровень безопасности предпринимателей в сфере уголовного судопроизводства может быть обеспечен только при условии защищенности от незаконного уголовного преследования всех иных лиц.

Литература

1. Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2016.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. — 2010. — № 4.
3. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы в 2015 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2016 г. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1067532/>.
4. Головки Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. — 2015. — № 8.
5. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010.
6. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 01.02.2017).
7. Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4.
8. Четверикова И. Смягчение нравов: как сажали бизнесменов после либерализации УК // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/13/12/2016/584eac8a9a79470fedc1a143>.
9. Четверикова И. Уроки либерализации: отправлене правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг. (исследовательский отчет). — СПб: ИПП ЕУСПб, 2016.

Reference

1. Aleksandrova I.A. Sovremennaja ugotovnaja politika po obespeche-niju jekonomicheskoj bezopasnosti i protivodejstvuju korruptcii: Dis. ... d-ra jurid. nauk. — N. Novgorod, 2016.
2. Babaev M.M., Pudovochkin Ju.E. Koncentracija repressii kak prin-cip ugotovnoj politiki // Ugotovnoe pravo. — 2010. — № 4.
3. V General'noj prokurature Rossijskoj Federacii sostojalos' ras-shirennoe zasedanie kollegii, posvjashhennoe itogam raboty v 2015 g. i zada-cham po ukrepleniju zakonnosti i pravoporjadka v 2016 g. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1067532/>.
4. Golovko L.V. Dva al'ternativnyh napravlenija ugotovnoj politi-ki po delam ob jekonomicheskikh i finansovyh prestuplenijah: Crime Control i Doing Business // Zakon. — 2015. — № 8.
5. Konceptcija modernizacii ugotovnogo zakonodatel'stva v jekonomi-cheskoj sfere. — M.: Fond «Liberal'naja missija», 2010.
6. Konceptcija ugotovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (data obrashhenija: 01.02.2017).
7. Maksimov S.V. Dvadcatiletie novejshej ugotovno-pravovoj poli-tiki Rossii: predvaritel'nye itogi i perspektivy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 4.
8. Chetverikova I. Smjagchenie nravov: kak sazhalo biznesmenov posle liberalizacii UK // RBC. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/13/12/2016/584eac8a9a79470fedc1a143>.
9. Chetverikova I. Uroki liberalizacii: otpravlenie pravosudija po ugotovnym delam v jekonomicheskoj sfere v 2009–2013 gg. (issledovatel'skij otchet). — SPb: IPP EUSPb, 2016.

УДК 343.54
ББК 67.51

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СЕГМЕНТА СЕТИ ИНТЕРНЕТ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

Краснодарского университета МВД России,

кандидат юридических наук

E-mail: vladsolovyev@mail.ru

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Актуальность темы вызвана ростом числа преступных деяний против половой неприкосновенности, в том числе совершенных посредством сети Интернет. В статье выявляются следующие криминологические особенности преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет: возраст и пол потерпевших, способ совершения преступлений, социальные сети, используемые преступниками. В итоге делаются выводы, которые следует учесть при организации профилактической работы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, половые преступления, половая неприкосновенность, личность потерпевшего, социальные сети, педофилия, Интернет.

Annotation. The relevance of the topic is caused by the growth of criminal acts against sexual inviolability of minors, including by means of the Internet. The article discloses the following criminological specific features of the crimes against sexual inviolability of minors: age and sex of the victims, methods of committing a crimes, social networks used by criminals. As a result, some conclusions are made that should be taken into account in organization of preventive maintenance.

Keywords: minors, sexual crimes, sexual inviolability, personality of a victim, social networks, Internet, paedophilia.

Бурное развитие коммуникационных технологий в последние годы неминуемо привело к тому, что современные каналы распространения информации стали использоваться для совершения общественно опасных деяний. Исключением не стали и преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Снижение возраста пользователей социальных сетей, относительная анонимность внутрисетевой деятельности, скорость распространения информации и возможности подбора целевой аудитории позволили значительному количеству лиц с нарушением сексуального предпочтения в форме педофилии стать «ближе» к несовершеннолетним в виртуальном пространстве. Кроме того, при помощи сети Интернет педофилы получают поддержку от лиц с подобными расстройками, они обмениваются порнографическими фотографиями детей, делятся своим криминальным

опытом [2, с. 91]. Такая ситуация актуализировала проблемы защиты несовершеннолетних от посягательств на их половую неприкосновенность, для решения которых нужен значительный объем криминологической информации.

Получение такой информации существенно осложняется особым вниманием государства к защите сведений о несовершеннолетних потерпевших от преступлений, обеспечиваемой, в том числе, и уголовно-правовыми средствами. Однако в арсенале криминологической науки имеется ряд методов, применяя которые можно получить сведения о посягательствах на половую неприкосновенность несовершеннолетних, могущие послужить основой организации профилактической деятельности. Один из таких методов был применен автором ранее и заключался в контент-анализе материалов интернет-сайта Мониторинго-

вого центра по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента pedofilov.net, созданного в рамках проекта «Безопасное детство», где в разделе «Новости» хронологически систематизированы кейсы, содержащие описание зарегистрированных, раскрытых и расследованных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных на всей территории России (далее — метод 1) [3, с. 155-166]. Два других способа, результаты применения которых описаны в данной статье, это использование материалов «горячей линии» Мониторингового центра по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента pedofilov.net, предоставленных с изъятием всей информации, позволяющей идентифицировать личность несовершеннолетнего потерпевшего (далее — метод 2), а также контент-анализ материалов, опубликованных на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации (далее — метод 3).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению криминологических особенностей использования социального сегмента сети Интернет для совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, нельзя не описать еще одно наблюдение, которое позволил сделать анализ материалов «горячей линии». Речь идет о внутрисемейных посягательствах на половую неприкосновенность несовершеннолетних. При использовании метода 1 было зафиксировано 88 фактов внутрисемейных посягательств (или 19,4% от общего количества преступлений). Практически аналогичную картину позволяет получить метод 2 — 21,9%. Однако существенное расхождение можно наблюдать в соотношении структурных единиц внутрисемейного насилия: если в ходе применения метода 1 было установлено, что в отношении собственных детей совершали преступления 28,4% преступников, а в отношении детей приемных — 53,4% преступников, то в ходе анализа результатов применения метода 2 наблюдается другое соотношение — 47% и 34,8% соответственно. Доля преступлений, совершенных в отношении внуков, племянников, сводных братьев, и другие случаи внутрисемейных посягательств на половую неприкосновенность детей в обоих методах исследования занимают одинаковую долю — 18,2%.

Минимальное количество фактов внутрисемейного насилия можно наблюдать при использовании метода 3 — всего 5 из 70 описанных преступлений (7,1%). В четырех случаях преступником являлся отчим, еще в одном — отец. Расхождение в количестве фактов и изменение доли структурных единиц при использовании разных методов исследования заставляет обратить внимание на совершение преступлений в отношении

собственных детей, а также задуматься об объективности криминологической картины, демонстрируемой официальными источниками, такими, как интернет-сайт Следственного комитета Российской Федерации.

Далее речь пойдет об использовании коммуникационных возможностей социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

В криминологической науке и ранее отмечалось, что социальные сети обеспечивают весьма благоприятную почву для поиска и переписки преступников с несовершеннолетними, «личная страничка» ребенка дает возможность узнать взрослому его интересы и увлечения, круг общения и даже какое эмоциональное настроение сейчас у ребенка, благодаря «статусам» в социальных сетях. Пользуясь этими возможностями, педофилы ищут детей, страдающих от нехватки внимания, заботы, тех, кому не с кем поговорить или же любознательных особ, желающих узнать подробности на тему секса. Для построения общения преступнику необходимо понять ход мыслей жертвы, они способны ловко манипулировать эмоциями ребенка, вычисляют, в ком он нуждается: в друге, советчике или же жертве необходимо внимание и ласка [4, с. 81].

Подозрения в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет послужили поводом для 35,5% обращений на «горячую линию». Применение метода 1 показало гораздо меньшую степень распространения таких фактов в сети Интернет — 4,5%. Метод 3 позволил получить практически среднее между ними значение — 18,6%.

Можно выделить следующие виды информации, зафиксированной в обращениях на «горячую линию»:

1. Преступники писали детям текстовые сообщения на тему секса, присылали порнографические материалы, собственные фото, склоняли к виртуальному сексу, общению при помощи видеосвязи без реальных встреч, угроз и шантажа — 19,7% обращений. Такие действия получили название «секстинг», означающее обмен электронными текстовыми сообщениями — «секстами» с вложением визуальных материалов (личных фотографий и видео) на сексуальную тему [1, с. 170].

2. Преступники требовали или обманном путем вымогали интимные фото или требовали общения по видеосвязи, дети соглашались, затем начинались угрозы применения насилия, распространения фотографий среди одноклассников, родителей, на порнографических сайтах — 16%.

3. Сознательные граждане сообщали о предполагаемых страницах педофилов, о фактах распространения порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних — 15%.

4. Виртуальные собеседники познакомились с несовершеннолетними, общались на сексуальные темы, обменивались фото без угроз, без стремления к реальным встречам — 12,2%.

5. Преступники угрожали детям и шантажировали их, просили прислать фото, встретиться, но дети этого не сделали — 12,2%.

6. Педофильные проявления были обращены непосредственно не к несовершеннолетним, а к взрослым (собеседники в переписке рассказывали, что вступают в сексуальные отношения с детьми, насилуют детей, просили познакомиться с детьми, прислать фото гениталий детей, предлагали за деньги вступить в сексуальные отношения с детьми, предлагали обмен детским порно) — 7,5%.

7. Взрослые оказывали несовершеннолетним иные знаки внимания (предлагали познакомиться, пытались добавиться в «друзья», ставили «лайки», делали комплименты и т.п. — 3,8%.

8. Преступники познакомились с детьми, общались на сексуальные темы и договаривались о реальной встрече — 2,9%.

9. Взрослые знакомые детей из реальной жизни писали им сообщения сексуального характера в социальных сетях (учитель, семейный знакомый, отец одноклассницы) — 2,9%.

10. Взрослые пытались познакомиться и вели переписку под видом детей — 2,9%.

11. Подростки переписывались в группе на сексуальные темы, обменивались интимными фотографиями, предлагали себя за деньги — 2,9%.

12. Преступники просили у несовершеннолетних фото и встречи за деньги — 2%.

Фактически приведенная классификация отражает способы посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, поэтому такая информация может быть использована при организации виктимологической профилактики, профилактической работе с родителями, владельцами интернет-ресурсов, входящих в социальный сегмент сети Интернет, а также должна учитываться правоохранительными органами.

Способы совершения преступлений, описанные на сайте Следственного комитета Российской Федерации, практически идентичны перечисленным: просьбы прислать фотографии и видео, угрозы, шантаж, предложения встреч и др. Обращает на себя внимание лишь одно наблюдение: применение метода 3 позволило установить, что 61,5% описанных преступлений сопровождался реальными встречами преступника и жертвы, остальные 38,5% — только взаимодействием в виртуальном пространстве. Метод 2 демонстрирует противоположную картину: только в 17,1% случаев преступник встречался с несовершеннолетним или

стремился к таким встречам. Это наводит на мысль, что сотрудники правоохранительных органов «охотнее» привлекают к ответственности лиц, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних при личных встречах. Это можно объяснить относительным «удобством» сбора доказательств по уголовному делу по сравнению с совершением преступления в виртуальной среде, сложностью выявления преступлений, а также недооценкой общественной опасности посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних в сети Интернет.

Использование перечисленных методов исследования позволило выявить некоторые характеристики несовершеннолетних, пострадавших от совершения преступлений.

Согласно данным, полученным при применении метода 2, среди потерпевших от посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершенных при помощи информационно-телекоммуникационных сетей, 79,2% составляют лица женского пола, 20,8% — мужского. Эти данные практически не отличаются от сведений, полученных при использовании метода 3 (80% и 20% соответственно). Более того, среди несовершеннолетних, пострадавших от всех видов посягательств на половую неприкосновенность, соотношение полов приблизительно такое же (76,4% и 23,6% соответственно).

Использование метода 2 позволило выявить возраст 62 несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений против половой неприкосновенности.

Средний возраст потерпевших составил 12,1 года. Согласно данным Следственного комитета РФ, полученным при применении метода 3, средний возраст потерпевших еще ниже и составляет 11,3 года. Жертвами преступлений стали несовершеннолетние следующих возрастных групп:

8 лет	— 1 (1,6%)
9 лет	— 5 (8,1%)
10 лет	— 13 (21%)
11 лет	— 3 (4,8%)
12 лет	— 10 (16,1%)
13 лет	— 11 (17,7%)
14 лет	— 12 (19,4%)
15 лет	— 7 (11,3%)

Обращает на себя внимание довольно низкий средний возраст и преобладание доли 10-летних потерпевших, что не может не заставить задуматься о слишком раннем начале активности детей в социальных сетях, что служит одним из факторов совершения в отношении них преступлений.

Применение метода 2 позволило выявить ин-

тернет-ресурсы, используемые для совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В 83,3% случаев преступления совершались в социальной сети «ВКонтакте», 7,7% — с использованием Skype, в остальных случаях — при помощи социальной сети «Одноклассники» и сайтов знакомств.

Все приведенные в работе сведения свидетельствуют об актуальности проблемы противодействия использованию социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних как для криминологической науки, так и для правоохранительной практики. Зафиксированные криминологические особенности преступлений могут послужить базой специально-криминологической и индивидуальной профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых посредством коммуникационных возможностей сети Интернет.

Литература

1. Бельская Н.С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе Интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета 2015 № 1 (61) Т. 2.
2. Семенцова И.А., Фоменко А.И. Актуальные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых лицами с расстройством сексуального предпочтения (педофилией) посредством

сети Интернет // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10.

3. Соловьев В.С. Криминологические особенности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26).
4. Степанова О.Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №2 (66).

Reference

1. Bel'skaja N.S. Rechevoj zhanr sekstinga v sudebnoj lingvisticheskoj jekspertize Internet-kommunikacii pri rassledovanii prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta 2015 № 1 (61) T. 2.
2. Semencova I.A., Fomenko A.I. Aktual'nye voprosy preduprezhdenija prestuplenij, sovershaemyh licami s rasstrojstvom seksual'nogo predpochtenija (pedofiliej) posredstvom seti Internet // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 10.
3. Solov'ev V.S. Kriminologicheskie osobennosti prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2016. № 3 (26).
4. Stepanova O.Ju. Problema privlechenija k ugolovnoj otvetstvennosti za pedofiliju v social'nyh setjah // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2015. №2 (66).

УДК: 343.140.02
ББК: 67.408

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ ИМУЩЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

ТХИ НГОК ИЕН НГУЕН,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Email: yenngoctxt@gmail.com

Научный руководитель: доктор юридических наук А.А. Сумин

Рецензент: кандидат юридических наук С.В. Гурдин

*Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс;
криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-разыскная деятельность*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается понятие «заключение об определении стоимости имущества», и его характеристики как источник доказательства в уголовном процессе Социалистической Республики Вьетнам. Автор приходит к выводу, что «заключение об определении стоимости имущества» не только имеет характеристики как другие традиционные доказательства, но и определённые особенности. В работе рассматриваются требования к созданию заключений об определении стоимости имущества, которые предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе Вьетнама 2015г.

Ключевые слова: доказательства; источник доказательств; имущественный вред, заключение об определении стоимости имущества;

Annotation. This paper discusses about the concept of «asset evaluation result», which are the sources of evidences in Vietnamese criminal procedural law and its characteristics. The author concludes that «asset evaluation result» not only has the characteristics of traditional evidences, but also has its own characteristics. The article deals with the requirements for use of asset evaluation result, which are provided by the Vietnamese Criminal Procedure Code 2015.

Keywords: Asset evaluation result, evidences, proving, property damage

Уголовное законодательство Российской Федерации (далее — России) и Социалистической Республики Вьетнам (далее — СРВ) содержит достаточное большое число правовых норм, в соответствии с которыми размер вреда, причинённого преступлением, является квалифицирующим признаком, кроме того, по преступлениям против собственности, где размер ущерба не является таким признаком, возникает необходимость возмещения причинённого вреда и, следовательно, точного установления его размера. В связи с этим, в уголовно-процессуальном законодательстве России и СРВ размер имущественного ущерба, причинённого преступлением, является обстоятельством, подлежащим доказыванию по уголовному делу.

В российском уголовном процессе размер имущественного вреда устанавливается на основе заключения соответствующей экспертизы и это заключение

служит самостоятельным видом доказательств согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК России.

В уголовном процессе СРВ существует несколько иной порядок доказывания размера имущественного вреда, причинённого преступлением. Пункт «г» ст. 87 УПК СРВ наряду с заключением экспертизы установил самостоятельный вид доказательства — «заключение об определении стоимости имущества» (вьетнамск.: «Kết luận định giá tài sản»)¹. Таким образом, в отличие от Российского уголовного процесса, во Вьетнамской следственной, прокурорско-надзорной и судебной практике размер имущественного вреда доказывается не заключением экспертизы, а указанным заключением об определении стоимости имущества. В этой же правовой норме даётся общее определение этого термина.

Сам порядок получения такого заключения регу-

лируется не УПК СРВ, а положениями постановления Правительства СРВ № 26/2005/ND-СР «О Совете определения стоимости имущества в уголовном процессе»². Согласно этому порядку, при возникновении необходимости получения заключения об оценке имущества, в зависимости от того, на каком этапе уголовного процесса в данный момент находится уголовное дело, следователь, прокурор, судья или суд обращается в местный финансовый орган с требованием о даче такого заключения. На основании такого требования, финансовый орган формирует предложение по составу Совета по определению стоимости имущества (далее — СОСИ). В состав Совета обычно включаются специалисты финансовых органов, работающие в сфере оценки имущества, и имеющие необходимую специальность и практический опыт представители других органов. Данное предложение направляется главе города или района для утверждения. СОСИ коллегиально проводит оценку размера имущественного вреда, составляет заключение и представляет его должностному лицу или органу, явившемуся инициатором проведения указанной оценки.

Статья 101 УПК СРВ устанавливает требования, предъявляемые к заключению:

- заключения определения стоимости имущества должны быть подписаны всеми членами СОСИ. В случае разногласий, члены СОСИ могут отразить свои выводы мнения в заключении;
- случае, если суд, прокуратура и следственный орган не согласятся с заключением СОСИ, то эти органы должны указать причины несогласия, а если заключение содержит неясности или противоречия, то указанные органы вправе требовать переоценку стоимости имущества в соответствии с правилами постановления Правительства СРВ № 26/2005/ND-СР;
- если заключение СОСИ об определении стоимости имущества нарушают требования УПК СРВ или иные нормативные акты, принятые по вопросам определения размера имущественного вреда, то оно не имеет никакого юридического значения, не может служить основанием для разрешения уголовного дела, т.е. рассматривается как недопустимое доказательство.

Чтобы использовать заключение определения стоимости имущества в доказывании, оно должно обладать следующими свойствами:

1) оно должно характеризоваться объективностью. Это означает, что необходимо обеспечить для субъектов оценки имущества реальные возможности независимого установления размера имущественного вреда.

Статья 13 постановление Правительства №

26/2005/ND-СР устанавливает, что оценка должна быть основана по рыночной цене на момент причинения вреда в месте причинения вреда; исходная стоимость имущества определяется по цене, установленной государственным органом, или по цене, указанных в документах, полученных при приобретении имущества (кассовые чеки, счета и др.).

В целях обеспечения объективности СОСИ, ст. 10 постановления Правительства № 26/2005/ND-СР установила, что членом Совета не может быть лицо, участвующее в уголовном деле в качестве следователя, прокурора, судьи, присяжных заседателей, секретаря суда или в качестве участников со стороны обвинения и стороны защиты; либо если есть другие явные основания полагать, что он не может быть беспристрастным при выполнении оценки;

2) заключения определения стоимости имущества должны соответствовать требованиям закона. Эти требования изложены в ст. 101 УПК СРВ, в постановлении Правительства СРВ № 26/2005/ND-СР и в другие правила и они в равной степени относятся как к основаниям и условиям собирания этого вида доказательств, так и к соответствующей процедуре и процессуального отражения её хода и результатов;

3) эти данные должны относиться к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по конкретному уголовному делу;

Деятельность по определению стоимости имущества и её заключение не являются новыми проблемами в уголовном процессе Вьетнама, однако, существуют также много вопросов, связанных с проблемами оценки имущественного вреда и деятельности Совета:

- во-первых, в некоторых случаях по объективным или субъективным причинам может возникнуть задержка с представлением доступа к имуществу для оценки нанесённого ему ущерба или подлежащее оценке имущество изымалось и при изъятии или в процессе его дальнейшего хранения было неумышленно повреждено. Это может существенно повлиять на точность определения размера имущественного вреда и, тем самым, негативно повлиять не только на размер возмещения имущественного вреда по гражданскому иску, но и на правильность юридической квалификации преступления;
- во-вторых, по смыслу положений ст. 6, 11 и 12 постановлении Правительства СРВ № 26/2005/ND-СР однажды созданная СОСИ в регионе должна функционировать в постоянном составе. Однако по различным обстоятельствам в некоторых регионах СОСИ создаются только по конкретным делам, а руководители фи-

нансовых органов выбирают членов СОСИ без последующего утверждения решением главы города или района. Постоянно изменяющийся состав СОСИ в определённой степени предопределяет нестабильность подходов к вопросам ценообразования, а также влияет на своевременность начала действий СОСИ (поскольку каждый раз необходимо проводить новую процедуру её формирования, что в свою очередь может вызывать увеличение процессуального срока предварительного расследования или судебного разбирательства³.

Подводя итог, можно сказать, что заключение об определении стоимости имущества в качестве самостоятельного источника доказательств является существенным вкладом в доказывании по уголовным делам. Заключение определения стоимости имущества является одним из оснований, на основе которых компетентные органы могут рассмотреть и разрешить вопросы, связанные с обоснованностью определения имущественного вреда, причинённого преступлением. Судебная практика показывает, что прозрачность формирования СОСИ и её деятельности практически не даёт оснований к оспариванию стороной защиты выводов по оценке указанного вреда.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от

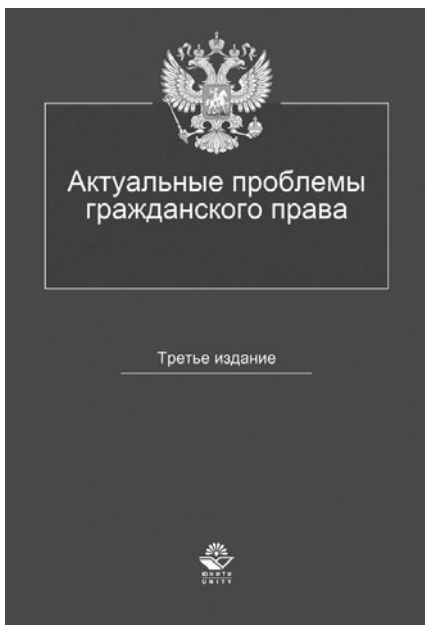
06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921,

2. Bộ luật tố tụng hình sự nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam số 19/2003/QH 11 ngày 26/11/2003.
3. Bộ luật tố tụng hình sự nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam số 101/2015/QH13 ngày 27/11/2015.
4. Nghị định số 26/2005/NĐ-CP của Chính phủ về Hội đồng định giá tài sản trong tố tụng hình sự.
5. Сайт Канцелярия делегации Парламента и Народного Совета города Куанг Бинь; URL: <http://luatminhkhue.vn/kien-thuc-luat-dan-su/dinh-gia-tai-san-trong-hoat-dong-to-tung.aspx> — Định giá tài sản trong hoạt động tố tụng — Phạm Thái Quý — Văn phòng Đoàn đại biểu Quốc hội và Hội đồng nhân dân tỉnh Quảng Bình; 30/09/2015.

1 Термин приведён и далее по тексту статьи используется в буквальном переводе. Фактически он означает определение размера имущественного вреда.

2 Nghị định số 26/2005/NĐ-CP của Chính phủ về Hội đồng định giá tài sản trong tố tụng hình sự

3 Сайт Канцелярия делегации Парламента и Народного Совета города Куанг Бинь; <http://luatminhkhue.vn/kien-thuc-luat-dan-su/dinh-gia-tai-san-trong-hoat-dong-to-tung.aspx> - Định giá tài sản trong hoạt động tố tụng - Phạm Thái Quý – Văn phòng Đoàn đại biểu Quốc hội và Hội đồng nhân dân tỉnh Quảng Bình; 30/09/2015.

Актуальные проблемы гражданского права. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.М. Коршунова, Ю.Н. Андреева, Н.Д. Эриашвили. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Рассмотрены институты гражданского права, имеющие неоднозначное толкование на практике. Освещены вопросы приобретательной давности, право собственности крестьянских фермерских хозяйств, проблемы ограничения права пользования жилыми помещениями собственников жилья, вопросы, касающиеся субсидиарной ответственности и ее видов.

Для студентов, преподавателей юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, юристов-практиков, а также для всех интересующихся спорными вопросами гражданского права.

УДК 34
ББК 67

ТРУДОВОЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ОТРАСЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА ЕГОРОВА,

доцент кафедры европейского права

Московского государственного института международных отношений

Министерства иностранных дел России,

кандидат юридических наук

E-mail: katemgimo@gmail.com

*Научная специальность 12.00.10 — международное право;
европейское право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлены основные теоретические положения о трудовом праве Европейского Союза как отрасли права. Рассмотрены предмет трудового права ЕС, используемые методы правового регулирования, принципы, система и функции. На основании исследования нормативно-правовых актов институтов ЕС, решений Суда ЕС, практики применения наднациональных норм государствами — членами выводится определение трудового права Европейского Союза. Анализ указанных аспектов позволит ответить на вопрос, является ли трудовое право ЕС отраслью права, отвечает ли оно критериям отнесения к отрасли права, а также, насколько право ЕС как особая правовая система оказывает влияние на формирование трудового права ЕС.

Ключевые слова: европейское право, коммунитарное право, трудовое право ЕС, предмет и метод правового регулирования, труд, трудовые отношения, источники права, функции права, решения Суда Европейского Союза.

Annotation. The article presents the basic theoretical principles of the Labor law of the European Union as a branch of law. The article deals with the subject of EU Labour law, used methods of legal regulation, principles, system and functions. Definition of EU Labour law is based on the study of legal acts of the EU Institutions, of the EU Court of Justice decisions, the practice of application of supranational rules at the national level. Analysis of these aspects will allow to answer the question whether the EU Labour law is a branch of the European law, as well as EU law as a specific legal system influences the formation of EU Labour law.

Keywords: European law, European Community law, EU Labour law, subject and method of legal regulation, labour, labour relations, sources of law, functions of law, decisions of the European Union Court of Justice.

Для выделения трудового права Европейского Союза в качестве обособленной отрасли права ЕС представляется необходимым исследовать ряд ключевых вопросов.

Во-первых, дать определение трудового права ЕС через призму сущности права Европейского Союза в целом.

Во-вторых, выделить предмет и метод правового регулирования трудового права ЕС.

Трудовое право ЕС формировалось одновременно с развитием и учетом особенностей коммунитарного права (права Европейских Сообществ) и права Европейского Союза, а также национального трудового законодательства государств-членов. Совершенно очевидно, что за время своего существования Европейский Союз совершил значительный шаг вперед, в том числе, и в плане эволюции права. Западные правоведы¹ констатируют факт того, что наднациональное право становится

схоже скорее с национальным, нежели международным правом, в процессе своего развития.

Видные ученые определяют, что ЕС свойственна своя правовая идеология — «механизм легитимации единства и обоснования нормативного порядка дифференциации власти политически организованного общества ЕС через правовые средства (право ЕС), правовые идеи и правовой дискурс, формируемый вокруг выраженного в юридическом праве идейного содержания (структуры идей, ценностей и т.д.)»². По мнению профессора А.И. Клименко «наряду с государствами правовая идеология свойственна и иным формам политической организации общества и, в том числе, межгосударственным. К разряду таких форм следует отнести и Европейский Союз. Для ЕС, где право играет важнейшую интегративную роль, правовая идеология выступает как необходимый механизм идеологической сферы. Необходимо также отметить, что правовая иде-

ология ЕС является правовой как в своей сущности, так и по своему содержанию»³.

Суд ЕС в своих ранних решениях⁴ определил, что нормам права ЕС свойственны специфичные квалификационные характеристики — прямое действие, верховенство, интегрированность в национальные системы права государств-членов и юрисдикционная защита соответствующими судебными учреждениями.

В российской правовой науке европейское право в целом определяется как система правовых норм, обеспечивающих развитие европейской интеграции и регулирующих общественные отношения, связанные с этим процессом⁵.

Профессор Бирюков М.М. определяет европейское право как «систему правовых норм, регулирующих взаимоотношения, сложившиеся в рамках европейских интеграционных объединений, таких как европейские сообщества, Европейский союз и в определенной степени Совет Европы... Понятие европейского права включает в себя также правовые нормы, регулирующие взаимоотношения Европейского союза с третьими государствами и международными организациями (внешнее европейское право)». «Европейское право, — отмечает автор далее, образует новую правовую реальность, сочетающую элементы, свойственные национальным системам права, и международно-правовой системе, а это порождает специфику и оригинальность европейского права как особого вида правовой системы»⁶.

Профессор Кашкин С.Ю. считает, что «термин «европейское право» в узком смысле слова обозначает совокупность норм, которые являются общими для всех или большинства стран и народов Европы»⁷.

По мнению академика Топорнина Б.Н., «европейское право охватывает региональные установления международно-правового порядка, связанные не только с деятельностью Европейских Сообществ и Европейского Союза, но и других европейских организаций (ОБСЕ, Совета Европы). В более узком смысле под европейским правом понимаются нормы права, которые создаются в рамках и в процессе деятельности Сообществ и Союза»⁸.

После вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 году, учитывая поглощение Европейских Сообществ Европейским Союзом, представляется логичным говорить непосредственно о праве Европейского Союза. Согласно статье первой Договора о Европейском Союзе в редакции Лиссабонского договора⁹ Союз заменяет собой Европейское Сообщество и является его правопреемником. На настоящий момент существует единое право Европейского Союза. Право Европейских Сообществ, за исключением права Евратома, представляет собой теперь зафиксированные достижения интеграционного объединения — Европейского Союза. Акты, образующие основу права Сообществ в силу правопреемства, обретают статус источников права Европейского Союза.

Право Европейского Союза сосредотачивается на

регулировании общественных отношений непосредственно в рамках наднационального образования и исполняется через национальное право входящих в состав Союза государств.

Трудовое право ЕС рассматривается исходя из понимания права ЕС, как самостоятельной автономной системы юридических норм, регулирующих отношения в рамках ЕС, а также создаваемых в связи с образованием и функционированием Европейских Сообществ и Европейского Союза, действующих и применяемых на основе и в соответствии с учредительными договорами и общими принципами права ЕС.

С этой точки зрения трудовое право Европейского Союза — это совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих самостоятельную, качественно своеобразную сферу трудовых отношений в Европейском Союзе и требующих особой юридически автономной регламентации. Нормы трудового права ЕС представлены соответствующими его источниками, регламентирующими отношения субъектов в данной области. Трудовое право ЕС возникло и формировалось в соответствии с учредительными договорами и общими принципами права ЕС, с учетом особенностей последнего.

Для более четкого обоснования выделения трудового права ЕС в качестве отрасли права ЕС необходимо определить его предмет и метод правового регулирования.

В общей теории права отраслью права является «совокупность обособленных юридических норм, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений»¹⁰.

В свою очередь, под системой права понимается «внутреннее строение, определенный порядок организации и расположения составляющих его частей, обусловленный характером существующих в обществе отношений»¹¹.

Система права Европейского Союза — это «упорядоченная и структурированная совокупность элементов, которая выражается в устойчивости многообразных связей между входящими в ее содержание юридическими нормами и группами норм»¹².

Система трудового права Европейского Союза определяется как совокупность юридических норм, составляющих единое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов, включает такие институты¹³, как допроизводственные отношения (трудоустройство), индивидуальные и коллективные трудовые отношения, свободу передвижения работников, охрану труда, регулирование труда отдельных категорий работников.

Основанием разделения на отрасли права является наличие предмета и метода правового регулирования. Под предметом правового регулирования понимается «обусловленная спецификой человеческой деятельности определенная сфера общественных отношений»¹⁴.

Исследуя подробно предмет трудового права ЕС, следует отметить, что данная отрасль права ЕС не обладает абсолютно однородным предметом своего регу-

лирования. Сфера трудового права ЕС включает в себя индивидуальное трудовое право, направленное на регулирование защиты прав работника в случае банкротства работодателя, незаконного увольнения, смены собственника предприятия, охраны и гигиены труда, обеспечения гендерного равенства, защиты трудовых прав работников определенных профессий и социальных групп.

Одновременно, в предмет трудового права ЕС входит и коллективное трудовое право, включающее в себя деятельность европейских производственных советов, участие работников в принятии решений и управлении делами предприятий, вопросы коллективных переговоров. Отдельным институтом трудового права выступает блок норм по обеспечению свободного передвижения работников на территории ЕС, их трудоустройства, предоставляемых правах и гарантиях.

Сложная структура предмета трудового права ЕС может трактоваться с разных позиций.

С одной стороны, отсутствие четко определенно предмета изучения свидетельствует только лишь о начале формирования трудового права ЕС как отрасли права, его незрелости и в некоторой степени неэффективности, фрагментарном регулировании сферы трудовых отношений.

Но, с другой стороны, при более внимательном и детальном изучении всей совокупности материалов по трудовому праву ЕС становится очевидным факт того, что за последние пятьдесят лет на уровне ЕС совершен значительный прорыв в исследуемой области, что не ставит под сомнение рассмотрение трудового права ЕС как самостоятельной отрасли права.

Широкий круг регулируемых трудовых отношений подчеркивает роль институтов и вспомогательных органов ЕС в становлении наднационального трудового права, концентрирующего в себе и наиболее продвинутое нормы о защите трудовых прав работников отдельных государств-членов, и самостоятельно вырабатывая новые, передовые стандарты труда, которые впоследствии становятся едиными для всех членов интеграционного сообщества.

Предмет правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений в конкретной сфере, регулируемых соответствующими нормами права. Совокупность норм права, опосредующих трудовые отношения, образуют отрасль трудового права.

Для исследования предмета трудового права ЕС следует сначала остановиться на понятии «труд».

Труд представляет собой целесообразную общественно полезную деятельность человека, направленную на получение материальных или нематериальных благ. При этом, труд осуществляется как индивидуально, так и в рамках предприятия.

Предметом трудового права ЕС является не сам по себе труд, а трудовые отношения и иные тесно связанные с ними отношения между работниками и работодателями, регулируемые национальными государственными структурами и институтами, органами и

учреждениями ЕС. Сами по себе трудовые отношения складываются как в процессе производства материальных и иных благ, так и в сфере услуг, где применяется труд работника.

Трудовое право ЕС регулирует общественные отношения, складывающиеся в процессе функционирования рынка труда ЕС, организации и применении наемного труда, осуществлении коллективных действий.

В данном контексте справедливо возникает вопрос о содержании и понятии трудовых отношений в рамках ЕС.

В зарубежной литературе под трудовыми отношениями в общем смысле понимаются отношения между работником и работодателем. Сложность определения трудовых отношений в рамках ЕС заключается в необходимости выработки единого понимания содержания данных отношений для всех государств-членов Евросоюза.

Трудовое право государств-членов можно разделить на трудовое право стран континентальной Европы и англосаксонской¹⁵. Критериями разделения трудового права на группы являются особенности источников, роль и правовое положение профсоюзных организаций, условия и порядок заключения и регулирования трудового договора.

Например, в Великобритании под трудовыми отношениями понимаются промышленные отношения¹⁶, возникающие между объединениями работников, профсоюзов и руководством предприятий или компаний. Во Франции трудовые отношения подразумевают вовлечение государственных структур в процесс согласования интересов работников и работодателей. В Германии важная роль в становлении трудовых отношений отводится производственным советам, контролирующим взаимодействие работника и работодателя.

Европейская комиссия в Зеленой книге под названием «Модернизация трудового права с целью адаптации к вызовам XXI века»¹⁷ обозначила готовность выработать общеевропейское определение трудовых отношений. Однако последовала немедленная негативная реакция — рядом государств была высказана озабоченность в связи с перспективой расширения и изменения содержания трудовых отношений. В национальном законодательстве государств ЕС существует принципиально различное понимание трудовых отношений. В некоторых странах данное определение исчерпывающе, а в некоторых и вовсе отсутствует.

Говоря о наднациональном уровне, необходимо отметить определяющую роль Суда ЕС, как основного института по восполнению пробелов трудового законодательства Евросоюза.

Судом ЕС используется значительное количество критериев для выявления сути трудовых отношений. Среди них применяются такие, как — выполняется ли работа в целях личной выгоды (труд собственников), или это наемный труд, в каком временном отрезке, месте выполнения, каковы срок и продолжительность, условия работы, способ оплаты труда, предоставление отпуска, порядок увольнения.

Определение трудовых отношений на наднацио-

нальном уровне не существует вне статьи 45 Договора о функционировании ЕС¹⁸, регулирующей свободу передвижения работников с целью трудоустройства в другом государстве-члене ЕС.

В решениях¹⁹ Суда ЕС неоднократно указывалось, что понятие «работник» определяется в соответствии с правом ЕС, а не с национальным правом государств-членов. Интерпретация понятия «работник» на основании национальных понятий и ограничений недопустима. В противном случае, неизбежно появление различных толкований принципа свободного передвижения работников, возможности для их трудоустройства, гарантированного пакета прав в разных государствах ЕС, что воспрепятствует полноценному осуществлению данной свободы как одной из составляющих элементов внутреннего рынка ЕС²⁰.

Анализ основного массива нормативно-правовых актов вторичного права ЕС показывает, что, в частности, директивы институтов ЕС не содержат правового определения термина «трудовые отношения» и прямо оставляют на усмотрение государствам-членам фиксацию соответствующих требований²¹.

Национальному законодателю при трактовке содержания трудовых отношений следует учитывать мнение Суда ЕС, который определил, что «трудовые отношения строятся как на возмездных, так и безвозмездных началах, имеют длящийся характер, субъекты несут трудовые обязанности, работая на другое лицо и получая социальные гарантии»²².

В то время как Европейская комиссия настаивает на том, что единое понятие трудовых отношений на уровне ЕС необходимо, Суд ЕС постановил, что содержание трудовых отношений должно определяться самими государствами ЕС²³.

В свою очередь, государства-члены ограничены необходимостью соблюдать принцип «эффективности» права ЕС, суть которого сводится к приданию норм права ЕС практического эффекта, наилучшему достижению поставленных в Договоре о ЕС целях и задачах. Так, например, в деле № 385/05²⁴ Суд ЕС постановил, что государства-члены могут корректировать составляющие элементы трудовых отношений. Но всё же это не дает государствам права самостоятельно определять концепцию «работник» и выводить определенные категории работников из-под действия норм права ЕС о свободе передвижения лиц по своему усмотрению, (как например, сделала Франция, исключив труд молодых работников из-под действия норм учредительного договора). Государства ЕС должны уважать фундаментальные права, в том числе, в той части, где национальные правила подпадают под действие норм права Евросоюза. При определении содержания трудовых отношений национальный законодатель должен учитывать принципы недискриминации, равенства в реализации трудовых гарантий, эффективности применения норм права ЕС.

Однако не со всеми вышеупомянутыми аргументами можно согласиться.

В частности, на основании статьи 153 Договора о функционировании ЕС, Союз может лишь поддерживать и дополнять деятельность государств-членов в сфере трудового права и в связи с этим положением, не вправе вводить единое понятие трудовых отношений.

Вместе с тем, возникает вопрос, каким образом государства-члены, согласившись на передачу регулирования части вопросов трудового права на наднациональный уровень, позволив институтам Евросоюза вырабатывать и закреплять стандарты в трудовой сфере, будут препятствовать реализации этих достижений на практике?

Институты ЕС выбрали тактику поступательного движения к гармонизации трудовой сферы. Согласно пункту 2 статьи 153 Договора о функционировании ЕС Европейский парламент и Совет ЕС посредством директив могут устанавливать минимальные требования, вводимые в действие постепенно, с учетом имеющихся в каждом государстве-члене особенностей. Объем нормативных актов, регулирующих данную область, с каждым годом возрастает. Суд ЕС, в свою очередь, принимает все больше решений в пользу Союза, обязывая тем самым государства к более четкому и строгому следованию предписаниям норм права ЕС.

Согласно статье 4 Договора о функционировании ЕС (пункт 2) совместная компетенция Европейского Союза и государств-членов распространяется, в том числе, и на социальную политику применительно к аспектам, определенным в Договоре. В статье 9 этого же Договора подчеркивается, что при определении и осуществлении своей политики и деятельности Евросоюз должен учитывать потребности в содействии высокому уровню занятости, в обеспечении социальной защиты, в борьбе с социальной маргинализацией²⁵.

Таким образом, нормы трудового права ЕС образуют общую платформу для обеспечения целостного и однородного понимания трудовых аспектов, выходящих за рамки национального трудового законодательства.

Наряду с предметом трудовое право ЕС имеет также и метод правового регулирования — «средство познания исследуемой области, прием изучения реальной действительности и получения о ней объективных знаний»²⁶.

Методы права ЕС представляют собой «методы правового регулирования общественных отношений правом ЕС и методы познания, анализа действующего права ЕС, его отраслей, науки и учебной дисциплины»²⁷.

Метод трудового права ЕС можно охарактеризовать следующими признаками:

- наличие воли государств Евросоюза в проведении согласованной политики в социально-трудовой сфере;
- сочетание наднационального и национального регулирования общественных отношений, составляющих предмет трудового права ЕС.
- использование преимущественно гармонизации в качестве метода правового сближения посредством принятия директив;
- участие в регулировании общественных отно-

шений профсоюзных организаций;

- дифференциация правового регулирования труда, что выражается в наличии специальных норм, применяемых к отдельным категориям работников (занятых на вредных производствах, беременным женщинам, молодым людям);
- распространение правового регулирования на различные атипичные формы занятости с помощью применения флексикьюризации, т.е. гибкой защищенности трудовых прав.

Необходимо также отметить, что для каждой отрасли права свойственны определенные принципы. В общем виде принципы права определяются как «отправные, исходные, руководящие идеи, лежащие в основе права, выражающих его сущность»²⁸. Для совокупности норм, характеризующихся предметной обособленностью и составляющих определенное структурное подразделение системы права, присуще наличие соответствующих принципов.

Согласно части 3 статьи 6 Договора о ЕС в редакции Лиссабонского договора фундаментальные права, гарантированные Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и как они вытекают из общих для государств ЕС конституционных гарантий, составляют общие принципы права ЕС.

Принципы трудового права ЕС закреплены в актах первичного и вторичного права ЕС. Принципы определяют не только сущность, но и содержание правовых норм о труде. Для трудового права Евросоюза наиболее значимыми принципами являются принцип социальной справедливости, принцип равноправия, недискриминации, принцип равной оплаты за равный труд.

Важно также отметить и общепризнанные принципы международного трудового права. В частности, речь идет о Декларации Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизме ее реализации», принятой в 1998 году на 86-й сессии МОТ.

Следует также отметить, что трудовое право ЕС формировалось под воздействием национальных правовых систем государств-членов и одновременно само постепенно стало оказывать влияние на регулирование трудовой сферы государств Евросоюза.

Цели, задачи и функции трудового права ЕС направлены на решение таких актуальных проблем, как достижение социального мира, повышение качества жизни людей, обеспечение достойной заработной платы, благоприятных условий труда, предотвращение социального демпинга. Поставленные глобальные цели и задачи раскрываются в учредительных договорах ЕС. В Преамбуле Договора о ЕС (в редакции Лиссабонского договора) государства подтверждают свою приверженность основным социальным правам, закрепленным в Европейской социальной хартии 1961 г. и Хартии Сообщества об основных социальных правах работников 1989 г., заявляя о стремлении к содействию экономическому и социальному прогрессу своих народов. Согласно статье 3 (пункт 3) Договора Союз предпри-

нимает все необходимые меры по обеспечению конкурентоспособной социальной рыночной экономики, в рамках которой будет реализовываться полная занятость и социальный прогресс. Проведенная реформа Лиссабонским договором всего устройства Евросоюза положительно отразилась на развитии, в том числе, и трудового права ЕС. Так, Европейской комиссии предписывается более тщательная проработка механизмов использования Открытого метода координации по улучшению показателей занятости и условий труда (ст. 156 Договора о функционировании ЕС). Согласно статье 152 Договора на уровне ЕС признается и поощряется деятельность социальных партнеров. Трехсторонний социальный саммит проводится каждый год. Статья 48 Договора предписывает Европейскому парламенту и Совету принимать меры по социальному обеспечению прав работников-мигрантов.

При анализе свойств норм трудового права Евросоюза необходимо учитывать и черты, характерные для норм права ЕС в целом, как самостоятельной правовой системы, не идентичной ни национальному, ни международному правопорядкам.

Литература

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972.
2. Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: Учебное пособие. М.: Статут, 2013.
3. Введение в право Европейского Союза: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Кашкин С.Ю., Калининченко П.А., Четвериков А.О. — М.: Эксмо, 2010.
4. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. — М.: ИНФРА-М, 2008.
5. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
6. Клименко А.И., Структурные характеристики правовой идеологии. Монография. — М.: Издательство «Граница», 2015.
7. Малахов В.П. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов, И.А. Горшенёва, А.А. Иванов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
8. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2001.
9. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
10. Право Европейского Союза в 2 т. Т.1. Общая часть: учебник для бакалавров / С.Ю.

- Кашкин, — А.О. Четвериков; под ред. С.Ю.Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
11. Право Европейского Союза. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. С.Ю. Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
  12. Суд Европейских Сообществ. Избранные решения / отв. ред. Энтин Л.М. М.: НОРМА, 2001.
  13. Теория государства и права: учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012.
  14. Топорнин Б.Н. Европейское право. — М.: изд-во Юрист, 1998.
  15. Цвайгер К.Ю., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х томах. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998.
  16. Hartley Trevor, *The Foundations of European Community*. Oxford University Press, 2013.
-
- 1 См.: Hartley Trevor, *The Foundations of European Community*. Oxford University Press, 2013.
  - 2 Клименко А.И., Структурные характеристики правовой идеологии. Монография. — М.: Издательство «Граница», 2015. С. 136-137.
  - 3 Клименко А.И., Структурные характеристики правовой идеологии. Монография. — М.: Издательство «Граница», 2015. С. 153-154.
  - 4 Суду ЕС принадлежит особая роль в формировании и развитии права ЕС. Основное предназначение Суда ЕС - обеспечение единообразного толкования и соблюдения норм права ЕС (статья 19 Договора о ЕС). Именно в решениях Суда ЕС сформулированы и разъяснены принципы права ЕС, его концептуальные основы. В решении по делу Ван Генд (C-26/62 Van Gend en Loos v. Administratie der Belastingen [1963] ECR 3) указано, что «создав на неопределенный срок Сообщество, имеющее свои собственные институты, статус юридического лица, собственную правоспособность, международную правосубъектность и реальные полномочия, вытекающие из ограничения компетенции или передачи полномочий Сообществу, государства-члены ограничили в строго определенных областях свои суверенные права и тем самым создали совокупность правовых норм, обязывающих как лиц, находящихся под их юрисдикцией, так и их самих» // см.: Суд Европейских Сообществ. Избранные решения / отв. ред. Энтин Л.М. М.: НОРМА, 2001. С. 11-12.
  - 5 Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 69.
  - 6 Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: Учебное пособие. М.: Статут, 2013. С. 63.
  - 7 Право Европейского Союза в 2 т. Т.1. Общая часть: учебник для бакалавров / С.Ю. Кашкин, — А.О. Четвериков; под ред. С.Ю.Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 193.
  - 8 Топорнин Б.Н. Европейское право. - М.: изд-во Юрист, 1998. С. 19.
  - 9 Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. — М.: ИНФРА-М, 2008. С. 170.
  - 10 Малахов В.П. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов, И.А. Горшенёва, А.А. Иванов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 102.
  - 11 Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — С. 207.
  - 12 Право Европейского Союза. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. С.Ю. Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 188.
  - 13 Институты права представляют совокупность относительно обособленных юридических норм, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений внутри отрасли права. // Малахов В.П. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов, И.А. Горшенёва, А.А. Иванов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 104.
  - 14 Теория государства и права: учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012. - С. 317.
  - 15 Методология разделения правовых систем на виды предложена учеными Р. Давидом, К. Цвайгером, Ю.А. Тихомировым, М.Н. Марченко // Цвайгер К.Ю., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х томах. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998.
  - 16 Англ. яз. - Industrial relations.
  - 17 Green Paper on Modernizing Labor Law to Meet the Challenges of the XXI Century. Brussels. 22.11.2006 // Источник информации – Официальный вестник ЕС - COM (2006) 708.
  - 18 Раздел IV «Свободное передвижение лиц, услуг и капиталов», Глава 1 «Работники», статья 45 (бывшая статья 39 Договора о ЕС) Договора о функционировании ЕС.
  - 19 Решение Суда ЕС C-53/81 D.M. Levin v. Staatssecretaris van Justitie [1982] ECR 01035.
  - 20 Решение Суда ЕС C-207/78 Criminal proceedings v. Gilbert Even and Office national des pensions pour travailleurs salariés (ONPTS) [1979] ECR 02019.
  - 21 Например, положения Директив Европейского парламента и Совета ЕС № 96/34 о родительских отпусках, № 97/81 о частичной занятости, № 99/70 о срочных контрактах, № 96/71 о командировании работников в другое государство ЕС для оказания услуг.
  - 22 Решение Суда ЕС по делу C-228/07 Jörn Petersen v. Landesgeschäftsstelle des Arbeitsmarktservice Niederösterreich [2008] ECR 0000; Athanasios Vatsouras (Решение Суда ЕС по делу C-22/08) and Josif Koupatantze (Решение Суда ЕС по делу C-23/08) v. Arbeitsgemeinschaft (ARGE) Nürnberg 900 [2008] ECR 06989.
  - 23 Решение Суда ЕС по делу C-385/05 Confédération Générale du Travail (CGT) and Others v. Premier Ministre and Ministre de l'Emploi, de la Cohésion Sociale et du Logement [2007] ECR 00611.
  - 24 Решение Суда ЕС по делу C-385/05 Confédération Générale du Travail (CGT) and Others v. Premier Ministre and Ministre de l'Emploi, de la Cohésion Sociale et du Logement [2007] ECR 00611.
  - 25 Раздел II «Положения общего применения», статья 9 Договора о функционировании ЕС.
  - 26 Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2001. С. 15.
  - 27 Введение в право Европейского Союза: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Кашкин С.Ю., Калининченко П.А., Четвериков А.О. — М.: Эксмо, 2010. С. 82.
  - 28 Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т.1. Свердловск, 1972. С. 105.

УДК: 341
ББК: 67.412.1

**ОРГАНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ
И АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ:
ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО
УГОЛОВНОГО СУДА**

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ МОРГУН,

*адъюнкт кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,*

E-mail: dmorghun@mail.ru

*Научный руководитель: заместитель начальника кафедры прав человека
и международного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент С.А. Грицаев*

E-mail: sgritsaev@yandex.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены некоторые проблемы сотрудничества и взаимодействия органов международной уголовной юстиции и Африканского союза на примере деятельности Международного уголовного суда.

Ключевые слова: международное уголовное право, международное уголовное правосудие, международная уголовная юстиция, Международный уголовный суд, сотрудничество органов международной уголовной юстиции.

Annotation. The article considers some problems of cooperation and interaction of the organs of international criminal justice and the African Union on the example of the International Criminal Court.

Keywords: international criminal law, international criminal justice, the International Criminal Court, cooperation of international criminal justice.

Рассматривая вопрос о механизмах сотрудничества органов международной уголовной юстиции (далее — ОМУЮ)¹ с международными региональными организациями в науке международного права, следует уделить особое внимание такой крупной и значимой организации как Африканский Союз (далее — АС), который серьезно влияет на эффективность работы как трибуналов ad hoc, так и постоянно действующего Международного уголовного суда² (далее — МУС или Суд).

Государства африканского континента в большинстве своем также, как и государства-члены Европейского союза, по крайней мере декларативно, являются активными сторонниками МУС. Думается, это связа-

но с тем, что Африка в настоящее время представляет собой самый нестабильный с точки зрения международного мира и безопасности континент, на котором идут непрекращающиеся вооруженные конфликты. С другой стороны — это континент, на котором только начинается строиться демократия в ее самом широком понимании и реализовываться проекты по защите прав и свобод человека с акцентом на самые уязвимые категории населения — дети и женщины. В этой связи правительства африканских стран, региональные органы и гражданское общество еще на этапе создания МУС выражали свою приверженность и поддержку этому процессу: «Мы подтверждаем наше участие в учреждении Международного уголовного суда и под-

черкиваем важность роли этого Суда для Африки и международного сообщества в целом» (преамбула Даркарской декларации по учреждению МУС от 6 февраля 1998 г.)³.

В настоящее время 35 государств Африки являются участниками Статута МУС⁴, делая Африку наиболее представленной в Ассамблее государств-участников Суда. Судьями первого состава Суда явились трое представителей африканского континента, в настоящее время в судейский состав входят⁵ представителей из Африки⁵. С 2012 г. пост Прокурора МУС занимает бывший министр юстиции Гамбии Фату Бенсуда.

Кроме того, МУС стремится налаживать правовые взаимоотношения с Африканским Союзом. Так, в мае 2005 г. был подготовлен проект соглашения о взаимоотношениях между Судом и АС, который до сих пор сторонами не подписан. Одна из основных целей проекта соглашения состоит в обеспечении регионального участия и сотрудничества в текущих расследованиях⁶. Это особенно актуально с учетом того, что восемь ситуаций из девяти, рассматриваемых Судом, напрямую связаны с африканским континентом: Демократическая Республика Конго (ICC-01/04); Уганда (ICC-02/04); Центральная Африканская Республика (ICC-01/05); Судан (ICC-02/05); Кения (ICC-01/09), Центральная Африканская Республика II (ICC-01/14), Кот-д'Ивуар (ICC-02/11) и Мали (ICC-01/12)⁷.

Вместе с тем, несмотря на сотрудничество МУС и АС по вопросам установления международного правосудия и, несмотря на активную поддержку деятельности Суда со стороны государств африканского региона, именно с данной международной региональной организацией в последние годы у Суда имеются «конфликтные» ситуации, потенциально угрожающие выходу государств африканского континента из Римского статута 1998 г. Начало периода «непонимания» между сторонами было положено в 2009 г., когда по итогам проведенного расследования Палата предварительного расследования МУС выдала ордер на арест президента Судана Омара аль-Башира, выдвинув в его отношении обвинения в совершении военных преступлений и преступлениях против человечности, произошедших в западной суданской провинции Дарфур, где семь лет продолжались межэтнические столкновения⁸. Позже, 12 июля 2010 г. к этим обвинениям добавился пункт о геноциде⁹.

Власти Судана отказались исполнять выданный ордер, мотивируя свое решение тем, что Судан не является участником Статута МУС, а посол Судана в России Сираджуддин Хамид Юсеф заявил, что Суд «на деле доказал, что является механизмом колонизации и

работает для реализации колонизаторских стремлений западных стран... доказательством этого служит тот факт, что МУС нацелился на слабые страны, в частности африканские, при этом отворачиваясь от преступлений, которые совершают сильные государства, такие как США и Израиль, против развивающихся стран»¹⁰ (официальная пресс-конференция в Москве).

Решительные действия Суда вызвали неодобрительную реакцию властей Судана, которые отозвали лицензии на деятельность у десяти международных гуманитарных организаций, работающих в Дарфуре¹¹, в том числе таких организаций, как «Врачи без границ», «Корпус милосердия», «Солидарность» и Oxfam¹². По данным ООН, запрещенные в Судане организации были основными поставщиками жизненно важных гуманитарных товаров и услуг: продовольствия, воды, медикаментов, предметов гигиены. По утверждению суданских властей, международные НПО вели деятельность, несовместимую с их статусом, в том числе, помогали МУС «фабриковать обвинения против руководства страны», включая президента Омара аль-Башира. Вместо международных НПО, которые помогали миллионам суданцев, было принято решение об активизации работы суданских благотворительных организаций (Фонд мира «Аль-Мааридж», благотворительная организация «Аз-Зубейр», «Исламское агентство по спасению» и др.)¹³.

Решение, вынесенное МУС по обвинению президента Судана, вызвало острую критику не только со стороны Африканского союза, но и многих международных организаций. Так, к «протестам» Африканского союза присоединились Лига арабских государств, Организация Исламская конференция, которые не только осудили действия Прокурора МУС Луиса Морено-Окампо «за попытку создать опасный прецедент в системе международных отношений», но и предсказали ухудшение обстановки в Судане и в регионе в целом.

Отметим, что свою официальную позицию АС выразил в июле 2009 г.¹⁴ и подтвердил в резолюции, принятой по итогам саммита АС в г. Кампале 27 июля 2010 г., согласно которой Африканский союз не будет сотрудничать с МУС по вопросам ареста и преследования президента Судана О. аль-Башира и будет оказывать противодействие возможным попыткам МУС привести свой вердикт в действие¹⁵. Одновременно саммит призвал страны-участники Римского статута «выбрать необходимый баланс для выполнения своих обязательств в рамках АС с обязательствами перед МУС».

Подтверждая единство африканского континента в разрешении возникшей правовой ситуации, президент

Судана после выдачи ордера на арест, не опасаясь за то, что может быть выдан МУС, посетил с официальными визитами ряд государств региона: Египет, Ливию, Эритрею, Зимбабве, Эфиопию, Чад, а также совершил выезды в Саудовскую Аравию и Катар. Особому осуждению со стороны ЕС и международных организаций подвергся визит О. аль-Башира 27 августа 2010 г. в Кению в качестве гостя по случаю принятия новой конституции Кении. В день визита Высокий представитель по международным делам и политике безопасности ЕС Кэтрин Эштон призвала кенийские власти выполнить свои обязательства как участника Статута МУС и члена ООН и арестовать с последующей передачей Суду О. аль-Башира¹⁶. Однако никаких правовых шагов со стороны принимающей стороны в адрес президента Судана предпринято не было. Как заявил руководитель Коалиции по МУС У.Р. Пейс: «Отказ кенийских властей от ареста аль-Башира представляет собой серьезное нарушение не только международных обязательств по Статуту МУС и Уставу ООН, но и в рамках своего национального законодательства, в том числе в рамках новой конституции Кении, которая признает прямое применение международного права»¹⁷. Вместе с тем, когда 14 июня 2015 г. Омар аль-Башир посетил саммит Африканского союза в Йоханнесбурге (ЮАР) и Международный уголовный суд потребовал от правительства ЮАР арестовать и выдать президента Судана, судья Высокого суда Претории Ханс Фабрициус постановил, что суданский лидер не должен покидать территорию ЮАР до окончательного решения по этому вопросу. При этом, в то же самое время база миротворцев ЮАР в штате Северный Дарфур была окружена значительно превосходящими силами армии Судана. Однако Омар аль-Башир покинул ЮАР после первого рабочего дня саммита и вернулся в Судан, а ситуация вокруг базы миротворцев нормализовалась¹⁸.

Недовольство государств-членов Африканского союза деятельностью МУС было ввиду и из-за возбужденных уголовных дел в Суде по ситуации в Кении в отношении новоизбранных лидеров этой страны: президента Ухуру Кеньяты и вице-президента Самуэля Руту, проходящих среди других лиц в качестве обвиняемых в преступлениях против человечности, совершенных на территории Кении в 2007-2008 гг.¹⁹. Дела в отношении данных лиц были возбуждены в 2011 г.²⁰, что побудило государства африканского континента принимать ряд шагов для поиска контактов с Судом с целями передачи данных дел на рассмотрение в национальных судах Кении. Такое решение было принято на саммите Африканского союза в мае 2013 г. и реализовано путем обращения к Президенту МУС с

указанной просьбой. Однако судебные процессы, начатые в рамках реализации МУС своей юрисдикции приостановлены не были, что побудило лидеров отдельных африканских государств проводить в своих странах процессуальные процедуры, позволяющие инициировать выход из МУС²¹, а также делать заявления о превращении Суда в «механизм расовой охоты, а не борьбы с безнаказанностью»²². Такие отношения вызывают серьезную обеспокоенность в Суде, в связи с чем в своих выступлениях Президент МУС часто подчеркивает, что «все решения в Суде принимаются на основе закона и имеющихся доказательств, не затрагивая какие-либо региональные и этнические мотивы»²³.

В этой связи уместно вспомнить заявления бывшего Секретаря ООН Кофи Аннана на обзорной конференции по Римскому Статуту МУС, прошедшей в Кампале (31 мая — 11 июня 2010 г.), необходимо гордиться тем вкладом, который внес африканский континент в дело МУС, Африка хочет и должна продолжать оказывать поддержку Суду²⁴. В этой связи заявления АС о нежелании сотрудничать с МУС не отражают реальной позиции Африки по данному вопросу, поскольку, как отметил К. Аннан, «когда он встречает африканцев из всех слоев общества, они требуют правосудия не только от их собственных судов, но и от международных судов, если достойной альтернативы внутри государства не существует»²⁵. Справедливо в данном контексте и заявление Прокурора МУС Фату Бенсуды, отмечающей, что «ради объективности следует понимать, что большинство ситуаций, рассматриваемых в Суде, — это результаты конфликтов на территории африканского континента, жертвами этих преступлений являются африканцы, которые заслуживают справедливое расследование и наказание виновных лиц»²⁶.

На сегодняшний день ситуация вокруг взаимодействия МУС и АС не улучшилась, даже несмотря на то, что в декабре 2014 г. с президента Кении Ухуру Кениаты были сняты обвинения в совершении преступлений против человечности, поскольку «предъявленных доказательств оказалось недостаточно для подтверждения уголовной ответственности Кениаты»²⁷. Отметим, что в августе 2015 г. ситуация с рассмотрением дела в отношении действующего президента Кении вновь стало актуальным, поскольку Апелляционная палата МУС потребовала от судей, участвовавших в рассмотрении дела президента Кении Ухуру Кениаты, пересмотреть вынесенное ранее решение снять с президента обвинения в преступлениях против человечности из-за обнаружения дополнительных, не приобщенных к делу документов²⁸.

Наличие конфликтной ситуации и наступления периода непонимания между двумя международными организациями — АС и МУС вновь порождает угрозы эффективности функционирования последнего. Связано это, в первую очередь, с тем, что не исключается опасность выхода государств-членов Африканского союза из Римского статута МУС 1998 г., остается крайне важным вопрос о сотрудничестве этих государств с Судом в рамках возбужденных уголовных дел и потенциальном возбуждении уголовных дел на африканском континенте ввиду нестабильности региона и опасности совершения серьезных преступлений, угрожающих международному миру и безопасности.

Таким образом, проведенный анализ в настоящей статье позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на продолжающиеся конфликты в Африке и сопровождающие их международные преступления, а также безнаказанность за их совершение, и как следствие, крайнюю заинтересованность африканцев из всех слоев общества, которые требуют правосудия не только от их собственных судов, но и от ОМУЮ, если достойной альтернативы внутри государств не существует, региональные африканские межправительственные организации (например, АС) зачастую крайне неохотно сотрудничают с ОМУЮ по вопросу установления международной уголовной ответственности в отношении виновных физических лиц, а то и вовсе блокируют их работу и/или критикуют.

1 В доктрине международного права сложилась также иная концепция систематизации указанных органов — органы международного уголовного правосудия. См. подробнее: Грицаев С.А. Система международного уголовного правосудия // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. Москва, 12-13 апреля 2013 г. — Москва: РУДН, 2014. Ч. 2. С. 230-241. Вместе с тем, в настоящей работе будем придерживаться обозначенной терминологии.

2 По вопросу о необходимости сотрудничества и взаимодействия в целях эффективности деятельности органов международной уголовной юстиции с другими субъектами международного права в силу определенных принципов учреждения и функционирования первых (на примере МУС) см. подробнее: Грицаев С.А. Концепция дополнительной юрисдикции Международного уголовного суда по отношению к национальным системам уголовной юстиции // Государство и право. № 11. 2007. С. 64-70. О необходимости взаимодействия международного и внутригосударственного права в целом см.: Надежин Н.Н. Взаимодействие и соответствие международного и национального права в условиях глобализации // Закон и право. № 10. 2008. С. 28-30.

3 Дакарская декларация по учреждению МУС в 1998

г. от 06 февраля 1998 г. // www.hrights.ru. (дата обращения: 15.05.2016).

4 Римский статут Международного уголовного суда в настоящее время ратифицирован 124 государствами и подписан 139 (по состоянию на 17 июня 2016 г.) // Coalition for the International Criminal Court. URL: <http://www.iccnw.org/> (дата обращения: 17.06.2016).

5 МУС на сайте ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: www.un.org. (дата обращения: 15.05.2016).

6 The ICC and the African Union // Coalition for the International Criminal Court (CICC). URL: www.iccnw.org. (дата обращения: 15.05.2016).

7 См. подробнее: Situations and Cases // International Criminal Court. URL: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/situations/Pages/situations%20index.aspx (дата обращения: 15.05.2016).

8 Война между африканским населением и арабскими проправительственными группировками в Дарфуре, мятежной провинции Судана, началась в феврале 2003 года. Повстанцы добиваются независимости для Дарфура. В ходе многолетнего вооруженного конфликта погибли до 300 тыс. человек, 2,7 млн стали беженцами. По официальным же данным властей Судана, жертвами гражданской войны стали не более 10 тыс. жителей. В настоящее время ситуацию пытаются урегулировать путем переговоров, которые, к сожалению, мирных результатов пока не приносят. Как справедливо отметил ЕС в своей резолюции по Судану от 22 мая 2008 г. «с 2003 года ситуация по-прежнему идет по нисходящей спирали, поскольку продолжаются неизбежные воздушные нападения на гражданских лиц и гражданские объекты... продолжаются значительные столкновения между повстанческими движениями и правительственными силами, влияющие на ход гуманитарных операций и приводящие к очередным человеческим жертвам и разрушениям». European Parliament resolution of 22 May 2008 on Sudan and the International Criminal Court (ICC) // www.europarl.europa.eu. (дата обращения: 15.05.2016).

9 ICC-02/05-01/09. Case The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir // <http://www.icc-cpi.int/Menus/ICC/Situations+and+Cases>; European Parliament resolution on Kenya: failure to arrest Sudan's President Omar Al-Bashir // www.europarl.europa.eu. (дата обращения: 15.05.2016).

10 Власти Судана отвергли решение МУС об аресте аль-Башира // www.vz.ru. (дата обращения: 15.05.2016).

11 Еврокомиссия призвала Судан не запрещать деятельность гуманитарных организаций // www.izvestia.ru. (дата обращения: 15.05.2016).

12 Sudan Ousts Aid Groups After Court Pursues President — The Washington Post, 05.03.2009 // www.washingtonpost.com. (дата обращения: 15.05.2016).

13 Судан нашел замену выдворенным из страны международным НПО // www.rian.ru. (дата обращения: 15.05.2016).

14 3 июля 2009 г. на 13-ой сессии Ассамблеи Африканского Союза в г. Сирте было принято решение, согласно которому «государства-члены АС не должны сотрудничать в соответствии с положениями ст. 98 Римского Устава МУС, касающегося неприкосновенности, для ареста и выдачи президента Судана О.

аль-Башира». См. подробнее: European Parliament resolution on Kenya: failure to arrest Sudan's President Omar Al-Bashir // www.europarl.europa.eu. (дата обращения: 15.05.2016).

15 См. подробнее: А.А. Быстров. Итоги саммита Африканского Союза по Судану. Институт Ближневостока // www.iimes.ru. (дата обращения: 15.05.2016).

16 Кения, также как и 31 африканское государство, является участником Римского статута, который налагает на них обязательства арестовывать любых лиц, разыскиваемых МУС, и доставлять их в Суд (или отказать такому лицу в допуске на свою территорию). Кроме того, Кения является членом ООН, поэтому должна неуклонно соблюдать резолюции совета Безопасности ООН, в частности, резолюцию 1593 (2005), в которой Совет Безопасности ООН настоятельно призывает все государства и соответствующие региональные и другие международные организации в полной мере сотрудничать с МУС.

17 Pressrelease // www.iccnw.org. (дата обращения: 15.05.2016).

18 Миротворцы ЮАР были заложниками армии Судана, пока Омар аль-Башир находился на саммите АС // Подробнее на ТАСС: URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2046914> (дата обращения: 17.06.2016).

19 В конце 2007 года в Кении, в результате разногласий по поводу результатов национальных выборов, вспыхнули массовые протесты, переросшие в акты насилия. Офис Обвинителя МУС возбудил уголовное дело по фактам совершения в Кении преступлений. В марте 2011 года судьям было передано дело с уликами, свидетельскими показаниями, видеоматериалами и документами, доказывающими причастность к преступлениям шести подозреваемых. Среди них — заместитель премьер-министра Кении и министр финансов Ухуру Кеньятта, министр высшего образования, науки и технологий Самуэль Руто, министр промышленности Генри Кипроно Косгей, директор одной из радиостанций Джошуа Сэнга, руководитель секретариата кабинета министров Франсис Кирими Мутаура и бывший начальник полиции Мохаммед Хусейн Али. Судьи согласились с доводами обвинения о том, что акты насилия в 2007 -2008 годах были заранее спланированы и организованы членами организации, которую возглавлял министр Самуэль Руто. Суд определил круг лиц, которые должны предстать перед правосудием. Прокурор подчеркнул, что другой важный аспект этого решения состоит в том, что судьи признали, что совершенные деяния в Кении необходимо квалифицировать как преступления против человечности. См. подробнее: Прокурор МУС при-

звала власти Кении активизировать работу над уголовными делами о беспорядках после президентских выборов // Центр новостей ООН. 25.10.2012. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=18507#.VgcLa5dSJRw> (дата обращения: 15.05.2016).

20 Кенията, а также вице-президент страны Уильям Руто и нескольких других кенийских политиков обвинялись МУС в совершении преступлений против человечности во время политического кризиса в этой стране в 2007–2008 гг. С 2002 по 2007 год Кенията являлся лидером оппозиции и участвовал в президентских выборах 2007 года, однако потерпел поражение, после чего, по версии прокуроров МУС, он развернул в стране кампанию насилия, жертвами которой стали около 1,5 тысячи человек.

21 Парламент Кении проголосовал за внесение на рассмотрение правительства предложения о выходе из состава Международного уголовного суда (МУС) // Российское агентство правовой и судебной информации. 05.09.2013. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20130905/268763784.html#ixzz3msqxCceX (дата обращения: 15.05.2016).

22 African leaders accuse ICC of 'race hunt' // Al Jazeera Media Network. URL: <http://www.aljazeera.com/news/africa/2013/05/20135272231270466.html%22%20class=%22toolbar-link> (дата обращения: 15.05.2016).

23 The International Criminal Court's Africa problem // Al Jazeera Media Network. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/06/201369851918549.html> (дата обращения: 15.05.2016).

24 Review Conference of the Rome Statute opened in Kampala // www.icc-cpi.int. (дата обращения: 15.05.2016).

25 Там же.

26 Прокурор МУС призвала власти Кении активизировать работу над уголовным делом о беспорядках после президентских выборов // Центр новостей ООН. 25.10.2012. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=18507#.VgcLa5dSJRw> (дата обращения: 15.05.2016).

27 Международный уголовный суд снял обвинения с президента Кении // Российское агентство правовой и судебной информации. 04.12.2014. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20141205/272721210.html (дата обращения: 15.05.2016).

28 Решение МУС по делу президента Кении будет рассмотрено из-за новых документов // Российское агентство правовой и судебной информации. 19.08.2015. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20150819/274437593.html#ixzz3msz5oiLe (дата обращения: 15.05.2016).

УДК: 347
ББК: 67.93

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК

ВЯЧЕСЛАВ ИЛЬИЧ ФЕДУЛОВ,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека
и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: Moslava@inbox.ru;

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИВАНОВА,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования внешнеэкономических сделок в современном международном частном и внутригосударственном праве. Предметно осуществлено исследование терминологии в праве внешнеэкономических сделок и коллизии правового регулирования.

Ключевые слова: внешнеэкономическая сделка, международный договор, международная коммерческая сделка, международный торговый договор, сделка международного характера.

Annotation. In article urgent problems of legal regulation of the external economic transactions in a modern international private and internal law are considered. The terminology research in the right of the external economic transactions and a collision of legal regulation is in detail performed.

Keywords: external economic transaction, international treaty, international commercial transaction, international trade agreement, transaction of the international nature.

Вторая половина прошлого столетия отмечена усилением внешнеэкономических связей субъектов предпринимательской деятельности, что нашло свое отражение не только в увеличении товарооборота между государствами, но и развитии новых форм внешнеэкономического сотрудничества. В орбиту внешнеэкономических связей постепенно стали включать не только внешнеторговый обмен, но и научно-технические связи, кредитно-финансовую и международную инвестиционную деятельность, производственную кооперацию, а также иные виды сотрудничества государств и частно-правовых субъектов.

Развитие внешнеэкономических связей, в свою очередь, повлияло на формирование надлежащей юридической формы внешнеэкономической деятельности. Сегодня она представлена комплексной системой источников правового регулирования как на внутригосударственном, так и международном уровнях.

На межгосударственном уровне в конце XX начале XI века особую значимость стали приобретать международные договоры предметом регулирования которых стали частно-правовые отношения. В част-

ности, Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г.¹; Нью-Йоркская конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров от 14 июня 1974 г.²; Конвенция о единообразном законе о переводном и простом векселе от 7 июня 1930 г.³; Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г. (Киевское соглашение)⁴ и др.

Вместе с тем, не стоит забывать и о «классических» международных договорах публичного характера предметом которых выступают межгосударственные публично-властные отношения, поскольку они опосредованно также выступают в качестве источника регулирования внешнеэкономической деятельности. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. содержит определение договора под которым понимается «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой

документах, а также независимо от его конкретного наименования»⁵.

Содержащееся в конвенции определение международного договора не позволяет осуществить разграничение договоров предметом которых выступают публичные и частно-правовые отношения. Вместе с тем, этот аспект имеет важное значение для сферы регулирования внешнеэкономических сделок, поскольку частно-правовые субъекты зачастую допускают ошибки ссылаясь на международные договоры предметом регулирования которых выступают исключительно публичные межгосударственные отношения.

Начиная с римского права для более эффективного изучения правовых явлений с научной точки зрения внутригосударственное право, или национальную систему права, стали делить на право публичное и частное. Такое же деление, с точки зрения науки, происходит и в международном праве. В этой связи, современное международное право как система представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих международные отношения публичного и частного характера.

Международное публичное право, как составная и неотъемлемая часть системы международного права, может быть определено как совокупность норм, регулирующих международные публичные отношения (отношения властного характера)⁶.

Международное частное право, как такая же составная и неотъемлемая часть системы международного права, может быть определено как совокупность норм, регулирующих международные частные отношения (не властного характера)⁷.

Международный договор предметом которого выступают публичные правоотношения, представляет собой «согласованное волеизъявление» государств и иных субъектов международного права к которым можно отнести международные межправительственные организации, нации и народы, борющиеся за свою независимость, а также государственно-подобные образования. Заключение такого международного договора осуществляется в строгом соответствии с действующими международными нормами с соблюдением установленного порядка выражения согласия на его обязательность (в форме подписания, ратификации, присоединения, утверждения) регистрацией и передачей на хранение депозитарию.

Международно-правовой основой заключения таких договоров выступает Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г.

В соответствии со статьей 3 Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., закреплена сфера применения конвенции исключительно к международным соглашениям между государствами. Вместе с тем, обращает на себя внимание и тот факт, что вышеуказанный международный договор не

затрагивает юридической силы иных международных соглашений и допускает возможность применения к ним любых норм, изложенных в настоящем договоре под действие которых они попадали бы в силу международного права.

Таким образом, международный договор публичного характера действия, регулирует правоотношения исключительно между субъектами международного права, порождая права и обязанности непосредственно для них.

Международные договоры предметом регулирования которых выступают частно-правовые отношения, по нашему мнению, обладают всеми признаками международного договора, но при этом могут действовать и в отношении третьих лиц, порождая у них соответствующие права и обязанности. При выражении согласия государствами на обязательность таких международных соглашений они автоматически становятся обязательными и для частно-правовых субъектов (физических и юридических лиц) в силу положения п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Например, Варшавская конвенция для унификации некоторых правил касающихся международных воздушных перевозок от 12 октября 1929 г.⁸ не закрепляет каких-либо обязательств государств по соблюдению положений настоящего договора. Вместе с тем, конвенция закрепляет права и обязанности частно-правовых субъектов коммерческой воздушной перевозки (пассажира, перевозчика, отправителя груза, получателя груза).

Внешнеэкономические сделки попадают под сферу регулирования международных договоров частного-правового характера действия, поскольку их трансграничный характер не позволяет использовать в целях регулирования право только одного государства, а предмет соглашения и субъектный состав, никак не связаны с публичными правоотношениями.

К сожалению, в законодательстве Российской Федерации и в международных соглашениях отсутствует легальное определение внешнеэкономической сделки, что порождает определенные сложности с нормативным регулированием и правоприменительной практикой. Именно поэтому выявление содержания внешнеэкономической сделки переносится в доктрину международного частного права.

В научном плане зачастую отождествляются понятия внешнеэкономическая сделка и договор, внешнеэкономическая сделка и внешнеторговая сделка, международный коммерческий договор или международная коммерческая сделка.

Для квалификации внешнеэкономической сделки принципиальное значение имеют соответствующие ее признаки. По нашему мнению, можно выделить следующие ключевые признаки.

Во-первых, критерием отнесения сделки к внешнеэкономической выступают различная национальная или государственная принадлежность контрагентов. Например, Г.К. Дмитриева приходит к выводу, что термин «внешнеэкономическая сделка» является равнозначным предложенному ею термину «международная коммерческая сделка». На основе анализа международно-правовых актов делается заключение о том, что сделка будет внешнеэкономической (международной), если она совершена между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся на территории разных государств. К международным коммерческим сделкам (или к внешнеэкономическим сделкам) можно отнести сделки, опосредующие предпринимательскую деятельность в сфере международных экономических отношений и совершаемые между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся на территории разных государств⁹.

Лунц Л.А., Марышева Н.И., Садиков О.Н., в свою очередь, под внешнеэкономической сделкой понимают сделки (соглашения, договоры, контракты), в которых хотя бы одна из сторон является иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом и содержанием которых являются операции по ввозу из-за границы товаров или по вывозу товаров за границу либо какие-нибудь иные операции, связанные с вывозом или ввозом товаров (поставка товара, наем имущества, оказание услуг внешнеторгового характера)¹⁰.

Согласно п. 1 статьи 1 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года¹¹ закреплено, что «настоящая Конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах: а) когда эти государства являются Договаривающимися государствами; или б) когда, согласно нормам международного частного права, применимо право Договаривающегося государства».

Данное положение конвенции позволяет, по нашему мнению сделать вывод о том, что наличие коммерческих предприятий контрагентов на территории различных государств еще не является достаточным для того, чтобы считать сделку внешнеэкономической, поскольку требуется «признание» ее в качестве таковой со стороны государств, посредством подписания или ратификации соответствующего международного соглашения, либо закрепления в национальном праве коллизионной нормы, отсылающей к праву иностранного государства, участвующего в этом международном соглашении.

На основе вышеизложенного, можно говорить о том, что контрагенты находящиеся на территории государств, не участвующих в соответствующем международном договоре, не могут заключить между собой внешнеэкономическую сделку, поскольку она не признается таковой со стороны этих государств. Речь скорее может идти о сделке с иностранным элементом, или торговой сделке, подпадающей под сферу регулирования национального права того или иного государства.

В частности, по мнению Г.К. Дмитриевой термин «внешнеэкономическая сделка» выражает позицию одного государства: участие России, ее граждан и юридических лиц в международном экономическом сотрудничестве является их внешнеэкономической деятельностью... Та же деятельность с позиции двух или более государств будет международной хозяйственной деятельностью, а сделки, ее опосредующие, будут международными коммерческими сделками¹².

Достаточно интересной является и позиция Л.А. Ануфриевой, которая применительно к сделкам использует такую новую категорию в международном частном праве, как сделка международного характера. По ее мнению, наиболее оправданным в настоящее время представляется оперировать понятием «сделка международного характера» как общей категории, в рамках которой могут существовать различные виды сделок: внешнеэкономические сделки, внешнеторговые сделки, международные коммерческие сделки, международные некоммерческие сделки.

Анализ правоприменительной практики судебных органов на территории Российской Федерации, также позволяет сделать вывод о том, что критерий места нахождения предприятий контрагентов на территории различных государств обязательно должен быть увязан с наличием международного договора, который имеет обязательный характер для Российской Федерации.

Так, в соответствии с Обзором судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Далее ВАС РФ) № 29 от 16 февраля 1998 г. Президиумом ВАС РФ было разъяснено, что при разрешении спора, вытекающего из внешнеэкономической сделки, регулируемой по соглашению сторон российским правом, но отношения по которой подпадают под действие международного договора, участником которого является Российская Федерация, арбитражный суд руководствуется п. 4 ст. 15 Конституции РФ (статья 7 Гражданского кодекса Российской Федерации) нормами международного договора. При разрешении спора по существу суд учитывает такие обстоятельства, как: характер сделки, если сделка совершена между участниками, предприятия которых находятся в разных государствах, то ее можно охарактеризовать как внешнеэкономическую; право, выбираемое сторонами по сделке; обязательность применения п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, если государство является участником соответствующего международного соглашения, а также учитывается возможность применения российского законодательства, если спорные вопросы не урегулированы международным договором¹³.

Во-вторых, внешнеэкономическая сделка характеризуется тем, что при ее совершении имеет место пересечение товаром или услугой, являющихся предметом сделки, государственной границы. По нашему мнению, речь идет в основном о внешнеэкономиче-

ских операциях подразделяемых на импорт и экспорт.

Нормативное закрепление экспортно-импортных операций на территории Российской Федерации осуществлено в Федеральном законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (Далее Закон)¹⁴.

Экспортно-импортные операции в отношении товаров и услуг, в соответствии с п. 4 ст. 2 вышеназванного Закона, подпадают под «внешнеторговую деятельность», предусматривающую осуществление сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. Импорт товара рассматривается как ввоз товара в Российскую Федерацию без обязательств об обратном вывозе (п. 10, ст. 2 Закона). Экспорт товара представляет собой вывоз товара с территории Российской Федерации без обязательств об обратном ввозе (п. 28, ст. 2 Закона).

При анализе предмета внешнеэкономической сделки следует обратить особое внимание на положение ст. 14 Закона, предусматривающей заключение международных торговых договоров и иных договоров Российской Федерации в области внешнеэкономических связей.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 Закона вносимые другими федеральными органами исполнительной власти предложения о заключении международных договоров Российской Федерации, затрагивающих вопросы внешнеэкономических связей, согласовываются с федеральным органом исполнительной власти, а именно, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России).

Упоминание в Законе «международных торговых договоров» и «внешнеэкономических связей» является не случайным, поскольку указывает на межгосударственный или публичный характер отношений в системе национального права по регулированию внешнеторговой деятельности». Системный анализ внешнеторговой деятельности позволяет говорить о том, что она является составной частью внешнеэкономической деятельности. Подтверждением тому можно найти в статье 1 Федерального закона «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ, согласно которой под «внешнеэкономической деятельностью» понимается внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них)¹⁵.

Таким образом, правовое регулирование внешнеэкономических сделок относится к сфере международного частного права, и осуществляется посредством норм международного и внутригосударственного права в сфере международных экономических отношений опосредующих предпринимательскую деятельность субъектов коммерческие предприятия которых находятся на территории различных государств.

1. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС . N 1. 1994.
2. Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров от 14 июня 1974 г. // Вестник ВАС РФ. № 9. 1993.
3. Конвенция о единообразном законе о переводном и простом векселе от 07 июня 1930 г. // Собрание Законов, 1937. Отд. II. № 18. Ст. 108.
4. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». № 4. 1992.
5. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLII. 1988.
6. См.: Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 25-27.
7. См.: Там же. С. 27-28.
8. Сборник действующих международных договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII. М., 1935 г. С. 326-339.
9. Международное частное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Г.К. Дмитриева и др.: Отв. Ред. Г.К. Дмитриева. 2004. С. 363-364.
10. Лунц Л.А., Марышева Н.И., Садиков О.Н. Международное частное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1984. С. 131.
11. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС . N 1. 1994.
12. Международное частное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Г.К. Дмитриева и др.: Отв. Ред. Г.К. Дмитриева. 2004. С. 336.
13. Электронный ресурс: «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» /www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/3022.html (Дата обращения: 22.12.2015 г.).
14. ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 08.12.2003 г. // Собрание законодательства РФ от 15 декабря 2003 г. № 50. Ст. 4850.
15. ФЗ «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. // Российская газета от 29 июля 1999. № 146.

УДК 351.75
ББК 67

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДЖАМИЛЯ РАШИДОВНА БАЛАЕВА,
адъюнкт Академия управления МВД России
E-mail: rashidovna_dj@mail.ru

*Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации А.М. Кононов
Научная специальность 12.00.11 — судебная власть, прокурорский надзор,
организация правоохранительной деятельности, адвокатура*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению субъектов обеспечения региональной безопасности; предлагаются меры по совершенствованию их деятельности

Ключевые слова: региональная безопасность, обеспечение региональной безопасности, субъекты обеспечения региональной безопасности

Annotation. In article approaches to definition of subjects of ensuring regional security are considered, measures for improvement of their activity are proposed

Keywords: regional security, ensuring regional security, subjects of ensuring regional security

Сложность и динамичность современных социально-политических и экономических процессов закономерно меняют структуру и удельный вес внешних и внутренних угроз безопасности личности, общества, государства.

Если в 1990-х гг. — начале 2000-х гг. для России одними из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне были нейтрализация сепаратистских тенденций, сохранение территориальной целостности, то сейчас акценты существенно смещены в направлении совершенствования социально-экономических отношений. Так в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «...стабильное состояние национальной безопасности на региональном уровне обеспечивается путем сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации, расширения и укрепления хозяйственных связей между ними»¹.

Полномочия, содержание деятельности, основные принципы при обеспечении безопасности, функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности в целом определены в Фе-

деральном законе № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. «О безопасности»².

В соответствии со Стратегией национальной безопасности «обеспечение национальной безопасности — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов»³.

Следует обратить внимание на то, что в ранее действовавших нормативных правовых актах определение понятия «обеспечение национальной безопасности» не давалось. В то же время, содержание термина «система обеспечения национальной безопасности» было зафиксировано в предыдущей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. В этом определении использовалось понятие «силы и средства обеспечения национальной безопасности»⁴, состав которых не совсем конкретно был обозначен в тексте указанного документа. Так субъектный состав обеспечения национальной безопасности включал «Вооруженные

Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации»⁵.

Указанный выше подход по ряду обстоятельств не позволял определить круг исследуемых субъектов, так как, к примеру, термин «правоохранительная служба» законодательно не был регламентирован, совещательные органы (советы безопасности и др.) не были учтены в приведенном перечне.

Тем не менее, отдельные ученые используют такой же подход при определении исследуемого нами понятия «система обеспечения региональной безопасности». К примеру, А.Ю. Кирьянов полагает, что «система обеспечения региональной безопасности представляет собой совокупность деятельности по ее обеспечению, сил и средств обеспечения и субъектов обеспечения региональной безопасности»⁶. Указанное определение, на наш взгляд, несколько перегружено — здесь включены и «силы и средства», и «субъекты» обеспечения региональной безопасности без разграничения их по каким-либо признакам.

Аналогичный подход усматривается и в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, где под системой обеспечения общественной безопасности понимаются «силы и средства обеспечения общественной безопасности»⁷.

В действующем законодательстве перечень субъектов обеспечения национальной безопасности детально не определен. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации дается лишь определение системы обеспечения национальной безопасности как «совокупности осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов»⁸. При этом, полномочия, конкретные функции государственных и иных органов, порядок их взаимодействия, учитывающий правовой статус каждого из субъектов, компетенцию и характер решаемых задач, в рассматриваемом правовом акте не определены.

Следует согласиться и с тем, что обеспечение национальной безопасности Российской Федерации — это деятельность не только государства, но и всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленная на защиту национальных интересов, их практическую реализацию⁹.

В то же время учеными предпринимаются попытки классификации субъектов обеспечения национальной безопасности. И.Б. Кардашова разграничивает субъекты обеспечения национальной безопасности, предлагая выделять в структуре системы национальной безопасности негосударственную (общественную) и государственную составляющие. В общественную включены — граждане, общественные объединения граждан, местное самоуправление. Государственная

представляет собой совокупность государственных органов, принимающих участие в процессе выработки и реализации решений в области национальной безопасности, которые можно дифференцировать на четыре группы: 1) органы, основные функции которых связаны с управлением в области обеспечения национальной безопасности (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации); 2) орган, специально созданный для обеспечения национальной безопасности (Совет Безопасности Российской Федерации); 3) комитеты палат Федерального Собрания Российской Федерации, занимающиеся вопросами безопасности (комитеты по безопасности в Государственной Думе и по вопросам безопасности и обороны в Совете Федерации); 4) органы, задачи которых заключаются в выявлении и устранении внутренних и внешних угроз (органы законодательной, исполнительной, судебной властей)¹⁰.

Представляется логичным рассматривать модель системы обеспечения региональной безопасности исходя из аналогии с системой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, поскольку первая является составляющей системы обеспечения безопасности всей страны.

Безусловно, основным субъектом обеспечения национальной безопасности является государство, реализующее функции в рассматриваемой области через органы всех ветвей государственной власти — исполнительной, законодательной, судебной.

В Конституции Российской Федерации обозначена система органов государственной власти (ст. 10), которую «осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство, суды Российской Федерации»¹¹. В формировании и реализации политики национальной безопасности важнейшая роль принадлежит именно Президенту Российской Федерации, чей правовой статус определен в главе 4 Конституции.

В соответствии с п. «ж» ст. 83 Конституции Президент формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации — конституционный совещательный орган, осуществляющий подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения национальной безопасности и иным предусмотренным законодательством вопросам. Указанные субъекты осуществляют координацию деятельности по обеспечению безопасности. Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления участвуют в рассматриваемой деятельности в пределах своей компетенции.

Кого следует отнести к субъектам обеспечения региональной безопасности? В действующем законодательстве, как мы уже отмечали, определение понятия «система обеспечения региональной безопасности» не дано, не прописан и перечень субъектов, обеспечивающих национальную безопасность на региональном уровне. Отсутствует разграничение сфер обеспечения региональной безопасности, не учтены пределы

ведения и полномочия государства по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Эти недостатки присущи, в первую очередь, действующей Стратегии национальной безопасности, где определены основные элементы национальной безопасности (государственная, общественная, экологическая и другие), но в то же время не установлена компетенция государственных органов и органов местного самоуправления по обеспечению указанных составляющих.

В области обеспечения безопасности функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления определены пределами их компетенции¹².

Главным системообразующим фактором обеспечения региональной безопасности «является деятельность субъектов обеспечения региональной безопасности, реализующих свои цели с помощью разнообразных средств и методов: политических, организационных, правовых, экономических и других»¹³.

Полагаем, что указанные субъекты обеспечения региональной безопасности представляют собой совокупность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, общественных и иных объединений и организаций, граждан, принимающих участие в обеспечении региональной безопасности. Кроме того, в систему обеспечения региональной безопасности целесообразно включить действующее законодательство (федеральное и региональное), упорядочивающее отношения в исследуемой нами сфере, а также иные (организационные, информационные) механизмы и средства, используемые субъектами обеспечения региональной безопасности для достижения соответствующих целей.

Вопросами обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации занимаются специально созданные, совещательные коллегиальные органы: координационные совещания по обеспечению правопорядка¹⁴, комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности¹⁵, антитеррористические комиссии¹⁶, комиссии по противодействию экстремизму¹⁷, антикоррупционные комиссии¹⁸, антинаркотические комиссии¹⁹. В ряде случаев в регионах функционируют и иные совещательно-консультативные органы, сферой деятельности которых являются различные вопросы обеспечения национальной безопасности в соответствующих субъектах Российской Федерации.

Представляется, что основную нагрузку по обеспечению региональной безопасности несут территориальные органы федеральных органов исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Отдельные аспекты их совместной деятельности урегулированы Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и По-

становлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти».

Следует отметить, что структура федеральных органов исполнительной власти непрерывно совершенствуется. Так, к примеру, не так давно внутренние войска МВД России были преобразованы в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны²⁰. В структуру указанной Федеральной службы, помимо войск национальной гвардии, включены специальные отряды быстрого реагирования и отряды мобильные особого назначения, авиационные подразделения, вневедомственная охрана, а также подразделения, осуществляющие контроль в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности. В то же время, функции Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной миграционной службы переданы МВД России²¹. Указанные изменения, как представляется, положительно повлияют на состояние обеспечения национальной безопасности, в том числе и на региональном уровне.

Таким образом, субъекты обеспечения региональной безопасности на современном этапе включают в себя институты государственной власти, принимающие непосредственное участие в процессе выработки и реализации решений в сфере обеспечения региональной безопасности. В число субъектов обеспечения региональной безопасности следует включить общественные и иные организации, а также граждан, принимающих участие в формировании и реализации различных аспектов обеспечения национальной безопасности на региональном уровне. В настоящее время необходимо последовательно совершенствовать структуру и организацию деятельности указанных субъектов на основе развивающегося законодательства с учетом изменений угроз национальной безопасности нашей страны.

Литература

1. Конституция Российской Федерации.
2. О безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1 ст. 2.
3. О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 // СЗ РФ. 20.02.2006. № 8 ст. 897.
4. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров:

- Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374. // СЗ РФ. 22.10.2007. № 43 ст. 5167.
5. О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка: Указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 1535 // СЗ РФ. 13.12.2010. № 50 ст. 6656.
  6. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988. // СЗ РФ. 1.08.2011. № 31 ст. 4705.
  7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685.
  8. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664 // СЗ РФ. 28.12.2015. № 52 (часть I) ст. 7591.
  9. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364. // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть II) ст. 4477.
  10. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Ст. 6.
  11. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.
  12. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства от 30 декабря 2003 г. № 794. // СЗ РФ. 12.01.2004. № 2 ст. 121.
  13. Кардашова И.Б. Современная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. М., 2013. № 9. С. 30-32.
  14. Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород. 2006.
  15. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2 — М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.
- 2 О безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1 ст. 2. Ст. 12.
- 3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Ст. 6.
- 4 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Ст. 6 (утратил силу).
- 5 Там же.
- 6 Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород. 2006. С. 37.
- 7 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685.
- 8 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Ст. 6.
- 9 Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2 — М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 13
- 10 Кардашова И.Б. Современная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. М., 2013. № 9. С. 30-32.
- 11 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — № 237.
- 12 О безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1 ст. 2. Ст. 12.
- 13 Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2006. С. 37.
- 14 О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка: Указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 1535 // СЗ РФ. 13.12.2010. № 50 ст. 6656.
- 15 О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства от 30 декабря 2003 г. № 794. // СЗ РФ. 12.01.2004. № 2 ст. 121.
- 16 О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664 // СЗ РФ. 28.12.2015. № 52 (часть I) ст. 7591; О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 // СЗ РФ. 20.02.2006. № 8 ст. 897.
- 17 О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988. // СЗ РФ. 1.08.2011. № 31 ст. 4705.
- 18 О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364. // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть II) ст. 4477.
- 19 О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374. // СЗ РФ. 22.10.2007. № 43 ст. 5167.
- 20 Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2072.
- 21 О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Ст. 6.

УДК 34
ББК 67

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

АНТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОГДАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры ОРД Московского

Университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,

доктор юридических наук, профессор,

начальник кафедры Конституционного и

муниципального права Московского Университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.12 — криминология;

судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается оперативно-разыскная характеристика преступности несовершеннолетних. Делается анализ ее причин и условий преступности среди несовершеннолетних. Предлагаются основные направления профилактических мероприятий по минимизации преступлений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, несовершеннолетние правонарушители, средства массовой информации, волонтерские организации.

Annotation. The article considers the tracking characteristic of juvenile crime. The analysis of the causes and conditions of juvenile delinquency. The basic directions of preventive measures to minimize juvenile crime.

Keywords: juvenile delinquency, crime prevention, juvenile offenders, media, volunteer organizations.

Актуальность вопросов предупреждения и профилактики правонарушений, и преступлений среди несовершеннолетних с одновременным обеспечением и соблюдением их прав и интересов признана не только на общемировом уровне, но и в России¹. Несовершеннолетние — категория граждан, которые в силу своей психологической, социальной и физической незрелости остаются самой незащищенной частью общества, а значит социальной группой, которая подлежит особо пристальному вниманию органов внутренних дел, как органа, осуществляющего профилактическую функцию. Противодействие преступности среди несовершеннолетних — одна из наиболее важных сторон всего процесса искоренения преступности в нашей стране.

Несовершеннолетние и в психологии и в педагогике считаются сложной категорией. Из-за подвижной психики, они практически в равной степени могут воспринимать как негативное, так и положительное влияние².

На расширенном заседании коллегии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации состоявшееся 23 марта 2016 года президент Российской Федерации

В.В. Путин указал: «Особое внимание в координационной работе прошу уделить вопросам профилактики правонарушений, прежде всего в подростковой среде»³, что обязывает органы внутренних дел всеми имеющимися у них законными средствами обязаны защищать права и законные интересы несовершеннолетних, а также по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних.

С точки зрения оперативно-розыскной психологии, создать надежный прогноз будущего поведения несовершеннолетнего, особенно сложно, по той причине, что его личность интенсивно развивается и формируется, идет физиологическая и психологическая перестройка организма подростка. Не случайно закон требует устанавливать уровень психологического развития и иные особенности его личности (п.2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ)⁴.

Профилактика преступности несовершеннолетних — одно из основных направлений ОВД, где получение положительных результатов возможно лишь при комплексном взаимодействии правоохранительных

органов с органами государственной власти и местного самоуправления⁵.

Незаменимый механизм предупреждения преступности несовершеннолетних — надлежащее установление причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений.

Цель профилактики — выявление причин и условий, способствующих возникновению фактов семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и определение комплекса мероприятий по их устранению, создание системы оперативного реагирования и взаимодействия субъектов системы профилактики по фактам социального неблагополучия семей и несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении⁶.

Согласно Федерального закона от 23.06.2016 г. № 183-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в российской Федерации», основными направлениями профилактики правонарушений являются: защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение правонарушений; противодействие незаконной миграции⁷; предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних; противодействия терроризму и экстремистской деятельности, (ст. 6 Закона)⁸.

Несовершеннолетние правонарушители, образуют свою криминальную среду и выступают постоянным фактором воспроизводства преступности и пополнения криминальной среды в целом⁹.

Как отметил В.В. Путин в Астрахани на заседании Совета по международным отношениям 31 октября 2016 года: «Общество, которое не может защищать своих детей, не имеет завтрашнего дня, будущего не имеет»¹⁰.

Что детьми надо заниматься — всем хорошо известно. Другое дело, что делают это далеко не все родители. И если мы не хотим вкладывать финансовые средства в детей-сирот и беспризорников, то тогда мы будем вкладывать деньги в тюрьмы. Ведь именно условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности — это условия, под воздействием которых возникли установки на совершение антиобщественных поступков. При этом, следует понимать, что несовершеннолетние правонарушители — это, прежде всего, дети, как правило, поддающиеся влиянию общества, Интернета, СМИ, социально-опасного положения в семье, и попавшие в сложную жизненную ситуацию либо в определенную криминальную среду¹¹.

Кризисные социальные процессы, происходящие в современном обществе, отрицательно влияют на психологию подростков, порождая тревожность и напряженность, озлобленность, насилие и жестокость, что касается детей и подростков, психика которых достаточно подвижна. Это и повышенная агрессия в обществе.

Среди несовершеннолетних из неблагополучных семей интенсивность преступности особенно высока.

Пока мы живем в такой ситуации, очень важно думать о том, как обезопасить подростков, не дать отдалиться от семьи, не допустить трагедии, когда несовершеннолетним станет глубоко противно то, что дорого нам.

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних — задача комплексная не только по набору способов (социальные, правовые, экономические, организационные, технические), но и по числу субъектов задействованных в этой деятельности.

Основной целью законодательного регулирования в сфере защиты детей от вредоносной информации, является защита чувств несовершеннолетних от негативного воздействия через средства массовой информации и Интернет¹².

Основным нормативным правовым документом, защищающих несовершеннолетних от вредоносной программы, это Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹³, вступивший в силу 11.07.2015.

Одной из запрещенной оборотом среди несовершеннолетних информации, относятся сведения, способные вызвать у несовершеннолетних желание употребить алкогольную и спиртосодержащую продукцию, наркотические средства и психотропные вещества, табачные изделия, заниматься проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством, причинить вред своему здоровью, самоубийство.

Глава государства поручил Правительству Российской Федерации создать межведомственную рабочую группу по предотвращению криминализации подростковой среды. Поручение, которое Президент Российской Федерации дал по итогам состоящего в декабре 2016 года Совета по развитию гражданского общества и правам человека.

Развитие информационных технологий и средств массовой коммуникации ставит перед государством и обществом новые вызовы и угрозы, посягающие на безопасность государства, общества и личности, а особенно несовершеннолетних.

В сети Интернет существуют ниже следующие виды опасности для несовершеннолетних пользователей: наркосайты; интернет-сайты, веб-сайты порнографической направленности, крайне часто встречаются на просторах всемирной сети; интернет-порталы, пропагандирующие насилие, жестокость и девиантные формы поведения; религиозные секты; социальные сети, сайты знакомств; сайты разжигающие расовую, национальную, религиозную рознь и вражду, а также иные формы экстремизма, терроризма¹⁴;

Все это не способствует защите молодежи от радикальных и экстремистских идеологических течений. Терроризм и экстремизм — это политическое средство, значение и эффективность которого в последние

годы резко возросло¹⁵. Формирование системы ценностей у молодежи должно служить интересам безопасности страны.

Еще одна проблема, это проблема подросткового суицида, которая требует самого пристального внимания не только ОВД, но и специалистов многих областей — педагогов, юристов, врачей, психологов, специалистов в области компьютерных технологий¹⁶.

По данным Федеральной службы государственной статистики России/Росстата/, в 2015 г. в результате самоубийства погибли 25476 человек, из них городское население составило 15106, сельское население 10370¹⁷.

С детьми в социальных сетях работают взрослые люди — «системно планомерно и четко, шаг за шагом подталкивая их к последней черте. Работают со знанием их пристрастий и увлечений, используя любимую ими лексику и культуру. Работают со знаниями психологии...»¹⁸.

Органы внутренних дел занимают особое место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, так как полиция, будучи наиболее крупным и универсальным по набору инструментов принудительного воздействия правоохранительным органом, по сути, выступает основным субъектом непосредственного выявления предупреждения и пресечения девиантного поведения несовершеннолетних.

Вредоносную для детей информацию следует определить как сведения, содержащие качество недостоверности, непристойности или деструктивности, негативное воздействие которых на индивидуальную психику несовершеннолетнего и (или) групповое сознание лиц, не достигших совершеннолетия, обуславливает необходимость ограничения или запрета их оборота¹⁹.

Несовершеннолетние в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей среды — та часть общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного потенциала. Под влиянием экономических, информационных, политических, социальных и иных факторов в среде несовершеннолетних формируются радикальные взгляды и убеждения.

Особое внимание необходимо уделять Интернету. Под видом «обмена мнениями» в Интернете террористы и экстремисты получили возможность вести пропаганду, вербовать новых сторонников и увеличивать количество «сочувствующих», т.е. экстремистская и террористическая деятельность по Интернету становится элементом медийной повестки дня в масштабах страны²⁰.

По оценкам иностранных экспертов, участие несовершеннолетних детей в вооруженных религиозных и межнациональных конфликтах, а также в столкновениях иного рода стало в настоящее время достаточно распространенным явлением. Лидеры различных радикальных группировок и организованных преступных групп считают привлечение молодого поколения

довольно простым и удобным способом пополнения рядов своих сторонников²¹.

В настоящее время в России существует определенная романтизация криминального мира подростками.

Задача ОВД и всего российского общества — сделать все возможное, чтобы несовершеннолетних перестала привлекать криминальная романтика.

Криминалитет пытается навязать свои представления о человеческих отношениях, внушать молодежи, что надо жить по другим законам. Потому что несовершеннолетние более восприимчивы к такого рода поучениям. В настоящее время вызывает беспокойство тот факт, что большое количество несовершеннолетних проживает в семьях связанных с ненадлежащим их воспитанием.

По данным Оперативного управления МВД России, ежедневно в нашей стране регистрируется от 80 до 120 случаев ухода из дома несовершеннолетних. В 2015 году в федеральный розыск был объявлен 7221 ребенок, установлено место нахождения 7131. До сих пор числятся в розыске 90 детей²².

В Российской Федерации существуют различные общественные формирования, взаимодействующие с полицией, в том числе волонтерские объединения²³.

В России действуют крупные волонтерские организации, как «Сальвар», «Лиза Алерт» и «Поиск пропавших детей», которые обрабатывают несколько сотен заявок в год. В городах волонтеры обзванивают экстренные службы, расклеивают объявления, опрашивают свидетелей, проверяют возможные места нахождения пропавших.

Сегодня по всей России, по оценкам самих волонтеров, существует около 70 добровольческих организаций, которые занимаются поиском детей. Список волонтерских организаций поддерживающих тесное сотрудничество с полицией по розыску без вести пропавших, размещен на официальном сайте МВД России²⁴.

Правовой основой такого сотрудничества служит ст. 10 Федерального закона «О полиции»²⁵, согласно которой сотрудники полиции при осуществлении своей деятельности взаимодействуют с другими правоохранительными, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами. В соответствии с частью 5 статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»²⁶, должностные лица органов осуществляющих такую деятельность, решают ее задачи, в том числе используя помощь граждан с их согласия (на гласной и негласной основе).

Основными направлениями сотрудничества волонтерских объединений с полицией являются:

- розыск лиц пропавших без вести — привлечение добровольцев к поисковым мероприятиям, направленным на розыск лиц, пропавших без вести, в первую очередь детей. Добровольцы распространяют информацию о пропавших лицах в Интернете, или расклеивают

листовки, оказывают помощь при проведении поисковых мероприятий на местности;

- сотрудничество в части предоставления информации о правонарушениях (местах сбора молодежи для употребления наркотиков, беспризорных и безнадзорных детей), профилактика мошенничества с незащищенными гражданами одиночками, пенсионерами и т.д.

Таким образом, развитие современного гражданского общества, невозможно без конструктивных взаимоотношений полиции и волонтерских объединений.

Настораживает, однако, что наравне с вполне мирными молодежными движениями историков, экологов и прочими, существуют группы несовершеннолетних объединившихся под флагом анархизма и даже экстремизма и терроризма. Поэтому России нужна целенаправленная молодежная политика.

Авторы убеждены, что без системы, охватывающей всю сферу работы с несовершеннолетними, а не фрагментами, как сейчас, ничего не сделать. С несовершеннолетними надо работать не только в образовательной, но и в воспитательной сфере.

Вопросы профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, должны решаться комплексно, с использованием придуманных мер воспитательного характера²⁷.

В 2015 году в России был открыт Национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям. Это негосударственная организация, цель которой — создать общественно-государственное партнерство по вопросам поиска пропавших и помощи пострадавшим детям, а также условия, в том числе технологические, для увеличения числа граждан и организаций, вовлеченных в поиск пропавших детей.

В России добровольческое движение по оказанию содействия в розыске без вести пропавших людей — еще сравнительно молодое явление.

Роль органов внутренних дел, а именно подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений в системе защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, на сегодняшнем этапе развития информационного законодательства, недостаточно и требует совершенствования.

Оперативными подразделениями, не всегда удается своевременно выявлять людей, контактирующих с несовершеннолетними и имеющих криминальное прошлое.

Особую тревогу вызывает рост вовлечения несовершеннолетних не только в употребление наркотических средств, но и в организованные группы, совершающие незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ²⁸.

Нет должного оперативного прикрытия детских и школьных учреждений.

Не во всех территориальных органах МВД России на региональном уровне созданы в составе подразделений уголовного розыска отделения и (группы) по

борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности²⁹.

Важно максимально использовать совпадение интересов государства и общества в реализации стратегических национальных приоритетов, привлекая общественный потенциал к содействию ОВД в решении правоохранительных задач. В числе ключевых сфер взаимодействия — противодействие нелегальной миграции, профилактика правонарушений, включая предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений в отношении несовершеннолетних, недопущение вовлечения их в преступную и антиобщественную деятельность³⁰.

Повысить эффективность работы по предупреждению и пресечению преступлений в отношении несовершеннолетних в кровных и замещающих семьях.

Вместо активных действий, направленных на предупреждение безопасности и правонарушений несовершеннолетних, иногда демонстрируется лишь их видимость.

Одна из них в том, что ведомства занимающиеся профилактикой и предупреждением правонарушений несовершеннолетних работают отдельно друг от друга, между ними нет должного взаимодействия, нет необходимого обмена информацией.

Таким образом, следует констатировать, что проблема вовлечения в преступную деятельность несовершеннолетних детей остается пока еще не совсем решенной, как на международном уровне, так и в России и требует стратегического решения, как со стороны российского государства, так и на международного сообщества.

1 Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией № 45/112 на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // «Консультант плюс».

2 Хазов Е.Н., Алексеева И.Ю. Правовая культура и правовое воспитание несовершеннолетних.

В сборнике: Правовая культура современного российского общества. 2002. С. 36-40.

3 Текст выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной Прокуратуры российской Федерации, 23 марта 2016 года, URL: <http://www.Kremlin.ru/events/president/news/51553>.

4 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016)

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921, <http://www.pravo.gov.ru>

5 Эриашвили Н.Д., Габричидзе Б.Н., Белоновский В.Н., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Кальгина А.А., Прудников А.С., Алиев Я.Л., Маюров Н.П., Кирсанов А.Ю., Газлов Д.В., Галузо В.Н. Органы государственной власти в России. Конституционно-правовой аспект. учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Политология», «Государственное и муниципальное управление» / Москва, 2016. (Четвертое издание, переработанное и до-

полненное)

6 Богданов А.В., Волченков В.В., Воронцов А.В., Ефимкин М.С., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Любан В.Г., Михайлов Б.П., Турбина О.В., Хазов Е.Н., Хромов И.Л., Чикова Я.Н., Эриашвили Н.Д. Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие. Научная специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право», 12.00.12 «Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность» / Под редакцией Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. Москва, 2015. Сер. Научные издания для юристов Том Часть I

7 Богданов А.В., Хазов Е.Н. Незаконная миграция как одна из причин создания и деятельности организованной преступности на территории современной России. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 176-179.

8 Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 183-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в российской Федерации». Российская газета, 28.06.2016 г. <http://www.pravo.gov.ru>

9 Богданов А.В., Волченков В.В., Воронцов А.В., Ефимкин М.С., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Любан В.Г., Михайлов Б.П., Турбина О.В., Хазов Е.Н., Хромов И.Л., Чикова Я.Н., Эриашвили Н.Д. Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие. Научная специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право», 12.00.12 «Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность» / Под редакцией Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. Москва, 2015. Сер. Научные издания для юристов Том Часть II.

10 Российская газета, 1 ноября 2016 г. № 247 (7115) с. 2, www.rg.ru.

11 Богданов А.В., Хазов Е.Н., Назаров В.Ю. Преступность несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России. Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 47-51.

12 Богданов А.В., Завьялов И.А., Закурдаев А.Н., Ильинский И.И., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н., Чикова Я.Н., Шаламов Р.Г., Яковец Е.Н. «Противодействие органов внутренних дел киберпреступности» Учебно-методическое пособие предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов, преподавателей образовательных учреждений органов внутренних дел и практических работников правоохранительных органов, специализирующихся по линии борьбы с преступностью в сфере компьютерной информации. / Учебно-методическое пособие под ред. профессора Михайлова Б.П.. Москва, 2015.

13 Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, N 1, ст. 48, <http://www.pravo.gov.ru>.

14 Хазов Е.Н., Волченков В.В., Эриашвили Н.Д., Мартынюк В.М., Михайлов Б.П., Богданов А.В., Ильинский И.И., Китайгородский Е.А., Тюренков В.Н. Противодействие преступлениям террористической и экстремисткой направленности. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности / Москва, 2013.

15 Богданов А.В., Дорожка Ф.Л., Хазов Е.Н. Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика. Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 95-99.

16 Богданов А.В., Завьялов И.А., Ильинский И.И., Ми-

хайлов Б.П., Хазов Е.Н., Чикова Я.Н., Эриашвили Н.Д., Яковец Е.Н. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска. для курсантов, слушателей, адъюнктов, преподавателей образовательных учреждений органов внутренних дел и практических работников правоохранительных органов, специализирующихся по линии борьбы с преступностью в сфере компьютерной информации / Москва, 2016.

17 URL http://www.gkc.ru/free_doc/2016/demo/edn_04-16.htm.

18 Н. Крылова «Группа смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты. Журнал «Уголовное право» №4/2016 г., с. 36.

19 Занин Т.М. «Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере защиты детей от вредоносной информации»: учебное пособие/ Т.М. Занин, К.Д. Рыдченко, Е.Н. Лукин — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2016 г., с.21.

20 Хазов Е.Н., Волченков В.В., Эриашвили Н.Д., Мартынюк В.М., Михайлов Б.П., Богданов А.В., Ильинский И.И., Китайгородский Е.А., Тюренков В.Н. Противодействие преступлениям террористической и экстремисткой направленности. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности / Москва, 2013.

21 Богданов А.В., Хазов Е.Н., Комахин Б.Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы. Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34-38.

22 Щит и меч № 34 (1530) от 08.09.2016 г., с. 4.

23 Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 158-161.

24 Хазов Е.Н. Правовой статус общественного совета при МВД России. В сборнике: Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов. 2016. С. 65-67.

25 Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «О полиции»(с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 900. <http://www.pravo.gov.ru>

26 Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, N 33, ст. 3349, <http://www.pravo.gov.ru>

27 Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений среди несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202-208.

28 Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 47-51.

29 Богданов А.В., Хазов Е.Н., Пантюхин К.Ю. Основные направления по предотвращению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних. Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 135-139.

30 Богданов А.В., Турбина О.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы и проблемы, связанные с противодействием преступности среди несовершеннолетних в современной России. Государственная служба и кадры. 2015. № 4. С. 21-25.

УДК 343.326:343.98
ББК 67.52

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ

ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ ДАВЫДОВ,

*докторант кафедры правосудия и
правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО*

«Тульский государственный университет»,

заместитель начальника УМВД России по Тульской области

кандидат юридических наук,

Лауреат премии МВД России в области науки

E-mail: VladDv71@yandex.ru

Научный консультант, рецензент: доктор юридических наук,

профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО

Тульского государственного университета А.Ю. Головин

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика;

судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлен авторский взгляд на проблему формирования дефиниции «транснациональная преступная деятельность экстремистского характера» («транснациональный экстремизм»), приводится систематика ключевых признаков, отражающих функционально-целевой характер подобной преступной деятельности.

Ключевые слова: транснациональная преступная деятельность, экстремизм, систематика, признак, криминалистическая характеристика.

Annotation. The author's view of a problem of formation of a definition «transnational criminal activity of extremist character» («transnational extremism») is presented in article, systematization of the key signs reflecting functional special-purpose character of similar criminal activity is given.

Keywords: transnational criminal activity, extremism, systematization, sign, criminalistic characteristic.

Для российской государственности экстремизм представляет реальную угрозу ее внутренней и внешней безопасности, территориальной целостности и межнациональному согласию. В качестве поводов для создания очагов напряженности лидерами и идеологами радикальных движений используются межнациональные и межконфессиональные конфликты, социально-экономические и миграционные проблемы, факты коррупционных проявлений и другие события.

В то же время очевидно, что облик экстремизма интенсивно меняется, а сфера экстремистской деятельности неуклонно трансформируется в территориальном, мотивационном, политико-идеологическом и иных аспектах, приобретая признаки наиболее опасной формы развития — транснациональности.

В настоящее время часть субъектов транснациональной преступной деятельности экстремистского характера представляет собой симбиоз преступных организаций и государства (один из наиболее наглядных примеров — «Исламское государство» (ИГ (ДАИШ)), т.е. «полуреальное квазигосударство», действующее в военном союзе с организациями персидского ислама, Аль-Каидой, группировками сирийской оппозиции и др.) [1]

В подобных случаях действия транснациональных экстремистских формирований подвергают серьезной опасности уже не только национальную, но и региональную, а также глобальные системы безопасности, посягая на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Так, например, заявленными целями ИГИЛ

(ДАИШ) являются ликвидация границ, установленных в результате раздела Османского халифата, и создание исламского ортодоксального суннитского государства как минимум на территории Ирака и Шама (Леванта) - Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта (минимум Синайский полуостров), как максимум - во всём исламском мире либо во всём мире [2, С.13].

Вместе с тем нельзя не заметить, что проблемы противодействия проявлениям транснационального экстремизма относятся не только к сфере практического правоприменения. Они самым тесным образом связаны с определением его сущностных характеристик, закономерностей их возникновения и развития, разграничением с другими формами международной преступной деятельности и, в конечном счете, с формированием самого понятия «транснациональный экстремизм». Неслучайно феномен экстремизма в последние годы стал предметом пристального внимания со стороны ученых, политиков, общественных деятелей: достаточно интенсивно проводятся многочисленные представительные научные конференции, появилось множество публикаций, отражающих результаты исследований его различных аспектов [3, С.22].

Представляется допустимым предложить следующую систематику ключевых признаков, присущих транснациональной преступной деятельности экстремистского характера и отражающих функционально-целевой характер подобных деяний:

- главенство экстремистской идеологии, эксплуатация идеи возрождения национального самосознания и ее религиозной составляющей в качестве своеобразной идейной основы для формирования и укрепления транснациональных криминальных группировок экстремистского характера в целях оправдания беззакония и террора по отношению к гражданам иной национальности, веры, социальной общности и т.п. [4];
- наличие организованности в формах международных объединений экстремистов, преступных организаций экстремистского характера, массовых групп и сообществ экстремистской направленности, имеющих четко выстроенную внутреннюю организационную структуру, устойчивых и управляемых;
- совершение преступных деяний экстремистского характера лицами и (или) группами лиц вне связи с политикой какого-либо государства, ради достижения собственных противоправных целей (например, политического (смена правящего режима), экономического (установление контроля над экономически развитыми регионами), корыстного (хищение финансовых либо материальных ценностей, вооружения и боеприпасов) характера, расширения либо передела сфер влияния и т.п.);
- посягательство на интересы нескольких государств, связанное с пересечением государственных границ и представляющее международную общественную опасность (выход последствий преступной деятельности за пределы одной отдельно взятой страны);
- присутствие в структуре экстремистской деятельности транснационального характера в качестве составных элементов сложных организованных видов преступных деяний террористического, экономического, общеуголовного характера;
- профессионализм субъектов, отражаемый в виде способов совершения преступлений и приобретаемого характера промысла (например, наемничества);
- наличие организованной системы защиты от социального контроля путем использования разнообразных форм насилия, запугивания, коррупции, интересов разведывательных служб ряда иностранных государств;
- наличие устойчивых каналов финансовой поддержки [5], например, осуществляемой состоятельными политиками либо представителями крупного бизнеса, использующими экстремистские организации и сообщества в качестве инструмента достижения личных целей, различными фондами, созданными как за счет незаконной деятельности (наркоторговли, контрабанды оружия, бриллиантов и т.п.), так и за счет отчислений от легитимной экономической деятельности с последующим использованием возможностей глобальной финансовой системы для накопления и распространения полученных финансовых средств.

Изложенное выше, на наш взгляд, позволяет в порядке научной дискуссии с позиций криминалистической науки сформулировать авторское определение категории «транснациональная преступная деятельность экстремистского характера (транснациональный экстремизм)», как противоправную системную деятельность организованных криминальных формирований (групп, организаций, сообществ, объединений), основанную на приверженности крайним взглядам, идеологически направленную на умаление и отрицание принципов международного права, гражданского общества и государства, обращенную на достижение цели идеологической, религиозной, национальной, политической или иной гегемонии, планируемую и осу-

ществляемую на территории двух или более государств путём перемещения информационных и финансовых потоков, физических объектов, других материальных и (или) нематериальных средств через государственные границы в целях возбуждения вражды или ненависти при помощи противоправных агрессивных и (или) насильственных методов, последствия которой причинили (либо могли причинить) существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений.

Подобный научный подход к пониманию сущности транснационального экстремизма, на наш взгляд, должен способствовать приданию целенаправленного характера деятельности правоприменителей в сфере поиска, выявления, фиксации и закрепления доказательственной криминалистической значимой информации об этапах создания транснационального преступного формирования рассматриваемого вида, его организаторах и руководителях, формах подыскания и вербовки новых членов, системе всестороннего обеспечения противоправной деятельности, фактах конкретных преступных деяний и т.п.

Литература

1. ИГИЛ (ДАИШ) и военный расклад ситуации в Ираке. / Агентство геополитических исследований «Манара» // <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/96084/>
2. Давыдов, В.О. Транснациональный экстремизм: криминалистический анализ. / В.О. Давыдов. // Под ред. А.Ю. Головина. — М.: Юрлитинформ, 2016.
3. Устинов, В.В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. / В.В. Устинов — М.: Олма, 2008.
4. Тарановская, С.А. К вопросу о мотиве ненависти или вражды в отношении социальной группы как квалифицирующем признаке преступлений экстремистской направленности / С.А. Тарановская // Вестник Московского университета МВД России. Выпуск 2. — М., 2011.
5. Фридинский, С.Н. Факторы, детерминирующие совершение преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности / С.Н. Фридинский // Вестник Московского университета МВД России. Выпуск 2. — М., 2008.

Профайлинг в деятельности органов внутренних дел. Учеб. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассмотрены теоретические основы и возможности практического применения технологий профайлинга в целях предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Показаны возможности использования направлений прикладной психологии для выявления лиц, имеющих противоправные намерения. Систематизированы представления о технологиях оценки личности на основе визуальной психологической диагностики; рассмотрены методы противодействия психологическому воздействию со стороны потенциальных преступников; раскрыты особенности коммуникации с объектами профайлинга; представлены методы психической саморегуляции эмоциональных состояний в деятельности профайлера; показаны пути развития навыков распознавания потенциальных преступников по их словесному портрету и типологии поведения.

УДК 342.951
ББК 67.401.061.2

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

НАВРУЗ ДУСТМУРОДОВИЧ ВАЛИЕВ,
адъюнкт ФПНПиНК Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nav-0188@mail.ru

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент Г.Н. Суслова
Рецензент: кандидат юридических наук В.Н. Амельчакова
Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются правовые основы взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан с общественными объединениями.

Ключевые слова: правовые основы, взаимодействие, органы внутренних дел, общественные объединения.

Annotation. This article deals with the legal bases of interaction of law-enforcement bodies of the Republic of Tajikistan on public associations.

Keywords: internal affairs bodies, public associations, legal bases, interaction.

Годы, прошедшие с момента обретения независимости Республики Таджикистан, отмечены поиском оптимальной модели экономического, социального, этнического и культурного развития национальностей, населяющих страну. Вместе с тем, на пути развития Таджикистана имеется немало препятствий, свойственных любому суверенному государству, переживающему переходный период. Современные негативные процессы в мировой экономике способствовали усилению социальной напряженности, развитию негативных тенденций в состоянии и структуре преступности на территории государства¹. Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД Таджикистана, в Республике, начиная с 2013 года, наблюдается значительный рост таких преступлений, как хулиганство, разбой, грабеж, убийство, умышленное причинение вреда здоровью, поборы, похищение человека; выдача замуж несовершеннолетней (девочки), не достигшей брачного возраста; терроризм; вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению; публичные призывы к совершению преступлений террористического характера; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и других. За последние три года совершенно

37.322 преступления, наибольшее число которых приходится на город Душанбе, Горно — Бадахшанскую автономную область и Хатлонскую область². При этом в общественных местах совершено более половины из числа зарегистрированных преступлений.

Сложившаяся криминогенная обстановка создает реальную угрозу и преграды современному развитию интеграции Таджикистана в мировое сообщество, в налаживании стабильных экономических и политических связей. В связи с этим необходимо уделять особое внимание выявлению, пресечению правонарушений и преступлений, в том числе, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.

В целях усиления системы безопасности Республики Таджикистан, а также поддержания здорового потенциала нации, необходим налаженный механизм взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями и гражданами Республики Таджикистан в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина устанавливаются, в первую очередь, конституционными нормами³. Статьей 19 Конституции Таджикистана определено, что каждому гражданину

гарантируется судебная защита, каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, что является правовым (конституционным) основанием участия граждан в охране общественного порядка в Республике. Конституция Таджикистана определяет право гражданина участвовать в создании политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, а также право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Данное право распространяется, в том числе, на участие граждан в управлении делами государства в области охраны общественного порядка, за исключением лиц, признанных судом недееспособными либо содержащимися в местах лишения свободы. Не имеют права участвовать в выборах и референдумах лица, связь которых с террористическими, экстремистскими и сепаратистскими организациями установлена судом, также они не имеют права быть членами общественных объединений⁴.

Защита Родины, охрана интересов государства, укрепление его независимости, безопасности и обороной мощи является священным долгом гражданина, что закреплено в ст.43 Конституции РТ. В Законе Республики Таджикистан «О безопасности» говорится, что «граждане, общественные и иные организации и объединения являются субъектами безопасности, обладают правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Республики Таджикистан. Государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом»⁵.

Органы внутренних дел Республики Таджикистан, являясь одним из правоохранительных органов республики, обладают специальными полномочиями по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и борьбы с правонарушениями и преступлениями. Одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел является укрепление сотрудничества с обществом⁶. Для решения поставленных задач Министерство внутренних дел Республики Таджикистан активно привлекает общественные объединения и граждан Республики Таджикистан к охране общественного порядка на всей территории Республики⁷, о чем свидетельствует ряд нормативных правовых актов республиканского значения и ведомственного характера.

Ст. 6 Закона Республики Таджикистан «О милиции» от 17.05.2004г. закрепляет порядок взаимодействия с государственными органами, общественными объединениями, внештатными сотрудниками, а также с общественными организациями, учрежденными в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан. В Законе говорится, что государственные органы, предприятия, учреждения и организации, независимо от форм собственности, должностные

лица, общественные объединения и граждане обязаны оказывать милиции помощь в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В целях предупреждения и раскрытия преступлений граждане могут конфиденциально сотрудничать с органами милиции в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке. Милиция имеет право привлекать граждан с их согласия к сотрудничеству; объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, выплачивать его гражданам и организациям; поощрять граждан, оказавших помощь милиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей.

Взаимодействие органов внутренних дел с гражданами, а также с общественными объединениями в области охраны общественного порядка возможно и через такие формы, как непосредственное участие в охране общественного порядка граждан, являющихся членами негосударственных субъектов правоохранительной направленности.

Как отмечает Президент Таджикистана в своем послании Парламенту страны, «мы с вами должны, укрепляя законодательную базу, прежде всего, защитить и обеспечить права и свободы человека в нашей суверенной стране, которые являются высшей ценностью, с тем, чтобы каждый член общества, чувствуя себя свободным, смог направлять свои физические и духовные силы на претворение в жизнь стратегических целей государства, развитие и благоустройство дорогой Отчизны, улучшение уровня и качества жизни народа, обеспечение условий для мирной и счастливой жизни людей, а также повысить авторитет Таджикистана на международной арене»⁸.

Согласно п. 6 Положения Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, МВД осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.⁹

11. 10. 2014 г. за № 841 принято Положение об Общественном совете по содействию гражданского общества реформе милиции при Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан. Целями Общественного совета, в том числе, являются содействие гражданского общества реформе милиции, выработка в обществе активной гражданской позиции по оказанию содействия органам внутренних дел в раскрытии преступлений и правонарушениях.

Основными задачами Общественного Совета являются: 1) привлечение граждан и общественных организаций к участию в реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений; 2) выработка в обществе активной гражданской позиции по оказанию содействия органам внутренних дел в раскрытии преступлений и правонарушений; 3) повышение доверия населения к правоохранительной системе государства, сближение милиции с насе-

нием, повышение роли общественных организаций и СМИ в дальнейшем укреплении правового государства;

4) обеспечение прямого и опосредованного участия граждан в обсуждении хода реформы, создание различных механизмов, поддерживающих открытую и публичную дискуссию в течение всего периода реформирования милиции;

5) участие в разработке Концепции взаимодействия милиции и гражданского общества;

6) оказание консультативной, методической и иной поддержки деятельности органов внутренних дел;

7) привлечение представителей средств массовой информации в интересах всестороннего и объективного информирования населения об актуальных вопросах деятельности органов внутренних дел;

8) разработка предложений, направленных на решение вопросов по обеспечению общественного порядка и реализации совместных мероприятий;

9) подготовка заключений и прогнозных оценок, а также предложений по совершенствованию деятельности милиции, внесенных общественными организациями;

10) обеспечение участия и деятельности двух представителей Общественного совета, имеющих высшее юридическое образование и назначаемых членами Общественного совета в работе Специальной комиссии при Главном инспекторе Министерства внутренних дел. Общественный Совет должен реагировать на нарушения прав граждан, организаций и других общественных объединений, подвергшихся незаконному преследованию, исследовать их и выработать соответствующие рекомендации;

11) участие в порядке, определяемом Министром внутренних дел, в приеме вступительных экзаменов претендующих на поступление в учебные заведения системы Министерства внутренних дел.

12) участие в работе аттестационных комиссий Министерства и управлений внутренних дел, порядок которых определяется Министром внутренних дел с целью обеспечения объективной и комплексной оценки лиц, принимаемых на службу в органах внутренних дел;

13) разработка программ, концепций и предложений, направленных на обеспечение верховенства закона, защиту прав и свобод человека, укрепление правовой и демократической государственности в Таджикистане.

В соответствии с Приказом МВД Республики Таджикистан от 01.09.2016 г. «Об утверждении функциональных обязанностей помощников руководства ГУМВД, УМВД и ОМВД на местах по взаимодействию с общественностью, учреждениями и общественными организациями», одной из задач органов внутренних дел по предупреждению и пресечению правонарушений является привлечение граждан и общественных объединений к решению данной проблемы. Согласно Положению Управления охраны общественного порядка Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 09.10.2007 г. за № 693, деятельность органов внутренних дел направлена на:

- осуществление взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями и гражданами в деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений в общественных местах;
- совместное с органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями и гражданами принятие мер по предупреждению преступлений.

Данный акт также определяет, что территориальный органы внутренних дел осуществляют взаимодействие с соответствующими государственными, муниципальными органами, ведомствами, учреждениями, организациями, общественными объединениями, в том числе общественными объединениями правоохранительной направленности и гражданами.

Таким образом, принятые за последние годы нормативные правовые акты органов государственной власти демонстрируют их серьезную заинтересованность в организации взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан с общественными объединениями и гражданами в борьбе с противоправными проявлениями.

1 Шарипов Ф.Р. Организационные и правовые основы информационного обеспечения сотрудничества органов внутренних дел Республики Таджикистан с местными органами государственной власти в сфере правопорядка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Москва. Академия управления МВД России, 2009. С.4.

2 См.: Динамика преступности Главного информационного аналитического центра МВД Республики Таджикистан за период (2014-2015гг), №14/1-1 от 03.01.2015г.

3 См.: Конституции Республики Таджикистан, от 06.10.1994г.

4 См.: Конституция Республики Таджикистан от 06.10.1994г., Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» (в редакции Закона РТ от 20.03.2008г. №384 от 21.07.2010г., №621 от 19.03.2013г. № 962).

5 См.: (ст.2), Закон Республики Таджикистан «О безопасности» от 28.июня 2011г. №721.

6 [http://mvd.tj/index.php/ru/Встреча Министр внутренних дел РахимзодаР.Х., в зале заседаний МВД с молодежью страны группы Авангард.](http://mvd.tj/index.php/ru/Встреча_Министр_внутренних_дел_РахимзодаР.Х._в_зале_заседаний_МВД_с_молодежью_страны_группы_Авангард_(Дата_обращения_08.10.2015).) (Дата обращения 08.10.2015).

7 Приказ МВД Республики Таджикистан № 53 от 01.09.2016г. «Об утверждении функциональных обязанностей помощников руководства ГУМВД, УМВД и ОМВД на местах по взаимодействию с общественностью, учреждениями и общественными организациями».

8 Послание Президента Республики Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны. 24.04.2010 12:00, город Душанбе. (<http://www.mmk.tj/ru/president/letter/2010>). Дата обращения 01.10.2016г.

9 См.: Положение «О Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан», утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан 28.12.2006 г. № 592.

УДК 34
ББК 67

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РИСКОВ И КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НПФ

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОСОВ,

*кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов
ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации; доцент кафедры финансов и цен
ФГБОУ ВО РЭУ им. Г. В. Плеханова;*

E-mail: kosovme@mail.ru

*Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административная деятельность.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Одной из важнейших проблем в инвестициях является оценка и принятия риска, выделения критериев и сравнительный анализ инвестиционных проектов, это особенно актуально в сложных экономических условиях в период кризисов и кризисных явлений.

Особенностью оценки и критериев оценки финансовой устойчивости пенсионных накопления является, то что данные финансовые активы имеют государственные гарантии и обязательства перед гражданами. Исходя из этого необходима серьезная работа в определении и принятии рисков.

В статье проанализирован опыт стран с развитой и развивающейся экономикой, что дает возможность сформировать представление об уже успешно функционирующих пенсионных системах, так и структурах претерпевающие реформы и изменения. Анализ формирует общие тренды и демонстрирует спектр различий между действующими пенсионными системами.

В статье сделан вывод о важности анализа рисков, сформулированы точки относительных показателей рисков и их специфики в разных странах.

Ключевые слова: риски, критерии эффективности, мировой опыт, финансовая устойчивость, оценки, пенсионные фонды, профиль, структура, факторы, методы.

Annotation. One of the most important problems in investments is the assessment and acceptance of risk, the selection of criteria and a comparative analysis of investment projects, this is especially true in difficult economic conditions during crises and crisis phenomena.

The peculiarity of evaluation and evaluation criteria of the financial sustainability of pension accumulation is that these financial assets have state guarantees and obligations to citizens. Proceeding from this, serious work is needed in identifying and accepting risks.

The article analyzes the experience of countries with developed and developing economies, which makes it possible to form an idea of already successfully functioning pension systems, and structures undergoing reforms and changes. Analysis forms general trends and demonstrates the range of differences between existing pension systems.

The article concludes that the importance of risk analysis is important, the points of relative risk indicators and their specifics in different countries are formulated.

Keywords: Risks, efficiency criteria, world experience, financial stability, estimates, pension funds, profile, structure, factors, methods.

Основными причинами внедрения методов управления НПФ, основанных на оценке риска, считается развитие глобальных финансовых рынков, введение сложных финансовых продуктов, сближение методов оценки рисков банковского, страхового надзора и надзора за НПФ. Целью использования риск-ориентированного подхода является повышение эффективности инвестиционного процесса, проведение более точной оценки рисков, расширение возможностей инвестирования в сложные финансовые инструменты. С точки

зрения регулятора данный подход дает возможность при большом количестве фондов концентрироваться на наиболее проблемных структурах.

Данный тип управления наиболее последовательно осуществляется в Австралии, Нидерландах, Дании и Мексике, во многих аспектах он аналогичен управлению в банковском и страховом секторах. Финансовый контроль за деятельностью всех финансовых институтов, в том числе и НПФ в странах, использующих систему управления, основанную на риске, осуществляет

одна национальная организация, исключение в этом плане составляет Мексика, где для пенсионных институтов действует отдельная контролирующая структура.

Управление пенсионными фондами, основанное на оценке риска, включает разработку и внедрение положений, определяющих систему управления рисками и поддержание платежеспособности фонда в краткой и долгосрочной перспективах, повышение точности измерения финансовой устойчивости фонда при различных сценариях развития финансовых рынков и экономики в целом. Наиболее детальные и формализованные правила обеспечения платежеспособности, основанные на риске, и санкции за нарушение соотношения принятых обязательств и активов действуют в Нидерландах. Общая для всех финансовых структур страны система FIRM (Financial institution risk analysis method) состоит из двух элементов 1) оценки структуры организации, природы присущих ей рисков и качества управления рисками; 2) определения уровня финансовой устойчивости фонда.

При оценке профиля и структуры организации проводится анализ истории функционирования, системы управления, предлагаемых продуктов, финансового профиля (размеров премий и пенсий), стратегических планов и тактических задач фонда, правил раскрытия информации, методов администрирования, а также роли отдельных структурных единиц в деятельности фонда. (При этом применяются разные модели оценки 1) для фондов, которые самостоятельно осуществляют все виды деятельности, 2) для фондов, которые полностью перестраховывают свои обязательства, и 3) вариант- часть функций передается посредникам).

Вторым этапом применения системы FIRM является оценка 9 категорий рисков в соответствии с уровнем их вероятности и размерами (каждому риску присваивается балл от 1 до 4). В выделенные категории рисков входят внешние риски (демографические, технологические, репутационные и др.), операционные, законодательные, рыночные, кредитные, риски информационных технологий, мошенничества, технические страховые риски (недостаточная оценка вероятности факторов, на основе которых рассчитывались премии).

На следующем этапе рассматриваются факторы, влияющие на выделенные риски, и оценивается (также по шкале от 1 до 4) организация управления рисками. Общий риск пенсионного фонда определяется как сумма баллов за риски за вычетом суммы баллов за управление рисками.

Для определения финансовой устойчивости, (второго элемента метода FIRM) проводится расчет отношения активов фонда к обязательствам и необходимых для нормального функционирования НПФ резервов. Размер минимального резерва фонда должен составлять 4-5% от расчетных обязательств. Величина дополнительного резерва определяется в соответствии с профилем риска фонда (структурой инвестиций, соотношением активов и обязательств, волатильностью обязательств). Фондам предоставляются достаточно

широкие возможности для определения размеров дополнительного резерва. Они могут использовать 3 метода его расчета: стандартный, упрощенный и разработанный самим фондом.

Стандартный метод основан на определенных шок-сценариях, влияющих на величину отдельных рисков (процентных, валютных, кредитных, долготеления, изменения цен на отдельные активы). По каждому риску определяется необходимый резерв, чтобы с вероятностью 97,5% в течение года стоимость активов не снижалась ниже величины обязательств. Для типичного нидерландского фонда величина этого резерва составляет 25-30% от рыночной стоимости обязательств. Величина капитала для обеспечения необходимого уровня платежеспособности (активы и резервы) должна составлять 130-135% от обязательств.¹

Упрощенный метод использует ограниченное число фондов с невысоким уровнем инвестиционных рисков и высокими показателями финансовой устойчивости. При использовании данного метода соотношение активов и обязательств должно быть не менее 130%. Пенсионный фонд может, с согласия регулятора, использовать и свою модель контроля за платежеспособностью. В этом случае он должен предоставить регулятору детальную информацию о методике построения модели и эмпирическое подтверждение ее действительности.

Существует распространенное мнение, что собственная модель может учитывать процедуры риск-менеджмента и наиболее точно определить необходимые резервы для покрытия рисков.

Кроме ежегодной оценки платежеспособности пенсионные фонды Нидерландов каждые три года должны проводить долгосрочный (на 15 лет) анализ финансовой устойчивости фонда при различных сценариях на финансовых рынках (моделируя инфляционные процессы, изменение процентных ставок, инвестиционной доходности, размеры и структуру взносов, возрастной состав клиентов).

В Дании правила оценки платежеспособности пенсионных институтов аналогичны европейским правилам регулирования системы страхования жизни. Необходимым условием сохранения финансовой устойчивости является формирование резервов в размере 4% величины обязательств и 0,3% стоимости рискованных инструментов в инвестиционном портфеле. Дополнительно используется так называемая цветовая система (traffic light system) стресс-тестирования фондов на финансовую устойчивость при изменении процентных ставок и цен на активы в инвестиционном портфеле фонда. Цель данной модели — гарантировать, что пенсионная структура создаст достаточные резервы для противостояния развитию негативных рыночных тенденций.

Стресс — тест предполагает два различных сценария (средний и более серьезный негативные сценарии). Если фонды оказываются неплатежеспособными при среднем сценарии (снижении цен на акции на 12%,

на недвижимость на 8%, изменении процентных ставок на 1%), то его относят к красной зоне. Если фонды теряют финансовую устойчивость при более неблагоприятных условиях (падение цен на акции на 30%, на недвижимость — на 12%, изменении процентных ставок в краткосрочной перспективе на 1,43%), то они попадают в желтую зону. Фонды, которые не теряют платежеспособность даже при более серьезном негативном сценарии, соответствуют зеленому спектру.

Результаты стресс-тестов предоставляются регулятору в общем случае каждые полгода. Красная зона не означает, что организация немедленно должна стать объектом кризисного управления, результаты цветового теста не отражают реальной финансовой ситуации, а предупреждают, что есть риски и необходимо подготовиться к ним. Если фонд оказывается в красной зоне, то надзорный орган рекомендует ему разработать и провести в течение определенного периода комплекс мер по улучшению финансового положения. Кроме этого, фонд должен ежемесячно отчитываться о своем финансовом состоянии и системе управления рисками.² Механизм стресс-тестирования (traffic light) аналогичный датскому используется и в Швеции.

В Австралии основные элементы системы риск-менеджмента были введены в 2004/2006гг. Оценка рисков и связанной с ними системы управления осуществляется на основе скоринговой модели (Probability and impact rating system, PAIRS), учитывающей вероятность несостоятельности пенсионной организации и степень влияния данной несостоятельности на рынок пенсионных услуг. Надзорный орган (Australian prudential regulatory authority, APRA) выделяет 8 видов рисков и факторы, снижающие величину данных рисков. Полученные оценки фонда по каждому риску суммируются и рассчитывается общий рейтинг риска пенсионного фонда.

Далее определяется степень влияния организации (высоким уровнем влияния характеризуются фонды с активами более 2,25 млрд. авст. долл.). (Индекс вероятности риска колеблется в пределах 1-256, индекс влияния 0,25-1000). При этом в Австралии нет нормативов определения финансовой устойчивости и требований к формированию минимальных резервов, как в Нидерландах и Дании.

Система оценки фондов в Австралии предусматривает различный подход к фондам разного размера: детальной оценке подвергаются более крупные фонды. В результате проведенной оценки выделяются такие особые категории фондов как «требующие дополнительного регулирования», «требующие улучшения», «нуждающиеся в реструктуризации». Первая категория предполагает более интенсивный мониторинг деятельности фонда со стороны регулятора (APRA), более частые встречи с доверенными лицами, аудиторами, предоставление по требованию регулятора дополнительной информации. Фонды, требующие улучшения, должны, в соответствии с предписаниями регулятора, составить и реализовывать планы корректировки вы-

явленных проблем (изменения системы управления, структуры активов и др.).

К третьей категории относятся фонды, которые уже столкнулись с серьезными финансовыми проблемами и осуществляют неадекватную, по мнению регулятора, инвестиционную политику. В этом случае контролирующие органы имеют право перевести средства вкладчиков в другую пенсионную структуру. Возможно применение материальных и административных санкций в отношении доверительных управляющих, аудиторов и актуариев, включая их дисквалификацию и запрет заниматься данным видом деятельности.

В отличие от Австралии, Дании и Нидерландов, где пенсионные фонды при регистрации и получении лицензии предоставляют план управления рисками в органы государственной регистрации, но нет каких-либо нормативов формирования специальных внутренних подразделений, занимающихся оценкой и управлением рисками, в Мексике используется другой подход: прямое регулирование и нормативная детализация всех элементов внутреннего риска — менеджмента на основе стандартов VaR рискованности (Value at Risk) и более строгих требований по управлению рисками.

Все управляющие компании пенсионных фондов (Siefores) должны создавать 2 структуры: подразделение по оценке и управлению операционными рисками и подразделение по управлению финансовыми рисками. Оба комитета по риску несут ответственность за систему управления рисками в компании, ее соответствие нормативным документам и действующей финансовой политике управляющей компании и ежеквартально отчитываются о своей деятельности перед специализированным национальным регулятором (CONSAR).

За инвестиционную деятельность ответственность несет специальный инвестиционный комитет компании. В качестве норматива финансовой устойчивости используется показатель максимального изменения стоимости портфеля, ограничивающий снижение стоимости накоплений участников фонда. Мексиканские управляющие компании могут формировать пять типов инвестиционных портфелей, в зависимости от типа портфеля дневные потери могут составлять не более 0,7-2,1% его стоимости. При нарушении данного норматива компания получает предписание от регулятора о внесении корректировок в инвестиционный портфель. За калькуляцию цен и разработку и корректировку методологии оценки несут ответственность две частные компании, контролируемые Мексиканским государственным институтом бухгалтеров (IMCP). Эта же организация контролирует уровень квалификации и процедуры проведения внешнего аудита в Администрациях пенсионных фондов.

Управление активами предполагает выбор инвестиционного портфеля с предполагаемым уровнем доходности и допустимым риском, с учетом имеющихся нормативных ограничений. К основным со-

временным формам контроля за инвестиционной деятельностью относятся определение лимитов (как правило, максимальных) для размещения пенсионных средств, измерение результатов инвестирования на основе рыночных и специальных индексных индикаторов бенчмарков, использование стандартов разумного лица, дифференциация инвестиционных портфелей с учетом возраста застрахованных.

Значительное число фондов, особенно использующих услуги специализированных управляющих на различных сегментах финансового рынка, оценивают результаты инвестирования с помощью индексных индикаторов, учитывающих разную структуру активов и уровень риска инвестиционных стратегий.

Сравнение доходности проводится отдельно для различных видов фондов: облигаций, акций, сбалансированных, фондов денежного рынка. Например, этот метод оценки применяет английская NEST: для Глобального фонда акций (Global equity fund) используется индекс FTSE World development index, Английского фонда надежных ценных бумаг (UK gilts Fund) – FTSE Actuaries all stocks, Фонда денежного рынка низкого риска (Low-risk liquidity fund) – 7-дневный libid.³ Кастомизированные индексные индикаторы используются пенсионными фондами Канады, Новой Зеландии и ряда других стран ОЭСР.

Доступные методики сравнения рискованности разных инвестиционных портфелей считаются особенно важными для ориентации участников. Из стран Восточной Европы частичное использование подхода, основанного на бенчмарках, отмечено в Литве. Бенчмарки обязательны в стране для фондов, работающих с обязательными пенсионными накоплениями, но фонды могут выбирать их самостоятельно при согласовании с регулятором. В стране действуют достаточно либеральные правила инвестирования.

Инвестиционное регулирование требует только минимального уровня диверсификации инвестиционных портфелей. У каждого фонда есть свои инвестиционные стратегии, которые можно изменять без объявления. Управляющие компании пенсионных фондов предоставляют регулятору состав эталонного портфеля, которому они планируют следовать. Тем не менее регулятор не требует точно придерживаться этого бенчмарка и нет санкций за значительные отклонения от него. В этом плане опыт Литвы показывает, что в условиях отсутствия необходимого уровня стандартизации и адекватного централизованного регулирования использование бенчмарков ничего не дает участникам пенсионного страхования.⁴

Стандарт разумного лица представляет собой систему признанных международных требований к организации инвестирования пенсионных накоплений и направлен на обеспечение выполнения организациями, ответственными за управление пенсионными активами, своей работы качественно, профессионально и исключительно в интересах участников и бенефициаров пенсионного фонда. В соответствии с дан-

ым стандартом, инвестирование активов пенсионных фондов должно осуществляться осторожно, привлекая квалифицированных экспертов, осмотрительно, с необходимым предварительным анализом положения на финансовом рынке, сопровождаться мониторингом инвестиционного процесса, применением прозрачных процедур оценки результатов.

Необходимыми элементами стандарта разумного лица являются наличие разработанной и утвержденной правлением фонда инвестиционной политики, детально определенной процедуры оценки финансовых рисков и управления ими, порядка осуществления инвестиционной деятельности, процедуры проведения внутренних проверок, системы внутренней отчетности и аудита, а также кодекса делового поведения и правил регулирования конфликтов участников инвестиционного процесса. Использование стандарта разумного лица предполагает возможность его сочетания с количественными портфельными ограничениями.

Количественные ограничения по классам активов отсутствует в небольшом числе стран (Австралия, Бельгия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Великобритания и США). При этом в Великобритании и США действуют строгие ограничения на самоинвестирование, в Австралии — требование к доверительным собственникам диверсифицировать размещение активов пенсионных фондов.

Лимиты на инвестирование в акции (особенно не имеющие биржевого листинга) используются в 21 стране ОЭСР (но эти ограничения могут касаться не всех категорий пенсионных учреждений, например, в Германии данные ограничения действуют в отношении пенсионных касс и не действуют в отношении пенсионных фондов). Большинство стран устанавливают ограничения (или запрет) на самоинвестирование, вложения в компании, связанные или аффилированные с поставщиками услуг, инвестирование в активы, выпущенные одним эмитентом или одной группой.

Как правило, ограничения действуют на вложения в недвижимость. Например, прямые инвестиции в недвижимость не разрешены в Чили, Японии, Италии, Мексике, Польше и ряде других стран (но возможно вложение в ипотечные облигации или трасты по управлению недвижимостью). Лимиты могут варьировать в зависимости от типа фондов, как в Латинской Америке. В Чили, Мексике, Колумбии и Перу граждане могут присоединяться к различным типам фондов с разным уровнем риска. Доля активов, которые могут быть размещены в акции, наименьшая в более консервативных фондах (верхний лимит 5% в Чили и Мексике и 10% в Перу), в других категориях фондов этот лимит повышается. В Чили средства наиболее консервативных фондов должны инвестироваться в основном в облигации (80% портфеля фонда категории Е инвестировано в государственные облигации).⁵ Действуют ограничения на размещение пенсионных средств за рубежом, в том числе в определенных географических зонах. В Чили каждый тип фонда имеет свои лимиты на инве-

стиции за рубеж (с 35% в фонды категории Е до 100% в фонды категории А).

Примеров использования нижних лимитов немного. Так, с 2014г в Польше открытые пенсионные фонды должны не менее 75% своих активов инвестировать в акции (вложения в государственные ценные бумаги были запрещены).

Англо-саксонская традиция в большей мере опирается на принципы доверительного управления и раскрытия информации для участников, чем на количественные ограничения. Доверенные управляющие ПФ в Австралии, Великобритании и Ирландии должны формировать инвестиционные стратегии. В Великобритании и Ирландии они называются бюллетенями инвестиционных принципов, включающими такие вопросы как планируемые виды инвестиционных инструментов и их соотношение, инвестиционные риски и способы их измерения, планируемая доходность, степень учета при выборе инвестиционных решений социальных, экологических и этических соображений.

Бюллетени инвестиционных принципов должны пересматриваться каждые 3 года или немедленно после серьезных изменений в инвестиционной политике. Попечители должны обеспечивать сохранность, ликвидность, доходность, необходимый уровень диверсификации вложений с учетом природы и длительности принятых обязательств.⁶

В США законодательство требует от трастовых собственников: 1) при выборе инвестиционных альтернатив и поставщиков услуг для плана следовать принципам разумного лица; 2) гарантировать, что комиссионные, выплачиваемые поставщикам услуг и экспертам, являются адекватными и соответствуют уровню и качеству предоставляемых услуг; 3) выбранные направления инвестирования отвечают требованиям рациональности и должным образом диверсифицированы; 4) осуществляется мониторинг эффективности выбранных инвестиционных инструментов и провайдеров. Особый акцент в рамках регулирования пенсионного рынка делается на обеспечении участников необходимой доступной информацией для облегчения инвестиционного выбора.

В последние годы ряд стран идет по пути ослабления ограничений в отношении инвестирования пенсионных средств (Канада, Чили, Мексика, Польша, Швейцария), другие — повышают уровень надежности инвестирования (Финляндия, Ирландия, Нидерланды, Словакия, в Словакии, например, введены гарантии возврата средств для опций с низким риском).⁷ В Ирландии с 2016 г. вводятся новые правила расчета страховых резервов пенсионных фондов и гарантий выплат вкладчикам в случае банкротства пенсионных схем. Новые законы об управлении пенсионными планами, повышающие ответственность управляющих, приняты в Италии (2014 г.), Нидерландах (2013), Новой Зеландии.

Основными объектами вложений являются акции и облигации, суммарно более 80% (максимум в Нор-

вегии 91% и Швеции 87%, на другом конце Германия и Япония — чуть менее 45%). При этом доля облигаций, как правило, превышает долю акций, но есть и исключения (в Австралии доля акций — 49,7%, облигаций- 9%, в Финляндии соответственно 41,5% и 35,4%, в США- 45,7% и 22,3%). Очень высокий уровень размещения пенсионных средств в государственные ценные бумаги в Австрии- 88%, Исландии — 87% . Деньги и депозиты играют основную роль в инвестиционных портфелях в Республике Корея — 59% и в Греции — 40,4%.⁸

По данным на 2014 г. структура общего инвестиционного портфеля пенсионных фондов стран ОЭСР выглядела следующим образом: акции составляли 23,8%, облигации — 51,3%, денежные средства и депозиты- 9,6%, доля вложений в другие финансовые инструменты (т.н. нетрадиционные финансовые активы) — 15,3%.⁹ Альтернативные инвестиции в силу их сложности и низкой ликвидности часто связаны с дополнительными рисками.

Наиболее высокая доля альтернативных (нетрадиционных) инвестиций (куда включаются операции с недвижимостью, вложения в хеджфонды, ссуды, свопы, опционы, фьючерсы, сложные финансовые продукты) в Великобритании (около 38% от общего объема вложений), Канаде (30,4%), Швейцарии (29,2%), Австралии (23,5%), США (16%), из латиноамериканских государств в Бразилии (19,4%). За последние 10 лет (2004/2014 гг.) увеличили долю вложений в альтернативные инструменты Великобритания, Канада, Дания, Португалия, Нидерланды, США, а снизили Австралия (на 10%), Бельгия, Испания.¹⁰

За последнее десятилетие повысили лимиты вложений в недвижимое имущество Австрия, Греция, Испания и Португалия, а Канада отменила ранее действовавшие количественные ограничения. Распространено мнение, что использование производных финансовых инструментов увеличивает возможности пенсионных фондов (в частности, в Нидерландах, Дании и Великобритании)¹¹ хеджировать риски, не жертвуя при этом доходностью, но пока нет достаточной информации об этом.

Зарубежные инвестиции, особенно в государствах с небольшими национальными финансовыми рынками, позволяют пенсионным фондам диверсифицировать портфели, но не обязательно снизить риски. Более 1/3 своего инвестиционного портфеля направляется на приобретение иностранных финансовых инструментов в Нидерландах (81,7%), Эстонии (77,7%), Словакии, Италии, Латвии, Литве, Словении, Швейцарии, Португалии.¹²

Отдельный крупный сегмент пенсионного рынка составляют резервные и суверенные фонды благосостояния, формируемые на длительный период с целью создания накоплений для будущих поколений, которые планировалось использовать после 2020 г., при ухудшении демографической ситуации и росте коэффициента демографической нагрузки.¹³ Размер государственных резервных фондов составляет 5,1 трлн.

долл. Суммарно более 55% активов резервных фондов инвестировано в инструменты с фиксированной доходностью и денежные средства, 30% в имеющие биржевой листинг акции, около 14% в альтернативные инструменты.

Но очень существенно отличается структура размещения средств по странам: в Канаде, Швеции, Австралии доля бумаг с фиксированной доходностью и денежных средств в инвестпортфеле не достигает 35%. Портфель, например, Австралийского фонда будущих поколений ориентирован на высоко рискованные долгосрочные инвестиции, имеет одну из самых значительных долю размещения в альтернативных инструментах — 35,6% от общего объема активов.¹⁴

Активы Фонда будущих поколений являются государственной собственностью. Регулирование и контроль осуществляют Казначейство и Министерство финансов, формирующие Наблюдательный совет фонда, который несет ответственность за инвестирование активов фонда в соответствии с требованиями законодательства и инвестиционного мандата. Управление активами осуществляет Агентство по управлению активами Фонда будущих поколений. В Фонде принята практика привлечения к инвестированию независимых управляющих компаний.

В продажу пенсионных продуктов вовлечено большое количество разных финансовых институтов: таких как страховые компании жизни, банки, управляющие компании. Но основную роль в пенсионном обеспечении играют пенсионные фонды различных типов: институциональные, контрактные, трастовые, закрытые (профессиональные), открытые (розничные). Алгоритм функционирования пенсионных фондов зависит от их организационно-правовых форм, исторических особенностей формирования национальных пенсионных систем и современных реформ в сфере контроля финансовых рынков. Институциональные пенсионные фонды могут реализовывать весь комплекс стратегических и оперативных задач самостоятельно или делегировать часть своих функций другим управляющим структурам.

Пенсионные фонды контрактного типа осуществляют сбор финансовых ресурсов и передачу их специализированному управляющему, ведут учет прироста пенсионных средств и распределение их по счетам застрахованных, проводят выплаты пенсий. Процесс сбора пенсионных взносов может носить как централизованный, так и децентрализованный характер. В централизованных системах государственное агентство (клиринговый центр) несет ответственность за сбор взносов и распределение их по пенсионным фондам и управляющим компаниям; в децентрализованных системах сбор является обязанностью пенсионных фондов.

Преимуществом централизованных систем является экономия, связанная с масштабами деятельности и отсутствием необходимости значительных расходов на привлечение и удержание плательщиков; недостатком — значительный разрыв во времени поступлений пенсионных взносов на индивидуальные счета и воз-

можностью возникновения ошибок и несоответствий.

Правила формирования, функции и принципы работы, полномочия руководства пенсионных фондов (или попечительских советов) определяются законами или нормативными актами. В обязанности руководящих органов пенсионных фондов, как правило, входят выработка основных стратегических целей деятельности организации, включая инвестиционную политику, систему управления рисками, выбор между внутренним и внешним управлением, планирование расходов и сборов, контроль за соблюдением законодательства, нормативных актов, внутренних инструкций и правил фонда.

Регуляторная деятельность варьирует в зависимости от особенностей законодательства, текущего политического курса и других факторов. В государствах с большим количеством фондов и длительной исторической традицией добровольного пенсионного страхования часто отсутствуют единые подходы к организации операционной деятельности фондов, многие бизнес-процессы выстраиваются в соответствии с правилами делового оборота и политикой руководства фонда, а модель регулирования носит так называемый реактивный характер. Государство вмешивается в тех случаях, когда стимулы для адекватного саморегулирования не работают. В то же время, практика ряда стран данной группы (Великобритания, Австралия, Ирландия) демонстрирует, что для небольших фондов и пенсионных планов (с ограниченным количеством ресурсов) эффективным является использование стандартизированных продуктов и коллективных управляющих структур.

Для государств с формирующимися рынками, где нет длительных традиций функционирования систем финансового регулирования и недостаточно развит финансовый сектор, более адекватной считается превентивная модель регулирования и контроля, призванная нейтрализовать риски до того, как они станут серьезной угрозой. В данной модели обязательно используется процесс лицензирования на основе нормативно установленных качественных и количественных критериев и системы детального регламентирования большинства действий управляющих фондом, в том числе процессов, связанных с ведением пенсионных счетов, инвестированием средств, распределением инвестиционного дохода, раскрытием информации.

Существенным для повышения качества управления является усиление внимания контролирующих органов к вопросам внутреннего управления пенсионными фондами, например, разделения полномочий между структурными подразделениями, помогающие свести к минимуму конфликт интересов, внедрение стандартов расчета актуарных обязательств; а также отношений с поставщиками услуг.

Важным принципом управления фондами ряда стран является законодательное или нормативное разграничение оперативных и регуляторных функций. Руководящие органы фонда несут ответственность за формирование инвестиционной, финансовой, ценовой

политики, определение системы управления рисками, функции оперативного управления передаются внешним исполнителям, которые должны нести всю полноту ответственности за принимаемые ими решения. Договор о предоставлении услуг по управлению должен включать положения об обязанностях поставщиков, требованиях к результатам, материальной ответственности в случае некачественного выполнения обязанностей, описание процесса разрешения споров, вопросы ценовой политики и оплаты услуг, порядок организации мониторинга и аудита, условия расторжения договора.

Распространенной среди экономически наиболее развитых стран является практика использования одинаковых принципов и нормативов регулирования для страхового и пенсионного рынков. Современной тенденцией становится переход на методы управления, основанные на риске. Данный тип регулирования призван обеспечить (в условиях состояния нестабильности и непредсказуемости на финансовых рынках и снижающегося уровня доходности традиционных вложений) гибкость инвестиционных режимов, но одновременно требует от управляющих компаний и пенсионных фондов более ответственно подходить к оценке рисков, в том числе и связанных с зависимостью от внешнего управления активами, повышения качества актуарного оценивания. (Стресс-тестирование в Дании и Швеции, учет так называемой рискованной ценности VaR в Мексике). Риск-ориентированный подход становится особо актуальным в условиях либерализации инвестиционного регулирования, но, как показывает практика, требует длительного периода адаптации и апробирования сначала на определенных группах фондов.

Многие государства, в том числе и с переходной экономикой, используют мультипортфельные структуры, предоставляют клиентам возможность выбирать из предложенного меню инвестиционных программ (с разным уровнем риска) или воспользоваться опцией «без выбора» (там, где она есть), при этом различные виды размещения должны сопровождаться соответствующей информацией для застрахованных о степени риска. В ряде стран (например, в Великобритании) оправданным считается использование так называемого подхода «жизненного цикла», при котором влияние рисков по мере приближения пенсионного возраста должно снижаться.

Общей тенденцией для стран ОЭСР является стремление к диверсификации размещения активов, использование наряду с некоторыми количественными ограничениями дополнительных правил качественной оценки предполагаемых направлений размещения средств. Для оценки инвестиционной деятельности фондов и управляющих компаний широко применяется сравнение результатов с совокупными бенчмарками или использование так называемых кастомизированных индексных индикаторов, учитывающих разную структуру инвестиционных портфелей фондов с разной степенью принятия риска.

Литература

1. Ахмадеев Р.Г. Налоговый обмен информацией в рамках деофшоризации экономики // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 8-7. С. 11-15.
  2. Ахмадеев Р.Г., Быканова О.А., Агапова А.А. Налоговое регулирование инвестиционных процессов в экономике // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 38-41.
  3. Ахмадеев Р.Г., Быканова О.А., Косов М.Е. Налоговые поступления в бюджет: перспективы роста // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 12. С. 42-44.
  4. Ахмадеев Р.Г., Косов М.Е. Налоги на конечное потребление в странах ОЭСР и России // Финансы и кредит. 2015. № 44 (668). С. 51-62.
  5. Ахмадеев Р.Г., Косов М.Е. Справедливый принцип прогрессивной шкалы по налогу на доходы // Финансы и кредит. 2015. № 43 (667). С. 15-25.
  6. Kosov M.E., Akhmadeev R.G., Osipov V.S., Kharakoz Yu.K., Smotriskaya I.I. Socio-economic planning of the economy // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 36. С. 102008.
-
- 1 Risk-based supervision of pension funds. Emerging practices and challenges / ed. G. Brunner, R. Hinz, R. Rocha. World Bank 2008.p.80
  - 2 Risk-based supervision of pension funds. Emerging practices and challenges. /ed. G. Brunner, R. Hinz, R. Rocha / World Bank, 2008.p.98
  - 3 Stewart F. Proving incentives for long-term investment by pension funds. The use of outcome based benchmarks World Bank, 2014. P.15
  - 4 Stewart F. Proving incentives for long-term investment by pension funds. The use of outcome based benchmarks World Bank ,2014. P.18
  - 5 Annual survey of investment regulation of pension funds. OECD 2015. P.5
  - 6 Ashcroft J. Defined contribution arrangements in anglo – saxon countries. OECD 2009.p. 23-24
  - 7 OECD Pension outlook. 2014. P.60
  - 8 Pensions at a glance 2015. OECD and G20 indicators 2015. P.196
  - 9 Pension markets in focus 2015.P.14
  - 10 Pension markets in focus 2015.P.19
  - 11 Реальная 10-летняя доходность вложений в этих странах превышала показатели других государствах ОЭСР: в Великобритании- 6,5%, Дании- 5,4%, Нидерландах – 4,8% (Pension markets in focus. 2015.P.13)
  - 12 Pension markets in focus 2015.P.26
  - 13 Финансово-экономический кризис нарушил данные планы, к досрочному использованию средств резервных фондов пенсионных систем были вынуждены прибегнуть Испания, Франция.
  - 14 Annual survey of large pension funds and public pension reserve funds. Report on pension funds long – term investments. OECD. 2014.p.15

УДК 34
ББК 67

СОТРУДНИЧЕСТВО С ГРАЖДАНАМИ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ «О ПОЛИЦИИ»

ЭЛЕОНОРА ВИКТОРОВНА МАРКИНА,

*доцент кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СОСНОВСКАЯ,

*доцент кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент*

*Рецензент: доцент кафедры административной деятельности ОВД, доцент,
кандидат экономических наук А.А. Моружева*

*Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административный процесс*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы связанные с осуществлением сотрудничества в гражданами как одного из основных положений, реализуемых Федеральным законом «О полиции». Авторами проведен анализ основных положений по сотрудничеству с населением на всех уровнях системы МВД; по осуществлению форм и методов прямых контактов с населением; по предоставлению услуг и реагирования на запросы населения; по повышению открытости и привлекательности полиции в целях создания профессионально ориентированного кадрового резерва и привлечения граждан к сотрудничеству.

Ключевые слова: общество, полиция, общественное доверие, сотрудничество, правоохранительные органы, реформа, правопорядок, профессиональная подготовка, содействие органам внутренних дел, участие граждан в правоохранительной функции государства, внештатное сотрудничество, общественные объединения, народные дружины.

Annotation. In this article, topical issues related to the implementation of cooperation in citizens as one of the main provisions implemented by the Federal Law “On Police” are considered. The authors analyzed the main provisions on cooperation with the population at all levels of the MIA system; On the implementation of forms and methods of direct contacts with the public; On providing services and responding to people’s requests; To increase the openness and attractiveness of the police in order to create a professionally oriented personnel reserve and to involve citizens in cooperation.

Keywords: society, police, public trust, cooperation, law enforcement agencies, reform, law and order, training, assistance to law enforcement bodies, participation of citizens in law enforcement functions of the state, freelance cooperation, public associations, people’s squads.

Начало работы над проектом нового закона «О полиции» было обусловлено изменившимися требованиями времени и необходимостью адаптации к ним. В его разработке участвовали депутаты обеих палат Федерального Собрания РФ, члены Общественной палаты РФ, ведущие ученые, представители общественных правозащитных организаций страны. Впервые в истории законопроект был вынесен на общественное обсуждение в Интернете.

К пятой годовщине со дня подписания Федерального закона «О полиции» ведомство подошло с достойными результатами. Одним из главных итогов стало значительно повышение уровня общественного доверия граждан к полицейским. Можно сказать, что модель взаимодействия полиции с гражданами заработала исправно.

В результате реформы были заданы новые параметры, возможности и темпы работы системы. Ми-

нистерство предоставило личному составу полный комплект ресурсов для службы в органах внутренних дел — новый уровень довольствия, возможность получить субсидию на строительство и покупку жилья, полное техническое оснащение, новое легкое обмундирование.

Усовершенствованы медицинское обслуживание и система образования, сотрудники получают комплексное и доступное правовое информирование, в том числе помощь в судебных делах по вопросам защиты чести и достоинства.

Можно с уверенностью сказать, что достигнуто главное — выстроен диалог и сотрудничество с населением на всех уровнях системы МВД, внедряются формы и методы прямых контактов, совершенствуется качество предоставляемых услуг и реагирования на запросы, повышается открытость и привлекательность полиции в целях создания профессионально ориентированного кадрового резерва и привлечения граждан к сотрудничеству.

В соответствии с п. 34 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудники полиции наделены правом привлекать граждан к содействию и сотрудничеству. Данное положение свидетельствует о признании социальной значимости и необходимости взаимодействия правоохранительных органов с обществом.

Вследствие реформы системы МВД Российской Федерации, проведенной в 2011 году, штат сотрудников полиции, осуществляющих в том числе функции по охране общественного порядка, значительно сократился — примерно на 22%. Соответственно, нагрузка в связи с обеспечением правопорядка значительно возросла.

На сегодня активно ведутся дискуссии насчет возможности замены сотрудника полиции гражданином, на которого будут возложены функции по охране общественного порядка, и круга полномочий такого гражданина.

Очевидно, что охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности представляют собой специфического рода деятельность, реализация которой предполагает наличие достаточного уровня профессиональной подготовки, которой рядовой гражданин априори обладать не может. Соответственно, такого рода деятельность должна осуществляться компетентными правоохранительными органами, однако, данное положение не исключает возможность привлечения общественных институтов для успешного достижения ее целей. Процесс вовлечения граждан и общественных объединений в реализацию правоохранительных функций играет большую роль в повышении уровня доверия к деятельности полиции.¹

До недавнего времени законодательно вопрос участия граждан в обеспечении правопорядка урегу-

лирован не был: данное направление было регламентировано нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.² Однако Федеральным законом от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»³ данный пробел был устранен. В частности, законодатель предусмотрел следующие основные формы участия граждан в охране общественного порядка⁴:

Содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам, которое может быть выражено, в частности, в форме информирования о правонарушениях и потенциальных угрозах общественному порядку, в участии в мероприятиях по обеспечению общественного порядка по приглашению правоохранительных органов, при проведении массовых мероприятий (культурных, спортивных, иных) по приглашению их организаторов и др.

Стоит отметить, что перечень форм содействия правоохранительным органам является открытым.

Участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести.

Право на такое участие предоставляется гражданам, достигшим 18 лет, с учетом рекомендаций правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления граждане наделены возможностью самостоятельно формировать организованные группы для поиска, а также определять его маршрут и место. В ходе реализации данной формы участия предусматривается так же ряд обязательств, накладываемых на граждан: не создавать препятствия правоохранительным органам своими действиями в ходе поиска, сообщать сотрудникам и иным должностным лицам имеющую значение для дела информацию, оказывать первую помощь нуждающимся при наличии соответствующей подготовки или навыков. Нормативное урегулирование вопроса участия граждан в поиске лиц, пропавших без вести, способствует более эффективной организации данной деятельности и повышению ее результативности.

Внештатное сотрудничество представляет собой более организованную и развитую форму участия граждан в охране общественного порядка на добровольной, гласной и безвозмездной основе, которая предполагает реализацию следующих направлений деятельности полиции: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждение и пресечение правонарушений, поиск лиц, обеспечение правопорядка в общественных местах, обеспечение безопасности дорожного движения, осуществление экспертно-криминалистической деятельности.⁵

К внештатному сотрудничеству могут привлекаться дееспособные совершеннолетние граждане, не страдающие наркоманией, алкоголизмом, психическими расстройствами. В соответствии с законом внеш-

татными сотрудниками не могут быть лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость, осужденные ранее за умышленные преступления, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, включенные в перечень организаций и лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, а также лица, неоднократно подвергавшиеся административному наказанию в течение года до дня привлечения к сотрудничеству. Внештатные сотрудники полиции наделены такими полномочиями, как требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных деяний (после предъявления специального удостоверения), принимать меры по охране места происшествия и обеспечению сохранности доказательств, получать информацию, необходимую для участия в охране общественного порядка и оказывать иное содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей в этой сфере. Стоит отметить, что на внештатных сотрудников возлагается ряд обязанностей: в частности, знать и соблюдать требования законодательства в сфере охраны общественного порядка, выполнять не противоречащие закону распоряжения штатных сотрудников полиции, соблюдать права и законные интересы граждан, общественных объединений и иных организаций, а также оказывать первую помощь нуждающимся гражданам в случае наличия соответствующей подготовки или навыков. Отказаться от выполнения возложенных Законом обязанностей внештатные сотрудники полиции могут, если имеются достаточные основания полагать, что их жизни и здоровью может угрожать опасность. Следует иметь в виду, что в ряде случаев их смогут исключить из числа внештатных сотрудников полиции.

Участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности.

Решение о создании такого рода объединений принимается гражданами на общем собрании. Создаются такие объединения по месту жительства, нахождения собственности, работы или учебы граждан без образования юридического лица — в форме органа общественной самодеятельности. О создании объединения необходимо уведомить орган местного самоуправления соответствующего муниципального образования (в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге — в орган государственной власти соответствующего субъекта РФ) и территориальный орган МВД России. Помимо содействия правоохранительным органам в охране общественного порядка и участия в предупреждении и пресечении правонарушений, участники таких объединений могут заниматься распространением правовых знаний и разъяснением норм поведения в общественных местах. Учредите-

лями или участниками общественного объединения правоохранительной направленности могут быть граждане, отвечающие тем же требованиям, что и привлекаемые к сотрудничеству с полицией.

Так, в июне 2015 года проект партии «Единая Россия» под названием «Безопасная столица»⁶ приобрел статус общественного объединения правоохранительной направленности. В рамках данного проекта была поставлена цель повешения степени защищенности прав и законных интересов жителей столицы посредством взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества. Рейды общественных патрулей, в первую очередь, направлены на организацию профилактики правонарушений в жилом секторе, разъяснительную работу с гражданами, правовое просвещение несовершеннолетних, выявление различного рода недостатков на административной территории с последующим информированием соответствующих структур о необходимости их устранения. Стоит отметить, что общественность, в частности, молодежная среда с интересом и большой долей ответственности отнеслись к возложенным на них полномочиям в рамках рассматриваемого проекта. Так, по официальным данным СМИ, благодаря действиям активистов «Безопасной столицы» к концу 2015 года сотрудниками правоохранительных органов была выявлена и пресечена организация 6 подпольных казино в г. Москве.⁷ Полугодовой опыт существования данной общественной организации правоохранительной направленности свидетельствует не только о готовности гражданского общества участвовать в обеспечении правопорядка посредством оказания различного рода содействия правоохранительным органам, но и об открытости к такому виду содействия со стороны правоохранительных органов, что, в частности, подтверждается заявлением руководителя департамента региональной безопасности А. Майорова о передаче постоянно обновляемой криминальной карты г. Москвы активистам «Безопасной столицы» для осуществления эффективных рейдов.⁸

Народные дружины — основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.⁹

В народные дружины граждане РФ принимаются на добровольной основе с учетом тех же критериев, что при отборе внештатных сотрудников полиции и участников общественных объединений правоохранительной направленности. Однако в отличие от них народные дружинники должны проходить подготовку по основным направлениям деятельности народных дружин, к действиям в условиях, связанных с применени-

ем физической силы, по оказанию первой помощи.¹⁰ Стоит отметить, что дружинники уполномочены применять физическую силу для устранения опасности, непосредственно угрожающей им самим или иным лицам, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. В иных случаях, в частности, для пресечения правонарушения применять физическую силу запрещается. Соответственно, специальными полномочиями граждане при реализации рассматриваемых видов деятельности не наделены. И это видится целесообразным, ввиду того что наделение специальными полномочиями обусловлено соответствующим уровнем профессиональной подготовки действовать в экстремальных ситуациях повышенной опасности, каковыми рядовые граждане не обладают.

Таким образом, законодательное закрепление форм взаимодействия граждан, в частности, с полицией на федеральном уровне способствует развитию данного института, формированию высокого уровня доверия к правоохранительной деятельности, повышению уровня правосознания, культуры правомерного поведения. Безусловно, нормативное регулирование в данной области нуждается в развитии и совершенствовании, в частности, в вопросах организации минимального уровня подготовки граждан, привлекаемых к охране общественного порядка, обеспечении их специальными средствами индивидуальной защиты, предупреждении об ответственности за разглашение сведений, составляющих служебную тайну, и ставших известными гражданину в связи с осуществлением им правоохранительной деятельности.¹¹ Кроме того, видится целесообразным привлечение к взаимодействию с правоохранительными органами молодежной среды, в частности, в сфере выявления противоправной деятельности в интернет-пространстве, что обеспечит не только повышение уровня раскрываемости правонарушений, но и безопасность граждан, изъявивших желание к осуществлению такого содействия.

1 Сургутскова А.В., Юрицин А.Е. Новые реалии в сфере участия общественных объединений правоохранительной направленности и граждан в охране общественного порядка // Актуальные вопросы публичного права. Научно-практический журнал. № 2.-Омск.- 2015. С. 45.

2 См., в частности, Закон г. Москвы от 26 июня 2002 г. № 36 «О Московской городской народной дружине» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 31, август, 2002. Закон Московской области от 12 января 2005 г. № 4/2005-ОЗ «О народных дружинах в Московской области» // «Вестник Московской областной Думы», № 4, май, 2005. Закон Санкт-Петербурга от 8 ноября 2001 г. № 760-95 «Об участии граждан в обеспечении правопорядка в Санкт-Петербурге» // «Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга», № 12, 25.12.2001. и др.

3 Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // «Российская газета», № 77, 04.04.2014.

4 Гл. 2 Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

5 Приказ МВД России от 10.01.2012 № 8 (ред. от 20.04.2015) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2012 N 23563) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 20.05.2015.

6 Общественное объединение правоохранительной направленности «Безопасная столица», 2015. Официальный сайт. URL: <http://safemsk.ru>

7 Активисты «Безопасной столицы» помогли обнаружить подпольное казино / ФГБУ Редакция «Российской газеты», 1998-2016. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/03/kazino-site-anons.html>

8 Криминогенную карту Москвы передадут активистам для проведения рейдов, 29.01.2016 // M24.RU, 2012-2016. URL: <http://www.m24.ru/m/articles/95800>

9 Ст. 2 Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

10 Ст. 15 Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

11 Сургутскова А.В., Юрицин А.Е. Новые реалии в сфере участия общественных объединений правоохранительной направленности и граждан в охране общественного порядка // Актуальные вопросы публичного права. Научно-практический журнал. № 2. -Омск.- 2015. С. 50.

УДК: 342
ББК: 12.00.14

УГРОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА МЕТРОПОЛИТЕНАХ

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СМIRНОВ,

*адъюнкт кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(заместитель начальника отдела охраны общественного порядка УВД
на ММ ГУ МВД России по г. Москве).*

E-mail: M.Al.Smirnov@yandex.ru,

*Научный руководитель, рецензент: профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор С.М. Зырянов
Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административная деятельность.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается классификация угроз общественной безопасности на метрополитенах, путем анализа «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации».

Ключевые слова: безопасность, транспорт, метрополитен, стратегия, концепция, субъект транспортной инфраструктуры.

Annotation. In this issue authors narrate about the classification the threat to Public safety, by the analysis of «The national security strategy of the Russian Federation until 2020 year» and «The concept of Public security in the Russian Federation».

Keywords: security, transport, subway, strategy, concept, the subject of transport infrastructure.

Переживаемый миром очередной этап научно-технического прогресса, технологическая революция, инновации пронизывают все стороны общественного развития. Процессы глобализации затрагивают все новые и новые сферы человеческой деятельности. Обозначенное своим образом оказывает воздействие на содержание государственной политики в области обеспечения безопасности, программы ее реализации, на формирование и приведение в действие механизмов ее исполнения. В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития, в настоящее время, переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности. При этом реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам является одним из обязательных условий обеспечения национальной безопасности. Такие понятия, как: «безопасность», «национальная безопасность», «общественная без-

опасность», «транспортная безопасность» «экологическая безопасность», «информационная безопасность» закладываются в основание государственных стратегий развития, различного рода политических доктрин и концепций большинства общественных, политических организаций и движений нашей страны.¹

В Российской Федерации появляются все больше и больше объектов, которым необходимы особые, режимные правила деятельности, способные создавать условия для их качественного функционирования. К таковым объектам относится и метрополитен. Специфика ситуации складывается в том, что в закрытом, в 99% случаях подземном пространстве, находится свыше сотен тысяч людей, которые осуществляют транзит на достаточно большие расстояния. Сама по себе деятельность метрополитенов, как объектов транспортного комплекса, естественно подвержена угрозам как извне, так и внутренним. То есть ситуация, складывающаяся в ходе пользования метрополитеном, влияет на изменение содержания общественных отношений, выражает необходимость изменения форм и методов управления в создающихся условиях и как следствие, установление административно-правового режима.

Метрополитен как объект управления — крупная, сложная, работающая при наличии помех нелинейная система, в которой одновременно задействовано большое количество подвижного состава, различного рода транспортных систем, которые, в свою очередь, должны работать слаженно и четко.

О сложности метрополитена как объекта управления свидетельствуют следующие признаки:

- многообразии структурных подразделений, высокая степень централизации, взаимосвязанность и необходимость синхронизации действий различных служб;
- необходимость решения не только отдельных инженерно-экономических задач, но и вопросов долгосрочного планирования и прогнозирования, наличие больших внешних связей системы;
- постоянный рост объема работы и информации, затрудняющий и делающий невозможным для человека полный анализ информации и принятие оптимального решения без ЭВМ.

В современных условиях проблема обеспечения безопасности такого объекта, как метрополитен, выходит в разряд приоритетных, что обусловлено рядом причин, в т.ч.: рост преступности в стране;

- активизация террористической и диверсионной деятельности националистических и подпольных организаций;
- неумещающее количество несчастных случаев на платформах и прилегающих пространствах, аварий подвижного состава;
- насущная необходимость реструктуризации АС и электросети в соответствии с новейшими информационными технологиями, способствующими появлению оборудования информационно-вычислительного и телекоммуникационного назначения, требующего особой защиты.

Предмет защиты — конкретные объекты метрополитена, подлежащие защите с помощью той или иной системы. К ним относятся:

- люди — персонал объекта, пассажиры;
- материальные и хозяйственные объекты;
- информация, обрабатываемая и хранящаяся в автоматизированных системах;
- система управления эксплуатацией (СУЭ), в состав которой входят системы: обеспечения кондиционирования и вентиляции воздуха; управления эскалаторным оборудованием; контроля основных энергетических показателей; обеспечения экологического мониторинга;
- информация, поступающая от технической системы охраны — системы контроля доступа через турникеты, пожарной сигнализации (СПС); аварийного оповещения и управления эвакуацией персонала и пассажиров (СОУЭ); охранной сигнализации («тревожные кнопки»); видеоконтроля (СВК).

Как уже было отмечено метрополитен служит для перевозки пассажиров и одновременно является одним из самых широко используемых видов транспорта. Анализ деятельности метрополитенов показывает, что его притягательность в качестве объекта террористических атак обусловлена следующими позициями:

- большими пассажиропотоками и возможностью причинения максимального вреда людям, при взрыве в замкнутом пространстве;
- интенсивностью движения поездов;
- относительно свободным проходом на станции;
- невозможностью широкомасштабного использования технических средств для обнаружения оружия и взрывчатых веществ.²

Степень защищенности транспортных систем играет немалую роль в нормальном функционировании государства в целом. Исходя из этого государство имеет ряд собственных интересов в области транспорта, к которым можно отнести такие интересы, как: удовлетворение потребностей личности, общества и государства в современном спектре транспортных услуг; достижение технического перевооружения и модернизации транспортного комплекса; эффективности и безопасности транспортного процесса; и самое важное, приведение транспортной безопасности России к уровню международных стандартов, что является необходимым условием реализации потенциала транспортного комплекса; предупреждение и пресечение преступлений на транспорте, включая терроризм.

По мнению Веремеенко И.И. ««Состояние общественного спокойствия» обеспечивается и ритмичной работой транспорта. В часы пик, когда эта ритмичность нарушается, безусловно, можно наблюдать «состояние общественного беспокойства». Между тем ритмичность работы транспорта обеспечивается рядом таких отношений (трудовых, например), которые никак нельзя отнести к сфере общественного порядка»³. Таким образом если террористической либо экстремисткой деятельностью националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур будет нарушена работа метрополитена в каком-либо из субъектов Российской Федерации, то будет наблюдаться дестабилизация социальной ситуации.

Соответственно безопасность метрополитенов достигается путем проведения соответствующей государственной политики, разработкой и применением системы мер политического, экономического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства в транспортной сфере.

Основой внимания к проблеме формирования и обеспечения административно-правовых режимов является механизм формирования и реализация Стратегии национальной безопасности России (Далее — Стратегия), призванной обеспечить защиту национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз за счет политических, экономических, военных, правовых, научно-технических и иных возможностей

государства.

В свою очередь, Концепция общественной безопасности в Российском государстве является синтезом государственной и общественной безопасности. В итоге безопасность становится универсальной системой взаимной защиты прав и интересов личности, общества и государства.

Данные акты содержат в себе характеристики угроз обозначенным видам безопасности. Пункт 37, раздела 2, 4 главы Стратегии описывает основные источники угроз.

В Концепции дается оценка состояния общественной безопасности в Российской Федерации как нестабильное и несмотря на принимаемые государством и обществом усилия, направленные на борьбу с преступными и иными противоправными посягательствами, предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут.

Исходя из перечня угроз, изложенных в Концепции можно выделить три дополнительные, которые не обозначены в Стратегии, а именно это правонарушения, совершаемые в различные рода состояниях опьянения, общее ухудшение состояния транспортного комплекса, и колебание характеристик гидрологического режима. И следует отметить, что в пункте 13 не предусмотрен такой вид транспорта как метрополитен, хотя число совершенных правонарушений на метрополитене лицами, находившимися в состоянии опьянения так же не мало.

Источники угроз, изложенные в Концепции и Стратегии, напрямую, либо косвенно, связаны с истоками формирования административно-правового режима на объектах метрополитена, в широком смысле, так как данные нормативные акты так же предусматривают и решения, направленные на обеспечение защиты от данных угроз.

В стратегии данное решение содержится в пункте 38: «Главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере.»

В Концепции данные решения отражены значительно шире и содержатся в IV разделе. Но так или иначе, как Стратегия, так и Концепция, предусматривают в качестве одного из решений по защите от данных угроз нормативно-правовое регулирование в различных сферах государственной деятельности.

Для реализации защиты от угроз, обозначенных в

Стратегии и Концепции, был разработан и принят один из основополагающих нормативно-правовых актов, устанавливающий административно-правовой режим как на транспорте в целом и на метрополитенах в частности. Таким актом является Федеральный закон от 09.02.2007 года № 16 ФЗ «О транспортной безопасности».

В Российской Федерации в настоящее время функционирует 7 метрополитенов, в таких городах как Москва, Санкт-Петербург, Самара, Новосибирск, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург. В указанных субъектах РФ, приняты законодательные акты, которые определяют, что же такое метрополитен:

«Метрополитен — один из основных видов городского пассажирского транспорта, многие станции которого являются памятниками истории, культуры, архитектуры и охраняются государством. К территории метрополитена относятся станции и входящие в их состав подуличные переходы, межстанционные тоннели и открытые участки, площадки электроподстанций, депо и вентиляционные шахты, вагоны поездов. Метрополитен — транспортное предприятие, связанное с повышенной опасностью».⁴

«Метрополитен является одним из основных видов городского пассажирского транспорта общего пользования, деятельность которого связана с повышенной опасностью».⁵

«Метрополитен — один из основных видов городского пассажирского транспорта общего пользования, требующий особого внимания при эксплуатации в связи с повышенной опасностью для пассажиров».⁶

Таким образом можно сделать вывод о необходимости единогласного законодательного определения метрополитена на федеральном уровне, так как по своей сути понятия «метрополитен» не содержится ни в одном законодательном акте. В самом ФЗ «О транспортной безопасности» это определение содержится очень сухо в п. «б» ч.5 ст.1, а именно «метрополитены». В данном ФЗ, в статье об основных понятиях, существенно шире раскрыты понятия иных видов транспорта и какие объекты инфраструктуры входят в сам транспортный комплекс, а как видно из приведенных выше дефиниций — разные субъекты РФ подходят к определению системы метрополитенов по разному, что вызывает ряд проблем в регулировании отношений, связанных с обеспечением как транспортной безопасности, так и общественной.

Кроме этого для выработки грамотной государственной политики в сфере внутренних дел, для организации охраны общественного порядка на метрополитенах, обеспечения административного режима, необходимо определить административно-правовой статус органов внутренних дел на метрополитенах, так как Указом Президента Российской Федерации № 248 от 01 марта 2011 года «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» определен статус только УВД на Московском метрополитене как территориального органа внутренних дел на районном уровне.⁷

В случае принятия законодательного акта на федеральном уровне, устанавливающего, что метрополитен является объектом транспорта, возможно это вызовет ряд организационно-штатных изменений в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: органы внутренних дел на метрополитенах будут отнесены к транспортной полиции, со всеми вытекающими последствиями. По своей сути это должно положительно сказаться как на организации деятельности указанных органов внутренних дел, в ключе выполнения требований по защите от угроз, рассматриваемых в Концепции и Стратегии, так и на ее оценке.

Литература

1. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
2. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685).
3. Указ Президента Российской Федерации № 248 от 01 марта 2011 года «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации».
4. Федеральный закон Российской Федерации «О транспортной безопасности» от 02.02.2017 года
5. Постановление Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г. «Об утверждении Правил пользования Московским метрополитеном»
6. Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 5 апреля 2013 года № 1229 «Об утверждении Правил пользования Нижегородским метрополитеном» (с изменениями на 24 ноября 2014 года).
7. Решение Казанской городской Думы №13-5 от 27 апреля 2011 г. «Правила пользования метрополитеном города Казани».
8. Проценко С.В. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. N 8. С. 40 — 43.
9. Криминологические аспекты антитеррористической защищенности метрополитенов: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Игошкина Анна Сергеевна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ] Москва, 2009.

Reference

1. Ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2009 N 537 (red. ot 01.07.2014) "O Strategii nacional'noj

- bezopacnosti Roccijckoj Federacii do 2020 goda".
2. "Konceptija obshhctvennoj bezopacnosti v Roccijckoj Federacii" (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 N Pp-2685).
3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 248 ot 01 marta 2011 goda «Voprosy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj federacii».
4. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O transportnoj bezopasnosti» ot 02.02.2017 goda
5. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy №844-PP ot 16.09.2008 g. "Ob utverzhdenii Pravil pol'zovanija Moskovskim metropolitenom"
6. Postanovlenie adminictpacii gopoda Nizhnego Novgopoda ot 5 aprelja 2013 goda № 1229 «Ob utvepzhdanii Pravil pol'zovanija Nizhegopodckim metropolitenom» (s izmenenijami na 24 nojabrja 2014 goda).
7. Reshenie Kazanckoj gopodckoj Dumy №13-5 ot 27 aprelja 2011 g. «Pravila pol'zovanija metropolitenom gopoda Kazani».
8. Procenko S.V. Ugrozy tpancportnoj bezopacnosti Roccijckoj Fedepacii // Roccijckaja jucticija. 2010. N 8. С. 40 — 43.
9. Kpiminologicheckie aspeky antiterroricticheckoj zashhishhenosti metropolitenov: diccertacija kandidata juridicheckih nauk: 12.00.08 / Igoshkina Anna Sergeevna; [Mecto zashhity: Mock. un-t MVD RF] Mockva, 2009.

1 Проценко С.В. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. N 8. С. 40 — 43.

2 Криминологические аспекты антитеррористической защищенности метрополитенов: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Игошкина Анна Сергеевна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ] Москва, 2009.

3 Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Часть 1. Предмет и понятие. М., ВНИИ МВД СССР, 1981, 72 с.

4 Постановление Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г. «Об утверждении Правил пользования Московским метрополитеном»

5 Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 5 апреля 2013 года № 1229 «Об утверждении Правил пользования Нижегородским метрополитеном» (с изменениями на 24 ноября 2014 года)

6 Решение Казанской городской Думы №13-5 от 27 апреля 2011 г. «Правила пользования метрополитеном города Казани»

7 Пункт «г» раздела 4 настоящего Указа

УДК 34
ББК 67

**В ЧЕМ СУТЬ НЕОБХОДИМОСТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВОПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТИ И ИЗДАНИЯ
АДРЕСНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ?
(АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ
В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ —
ВНЕШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ)**

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра (НИЦ) по проблемам организации деятельности органов внутренних дел Академии управления МВД России.

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

доктор экономических наук и канд. юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Дополнительно совм. с докт. юр. наук Ф.П. Васильевым планируют разработать проекты 72 часовых программ для обучения (переподготовки) внештатных сотрудников правоохранительных органов по соответствующим направлениям и регулирования их деятельности (МВД, Росгвардии, ФССП, ФТС, ФСИН, ФСО, военной полиции и др.);

НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА БЕРЕЖКОВА,

помощник прокурора Ленинского района г. Ульяновска (см. публикации по проблемам образования, деятельности правоохранительных органов и госслужбы – свыше 30 работ);

ДЕНИС НИКОЛАЕВИЧ НОВИКОВ,

слушатель Академии управления МВД России, подполковник полиции. В рамках выпускного диссертационного исследования (инициатор предложения, см. публикации за 2017 г.);

ВЕНИАМИН НИКОЛАЕВИЧ ШАШКАРОВ,

доцент Военного университета Минобороны России, г. Москва, кандидат юридических наук.

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА АНОХИНА,

профессор кафедры административного права Барнаульского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции

ЭМИЛЬ ЮСИФОВИЧ МАМЕДОВ,

Заместитель начальника ОУУП и ПДН ОП-3 УМВД России по г. Астрахань, подполковник полиции, адъюнкт (1 курса) заочного обучения

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. действительно, ныне правопорядок и безопасность при наличии прямых угроз личной безопасности недопустимо без пересмотра основных нормативных правовых актов (НПА), регламентирующих исполнения госфункций и привлечения общественных формирований (граждан РФ). И издание адресного характера НПА и предлагаемого авторского варианта (всего семь) проекта постановления Правительства России представляет правильности, требующий в последующем в закономерном порядке пересмотра конкретных НПА и ФЗ, изданных за последние годы (2014-2017). В авторских суждениях (см. перечень их трудов 2012-2017 гг.) выдвигаются достаточно неординарного характера предложения. Так, в целях недопущения присутствия «карманных» надзорных органов Ф.П. Васильевым предлагается передать Ространснадзор в ведение МВД России (а передача других в ведение Президента России) или же о необходимости издания Указа Президента России об особенностях взаимодействия правоохранительных органов в области обеспечения правопорядка и безопасности. Несомненно авторские суждения будут весьма интересными и полезными не только для науки и читателям, но и законодателям.

Ключевые слова: безопасность, внештатный сотрудник, время, выдвижение, госслужба, запрет, добровольность, муниципальный, полиция, резерв, Росгвардия, полиция, правоохранительный, ФСБ, ФСИН, ФССП, ходатайство.

Annotation. actually, now law and safety with the presence of the straight threats of personal safety it is inadmissible without the revision of the basic normative lawful reports (NPA), of regulating performances gosfunktsiy and attraction of public formations (citizens RF). And the publication of address nature NPA and proposed author's version (only seven) of the project of the decision of

the government of Russia presents correctness, that requires subsequently in the regular order the revision of concrete NPA and FZ, published in recent years (2014-2017). In the author's judgments (see the enumeration of their works 2012-2017 yr.) are advanced sufficiently uncommon nature propositions. Thus, for purposes of the non-admission of the presence "pocket" nadzornykh organs F.P. By Vasil'yev he is proposed to transmit Rostransnadzor into conducting MVD of Russia (but the transfer of others to conducting of the President of Russia) or about the need of publishing the President's Decree of Russia about the special features of the cooperation of law-enforcement agencies in the region of providing law and safety. Undoubtedly author's judgments will be completely interesting and useful not only for the science and to the readers, but also to legislators.

Keywords: safety, freelancer, time, advancement, gossuzhba, prohibition, voluntariness, municipal, the police, reserve, Rosgvardiya, the police, law-enforcement, the FSB, FSIN, FSSP, petition.

Разработанный проект «Типовое Положение о внештатном сотруднике правоохранительного органа» — Постановление Правительства Российской Федерации разработан под редакцией и руководством доктора юридических наук Васильева Федора Петровича с участием:

Проект постановления:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от «___» _____ 2017 ГОДА «Об утверждении Положения о внештатных сотрудниках правоохранительных органов»

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»

Правительство России

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить прилагаемое:

Типовое положение о внештатном сотруднике правоохранительных органов»¹ (далее – Положение).

2. В целях обеспечения реализации соответствующих законов Российской Федерации (федеральных законов), в процессе обеспечения работы с внештатными сотрудниками правоохранительных органов руководителям соответствующих органов власти всех уровней дополнительно следует:

а) руководствоваться Распоряжением Президента России от 4 мая 2011 г. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (28 апреля 2011 г. Пр-1168.);

б) взаимодействовать с территориальными органами МВД России для обеспечения ведения Единого федерального реестра внештатного сотрудника правоохранительных органов.

3. Минобрнауки России и руководители соответствующих федеральных государственных органов в соответствии Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» утверждают совместными приказами соответствующие тематические программы обучения (тестирования)

внештатных сотрудников правоохранительных органов.

Обучение, переподготовка внештатных сотрудников соответствующих правоохранительных органов осуществляется государственными и иными негосударственными образовательными организациями на основе договора с правоохранительными органами или по личной инициативе самих граждан Российской Федерации с указанными образовательными организациями.

4. Министерству финансов России и местным органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации по мере согласования с соответствующими правоохранительными органами разрешить вопросы выделения дополнительных бюджетных средств (ассигнований) в установленном порядке, руководствуясь соответствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации для социальной поддержки (стимулирования) внештатных сотрудников названных правоохранительных органов.

5. Руководителям указанных правоохранительных органов и местным органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, привести в соответствие с данным Постановлением ранее изданные ведомственные нормативные правовые акты по части регламентирующих деятельность внештатных сотрудников правоохранительных органов.

6. Контроль за исполнением данного Постановления осуществляется Правовым департаментом Правительства Российской Федерации.

6.1. Правовому Департаменту Правительства России совместно с заинтересованными лицами (разработчиками данного Постановления) подготовить проекты предложений для внесения изменений и дополнений в соответствующие федеральные законы и указы Президента России, регламентирующие деятельность общественных формирований правоохранительной направленности (внештатных сотрудников правоохранительных органов (полиции), в том числе в области природоохранной деятельности (Росприроднадзор).

ТИПОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ОФОРМЛЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ,
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Общие положения:

1. Настоящее Положение разработано на основа-

нии Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»; Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и устанавливает порядок привлечения, оформления и деятельности в России внештатных сотрудников правоохранительных органов: прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел и военной полиции Минобороны России, таможенных органов, органов государственной охраны (ФСО), Росгвардии, органов исполнения уголовных наказаний, судебных приставов (ФССП), СК России (далее - правоохранительные органы).

2. В целях обеспечения выполнения возложенных на них обязанностей, правоохранительным органам в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляется право привлекать в установленном порядке для внештатной работы граждан Российской Федерации, не состоящих в штате названных органов, подразделений, войск.

3. В качестве внештатных сотрудников правоохранительных органов, (далее - внештатные сотрудники) могут привлекаться на добровольных началах граждане Российской Федерации не моложе 18 лет, положительно характеризующиеся по месту трудовой (служебной) деятельности, учебы, имеющие, как правило, среднее или высшее образование (преимущественно правового образования), правовых знаний по соответствующим направлениям, активно участвующие в общественной жизни, способные по своим деловым, правовым и моральным качествам, умеющим успешно выполнять поставленные перед ними задачи.

4. Внештатные сотрудники оказывают правоохранительным органам содействие в проведении мероприятий по охране общественного порядка, борьбе с преступностью и решению других задач на общественных началах в свободное от работы или учебы время.

5. Деятельность по руководству внештатными сотрудниками осуществляется на основе Конституции Российской Федерации, Федерального закона Российской Федерации «Об участии граждан в охране правопорядка», Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений» Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ о защите от ЧС), федеральных законов о транспортной и дорожной безопасности, и других федеральных законов, регулирующих пресечение тех или иных противоправных действий (правонарушений), а также обеспечение безопасности (ФКЗ и ФЗ, законов РФ и законов субъектов Российской Федерации), настоящего Положения, иных

актов законодательства Российской Федерации.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ С ВНЕШТАТНЫМИ СОТРУДНИКАМИ

6. Работу с внештатными сотрудниками ведут сотрудники соответствующих вышеназванных правоохранительных органов, которым данная работа вменена в должностные обязанности.

Руководители территориальных правоохранительных органов субъектов Российской Федерации в установленном порядке разрешают вопросы финансово-материального стимулирования (поддержки активных внештатных сотрудников. В том числе с местными и муниципальными органами и иными работодателями).

7. Закрепление за сотрудником подразделения правоохранительных органов внештатного сотрудника производится приказом руководителя соответствующего территориального правоохранительного органа.

8. На подразделения правоохранительного органа возлагаются:

8.1. обеспечение взаимодействия с трудовыми, учебными коллективами, штабами добровольных дружин и другими общественными организациями (формированиями) по вопросам подбора внештатных сотрудников;

8.2. распределение внештатных сотрудников и организация их работы в соответствии со складывающейся оперативной обстановкой;

8.3. осуществление контроля за работой подчиненных с внештатными сотрудниками, оказание им практической помощи, выявление и распространение передового опыта, обеспечение законности, оценка состояния работы с внештатными сотрудниками и разработка мероприятий по повышению ее эффективности.

8.4. по согласованию с руководителем территориального органа, разрешает вопросы обучения правовой и физической подготовки (переподготовки) внештатных сотрудников в образовательных организациях в установленном порядке. Внештатный сотрудник (гражданин РФ), вправе проходить переподготовку самостоятельно на основе индивидуального договора с соответствующей образовательной организацией и получение свидетельства о прохождении курсов², выдаваемое образовательной организацией установленного образца.

9. Внештатный сотрудник правоохранительного органа, участвовавший в охране общественного порядка или обеспечении той или иной безопасности не менее трех лет на добровольной основе, обладает в преимущественном порядке для приема прохождения на ту или иную государственную, военную, правоохранительную службу Российской Федерации в установленном порядке.

Подтверждающим документом для приема на государственную службу является, выдаваемая характеристика-ходатайство, подписанная непосредственным сотрудником (руководившим) правоохранительного

органа и руководителем данного территориального правоохранительного органа, заверенная гербовой печатью территориального органа.

ПОРЯДОК ПОДБОРА И ОФОРМЛЕНИЯ ВНЕШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ

10. Подбор внештатных сотрудников осуществляется из числа служащих, работников, студентов высших учебных заведений, обучающихся средних специальных учебных заведений, достигших 18 летнего возраста, добровольных дружинников, безработные граждане, состоящие на учете в территориальном социальном органе, а также из числа пенсионеров, как правило, бывших работников правоохранительных органов, органов МЧС России, ФСО, ФСИН и ФСБ России, органов прокуратуры, дознания и следствия, пограничной службы ФСБ и Росгвардии, военнослужащих Минобороны России.

Прием в качестве внештатного сотрудника правоохранительного органа оформляются граждане в преимущественном порядке по месту временного или постоянного жительства.

В работе по подбору внештатных сотрудников правоохранительные органы опираются на помощь государственных и иных организациях, образовательных организациях, добровольных дружин.

11. Правовая грамотность и правосознание, деловые и моральные качества кандидатов во внештатные сотрудники в течение одного месяца устанавливаются сотрудниками соответствующих правоохранительных органов.

Территориальные органы (должностные лица) вправе на первоначальном этапе принять решение о приеме по результатам проведенного тестирования, разработанного соответствующими образовательными организациями на основе обращений данного территориального органа.

В перечне тестирования внимание должно быть уделено вопросам общеправовым, угроз безопасности, личной и иной безопасности с учетом характеристики направлений деятельности данного ведомства (подразделения, службы) и региона (местности).

12. По завершению изучения правовой грамотности, деловых и моральных качеств кандидата во внештатные сотрудники сотрудник, ведущий работу с внештатными сотрудниками, докладывает об этом в установленном порядке руководителю соответствующего территориального правоохранительного органа. При этом прилагаются:

- личное заявление кандидата о зачислении его внештатным сотрудником;
- рекомендация по месту трудовой (служебной, бытовой) деятельности, образовательной и иной организации, добровольной дружины;
- автобиография;
- две фотокарточки размером 3 x 4 см;
- справки соответствующих медицинских уч-

реждений об отсутствии ограничений или противопоказаний для работы с гражданами;

- заключение сотрудника, проводившего изучение кандидата³.

13. Окончательное решение о зачислении кандидата внештатным сотрудником принимает руководитель правоохранительного органа, органа или подразделения по чрезвычайным ситуациям, органа пограничной службы Российской Федерации после проведенного с кандидатом собеседования и подписания распоряжения.

Кандидату разъясняется о том, что он как внештатный сотрудник обязан добросовестно выполнять свои обязанности, способствовать укреплению авторитета данного правоохранительного органа, соблюдать законодательство Российской Федерации, быть вежливым в обращении с гражданами, внимательно относиться к их обращениям, заявлениям и жалобам.

Итоговое зачисление кандидата внештатным сотрудником производится приказом руководителя соответствующего территориального правоохранительного органа.

14. Предварительно внештатному сотруднику выдается под расписку удостоверение установленного образца по форме (приложение 1) и соответствующие атрибуты (нагрудный знак с соответствующей символикой и жетон-номерной знак), разработанные федеральным территориальным органом по данному субъекту Российской Федерации.

Удостоверение подписывается руководителем соответствующего территориального правоохранительного органа.

Удостоверение и атрибуты внештатному сотруднику выдаются сроком на один год и по мере необходимости продляется на такой же срок.

Учет выданных внештатным сотрудникам удостоверений и атрибутов ведется в специальном журнале, находящемся в кадровом аппарате соответствующего правоохранительного органа, в котором отмечаются номер удостоверения и жетона, фамилия, имя, отчество внештатного сотрудника, его получившего, дата выдачи удостоверения, сведения о продлении срока действия удостоверения или о его изъятии.

При этом каждый внештатный сотрудник письменно предупреждается о недопустимости разглашения охраняемых законами Российской Федерации сведений, а также о недопустимости разглашения тех или иных сведений, событий, действий, связанных с деятельностью внештатного сотрудника в электронных и иных телекоммуникационных сетях «Интернет».

За данные противоправные действия он несет ответственность в установленном порядке в рамках действующих законов Российской Федерации.

15. На каждого внештатного сотрудника заводится личное дело, в котором хранятся документы, перечисленные в настоящего Типового положения, а также выписка из приказа руководителя соответствующего территориального правоохранительного органа о за-

числении его внештатным сотрудником, сведения о поощрениях и иные материалы, характеризующие внештатного сотрудника и отражающие результаты его работы.

Личное дело внештатного сотрудника хранится в соответствующем территориальном правоохранительном органе в установленном порядке, и правил для хранения секретных документов (служебного пользования).

16. При переезде внештатного сотрудника на постоянное место жительства или в другую местность руководитель правоохранительного органа, издает приказ о его отчислении. Удостоверение и атрибуты внешнего сотрудника изымаются и уничтожаются по акту. Личное дело хранится в течение 3 лет, а затем уничтожается в установленном порядке.

При получении запроса от государственных органов, связанного с оформлением на государственную службу, личное дело направляется в установленном порядке для служебных документов.

17. Внештатные сотрудники, не желающие работать и обратившиеся с заявлением об освобождении от обязанностей в связи с болезнью или по иным причинам, лишаящим возможности продолжать работу, а также в случаях ненадлежащего исполнения своих обязанностей, отчисляются из состава внештатных сотрудников. Заявление о прекращении работы как внешнего сотрудника, гражданин подает за пять дней до принятия решения.

Решение об отчислении оформляется приказом руководителя соответствующего правоохранительного органа.

Личное дело внешнего сотрудника, отчисленного по основаниям, указанным в настоящем пункте, а также сданное им удостоверение уничтожаются в установленном порядке.

РУКОВОДСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВНЕШТАТНЫХ СОТРУДНИКОВ

18. Общее руководство деятельностью внешних сотрудников осуществляют непосредственно аттестованные сотрудники структурных подразделений правоохранительных органов, за которыми данные внештатные сотрудники закреплены. Руководство заключается в планировании их работы, постановке им задач, обучении методике и тактике охраны общественного порядка, предупреждения и раскрытия преступлений, проведении с ними воспитательно-образовательной работы.

19. Работа внешних сотрудников, имеющих постоянные поручения, планируется, как правило, ежеквартально. Такие планы внештатные сотрудники разрабатывают под непосредственным контролем и при участии сотрудника, за которым они закреплены.

20. Конкретное поручение внештатному сотруднику дает, как правило, тот сотрудник данного правоохранительного органа, за которым внешний сотрудник закреплен. Содержание поручения определяется

должностными обязанностями такого сотрудника и не может выходить за их пределы.

При получении поручения внешний сотрудник при необходимости информируется об оперативной обстановке, инструктируется о способах и методах решения поставленных перед ним задач. При этом особое внимание обращается на необходимость соблюдения законности, прав и свобод человека - гражданина.

21. Должностным лицам, запрещается давать внештатному сотруднику поручения, не отвечающие требованиям настоящего Положения. И не разрешается поручать им самостоятельное производство действий, составляющих исключительную компетенцию данного (иного) правоохранительного органа.

22. Запрещается знакомить внешних сотрудников с документами, имеющими грифы секретности, совершенно секретно и ДСП, касающихся для данного или иного ведомства.

23. Каждый сотрудник правоохранительного органа (подразделения, службы), за которым закреплен внешний сотрудник, постоянно контролирует работу последнего, проверяет качество и полноту составляемых внештатным сотрудником документов, объективность и достоверность сообщаемых им сведений.

Все положительные примеры и характерные недостатки в деятельности внешних сотрудников обобщаются и учитываются в дальнейшей работе с ними.

24. Процессы обучения внешних сотрудников формам и методам работы по охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями осуществляется в процессе их инструктирования, при осуществлении контроля за их работой и подведением ее результатов, а также на специальных занятиях, проводимых по утвержденным руководителем структурного подразделения правоохранительного органа темам и программам.

Отдельные специальные (групповые) занятия с внештатными сотрудниками проводятся не реже одного раза в полугодие. На занятиях изучаются основы уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства, деятельность данного правоохранительного органа (направлений служб) формы и методы борьбы с правонарушениями, наработанный положительный опыт.

Для проведения тех или иных занятий с внештатными сотрудниками могут приглашаться работники республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, квалифицированные специалисты различных отраслей науки и хозяйства. На данных занятиях кроме этих знаний, следует уделять внимание вопросам правосознания и патриотического воспитания.

ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА ВНЕШТАТНОГО СОТРУДНИКА

25. Внештатный сотрудник правоохранительных органов в процессе исполнения своих обязанностей на добровольной основе обязан:

25.1. активно участвовать в мероприятиях, проводимых данным правоохранительным органом, по охране общественного и иного порядка и борьбе с правонарушениями (административных и уголовных);

25.2. выполнять поручения в установленный срок и в порядке, определяемом сотрудником, за которым он закреплен;

25.3. защищать честь, достоинство, а также права и законные интересы граждан. Знать и соблюдать общеустановленные этические нормы и правила поведения, лица пресекающего противоправные действия.

25.4. в пределах своих полномочий оказывать помощь сотрудникам соответствующих правоохранительных органов в пресечении противоправных посягательств и иных антиобщественных действий;

25.5. немедленно информировать сотрудников соответствующих правоохранительных органов о ставших ему известными подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлениях;

25.6. в случае необходимости обеспечивать охрану места происшествия с целью сохранения следов правонарушения - преступления, других вещественных доказательств до прибытия сотрудников соответствующих органов и подразделений, войск;

25.7. принимать меры по оказанию неотложной медицинской и иной помощи лицам, пострадавшим от несчастных случаев или правонарушений, а также находящимся в беспомощном состоянии;

25.8. принимать участие в спасении людей, имущества и в поддержании общественного порядка при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях;

25.9. иметь правовую грамотность и правосознание и неукоснительно соблюдать законность, быть тактичным и вежливым в обращении с гражданами;

25.10. правильно понимать угрозы терактов, экстремизма и иных опасных современных явлений (данной местности, региона);

25.11. иметь при себе жетон, удостоверение внештатного сотрудника и предъявлять его по требованию граждан или должностных лиц.

26. Внештатный сотрудник правоохранительных органов имеет право:

26.1. требовать от граждан и должностных лиц соблюдения общественного порядка и прекращения правонарушений – противоправных действий;

26.2. требовать от правонарушителей общественного порядка предъявления или иного установленно порядка, документов, удостоверяющих личность, в случаях, когда установление личности необходимо для выяснения обстоятельств совершения правонарушения или причастности к нему;

26.3. принимать действенные меры для пресечения правонарушений, противоправных действий и в исключительных случаях с целью предотвращения правонарушений, когда исчерпаны другие меры воздействия, доставлять правонарушителей в соответствующие правоохранительные органы;

26.4. при пресечении правонарушений – противо-

правных действий изымать у нарушителей орудия их совершения с последующей незамедлительной передачей их в соответствующие правоохранительные органы;

26.5. применять имеющиеся в личном пользовании газового, электрошокового оружия или состоящую на учете в клубе собаководстве собаку в соответствии предписанных законами Российской Федерации правил и ограничений их применения;

26.6. получать в установленном порядке возмещение транспортных расходов, произведенных при выполнении поручений правоохранительных органов.

Одновременно внештатному сотруднику правоохранительного органа запрещается:

26.7. исполнять несвойственные функции, которые не предписаны в прямой внештатной должностной инструкции;

26.8. спекулировать и злоупотреблять своими должностными полномочиями;

26.9. задвигать и требовать по своему усмотрению от граждан, не имеющих к фактам правонарушения;

26.10. оглашать информацию и давать интервью без непосредственного сотрудника правоохранительного органа, который руководит его деятельностью;

26.11. использовать (применять) личную документацию (атрибутику), форменной одежды (в случае их получения), не связанную с выполнением общественно-должностных обязанностей.

МЕРЫ ПОощРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ВНЕШТАТНЫМ СОТРУДНИКАМ

27. Внештатные сотрудники правоохранительных органов, оказывающие активное содействие на добровольной основе в охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями (по соответствующим направлениям службы, подразделения, должностного лица данного правоохранительного органа), могут поощряться руководителями указанных органов, подразделений, войск.

Поощрение осуществляется на основе ходатайства непосредственного руководителя.

28. Все виды поощрений внештатных сотрудников устанавливаются в соответствии с законодательством.

29. В исключительных случаях внештатные сотрудники, особо отличившиеся в охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями, представляются к государственным наградам, а также наградам субъекта Российской Федерации и муниципалитета и других ведомств.

30. За ненадлежащее исполнение обязанностей к внештатным сотрудникам на основании мотивированного рапорта сотрудника правоохранительного органа, закрепленного за внештатным сотрудником, могут применяться следующие взыскания:

- предупреждение;
- замечание;
- исключение из состава внештатных сотрудников.

Учет и оценка работы внештатных сотрудников

31. В целях единого регулирования в области дисциплины, работа каждого внештатного сотрудника учитывается в личном счете.

Ведение лицевого счета возлагается на сотрудника правоохранительного органа, закрепленного за внештатным сотрудником. В нем отражаются мероприятия (часовой график), к проведению которых привлекался внештатный сотрудник, время, затраченное на участие в таких мероприятиях и на выполнение отдельных поручений, указываются результаты проведения таких мероприятий и выполнения поручений. Лицевой счет приобщается к личному делу внештатного сотрудника.

32. Оценка работы внештатного сотрудника дается в характеристике, составляемой не реже одного раза в год сотрудником правоохранительного органа. В характеристике внештатного сотрудника отмечаются его деловые качества, достигнутые с его помощью результаты в обеспечении охраны общественного порядка и борьбе с правонарушениями, факты проявления им инициативы, активности и настойчивости при выполнении поручений, а также выявленные недостатки и принятые меры по их устранению. В характеристике формулируются выводы о целесообразности дальнейшего сотрудничества с данным внештатным сотрудником.

Характеристика подписывается непосредственным сотрудником (руководителем), руководящим внештатным сотрудником и утверждается руководителем соответствующего структурного подразделения правоохранительного органа. Основные ее положения и выводы доводятся до сведения внештатного сотрудника.

*Приложение 1
к Типовому положению о порядке
оформления и деятельности
внештатных сотрудников
правоохранительных органов.*

ОБРАЗЕЦ УДОСТОВЕРЕНИЯ
внештатного сотрудника

Примечания:

1. Обложка удостоверения изготавливается из ледерина коричневого цвета, защитная сетка - светло-коричневая, в развернутом виде удостоверение имеет размер 6 x 18 см.

2. В удостоверении после слов «является внештатным сотрудником по» указывается название соответствующей службы.

3. Рукописный текст заполняется чернилами.

Конкретный образец удостоверения утверждается приказом соответствующего федерального органа Российской Федерации.

Данный проект постановления авторами подготовлены кроме указанных нормативно-правовых актов с учетом норм федеральных законов об обороне о безопасности, о прокуратуре РФ, о полиции, о военной полиции и др.

Изложенные нормы и суждения авторы обосновывают также с учетом изданных ими научных трудов по проблемам правоохранительной и правоприменительной деятельности. Что исполнение определенных государственных функций (Т.С. Лятифова) в области поддержания правопорядка и обеспечения той или иной безопасности в условиях наличия прямых угроз личной безопасности участников правоотношения и в их предотвращении, предупреждении (профилактики) невозможно без участия граждан. Тем более внештатные сотрудники правоохранительных органов (полицей в МВД России и Минобороны) должны играть ключевую роль и их стимулирование (финансирование) ныне проблематичны (Д.Н. Новиков). Эти и другие правовые аспекты, способствуют развитию обеспечению должной безопасности на местах на должном уровне.

Литература

1. Анохина С.Ю., Васильев Ф.П., Бережкова Н.Ф., Орехова Л.М., Лятифова Т.С. МВД России как основной субъект реализации требований президента России о развитии правовой грамотности и правосознания граждан. // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 231-235.
2. Анохина С.Ю., Васильев Ф.П., Дугенец А.С., Николаев А.Г., Ускова А.С., Дембицкая И.Л., Лятифова Т.С. Осуществление государственных надзорно-контрольных функций в России и их научнотеоретическое толкование в административном праве на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 146-152
3. Бережкова Н.Ф. Правовое регулирование государственной службы в России. этические нормы и присяга // Монография / Москва, 2015.
4. Бережкова Н.Ф., Васильев Ф.П., Яковлева В.В. Толкование о правовой помощи в административном праве России. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 191-194.
5. Лятифова Т.С. Обеспечение прав и свобод человека в ходе исполнения правоохранительными органами государственных функций // В сборнике: Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений материалы Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2013. С. 258-263.
6. Бережкова Н.Ф. Осуществление прокурорского надзора в области образования // Административное право и процесс. 2015. № 12. С. 77-78.
7. Бережкова Н.Ф., Николаев А.Г., Шашкаров В.Н. Каким должно быть современное правовое воспитание военнослужащих и граждан в системе Минобороны России? // Научно-информационный журнал Армия и общество.

2015. № 3 (46). С. 32-36.
8. Бережкова Н.Ф. Юридическое образование и этические нормы // Алтайский юридический вестник. 2013. № 2. С. 8-11.
  9. Васильев Ф.П., Николаев А.Г., Новиков Д.Н. Административно - правовое регулирование вопросов профилактики правонарушений в России и есть - ли проблемы их совершенствования? // В сборнике: Право как основа современного общества Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2017. С. 37-49.
  10. Васильев Ф.П., Николаев А.Г., Новиков Д.Н. Административно-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка в России и необходимость их совершенствования // Инновационная наука. 2017. № 2-2. С. 87-100.
  11. Васильев Ф.П. Современные особенности толкования о взаимодействии правоохранительных органов в России и необходимость их совершенствования // Инновационная наука. 2017. Т. 2. № 3. С. 102-110.
  12. Васильев Ф.П., Долинко В.И., Сукиасян А.А. Административно-правовое регулирование вопросов промышленной безопасности опасных производственных объектов в России и их необходимость совершенствования // Матрица научного познания. 2017. № 3. С. 237-282.
  13. Васильев Ф.П. О необходимости совершенствования вопросов обеспечения транспортной безопасности и образования в России // Алтайский юридический вестник. 2016. № 15. С. 61-67
  14. Васильев Ф.П. Научно-практическое толкование правового положения военной полиции Министерства обороны России // Вопросы российского и международного права. 2015. № 6-7. С. 25-49.
  15. Васильев Ф.П. Научно-практическое толкование об особенностях административно-правового регулирования и организации деятельности современной военной полиции Минобороны России в области обеспечения правопорядка // Крымский научный вестник. 2015. № 5-3. С. 99-112.
  16. Новиков Д.Н. Административно-правовой статус внештатного сотрудника полиции в системе МВД России и ее совершенствования // Д.Н. Новиков // Международный научный журнал «Инновационная наука». – Уфа: Аэтерна, 2017. - 3-2. - 130-136с.
  17. Новиков Д.Н. Органы внутренних дел как субъект организации контроля за деятельностью внештатного сотрудника полиции // Д.Н. Новиков // Международный научный журнал «Инновационная наука». – Уфа: Аэтерна, 2017. - 3-2. - 136-140.
-
- ¹ Примечания:
1. В данном случае под правоохранительными органами (кроме МЧС России) следует считать территориальные органы и их подразделения федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти: МВД России, ФСО России, Следственного комитета России, органов прокуратуры РФ, пограничные войска ФСБ, ФССП, ФСИН России, ФТС России. А также подразделения и службы военной полиции Минобороны и пограничных войск ФСБ России.
  2. Термин «внештатный сотрудник полиции» употребляется в подразделениях и службах военной полиции в системе Минобороны и МВД России и в их территориальных органах. А в иных федеральных органах соответственно термины соответствующего ведомства: «внештатный сотрудник Следственного комитета России», «внештатный сотрудник ФСИН России», «внештатный сотрудник Росгвардии» и т.д.
  3. В области правоприменительной деятельности, по части составления тех или иных процессуальных документов внештатные сотрудники полиции осуществляют только при присутствии непосредственного сотрудника соответствующего правоохранительного органа, который руководит и направляет деятельность данного внештатного сотрудника.
  4. Руководители федеральных органов исполнительной власти – названных правоохранительных органов, дополнительно утверждают ведомственные положения о внештатных сотрудниках с учетом привлечения (использования) граждан Российской Федерации на добровольной основе по тем или иным направлениям деятельности ведомства, в области обеспечения безопасности.
  2. Обучение в образовательных организациях общее количество часового обучения должно составлять не менее 72 часов, включая дистанционное образование, установленное в соответствии с требованиями ФЗ об образовании в Российской Федерации.
  3. Должностные лица соответствующих правоохранительных органов также вправе учитывать как предоставленные отдельные (дополнительные) поручительства, составленные отдельными должностными лицами соответствующего государственного или иного органа, общественных формирований.

УДК 1
ББК 88

ЛИЧНОСТНО-СРЕДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ К УСЛОВИЯМ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА КОРНЕВА,

*инспектор отдела учета, анализа
и контроля качества учебного процесса
управления учебно-методической работы*

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: ukorneva@mail.ru

ИГОРЬ БОРИСОВИЧ ЛЕБЕДЕВ,

*доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности ФГКОУ ВО
«Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»*

ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА МИЛЮКОВА,

*курсант Института психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

младший сержант полиции

Научная специальность 19.00.03 — психология труда, инженерная психология; эргономика

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье раскрывается понятие личностно-средовых ресурсов и их роль в процессе адаптации в служебной деятельности

Ключевые слова: личность, служебная деятельность, Овд, исследование

Annotation. The article reveals the concept of personal and environmental resources and their role in the adaptation process in service activities

Keywords: personality, service activity, Ovd, research

Традиционно в мировой психологической литературе проблема личностно-средовых ресурсов рассматривается применительно к копинг-поведению человека. Но, в нашем исследовании, мы предполагаем, что личностно-средовые ресурсы выполняют ведущую роль и в вопросах адаптации к профессиональной деятельности, поскольку стресспреодолевающее поведение, личностно-средовые ресурсы и успешность адаптации к профессиональной деятельности являются звеньями одной цепи.

В результате теоретических и экспериментальных исследований было показано, что для овладения любым видом деятельности и преодоления различных видов психологического напряжения, каждый

человек использует собственные стратегии на основе имеющегося у него личностного опыта, психологических резервов (личностные ресурсы) и социальной поддержки. Поэтому мы и считаем необходимым рассматривать все эти составляющие под общим названием — личностно-средовые ресурсы.

В отечественной литературе сложилась традиция к личностно-средовым адаптивным ресурсам (копинг-ресурсам) относить уровень когнитивного развития личности, Я-концепцию, локус контроля, эмпатию, аффилиацию, способность оказывать и воспринимать социальную поддержку, наличие социально-поддерживающей сети и ее эффективность, а также психологические особенности личности, обеспечивающие

стрессоустойчивость.

В специальных исследованиях различные ресурсы сотрудников ОВД в рамках стресспреодолевающего поведения изучались в работах Л. Н. Костиной, И.Б. Лебедева, М.И. Марьина, В.Ю. Рыбникова, В.Л. Цветкова, А.Ю. Федотова, С.Н. Федотова, Г.С. Човдыровой и многих других.

В настоящее время к копинг-ресурсам личности относят: развитость когнитивной сферы, позволяющей оценивать воздействие социальной среды, окружающей человека; представления человека о себе (Я-концепция); умение контролировать свою жизнь, брать на себя ответственность за нее (интернальный локус контроля); умение общаться с окружающими, определенная социальная компетентность, стремление быть вместе с людьми (аффилиация); умение сопереживать окружающим, проживать вместе с ними какой-то отрезок их жизни, накапливая при этом свой собственный опыт (эмпатия); позиция человека по отношению к жизни, смерти, любви, одиночеству, вере; духовность человека, религиозные чувства и т.д.; ценностная мотивационная структура личности. Ресурсы социальной среды тоже определяют поведение человека. К ним относятся: система социальной поддержки или социально-поддерживающая сеть — это окружение, в котором живет человек (семья, общество).

Таким образом, главной особенностью предлагаемого подхода к процессам профессиональной адаптации является: рассмотрение адаптации, как процесса конфликта когнитивных и эмоциональных оценок (сознательного и бессознательного); возникающего в этой связи стресса, который у сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России является не внезапным, а постепенно накопительным; умение использовать имеющиеся личностно-средовые ресурсы с целью осуществления успешной адаптации к профессиональной деятельности.

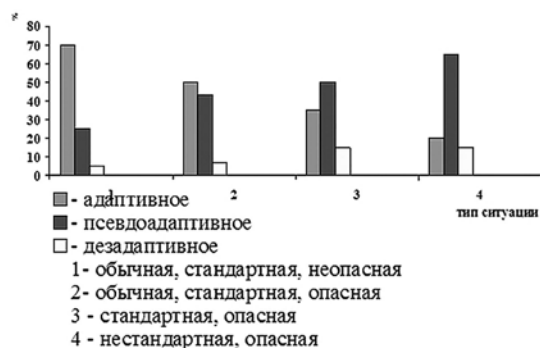
Решение задач экспериментальной работы проводилось в ходе комплексного обследования, 180 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России и 100 курсантов экспертно-криминалистического факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Кроме того, проведен анализ медицинской документации (учет пропущенных рабочих дней, по больничным листам.) для оценки психосоматических заболеваний у 90 сотрудников. Ниже остановимся на динамике проявления активных и пассивных копинг-стратегий у сотрудников, использующих адаптивные формы реагирования на стресс, в ситуациях различной степени сложности.

Полученная экспериментальным путем в ходе исследования личностно-средовых ресурсов сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России, информация может быть сведена в единую таблицу распределения вероятности поведения данных сотрудников в стрессовых ситуациях. Данные представлены в Таблице №1.

Таким образом, можно отметить, что имеются суще-

ственные отличия в проявлении поведенческих реакций сотрудников ЭКП МВД России в различных стрессовых ситуациях. Данные представлены в диаграмме №1.

Диаграмма №1
Типы копинг-поведения сотрудников ЭКП МВД России в различных стрессовых ситуациях

Особое значение в теории копинг-поведения Р. Лазаруса приобретает субъективная оценка стресс-фактора, воздействующая на личность. В нашем исследовании под субъективной оценкой стресс-фактора мы понимали трудности, возникающие перед курсантами Института судебной экспертизы МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. В ходе предварительного анкетного опроса испытуемые сами обозначили ниже приведённые трудности.

Исследование личностно-субъективной оценки стресс-фактора

В качестве содержательной стороны субъективной оценки стрессора нами рассматривались профессиональные трудности. В данном исследовании, в качестве испытуемых принимали участие только представители группы курсантов.

В процессе любого рода профессиональной деятельности возникают трудности, без преодоления которых она не может быть успешной. Наличие трудностей является причиной как низких профессиональных результатов, так и низкой удовлетворенности работников, а снижение удовлетворенности закономерно снижает и мотивацию к данному рода деятельности.

Трудности обычно выявляются либо самонаблюдением тех, кто их испытывает либо с помощью внешнего наблюдения. В нашем исследовании использовался метод самонаблюдения курсантов, так как проводилось анкетирование, в ходе которого они самостоятельно указывали на те или иные имеющиеся в их деятельности профессиональные трудности.

Методом экспертного опроса курсантов и их преподавателей нами был получен список из двадцати возможных психологических трудностей, которые мы использовали в экспериментальной работе. Результаты исследований представлены в Таблице №2.

Таблица №1

Копинг-поведение сотрудников ЭКП МВД России в различных стрессовых ситуациях

Тип поведения	Тип ситуации			
	№1 (обычная, стандартная, неопасная)	№ 2 (обычная, нестандартная, неопасная)	№ 3 (стандартная, опасная)	№ 4 (нестандартная, опасная)
Адаптивное	0,71	0,50	0,37	0,22
Псевдоадаптивное	0,24	0,42	0,49	0,59
Деадаптивное	0,05	0,08	0,14	0,19

Таблица № 2

Результаты исследования субъективно-личностной оценки трудностей

Тип трудности	Трудность	Наличие данной трудности (самооценка до проведения терапии)
Деятельностная	Неудовлетворенность организацией учебного процесса	43
	Трудности с необходимостью вписаться в распорядок дня.	51
	Неуспешность в учебно-служебной деятельности.	62
Индивидуально-психологическая	Эмоциональная перегрузка в связи с ответственностью.	17
	Эмоциональная перегрузка в связи с большим объемом задач.	39
	Когнитивное несоответствие между ожиданиями и реальным содержанием обучения в вузе МВД.	22
	Сложности в профессиональном самоопределении.	19
	Внутренние психологические конфликты	24
	Внутренний стресс	39
	Тоска по дому	64
	Сложность в адаптации к жизни в институте	45
	Недостаточность необходимых интеллектуальных способностей для учебной деятельности.	18
	Высокая утомляемость	19
	Невозможность следовать этическим установкам, необходимым для профессии	10
	Недостаточная подготовка в школе, нехватка необходимых для обучения знаний	18
	Наличие физических недостатков, препятствующих профессиональной успешности	29
Социально-психологические	Неудовлетворенность в отношениях с другими курсантами и сержантами	23
	Неудовлетворенность в отношениях с преподавателями	12
	Неудовлетворенность в отношениях с родителями	38
	Неудовлетворенность в отношениях со сверстниками, не обучающимися в данном вузе	17

По результатам исследования можно отметить следующее: в группе курсантов преобладают такие трудности, как «Неуспешность в учебно-служебной деятельности» (62%), «Тоска по дому» (64%), «Сложность в адаптации» (45%), «Трудности с необходимостью вписаться в режим времени» (62%). Таким образом, мы смогли выявить трудности, как содержательную сторону личностно-субъективной оценки стресса.

Следующий этап исследования был посвящён формирующему эксперименту, в котором участвовали курсанты экспертно-криминалистического факультета МосУ МВД России, было взято 2 группы: контрольная и экспериментальная, каждую из которых составили респонденты в количестве 55 человек.

С экспериментальной группой нами в течение 3-х месяцев проводилось индивидуальное психологическое консультирование, имеющее цель скорректировать индивидуальную оценку ранее отмеченных курсантами трудностей. По завершении коррекционной работы с курсантами было проведено повторное психодиагностическое исследование. Результаты представлены в Таблице №3.

Таким образом, анализ отклонений у курсантов говорит о том, что экспериментальная программа психокоррекции показала свою эффективность в отношении следующих трудностей:

1. Трудности с необходимостью вписаться в режим времени: в экспериментальной группе результаты лучше на 8%, чем в контрольной.
2. Успешность в учебно-служебной деятельности эффективно повысилась именно в экспериментальной группе (результаты на 14% луч-

ше, чем у контрольной).

3. Тоска по дому в экспериментальной группе на 25% менее беспокоит, чем в контрольной группе.
4. Сложность в адаптации к жизни в университете в экспериментальной группе на 9% менее актуальна, чем в контрольной.
5. Утомляемость также на 8% ниже.
6. Выше удовлетворенность в отношениях с родителями (на 8%).

Графически результаты исследования в контрольной и экспериментальной группах представлены на диаграмме № 2 (только по трудностям, превышающим 30% по частоте в констатирующем эксперименте).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Психопрофилактика успешной профессиональной адаптации у сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России должна быть организована с учетом особенностей их личностно-средовых ресурсов (копинг-стратегий, Я-концепций и др.) базовых копинг-стратегий и копинг-ресурсов и включать целенаправленные мероприятия первичной (для всех категорий личного состава), вторичной (специальной — учитывающей специфику профессиональных задач) и третичной (при психосоматических заболеваниях, ПТСР, дезадаптивных типах поведения) копинг-профилактики.

В общем виде предлагаемая нами модель психологической помощи состоит из четырех элементов: психологическая профилактика, психологическое консультирование, психологическая коррекция, психологическая реабилитация.

Диаграмма №2
Наличие тех или иных трудностей
(по трудностям, наблюдающимся в более чем 30% случаев).

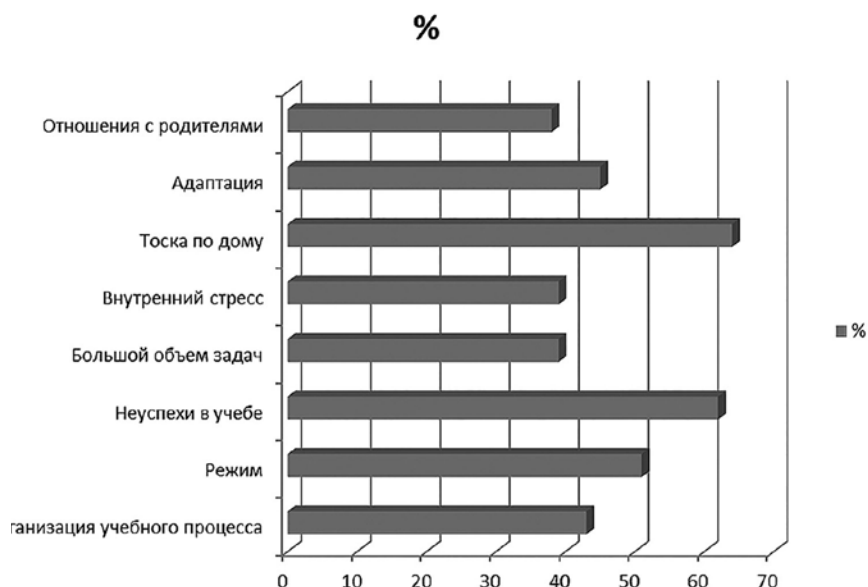

Таблица №3

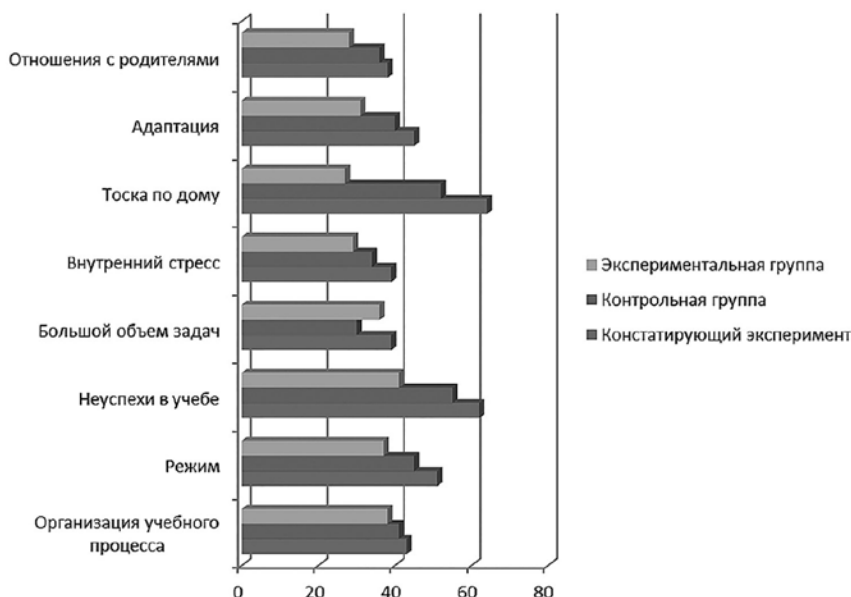
Отклонения между экспериментальной и контрольной группой

<i>Тип трудности</i>	<i>Трудность</i>	<i>Наличие данной трудности (самооценка после терапии)</i>	<i>Наличие данной трудности (самооценка контрольной группы)</i>	<i>отклонение контрольной группы от экспериментальной</i>
Деятельностная	Неудовлетворенность организацией учебного процесса	38	41	3
	Трудности с необходимостью вписаться в режим времени	37	45	8
	Неуспешность в учебно-служебной деятельности.	41	55	14
Индивидуально-психологическая	Эмоциональная перегрузка в связи с ответственностью.	15	16	1
	Эмоциональная перегрузка в связи с большим объемом задач.	36	30	-6
	Когнитивное несоответствие между ожиданиями и реальным содержанием обучения в вузе МВД.	20	24	4
	Сложности в профессиональном самоопределении.	21	18	-3
	Внутренние психологические конфликты	18	22	4
	Внутренний стресс	29	34	5
	Тоска по дому	27	52	25
	Сложность в адаптации к жизни в ВУЗе	31	40	9
	Недостаточность необходимых интеллектуальных способностей для учебной деятельности.	19	17	-2
	Высокая утомляемость	15	23	8
	Невозможность следовать этическим установкам, необходимым для профессии	12	12	0
	Недостаточная подготовка в школе, нехватка необходимых для обучения знаний	21	17	-4
Наличие физических недостатков, препятствующих профессиональной успешности	23	24	1	
Социально-психологические	Неудовлетворенность в отношениях с другими курсантами и сержантами	22	27	5
	Неудовлетворенность в отношениях с преподавателями	17	14	-3
	Неудовлетворенность в отношениях с родителями	28	36	8
	Неудовлетворенность в отношениях со сверстниками, не обучающимися в данном вузе	14	14	0

Диаграмма №2
Результаты исследования в контрольной и экспериментальной группах

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984.
2. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983, 368 с.
3. Климов Е.А. Психология профессионала. — М., 1996, 168с.
4. Корнева Ю.Ю. Что такое психологическое консультирование и зачем оно нужно в органах внутренних дел. Вестник МосУ МВД России №4 2012 с. 232- 235.
5. Корнева Ю.Ю. Влияние личностных средовых ресурсов на профессиональную деятельность сотрудников МВД России Вестник МосУ МВД России №8 2016 с. 235-241
6. Кулаков С.А., Дементьев В.В. Исследование образа «Я» у подростков с помощью опросника Оффера в процессе групповой психотерапии // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии. — Л., 1990.
7. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. — Л.: Медицина, 1970. С. 178-208.
8. Лазарус Р. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу // Психологические факторы на работе и охрана здоровья, — М.: Женева, 1989. — С.121-126.
9. Лебедев И.Б. Копинг–поведение сотрудников ОВД: Монография. — М.: Московская академия МВД России, 2000.-300с.
10. Лебедев И.Б. Психологические основы стресс преодолеляющего поведения со-трудников ОВД. М.: Изд-во МосУ МВД России, 2010.
11. Лебедев И.Б. Проблемы психокоррекции в профессиональной деятельности психолога ОВД: Монография. М.: Изд-во МосУ МВД России, 2011

УДК: 316.6

ББК: 88

АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОВД

СЮЗАННА ШАНГЫЙЛАНОВНА БИЧЕ-ООЛ,

*адъюнкт кафедры «Психологии, педагогики
и организации работы с кадрами»*

Академии управления МВД России

E-mail: aids02@gmail.com

Научный руководитель: доктор психологических наук,

доцент В.В. Вахнина

Научная специальность 19.00.05 — социальная психология

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема развития межнациональных отношений на уровне территориальных ОВД, для преодоления которой была разработана программа по формированию этнопсихологической компетентности руководителей ОВД. Освещаются основные разделы программы и проведенное эмпирическое исследование. Анализ результатов исследования показал результативность программы.

Ключевые слова: этнопсихологическая компетентность, руководители органов внутренних дел, программа формирования этнопсихологической компетентности, анализ результатов исследования.

Annotation. This article addresses the issue of the development of international relations at the level of regional police department, to overcome which the program for the formation of ethno-psychological competence of the heads of department of internal affairs was developed. Highlights the main sections of the program and conducted an empirical study. The above survey results analysis showed the effectiveness of the program.

Keywords: ethnopsychological competence, heads of internal affairs agencies, the program of formation of ethnopsychological competence, study results analysis.

На современном этапе развития российской государственности особое значение приобретают практико-прикладные этнопсихологические исследования, направленные на сплочение общества на основе патриотизма как главного связующего звена граждан Российской Федерации. Важность данной задачи показывает принятие в 2012 году основополагающего документа – Стратегии государственной национальной политики, которое ознаменовало начало нового этапа развития российского гражданского общества. Следующим шагом явилось создание в апреле 2015 года Федерального агентства по делам национальностей.

На актуальность межнационального согласия указал в своем выступлении В. Путин 31 октября 2016 года, в Астрахани, на заседании Совета по межнациональным отношениям, посвящённое актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России. Отмечая огромный положительный опыт, достигнутый в реализации Стратегии (к насто-

ящему моменту почти 80 % граждан страны считают отношения между людьми разных национальностей доброжелательными или нормальными, в том время как по результатам опросов предыдущих лет, давали такую оценку только 55 % граждан), тем не менее В. Путин указывает на необходимость планомерной, настойчивой, целеустремленной просветительской и организационной работы в данном направлении, на недостаточность профессионально подготовленных, грамотных специалистов в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, о требовании времени к разработке и принятии профессионального стандарта для подготовки таких специалистов.

Частичная попытка решения стратегической задачи в области межэтнических отношений, обозначенной Президентом Российской Федерации В. Путиным, предпринята в практико-ориентированном диссертационном исследовании по теме «Формирование этнопсихологической компетентности руководителей

территориальных ОВД».

В эмпирической части указанной научной работы проведены констатирующий, формирующий эксперименты по определению уровня развитости навыков самопознания и саморефлексии. При диагностике использовались следующие методики: диагностический тест отношения (ДТО), тест «Культурно-ценностный дифференциал» КЦД, опросник К.Томаса, направленный на выявление репертуара поведенческих тенденций в конфликтных ситуациях; самоконтроль (оценка самоконтроля М. Снайдера); саморегуляция в общении, межкультурная чувствительность и толерантность (методика диагностики коммуникативной толерантности В.В. Бойко); определение уровня рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарева).

Формирующий эксперимент проводился в течение 1 полугодия 2016 года на базе Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Тыва, а также в ходе плановых обследований служебных коллективов органов внутренних дел по Республике Тыва. Общее количество руководителей территориальных ОВД по Республике Тыва всех должностных категорий, принявших участие в формирующем эксперименте составило 212 руководителей. Из общего числа было выделено две группы: экспериментальная и контрольная каждая из которых включает в себя примерное количество руководителей.

Анализ результатов формирующего эксперимента показывает следующее: в результате целенаправленной работы по формированию этнопсихологической компетентности руководителей ОВД удалось добиться улучшения показателей по следующим выделенным факторам.

При диагностике уровня коммуникативной толерантности в конце опытно-экспериментальной работы заметно, что показатели уровня толерантности руководителей стали выше и в экспериментальной — на 9,6 %, и в контрольной — на 3,2 % (рис. 1), но в экспериментальной группе результаты существенно лучше, чем в контрольной (в 3 раза).

Экспериментальная группа Контрольная группа

Анализ сравнительных данных диагностики коммуникативной толерантности экспериментальной и контрольной групп показывает снижение признаков интолерантности в экспериментальной группе на 13,1

% в сравнении с данными контрольной группы.

Самоконтроль в общении является важным качеством руководителя органов внутренних дел. В результате усиления специального внимания этому качеству на занятиях, удалось значительно повысить уровень самоконтроля испытуемых.

Высокого уровня самоконтроля добились 54,2 % испытуемых экспериментальной группы против 41,3 % — контрольной группы. В начале исследования соответственно эти показатели были 35,6% и 39,2%. На этом уровне изменения в контрольной группе произошли в незначительной степени. На среднем уровне самоконтроль в экспериментальной группе остался практически на прежнем уровне — 36,2% (в начале — 35,6%), а в контрольной группе несколько вырос — с 32,3% до 35,4%; на низком уровне произошли значительные изменения в экспериментальной группе — 9,6% (было 28,8%), а в контрольной группе — некоторое снижение (с 28,5% до 23,3%). Сравнительные данные по самоконтролю испытуемых в начале и конце опытно-экспериментальной работы представлены на рис.2.

Что касается способов реагирования в конфликтных ситуациях, то опытно-экспериментальная работа привела к заметным их изменениям. В экспериментальной группе сотрудничество как способ разрешения конфликта стали рассматривать 35,1% испытуемых (было 24,2%), в контрольной группе — 24,7% (было 20,5%); компромисс: в экспериментальной группе — 28,2% (было 19,5%), в контрольной группе — 23,9% (было 15,8%). Следует отметить, что при тестировании по методике К.Н. Томаса разрешалось отмечать 2 или 3 способа разрешения конфликта.

Сдвиг в способах реагирования в конфликтных ситуациях в лучшую сторону наглядно виден на рис.3.

Сравнение результатов обследования позволяет отметить, что опытно экспериментальная работа по формированию этнопсихологической компетентности руководителей ОВД в экспериментальной группе оказалась достаточно эффективной.

Выбранные диагностические методики направлены на выявление факторов, затрудняющих одну из основных функций управленческой деятельности — коммуникативную функцию, как основного средства взаимодействия руководителя с подчиненными. Развитие навыков конструктивной коммуникации у руководителя особенно важны в управлении межэтнического взаимодействия в подчиненном ему служебном коллективе, и являются основой оптимизации социопсихологического климата и профилактики возникновения конфликтных ситуаций в подразделении.

Применение в опытно-экспериментальной работе вышеуказанных методик показывает на значительное уменьшение затрудняющих факторов в экспериментальной группе в сравнении с контрольной группой. Это свидетельствует о том, что позитивный сдвиг в формировании этнопсихологической компетентности испытуемых экспериментальной группы обеспечен главным образом воздействием проведенных занятий.

Таблица 1

Сравнительные данные диагностики коммуникативной толерантности экспериментальной и контрольной групп

№	Признаки интолерантности	Экспериментальная группа	Контрольная группа
1	Неприятие или непонимание индивидуальности человека	5,7	6,3
2	Использование себя в качестве эталона при оценке других	4,7	5,4
3	Категоричность или консерватизм в оценках людей	4,2	6,5
4	Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с несвойственным вам поведением партнеров	4,1	5,3
5	Стремление переделать, перевоспитать партнеров.	3,4	5,9
6	Стремление «подогнать партнера под себя», сделать его удобным	3,5	5,3
7	Неумение прощать другому ошибки, непреднамеренно причиненные вам неприятности	4,2	4,7
8	Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту партнера	2,6	4,6
9	Неумение приспосабливаться к партнерам	3,4	4,6
	Всего	35,8%	48,6%

Экспериментальная группа Контрольная группа

Экспериментальная группа Контрольная группа

Литература

1. Авдеева М.В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — М., Академия управления МВД России, 2007 г.
2. Н.Е. Варшавская, Н.А. Кочергина. Формирование этнопсихологической компетентности будущего учителя. — ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина», г. Бийск, 2013 г.
3. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 320 с.
4. Манойлова М.А. Акмеологическое развитие полиэтнической компетентности субъектов образования: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. — Санкт-Петербург, Северо-Западная академия гос.службы, 2011 г., С. 17, 41-49.
5. Ооржак Л.Н. Этнопсихологические особенности сотрудников и их учет в работе с личным составом органов внутренних дел: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — М., Академия управления МВД России, 2005 г.
6. Софьина В.Н. Системный подход к анализу структуры профессиональной компетентности выпускника вуза//Известия РГПУ им. А.И. Герцена — выпуск № 128 — 2010.
7. Чошанов М.А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения [Текст]/Педагогика. № 2, 1997
8. Харитоновна Е.В. Об определении понятий «компетентность» и «компетенция» // Успехи современного естествознания. — 2007. — № 3 — С. 67-68
9. Этнокультурная компетентность педагогов: сущность, компоненты, развитие: Монография: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH CO.KG, 2012. — 409с.
10. Заседание Совета по межнациональным отношениям, посвящённое актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России, 31 октября 2016 года, Астрахань

ПСИХОЛОГИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность»; под редакцией И.А. Калиниченко. ЮНИТИ-ДАНА 2017.

Рассматриваются проблемы психологии профессиональной деятельности для сотрудников полиции. Даются психологическая характеристика следственной деятельности, профессиографическое описание деятельности участкового уполномоченного полиции.

Анализируются психологические особенности предварительного расследования. Уделяется внимание криминальной психологии и особенностям судопроизводства по уголовным делам. Самостоятельная глава посвящена судебно-психологической экспертизе.

УДК 1
ББК 88

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СЛЕСАРЕВА,

кандидат психологических наук

старший преподаватель кафедры информатики и

математики Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя

E-mail: vremya-ne-jdet@ya.ru;

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА МИХАЙЛОВА,

преподаватель кафедры психологии УНК ПСД

Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя;

ДОНИЁР ШУХРАТ МИРЗАХМЕДОВ УГЛИ,

слушатель факультета подготовки иностранных специалистов

Научная специальность 19.00.06 — юридическая психология

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлены результаты исследования ценностно-смысловой сферы курсантов и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов, обучающихся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ключевые слова: система ценностей; терминальные ценностные ориентации; инструментальные ценностные ориентации; ценностно-смысловая сфера курсантов и слушателей.

Annotation. In article results of research of value-semantic sphere of students and listeners of faculty of preparation of foreign specialists studying at the Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot.

Keywords: System of values; terminal values orientation; instrumental value orientation; value-semantic sphere of students and listeners.

В процессе реформирования органов внутренних дел и реализации на практике основных положений Федеральных законов, регламентирующих эти реформы, исследование ценностных ориентаций курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, является крайне актуальным и должно рассматриваться в контексте комплексного подхода к оптимизации ведомственной программы психологического обеспечения специалиста на ранних стадиях обучения. С целью проверки достоверности полученных результатов с помощью методики М. Рокича, было проведено дополнительное исследование ценностно-смысловой сферы курсантов и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов, обучающихся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Результаты исследования структуры смысловых ориентаций курсантов и слушателей, обучающихся на разных факультетах Московского универ-

ситета МВД России им В.Я. Кикотя представлены в следующих диаграммах.

Из анализа результатов видно, что наиболее высокие показатели по субшкале «Цели в жизни» имеют слушатели факультета подготовки иностранных специалистов первого курса, в то время как слушатели факультета подготовки иностранных специалистов пятого курса имеют высокие показатели по субшкале «Процесс жизни». Данный фактор обусловлен тем, что у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов первого курса имеется цель в будущем, которая придает их жизни осмысленность, направленность и временную перспективу.

По субшкале «Результат жизни» наиболее высокие показатели у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов пятого курса, то есть по окончании учебы слушатели факультета подготовки иностранных специалистов, считают, что они реализовали свои цели.

По субшкалам «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-жизнь» наибольшие показатели у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов пятого курса факультета подготовки иностранных специалистов, что говорит о том, что респонденты уверены в подконтрольности своей жизни собственным решениям, а также о склонности приписывать результаты деятельности внутренним факторам.

Рассмотрим особенности смысложизненных ориентаций курсантов, обучающихся на факультете подготовки психологов.

По результатам проведенного анализа смысложизненных ориентаций курсантов, обучающихся на факультете подготовки психологов следует, что у респондентов нет тенденций к снижению субшкалы «Цели в жизни» как у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов. Данная закономерность

говорит о сохранении целей в будущем на всем протяжении обучения в университете.

Ключевым моментом, влияющим на становление и внутреннее содержание ценностных ориентаций, является идентификация индивидов с определенной этнической общностью, которая проявляется в этноидентичности.

Как определяет этноидентичность С.А. Струейко, это принадлежность к этносу, самоотнесение к этнической или национальной общности. Взяв за основу данные исследования, для определения влияния этнического происхождения на ценностные ориентации, респондентам предлагалось пройти опросник этнической идентичности О.Л. Романовой, который позволил бы в контексте этноса выделить существующие различия в ценностно-смысловой сфере среди двух факультетов Московского университета МВД России им В.Я. Кикотя.

Диаграмма 1
Смысложизненные ориентации слушателей ФПИС

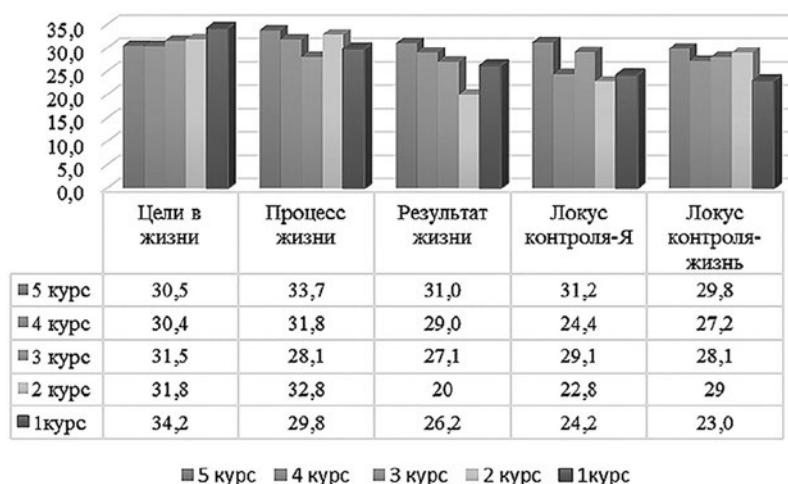
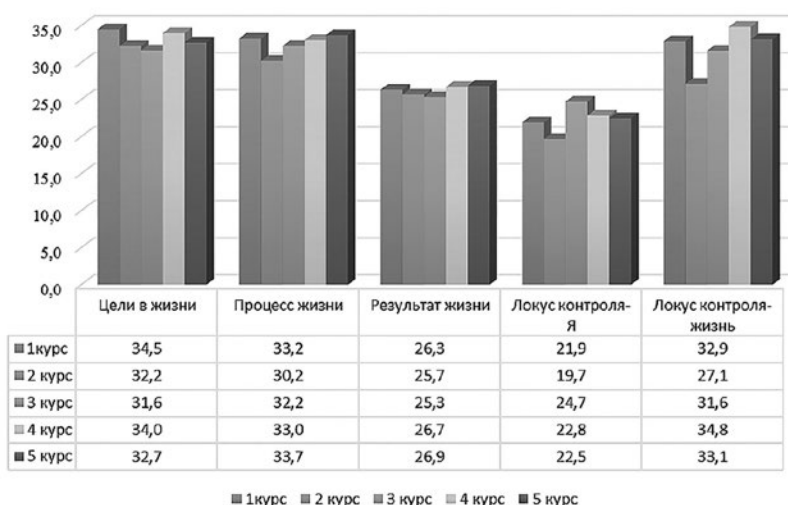

Диаграмма 2
Смысложизненные ориентации курсантов ФПП

По результатам, полученным по вышеуказанному опроснику построим диаграмму, отражающую особенности этнической идентичности курсантов факультета подготовки психологов.

Исходя из полученных наглядных результатов, можно сделать вывод, что для группы курсантов, обучающихся на факультете подготовки психологов наиболее значима этническая группа, в которой они находятся. Наименее значимо использование того или языка.

Для выявления взаимосвязи влияния этнического происхождения на становление ценностно-ориентационной сферы по результатам, полученным у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов построим диаграмму № 8.

Для проведения качественного анализа полученных данных нами была проведена статистическая обработка полученных данных (параметрическая обработка, критерий Спирмена);

По результатам, полученным в результате статистической обработки было выявлено, что наиболее сильные (положительные) корреляционные связи наблюдаются между факторами (опросника О.Л. Романовой и методике М. Рокича):

- шкалой значимость национальности и ценностью здоровья (0,68);
- шкалой значимость национальности и жизненной мудростью (0,73);
- шкалой использование языка и материально обеспеченной жизнью (0,71);

По методике М. Рокича, имеются корреляционные связи между такими ценностями:

- жизненная мудрость и здоровье (0,7);
- наличие хороших и верных друзей и счастливая семейная жизнь (0,7);
- свобода и познание (0,7);
- активная деятельная жизнь и познание (-0,92);

Анализируя результаты, полученные в обеих группах респондентов, можно сказать, что имеются различия в показателях по средним значениям в шкалах значимость национальности и использование того или иного языка.

Так, средние значения по вышеуказанным шкалам более значимы у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов.

Для определения степени значимости полученных данных, был применен критерий согласия распределения выборок (критерий Фишера) и критерий хи квадрат. Исходя из полученных результатов были построены таблица 1 и акже таблица 2.

Для наглядности интерпретации полученных данных построена ось значимости (рис. 1) для критерия согласия распределения выборок (критерий Фишера)

Полученные результаты свидетельствуют, что различия находятся в зоне значимости, следовательно, существующие различия в ценностных ориентациях курсантов и слушателей детерминированные факторами этноидентичности.

Результаты проведенного констатирующего исследования и сделанные выводы полностью подтвердили выдвинутые ранее гипотезы — курсанты и слушате-

ли факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя имеют в пределах нормы различные вариации в структуре и содержании ценностных ориентаций, что в свою очередь подтверждает динамика ценностных ориентаций респондентов, обучающихся на разных курсах и факультетах в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Полученные данные свидетельствуют о том, что существует взаимосвязь системы ценностных ориентаций от особенностей этноидентичности курсантов и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Для представителей факультета иностранных специалистов профессия офицера рассматривается в большей степени в качестве жизненной перспективы не только с точки зрения для достижения материальных благ и карьерного роста, но и для получения выбранной профессии с ее социально значимыми сторонами.

Результаты показывают что для респондентов нашего исследования важно понимание себя, как свободной личности, которая может построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни, а также для курсантов и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов имеет значение результат их жизни, для них ценно их прошлое и важна оценка их пройденного отрезка жизни, ощущение того, на сколько продуктивна была прожитая ее часть. Стоит еще отметить, что в процессе исследования выявлена высокая ориентация на свое профессиональное будущее. Это даёт нам подтверждение того, что в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя весьма продуктивно построена работа профессионального отбора и хорошо налажен процесс учебно-служебной деятельности.

Исходя из анализа теоретико-методологических основ изучения ценностно ориентационной сферы известно, что ценностные ориентации являются системообразующим компонентом сформированности личности человека. Перед нами, таким образом, стоит задача по составлению методических рекомендаций, способствующих формированию ценностно-ориентационной сферы курсантов и слушателей факультета подготовки иностранных специалистов.

Таблица 1

Значимость национальности

дисперсия 1 выборки	дисперсия 2 выборки
12,10790123	4,813846154
f эмперическая =	2,51522397

Таблица 2

Использование того или иного языка

дисперсия 1 выборки	дисперсия 2 выборки
12,44521605	5,015015385
f эмперическая =	2,481590802

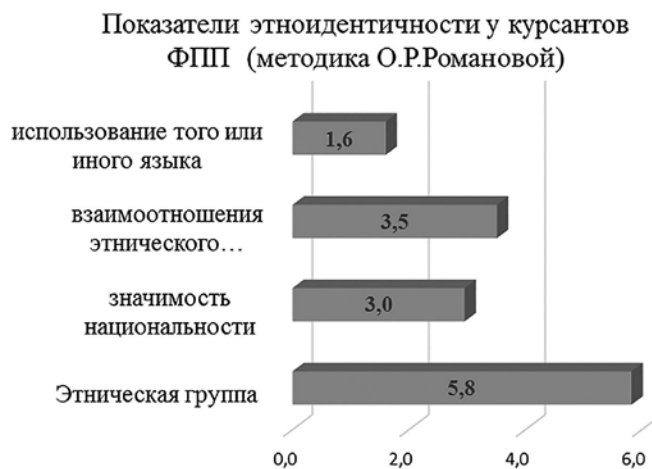

Диаграмма 3

Показатели этноидентичности у курсантов ФПП (методика О.Р. Романовой)

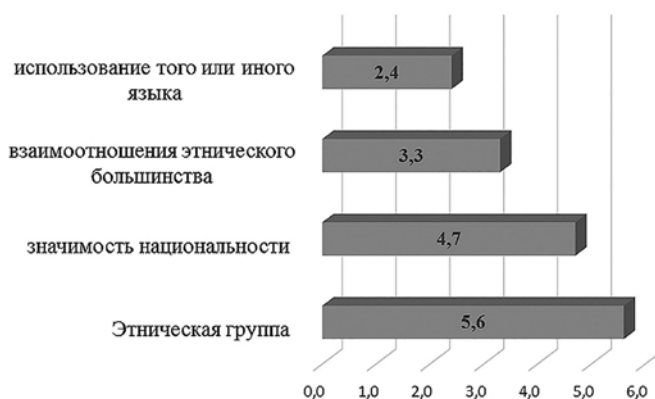

Диаграмма 4

Показатели этноидентичности у слушателей ФПИС (опросник О.Л. Романовой)

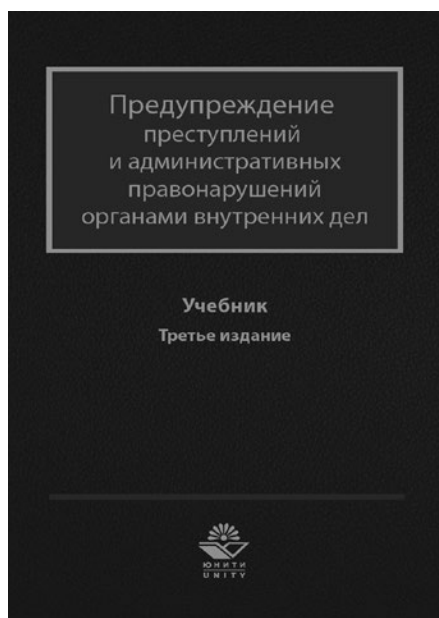
Рис. 1. Ось значимости для критерия согласия распределения выборок

Литература

1. Михайлова С.Ю., Мирзахмедов Д.Ш. Целенаправленное воздействие на ценностные ориентации курсанта как один из факторов личностной надежности на ранних стадиях обучения // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Материалы двадцать первой всероссийской научно-методической конференции. 2016.
2. Михайлова С.Ю. Агрессия как форма девиантного поведения // Профилактика заболеваний учащихся в образовательных учреждениях. М., 2010.

3. Михайлова С.Ю. Мирзахмедов Д. Ш. Целенаправленное воздействие на ценностные ориентации как один из факторов личностной надёжности специалиста в области психологии Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II Раздел XIII Социальное взаимодействие в контексте культурно-исторической психологии (Москва, 14–19 ноября 2016 г.).
4. Слесарева Е.А. Профессионально-значимые качества личности инспекторов ДПС ГИБДД// Вестник ГУУ, № 19, 2011.
5. Слесарева Е.А. Роль информационных технологий в деятельности психолога // Сборник научных трудов XIII Научно-практической конференции «Технологии информационной безопасности в деятельности органов внутренних дел» (на базе УНК ИТ МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя от 26.11. 2015).
6. Слесарева Е.А., Смирнов Д.Е. Информационные технологии как средство решения практических задач в деятельности психолога // Закон и право №4 2016.
7. Стурейко, С. А. Роль этноидентичности в стратегии жизнеобеспечения афганских мигрантов в Беларуси / С. А. Стурейко // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX — начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол: Т. А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2011. — С. 75 — 77.
8. Полозова Т.Ю., Усачева И.В. Изучение влияния эмоциональной устойчивости, гибкости, самоконтроля на выполнение теста «поиск» (реакции на появляющийся движущийся объект) // Вестник Московского университета МВД России №1. 2016.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Учебник. Под ред. С.Я. Лебедева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определены милицмейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений. Особое внимание уделено предупреждению милицией преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними; против личности; в сфере экономики; террористической и экстремистской направленности; связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; в сфере экологической безопасности; безопасности дорожного движения и др.

ББК 88.4
УДК 159.9

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТОВОГО ПОДХОДА В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА УЛЬЯНИНА,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры психологии, педагогики

и организации работы с кадрами

Академии управления МВД России

Научная специальность 19.00.06 — юридическая психология

E-mail: lelia34@mail.ru

Рецензент: кандидат психологических наук И.Ю. Кобозев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Прослеживается становление и развитие компетентностного подхода в зарубежных научных школах, описываются существенные характеристики понятий «компетенция» и «компетентность». Анализируются достоинства и недостатки, выбранных представителями различных школ, подходов к определению критериев и методов диагностики компетентности специалистов. Рассматриваются варианты реализации компетентностного подхода в системе профессионального образования некоторых стран.

Ключевые слова: компетентностный подход, профессиональное образование, зарубежные научные школы, компетенция, компетентность, будущие специалисты.

Annotation. this article examines the formation and development of the competence approach in foreign scientific schools, describes the essential characteristics of the concepts «competence» and «competency». Examines the advantages and disadvantages of selected representatives of various schools, approaches to definition of criteria and methods of diagnosis competence. Variants of realization of the competence approach in vocational education in some countries.

Keywords: competence approach, professional education, foreign scientific schools, competence, competency, future professionals.

В последнее десятилетие происходит смена категориально-понятийного аппарата отражающего сущность образовательного процесса. Понятия «подготовленность», «образованность», «квалифицированность» заменяются на понятия «гибкие навыки», «мобильность», «компетенция», «компетентность» обучающихся. Постепенный переход на компетентностный подход, обусловлен, в первую очередь необходимостью разрешения противоречий, связанных с традиционными когнитивными ориентациями высшего образования. Данный переход предполагает изменение содержания образования, его методов, технологий и в конечном итоге формата будущих специалистов.

С целью разработки новых методов и технологий современного отечественного профессионального образования, следует обратиться к рассмотрению истории становления и развития компетентностного под-

хода в зарубежных научных школах.

Идеи компетентностного подхода в разной содержательной интерпретации начали возникать в 20 в. в таких странах как Америка, Англия, Франция, Германия, Россия и т.д. Однако, причины переориентации на новый подход в профессиональной подготовке будущих специалистов были одни и те же — это, в первую очередь, потребность социума в компетентных профессионалах, способных решать мультимодальные проблемы разной сложности, быть мобильными и гибкими в условиях стремительного прогресса общества. Конкретная реализация компетентностного подхода в разных странах варьировалась в зависимости от определения понятий «компетентность» и «компетенция», а так же выбора методов оценки и формирования профессиональных компетенций.

Впервые термин «компетенция» («competency»)

встречается в английском языке. В словаре Н. Уэбстера в 1596 г. компетенция определяется как способность или навык [19].

В зарубежной науке выделяется четыре основополагающих подхода к определению и внедрению в образовательный процесс компетентностной модели обучения. Зарождение и развитие научных школ в рамках компетентностной модели подготовки специалистов происходило независимо друг от друга, в следующей последовательности: 1) поведенческий подход в США, 2) функциональный подход в Великобритании 3) многомерный во Франции и 4) целостный подход в Германии и Австрии.

Американский подход, представителями которого являются Р. Уайт, Д. МакКлелланд, Р. Бойцис, С. и Л. Спенсеры, Г. Клемп, С. Хафф, Д. Гентл, Г. Хамел и К. Прахалад, Е. Дероус, характеризуется, прежде всего, анализом поведенческих характеристик носителей компетенции, и выявлением личностных особенностей, определяющих сравнительно эффективные действия. С точки зрения американского подхода, «компетенция» представляет собой базовый поведенческий аспект или характеристику, отражающуюся в сравнительно результативном выполнении работы, и зависящую от контекста этой работы, условий внешней среды, а также особенностей профессиональной деятельности.

В 1959 году Уайт (White, 1959) [13, с. 199-225] одним из первых использовал термин «компетенция» для описания способностей выпускника учебного заведения, которые определяют его профессиональную эффективность и мотивационную зрелость. Уайт подчеркивал важность взаимосвязи зрелости когнитивных компетенций и ценностно-мотивационной составляющей. Определяя компетентность как эффективное взаимодействие человека с окружающей средой, Уайт утверждал, что в числе личностных характеристик выпускника должна быть «компетентностная мотивация» в дополнение к необходимым сформированным способностям [4; 21, с. 297-233].

В продолжение идей Уайта, Д. МакКлелланд разработал специальные тесты, которые позволяли оценивать эффективность профессиональной деятельности, в отличие от тестов, измеряющих интеллектуальные способности. В результате своих исследований, Р. МакКлелланд сделал вывод о поведенческой природе компетенций, которые можно формировать и развивать в ходе образовательного процесса [18, с. 331-333].

Позже, начиная с конца 1990-х гг., американский подход к дефиниции термина «компетенция» стал существенно шире благодаря включению в определение данного термина также знаний и навыков наряду с традиционными поведенческими характеристиками,

предложенными Д. МакКлелландом.

Р. Бойцис в 1980 г. определил компетенцию как одну из наиболее значимых характеристик личности, которая лежит в основе эффективного выполнения работы [11]. Подход Р. Бойциса основывается на валидности критериев профессиональной успешности и результативности [7].

М. Лайл Спенсер-мл. и М. Сайн Спенсер [7] опираясь на результаты исследования Р. Бойциса разработали «Словарь компетенций», предложив следующие определение термину «компетенция» — базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему выполнению деятельности на основе выделенных критериев.

А. Лючия и Р. Лепсинг разработали модели компетенций, позволяющие прогнозировать качество конечного результата профессиональной подготовки сотрудников. Модель компетенций в их понимании представляет собой некий описательный инструмент, который может идентифицировать навыки, знание, особенности личности и поведения, необходимые для эффективного выполнения работы.

В продолжение идей предыдущих исследователей, М. Армстронг [5], отмечал существенное влияние на эффективность деятельности компетенций, связанных с ключевыми аспектами поведения личности. К ключевым поведенческим компетенциям М. Армстронг отнес такие, как лидерство, аналитические способности, ориентацию на результат коммуникативные навыки, а также ряд профессионально значимых личностных качеств актуальных в конкретных видах деятельности.

Расширяя традиционное для американского подхода понимание компетенций, Г. Хамел и К. Прахалад определяют ядерные компетенции как некое коллективное знание организации, и результат координации различных производственных умений и навыков [15, с. 197-203]. Таким образом, ядерные компетенции отражают процесс трансформации индивидуальных компетенций сотрудников в компетенции организации в целом.

Наличие множества вариантов определения термина «компетенция» свидетельствует о том, что, несмотря на различные индивидуальные особенности (способности, характер), все эти особенности можно идентифицировать и оценить путем анализа поведения человека.

Американская модель обучения, основанная на компетентностном подходе, включает следующие компоненты: определение поведенческих целей, разработка стратегии обучения, осуществление непосредственно профессиональной подготовки, разработка и внедрения системы оценивания качества образовательных услуг. На основании конечной цели опреде-

ляется образовательный стандарт. Процедура оценивания компетентностей осуществляется с использованием батареи тестов и портфолио.

В 1990-2000 гг. в США были разработаны образовательные стандарты с ориентацией на компетентностный подход к подготовке специалистов. Новые стандарты создавались по принципу сопоставления содержания обучения с конкретными знаниями, умениями и навыками, содержащими в себе как деятельностный, так и поведенческий аспекты, которые возможно измерить и оценить [6]. Образовательные стандарты в США включают содержательные, деятельностные компоненты, а также компоненты, определяющие способность к обучению.

Функциональный подход, представителями которого являются Б. Мэнсфилд, Л. Митчелл, С. Перри, Г. Беаумонт, Р. Мирабиле изначально был следствием реформирования национальной системы производственных квалификаций Великобритании и Шотландии, которые базировались на профессиональных стандартах компетентности, сформулированных в результате функционального анализа разного рода рабочих задач менеджеров и исполнителей [17, с. 299-307].

Сторонники данного подхода ориентируются не на личностные особенности, а на требования, предъявляемые специалисту, обусловленные спецификой самой профессиональной деятельности. При этом, главенствующая и системообразующая роль в структуре компетентностной модели отнесена к ценностно-мотивационной характеристике человека [6, с. 119-136]. Так, Г. Беаумонт характеризует компетенцию как способность к применению знаний, понимания и навыков в соответствии с определенными требованиями стандартов, включая решение проблем и соответствие изменяющимся требованиям. Иными словами, компетенция представлена набором профессиональных задач и конечным ожидаемым результатом решения данных задач. В основе описания компетенций заложена национальная система обучения.

В 1984 г. Джон Равен в своей работе «Компетентность в современном обществе» выделил необходимые профессиональные качества, такие, например, как, самостоятельность; ответственность инициативность, готовность решать проблемы и т.д. Дж. Равен, описывая структуру компетентности отмечает, что она включает множество компонентов, которые относительно независимы друг от друга. Одни из них относятся скорее к когнитивной сфере, а другие — к эмоциональной, однако эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения [9, с. 59-64].

Таким образом, компетентностный подход для Великобритании имеет характерное направление функ-

ционального развития путем объединения знаний, ценностей и навыков, которые присущи профессионалам в той или иной области деятельности.

На основании анализа и объединения двух выше названных подходов, Джэфф Чиверс и Грэм Читхэм разработали целостную интегративную модель развития профессиональной компетентности, которая включает в себя функциональные, познавательные, личностные, этические и метакомпетенции [12, с. 269-273].

Позже, в 1998 году, авторы целостной интегративной модели, включили в нее такие значимые характеристики, как масштаб организации и окружающая среда, а так же личность и мотивация. Данные характеристики в совокупности оказывают влияние на уровень профессиональной компетентности.

В конце 90-х в Великобритании меняется и сам подход к определению компетенций, которые теперь представлены не только функциональными элементами, связанными со спецификой деятельности, но и базисными знаниями и характеристиками.

Многомерный (Франция) и целостный (Германия, Австрия) подходы во многом схожи и поэтому их можно объединить в одну группу. Представителями данных подходов являются: Д. Уинтертон, Ф. Деламаре, Р. Арнольд, С. Нолда, Э. Нуиссл, Г. Страка, С. Архан, Е. Тутчек.

В 80-х годах компетентностный подход зарождается и развивается во Франции. Причем, изначально идеи данного подхода продиктованы практическим запросом и появились внутри предприятий и организаций. В последующем уже осуществлялась выработка инструментария по формированию и оценке компетенций сотрудников для специалистов в области управления человеческими ресурсами. На основе полученного опыта реализации компетентностной модели подготовки специалистов сформировалось концептуальное представление о компетенциях, и появились критические подходы к определению и развитию компетенций.

Причиной дальнейшего развития компетентностного подхода стала необходимость в разработке новых моделей компетенций и определение роли организаций в их развитии. С 1993 г. Национальное бюро по трудоустройству ANPE (L'Agence nationale pour l'emploi) заинтересовали исследования в данной области и государство стало поощрять разработку подходов к подготовке специалистов на основе компетенций. При оценке эффективности персонала многие предприятия перестали ориентироваться на такую категорию как квалификация, поскольку она была не столь гибкой как набор профессионально значимых компетенций. В этой связи начинаются активные поиски адекватных методов оценки и развития компетенций сотрудников, что дало новый виток

в развитии компетентностного подхода.

Логика построения многомерного компетентностного подхода во Франции [12] поляризуется в два отличных друг от друга направления: личностное, сосредоточенное на характеристике поведения каждого обучаемого, и коллективное, нацеленное на построение модели компетенций, необходимых для эффективной организации работы коллективов и участия в этой работе в качестве одного из членов коллектива. Поэтому при классификации компетенций основные кластеры занимают некоторое промежуточное положение между этими полюсами со смещением в ту или иную сторону. Например, кластер компетенций, характеризующих грамотность, рассматриваемых как универсальный признак подготовки выпускников учебных заведений, либо кластер компетенций, сформулированных в терминах индивидуальных способностей, проявляющихся только в контексте задач будущей профессиональной деятельности выпускника. Многомерность описанному подходу придает многообразие кластеров компетенций, тяготеющих к тому или иному полюсу и требующих построения различных шкал. Как и английский, французский подход более всесторонний по сравнению с американским, поскольку в нем рассматривают знаниевые, функциональные и поведенческие характеристики результатов обучения [4].

В 80-х годах в немецкой системе образования появляется понятие «ключевые квалификации», которые представлены индивидуальными компетенциями: моральная устойчивость, гибкость, этичность, способность к сотрудничеству.

Начиная с 1996 г. в немецкую систему образования был внедрён подход «компетенции действия», который в большей степени был ориентирован на профессиональную реализацию специалиста в конкретной области деятельности [20, с. 195-204]. При этом детальным образом пересматриваются профессионально-технические «компетенции действия» в терминах сферы деятельности или «предметных компетенций», а также «личностные компетенции» и «социальные компетенции».

В Австрии стали использовать аналогичный подход к трактовке стандартных ключевых квалификаций, детерминируя их в качестве «трансверсальных» функциональных и профессиональных квалификаций, которые состоят из особых непредметных характеристик и личностных свойств [8, с. 22-37; 14, с. 29-41]. При этом, среди них выделяют личностные, когнитивные и социальные. Аналитический подход на сегодняшний день наиболее популярен. В частности, он получил широкое развитие в трудах исследователей из Индии [16, с. 202-223].

Американский и британский компетентностные подходы часто противопоставляют друг другу [1, с.

80-83]. Так, традиционный американский подход ориентирован, в большей степени, на индивидуальные поведенческие характеристики как основу и причину удовлетворительного выполнения работы. Странники британского подхода, напротив, придают первостепенное значение специальным стандартам компетенций именно в контексте использования их в профессиональной деятельности. Т.е. в целом, американский подход ориентирован на процесс, на поведение и связан с термином «компетенция», а английский подход ориентирован на результат, на профессиональные достижения и связан с термином «компетентность».

Дальнейшее развитие данных подходов характеризуется добавлением функциональных и когнитивных компетенций к поведенческим в американской школе, а в британской — когнитивных и поведенческих к профессиональным компетенциям, за счёт чего современные модели компетенций в США и в Великобритании стали существенно шире классических [2, с. 112-113]. В то же время, французские и немецкие направления компетентностных исследований отражают ещё более широкое, многомерное представление о компетенциях, которое можно назвать аналитической концепцией [10, с. 125-137]. Т.е. подходы, которые возникли в континентальной Европе в 1990х гг., а затем распространились среди последователей в других странах Евразии, учитывали опыт уже имеющихся направлений более ранних американского и британского направлений, дополнив их новыми аспектами подготовки будущих специалистов.

Таким образом, зарождение и популяризация компетентностного подхода в зарубежной образовательной парадигме продиктовано запросами работодателей (предприятий и организаций), которые хотели бы не только инвестировать обучение персонала, но и получать конкретную прибыль в виде повышения эффективности и результативности работы сотрудников.

Обучение, основанное только на передаче знаний не позволяет подготовить специалиста готового к самостоятельной, ответственной работе, способного решать комплексные профессиональные проблемы. Традиционные формы обучения не в полной мере раскрывают потенциал личности. В связи с этим во многих странах на государственном уровне происходит реформирование системы образования. Одной из основных целей реформирования, является переориентация обучающихся на деятельность, основанную на инициативе и ответственности, а также непрерывном самообразовании на протяжении всей жизни. Внутри этой деятельности будущие специалисты должны формировать и развивать ключевые компетенции, необходимые для эффективного выполнения конкретных должностных обязанностей.

В Англии экзаменационным Советом Кембриджского университета были выделены показатели ключевых компетенций будущего специалиста, позволяющие определить уровень их сформированности. Система оценивания пятиуровневая и варьируется в зависимости от сложности задач, с которыми сталкивается учащийся. Первый уровень — базовый, на нем строятся все остальные. Так, например, если на первом уровне обучающемуся предлагается показать, что он в состоянии правильно понять предлагаемую ему проблему и сделать два предложения по ее решению, то на втором уровне задача усложняется: он должен показать, что в состоянии увидеть проблему (проблемную ситуацию), описать ее основные характеристики и предложить два способа ее решения. На третьем уровне требования значительно повышаются, обучающийся должен показать, что в состоянии изучить комплексную проблему и предложить три способа ее решения. На четвертом уровне он должен построить стратегию решения проблем и продемонстрировать возможности для использования компетенций, определяя результат, к которому стремится. На пятом уровне сложности учащийся должен показать, что он в состоянии управлять работой коллектива, т.е. занять лидирующую позицию, адаптируя стратегию при необходимости решать, по крайней мере, две комплексные проблемы, и достигнуть при этом необходимого качества результата [3, с. 33-34]. В процессе выполнения от него требуется поддерживать мотивацию сотрудников, ориентировать их на достижение цели и выстраивать конструктивную коммуникацию между членами коллектива. Успешность прохождения данного уровня зависит от степени интеграции всех сформированных у учащегося компетенций.

Подводя итог, отметим, что наиболее распространенным является Многомерный подход, тем не менее, все школы внесли достаточно весомый вклад в развитие теории компетентности. Подходы, возникшие в более поздний период, дополняли предыдущие теории новыми идеями и принципами, делая тем самым компетентностный подход все более востребованным.

Литература

1. Беликова И.Ю. Применение компетентностного подхода при подготовке управленческих кадров малого бизнеса // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 1 (17). — С. 79-85.
2. Доброт М.В. Бизнес-компетенция как экономическая категория // Общество: политика, экономика, право. — 2013. — № 3. — С. 112-113.
3. Еранькина Л.Е. Внедрение модульно-компетентностных технологий обучения // Профессиональное образование. Столица. — 2010. — № 3. — С. 33-34.
4. Звонников В.И., Чельшкова М. Б. Контроль качества обучения при аттестации: компетентностный подход. — М.: Логос, 2009. — 272 с.
5. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — М.: Вильямс, 2016. — 672 с.
6. Равен Джон. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. — М.: КОГИТО-ЦЕНТР, 2002. — 396 с.
7. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. — М.: Гиппо, 2010. — 384 с.
8. Archan S., Tutschek E. Schlüsselqualifikationen: Wie vermittele ich sie Lehrlingen? — Wien: Institut für Bildungsforschung der Wirtschaft, 2002. — 231 p.
9. Beaumont G. Review of 100 NVQs and SVQs. — London: Department for Education and Employment, 1996. — 362 p.
10. Berthel J., Becker F.G. Personal-management. — Stuttgart: Schaffer-Poeschel, 2013. — 867 s.
11. Boyatzis R.E., Leonard D., Rhee K., Wheeler J. Competencies can be developed but not in the way we thought // Capability. — 1996. — Vol. 2, № 2. — P. 25-41.
12. Cheetham G., Chivers D. The reflective (and competent) practitioner: A model of professional competence, which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches // Journal of European Industrial Training. — 1998. — Vol. 22, № 7. — P. 267-276.
13. Engler, B. Personality Theories. — NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2009. — 555 p.
14. Francoise Delamare Le Deist & Jonathan Winterton // Human Resource Development International. — 2005. — Vol. 8, №. 1. — P. 27 — 46.
15. Hamel G., Prahalad C.K. Competing for the Future: Breakthrough Strategies for Seizing Control of Your Industry and Creating Markets of Tomorrow. — Boston: Harvard Business School Press, 1994. — 253 p.
16. Kandula S.R. Competency-based Human Resource Management. — Delhi: PHI Learning Private Limited, 2013. — 279 p.
17. Mansfield B. Competence in transition // Journal of European Industrial Training. — 2004. — Vol. 28, № 2, 3, 4. — P. 296-309.
18. McClelland D.C. Identifying competencies with behavioral-event interviews // Psychological Science. — 1998. — Vol. 9, № 5. — P. 331-339.
19. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary

- [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/competency>.
20. Straka G.A. Measurement and evaluation of competence // The foundations of evaluation and impact research: third report on vocational training research in Europe: background report. — Luxembourg: EUR-OP, 2004. — 311 p.
  21. White R.W. Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review. — 1959. — Vol. 66. — P. 297-333.
- Reference*
1. Belikova I.Yu. Primenenie kompetentnostnogo podkhoda pri podgotovke upravlencheskikh kadrov malogo biznesa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 1 (17). — S. 79-85.
  2. Dobrot M.V. Biznes-kompetentsiya kak ekonomicheskaya kategoriya // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. — 2013. — № 3. — S. 112-113.
  3. Eran'kina L.E. Vnedrenie modul'no-kompetentnostnykh tekhnologiy obucheniya // Professional'noe obrazovanie. Stolitsa. — 2010. — № 3. — S. 33-34.
  4. Zvonnikov V.I., Chelyshkova M. B. Kontrol' kachestva obucheniya pri attestatsii: kompetentnostnyy podkhod. — M.: Logos, 2009. — 272 s.
  5. Meskon M., Al'bert M., Khedouri F. Osnovy menedzhmenta. — M.: Vil'yams, 2016. — 672 s.
  6. Raven Dzhon. Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyyavlenie, razvitiye i realizatsiya. — M.: KOGITO-TsENTR, 2002. — 396 s.
  7. Spenser L.M., Spenser S.M. Kompetentsii na rabote. — M.: Gippo, 2010. — 384 s.
  8. Archan S., Tutschek E. Schlüsselqualifikationen: Wie vermittele ich sie Lehrlingen? — Wien: Institut für Bildungsforschung der Wirtschaft, 2002. — 231 p.
  9. Beaumont G. Review of 100 NVQs and SVQs. — London: Department for Education and Employment, 1996. — 362 p.
  10. Berthel J., Becker F.G. Personal-management. — Stuttgart: Schaffer-Poeschel, 2013. — 867 s.
  11. Boyatzis R.E., Leonard D., Rhee K., Wheeler J. Competencies can be developed but not in the way we thought // Capability. — 1996. — Vol. 2, № 2. — P. 25-41.
  12. Cheetham G., Chivers D. The reflective (and competent) practitioner: A model of professional competence, which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches // Journal of European Industrial Training. — 1998. — Vol. 22, № 7. — P. 267-276.
  13. Engler, B. Personality Theories. — NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2009. — 555 p.
  14. Francoise Delamare Le Deist & Jonathan Winterton // Human Resource Development International. — 2005. — Vol. 8, № 1. — P. 27 — 46.
  15. Hamel G., Prahalad C.K. Competing for the Future: Breakthrough Strategies for Seizing Control of Your Industry and Creating Markets of Tomorrow. — Boston: Harvard Business School Press, 1994. — 253 p.
  16. Kandula S.R. Competency-based Human Resource Management. — Delhi: PHI Learning Private Limited, 2013. — 279 p.
  17. Mansfield B. Competence in transition // Journal of European Industrial Training. — 2004. — Vol. 28, № 2, 3, 4. — P. 296-309.
  18. McClelland D.C. Identifying competencies with behavioral-event interviews // Psychological Science. — 1998. — Vol. 9, № 5. — P. 331-339.
  19. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/competency>.
  20. Straka G.A. Measurement and evaluation of competence // The foundations of evaluation and impact research: third report on vocational training research in Europe: background report. — Luxembourg: EUR-OP, 2004. — 311 p.
  21. White R.W. Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review. — 1959. — Vol. 66. — P. 297-333.

УДК 159.9.018
ББК 88.9

ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПОЛИГРАФНОЙ ПРОВЕРКИ С ЛИЦОМ, ПРИЧАСТНЫМ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕУЛИН,

*доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук
E-mail: ddeulin@yandex.ru;*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ФЕДОРЕНКО,

*руководитель направления Дирекции по безопасности
ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК), полиграфолог
E-mail: poligraf.ru@gmail.com;*

ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА ПИЦЫК,

*старший научный сотрудник отделения организации
и проведения научных исследований управления организации научной
и редакционно-издательской деятельности
E-mail: pitsik.mila@yandex.ru*

*Научная специальность 19.00.07 — педагогическая психология
Рецензент: кандидат психологических наук,
доцент И.А. Паршутин.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуется проблема установления психологического взаимодействия с лицами, подозреваемыми в совершении преступлений экономической направленности. Авторы знакомят читателя с общими особенностями в установлении психологического контакта, и с опорой на индивидуально-психологический профиль экономического преступника предлагают конкретные рекомендации. Анализируются научные работы отечественных и зарубежных авторов по проблеме психологического взаимодействия в рамках полиграфной проверки. Кроме того, работа проиллюстрирована результатами прикладных психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств. Основными исследовательскими методами в работе выступают: наблюдение, беседа, психофизиологические исследования с применением полиграфа.

Ключевые слова: полиграфная проверка, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, предтестовая беседа, психологический контакт, обследуемое лицо, преступления экономической направленности.

Annotation. The article examines the problem of establishing psychological interaction with persons with individual psychological characteristics, in particular, the features of the «economic criminal». The authors introduce the reader to the general features in the establishment of psychological contact and relying on individual psychological profile of the criminal economic offer specific recommendations. The article has a scientific-theoretical substantiation, as is also illustrated by the results of the applied copyright psychophysiological studies using polygraph devices.

Keywords: Checking polygraph, psychophysiological investigation using a polygraph, pre-interview, psychological contact, survey, crimes of economic orientation.

В настоящее время метод полиграфной проверки находит свое широкое применение как в гражданской, так и в государственной сферах. В связи с этим особый интерес представляют принципы работы полиграфа (лайдетектора), или так называемого разоблачителя лжи, построенного на регистрации соматовегетатив-

ных изменений, возникающих под влиянием личностно значимых раздражителей у человека.

Любая полиграфная проверка начинается с предтестовой беседы. Она является одним из основных этапов проверки. Как отмечает ряд авторов «тактически правильно построенное и проведенное собеседование обе-

спечивает до 50% успеха проверок с использованием полиграфных устройств» [3]. В качестве обязательных, неотъемлемых составляющих предтестовой беседы, системообразующих компонентов является факт подтверждения добровольного согласия на прохождение полиграфной проверки. Целью получения письменного добровольного согласия на прохождение проверки на полиграфе является превентивная защита полиграфолога от возможных в последующем обвинений в нарушении прав человека, обвинений в том, что проверка была проведена под давлением или принуждением.

В рамках предтестовой беседы осуществляется краткое объяснение обследуемому лицу его прав и информирование его, об отсутствии угрозы для жизни и здоровья со стороны применяемых технических средств. Затем последовательно излагается суть предстоящей процедуры. Сущность процедуры проверки необходимо излагать с учетом интеллектуального уровня опрашиваемого лица. Важным на этой стадии является установление психологического контакта с обследуемым лицом. Переход к диалогу между полиграфологом и обследуемым лицом в этих условиях создает наилучшие предпосылки для обеспечения взаимодействия, взаимопонимания и, в конечном счете, сотрудничества. На взгляд И.И. Порубова, психологический контакт представляет собой «систему взаимодействия людей между собой в процессе их общения, основанного на доверии: информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга. Психологический контакт — это, наконец, процесс взаимовлияния, сопереживания и взаимного понимания» [11, с.73].

Предтестовая беседа, по существу, напоминает такое следственное действие как допрос. Как и во время допроса, здесь важна исключительная корректность в поведении полиграфолога. Необходимо поприветствовать обследуемое лицо, соблюсти определенный ритуал предварительного «знакомства». Как отмечает В.В. Романов, ситуация разъяснения прав и обязанностей в рамках допроса, а в нашем случае обследуемому лицу в рамках ПФИ, «обусловленная необходимостью удостовериться в его личности, по времени примерно соответствует распространенной в обществе ситуации знакомства, которая, согласно существующему речевому этикету, предоставляет возможность участникам встречи установить необходимые коммуникативные контакты» [12, с.409].

Как отмечает автор, происходит совмещение двух разноплановых коммуникативных ситуаций. Поэтому, удостоверяя личность обследуемого лица, необходимо следовать правилам речевого этикета, подписывающим лицам, вступающим в контакт, обмениваться взаимными приветствиями [12].

Для побуждения обследуемого лица к установлению психологического контакта можно начать с предъявления незначительных для существа проверки вопросов. Речь может идти о трудовом и жизненном пути обследуемого, можно поинтересоваться состоянием его

здоровья. Стараться активизировать вопросы, в которых можно обнаружить единодушие со взглядами опрашиваемого лица. В это время полиграфолог должен показать опрашиваемому свою независимость, объективность, непредвзятость. Полиграфолог должен особо подчеркнуть, что целью опроса является не установление факта причастности опрашиваемого к выявляемому событию, а установление истины по делу [8].

В случае, когда мнение не совпадает по целому ряду мировоззренческих вопросов, лучше имитировать согласие или же, завершить обсуждение противоречивой ситуации, чтобы на первоначальной стадии не испортить дальнейшее содержание процедуры полиграфной проверки.

В рамках установления психологического контакта, полиграфологу важно обращать внимание на вербальные и невербальные особенности испытуемого, стараясь использовать приемы нейролингвистического программирования для введения его в коридор доверительного общения. Как отмечают ряд авторов, в целях установления «подсознательного доверия» с опрашиваемым лицом, следует принять его позу, отразить движения и жесты, подстроиться к дыханию [1].

Необходимо определить такие параметры этой стадии как темп, ритм, уровень напряженности, основное состояние собеседника.

Чтобы убедиться в установлении психологического контакта, необходимо уметь читать мимику, жесты, интонацию, речевые маркеры в поведении обследуемого [4]. Информативным является и взгляд обследуемого, как отмечает В.Л. Васильев: «близкая установка взгляда направляется всегда на нечто конкретное, подлежащее немедленному познанию» [2, с.494]. Тогда как «устремленный взгляд вдаль, свидетельствует об отсутствии у человека активного интереса к конкретному обсуждаемому событию, факту» [2, с.495].

Полиграфолог может распознать напряжение и недоверие, вызванное ситуацией проведения опроса с использованием полиграфа, по опущенной, склонившейся вниз голове, «тяжелого» взгляда исподлобья. Суженная глазная щель может быть признаком состояния значительного утомления [2, с.654]. Все эти описанные признаки свидетельствуют об отсутствии психологического контакта.

Важным моментом в установлении психологического контакта является убеждение опрашиваемого лица в независимости полиграфолога в своих выводах, отсутствия недоверия к опрашиваемому и безопасности технической стороны полиграфной проверки.

Для лучшего установления психологического взаимодействия с обследуемым лицом необходимо представлять себя как идентифицируемая личность, а не как обезличенное олицетворение официальной организации. Кроме того, самой предтестовой беседе необходимо придать персонализированный статус, находя в опрашиваемом лице конкретного человека как носителя определенных эмоций, переживаний и чувств. Как отмечает Оглоблин С.И. и Молчанов А.Ю. на протяже-

нии короткого отрезка времени полиграфологу необходимо определить «характерологический стержень» обследуемого и на этой основе выстроить манеру дальнейшего общения [10].

Стоит обращать внимание и на речевую продукцию обследуемого, количественную и качественную сторону. Как правило, излишняя говорливость, словоохотливость — хороший признак, психологическая опора для полиграфолога, способствующая установлению доверительных отношений с обследуемым лицом. Бывает и так, что обследуемое лицо в самом начале знакомства самостоятельно поддерживает разговор, предпринимает усилия создать дружелюбную эмпатийную атмосферу. В таком случае задача полиграфолога — удержание этого контакта на должном психоэмоциональном уровне, в тоже время не позволить лицу заболтать действительное содержание проблемы, подменить ее бессмысленной болтовней. Полиграфологу важно научиться создавать управляемую ситуацию общения, когда эмоциональная часть обрамляет необходимое ему содержание предтестовой беседы.

В связи с этим полиграфолог сам должен уметь организовать и координировать свое психическое состояние. В данном случае, обладая навыками управления своей волевой и эмоциональной сферами, уметь управлять эмоциями обследуемого лица. Это необходимо в целях преодоления негативных состояний испытуемого на полиграфе.

В некоторых публикациях в целях более успешного установления психологического контакта даются рекомендации создать «эффект непринужденной беседы». Для этого необходимо сознательно переключаться с одной тематики на другую. Например, после уточнения биографических данных перейти на тему, связанную с преступлением, потом перейти на семейное положение, его детство, а далее вернуться к его отношениям на работе и т.д. [3].

Особо стоит подчеркнуть, что ситуация опроса с использованием полиграфа сама по себе повышает тревожность, заставляет человека испытывать отрицательные эмоции, связанные со стрессовыми реакциями.

Поэтому так важно встать на позицию обследуемого лица, войти в его положение, проявить искреннее сочувствие и понимание всей ситуации и убедить его в необходимости сотрудничать с полиграфологом и сообщать только достоверные сведения в интересах проверяемого лица. Эта часть примечательна тем, что полиграфолог, используя психологические приемы, может разрешить многие вопросы на стадии предтестовой беседы, склонить обследуемое лицо к даче правдивых показаний, убедить сделать важные признания и только тогда верифицировать информацию непосредственно инструментальными средствами.

В условиях непосредственной полиграфной проверки испытуемый может априори быть настроен враждебно, проявлять сомнения и опасения. Стоит иметь в виду, что полиграфная проверка — это своего рода интеллектуальная дуэль, где обследуемое

лицо будет пробовать проверить полиграфолога на интеллектуальную искушенность. В рамках нашего исследования мы сконцентрировались на тактических особенностях полиграфного обследования с лицом, причастным к совершению преступлений экономической направленности. Как известно, такие лица имеют особый индивидуально-психологический профиль, который может быть сведен к «экономической акцентуации» личности обследуемого лица. Как мы уже отмечали ранее, экономическая акцентуация личности может свидетельствовать о развитых интеллектуальных способностях ее обладателя [5]. На наш взгляд, рассматриваемый «психологический реестр» формируется прижизненно, как впрочем, и любой иной тип акцентуации. Как отмечает К. Леонгард «поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии. Два человека с натурами, первоначально сходными, могут впоследствии иметь весьма мало общего между собой, а, с другой стороны, сходство жизненных обстоятельств может выработать сходные черты и реакции у людей, в корне различных» [9, с.254].

Как правило, лица, с выраженной экономической акцентуацией, обладают достаточно высоким интеллектуально-образовательным уровнем развития. Естественно предположить, что количественно, хотя и косвенно, этот уровень может быть измерен таким показателем, как уровень образования. В связи с декларируемым достаточно высоким в большинстве случаев интеллектуальным уровнем развития лица, подозреваемого в совершении экономических преступлений, нужно понимать, что это накладывает соответствующий отпечаток и на речевые особенности рассматриваемой категории правонарушителей. По обыкновению речь таких обследуемых не отличается вычурностью, как правило, она характеризуется нормативной направленностью, использованием профессиональной терминологии.

Психологический портрет рассматриваемой категории лиц, включает в себя следующие особенности: тщеславие, установка на обогащение; нечувствительность к риску; несоразмерные материальные амбиции; склонность к гедонизму; развитый интеллект, высокий или достаточный уровень образования и профессиональной подготовки; сочетание эгоцентризма и экстраверсии; наличие завышенной самооценки, цинизма в отношении к другим людям; наличие атрибутов внешней добропорядочности, создающих благоприятное впечатление и формально подразумевающих законопослушность [7].

Кроме того, можно выделить еще дополнительно такие психологические особенности как отсутствие воображения, скупость, подозрительность, холодность, обеспокоенность, упрямство, педантичность, одержимость и собственничество [5]. Во многом полиграфологу следует опираться на эти особенности, поскольку именно они будут проявляться в процессе тестирования на полиграфе. Обследуемый может де-

монстрировать обеспокоенность процедурой проверки. В этих целях следует сделать акцент на системно-адаптирующих тестах, возможно, провести серию таких тестов. Упрямство может выражаться в нежелании подчиняться требованиям полиграфолога следовать инструкции. В этом случае важно напомнить опрашиваемому лицу об ответственности и в случае дальнейшего противодействия, невозможности проведения опроса с использованием полиграфа. Педантичность может быть «материализована» в очковитательстве, в излишнем формализме опрашиваемого лица, в злоупотреблении своими правами и т.д.

Необходимо понимать, что в целях установления психологического контакта, полиграфолог должен убедить человека в абсолютной надежности и безопасности для жизни, здоровья и окружающей среды, используемого полиграфа, осведомить о принципах работы полиграфа и назначении отдельных датчиков. Все это в условиях определенного психологического профиля рассматриваемой категории лиц, требует достаточных умственных усилий, выдержки и от самого полиграфолога. Здесь важным является демонстрация точных знаний и навыков работы с инструментальными средствами.

Задача установления психологического контакта с обследуемым лицом требует максимально корректного обращения, демонстрации абсолютной объективности и непредвзятого отношения к объекту. Оглоблин С.И. и Молчанов А.Ю. подчеркивают, что следует избегать грубого обращения. Плохие манеры, властность могут вызвать страх, опасение у проверяемого и, скорее всего, повлияют негативно на эффективность проверки [10].

В отношениях с опрашиваемым важно придерживаться стратегии неконфликтного общения, а с лицом, подозреваемым в совершении экономических преступлений, это особенно важно. В отдельных работах приводятся различные стили общения, предлагаемые известными специалистами — полиграфологами [10, с.464]. На наш взгляд, важным является умение подстраивать свой «стиль» индивидуально под каждого испытуемого. И здесь совершенно правильно, авторы раскрывают так называемый принцип индивидуализации беседы. Здесь и проявляется учет индивидуально-психологических особенностей лица, участвующего в опросе на полиграфе.

Полиграфолог не должен смущать излишний скепсис лица, проходящего проверку, а поскольку это лицо изначально априори имеет достаточно высокий интеллектуальный уровень, любое сомнение, высказанное этим лицом не должно ни в коем случае расцениваться как причастность к устанавливаемому факту или событию.

Как уже отмечалось в предыдущих работах в рамках установления психологического контакта, можно использовать некоторые тактические приемы: эмо-

ционального воздействия (убеждение, разъяснение о неправильности занятой позиции, побуждение раскаяться, признать свою вину); приёмы логического воздействия (логический анализ противоречий в сообщаемых сведениях обследуемого, доказательство бессмысленности занятой позиции); тактические комбинации (полиграфолог создаёт ситуации, рассчитанные на неправильную оценку обследуемым, что объективно приводит его к изобличению) [6].

Рассмотрим особенности взаимодействия с обследуемыми лицами, подозреваемыми в совершении преступлений экономической направленности в рамках специальных психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств, на примерах из практики. Так, в отношении Л., проходившей в статусе свидетеля по уголовному делу, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст.159 УК РФ (мошенничество), предлагаются на разрешение полиграфной проверки следующие вопросы:

1. Выявляются ли в ходе психофизиологического обследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что обследуемая Л. согласовывала с г-ном Т. схему заключения сделки продажи объекта до заключения договора продажи?

2. Выявляются ли в ходе психофизиологического обследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что обследуемая Л. оговаривала с г-ном Т. его вознаграждение за участие в продаже недвижимости ООО «Схрон»?

3. Выявляются ли в ходе психофизиологического обследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что обследуемая Л. сообщала представителям защиты (адвокату Г.) заведомо ложную информацию в ходе проведения в ее отношении адвокатского опроса?

До начала тестирования на полиграфе обследуемой Л. был разъяснен порядок проведения обследования и тот факт, что проведение психофизиологического исследования с применением полиграфа возможно только в случае ее добровольного согласия на участие в обследовании. Обследуемая Л. ознакомилась с предоставляемыми ей полномочиями и дала письменное согласие на проведение полиграфной проверки.

Так же до начала тестирования на полиграфе с обследуемой Л. была проведена предтестовая беседа в целях выяснения отдельных фактов биографии и получения общих сведений о состоянии здоровья. Информация, полученная в ходе предтестовой беседы, использовалась для корректировки индивидуальной программы тестирования. В процессе беседы удалось выяснить, что обследуемая долгое время работала риэлтором, эти биографические сведения определили стратегию предтестовой беседы, в частности, полиграфолог стал интересоваться у обследуемой перспективами роста ипотеки. В рамках предтестовой беседы

полиграфолог вспомнил, что его знакомые собираются приобретать недвижимость по ипотеке. Данное обстоятельство стало узловым моментом в установлении доброжелательных отношений между полиграфологом и обследуемым лицом.

Благодаря качественно проведенной предтестовой беседе и, в частности, установлению психологического контакта, удалось провести ПФИ и составить заключение.

Рассмотрим следующий пример установления психологического контакта с лицом, подозреваемым в совершении преступления экономической направленности. В рамках процедуры полиграфной проверки обследуемому лицу задавались следующие вопросы:

1. Во время дачи свидетельских показаний по уголовному делу, Вы умышленно сообщали следствию заведомо ложные сведения?

2. Вами лично предпринимались умышленные действия, направленные на противоправное завладение денежными средствами Банка «Алис»?

Непосредственно перед процедурой тестирования с подозреваемым проводилась предтестовая беседа. В целях установления психологического контакта, снятия излишней тревожности и получения правдивых сведений от испытуемого, предпринималась попытка старта общения на тему кредитно-денежной политики кредитных организаций, роли мировых банковских систем в капитализации национальной банковской системы, а также общих проблем распространения кризисных явлений на банковский сектор. Обследуемый стал активно поддерживать беседу и включаться в полемику, непринужденно отвечая и предлагая свои рекомендации для улучшения положения в кредитно-денежных отношениях. Полиграфолог параллельно проводил наблюдение за спецификой речи обследуемого лица, интонацией, мимикой и другими вербальными и невербальными характеристиками. По этим признакам определялась степень надежности установления психологического взаимодействия. В итоге, благодаря эксплуатации интересов обследуемого лица, удалось установить доброжелательную психологическую атмосферу для проведения непосредственного тестирования.

Таким образом, в работе мы рассмотрели актуальные проблемы установления психологического контакта с обследуемым лицом, причастным к совершению преступлений экономической направленности в рамках предтестовой беседы процедуры психофизиологических исследований с использованием полиграфных устройств.

Литература

1. Бессонова С.Ю., Петров А.М., Мяких С.Г. Психологические возможности выявления скрываемой информации // Учебно-методическое пособие для оперативно-начальствующего состава органов внутренних дел, Пермь. — 2000. — 56 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. 5-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Питер, 2002. — 654 с.
3. Варламов В.А., Варламов Г.В., Власова Н.М., Зубрилова И.С., Котомин М.Б. Углубленные кадровые проверки». — М. — 2003. — 389 с.
4. Деулин Д.В. Психологические средства выявления ложных показаний в процессе допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении экономических преступлений — М.: Академия экономической безопасности МВД России. — 2011. — 88 с.
5. Деулин Д.В. Экономическая акцентуация личности как проблема формирования корыстной мотивации преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 274-280.
6. Деулин Д.В., Пицык Л.А. Использование тактических приемов допроса при проведении предтестовой беседы в рамках СПФИ с применением полиграфа в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении экономических преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 75-83.
7. Деулин Д.В., Шарыкина Т.А. Развитие экономической акцентуации личности с позиций психоанализа в современном экономическом пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2015. — № 8. С. 269-274.
8. Зерин В.С. Методическое руководство по проведению полиграфного обследования [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ignorik.ru>
9. Леонгард К. Акцентуированные личности. — Берлин. — 1976. — 328 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psychiatry.ru/>
10. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи». — Ярославль: Ньюанс. — 2004. — 417 с.
11. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Учебное пособие. — М.: Бек, 1993. — 406 с.
12. Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. — М.: Юристъ. — 1998. — 488 с.

УДК 338.054.23
ББК 65.050

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГАЛУШКИН,

*кандидат юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник лаборатории макроэкономического регулирования
и планирования МИИГУ им. П.А. Столыпина;*

*доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела»
Юридического института Московского государственного университета
путей сообщения Императора Николая II;*

E-mail: lalexander.galushkin@yandex.ru

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент А.В. Власов

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы становления предпринимательства в Российской Федерации после распада Советского Союза и до настоящего времени. Анализируются некоторые вопросы конкурентоспособности предпринимательских структур.

Ключевые слова: становление, предпринимательство, РФ, Россия.

Annotation. In this article author examines entrepreneurship development in the Russian Federation after the collapse of the Soviet Union and up to the present. The author also examines some issues of competitiveness of business structures.

Keywords: Formation, entrepreneurship, RF, Russia.

25 апреля 2005 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации заявил, что «прежде всего, следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию»¹.

12 февраля 2008 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, в своем выступлении в Белорусском государственном университете заявил, что «развал Советского Союза был величайшей геополитической катастрофой 20 века, в первую очередь, из-за разрушения существовавшей системы биполярного мира. Многие надеялись, что окончание «холодной войны» станет избавлением от больших военных расходов, а высвободившиеся ресурсы будут направлены на решение глобальных задач — продовольственных,

энергетических, экологических и других, — отметил Президент. — Но эти ожидания не оправдались. На смену «холодной войне» пришла еще более ожесточенная борьба за энергоресурсы. По сути, начался новый передел мира. В ход идут любые средства, вплоть до оккупации независимых государств»².

Наряду с главами союзных государств такого же мнения придерживаются и многие другие исследователи. И действительно, после распада СССР, в Российской Федерации также, как и в других республиках, ранее входивших в единый Союз, ставших независимыми государствами, произошли системные изменения как в экономике страны, которая, по сути, была порвана в клочья, также кардинальные изменения произошли практически во всех сферах жизни общества.

С открытием государственной и таможенной границы для практически свободного передвижения граждан и грузов в Российскую Федерацию хлынул поток товаров и грузов различной степени качества, а также появилось большое количество иностранных

предпринимателей, принимавших активное участие в приватизации и покупке многих ресурсов, оставшихся после распада СССР (зачастую бесплатно).

К сожалению, кроме материальных ресурсов, которые могут быть восполнены относительно быстро, также начался процесс по активной потере «мозгов». Ощутимая часть лиц, работавших при Союзе над созданием новых передовых технологий, после появления реальной возможности выехать за границу вовсе решили иммигрировать в поисках достойной заработной платы и лучшей жизни. Оставшиеся зачастую сталкивались с новыми реалиями, в которых труд стоил копейки, подчас не дававшие реальной возможности для существования.

Кто-то, пытаясь «заработать», а кто-то — «выжить» в корне поменял сферу своей деятельности, начав заниматься предпринимательской деятельностью, которая на заре развития предпринимательства по своей сути была дикой и могла быть экономически целесообразной только при мизерных уровнях оплаты труда (к примеру, в случае «челноков»). Новая реальность также выразилась в существенном оттоке перспективных кадров из ВУЗов, как со стороны студентов, так и со стороны профессорско-преподавательского состава, многие из которых стали принимать активное участие в предпринимательской деятельности.

Изменившаяся реальность также наложила отпечаток и на деятельность большинства государственных предприятий, организаций и учреждений. Многие из них лишившись своего основного заказчика — государства, другие своего основного потребителя — населения.

Все это породило множество независимых предпринимательских организаций, в «бизнес» вошло множество индивидуальных предпринимателей, работавших без образований юридического (ПБОЮЛ). Фактически пышным цветом расцвело, хотя и дикое, но предпринимательство, ранее существовавшее в усечённом виде в зыбких гранях законности.

Новые условия хозяйствования, порожденные изменившейся политико-правовой и социально-экономической реальностью поставили перед предпринимательскими организациями сложные задачи, в которых они вынуждены были предлагать конкурентоспособные товары, работы услуги. Это в итоге оказало, со временем, положительный эффект на потребителей, однако поставило перед предпринимательскими организациями целый ряд задач, не решавшихся ранее.

Многие предпринимательские организации не смогли сохранить коллектив, что зачастую приводило к тому, что им приходилось конкурировать со своими вчерашними работниками. Кроме этого на открытый рынок пришли иностранные предпринимательские

организации с опытными иностранными специалистами, которые, имея все необходимые ресурсы, (как кадровые, организационные, так и материально-технические) смогли составить существенную конкуренцию отечественным предпринимательским организациям, а в некоторых сферах фактически вытеснить отечественного производителя.

С момента распада СССР прошла уже практически четверть века, в значительной степени общество избавилось от того «дикого» предпринимательства, которым было пронизано общество в 90-х годах и начале 00-х, хотя в некоторых сферах состояние дел, к сожалению, оставляет желать лучшего и по сей день.

Современная социально-экономическая реальность ставит перед предпринимательскими организациями задачи по повышению конкурентоспособности производимых ими товаров, а также выполняемых работ и услуг, что в свою очередь требует решения множества различных задач, нуждающихся в дальнейшем научном осмыслении и проработке.

Одним из важнейших элементов конкурентоспособности, которому, зачастую, к сожалению, не уделяется достаточное внимание, является эффективность труда. Подчас и работники предпринимательских организаций не готовы к тому, чтобы их работа оценивалась в призме эффективности труда по определенным нормативам, и работодатели — предпринимательские организации не готовы оценивать эффективных работников с точки зрения определённых нормативов, опасаясь того, что придется доплачивать таким работникам за качество и количество выполняемой ими работы.

Между тем недавно Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «для России главный, узловой вызов — это низкая эффективность», при том, что «уровень потребления россиян сопоставимы с показателями в некоторых странах ЕС, однако Россия более чем в два раза уступает развитым странам по производительности труда»³, что подчеркивает актуальность данной проблемы даже в глазах главы государства.

Очевидно, что эти вопросы также нуждаются в дальнейшей научной проработке, также видится важной ведение работы по повышению финансовой грамотности населения, которому также не уделяется достаточного внимания. Среди множества прочих задач, необходимо поставить обеспечение осведомленности о сдельной оплате труда и об эффективности труда и том, как это может влиять на уровень заработной платы, а также о преимуществах как для работника, так и для работодателя.

Подобная работа должна вестись постоянно, проходить своего рода красной линией в процессе препо-

давания в школах и ВУЗах, прививая уважение к труду, желание и умение зарабатывать денежные средства на свои нужды, грамотно планировать свои траты, а также вести предпринимательскую деятельность.

В большинстве развитых стран именно малый и средний бизнес являются основными «работодателями» для большей части населения, а также выполняют важную роль драйверов рыночной экономики. В СМИ и научной литературе можно встретить такие мнения: «малый бизнес — основа рыночной экономики»⁴, «малый бизнес — важнейший элемент рыночной экономики, без которого не может гармонично развиваться государство»⁵, «без малого бизнеса общество и экономика не имеют возможности не только развиваться, но и существовать»⁶, а также многие другие аналогичные по своим выводам.

Между тем, до сих пор нередко отрицательное отношение к предпринимательству, как с точки зрения самостоятельного осуществления предпринимательской деятельности, так и с точки зрения оценки лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Литература

1. Глава государства посетил факультет журналистики БГУ // 2008, Пресс-служба Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/glava-gosudarstva-posetil-fakultet-zhurnalistiki-bgu-2750/
2. Горбань О.П. Роль малого бизнеса в рыночной экономике // 2000, Научно-теоретическая конференция МГТУ. URL: http://www.mstu.edu.ru/science/conferences/11ntk/materials/section8/section8_24.html
3. Малый бизнес понятие и роль в экономи-

ке // 2013, Библиотека Алекса Неста. URL: <http://alexnest.ru/malyj-biznes-ponyatie-i-rol-v-ekonomike/>

4. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // 2005, Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>
5. Путин: главное — повысить производительность труда // 2013, Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/33454>
6. Роль малого бизнеса в рыночной экономике определяет темп роста ВВП // 2014, Малый бизнес. URL: <http://businessideas.com.ua/manage-finances/malyj-biznes-v-ekonomike>

---

1 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // 2005, Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

2 Глава государства посетил факультет журналистики БГУ // 2008, Пресс-служба Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/glava-gosudarstva-posetil-fakultet-zhurnalistiki-bgu-2750/

3 Путин: главное - повысить производительность труда // 2013, Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/33454>

4 Малый бизнес понятие и роль в экономике // 2013, Библиотека Алекса Неста. URL: <http://alexnest.ru/malyj-biznes-ponyatie-i-rol-v-ekonomike/>

5 Горбань О.П. Роль малого бизнеса в рыночной экономике // 2000, Научно-теоретическая конференция МГТУ. URL: http://www.mstu.edu.ru/science/conferences/11ntk/materials/section8/section8_24.html

6 Роль малого бизнеса в рыночной экономике определяет темп роста ВВП // 2014, Малый бизнес. URL: <http://businessideas.com.ua/manage-finances/malyj-biznes-v-ekonomike>

УДК 330.112.2
ББК 65

О ВАЖНОСТИ ПРАВИЛЬНОЙ ФОРМУЛИРОВКИ ЦЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

БОТАГОЗ ТОЛЕБАЕВНА ЖАРЫЛГАСОВА,
доктор экономических наук, профессор кафедры
«Экономика и учет на предприятии»

Образовательной автономной некоммерческой организации
высшего образования (ОАНО ВО) «Международный славянский институт»;

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ СУГЛОВ,
доктор экономических наук, профессор кафедры
«Бухгалтерский учет и аудит»

Государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования Московской области «Технологический университет»;

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ САВИН,
доктор экономических наук, доцент кафедры «Экономика и учет на предприятии»
Образовательной автономной некоммерческой организации высшего образования
(ОАНО ВО) «Международный славянский институт»

Научная специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Говорится о значимости правильной формулировки цели экономического анализа и дается критическая оценка современной трактовки цели анализа, формулируемой менеджерами современных коммерческих организаций.

Ключевые слова: цель экономического анализа, дерево целей, целеполагание, чистая прибыль, скорость генерации доходов.

Annotation. The article describes the importance of the correct formulation of objective economic analysis and a critical assessment of contemporary interpretations purpose of analysis, formulated by managers of modern business organizations.

Keywords: the purpose of the economic analysis, tree of goals, goal setting, net profit rate of revenue generation

Несколько десятков лет назад в каждой российской организации были плановые отделы, занимавшиеся экономическим анализом, по результатам которого составлялись объемные отчеты, достойные уважения и внимания, информация которых учитывалась при составлении среднесрочных народнохозяйственных планов.

С появлением рыночных отношений плановые отделы в организациях были расформированы. И хотя сейчас бухгалтеры и проводят анализ, его рамки ограничиваются пояснительной запиской к финансовой отчетности. Цель анализа, проводимого бухгалтером, сильно отличается от цели анализа, проводимого экономистом-аналитиком. Бухгалтера, прежде всего, интересует доверие внешних пользователей к информации финансовой отчетности.

Между тем огромный по своим масштабам экономический кризис свидетельствует, что пора научиться

анализировать ситуацию.

Любой бизнес в идеале нуждается в постоянном экономическом анализе всей информации, способствующей его процветанию. Руководство организаций направляют колоссальные суммы на рекламу, но ни копейки не выделяют на проведение полноценного экономического анализа бизнеса и оценки возможностей достижения его целей. Кажется, они забыли о существовании такой возможности, как поиск решений путем проведения комплексного анализа.

Наряду с сокращением подготовки юристов, мы наблюдаем заявления о необходимости сокращения подготовки экономических кадров. Целесообразнее было бы, наоборот, пересмотрев учебную программу в сторону расширения знаний и навыков, усилить подготовку будущих экономистов. В особенности следовало бы рассмотреть возможность внесения изменений

во все специальные дисциплины по подготовке бакалавров и магистров экономических специальностей, включив получение ими знаний по информационным технологиям. Возможность использования современных инновационных технологий в области интернета шагнула далеко вперед, однако, учебные рабочие программы вузов практически не успевают за этим прогрессом.

Автоматизированные информационные технологии и интернет-возможности сильно расширяют методические рамки анализа и создают отличные условия для принятия правильных оперативных мер по его результатам, которые могут быть получены хоть через каждую минуту. И даже больше, можно сформировать общую базу информации в целях использования на федеральном уровне, объединяющую оперативную экономическую информацию по всем коммерческим организациям, чтобы своевременно заметить наметившиеся тенденции и в оперативном порядке предотвратить дисбаланс как в национальной экономике, так и в смете доходов и расходов государственного бюджета.

Однако эти фантастические возможности, имеющие реальную основу для воплощения в практику, пока не используются практически ни на одном из уровней национальной экономики.

Экономический анализ, объектом которого выступают социально-экономические процессы расширенного воспроизводства в инвестиционной, производственной, маркетинговой деятельности страны, региона, организации, структурных подразделений и бизнес-процессов, отражаемые в бюджете, учете и отчетности и других источниках информации, — требует серьезного подхода.

Познание причинно-следственных связей экономических явлений и процессов, которые участвуют в формировании результатов деятельности организации, то есть предмета экономического анализа, способствует раскрытию их сущности и выявлению резервов увеличения продаж, прибыли, обоснованию бюджетов (смет).

Сфера объектов и предметов аналитического исследования зависит от целей его проведения и наличия эффективного информационно-методического обеспечения анализа.

Любые резервы представляют собой не использованный потенциал, на основе рейтинга которых следует формулировать рекомендации для принятия обоснованных эффективных экономических решений.

Достижение цели экономического анализа строится на:

- оценке качества деятельности организации за исследуемый период;
- усилении оперативного контроля за деятельностью структурных подразделений;
- выработке мер, предотвращающих негатив-

ные явления в бизнесе;

- выявлении резервов улучшения финансовых результатов.

В качестве основных задач экономического анализа выступают:

- формулировка целей и задач;
- установление критериев и методов их оценки;
- выявление экономических тенденций, влияющих на деятельность организации;
- оценка качества нормирования, планирования и их исполнения;
- своевременное выявление внутренних резервов, способствующих улучшению результатов;
- подведение итогов аналитических исследований в специальном отчете;
- расчет бюджетов (смет) с учетом мобилизации внутренних резервов и устранения выявленных недостатков;
- контроль за исполнением бюджетов, ориентированный на эффективное использование ресурсов.

Экономический анализ как источник управленческой информации должен носить перманентный характер — перспективный анализ следует строить с учетом результатов достигнутых за предшествующие периоды.

В контексте изложенного, крайне важна правильная формулировка цели экономического анализа. Разумеется, еще на стадии его планирования. Как и аудит, комплексный экономический анализ должен быть предварительно тщательно распланирован и четко продуман методически.

При этом, как часть методики, следует заранее сформулировать цели и задачи, что требует знания аналитиками основ целеполагания. В противном случае от экономического анализа не следует ждать особых результатов, из-за нечеткой формулировки его целей еще на стадии планирования.

Цель и задачи служат основой методики проведения экономического анализа. Качество экономического анализа, как творческого процесса, сильно зависит от уровня квалификации и широты кругозора аналитика-методиста. Этот момент важен, ибо анализ, хотя и должен проводиться по определенной методике, но не под копирку, ибо каждый конкретный случай уникален и требуется, чтобы при планировании аналитических процедур были учтены специфические особенности организации и бизнеса.

Правильная методика экономического анализа позволяет в итоге ответить на следующие вопросы:

- 1) Что следует изменить?
- 2) На что следует изменить?
- 3) Каким путем можно достичь изменения?

На практике ничего подобного не проводится — ни на стадии планирования анализа, ни в процессе его проведения, ни на стадии его завершения. А когда не установлены цели, экономический анализ проводится специалистами поверхностно, для галочки и создания видимости загруженности какой-то «важной и нужной» работой.

Целеполагание — первичная фаза управления, включающая постановку генеральной цели и совокупности целей (дерева целей) в соответствии с назначением (миссией) системы, стратегическими установками и характером решаемых задач (2).

Любое планируемое развитие изначально предполагает целеполагание, в котором цель представляет собой субъективный образ желаемого состояния объекта. Центральное место цели и целеполаганию отводится в системном анализе, который и сам собственно начинается с формулировки целей.

Следует различать цель-результат в виде конкретной измеримой цели и цель-направление в виде идеальной качественной цели. Например, увеличение чистой прибыли в три раза, представляет собой цель-результат, а сокращение непроизводительных расходов — цель-направление.

Ускорению достижения целей способствует их конкретизация путем определения нескольких критериев, так как любую цель сложно выразить с помощью единственного критерия.

Достижение цели чаще всего сопровождается определенной совокупностью проблем, возникающих у конкурентов, ибо решение проблем одной организации порождает проблемы у других. Появление на рынке новой организации, оказывающей услуги по автоматизации ведения бухгалтерского учета, например, затрагивает интересы целого круга субъектов рынка конкретного региона. Налоговая инспекция региона получает от этого выгоду в виде увеличения собираемых налогов, жители города — в виде новых рабочих мест, вузы города — в виде мест для практики студентов, клиенты — в виде дополнительных возможностей выбора товара или услуги, а конкуренты, наоборот, несут убытки из-за потери прибыли (1).

Цель не статична и претерпевает со временем изменения, поэтому должна подвергаться систематической корректировке. Правильно сформулированными целями являются цели, которым свойственны:

- конкретность;
- измеримость;
- достижимость;
- согласованность;
- приемлемость;
- гибкость.

Одним из существенных этапов целеполагания яв-

ляется составление дерева целей, своеобразного чек-листа предполагаемых действий, способствующих их достижению. Построение дерева целей предполагает структурирование основной цели с разбивкой ее на составные элементы-подцели, каждую из которых в качестве цели разбивают на составные части, пока подцель не станет неделимой и объективно измеримой. Графически это выглядит в виде дерева целей, обращенного кроной вниз.

Целесообразно построить еще одно дерево — «дерево проблем», позволяющее взвесить все факторы, мешающие достижению цели. Для этого сначала следует кратко сформулировать ключевую проблему, затем и остальные проблемы, выстраивая их в «дерево».

Примером проблем, ограничивающих достижение целей, могут являться:

- большие расходы;
- не эффективная реклама;
- высокая арендная плата;
- отдаленность организации от метро и транспортных путей сообщения.

При анализе направлений решения возможных проблем строится усложненное «дерево целей», зеркально отражающее негативное дерево проблем. В качестве «веток» к этому дереву пристраиваются предполагаемые стратегии решения соответствующих проблем.

Кроме того, рекомендуется учитывать стратегии для достижения целей. Например, цель — уменьшить расходы, а стратегия — переехать в помещение меньшей площади; преимущества — ощутимое сокращение расходов, а недостатки — снижение имиджа организации, приводящее к уменьшению прибыли.

Таким образом, любая деятельность должна быть целенаправленной. Если же цель является размытой, нечеткой, то следует ввести критерии, позволяющие оценить степень ее достижения.

Окончательной формулировке цели должно предшествовать исследование решаемой проблемы, а именно, расширение ее до проблематики (определения и рассмотрения ключевой проблемы). Все элементы и этапы целеполагания должны найти отражение в «дереве целей объекта», «дереве проблем объекта» и «дереве целей субъекта с указанием возможных стратегий решения проблем» (1).

Проблема многих руководителей кроется в незнании целей управляемой им организации. Многие из них ошибочно полагают, что цель — производить много продукции для рынка настолько возможно эффективным способом. Но это неверное рассуждение. Между прочим, классическая цель у любой коммерческой организации одна, независимо от ее специализации, размеров производства, численности работников и наличия суперсовременного оборудования.

Многие аналитики часто занимаются просто жонглированием цифрами и словами «необходимо улучшить», «уровень рентабельности», «экономия материальных расходов». Методы многих аналитиков не более чем шаманский танец представителей вымирающего племени с целью изгнать дьявола, навещающего порчу на племя.

В действительности, никто из аналитиков обычно не задается базовым вопросом «Какова настоящая цель комплексного экономического анализа?». А между тем, многие экономисты и финансисты считают своим долгом, а то и целью организации — осуществление огромного количества закупок товарно-материальных ценностей. Для отдела закупок — конечно, цель — сделать огромные запасы по экономным ценам (и то не факт). Затем им приходится складировать все, что они закупили со скидкой в арендуемые склады — неизвестно, сколько времени они там пролежат.

Для сравнения, можно на распродаже затовариться мешками соды по выгодной цене, рассуждая, когда же она еще будет продаваться с 50% ной скидкой. Такие неразумные действия способствуют накоплению сверхнормативных материально-производственных запасов, связывающих миллионы рублей, которые были направлены на их приобретение по «хорошим ценам». Разве цель организации в колоссальных экономных закупках, замораживающих ликвидные активы?

Аналитику следует выявить возможность сокращения безвозвратных расходов и повышения ликвидности активов организации путем улучшения их структурного состава. Хороший финансист никогда не будет приобретать товар, который невозможно при необходимости быстро продать и превратить в наличность, равноценную стоимости его приобретения.

Проблемная ситуация порождается нерешенными потребностями, создавая объективную проблему в виде разности между требуемым и текущим состоянием. Например, для управления каким-либо процессом необходима информация, а для жизнедеятельности живых существ — кислород. Если все это имеется в достатке, то гипотетически не возникает особых проблем, а если потребность в них не удовлетворена, то гарантированно начинаются проблемы.

Выявление резервов — это всего лишь вершина айсберга под названием картина текущего состояния бизнеса. Результаты комплексного экономического анализа призваны помочь исследуемой организации в достижении конкретных целей ее бизнес-проектов. Например, просто выявление резервов роста производительности труда не имеет какого-либо смысла, если у руководства отсутствует понимание цели проводимого анализа. А ведь многие ошибочно считают, что цель анализа — выявить резервы улучшения.

Целью производственной организации, как бы это странно ни звучало, не является — производство продукции, и даже улучшение качества продукции в целях удовлетворения требований покупателей. Если бы это было так, то компании, подобные «Rolls-Royce Motor Cars», не находились бы на грани банкротства.

С позиции руководителя и владельца организации, недостаточно производить качественный продукт по эффективной технологии. Целью должно быть что-то другое. Если организация не будет поспевать за технологиями, у нее нет будущего. Технологии очень важны, однако, не они являются целью бизнеса.

Служит ли целью анализа комбинация эффективности, качества и технологии? Миллионы рублей качественной готовой продукции, изготовленной по современным технологиям, максимально эффективными способами, аккуратно и красиво разложенной по фирменным пакетам может лежать в ожидании покупателя до бесконечности. А если никто не купит? Ведь таких организаций много, вдруг конкуренты произведут более интересную для потребителей продукцию, и тогда прощай высококачественная, произведенная по новейшим технологиям, эффективно произведенная продукция? Ни одна организация не может осуществлять производство с единственной целью заполнять склады товарно-материальными ценностями. Цель — продажи.

Завоевание рынка — тоже не цель, хотя эта цель более важная, чем просто продажи. Если имеется большой объем продаж, значит у организации лучшие продажи. Для этого достаточно захватить рынок?

Безубыточность также не является целью создания организации, ибо она создается для того чтобы делать деньги. Действие, которое позволяет ей делать большие деньги следует оценивать, как производительное, а которое удаляет от цели — не производительное. В этом контексте, многие современные заводы, скорее всего, движутся не к цели, а от нее.

Более точная цель — чистая прибыль. Однако этот абсолютный показатель не способен дать аналитику достаточно информации.

Подумайте сами, конкретную величину чистой прибыли организация может получить в течение года, а может в течение месяца, а если сильно постарается, то и за неделю и того меньше. Это так, но она может получить эту сумму чистой прибыли только через 2-3, а то и 5-10 лет. Значит цель организации — все-таки чистая прибыль с учетом еще чего-то.

И тут возникает ответ. В качестве цели важна не просто конкретная чистая прибыль, а чистая прибыль, полученная насколько возможно быстрыми темпами. Мы как аналитики считаем скорость товарооборота в днях, а скорость оборота чистой прибыли ведь не считаем.

А что еще важно для коммерческой организации в качестве цели? Ликвидность капитала, в т.ч. активов. Аналитики знакомы показателями ликвидности бухгалтерского баланса, рассматривают их в тесной связке с активами организации. То есть очень важно, чтобы активы организации при необходимости можно было срочно продать, получив обратно свои денежные инвестиции. Но это не значит, что следует затоварить свои склады пользующимися спросом активами. В идеале активы не должны связывать деньги и не вырывать их из оборота без надобности. Как известно, доходность вложения в краткосрочные депозиты получаются намного безопаснее, чем хранение огромного количества активов на складах.

Впрочем, в редчайших ситуациях это может быть и выгодно. Например, если известно, что это дефицитные запчасти, пользующиеся спросом, и они организации всегда нужны, но скоро в связи с инфляцией деньги организации обесценятся и в этот период один рубль наличных денег будет равноценен трем рублям безналичных, а стоимость активов значительно возрастет. И многим организациям скоро придется продавать свои дебиторские задолженности на условиях факторинга за 70% стоимости, лишь бы получить для выплаты зарплаты или других важных целей наличные деньги. Но это ситуация, возникающая очень редко, поэтому ее возможность просто сбрасываем со счетов, чтобы она не мешала нам рассуждать.

Высокая скорость получения чистой прибыли (генерация чистой прибыли) базируется на скорости генерации операционных расходов. То есть руководитель организации должен стремиться делать инвестиции таким образом, чтобы при каких-то форс-мажорных обстоятельствах суметь быстро превратить их обратно в деньги.

Таким образом, целью любой коммерческой организации, в первую очередь, является получение чистой прибыли. В качестве дополнительных обеспечивающих достижение основной цели, следует подобрать систему вспомогательных подцелей:

- 1) повышение скорости генерации дохода;
- 2) увеличение связанного капитала;
- 3) повышение скорости операционных расходов.

При этом под скоростью генерации дохода следует понимать скорость генерирования системой денег посредством продаж, под связанным капиталом — деньги, вложенные системой в ликвидные закупленные ценности, а под операционными расходами — деньги,

которые система тратит на то, чтобы превратить связанный капитал в генерацию дохода. (3).

Начиная бизнес, надо все эти моменты серьезно взвесить. Произвести все необходимые расчеты, вплоть до исчисления проектной чистой прибыли, с учетом всех налогов и взносов. Не стоит и начинать, если согласно расчетам простой вклад денег на банковский депозит принесет больше доходов, чем инвестиции в бизнес без какой-либо гарантии, что все получится, как задумано.

Если у нас есть желание поднять национальную экономику, мы должны усилить и улучшить подготовку экономистов коренным образом, ставя акцент на привитие будущим специалистам практических навыков, чтобы они, покидая стены альма-матер, уходили аналитиками-профессионалами, в совершенстве владеющими инновационными технологиями. Мы сильно отстаем в части применения интернет-технологий в образовании, в лучшем случае ограничиваясь дистанционным обучением.

В процессе обучения студентов следует более эффективно применять информационные и коммуникационные возможности, предоставляемые интернетом. В программе многих специальных дисциплин отсутствует раздел о возможностях использования современных интернет-технологий. Через немного времени в вузы придет поколение молодежи, с первых дней жизни пользующееся смартфонами. Методы, которыми мы обучаем современных студентов, для них будут неприемлемыми и не эффективными.

Современное образование, как и современная экономика, больше нацелено на процесс, ее следует переориентировать на результат, одновременно прививая студентам навыки самостоятельной работы и аналитического мышления в нужном направлении.

97 -52%

Литература

1. Жарылгасова Б.Т., Савин В.Ю. Целеполагание как основа системного анализа [Текст] //Предпринимательство, М.: 2014. — №7. — С. 76-80.
2. Панов М. М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI [Текст]. - М.: Инфра-М, 2013. - 255 с.
3. Goldrait E.M., Jeff Cox. The Goal/ A Process of Ongoing Improvement. Forth Revised Edition [Text]/ — North River Press P.C., 2014, P 384.

УДК 630,6
ББК 65.34

МЕХАНИЗМ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

ГРИГОРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ТОЛПЫШЕВ,

*следователь отделения в сфере экономики отдела
по расследованию преступлений на обслуживаемой территории
Дзержинского района СУ УМВД России по г. Перми;*

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ СВЕТЛАКОВ,

*доктор экономических наук, профессор кафедры организации
производства и предпринимательства АПК
ПГСХА академика им. Д.Н. Прянишникова*

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

E-mail: grishatolp0987@mail.ru

E-mail: sag08perm@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются стратегические направления взаимодействия различных административных фискальных органов Пермского края в выявлении правонарушений и преступлений в ЛПК, а также представлена универсальная система обнаружения следов совершения преступления в сфере ЛПК и механизм реализации стратегических мероприятий.

Ключевые слова: ЛПК, незаконная рубка, латентная преступность, декриминализация, Лесной кодекс РФ.

Annotation. the article considers strategic directions of interaction of various bodies administrative fiscal authorities of Perm region in the identification of offenses and crimes in the forestry and presented with a universal system to detect traces of the crime in the sphere of forestry and the mechanism of implementation of strategic actions.

Keywords: Forestry, illegal logging, latent crime, decriminalization, The forest code RF.

2017 год признан в России Годом экологии и годом особо охраняемых природных территорий. Данное событие является очень важным для России, так как это означает, что работа по сохранению благоприятных экологических условий жизни, сохранению биологического разнообразия, популяризации и усилению системы особо охраняемых природных территорий станет еще более активной.

Охрана лесного хозяйства — особо важная задача как для сохранения народного богатства в целом, так и для здорового экономического развития отдельных регионов. Пермский край является одним из богатейших по обеспеченности территории лесом, именно на примере края дадим оценку экономической преступности в сфере лесопромышленного комплекса (ЛПК).

В настоящее время, особенно в так называемых «лесных» регионах, резко выросло число преступлений, связанных с незаконной вырубкой древесины. Согласно ст. 16 Лесного кодекса РФ рубками лесных насаждений (деревьев, кустарников, лиан в лесах) яв-

ляются процессы их спиливания, срубания, срезания, т.е. отделение различным способом ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня [2]. Незаконной, является рубка лесных насаждений с нарушением требований законодательства, например, рубка лесных насаждений без оформления необходимых документов.

В первую очередь, для решения такой проблемы, как латентная преступность в лесопромышленном комплексе необходимо объединение усилий правоохранительных, фискальных органов, а также органов по охране леса. Это обусловлено тем, что проблема затрагивает не только экологическую охрану, но и экономическую преступность. Взаимодействие полиции и лесничества, например, обусловлено тем, что за незаконную рубку возможно привлечение к административной ответственности, поэтому рейды совершаются совместно.

В 2012 году администрацией города Перми было принято решение о создании муниципального лесного контроля. Предметом лесного контроля является проверка соблюдения действующего лесного законо-

дательства юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими использование лесных участков, находящихся в муниципальной собственности города Перми.

Деятельность данного подразделения направлена, в первую очередь, на предупреждение, выявление и пресечение нарушений лесного законодательства и законодательства о соблюдении режима охраны ООПТ. К таким нарушениям относятся, например, самовольный захват земли, захламление территории недобросовестными юридическими лицами, незаконная вырубка деревьев, несоблюдение правил пожарной безопасности [9]. Мероприятия по лесному контролю осуществляется в виде выездных и документарных проверок.

Специалисты отдела по муниципальному лесному контролю в сотрудничестве с Пермским городским лесничеством проводят разъяснительные беседы с теми, кто допускает нарушения, а в случае необходимости направляют материалы в судебные органы для рассмотрения и привлечения виновных к административной ответственности.

Стоит отметить, что некоторые нарушения связаны с незаконной добычей песка в лесной зоне микрорайона Верхняя Курья. Значительная часть противоправных действий связана также с выгрузкой мусора на лесные участки. Встречались случаи использования территории хозяевами садовых участков, гаражей и автостоянок [13].

Лесной контроль тесно сотрудничает с органами внутренних дел, например, обращается за содействием в предотвращении и пресечении действий, препятствующих осуществлению лесного контроля или в случае выявления нарушений лесного законодательства [5].

Важно отметить работу МКУ «Пермское городское лесничество». Основные направления деятельности МКУ: реализация программы использования, охраны защиты и воспроизводства городских лесов; организация и проведение первичных мер по профилактике лесных пожаров; обеспечение соблюдения режимов охраны и пользования особо охраняемых природных территорий; другое [6]. Согласно Лесному кодексу РФ, граждане не имеют права самостоятельно заготавливать ели и другие хвойные деревья для новогодних праздников. Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев влечет за собой наказание в виде штрафов от трех до пятисот тысяч рублей, исправительные работы с возмещением ущерба или наказание вплоть до лишения свободы [7].

В этой связи с середины декабря каждого года Пермские лесники переходят на усиленный режим работы. Обходы лесных участков совершаются несколько раз в день, в вечернее время и выходные дни, проводятся рейды с участием полиции. Кроме того, организуются специальные ёлочные патрули, прове-

ряющие у водителей наличие лицензии на вырубку. Например, в декабре 2016 года сотрудниками ГКУ (лесничеств) совместно с территориальными органами МВД России по Пермскому краю было организовано специальное профилактическое мероприятие «Новогодняя ель», в рамках которого было проведено патрулирование лесов с использованием дорог общего пользования, проходящих по территории лесного фонда, а также с сотрудниками ГИБДД была организована работа 34 стационарных постов и 117 передвижных групп [10].

С целью установления прямой связи граждан и юридических лиц с Министерством природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края организована работа Единого телефонного номера («телефон доверия»), направленная для решения таких задач, как выявление и пресечение нарушений лесного законодательства, в том числе незаконных рубок и виновных лиц, причастных к ним, пожаров в лесу, иных фактов негативного воздействия на лесные насаждения, а также выявление фактов коррупционных проявлений при осуществлении государственных функций [8].

Совместно с главным фискальным органом края, налоговой службой ежегодно составляется реестр недобросовестных арендаторов, имеющих задолженность за использование лесов [12]. Лица, попавшие в данный список, не могут в дальнейшем заключать договоры на аренду лесных участков.

Таким образом, можно отметить высокую степень взаимосвязи и взаимодействия различных административных органов в пресечении и выявлении нарушений. Благодаря проведению контрольно-надзорной деятельности в области лесных отношений, разъяснительной работы, налаженному взаимодействию с правоохранительными органами, с федеральной службой безопасности, совместными специализированными профилактическими мероприятиями достигнуты стабильные положительные результаты — сокращение объемов незаконно вырубленной древесины в 2 раза, одновременно с этим сократился и ущерб, причиненный лесному фонду.

В целом, по результатам контрольно-надзорных мероприятий в 2016 году на территории Пермского края Министерством выявлено 453 лесонарушения, ущерб от которых составил 183,4 млн. руб., из них 431 — незаконная рубка (на 4,2 % меньше чем в 2015 году), объемом 27,3 тыс. м³ (соответствует уровню прошлого года) и ущербом 182,9 млн. руб. (на 0,2 % меньше чем в 2015 году) [9].

Раскрытие таких преступлений крайне затруднено ввиду того, что данные преступления совершаются в отдаленных от населенных пунктов мест. Свидетели таких преступлений чаще всего отсутствуют, а часть следов оказывается утраченными вследствие того, что они обнаруживаются, спустя некоторое время с момен-

та их совершения. В Пермском крае ввиду актуальности проблемы ежегодно совершенствуется механизм обнаружения следов незаконной вырубке леса, а также разрабатываются мероприятия по снижению данного вида преступности во всем Пермском крае.

На основании анализа научных трудов ВНИИ МВД России и ЭКЦ МВД России, практики производства трасологических экспертиз следов пиления в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Пермского края нами разработана универсальная система обнаружения следов преступления в ЛПК. Такая система заключается в проведении ряда мероприятий при осмотре места преступления, а также мест хранения, переработки и транспортировки лесопильных материалов [11].

Задачами осмотра является установление события и обстоятельств преступления; обнаружение следов преступления, транспортных средств; выявление лиц, причастных к совершенному преступлению, свидетелей; получение сведений для выдвижения и проверки версий о событии преступления и его участниках и другое.

Объектами осмотра являются: пилорамы, лесные участки лесхозов, прилегающая к пилорамам и лесхозам территория, склады (сортировочные площадки) лесхозов и пилорам; дороги, прилегающие к лесным участкам и пилорамам [15].

При осмотре мест преступлений внимание уделяется:

1. Следам пиления, спилов с пеньков, следам опор гидроманипулятора (чем-то деревья погружают);
2. Следам транспортных средств, масел (моторное, трансмиссионное, гидравлическое и др.), топлива (дизельное, бензин), следам-наслоениям на поверхностях деревьев частиц ЛКП;
3. Образцам почвы, мхов и растений (наиболее распространенных на данной территории);
4. Вещам, оставленным на месте происшествия возможным преступником (рукавицы, шапка).

В целях предотвращения утраты следов (дождь, снег, ветер), их поиск следует начинать с открытых территорий. Осмотр начинается с места, где хранилась древесина, либо была произведена незаконная рубка насаждений. Осмотр лесного участка необходимо начинать с месторасположения стоянки (козрище, шалаш и т.п.). В ходе осмотра должны быть учтены изменения, внесенные в обстановку места происшествия до прибытия следователя. Такие изменения могут появиться в результате запланированных или случайных действий.

Осмотр участка дороги, пилорамы, склада начинается с места, где была складирована похищенная древесина с целью обнаружения следов транспортных средств (от гусеничного трактора, крана, троса, лесовоза и т.п.), следов волочения, складирования леса [14].

На основе выявленных в ходе исследования сле-

дов диагностических признаков эксперт может сделать вывод о механизме слеодообразования, а также в каком инструменте, оставившем след, способе транспортировки и виде транспортного средства.

Для того чтобы собрать наиболее полную информацию о происшествии необходимо сделать осмотр следов распила и неполного распила, стружек. Также нами предлагается использование фототехники для проведения панорамной съемки места преступления. Однако стоит отметить, что проведение фотосъемки должно проводиться при следующих условиях: адекватные настройки аппаратуры (тональность, свет, цвет) к условиям погоды и времени суток осмотра. На наш взгляд, помимо использования GPS-навигатора, металлоискателя и фотоаппарата стоит взять с собой видеокамеру. Также положительно сказалась бы аэросъемка, но ввиду дороговизны и невозможности задействования вертолетов в некоторых районах, отличным решением станет использование квадрокоптеров.

На основе изложенного, представляем механизм реализации стратегических мероприятий по борьбе с лесными правонарушениями (рис. 1). Применение данного механизма является оптимизированным процессом для более эффективного выявления правонарушений в сфере ЛПК.

Стоит отметить, что при получении сообщения о совершенном преступлении следователь может привлечь к участию в осмотре собственника леса (гражданин, представитель юридического лица), государственных лесных инспекторов, представителей Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, а также представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации; специалиста-дендролога и других. Таким образом, подтверждается тот факт, что на всех этапах борьбы с латентными преступлениями необходимо взаимодействие всех территориальных органов, в чьи компетенции входят нарушения лесного законодательства.

Реализация данных мероприятий с учетом механизма их адаптации, позволит снизить количество фактов сокрытия следов преступления и как результат этого создаст условия для повышения уровня выявления скрытых экономических преступлений в ЛПК. Кроме того, уменьшит количество попыток хищений древесины в лесных массивах. Профилактические мероприятия, доверительные отношения граждан, взаимодействие заинтересованных лиц улучшат предпринимательский климат в сельских территориях и повысят моральную ответственность за данные правонарушения.

Несомненным улучшением работы сотрудников правоохранительных органов будет являться четкий алгоритм действий в направлении выявления и признаков обнаружения экономических преступлений в ЛПК.

Рис. 1 — Механизм реализации стратегических мероприятий по выявлению

Литература

1. Федеральный закон РФ от 5.07.1995г. № 144 — ФЗ «Об оперативно — розыскной деятельности».
2. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Консультант-Плюс.
3. Приказ МВД РФ от 04.04.2013г. № 001 «Об утверждении Наставления об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».
4. Приказ МВД РФ от 27.09.2013г. № 776 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно — розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».
5. Постановление Администрации г. Перми от 9 июля 2013 г. №559 «Об утверждении Административного регламента осуществления муниципального лесного контроля на территории г. Перми» (в ред. Постановления Администрации г. Перми от 10.07. 2014 № 461).
6. Управление по экологии и природопользованию администрации города Перми. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.prirodaperm.ru/kontakty/2015/04/13/2272>.
7. Решение от 23.10. 2012 № 229 «Об утверждении положения о муниципальном контроле в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий местного значения города Перми».
8. Важно знать (телефон доверия) / Официальный сайт Министерства природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://priroda.permkrai.ru/les-kontrol/tel_doveria/.
9. В Перми создан муниципальный лесной контроль от 23.10.2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gorodperm.ru/special/news/2012/10/23/19163-id/> Информационная о принятых в 2016 году мерах по выявлению и пресечению лесонарушений / Статистика / Официальный сайт Министерства природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://priroda.permkrai.ru/statistic>.

- Итоги проведения на территории Пермского края специального профилактического мероприятия «Новогодняя ель» / Статистика / Официальный сайт Министерства природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://priroda.permkrai.ru/statistic/>.
- Никишкин К.С. (Служба расследования преступлений МВД РСФСР) Следы на месте происшествия: Справочник следователям/ Под ред. В.Ф.Статкуса. — М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. — 80 с.
- Реестр недобросовестных арендаторов, имеющих задолженность за использование лесов на 25.10.2016.
- Специалисты управления по экологии пресекли 17 нарушений лесного законодательства от 20.09.2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gorodperm.ru/special/news/2013/09/20/22618-id/>.
- Справочник следователя: осмотр места происшествия / Под научной редакцией Г.В. Костылевой, Н.Е. Муженской. — М., 2010. — с. 313.
- Справочник криминалиста — трасолога / авт.-сост.: Ю. П. Фролов, Г. Н. Степанов. — Волгоград: ВА МВД России, 2007. — 216 с.
- мunicipal forest control in the territory of the city of Perm” (as amended by the Decree of administration of Perm from 10.07. 2014 № 461)
- Management on ecology and wildlife management of the Perm city administration. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.priodaperm.ru/kontakty/2015/04/13/2272>
- The decision from 23.10. 2012 № 229 “On approving the provisions on municipal control in the sphere of use and protection of especially protected natural territories of local value of city of Perm”
- It is important to know (helpline) / Official website of the Ministry of natural resources, forestry and ecology of Perm Krai. [Electronic resource] Mode of access: https://priroda.permkrai.ru/les-kontrol/tel_doveria/
- In Perm created municipal forest control from 23.10.2012. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.gorodperm.ru/special/news/2012/10/23/19163-id/>Информация adopted in 2016 measures to detect and prevent violations of forest / Stats / the Official site of the Ministry of natural resources, forestry and ecology of Perm Krai. [Electronic resource] Mode of access: <https://priroda.permkrai.ru/statistic>
- The results of conduct in the territory of the Perm edge the special preventive operations “tree” / Stats / the Official site of the Ministry of natural resources, forestry and ecology of Perm Krai . [Electronic resource] Mode of access: <https://priroda.permkrai.ru/statistic/>
- K. S. Nikishkin (office of investigation of crimes of the MVD of the RSFSR) Traces at the scene: investigators Handbook/ ed. by V. F. Statkus. — М.: wncs USSR, 1991. — 80 p.
- The registry of unscrupulous tenants in arrears for the use of forests for 25.10.2016
- Specialists of the Department of ecology stopped 17 of violations of forest legislation from 20.09.2013 [Electronic resource] Mode of access: <http://www.gorodperm.ru/special/news/2013/09/20/22618-id/>
- Reference investigator: examination of the scene / Under the editorship of G. V. of Maria Kostyleva, N. E. Murzinskoe. — М., 2010. — S. 313
- Handbook of forensic — scientist / ed.-comp.: Y. P. Frolov, G. N. Stepanov. — Volgograd: VA Ministry of interior of Russia, 2007. With -216

Reference

- Federal law of the Russian Federation from 5.07.1995 g. № 144 — FZ “About operatively — search activity”
- Forest code of the Russian Federation on 04.12.2006 N 200-FZ (ed. from 03.07.2016) (Rev. and EXT., joined. effective from 01.01.2017 // Consultant Plus
- Order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated 04.04.2013. No. 001 “On approval of the Instruction about the basics of organization and tactics of operational-investigative activity of internal Affairs bodies of the Russian Federation”
- The order of the RF Ministry of 27.09.2013 № 776 “On approval of the Instruction about the order of providing the results of investigative activities of the body of inquiry, investigator or the court”
- The decision of the Perm city Administration on 9 July 2013 №559 “On approval of Administrative regulations for the implementation of the

УДК 33
ББК 65

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

кандидат юридических наук,

доктор экономических наук, профессор

E-mail: nodari@unity-dana.ru;

АЙГУЛЬ ФАРГАТОВНА САМАТОВА,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность: 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности проводимой сегодня политики импортозамещения как фактора обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Автор проводит анализ и делает выводы.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, импортозамещение, Российская Федерация

Annotation. In this article we explore some peculiarities of the provided nowadays policy of import substitution as a factor of ensuring the economic security of the Russian Federation. The author makes an analysis and gives conclusions.

Keywords: security, economic security, import substitution, Russian Federation

Серьезные изменения современного международного геополитического ландшафта и нестабильность мировых рынков вынуждают многие государства устанавливать в качестве приоритетной задачу повышения уровня собственной экономической безопасности. Являясь одним из важнейших элементов национальной безопасности, экономическая безопасность характеризуется наличием системы, должное функционирование которой обеспечивает экономическую независимость государства, а также эффективность, конкурентоспособность, стабильность, устойчивости прогресс национальной экономики¹.

Безусловно, своеобразным триггерным механизмом стало бы относительное включение экономики Российской Федерации в международное разделение труда². При этом надо отметить, что подобная интеграция в мировое хозяйство, вызванная необходимостью активизации внешнеэкономических связей, всегда сопровождается увеличением количества рисков, избежать или снизить вероятность наступления которых возможно, если государство при этом проводит разумную, но одновременно и жесткую политику протекционизма. Опыт ведущих экономических держав показывает, что национальные интересы первоначально

отношению к любым глобальным схемам, региональным союзам и стратегиям их реализации.

Согласимся с мнением В.И. Авдинского и В.А. Дадалко, которые полагают, что в основе обеспечения национальной экономической безопасности лежит решение следующих задач:

- расширение импорта и сокращение экспорта капиталов;
- развитие высоких и новых технологий с помощью международных инвестиций, а также законодательное регулирование такой деятельности;
- расширение международного сотрудничества в научно-технической и технологической сферах;
- уменьшение зависимости от зарубежных государств и корпораций или полное избавление от такой зависимости в области современных высоких технологий независимо от отрасли их применения;
- расширение сфер сотрудничества с международными экономическими организациями³.

Наращение геополитической напряженности, ограничительные меры экономического характера со стороны Соединенных Штатов Америки и государств-

членов Европейского Союза, ухудшающийся тренд в национальной экономике России заставляют сегодня все чаще и громче говорить об импортозамещении, как одном ключевых факторов сохранения и развития российской экономики. Меры по импортозамещению, принимаемые в настоящее время руководством государства, позволили увеличить конкуренцию между российскими производителями, привлечь внимание инвесторов к внутренним проектам, разработать и применить меры по поддержке отечественных предприятий с тем, чтобы последние в будущем могли создавать конкурентоспособную продукцию.

Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин 17 июня 2016 г. на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума заявил: «Наша программа импортозамещения также нацелена на создание продукции, конкурентной на мировом рынке. И в этом смысле, хотел бы тоже это подчеркнуть, импортозамещение — это важный этап для наращивания несырьевого экспорта, для встраивания наших компаний в глобальные производственные и технологические альянсы, и не на вторых ролях, а в качестве сильных, эффективных партнеров»⁴.

При этом важно, на наш взгляд, понимать, что полная замена зарубежных товаров и технологий отечественными невозможна, а, в свою очередь, наложение абсолютного запрета на ввоз импортной продукции неизбежно приведет к снижению качества продукции российских предприятий. Также глава государства отметил, что Россия и после снятия соответствующих экономических санкций будет проводить активную политику импортозамещения особенно в тех отраслях, где можно вывести отечественную продукцию на мировой конкурентный уровень. В частности Президент Путин говорил о рынке продовольствия, легкой промышленности, производства программного обеспечения, энергетического оборудования и т.д.

Активная деятельность, основанная на труде высокой квалификации при условии, что обществом были четко сформулированы и поставлены соответствующие цели, придает динамизм и мобильность факторам производства как источникам развития. При этом одно лишь наличие значительных запасов природных ресурсов и углеводородного сырья на территории страны не является залогом успеха экономической политики государства и процветания общества⁵.

Участие государства в международном разделении труда может происходить по-разному. Например, во времена существования колоний развитые страны поставляли в менее развитые, как правило, готовую продукцию, в обратном же направлении «шли» сырье и полуфабрикаты. Несомненно, страны богатые сырьем должны учувствовать в международном разделении

труда через имеющиеся у них ресурсы⁶. Однако следует подчеркнуть, что если одновременно с указанными процессами государство не будет создавать и/или укреплять собственный промышленный потенциал, используя доходы от реализации сырья, то у местных элит достаточно быстро может сформироваться привычка получать легкие доходы⁷ без необходимости осуществления сложной и кропотливой работы по созданию, содержанию и совершенствованию своей современной промышленной базы⁸.

Представленная ситуация достаточно легко идентифицируется в современной российской экономике в нескольких стратегически важных для национальной экономической безопасности отраслях (см. Таблицу 1). При этом надо сказать, что отрасли, которые не связаны с длительным циклом производства товара, такие как, например, сельское хозяйство и сфера государственных закупок, уже демонстрируют положительную динамику, однако пищевая промышленность постепенно теряет свои позиции из-за снижения реальных доходов населения.

Таблица 1

Текущая и прогнозируемая доля импорта

Доля импорта	2014 г.	2020 г. (прогноз)
Станкостроение	88,4%	58%
Радиоэлектроника	82%	44%
Фармацевтика	80%	55%
Нефтегазовое машиностроение	60%	40%

Источник: Министерство промышленности и торговли Российской Федерации

Необходимо отметить тот факт, что импортозамещение в указанных отраслях напрямую зависит от привлечения зарубежных инвестиций, недостаток в которых остро ощущается в условиях имеющегося сегодня кризиса в экономике Российской Федерации. В целях нивелирования существующих проблем принят Федеральный закон⁹ «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 01.09.2016 г.), который предусматривает заключение специального инвестиционного контракта. Суть такого контракта состоит в создании промышленного производства на территории Российской Федерации посредством предоставления инвесторам отраслевых льгот и преференций, а также стабильных условий ведения бизнеса при условии выполнения обязательств¹⁰.

По нашему мнению, для привлечения иностранных инвестиций и создания эффективных предприятий и производств в субъектах Российской Федерации необходима грамотная политика местных властей, направленная на создание благоприятного инвестиционного климата, а также формирование, создание и привлечение высококвалифицированных кадров.

В заключение хотелось бы отметить, что политика импортозамещения — не панацея и не средство решения всех экономических проблем, имеющихся сегодня в России. Успех, характеризующийся достижением намеченных результатов, возможен, на наш взгляд, лишь через нахождение баланса между национальными интересами и международными обязательствами. Так, обеспечение высокого уровня экономической безопасности государства, а равно создание и развитие собственного промышленного потенциала в основном заключается в следующем:

- использование сырьевой доступности;
- диверсификация рисков;
- активное международное сотрудничество, позволяющее расширить импорт капитала;
- выход на качественно новый уровень научно-технического и технологического сотрудничества с зарубежными государствами.

Результатом выполнения всех указанных действий и мер в сфере импортозамещения должны стать появление и выход конкурентоспособных по качеству и цене российских товаров на мировой рынок¹¹.

1 Авдийский В.И., Дадалко В.А. Теневая экономика и экономическая безопасность государства: учеб. пособие. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. С. 254.

2 Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В. Конституционные основы и роль государства в регулировании экономики Российской Федерации // Международный журнал «Мировая экономика: проблемы безопасности», 2016, № 1. С. 45 – 47

3 Указ. соч. С. 259

4 Путин В.В. Импортозамещение – важный этап в развитии экономики России URL: <https://ria.ru/economy/20160617/1448961051.html> (дата обращения: 21.02.2017)

5 Хасбулатов Р.И. Мировая экономика: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 104

6 Предпринимательское право: учебник. 5-е издание. Эриашвили Н.Д., Коршунов М.Н., Алексей П.В., Петров И.В., Щербачева Л.В., Борякова С.А., Эриашвили М.И., Ткачев В.Н., Саудаханов М.В., Линева А.Н., Косов М.Е., Горелик А.П., Быструшкина И.В., Лобаков А.В., Сорокина А.Э. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, М.: 2010.

7 Проява С.М., Саудаханов М.В. Обеспечение экономической безопасности России посредством противодействия коррупции // Вестник Московского университета МВД России, 2008, № 10. С. 205 - 206

8 Хасбулатов Р.И. Мировая экономика: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 106

9 <http://base.garant.ru/70833138/>

10 Импортозамещение не означает отказ от международного сотрудничества // Минпромторг России URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!gleb_nikitin_my_ne_orientiruemya_na_izolyaciyu (дата обращения: 18.02.2017)

11 Импортозамещение: как избежать ошибок // Forbes URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/271103-importozameshchenie-kak-izbezhat-oshibok> (дата обращения: 20.12.2017)

Финансы и кредит. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика». 3-е издание. ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

Представлены теоретические основы устройства денежной и кредитно-финансовой системы страны, а также практика реализации финансово-кредитного механизма, современные проблемы этой сферы.

Третье издание существенно переработано и дополнено в соответствии с последними изменениями в области государственных финансов, финансов коммерческих организаций и кредита. Учтены изменения российского законодательства в финансово-кредитной сфере по состоянию на 1 марта 2017 г.

Для студентов и преподавателей экономических вузов, а также практических работников финансово-бюджетной и кредитной сферы.

УДК 338.22.021.1
ББК 65.9 (4)30

МАКРОКОНСТАНТЫ РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

ВЯЧЕСЛАВ НАУМОВИЧ ЮСИМ,

*доктор экономических наук, профессор кафедры
экономики промышленности РЭУ им. Г.В. Плеханова*

E-mail: vn62@yandex.ru;

АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГОВОРИН,

*доктор экономических наук, профессор,
декан факультета дополнительного профессионального
образования РЭУ им. Г.В. Плеханова*

E-mail: Govorin.AA@rea.ru;

ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ СВИРЧЕВСКИЙ,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики промышленности РЭУ им. Г.В. Плеханова*

E-mail: vad_1@bk.ru;

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КОСТИН,

*ассистент кафедры
экономики промышленности РЭУ им. Г.В. Плеханова*

E-mail: andreykostin@list.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проведенный анализ выявил существование долгосрочных макроконстант развития, позволяющих сравнивать характер экономической динамики различных стран. В основе макроконстант — выявление усредненного за 20 — 40 лет значения ускорения развития крупных технологически развитых стран мира, что позволило сравнить тенденции изменения эффективности экономики России и глобальных тенденций, характерных для совокупности таких союзов, как ОЭСР и БРИКС. Показано, что усредненная тенденция снижения эффективности экономики характерна для подавляющего большинства стран двух для мировой экономики в целом. При этом различия в экономической динамике стран Евросоюза позволило сделать вывод о фактической однонаправленности выгод для лидеров союза от тесноты экономических связей.

Однако возможности использования макроконстант развития в практической деятельности не ограничивается только анализом произошедших явлений — их прогнозный потенциал позволяет использовать выявленные тенденции для оптимизации макроэкономического развития и обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: фирма, прогнозирование, развитие, экономика, потенциал, макроконстанта, закономерность, экономическая безопасность.

Annotation. The analysis allowed to identify the existence of long-term macroconstants development, allowing to compare the nature of the economic dynamics of different countries. Based macroconstants — detection averaged over 20 — 40 years the value of acceleration of development of major technologically advanced countries, which allowed us to compare trends in efficiency of the Russian economy and the global trends together such unions as the OECD and the BRICS. It is shown that the average decreasing trend of efficiency of the economy characteristic for the vast majority of the countries for the world economy as a whole. The differences in the economic dynamics of the countries of the European Union has allowed to conclude about the actual of one-way benefits to Union leaders from the tightness of economic ties.

However, the usability of microcontent development in practice is not limited only to analysis of events and phenomena — their predictive capacity allows you to use trends to optimize macroeconomic development and economic security of the country.

Keywords: firm, forecasting, development, economics, potential, macroconstants, regularity, economic security.

В разных странах экономисты-теоретики утверждают, что тип экономического развития во второй половине XX века качественно изменился. Промышленные технологии перестали быть ведущими, а их место за-

няли информационные, финансовые, социальные. Технологии управления, политические, сферы услуг и т.п.

Но уже в начале XXI-го века мировым трендом стала реиндустриализации экономики [1]. Так,

США — ведущая промышленная держава мира, но в 2010 году ее Президент заявил о необходимости реиндустриализации. Причем, изучение мер правительства США по сохранению технологического лидерства позволяет считать, что политика реиндустриализации для США является только первым этапом стратегии возрождения промышленного базиса, «...второй этап — воссоздание высокотехнологичных производственных цепочек на базе технологических платформ и кластерных образований; третий — монополизация технологических ниш» [2].

Специалистам понятно, что если США решат третью задачу, то российская промышленность на много лет останется на периферии индустриального пространства. Монополизация технологических ниш — мощный и сознательно возводимый барьер на пути ускоренного развития технологически отставших стран.

Вместе с тем, рост промышленности России в 90-е годы, после глубочайшего спада, остановился в 1998 г. Даже в самые «тучные» двухтысячные годы рост был нулевым, а с 2006 г. стал отрицательным. Почему же «хотели, как лучше, а получилось, как всегда»? Было понимание необходимости «слезть с нефтяной иглы», желание это сделать и достаточные ресурсы. О последнем неоспоримо свидетельствуют размеры резервного фонда страны.

Речь, несомненно, должна идти о глубинных и фундаментальных причинах. То есть, следует признать, что, проблему не решит ни смена правительства, ни смена экономического курса. По большому счету, нет виноватых, а есть факт: ни рецепты практики и ни рецепты каких бы то ни было направлений экономической науки [3,4,5,6], пока, не позволили решить задачу индустриализации экономики.

Корни отсутствия решения уходят в экономическую теорию. Так, предельно убедительные доводы, приведенные экономистом с мировым именем Карлом Менгером [7], демонстрируют, что в рамках общепризнанной концепции Адама Смита о специализации и разделении труда, как первопричины «богатства народов», решить эту задачу невозможно. Менгер неопровержимо доказал, что «...если народ не ограничивается только оккупаторной деятельностью, т. е. собиранием находящихся налицо благ низшего порядка..., а переходит к благам третьего, четвертого и высшего порядка [то есть, использует технику для конечного производства и технику для производства этой техники], то при таких условиях мы будем в состоянии, конечно, найти у него, при наличии в то же время и целесообразного разделения труда, тот именно прогресс в благосостоянии, который Адам Смит был склонен приписать исключительно последнему обстоятельству» [7, стр.16].

Фактически, речь идет о том, что прогресс в благосостоянии людей всегда достигался не за счет специализации отдельных фирм на изготовлении определенных видов продукции, или рабочих на отдельных операциях, как считал Смит и продолжают считать большинство современных ученых-экономистов.

Львиную долю роста благосостояния в развитых странах обеспечил прогресс технологий.

Кроме того, не приходится сомневаться, что сегодняшние возможности роста экономики определяет уровень технологического и институционального развития страны, сложившийся вчера. Из чего следует, что отстающие сегодня страны, со временем, будут только наращивать свое отставание.

В целом, практика подтверждает такой вывод. Разрыв в уровне жизни технологически передовых и отстающих стран только увеличивается. При этом из общей тенденции есть, широко известные, исключения, которые, как не менее широко известно, не удастся повторить в других странах.

Налицо проблема: обосновать методологию, которая, при «старте с колен» и при мощном сопротивлении развитию институциональной среды, обеспечит выход экономики на уровень группы самых развитых стран мира. Для обоснования такой методологии необходимо активное обсуждение и даже проверка на локальных экспериментах нетрадиционных позиций и предложений. В частности, сравнение и анализ средние и долгосрочных тенденций темпов развития нашей страны с темпами развития наших конкурентов на мировой арене.

Кроме того, приоритетными следует рассматривать конкретные предложения по совершенствованию технологической и институциональной среды экономики и государства в целом. По большому счету, именно они должны рассматриваться, как первопричина наших неудач и успехов во взаимодействии с нашими партнерами или конкурентами.

Относительная эффективность развития России в XX веке

Повышение эффективности экономики любой страны было актуально во все времена. Для России эта задача, уже более ста лет, воспринимается, как необходимость избавление от сырьевой зависимости, ликвидация технологического отставания от передовых стран мира и обеспечение долгосрочного ускорения развития, способного вывести страну в группу технологических лидеров.

Показательно, что статистика демонстрирует, примерно одно и то же относительное отставание страны от технологического лидера мира — США вот уже более 100 лет. Все это время российский ВВП на душу населения составляло, примерно 30% от США¹.

При этом 1913 г. ВВП на человека в России был около 1500 долларов США, а в самих США около 4500 дол., а разница составила 4500 — 1500 = 3000 дол. То есть, каждый житель России в год получал на 3000 дол. меньше жителя США.

В 2015 г. ВВП на человека в России был 25400 долларов США, а в самих США 55800 дол. То есть российское ВВП на душу населения составило около 45% от США. Но с учетом существенной неравномерности процесса макроразвития, а также погрешности со-

временной методики международных сопоставлений, можно считать, что относительное отставание российской экономики в 2015 г. от США близко к тому же, что было в 1913.

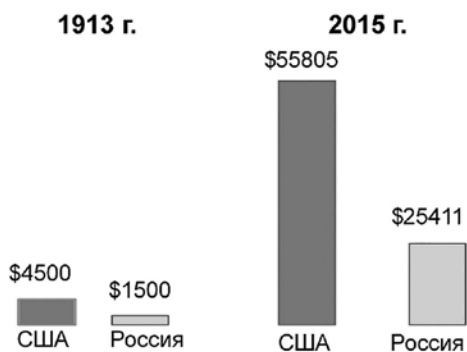
Но разница между ВВП на человека в США и в России составила: $55800 - 25400 = 30400$ дол. США. Это означает, что каждый житель России стал получать в год на 30000 дол. меньше жителя США. То есть, абсолютное отставание по доходу увеличилась в 10 раз. (см. рис 1).

Но что примечательно, Россия не одинока в постоянстве отставания от мирового технологического лидера. Подчеркнем, именно относительного. Так, серьезные экономические исследования позволяют утверждать, что за 100 лет (1870—1979гг.) среднее отношение производительности труда крупных технологически развитых стран мира² по отношению к США изменилось меньше чем на 12%, а при сравнении 1890 г. с тем же 1979 г. всего на 1,5% [8].

Но абсолютное отставание постоянно растет. Множество попыток, предпринятые за 100 лет, не привели к изменению тенденции. Последние 500 лет в мире технологический лидер постоянно менялся. США занимает его место вот уже более 100 лет, до них более 200 лет мировым технологическим лидером была Великобритания, до нее город-государство Амстердам.

Ни Россию, ни другие страны мира сложившаяся ситуация не устраивает, так же как не устраивает и ее краткосрочное изменение. Судя по усилиям и жертвам, которые принесли народы СССР и России в попытках войти в клуб мировых технологических лидеров, понимание необходимости технологического рывка давно проникло во все слои общества.

Необходимо понять, какие тенденции и перспективы развития характеризуют в XXI веке, так называемые, передовые страны мира и их соперников.

Рис. 1. Относительное и абсолютное соотношение ВВП на человека в США и России в течении 100 лет

Среднесрочные тенденции развития передовых и догоняющих стран мира.

В современном мире два крупнейших экономических союза стран характеризуют противостояние, по большому счету, двух идеологий: моно и полицентричного мира. Это союзы ОЭСР³ и БРИКС⁴.

Считается, что на долю стран ОЭСР приходится 60% мирового ВВП, а на долю БРИКС 27%. Обоснование новой макроэкономической характеристики: долгосрочной макроконстанты развития крупных технологически передовых стран [9,10,11] позволяет более достоверно, чем это было возможно ранее оценить перспективы развития стран двух союзов и определить желательные ориентиры развития.

Среднесрочные тенденции развития стран двух союзов характеризует динамика и средние значения удельного ускорения их развития, выраженное в значениях ускорения прироста) их ВВП, приходящегося на одного жителя в год.

Показатели роста абсолютного и удельного, то есть приходящегося на одного жителя страны, значения валового внутреннего продукта (ВВП) — наиболее распространенная характеристика развития экономики.

Статистика демонстрирует, что в подавляющем большинстве стран, минимум, последнюю тысячу лет, быстрее или медленнее, но в среднем, растет объем валового внутреннего продукта, создаваемого за год [11].

Вместе с тем, значение роста ВВП в единицу времени (год) — это скорость, или темп его роста. А увеличение темпа (скорости) роста годового ВВП — это его ускорение.

В условиях, когда темп роста ВВП у всех стран растет, условием лидерства, становится усредненная долгосрочная величина ускорения роста ВВП, а точнее, ускорение значения роста ВВП, приходящегося на одного человека.

Долгосрочное лидерство той или иной страны в технологической гонке обеспечивают столь же долгосрочные высокие темпы ее развития. Напомним, что ВВП — это сумма добавленных стоимостей, созданных, в основном, фирмами страны. То есть, устойчивая характеристика развития стран — важнейший ориентир развития фирм, в конкурентном соперничестве.

Анализ динамики экономического развития крупных развитых стран мира позволяет говорить, что на ближайшие 15 — 20 лет потенциал их развития может быть характеризован неким устойчивым количественным показателем. Это среднее значение ускорения темпов их развития, которое, в рамках специально выявленных ограничений, оказывается не зависящим от времени.

Наши исследования динамики развития самых крупных стран — технологических лидеров мира, позволяют выдвинуть и защитить следующее утверждение. После достижения определенного уровня развития, условно, вход в постиндустриальный период⁵, ускорение развития крупных технологически передовых стран характеризуют некие константы. Их удобно назвать «текущие макроконстанты развития».

Ниже будут представлены статистические данные, позволяющие продемонстрировать существование макроконстант и определить их значение.

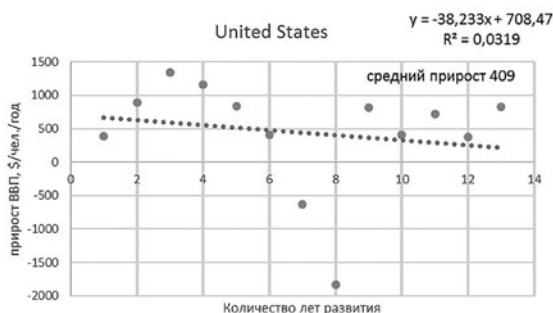
Подчеркнем, макроконстанты возникают только в долгосрочном периоде, а в среднесрочном имеется

возможность только определить тенденцию изменения ускорения развития, характеризующую конкретный временной период.

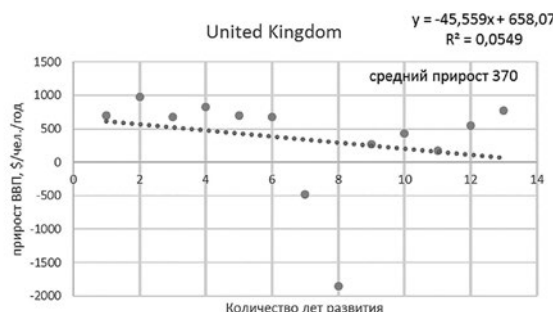
На рис. 2 -7 показаны графики линейной регрессионной зависимости макроконстант развития ведущих стран ОЭСР с 2000 по 2015 гг.

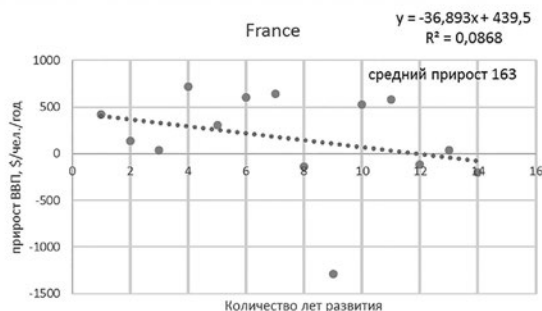
Рис. 2. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в США с 2000 по 2015 гг.

На первых четырех рисунках представлены типовые графики крупных стран, входящих в ОЭСР. Их характеризует снижающийся темп роста ВВП, его слабая связь со временем, выраженная очень малым значением коэффициента детерминации R и, главное, средним значением годового прироста ВВП на человека, значительно меньшим, чем это происходило ранее в долгосрочном периоде. На интервале в 20 -40 лет среднее ускорение развития всех этих стран находилось в диапазоне 450 — 600 долларов США (в долларах 2012 г.). На рисунках же видно, что только у одной страны — США, ускорение развития близко к 400 долларам США (против 600 ранее), а у остальных значительно ниже, вплоть до 2-х долларов США у Португалии.

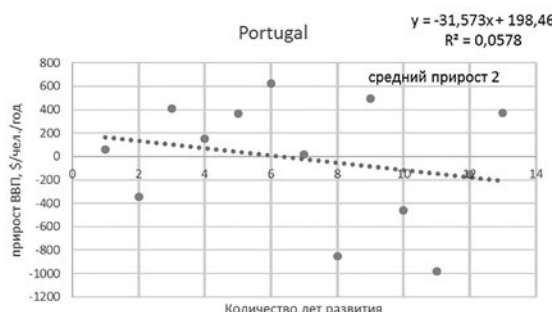
Из всех стран ОЭСР с населением выше 4 млн. человек, только у двух стран: Японии и Германии ускорение стабильно во времени, или растет. Причем, только у Германии его значение приближается к долгосрочному уровню.

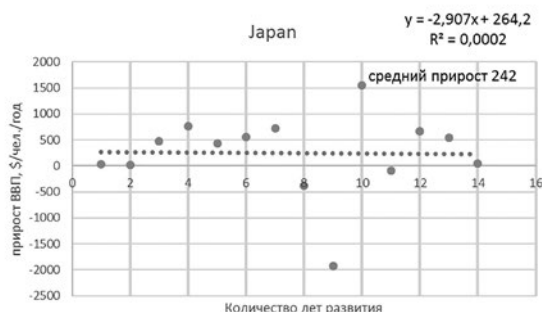
Рис. 3. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Великобритании с 2000 по 2015 гг.

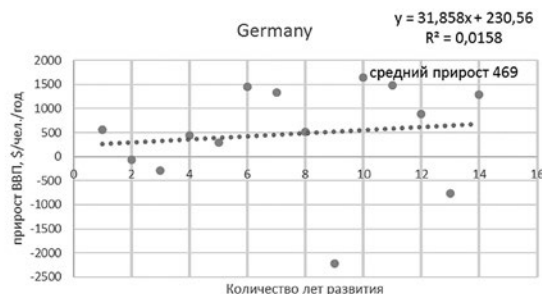
Рис. 4. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения во Франции с 2000 по 2015 гг.

Рис. 5. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Великобритании с 2000 по 2015 гг.

Рис. 6. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Японии с 2000 по 2015 гг.

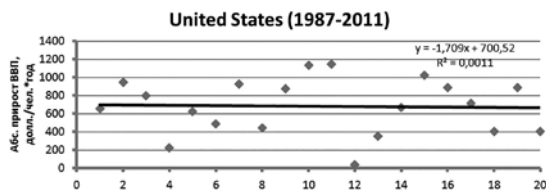

Рис. 7. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Германии с 2000 по 2015 гг.

Для сравнения долгосрочные значения крупных

развитых стран ОЭСР приведены в табл. 1, а также график долгосрочного ускорения США.

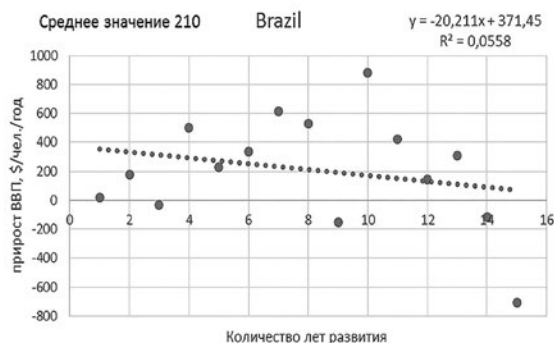

Рис. 8. Прирост (ускорение) ВВП на душу населения в США за 25 лет в периоды стабильного экономического развития (1987 — 2011гг.)

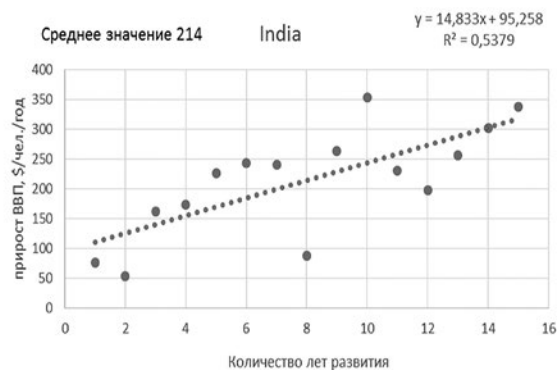
Долгосрочное ускорение США, практически не зависит от времени и приближается к 700 долларам.

В таблице 1 все значения долгосрочного ускорения стран выше, чем в краткосрочном, хотя они рассчитаны в долларах 2005г, что занижает их величину.

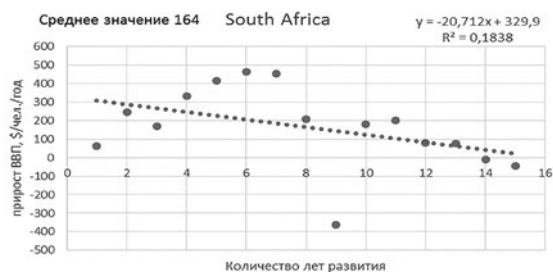
На рис. 9 — 13 показаны аналогичные зависимости ускорения ВВП от времени всех пяти стран БРИКС. Из графиков видно, что у трех из пяти стран возникла тенденция понижения ускорения развития, а у двух стран, формально, повышающаяся тенденция. Хотя в последние 9 лет, в Китае, фактически стабильный темп ускорения развития. Вполне возможно, что Китай вышел на макроконстанту развития, но на очень высоком уровне, близком к 800 долларам США в год.

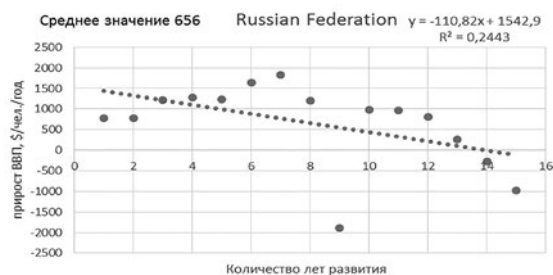
Рис. 9. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Бразилии с 2000 по 2015 гг.

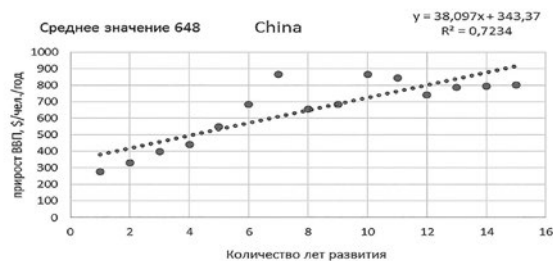
Рис. 10. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Индии с 2000 по 2015 гг.

Рис. 11. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Южно-Африканской республике с 2000 по 2015 гг.

Рис. 12. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в России с 2000 по 2015 гг.

Рис. 13. Темп роста (ускорение) ВВП на душу населения в Китае с 2000 по 2015 гг.

Сравнение динамик ускорения развития двух групп стран позволяет сделать три важных вывода.

Во-первых, господствующая тенденция в начале XX в. — спад экономического роста одинаково проявился в двух очень разных группах стран.

Во-вторых, есть все основания предполагать, что одна из стран БРИКС демонстрирует возможность выйти на долгосрочную макроконстанту развития, большую, чем у мирового технологического лидера — США.

В-третьих, способность экономики Китая выдерживать длительное время ускорение долгосрочного развития, большее, чем у США позволяет констатировать, что при сохранении сложившейся ситуации достаточно длительное время, Китай обгонит США не только по объему ВВП, что уже случилось, но и по качеству жизни населения.

Текущие макроконстанты развития крупных развитых стран мира

Страна	Макроконстанта, в долл. США 2005 г. на чел.		
	за весь период постиндустриального развития	за первые 20 лет достижения периода постинд. развития	за последние 20 лет после достижения периода постинд. развития
United States	639.8	505.4	683.7
Japan	555.6	611.0	531.3
Germany	568.4	588.7	561.7
France	412.5	406.7	400.8
United Kingdom	601.0	523.4	696.3
Italy	435.6	499.2	422.7
Korea, Rep.	837.4	837.4	837.4
Spain	468.4	477.2	461.0
Canada	549.3	515.6	591.5
Australia	514.7	477.9	560.3
Netherlands	592.8	571.7	615.3
Belgium	500.6	516.7	500.0
Greece	462.5	462.5	462.5

Последние два вывода очень важны для России, так как демонстрируют, что очень большая, а значит и высокоинерционная экономика, типа экономики России, способна набрать ускорение развития, выводящее ее, в перспективе, в технологические лидеры мира.

Этот вывод делает особенно актуальным обоснование и направлений, и практических методов резкого повышения качества экономики России.

Фактически, речь идет о совершенно необходимых шагах, обеспечивающих долгосрочную экономическую безопасность страны.

В ситуации России принципиально важно, что первая половина проблемы — обоснование направлений трансформации экономической системы, уже, практически, решена. Мало кто сомневается, что речь должна идти о повышении качества технологической и институциональной среды.

Тогда необходимо обосновать способ обеспечения начала развития в существующих неблагоприятных условиях. Или обеспечить эффективный «старт с колен».

Отсталость технологической среды всегда связана с отсталостью институциональной.⁶ Мы считаем, что решение задачи повышения качества институциональной среды связано с моделированием процесса развития по критерию качества экономико-технологической системы [1]. В этом случае госаппарат определяет только общую сумму средств на развитие и не имеет ни контактов с предприятиями, ни права распределять между ними ресурсы. В его функции входит только выделение общей суммы средств и конечный контроль результатов деятельности профинансированных предприятий. Контроль, который призван принять или доказательно опровергнуть вердикт абсолютно не-

подкупной автоматической системы оценки результата проекта.

Выводы

За предыдущие несколько десятилетий получены решения подавляющего большинства обозначенных и не названных задач, обсуждаемых выше [9].

Правоту или неправоту совокупности теоретических решений может определить только эксперимент. Катастрофически большой процент нобелевских работ по экономике, оказавшихся несостоятельными, а также практицизм Запада заставил относиться к теоретическим выводам, даже самых крупных экономистов мира, крайне скептически. Уже несколько десятков лет нобелевские премии выдают не за фундаментальные открытия, а за решения, скорее, частных задач, но подтвердивших свою состоятельность на практике.

Например, премия по экономике 2016 г. выдана «за вклад в теорию контрактов. ... Ее ценность заключается в том, что она сумела сгладить ряд недостатков и нереалистичных предположений стандартной неоклассической теории и формализовать идеи старых институционалистов».⁷

Не приходится сомневаться, что в теории контрактов, как и в любой другой области знаний, существует бесконечное поле для совершенствования практических методов и углубления теоретических решений. Вне сомнения, лауреаты решили ряд интересных задач и вышли на значимый практический результат. Вместе с тем, даже из описания заслуг новых лауреатов их сторонниками, складывается впечатление, что работа не может претендовать на статус фундаментальной.

Китай пришел к чуду необычайного ускорения эко-

номического развития огромной, а значит высоко инерционной хозяйственной системы своей страны, после ряда экономических экспериментов. Все успехи естественных наук объясняет главенство эксперимента.

Запад уже давно понял, что в сфере экономической науки значительно эффективнее тратить сравнительно небольшие ресурсы, чтобы «отделить зерна от плевел», чем потом сожалеть об искреннем заблуждении. Очень возможно, что предложенные модели управления развитием в условиях, явно, несовершенной технологической и институциональной среды смогут дать толчок росту эффективности столь важной для общества системы управления развитием. Теоретически доказать их корректность и даже довести до экспериментального образца невозможно. Но это можно сделать после их локальной экспериментальной проверки.

Литература

1. Говорин А.А., Свирчевский В.Д., Фиалковский Д.Г. Антикоррупционный ключ к управлению эффективностью экономики // Вестник экономической безопасности. — 2016. — «2». — С. 288-296.
2. Дьяченко О. В., Зарубежнов Е. С. Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия. // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 3 (45) С. 62 — 75. УДК: 330.342.23.
3. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики РАН. — 2015. — №1. — Стр. 10-29.
4. Бузгалин А., Колганов А. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. — 2016. — №1. — С. 63-80.
5. Мау В. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. — 2016. — №2. — С. 5-33.
6. Галанов В.А. Альтернативные варианты развития мирового хозяйства // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова, — 2015. — №4 (20). — С. 14-28.
7. Менгер К. Основания политической экономики. — М.: Территория будущего, 2005.
8. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Издательство АСТ, издательство CORPUS, 2015. — 736 с. ISBN: 978-5-17-092022-8
9. Управление промышленным развитием в условиях отсталой технологической среды / Монография. Под ред. Юсима В.Н., Свирчевского В.Д. — М. ИНФРА-М, 2016.
10. Bystrov A., Yusim V., Curtis T. Macroconstants of Development: A new benchmark for the strategic development of advanced countries and firms Int. J. of Business and Globalisation, 2015.
11. Быстров А., Юсим В., Фиалковский Д. Текущие константы макроэкономического развития стран — технологических лидеров // Вестник Института экономики РАН. — 2015. — №4. — С. 157-171.

1 Академик В.М. Полтерович в 2008 году говорил: «Надо осознать, что российский ВВП на душу населения составляет примерно 30% от американского. В 1913 году, кстати, была почти такая же цифра – 28%» Инновационного скачка не будет. Интервью корреспонденту STRF.ru Светлане Синявской. RusNanoNet.ru/articles/16376. 17 сентября 2008. Дата обращения 16.12.2015.

2 Приводится процент производительности средний для группы стран: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания, от США (ВВП на человеко-час США = 100%). См. Гайдар Е.Т. Долгое время. — М.: Дело, 2005. Пар. 3. Стр. 42.

3 Организация экономического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) — международная экономическая организация развитых стран. Материал из Википедии. Дата обращения 20.10.2016.

4 БРИКС (англ. BRICS — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. Материал из Википедии. Дата обращения 20.10.2016.

5 Оценивается по уровню ВВП на человека, при котором возникает значительная разница в величине курса национальной валюты и оценки паритета ее покупательной способности (ППС). Разница в значениях двух оценок валюты связана с разницей в технологических возможностях развитых стран и отстающих [1]. Также в рассматриваемых странах должна быть достаточно большая численность населения (см. критерий 1 ниже по тексту)

6 Пример тормозящего эффекта институциональной среды показан на модели теневой схемы перераспределения средств государственных программ развития в статье Говорина А.А., Свирчевского В.Д. и Фиалковского Д.Г. «Антикоррупционный ключ к управлению эффективностью экономики» (Вестник экономической безопасности. — 2016. - №2. — С. 288-296).

7 Теория контрактов: в чем суть открытий нобелевских лауреатов. Интернет ресурс. Дата обращения 20.10.2016. http://pikabu.ru/story/teoriya_kontraktov.